Изданіе А. А. Петровича.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО

сочиненіе

Н. М. Карамзина.

Томъ I-й. 3

Безплатное приложеніе къ журналу „Родная Рѣчь"—1903 г.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименов. ул., соб. д.
1903

30/-
4 vols

M. Dimnik
Oxford 2001

Н. Карамзинъ.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

ТОМЪ I.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 12-го декабря 1902 г.

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ благоговѣніемъ представляю Вашему Императорскому Величеству плодъ усердныхъ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ. Не хвалюся ревностію и постоянствомъ: ободренный Вами, могъ ли я не имѣть ихъ?

Въ 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я Вамъ, Государь, нѣкоторыя главы сей исторіи— объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя, Димитрія Донского — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ, сравнивали давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для Себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Россіею— но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава Александрова сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе Вашего добродѣтельнаго сердца равно Вашей славѣ, то Вы счастливѣе всѣхъ земнородныхъ.

Новая эпоха наступила. Будущее извѣстно Единому Богу; но мы, судя по вѣроятностямъ разума, ожидаемъ мира твердаго, столь вожделѣннаго для народовъ и Вѣнценосцевъ, которые хотятъ властвовать для пользы людей, для успѣховъ нравственности, добродѣтели, наукъ, искуствъ гражданскихъ, благосостоянія государственнаго и частнаго. Побѣдою устранивъ препятствія въ семъ истинно Царскомъ дѣлѣ, даровавъ златую тишину намъ и Европѣ, чего Вы, Государь, не совершите въ крѣпости мужества, въ теченіе жизни долговременной, обѣщаемой Вамъ и закономъ природы и теплою молитвою подданныхъ!

Бодрствуйте, Монархъ возлюбленный! Сердцевѣдецъ читаетъ мысли, исторія предаетъ дѣянія великодушныхъ царей, и въ самое отдаленное потомство вселяетъ любовь къ ихъ священной памяти. Пріимите милостиво книгу, служащую тому доказательствомъ. Исторія народа принадлежитъ Царю.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА

Декабря 8,
1815.

вѣрноподданный
Николай Карамзинъ.

Н. М. Карамзинъ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 г. въ одномъ изъ помѣстій своего отца, Михаила Егоровича. Родъ Карамзиныхъ—старинный дворянскій, ведетъ свое происхожденіе отъ татарскаго выходца Кара-Мурзы, который при царяхъ (когда, въ точности неизвѣстно) поступилъ на службу Москвы, принялъ крещеніе и получилъ земли въ Нижегородской губерніи, вмѣстѣ съ дворянскимъ званіемъ. Отецъ Карамзина, отставной капитанъ арміи, обладалъ характеромъ простымъ и добрымъ и отличался старорусскимъ гостепріимствомъ и обязательностью. Женатъ онъ былъ два раза и всю свою жизнь провелъ въ полномъ помѣщичьемъ довольствѣ. Николай Михайловичъ родился отъ первой его жены—Екатерины Михайловны, урожденной Пазухиной, скончавшейся скоро послѣ появленія на свѣтъ своего сына.

Дѣтство свое Карамзинъ провелъ на берегу рѣки Волги, и картины природы Поволжья оставили въ его душѣ сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

Какимъ путемъ научился онъ читать и писать — не вполнѣ извѣстно. Повидимому обязанности перваго наставника исполнялъ дьяконъ мѣстной церкви, съ которымъ Карамзинъ, по обычаю того времени, прочелъ сначала Часословъ, а затѣмъ перешелъ къ гражданскому шрифту, не представившему особенныхъ затрудненій, благодаря рѣдкимъ, блестящимъ способностямъ ребенка. Немного позже приставили къ нему еще и нѣмца-гувернера, предобродушнѣйшее, хотя и недалекое существо. Къ чтенію и одиночеству Карамзинъ, несмотря на то, что у него было три брата: Василій, Ѳедоръ и Александръ, — пристрастился очень рано. Читалъ онъ все, что попадало подъ руку и что можно было найти въ книжномъ шкафѣ.

Воображенія — той силы, которая неотразимо влечетъ человѣка на поприще писателя, художника, артиста, — было очень много удѣлено Карамзину отъ природы. Усиленное, хотя и безпорядочное чтеніе, разумѣется, должно было развить ту же способность. Карамзинъ читалъ запоемъ, затаивъ дыханіе, забывая рѣшительно обо всемъ. Забравшись куда-нибудь въ глушь сада, на берегъ Волги, онъ просиживалъ за книгами цѣлыми днями, забывая о завтракѣ и обѣдѣ, и только сильный дождь или гроза заставляли его опомниться и придти въ себя.

Когда въ домѣ бывали гости, Карамзинъ постоянно вертѣлся между ними. Его любили и ласкали. Привѣтливый, нѣсколько грустный мальчикъ любилъ карабкаться на колѣна отставныхъ воиновъ, слушать ихъ рѣчи, набивать имъ трубки, подавать угольки или трутъ. Но особенно ему нравились разсказы о побѣдахъ Миниха, о подвигахъ русскаго войска и другія имъ подобныя воспоминанія ветерановъ.

Въ дѣтствѣ Карамзинъ часто бывалъ въ Симбирскѣ и даже учился тамъ въ пансіонѣ нѣмца Фавеля, но чему и какъ — неизвѣстно.

13-ти или 14-ти лѣтъ Карамзинъ отправился въ Москву, гдѣ онъ и поступилъ въ университетскій пансіонъ Шадена.

Въ пансіонѣ было обращено особенное вниманіе на изученіе языковъ, и Карамзинъ, прилежно занявшись ими, вскорѣ сдѣлалъ большіе успѣхи, чѣмъ обратилъ на себя особенное вниманіе Шадена. Тотъ сталъ водить его съ собою къ знакомымъ иностранцамъ, чтобы доставить своему любимцу случай поупражняться по-французски или по-нѣмецки, давалъ ему читать хорошія книги и, кажется, предвидѣлъ уже въ немъ будущаго литератора. Вскорѣ Карамзинъ сталъ посѣщать университетскіе классы.

Такъ прошло четыре года. 18-ти лѣтъ Карамзинъ записался подпрапорщикомъ въ Преображенскій гвардейскій полкъ. Служба требовала его присутствія въ Петербургѣ; онъ отправился туда и первымъ дѣломъ познакомился съ своимъ родственникомъ по матери и будущимъ извѣстнымъ писателемъ Дмитріевымъ.

Еще болѣе Карамзинъ сблизился и подружился въ Петербургѣ съ старшимъ братомъ Ивана Ивановича, Александромъ Ивановичемъ, съ которымъ и началъ свои „словесные труды“.

Но какъ ни пріятны были словесные труды, юноша рвался къ геройскимъ подвигамъ и хотѣлъ „разить весь свѣтъ“, чтобы „прельстить женщинъ“. Разить весь свѣтъ значило въ то время воевать съ турками, и Карамзинъ сталъ проситься въ дѣйствую-

щую армію. Однако это ему не удалось и онъ разочарованный вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ въ это время умеръ его отецъ, оставивъ послѣ себя небольшое наслѣдство.

Въ Симбирскѣ его видѣлъ Дмитріевъ и нашелъ его „уже играющимъ роль надежнаго на себя свѣтскаго человѣка“. Такая жизнь не охладила однакожъ въ немъ прежней охоты къ словесности.

Разсѣянная свѣтская жизнь Карамзина продолжалась не долго. Его же землякъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, уговорилъ его ѣхать въ Москву, что и случилось въ концѣ 1784 года. Въ Москвѣ тотъ же Тургеневъ ввелъ Карамзина въ лучшій интеллигентный кружокъ того времени, собравшійся возлѣ знаменитаго книгоиздателя Новикова, гдѣ, по словамъ Дмитріева, онъ имѣлъ случай обращаться въ средѣ людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ.

Новиковъ предложилъ ему переводы разныхъ иностранныхъ сочиненій по педагогикѣ. Карамзинъ согласился, находя, что такое занятіе для него очень полезно, такъ какъ выработаетъ изъ него хорошаго переводчика. Уже въ этихъ переводахъ сказалась красота карамзинскаго слога, которая, чѣмъ дальше, все болѣе совершенствовалась. Такой изящный слогъ былъ тогда чѣмъ-то неслыханнымъ, и современники были въ восхищеніи отъ этого изящества. Карамзинъ первый показалъ, что и по-русски можно писать красиво. Надъ обновленіемъ нашей литературной рѣчи онъ много потомъ потрудился на протяженіи всей своей дальнѣйшей дѣятельности.

Въ результатѣ появилось „Дѣтское Чтеніе“.

„Дѣтскимъ Чтеніемъ“ Карамзинъ завѣдывалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ другомъ своимъ Петровымъ, личность котораго намъ неизвѣстна.

Четыре года пробылъ Карамзинъ среди членовъ „Дружескаго Общества“, постоянно занимаясь литературой. Кромѣ статей для „Дѣтскаго Чтенія“ онъ переводилъ философскіе и мистическіе трактаты, напримѣръ „Размышленія“ Штурма, сочиненія Галлера „О происхожденіи зла“ и мн. др. Въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ онъ главнымъ образомъ переводилъ, но однажды рискнулъ создать нѣчто оригинальное, въ результатѣ чего и появилась „Русская старинная повѣсть: Евгеній и Юлія“. Это была первая „чувствительная повѣсть“ на нашемъ языкѣ.

Въ 1787 г. Карамзинъ перевелъ трагедію Шекспира „Юлій Цезарь“, издалъ ее и предпослалъ переводу очень характерное при-

мѣчаніе. Здѣсь онъ называетъ Шекспира „однимъ изъ тѣхъ великихъ духовъ, коими славятся вѣка".

Вскорѣ послѣ „Юлія Цезаря" Карамзинъ перевелъ и знаменитую трагедію Лессинга „Эмилія Галотти".

Въ 1789 году Карамзинъ отправился путешествовать по Европѣ, результатомъ чего были его знаменитыя „Письма русскаго путешественника". Эти письма были изданы потомъ въ „Московскомъ журналѣ", въ которомъ, на ряду съ самимъ Карамзинымъ, принимали участіе Херасковъ, Державинъ, Хемницеръ, Богдановичъ и др. Но самое видное участіе въ журналѣ принадлежало Карамзину. Помимо „Писемъ", сыгравшихъ въ свое время столь важную роль и основательно познакомившихъ русскихъ съ Западомъ и его бытомъ, въ „Московскомъ журналѣ" появилось и нѣсколько стихотвореній Карамзина, а также рядъ его извѣстныхъ повѣстей: „Наталья боярская дочь", „Бѣдная Лиза" и проч. Всѣ эти повѣсти и письма были написаны въ духѣ сантиментализма, сущность котораго заключается въ томъ, что чувству отдается рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми остальными сторонами человѣческой природы. Успѣхъ названныхъ произведеній былъ колоссальный. Они не только читались всѣми, но даже заучивались наизусть, герои, выведенные авторомъ, становились любимыми идеалами молодежи и самое мѣсто дѣйствія „Бѣдной Лизы" — окрестности Симонова монастыря и такъ называемый Лизинъ прудъ, въ которомъ будто-бы утопилась бѣдная Лиза,—сдѣлались любимыми мѣстами сантиментальныхъ прогулокъ нашихъ мечтательныхъ дѣдушекъ и бабушекъ. Черезъ короткое время Карамзинъ прекратилъ, однако, журналъ, и издалъ напечатанныя тамъ произведенія отдѣльно. Продолжая дальше свои литературные труды, онъ попалъ наконецъ на свое настоящее призваніе—на исторію, и началъ свои историческіе опыты. Первымъ его произведеніемъ на этомъ поприщѣ должно считать „Похвальное слово Екатеринѣ Великой". „Слово" обратило вниманіе государя на талантъ автора. Въ 1801 г. была начата „Марѳа Посадница" и въ томъ же году И. В. Поповъ предложилъ Карамзину изданіе новаго журнала. Составился планъ новаго журнала „Вѣстника Европы". Успѣхъ журнала былъ неслыханный для того времени: болѣе 1.200 подписчиковъ на первый же годъ. „Вѣстникъ Европы" вмѣстѣ съ „Московскимъ журналомъ" составили собою еще новую эпоху въ русской журналистикѣ.

Несмотря на успѣшное изданіе „Вѣстника Европы", Карам-

зинъ рѣшился оставить его съ исходомъ второго года и окончательно посвятить свой талантъ составленію русской исторіи. Доброжелатели его довели это намѣреніе до Высочайшаго свѣдѣнія. Императоръ Александръ одобривъ его мысль, приказалъ выдавать Карамзину ежегодно по 2.000 рублей асс. и открыть ему архивы государства по званію „исторіографа". Тогда Карамзинъ приступилъ къ обозрѣнію, изслѣдованію и изученію историческихъ матеріаловъ и посвятилъ себя совершенно обработкѣ отечественной исторіи.

Въ 1816 году Карамзинъ поднесъ императору Александру первые 8 томовъ „Исторіи Государства Россійскаго" и получилъ на изданіе своего труда 60.000 руб. асс. Съ того времени Карамзинъ жилъ въ Петербургѣ, продолжая свой трудъ. Въ 1821 г. вышелъ 9-й томъ, въ 1824—10 и 11, а въ 1826 начало 12-го (Карамзинъ за смертью не успѣлъ его дописать и конецъ былъ изданъ потомъ Д. Н. Блудовымъ по бумагамъ, оставшимся послѣ покойнаго).

Среди публики „Исторія" имѣла огромный успѣхъ. Въ 25 дней всѣ 3,000 экземпляровъ перваго изданія успѣли совершенно разойтись и понадобилось второе изданіе.

Безпрерывная, напряженная работа въ послѣдніе годы жизни сильно надорвала здоровье Карамзина, и въ январѣ 1826 года онъ заболѣлъ чахоткой. Карамзинъ надѣялся, однако, поправить свое здоровье путешествіемъ въ Италію. Императоръ Николай I, узнавъ объ этомъ, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему на дорогу 50 т. р., и повелѣлъ для отправленія его снарядить фрегатъ, который уже былъ готовъ везти его на югъ, во Флоренцію, но Карамзинъ вскорѣ умеръ.

Незадолго до смерти Карамзинъ получилъ письмо отъ государя, въ которомъ послѣдній писалъ ему, между прочимъ: „И за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благодарную, безкорыстную къ нему привязанность, и за Себя Самого, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: „Русскій народъ достоинъ знать свою исторію". Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ Мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли Моей, которая, будучи съ Моей стороны одною только справедливостью, есть для Меня и священное завѣщаніе Им-

ператора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни". Пребываю вамъ всегда благосклонный (Царское Село, 13-го мая 1826 года).

Изъ приложеннаго указа Карамзинъ узналъ, что ему, а послѣ него семейству его, государь жалуетъ пятьдесятъ тысячъ рублей ежегодной пенсіи.

Умеръ знаменитый историкъ 22 мая 1826 года, въ Таврическомъ дворцѣ, въ которомъ онъ жилъ въ послѣднее время своей жизни, и похороненъ на кладбищѣ Невскаго монастыря.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая, зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство, и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство—сродно человѣку и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнью невѣжества, народъ съ жадностью внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они—истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными стра-

стями, правами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаетъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а Россійская — украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волгова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частью міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ Божественною вѣрою,

безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Өукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ, смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе россіянъ при Донскомъ, паденіе Новгорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ, Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный, Александръ Невскій; герой-юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуетъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра — и между сими двумя самодержавцами — удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный Лжедимитрій, и за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца; но исторія—не романъ, и міръ—не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ, путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Не будемъ суевѣрны въ нашемъ высокомъ понятіи о дѣеписаніяхъ древности. Если исключить изъ безсмертнаго творенія Өукидидова вымышленныя рѣчи, что останется? голый разсказъ о междоусобіи греческихъ городовъ: толпы злодѣйствуютъ, рѣжутся

за честь Аѳинъ или Спарты, какъ у насъ за честь Мономахова или Олегова дома. Немного разности, если забудемъ, что сіи полутигры изъяснялись языкомъ Гомера, имѣли Софокловы трагедіи и статуи Фидіасовы. Глубокомысленный живописецъ Тацитъ всегда ли представляетъ намъ великое, разительное? Съ умиленіемъ смотримъ на Агриппину, несущую пепелъ Германика; съ жалостью на разсѣянныя въ лѣсу кости и доспѣхи легіона Варова; съ ужасомъ на кровавый пиръ неистовыхъ римлянъ, освѣщаемыхъ пламенемъ Капитолія; съ омерзеніемъ — на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканскихъ добродѣтелей въ столицѣ міра: но скучныя тяжбы городовъ о правѣ имѣть жреца въ томъ или другомъ храмѣ и сухой некрологъ римскихъ чиновниковъ занимаютъ много листовъ въ Тацитѣ. Онъ завидовалъ Титу Ливію въ богатствѣ предмета; а Ливій, плавный, краснорѣчивый, иногда цѣлыя книги наполняетъ извѣстіями о сшибкахъ и разбояхъ, которые едва ли важнѣе половецкихъ набѣговъ. Однимъ словомъ, чтеніе всѣхъ исторій требуетъ нѣкотораго терпѣнія, болѣе или менѣе награждаемаго удовольствіемъ.

Историкъ Россіи могъ бы, конечно, сказавъ нѣсколько словъ о происхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново Введеніе въ исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствія и дѣйствующихъ; тогда знаемъ исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе; а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному? Такъ я мыслилъ и писалъ объ Игоряхъ, о Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ,

цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ, то не моя вина: я не могъ дополнять лѣтописи.

Есть три рода исторіи: первая — современная, напримѣръ Өукидидова, гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о происшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья, извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка*). Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображеніе дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтетъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ—и безмолвная крикика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя вопрошать мертвыхъ; говоримъ, что предали намъ современники; молчимъ, если они умолчали—или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право, неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій. Но мы, вопреки мнѣнію аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣеписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ естественная, такъ и гражданская исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть могло. Но исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи, однакожъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже критика; тѣмъ непозволительнѣе историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей; мыслить и говорить за героевъ, ко-

*) Только съ Петра Великаго начинаются для насъ словесныя преданія: мы слыхали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ о немъ, объ Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, многое,—чего нѣтъ въ книгахъ.

торые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Что жъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности?— порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь: долженъ знать всего цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита — въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, нѣмцы—Іоанномъ Мюллеромъ, и справедливо *): оба суть достойные совмѣстники древнихъ,—не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ!“ есть правило генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказъ нравственныя апофѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сіе желаніе блистать умомъ, или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствій и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ бытописателя, а хорошая отдѣльная мысль—даръ; читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ и благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ? Историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если бы онъ не излишно чуждался Англіи, не излишно хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія! Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда аѳинскаго грека, въ Ливіи—всегда римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше, оживляетъ повѣствованіе—и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

*) Говорю единственно о тѣхъ, которые писали цѣлую исторію народовъ. Феррерасъ, Даніель, Масковъ, Далинъ, Маллетъ не равняются съ сими двумя историками; но усердно хваля Мюллера (историка Швейцаріи), знатоки не хвалятъ его вступленіе, которое можно назвать геологическою поэмою,

Обращаюсь къ труду моему. Не дозволяя себѣ никакого изобрѣтенія, я искалъ выраженій въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ души и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ сближеніемъ частей; изображалъ не только бѣдствія и славу войны, но и все, что входитъ въ составъ гражданскаго бытія людей: успѣхи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось предками; хотѣлъ, не измѣняя своему вѣку, безъ гордости и насмѣшекъ, описывать вѣка душевнаго младенчества, легковѣрія, баснословія; хотѣлъ представить и характеръ времени, и характеръ лѣтописцевъ: ибо одно казалось мнѣ нужнымъ для другого. Чѣмъ менѣе находилъ я извѣстій, тѣмъ болѣе дорожилъ и пользовался находимыми; тѣмъ менѣе выбиралъ: ибо не бѣдные, а богатые избираютъ. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о такомъ-то князѣ, дабы онъ жилъ въ нашей памяти не однимъ сухимъ именемъ, но съ нѣкоторою нравственною физіономіею. Прилежно истощая матеріалы древнѣйшей россійской исторіи, я ободрялъ себя мыслію, что въ повѣствованіи о временахъ отдаленныхъ есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображенія: тамъ источники поэзіи! Взоръ нашъ, въ созерцаніи великаго пространства, не стремится ли обыкновенно—мимо всего близкаго, яснаго — къ концу горизонта, гдѣ густѣютъ, меркнутъ тѣни и начинается непроницаемость?

Читатель замѣтитъ, что описываю дѣянія не врознь, по годамъ и днямъ, но совокупляю ихъ для удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти. Историкъ — не лѣтописецъ: послѣдній смотритъ единственно на время, а первый—на свойство и связь дѣяній: можетъ ошибиться въ распредѣленіи мѣстъ, но долженъ всему указать свое мѣсто.

Множество сдѣланныхъ мною примѣчаній и выписокъ устрашаетъ меня самого. Счастливы древніе: они не вѣдали сего мелочнаго труда, въ коемъ теряется половина времени, скучаетъ умъ, вянетъ воображеніе: тягостная жертва, приносимая достовѣрности, однакожъ необходимая! Если бы всѣ матеріалы были у насъ собраны, изданы, очищены критикою, то мнѣ оставалось бы единственно ссылаться; но когда большая часть ихъ въ рукописяхъ, въ темнотѣ; когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпѣніемъ. Въ волѣ читателя заглядывать въ сію пеструю смѣсь, которая служитъ иногда свидѣтельствомъ, иногда объясненіемъ или дополненіемъ. Для охотниковъ все бываетъ любопытно: старое имя, слово; малѣйшая черта древности даетъ поводъ къ соображеніямъ. Съ XV вѣка уже менѣе выписываю: источники размножаются и дѣлаются яснѣе.

Мужъ ученый и славный, Шлецеръ, сказалъ, что наша исторія имѣетъ пять главныхъ періодовъ; что Россія отъ 862 года до Святополка должна быть рождающеюся (Nascens), отъ Ярослава до монголовъ раздѣленною (Divisa), отъ Батыя до Іоанна III угнетенною (Oppressa), отъ Іоанна до Петра Великаго побѣдоносною (Victrix), отъ Петра до Екатерины II процвѣтающею. Сія мысль кажется мнѣ болѣе остроумною, нежели основательною. 1) Вѣкъ св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не рожденія. 2) Государство дѣлилось и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянію и внѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи надобно означать періоды, то можно ли смѣшать въ одно время великаго князя Димитрія Александровича и Донского, безмолвное рабство съ побѣдою и славою? 4) Вѣкъ Самозванцевъ ознаменованъ болѣе злосчастьемъ, нежели побѣдою. Гораздо лучше, истиннѣе, скромнѣе исторія наша дѣлится на древнѣйшую отъ Рюрика до Іоанна III, на среднюю—отъ Іоанна до Петра, и новую—отъ Петра до Александра. Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе — второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ—третьей. Впрочемъ, нѣтъ нужды ставить грани тамъ, гдѣ мѣста служатъ живымъ урочищемъ.

Съ охотою и ревностью посвятивъ двѣнадцать лѣтъ, и лучшее время моей жизни, на сочиненіе сихъ осьми или девяти томовъ, могу по слабости желать хвалы и бояться охужденія; но смѣю сказать, что это для меня не главное. Одно славолюбіе не могло бы дать мнѣ твердости постоянной, долговременной, необходимой въ такомъ дѣлѣ, если бы не находилъ я истиннаго удовольствія въ самомъ трудѣ и не имѣлъ надежды быть полезнымъ, то-есть, сдѣлать Россійскую исторію извѣстнѣе для многихъ, даже и для строгихъ моихъ судей.

Благодаря всѣхъ, и живыхъ, и мертвыхъ, коихъ умъ, знанія, таланты, искусство служили мнѣ руководствомъ, поручаю себя снисходительности добрыхъ согражданъ. Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!

Декабря 7, 1815.

О народахъ, издревле обитавшихъ въ Россіи. — О славянахъ вообще.

ГЛАВА I.

Древнія свѣдѣнія грековъ о Россіи. — Путешествіе аргонавтовъ. — Тавры и киммеріане.—Гипербореи.—Поселенцы греческіе.—Ольвія, Пантикапея, Фанагорія, Танаисъ, Херсонъ. — Скиѳы и другіе народы. — Темный слухъ о земляхъ полунощныхъ.—Описаніе Скиѳіи.—Рѣки, извѣстныя грекамъ.—Нравы скиѳовъ, ихъ паденіе.—Митридатъ, геты, сарматы, алане, готы, венеды, гунны, анты, угры и болгары.—Славяне; ихъ подвиги.—Авары, турки, огоры.—Разселеніе славянъ.—Паденіе аваровъ.—Болгарія.—Дальнѣйшая судьба народовъ славянскихъ.

Сія великая часть Европы и Азіи, именуемая нынѣ Россіею, въ умѣренныхъ ея климатахъ была искони обитаема, но дикими, во глубину невѣжества погруженными народами, которые не ознаменовали бытія своего никакими собственными историческими памятниками. Только въ повѣствованіяхъ грековъ и римлянъ сохранились извѣстія о нашемъ древнемъ отечествѣ. Первые весьма рано открыли путь чрезъ Геллеспонтъ и Воспоръ Ѳракійскій на Черное море, если вѣрить славному путешествію аргонавтовъ въ Колхиду, воспѣтому будто бы самимъ Орфеемъ, участникомъ онаго, вѣковъ за XII до Рождества Христова. Въ семъ любопытномъ стихотвореніи, основанномъ, по крайней мѣрѣ, на древнемъ преданіи, названы Кавказъ (славный баснословными муками несчастнаго Прометея), рѣка Фазисъ (нынѣ Ріонъ), Меотисское или Азовское море, Воспоръ, народъ каспійскій, тавры и киммеріане, обитатели южной Россіи. Пѣвецъ Одиссеи также именуетъ послѣднихъ. „Есть народъ киммерійскій (говоритъ онъ) и городъ Киммеріонъ, покрытый облаками и туманомъ, ибо солнце не озаряетъ сей печальной страны, гдѣ безпрестанно царствуетъ глубокая ночь. Столь ложное понятіе еще имѣли современники Гомеровы о странахъ юго-восточной Европы; но басня о мра-

кахъ киммерійскихъ обратилась въ пословицу вѣковъ, и Черное море, какъ вѣроятно, получило оттого свое названіе. Цвѣтущее воображеніе грековъ, любя пріятныя мечты, изобрѣло гипербореевъ, людей совершенно добродѣтельныхъ, живущихъ далѣе на сѣверъ отъ Понта Эвксинскаго, за горами рифейскими, въ счастливомъ спокойствіи, въ странахъ мирныхъ и веселыхъ, гдѣ бури и страсти неизвѣстны; гдѣ смертные питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, блаженствуютъ нѣсколько вѣковъ и, насытясь жизнію, бросаются въ волны морскія.

Наконецъ, сіе пріятное баснословіе уступило мѣсто дѣйствительнымъ историческимъ познаніямъ. Вѣковъ за пять или болѣе до Рождества Христова, греки завели селенія на берегахъ черноморскихъ. Ольвія, въ 40 верстахъ отъ устья Днѣпровскаго, построена выходцами милетскими еще въ славныя времена Мидійской имперіи, называлась счастливою отъ своего богатства, и существовала до паденія Рима; въ благословенный вѣкъ Трояновъ образованные граждане ея любили читать Платона и, зная наизусть Иліаду, пѣли въ битвахъ стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагорія были столицами знаменитаго царства Воспорскаго, основаннаго азіатскими греками въ окрестностяхъ Киммерійскаго пролива. Городъ Танаисъ, гдѣ нынѣ Азовъ, принадлежалъ къ сему царству; но Херсонъ Таврическій (коего начало неизвѣстно) хранилъ вольность свою до временъ Митридатовыхъ. Сіи пришельцы, имѣя торговлю и тѣсную связь съ своими единоземцами, сообщили имъ вѣрныя географическія свѣдѣнія о Россіи южной, и Геродотъ, писавшій за 445 лѣтъ до Рождества Христова, передалъ намъ оныя въ своемъ любопытномъ твореніи.

Киммеріане, древнѣйшіе обитатели нынѣшнихъ губерній Херсонской и Екатеринославской,—вѣроятно, единоплеменные съ германскими цимбрами—за 100 лѣтъ до временъ Кировыхъ были изгнаны изъ своего отечества скиѳами или сколотами, которые жили прежде въ восточныхъ окрестностяхъ моря Каспійскаго, но вытѣсненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили послѣ великую часть южной Азіи и, наконецъ, утвердились между Истромъ и Танаисомъ (Дунаемъ и Дономъ), гдѣ сильный царь персидскій, Дарій, напрасно хотѣлъ отомстить имъ за опустошеніе Мидіи, и гдѣ, гоняясь за ними въ степяхъ обширныхъ, едва не погибло все его многочисленное войско. Скиѳы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизамъ или калмыкамъ; болѣе всего любили свободу; не знали никакихъ искусствъ, кромѣ одного: „вездѣ настигать непріятелей и вездѣ отъ нихъ скрываться“, однако же терпѣли греческихъ поселенцевъ въ странѣ своей, заимствовали отъ нихъ первыя начала гражданскаго образованія, и царь скиѳскій построилъ себѣ въ

Ольвіи огромный домъ, украшенный рѣзными изображеніями сфинксовъ и грифовъ.—Киллипиды, смѣсь дикихъ скиѳовъ и грековъ, жили близъ Ольвіи къ западу; алазоны—въ окрестностяхъ Гипаниса или Буга; такъ называемые скиѳы-земледѣльцы далѣе къ сѣверу, на обоихъ берегахъ Днѣпра. Сіи три народа уже сѣяли хлѣбъ и торговали имъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ 14 дняхъ пути отъ его устья (вѣроятно, близъ Кіева), между скиѳами-земледѣльцами и кочующими, было ихъ царское кладбище, священное для народа и неприступное для враговъ. Главная Орда, или Царственная, кочевала на востокъ до самаго Азовскаго моря, Дона и Крыма, гдѣ жили тавры, можетъ быть единоплеменники древнихъ киммеріанъ: убивая иностранцевъ, они приносили ихъ въ жертву своей богинѣ дѣвицѣ τῇ Παρθένῳ, и мысъ Севастопольскій, гдѣ существовалъ храмъ ея, долго назывался Παρθένιον. Геродотъ пишетъ еще о многихъ другихъ народахъ не скиѳскаго племени: агаѳирсахъ въ Седмиградской области или Трансильваніи, неврахъ въ Польшѣ, андрофагахъ и меланхленахъ въ Россіи: жилища послѣднихъ находились въ 4,000 стадіяхъ, или въ 800 верстахъ отъ Чернаго моря къ сѣверу, въ ближнемъ сосѣдствѣ съ андрофагами; тѣ и другіе питались человѣческимъ мясомъ. Меланхлены назывались такъ отъ черной одежды своей. Невры „обращались ежегодно на нѣсколько мѣсяцевъ въ волковъ“, то-есть зимою покрывались волчьими кожами.—За Дономъ, на степяхъ Астраханскихъ, обитали сарматы или савроматы; далѣе, среди густыхъ лѣсовъ, будины, гелоны (народъ греческаго происхожденія, имѣвшій деревянную крѣпость),—ирки, ѳиссагеты (славные звѣроловствомъ), а на востокъ отъ нихъ—скиѳскіе бѣглецы Орды Царской. Тутъ, по сказанію Геродота, начинались каменистыя горы (Уральскія) и страна аргиппеевъ, людей плосконосыхъ (вѣроятно, калмыковъ). Доселѣ ходили обыкновенно торговые караваны изъ городовъ черноморскихъ: слѣдственно мѣста были извѣстны, также и народы, которые говорили семью разными языками. О дальнѣйшихъ полунощныхъ земляхъ носился единственно темный слухъ. Аргиппеи увѣряли, что за ними обитаютъ люди, которые спятъ въ году шесть мѣсяцевъ: чему не вѣрилъ Геродотъ, но что для насъ понятно: долговременныя ночи хладныхъ климатовъ, озаряемыя въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ одними сѣверными сіяніями, служили основаніемъ сей молвы.—На востокъ отъ агриппеемъ (въ Великой Татаріи) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко отъ нихъ грифы стерегутъ золото: сіи баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляютъ думать, что драгоцѣнные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Сѣверъ вообще славился тогда своимъ богатствомъ или множествомъ золота. Упомянувъ о разныхъ

ордахъ, кочевавшихъ на востокъ отъ моря Каспiйскаго, Геродотъ пишетъ о главномъ народѣ нынѣшнихъ Киргизскихъ степей, сильныхъ массагетахъ, побѣдившихъ Кира, и сказываетъ, что они, сходствуя одеждою и нравами съ племенами скиоскими, украшали золотомъ шлемы, поясы, конскiе приборы и, не зная желѣза, ни серебра, дѣлали палицы и копья изъ мѣди.

Что касается собственно до Скиоiи Россiйской, то сiя земля, по извѣстiю Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлѣсною; только между Тавридою и Днѣпровскимъ устьемъ находились лѣса. Онъ за чудо сказываетъ своимъ единоземцамъ, что зима продолжается тамъ 8 мѣсяцевъ, и воздухъ въ сiе время, по словамъ скиоовъ, бываетъ наполненъ летающими перьями, то-есть снѣгомъ; что море Азовское замерзаетъ, жители ѣздятъ на саняхъ чрезъ неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на водѣ, густѣющей отъ холода; что громъ гремитъ и молнiя блистаетъ у нихъ единственно лѣтомъ.—Кромѣ Днѣпра, Буга и Дона, вытекающаго изъ озера, сей историкъ именуетъ еще рѣку Днѣстръ (Τύρης, при устьѣ коего жили греки, называемые тиритами), Прутъ (Πόρατα), Серетъ (Ορδησσός), и говорить, что Скиоiя вообще можетъ славиться большими судоходными рѣками; что Днѣпръ, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступаетъ въ величинѣ одному Нилу и Дунаю; что вода его отмѣнно чиста, прiятна для вкуса и здорова; что источникъ сей рѣки скрывается въ отдаленiи и неизвѣстенъ скиоамъ. Такимъ образомъ сѣверъ восточной Европы, огражденный пустынями и свирѣпостью варваровъ, которые на нихъ скитались, оставался еще землею таинственною для исторiи. Хотя скиоы занимали единственно южныя страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочiе народы сѣверные, какъ пишетъ самъ Геродотъ, были совсѣмъ иного племени; но греки назвали всю нынѣшнюю Азiатскую и Европейскую Россiю, или всѣ полунощныя земли, Скиоiею, такъ же какъ они безъ разбора именовали полуденную часть мiра Эоiопiею, западную—Кельтикою, восточную—Индiею, ссылаясь на историка Эфора, жившаго за 350 лѣтъ до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщенiе съ образованными греками, скиоы еще гордились дикими нравами своихъ предковъ, и славный единоземецъ ихъ, философъ Анахарсисъ, ученикъ Солоновъ, напрасно хотѣлъ дать имъ законы аоинскiе, былъ жертвою сего несчастнаго опыта. Въ надеждѣ на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага; пили кровь убитыхъ непрiятелей, выдѣланную кожу ихъ употребляли вмѣсто одежды, а черепы—вмѣсто сосудовъ, и въ образѣ меча поклонялись богу войны, какъ главѣ другихъ мнимыхъ боговъ.

Могущество скиѳовъ начало ослабѣвать со временъ Филиппа Македонскаго, который, по словамъ одного древняго историка, одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду не превосходствомъ мужества, а хитростію воинскою, и не нашелъ въ станѣ у враговъ своихъ ни серебра, ни золота, но только женъ, дѣтей и старцевъ. Митридатъ Эвпаторъ, господствуя на южныхъ берегахъ Чернаго моря и, завладѣвъ Воспорскимъ царствомъ, утѣснилъ и скиѳовъ: послѣднія ихъ силы были истощены въ жестокихъ его войнахъ съ Римомъ, коего орлы приближались тогда къ нынѣшнимъ Кавказскимъ странамъ. Россіи. Геты, народъ ѳракійскій, побѣжденный Александромъ Великимъ на Дунаѣ, но страшный для Рима во время царя своего, Беребиста Храбраго, за нѣсколько лѣтъ до Рождества Христва отнялъ у скиѳовъ всю землю между Истромъ и Борисѳеномъ, т.-е. Дунаемъ и Днѣпромъ. Наконецъ сарматы, обитавшіе въ Азіи близъ Дона, вступили въ Скиѳію и, по извѣстію Діодора Сицилійскаго, истребили ея жителей или присоединили къ своему народу, такъ что особенное бытіе скиѳовъ исчезло для исторіи; осталось только ихъ славное имя, коимъ несвѣдующіе греки и римляне долго еще называли всѣ народы мало извѣстные и живущіе въ странахъ отдаленныхъ.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) дѣлаются знамениты въ началѣ христіанскаго лѣтосчисленія, когда римляне, занявъ Ѳракію и страны Дунайскія своими легіонами, пріобрѣли для себя несчастное сосѣдство варваровъ. Съ того времени историки римскіе безпрестанно говорятъ о семъ народѣ, который господствовалъ отъ Азовскаго моря до береговъ Дуная и состоялъ изъ двухъ главныхъ племенъ, роксоланъ и язиговъ; но географы, весьма некстати назвавъ Сарматіею всю обширную страну Азіи и Европы, отъ Чернаго моря и Каспійскаго съ одной стороны до Германіи, а съ другой—до самой глубины сѣвера, обратили имя сарматовъ (подобно какъ прежде скиѳское) въ общее для всѣхъ народовъ полунощныхъ. Роксолане утвердились въ окрестностяхъ Азовскаго и Чернаго моря, а язиги скоро перешли въ Дакію, на берега Тисы и Дуная. Дерзнувъ первые тревожить римскія владѣнія съ сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикаго варварства съ гражданскимъ просвѣщеніемъ, которая заключилась наконецъ гибелью послѣдняго. Роксолане одержали верхъ надъ когортами римскими въ Дакіи: язиги опустошали Мизію. Еще военное искусство, вслѣдствіе непрестанныхъ побѣдъ въ теченіе восьми вѣковъ, обуздывало варваровъ и часто наказывало ихъ дерзость; но Римъ, изнѣженный роскошью, вмѣстѣ съ гражданскою свободою утративъ и гордость великодушную, не стыдился золотомъ покупать дружбу

сарматовъ. Тацитъ именуетъ язиговъ союзниками своего народа, и сенатъ, рѣшивъ прежде судьбу великихъ государей и міра, съ уваженіемъ встрѣчалъ пословъ народа кочующаго.—Хотя война Маркоманская, въ коей сарматы присоединились къ германцамъ, имѣла несчастныя для нихъ слѣдствія, хотя, побѣжденные Маркомъ Авреліемъ, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако же, кочуя въ южной Россіи и на берегахъ Тибиска или Тисы, долго еще безпокоили набѣгами римскія владѣнія.

Почти въ одно время съ язигами и роксоланами узнаемъ мы и другихъ—вѣроятно, единоплеменныхъ съ ними—обитателей юго-восточной Россіи, аланъ, которые, по извѣстію Амміана Марцеллина, были древніе массагеты и жили тогда между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Они, равно какъ и всѣ азіатскіе дикіе народы, не обрабатывали земли, не имѣли домовъ, возили женъ и дѣтей на колесницахъ, скитались по степямъ Азіи даже до самой Индіи сѣверной, грабили Арменію, Мидію, а въ Европѣ—берега Азовскаго и Чернаго моря; отважно искали смерти въ битвахъ и славились отмѣнною храбростью. Къ сему народу многочисленному принадлежали, вѣроятно, аорсы и сираки, о коихъ въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія упоминаютъ разные историки и кои, обитая между Кавказомъ и Дономъ, были и врагами, и союзниками римлянъ. Алане, вытѣснивъ сарматовъ изъ юго-восточной Россіи, отчасти заняли и Тавриду.

Въ третьемъ вѣкѣ приблизились отъ Балтійскаго къ Черному морю готѳы и другіе народы германскіе, овладѣли Дакіею, римскою провинціею со временъ Трояновыхъ, и сдѣлались самыми опасными врагами имперіи. Переплывъ на судахъ въ Азію, готѳы обратили въ пепелъ многіе города цвѣтущіе въ Виѳиніи, Галатіи, Каппадокіи и славный храмъ Діаны въ Ефесѣ, а въ Европѣ опустошили Фракію, Македонію и Грецію до Мореи. Они хотѣли, взявъ Аѳины, истребить огнемъ всѣ книги греческія, тамъ найденныя; но приняли совѣтъ одного умнаго единоземца, который сказалъ имъ: „Оставьте грекамъ книги, чтобы они, читая ихъ, забывали военное искусство и тѣмъ легче были побѣждаемы нами". Ужасные свирѣпостью и мужествомъ, готѳы основали сильную имперію, которая раздѣлялась на Восточную и Западную, и въ IV столѣтіи, при царѣ ихъ, Эрманарихѣ, заключала въ себѣ не малую часть Россіи Европейской, простираясь отъ Тавриды и Чернаго моря до Балтійскаго.

Готскій историкъ VI вѣка, Іорнандъ, пишетъ, что Эрманарихъ, въ числѣ многихъ иныхъ народовъ, побѣдилъ и венедовъ, которые, обитая въ сосѣдствѣ съ эстами и герулами, жителями береговъ Балтійскихъ, славились болѣе своею многочисленностью,

нежели искусствомъ воинскимъ. Сіе извѣстіе для насъ любопытно и важно, ибо венеды, по сказанію Іорнанда, были единоплеменники славянъ, предковъ народа россійскаго. Еще въ самой глубокой древности, лѣтъ за 450 до Рождества Христова, было извѣстно въ Греціи, что янтарь находится въ отдаленныхъ странахъ Европы, гдѣ рѣка Эриданъ впадаетъ въ Сѣверный океанъ и гдѣ живутъ венеды. Вѣроятно, что финикіяне, смѣлые мореходцы, которые открыли Европу для образованныхъ народовъ древности, не имѣвшихъ о ней свѣдѣнія, доплывали до самыхъ береговъ нынѣшней Пруссіи, богатыхъ янтаремъ, и тамъ покупали его у венедовъ. Во время Плинія и Тацита, или въ первомъ столѣтіи, венеды жили близъ Вислы, и граничили къ югу съ Дакіею. Птолемей, астрономъ и географъ II столѣтія, полагаетъ ихъ на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, сказывая, что оно издревле называлось Венедскимъ. Слѣдственно, ежели славяне и венеды составляли одинъ народъ, то предки наши были извѣстны и грекамъ, и римлянамъ, обитая на югѣ отъ моря Балтійскаго. Изъ Азіи ли они пришли туда, и въ какое время—не знаемъ. Мнѣніе, что сію часть міра должно признавать колыбелью всѣхъ народовъ, кажется вѣроятнымъ, ибо, согласно съ преданіями священными, и всѣ языки европейскіе, несмотря на ихъ разныя измѣненія, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторое сходство съ древними азіатскими; однакожъ мы не можемъ утвердить сей вѣроятности никакими дѣйствительно историческими свидѣтельствами и считаемъ венедовъ европейцами, когда исторія находитъ ихъ въ Европѣ. Сверхъ того они самыми обыкновеніями и нравами отличались отъ азіатскихъ народовъ, которые, приходя въ нашу часть міра, не знали домовъ, жили въ шатрахъ или колесницахъ и только на коняхъ сражались; Тацитовы же венеды имѣли домы, любили ратоборствовать, пѣніе и славились быстротою своего бѣга.

Конецъ четвертаго вѣка ознаменовался важными происшествіями. Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая, доходятъ чрезъ неизмѣримыя степи до юго-восточной Россіи, нападаютъ—около 377 года—на аланъ, готовъ, владѣнія римскія, истребляя все огнемъ и мечомъ. Современные историки не находятъ словъ для описанія лютой свирѣпости и самаго безобразія гунновъ. Ужасъ былъ ихъ предтечею, и столѣтній герой Эрманарихъ не дерзнулъ даже вступить съ ними въ сраженіе, но произвольною смертію спѣшилъ избавиться отъ рабства. Восточные готы должны были покориться, а западные—искали убѣжища во Фракіи, гдѣ римляне, къ несчастію своему, дозволили имъ поселиться: ибо готы, соединясь съ другими мужественными германцами, скоро овладѣли большею частью имперіи.

Исторія сего времени упоминаетъ объ антахъ, которые, по извѣстію Іорнанда и византійскихъ лѣтописцевъ, принадлежали вмѣстѣ съ венедами къ народу славянскому. Винишаръ, наслѣдникъ Эрманариха, царя готѳскаго, былъ уже данникомъ гунновъ, но хотѣлъ еще повелѣвать другими народами: завоевалъ страну антовъ, которые обитали на сѣверъ отъ Чернаго моря (слѣдственно въ Россіи) и жестокимъ образомъ умертвилъ ихъ князя, именемъ Бокса, съ семидесятью знатнѣйшими боярами. Царь гуннскій, Баламберъ, вступился за утѣсненныхъ и, побѣдивъ Винишара, освободилъ ихъ отъ ига готѳовъ.—Нѣтъ сомнѣнія, что анты и венеды признавали надъ собою власть гунновъ, ибо сіи завоеватели во время Атиллы, грознаго царя ихъ, повелѣвали всѣми странами отъ Волги до Рейна, отъ Македоніи до острововъ Балтійскаго моря. Истребивъ безчисленное множество людей, разрушивъ города и крѣпости дунайскія, предавъ огню селенія, окруживъ себя пустынями обширными, Аттила царствовалъ въ Дакіи подъ наметомъ шатра, бралъ дань съ Константинополя, но славился презрѣніемъ золота и роскоши, ужасалъ міръ и гордился именемъ бича небеснаго.—Съ жизнію сего варвара, но великаго человѣка, умершаго въ 454 году, прекратилось и владычество гунновъ. Народы, порабощенные Атиллою, свергнули съ себя иго несогласныхъ сыновей его. Изгнанные нѣмцами-гепидами изъ Панноніи или Венгріи, гунны держались еще нѣсколько времени между Днѣстромъ и Дунаемъ, гдѣ страна ихъ называлась Гуннивaромъ; другіе разсѣялись по дунайскимъ областямъ имперіи—и скоро изгладились слѣды ужаснаго бытія гунновъ. Такимъ образомъ сіи варвары отдаленной Азіи явились въ Европѣ, свирѣпствовали и, какъ грозное привидѣніе, исчезли!

Въ то время южная Россія могла представлять обширную пустыню, гдѣ скитались одни бѣдные остатки народовъ. Восточные готѳы большею частью удалялись въ Паннонію; о роксоланахъ не находимъ уже ни слова въ лѣтописяхъ: вѣроятно, что они смѣшались съ гуннами, или, подъ общимъ названіемъ сарматовъ, вмѣстѣ съ язигами были разселены императоромъ Маркіаномъ въ Иллирикѣ и въ другихъ римскихъ провинціяхъ, гдѣ, составивъ одинъ народъ съ готѳами, утратили имя свое: ибо въ концѣ V вѣка исторія уже молчитъ о сарматахъ. Множество аланъ, соединясь съ нѣмецкими вандалами и свевами, перешло за Рейнъ, за горы Пиренейскія, въ Испанію и Португалію.—Но скоро угры и болгары, по сказанію грековъ, единоплеменные съ гуннами и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близъ Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою (гдѣ еще обитали нѣкоторые готѳы, принявшіе вѣру христіанскую) и съ 474 года начали опустошать Мизію, Ѳракію, даже предмѣстья Константинопольскія.

Съ другой стороны выходятъ на театръ исторіи славяне, подъ симъ именемъ достойнымъ людей воинственныхъ и храбрыхъ, ибо его можно производить отъ славы,—и народъ, коего бытіе мы едва знали, съ шестого вѣка занимаетъ великую часть Европы, отъ моря Балтійскаго до рѣки Эльбы, Тисы и Чернаго моря. Вѣроятно, что нѣкоторые изъ славянъ, подвластныхъ Эрманариху и Атиллѣ, служили въ ихъ войскѣ; вѣроятно, что они, испытавъ подъ начальствомъ сихъ завоевателей храбрость свою и пріятность добычи въ богатыхъ областяхъ имперіи, возбудили въ соотечественникахъ желаніе приблизиться къ Греціи и вообще распространить ихъ владѣніе. Обстоятельства времени имъ благопріятвовали. Германія опустѣла; ея народы воинственные удалились къ югу и западу искать счастія. На берегахъ Черноморскихъ, между устьями Днѣпра и Дуная, кочевали, можетъ быть, однѣ дикія, малолюдныя орды, которыя сопутствовали гуннамъ въ Европу и разсѣялись послѣ ихъ гибели. Отъ Дуная и Алуты до рѣки Моравы жили нѣмцы лонгобарды и гепиды; отъ Днѣпра къ морю Каспійскому угры и болгары: за ними, къ сѣверу отъ Понта Эвксинскаго и Дуная, явились анты и славяне; другія же племена ихъ вступили въ Моравію, Богемію, Саксонію, а нѣкоторыя остались на берегахъ моря Балтійскаго. Тогда начинаютъ говорить о нихъ историки византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы славянъ, отличные отъ характера нѣмецкихъ и сарматскихъ племенъ: доказательство, что сей народъ былъ прежде мало извѣстенъ грекамъ, обитая во глубинѣ Россіи, Польши, Литвы, Пруссіи, въ странахъ отдаленныхъ и какъ бы непроницаемыхъ для ихъ любопытства.

Уже въ концѣ пятаго вѣка лѣтописи византійскія упоминаютъ о славянахъ, которые въ 495 году дружелюбно пропустили чрезъ свои земли нѣмцевъ-геруловъ, разбитыхъ лонгобардами въ нынѣшней Венгріи и бѣжавшихъ къ морю Балтійскому; но только со временъ Юстиніановыхъ, съ 527 года, утвердясь въ сѣверной Дакіи, начинаютъ они дѣйствовать противъ имперіи, вмѣстѣ съ угорскими племенами и братьями своими, антами, которые въ окрестностяхъ Чернаго моря граничили съ болгарами. Ни сарматы, ни готы, ни самые гунны не были для имперіи ужаснѣе славянъ. Иллирія, Ѳракія, Греція, Херсонесъ—всѣ страны отъ залива Іоническаго до Константинополя были ихъ жертвою, только Хильвудъ, смѣлый вождь Юстиніановъ, могъ еще съ успѣхомъ имъ противоборствовать; но славяне, убивъ его въ сраженіи за Дунаемъ, возобновили свои лютыя нападенія на греческія области, и всякое изъ оныхъ стоило жизни или свободы безчисленному множеству людей, такъ какъ южные берега дунайскіе, облитые кровью несчастныхъ жителей, осыпанные пепломъ городовъ и

селъ, совершенно опустѣли. Ни легіоны римскіе, почти всегда обращаемые въ бѣгство, ни великая стѣна Анастасіева, сооруженная для защиты Царьграда отъ варваровъ, не могли удерживать славянъ, храбрыхъ и жестокихъ. Имперія съ трепетомъ и стыдомъ видѣла знамя Константиново въ рукахъ ихъ. Самъ Юстиніанъ, совѣтъ верховный и знатнѣйшіе вельможи должны были съ оружіемъ стоять на послѣдней оградѣ столицы, стѣнѣ Ѳеодосіевой, съ ужасомъ ожидая приступа славянъ и болгаровъ ко вратамъ ея. Одинъ Велисарій, посѣдѣвшій въ доблести, осмѣлился выйти къ нимъ навстрѣчу; но болѣе казною императорскою, нежели побѣдою, отвратилъ сію грозную тучу отъ Константинополя. Они спокойно жительствовали въ имперіи, какъ бы въ собственной землѣ своей, увѣренные въ безопасной переправѣ чрезъ Дунай: ибо гепиды, владѣвшіе большею частью сѣверныхъ береговъ его, всегда имѣли для нихъ суда въ готовности. Между тѣмъ Юстиніанъ съ гордостью величалъ себя Антическимъ или Славянскимъ, хотя сіе имя напоминало болѣе стыдъ, нежели славу его оружія противъ нашихъ дикихъ предковъ, которые безпрестанно опустошали имперію, или, заключая иногда дружественные съ нею союзы, нанимались служить въ ея войскахъ и способствовали ихъ побѣдамъ. Такъ, во второе лѣто славной войны Готоской (въ 536 году) Валеріанъ привелъ въ Италію 1600 конныхъ славянъ, и римскій полководецъ Тулліанъ ввѣрилъ антамъ защиту Луканіи, гдѣ они въ 547 году разбили готскаго короля Тотилу.

Уже лѣтъ 30 славяне свирѣпствовали въ Европѣ, когда новый азіатскій народъ побѣдами и завоеваніями открылъ себѣ путь къ Черному морю. Весь извѣстный міръ былъ тогда театромъ чудеснаго волненія народовъ и непостоянства въ ихъ величіи. Авары славились могуществомъ въ степяхъ Татаріи; но въ шестомъ вѣкѣ, побѣжденные турками, ушли изъ земли своей. Сіи турки, по свидѣтельству историковъ китайскихъ, были остаткомъ гунновъ, древнихъ полуночныхъ сосѣдовъ Китайской имперіи; въ теченіе времени соединились съ другими ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Ханъ ихъ, называемый въ византійскихъ лѣтописяхъ Дизавуломъ, какъ новый Аттила, покоривъ многіе народы, жилъ среди горъ Алтайскихъ, въ шатрѣ, украшенномъ коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатомъ тронѣ, принималъ византійскихъ пословъ и дары отъ Юстиніана; заключалъ съ нимъ союзы и счастливо воевалъ съ персами. Извѣстно, что россіяне, овладѣвъ въ новѣйшія времена полуденною частію Сибири, находили въ тамошнихъ могилахъ великое количество вещей драгоцѣнныхъ: вѣроятно, что онѣ принадлежали симъ алтайскимъ туркамъ, уже не дикому, но от-

части образованному народу, торговавшему съ Китаемъ, Персіею и греками.

Вмѣстѣ съ другими ордами зависѣли отъ Дизавула киргизы и гунны-огоры. Бывъ прежде данниками аваровъ и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славнымъ именемъ аваровъ, нѣкогда могущественныхъ, и предложили союзъ императору византійскому. Народъ греческій съ любопытствомъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ пословъ: одежда сихъ людей напоминала ему страшныхъ гунновъ Аттилы, отъ коихъ мнимые авары отличались единственно тѣмъ, что не брили головы и заплетали волосы въ длинныя косы, украшаемыя лентами. Главный посолъ сказалъ Юстиніану, что авары, мужественные и непобѣдимые, хотятъ его дружбы, требуя даровъ, жалованья и выгодныхъ мѣстъ для поселенія. Императоръ не дерзнулъ ни въ чемъ отказать сему народу, который, бѣжавъ изъ Азіи, со вступленіемъ въ Европу пріобрѣлъ силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Ханъ Аварскій, свирѣпый Баянъ. разбилъ ихъ войско, умертвилъ посла, знаменитаго князя Мезамира; ограбилъ землю, плѣнилъ жителей; скоро завоевалъ Моравію, Богемію, гдѣ обитали чехи и другіе славяне; побѣдилъ Сигеберта, короля франковъ, и возвратился на Дунай, гдѣ лонгобарды вели кровопролитную войну съ гепидами. Баянъ соединился съ первыми, разрушилъ державу гепидовъ, овладѣлъ большею частью Дакіи, а скоро и Панноніею или Венгріею, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваній въ Италіи. Область аваровъ, въ 568 году, простиралась отъ Волги до Эльбы. Въ началѣ седьмого вѣка завладѣли они и Далмаціею, кромѣ приморскихъ городовъ ея. Хотя турки, господствуя на берегахъ Иртыша, Урала—тревожа набѣгами Китай и Персію—около 580 года распространили было свои завоеванія до самой Тавриды—взяли Воспоръ, осаждали Херсонъ, но скоро исчезли въ Европѣ, оставивъ земли черноморскія въ подданствѣ аваровъ.

Уже анты, богемскіе чехи, моравы служили хану; но собственно такъ называемые дунайскіе славяне хранили свою независимость, и еще въ 581 году многочисленное войско ихъ снова опустошило Ѳракію и другія владѣнія имперскія до самой Эллады или Греціи. Тиверій царствовалъ въ Константинополѣ: озабоченный войною персидскою, онъ не могъ отразить славянъ и склонилъ хана отмстить имъ впаденіемъ въ страну ихъ. Баянъ назывался другомъ Тиверія и хотѣлъ даже быть римскимъ патриціемъ: онъ исполнилъ желаніе императора тѣмъ охотнѣе, что давно уже ненавидѣлъ славянъ за ихъ гордость. Сію причину злобы его описываютъ византійскіе историки слѣдующимъ образомъ: Смиривъ антовъ, ханъ требовалъ отъ славянъ подданства; но Лавритасъ и

другіе вожди ихъ отвѣтствовали: „Кто можетъ лишить насъ вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагамъ. Такъ будетъ и впредь, доколѣ есть война и мечи въ свѣтѣ“. Посолъ ханскій раздражилъ ихъ своими надменными рѣчами и заплатилъ за то жизнію. Баянъ помнилъ сіе жестокое оскорбленіе и надѣялся собрать великое богатство въ землѣ славянъ, которые, болѣе пятидесяти лѣтъ громивъ имперію, не были еще никѣмъ тревожимы въ странѣ своей. Онъ вступилъ въ нее съ шестидесятью тысячами отборныхъ конныхъ латниковъ, началъ грабить селенія, жечь поля, истреблять жителей, которые только въ бѣгствѣ и густотѣ лѣсовъ искали спасенія. Съ того времени ослабѣло могущество славянъ, и хотя Константинополь еще долго ужасался ихъ набѣговъ, но скоро ханъ аварскій совершенно овладѣлъ Дакіею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чужую для пользы ихъ тирана; долженствовали первые гибнуть въ битвахъ, и когда ханъ, нарушивъ миръ съ Греціею, въ 626 году осадилъ Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкаго предпріятія. Они взяли бы столицу имперіи, еслибы измѣна не открыла ихъ тайнаго намѣренія грекамъ: окруженные непріятелемъ, бились отчаянно; немногіе спаслись, и въ знакъ благодарности были казнены ханомъ.

Между тѣмъ не всѣ народы славянскіе повиновались сему хану: обитавшіе за Вислою и далѣе къ сѣверу спаслись отъ рабства. Такъ, въ исходѣ шестого вѣка, на берегахъ моря Балтійскаго жили мирные и счастливые славяне, коихъ онъ напрасно хотѣлъ вооружить противъ грековъ и которые отказались помогать ему войскомъ. Сей случай, описанный византійскими историками, достоинъ любопытства и примѣчанія. „Греки—повѣствуютъ они— взяли въ плѣнъ трехъ чужеземцевъ, имѣвшихъ, вмѣсто оружія, киѳары или гусли. Императоръ спросилъ, кто они? Мы славяне, отвѣтствовали чужеземцы, и живемъ на отдаленнѣйшемъ концѣ Западнаго океана (моря Балтійскаго.) Ханъ аварскій, приславъ дары къ нашимъ старѣйшинамъ, требовалъ войска, чтобы дѣйствовать противъ грековъ. Старѣйшины взяли дары, но отправили насъ къ хану съ извиненіемъ, что не могутъ за великою отдаленностію дать ему помощи. Мы сами были пятнадцать мѣсяцевъ въ дорогѣ. Ханъ, не взирая на святость посольскаго званія, не отпускалъ насъ въ отечество. Слыша о богатствѣ и дружелюбіи грековъ, мы воспользовались случаемъ уйти во Ѳракію. Съ оружіемъ обходиться не умѣемъ и только играемъ на гусляхъ. Нѣтъ желѣза въ странѣ нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведемъ жизнь мирную и спокойную. Императоръ дивился тихому нраву сихъ людей, великому росту и крѣпости ихъ: угостилъ пословъ и доставилъ имъ способъ возвратиться въ отечество“. Такое ми-

ролюбивое свойство балтійскихъ славянъ, во времена ужасовъ варварства представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи. Согласіе византійскихъ историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самыми тогдашними обстоятельствами сѣвера, гдѣ славяне могли наслаждаться тишиною, когда германскіе народы удалились къ югу и когда разрушилось владычество гунновъ.

Наконецъ богемскіе славяне, возбужденные отчаяніемъ, дерзнули обнажить мечъ, смирили гордость аваровъ и возвратили древнюю свою независимость. Лѣтописцы повѣствуютъ, что нѣкто, именемъ Само, былъ тогда смѣлымъ вождемъ ихъ: благодарные и вольные славяне избрали его въ цари. Онъ сражался съ Дагобертомъ, королемъ франковъ, и разбилъ его многочисленное войско.

Скоро владѣнія славянъ умножились новыми пріобрѣтеніями: еще въ шестомъ вѣкѣ, какъ вѣроятно, многіе изъ нихъ поселились въ Венгріи; другіе, въ началѣ седьмого столѣтія, заключивъ союзъ съ Константинополемъ, пошли въ Иллирію, изгнали оттуда аваровъ и основали новыя области, подъ именемъ Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Босніи и Далмаціи. Императоры охотно дозволяли имъ селиться въ греческихъ владѣніяхъ, надѣясь, что они, по извѣстной храбрости своей, могли быть лучшею ихъ защитою отъ нападенія другихъ варваровъ,—и въ седьмомъ вѣкѣ находимъ славянъ на рѣкѣ Стримонѣ во Ѳракіи, въ окрестностяхъ Ѳессалоники и въ Мизіи или въ нынѣшней Болгаріи. Даже весь Пелопонесъ былъ нѣсколько времени въ ихъ власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирѣпствовала въ Греціи, и завоевали древнее отечество наукъ и славы. Многіе изъ нихъ поселились въ Виѳиніи, Фригіи, Дарданіи, Сиріи.

Но между тѣмъ, когда чехи и другіе славяне пользовались уже совершенною вольностью отчасти въ прежнихъ, отчасти въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, дунайскіе находились еще, кажется, подъ игомъ аваровъ, хотя могущество сего достопамятнаго азіатскаго народа ослабѣло въ VII вѣкѣ. Кувратъ, князь болгарскій, данникъ хана, въ 635 году свергнулъ съ себя иго аваровъ. Раздѣливъ силы свои на девять обширныхъ укрѣпленныхъ становъ, они еще долгое время властвовали въ Дакіи и въ Панноніи, вели жестокія войны съ баварцами и славянами въ Каринтіи, въ Богеміи; наконецъ утратили въ лѣтописяхъ имя свое. Кувратъ, союзникъ и другъ римлянъ, господствовалъ въ окрестностяхъ Азовскаго моря, но сыновья его, въ противность мудрому совѣту умирающаго отца, раздѣлились: старшій, именемъ Батвай, остался на берегахъ Дона; второй сынъ, Котрагъ, перешелъ на другую сторону сей рѣки; четвертый—въ Паннонію или Венгрію къ ава-

рамъ, пятый—въ Италію; а третій, Аспарухъ, утвердился сперва между Днѣстромъ и Дунаемъ, но, въ 679 году, завоевавъ и всю Мизію, гдѣ жили многіе славяне, основалъ тамъ сильное государство болгарское.

Представивъ читателю разселеніе народовъ славянскихъ отъ моря Балтійскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи, скажемъ, что они, сильные числомъ и мужествомъ, могли бы тогда, соединясь, овладѣть Европою; но слабые отъ развлеченія силъ и несогласія, почти вездѣ утратили независимость, и только одинъ изъ нихъ, искушенный бѣдствіями, удивляетъ нынѣ міръ величіемъ. Другіе, сохранивъ бытіе свое въ Германіи, въ древней Илиріи, въ Мизіи, повинуются властителямъ чужеземнымъ, а нѣкоторые забыли и самый языкъ отечественный.

Теперь обратимся къ исторіи государства россійскаго, основанной на преданіяхъ нашего собственнаго, древнѣйшаго лѣтописца.

ГЛАВА II.

О славянахъ и другихъ народахъ, составившихъ государство россійское.

Происхожденіе славянъ россійскихъ.—Поляне.—Радимичи и вятичи.—Древляне.—Дулѣбы и бужане.—Лутичи и тиверцы.—Хорваты, сѣверяне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новогородскіе.—Кіевъ.—Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ.—Финскіе или чудскіе народы въ Россіи.—Латышскіе народы.—Междоусобія славянъ россійскихъ.—Господство и гибель обровъ.—Козары.—Варяги.—Русь.

Несторъ пишетъ, что славяне издревле обитали въ странахъ Дунайскихъ и, вытѣсненные изъ Мизіи болгарами, а изъ Панноніи волохами (донынѣ живущими въ Венгріи), перешли въ Россію, въ Польшу и другія земли. Сіе извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ византійскихъ лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожъ Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что св. апостолъ Андрей—проповѣдуя въ Скиѳіи имя Спасителя, поставивъ крестъ на горахъ кіевскихъ, еще ненаселенныхъ, и предсказавъ будущую славу нашей древней столицы, доходилъ до Ильменя и нашелъ тамъ славянъ: слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи и гораздо прежде, нежели болгары утвердились въ Мизіи. Но вѣроятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти дѣйствительно возвратились изъ Мизіи

къ своимъ сѣвернымъ единоземцамъ; вѣроятно и то, что волохи, потомки древнихъ гетовъ и римскихъ всельниковъ Траянова времени въ Дакіи, уступивъ сію землю готѳамъ, гуннамъ и другимъ народамъ, искали убѣжища въ горахъ и, видя наконецъ слабость аваровъ, овладѣли Трансильваніею и частью Венгріи, гдѣ славяне долженствовали имъ покориться.

Можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова подъ именемъ венедовъ извѣстные на восточныхъ берегахъ моря Балтійскаго, славяне въ то же время обитали и внутри Россіи; можетъ быть андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали къ ихъ племенамъ многочисленнымъ. Самые древніе жители Дакіи, геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи и что славяне россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе отъ временъ сего мужественнаго императора. Замѣтимъ еще какое-то древнее преданіе народовъ славянскихъ, что праотцы ихъ имѣли дѣло съ Александромъ Великимъ, побѣдителемъ гетовъ. Но историкъ не долженъ предлагать вѣроятностей за истину, доказываемую только ясными свидѣтельствами современниковъ. Итакъ, оставляя безъ утвердительнаго рѣшенія вопросъ: „откуда и когда славяне пришли въ Россію?“ опишемъ, какъ они жили въ ней задолго до того времени, въ которое образовалось наше государство.

Многіе славяне, единоплеменные съ ляхами, обитавшими на берегахъ Вислы, поселились на Днѣпрѣ въ Кіевской губерніи и назывались полянами отъ чистыхъ полей своихъ. Имя сіе исчезло въ древней Россіи, но сдѣлалось общимъ именемъ ляховъ, основателей государства польскаго. Отъ сего же племени славянъ были два брата, Радимъ и Вятко, главами радимичей и вятичей: первый избралъ себѣ жилище на берегахъ Сожа, въ Могилевской губерніи, а второй—на Окѣ, въ Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные такъ отъ лѣсной земли своей, обитали въ Волынской губерніи; дулѣбы и бужане—по рѣкѣ Бугу, впадающему въ Вислу; лутичи и тивирцы по Днѣстру до самаго моря и Дуная, уже имѣя города въ землѣ своей; бѣлые хорваты—въ окрестностяхъ горъ Карпатскихъ; сѣверяне, сосѣди полянъ, на берегахъ Десны, Семи и Сулы, въ Черниговской и Полтавской губерніи; въ Минской и Витебской губерніяхъ, между рѣками Припетью и Двиною Западною, дреговичи; въ Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, въ верховьяхъ Двины, Днѣпра и Волги, кривичи; а на Двинѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Полота, единоплеменные съ ними полочане; на берегахъ же озера Ильменя собственно, такъ называемые, славяне, которые послѣ Рождества Христова основали Новгородъ.

Къ тому же времени лѣтописецъ относитъ и начало Кіева, разсказывая слѣдующія обстоятельства: „Братья Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью, жили между полянами на трехъ горахъ, изъ коихъ двѣ слывутъ по имени двухъ меньшихъ братьевъ, Щековицею и Хоривицею; а старшій жилъ тамъ, гдѣ нынѣ (въ Несторово время) Зборичевъ взвозъ. Они были мужи знающіе и разумные; ловили звѣрей въ тогдашнихъ густыхъ лѣсахъ днѣпровскихъ, построили городъ и назвали оный именемъ старшаго брата, т. е. Кіевымъ. Нѣкоторые считаютъ Кія перевозчикомъ, ибо въ старину былъ на семъ мѣстѣ перевозъ и назывался Кіевымъ; но Кій начальствовалъ въ родѣ своемъ: ходилъ, какъ сказываютъ, въ Константинополь и пріялъ великую честь отъ царя греческаго; на возвратномъ пути, увидѣвъ берега Дуная, полюбилъ ихъ, срубилъ городокъ и хотѣлъ обитать въ немъ; но жители дунайскіе не дали ему тамъ утвердиться, и донынѣ именуютъ сіе мѣсто городищемъ Кіевцомъ. Онъ скончался въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ двумя братьями и сестрою“. Несторъ въ повѣствованія своемъ основывается единственно на изустныхъ сказаніяхъ: отдаленный многими вѣками отъ случаевъ, здѣсь описанныхъ, могъ ли ручаться за истину преданія, всегда обманчиваго, всегда невѣрнаго въ подробностяхъ? Можетъ быть, что Кій и братья его никогда въ самомъ дѣлѣ не существовали и что вымыселъ народный обратилъ названія мѣстъ, неизвѣстно отъ чего происшедшія, въ названія людей. Имя Кіева, горы Щековицы, уже забытой, и рѣчки Лыбеди, впадающей въ Днѣпръ недалеко отъ новой кіевской крѣпости, могли подать мысль къ сочиненію басни о трехъ братьяхъ и сестрѣ ихъ, чему находимъ многіе примѣры въ греческихъ и сѣверныхъ повѣствователяхъ, которые, желая питать народное любопытство, во времена невѣжества и легковѣрія, изъ географическихъ названій составляли цѣлыя исторіи и біографіи. Но два обстоятельства въ семъ Несторовомъ извѣстіи достойны особеннаго замѣчанія: первое, славяне кіевскіе издревле имѣли сообщеніе съ Царемградомъ, и второе, что они построили городокъ на берегахъ Дуная еще задолго до походовъ россіянъ въ Грецію. Дулѣбы, поляне днѣпровскіе, лутичи и тиверцы могли участвовать въ описанныхъ нами войнахъ славянъ дунайскихъ, столь ужасныхъ для имперіи, и заимствовать тамъ разныя благодѣтельныя изобрѣтенія для жизни гражданской.

Лѣтописецъ не объявляетъ времени, когда построены другіе славянскіе, также весьма древніе города въ Россіи: Изборскъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Любечь, Черниговъ; знаемъ только, что первые три основаны кривичами и были уже въ девятомъ вѣкѣ, а послѣдніе — въ самомъ началѣ десятаго; но они могли существовать и гораздо прежде. Черниговъ и Любечь принадлежали къ области сѣверянъ.

Кромѣ народовъ славянскихъ, по сказанію Нестора, жили тогда въ Россіи и многіе иноплеменные: меря — вокругъ Ростова и на озерѣ Клещинѣ или Переславскомъ; мурома на Окѣ, гдѣ сія рѣка впадаетъ въ Волгу; черемиса, мещера, мордва, на юго-востокъ отъ мери; ливь—въ Ливоніи: чудь—въ Эстоніи и на востокъ къ Ладожскому озеру; нарова тамъ, гдѣ Нарва; ямь или емь — въ Финляндіи; весь—на Бѣлѣозерѣ; пермь въ губерніи сего имени; югра, или нынѣшніе березовскіе остяки, — на Оби и Сосвѣ; печора—на рѣкѣ Печорѣ. Нѣкоторые изъ сихъ народовъ уже исчезли въ новѣйшія времена, или смѣшались съ россіянами; но другіе существуютъ и говорятъ языками столь между собою сходственными, что можемъ несомнительно признать ихъ, равно какъ и лапландцевъ, зырянъ, остяковъ обскихъ, чувашъ, вотяковъ, народами единоплеменными и назвать вообще финскими. Уже Тацитъ въ первомъ столѣтіи говоритъ о сосѣдственныхъ съ венедами финнахъ, которые жили издревле въ полунощной Европѣ. Лейбницъ и новѣйшіе шведскіе историки согласно думаютъ, что Норвегія и Швеція были нѣкогда населены ими, даже самая Данія, по мнѣнію Гроція. Отъ моря Балтійскаго до Ледовитаго, отъ глубины европейскаго сѣвера на востокъ до Сибири, до Урала и Волги, разсѣялись многочисленныя племена финновъ. Не знаемъ, когда они въ Россіи поселились; но не знаемъ также и никого старобытнѣе ихъ въ сѣверныхъ и восточныхъ ея климатахъ. Сей народъ, древній и многочисленный, занимавшій и занимающій такое великое пространство въ Европѣ и въ Азіи, не имѣлъ историка, ибо никогда не славился побѣдами, не отнималъ чуждыхъ земель, но всегда уступалъ свои: въ Швеціи и Норвегіи готѳамъ, а въ Россіи, можетъ быть, славянамъ, и въ одной нищетѣ искалъ для себя безопасности: „не имѣя (по словамъ Тацита) ни домовъ, ни коней, ни оружія, питаясь травами, одѣваясь кожами звѣриными, укрываясь отъ непогодъ подъ сплетенными вѣтвями“. Въ Тацитовомъ описаніи древнихъ финновъ мы узнаемъ отчасти и нынѣшнихъ, особенно же лапландцевъ, которые отъ предковъ своихъ наслѣдовали и бѣдность, и грубые нравы, и мирную безпечность невѣжества. „Не боясь ни хищности людей, ни гнѣва боговъ (пишетъ сей краснорѣчивый историкъ), они пріобрѣли самое рѣдкое въ мірѣ благо: счастливую отъ судьбы независимость!“

Но финны россійскіе, по сказанію нашего лѣтописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описываетъ ихъ римскій историкъ: имѣли не только постоянныя жилища, но и города: весь—Бѣлоозеро, меря—Ростовъ, мурома—Муромъ. Лѣтописецъ, упоминая о сихъ городахъ въ извѣстіяхъ IX вѣка, не зналъ, когда они построены. — Древняя исторія скандинавовъ (датчанъ, норвежцовъ, шведовъ) часто говоритъ о двухъ особен-

ныхъ странахъ финскихъ, вольныхъ и независимыхъ: Кирíаландíи и Бíармíя. Первая отъ Финскаго залива простиралась до самаго Бѣлаго моря, вмѣщала въ себѣ нынѣшнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернíи; граничила на востокъ съ Бíармíею, а на сѣверо-западъ—съ Квенландíею или Каянíею. Жители ея безпокоили набѣгами земли сосѣдственныя и славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе нежели храбростію. Біармію называли скандинавы всю обширную страну отъ Сѣверной Двины и Бѣлаго моря до рѣки Печоры, за коею они воображали Іотунгеймъ, отчизну ужасовъ природы и злого чародѣйства. Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли: Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губерніи. Исландскія повѣсти наполнены сказаніями о сей великой финской области, но баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ. Первое, дѣйствительно историческое свидѣтельство о Біарміи находимъ въ путешествіи норвежскаго мореходца Отера, который въ девятомъ вѣкѣ окружилъ Нордъ-Капъ, доплылъ до самаго устья Сѣверной Двины, слышалъ отъ жителей многое о странѣ ихъ и земляхъ сосѣдственныхъ, но сказываетъ единственно то, что народъ біармскій многочисленъ и говоритъ почти однимъ языкомъ съ финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или сосѣдями древней Россіи, Несторъ именуетъ еще летголу (ливонскихъ латышей), зимголу (въ Семигаліи), корсь (въ Курляндіи) и литву, которые не принадлежатъ къ финнамъ, но вмѣстѣ съ древними пруссами составляютъ народъ латышскій. Въ языкѣ его находится множество славянскихъ, довольно готѳскихъ и финскихъ словъ: изъ чего основательно заключаютъ историки, что латыши происходятъ отъ сихъ народовъ. Съ великою вѣроятностью можно опредѣлить даже и начало бытія ихъ. Когда готѳы удалились къ предѣламъ имперіи, тогда венеды и финны заняли юго-восточные берега моря Балтійскаго; смѣшались тамъ съ остатками первобытныхъ жителей, т. е. готѳами; начали истреблять лѣса для хлѣбопашества и прозвалися латышами или обитателями земель расчищенныхъ: ибо лата знаменуетъ на языкѣ литовскомъ расчищеніе. Ихъ, кажется, называетъ Іоарнандъ видиваріями, которые въ половинѣ шестого вѣка жили около Данцига и состояли изъ разныхъ народовъ, съ чѣмъ согласно и древнее преданіе латышей, увѣряющихъ, что ихъ первый государь, именемъ Видвутъ, царствовалъ на берегахъ Вислы и тамъ образовалъ народъ свой, который населилъ Литву, Пруссію, Курляндію, Летландію, гдѣ онъ и донынѣ находится и гдѣ, до самаго введенія христіанской вѣры, управлялъ имъ сѣверный далайлама, главный судія и священникъ Криве, жившій въ прусскомъ мѣстечкѣ Ромовѣ.

Многіе изъ сихъ финскихъ и латышскихъ народовъ, по словамъ Нестора, были данниками россіянъ: должно разумѣть, что лѣтописецъ говоритъ уже о своемъ времени, то-есть о XI вѣкѣ, когда предки наши овладѣли почти всею нынѣшнею Россіею Европейскою. До временъ Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по колѣнамъ, не думали соединять народныхъ силъ въ общемъ правленіи, и даже изнуряли ихъ войнами междоусобными. Такъ, Несторъ упоминаетъ о нападеніи древлянъ, лѣсныхъ обитателей и прочихъ окрестныхъ славянъ на тихихъ полянъ кіевскихъ, которые болѣе ихъ наслаждались выгодами состоянія гражданскаго и могли быть предметомъ зависти. Люди грубые, полудикіе не знаютъ духа народнаго и хотятъ лучше вдругъ отнять, нежели медленно присвоить себѣ такія выгоды мирнымъ трудолюбіемъ. Сіе междоусобіе предавало славянъ россійскихъ въ жертву внѣшнимъ непріятелямъ. Обры или авары, въ VI и VII вѣкѣ господствуя въ Дакіи, повелѣвали и дулѣбами, обитавшими на Бугѣ; нагло оскорбляли цѣломудріе женъ славянскихъ и впрягали ихъ вмѣсто воловъ и коней въ свои колесницы; но сіи варвары, великіе тѣломъ и гордые умомъ (пишетъ Несторъ), исчезли въ нашемъ отечествѣ отъ моровой язвы, и гибель ихъ долго была пословицею въ землѣ Русской.—Скоро явились другіе завоеватели: на югѣ—казары, варяги—на сѣверѣ.

Казары, или хазары, единоплеменные съ турками, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, называемаго Хазарскимъ въ географіяхъ восточныхъ. Еще съ третьяго столѣтія они извѣстны по арменскимъ лѣтописямъ: Европа же узнала ихъ въ четвертомъ вѣкѣ вмѣстѣ съ гуннами, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, на степяхъ астраханскихъ. Аттила властвовалъ надъ ними: болгары также, въ исходѣ V вѣка; но козары, все еще сильные, опустошали между тѣмъ южную Азію, и Хозрой, царь персидскій, долженъ былъ заградить отъ нихъ свои области огромною стѣною, славною въ лѣтописяхъ подъ именемъ Кавказской и донынѣ еще удивительною въ своихъ развалинахъ. Въ VII вѣкѣ они являются въ исторіи византійской съ великимъ блескомъ и могуществомъ, даютъ многочисленное войско въ помощь императору (который изъ благодарности надѣлъ діадему царскую на ихъ кагана или хакана, именуя его сыномъ своимъ); два раза входятъ съ нимъ въ Персію, нападаютъ на угровъ, болгаровъ, ослабленныхъ раздѣломъ сыновей Кувратовыхъ, и покоряютъ всю землю отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго, Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды, называемой потомъ нѣсколько вѣковъ Козаріею. Слабая Греція не смѣла отражать новыхъ завоевателей: ея цари искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались

въ нѣкоторые торжественные дни одеждою козарскою и стражу свою составили изъ сихъ храбрыхъ азіатцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; но, оставляя въ покоѣ Константинополь, они свирѣпствовали въ Арменіи, Иверіи, Мидіи; вели кровопролитныя войны съ аравитянами, тогда уже могущественными, и нѣсколько разъ побѣждали ихъ знаменитыхъ калифовъ.

Разсѣянныя племена славянскія не могли противиться такому непріятелю, когда онъ силу оружія своего въ исходѣ VII вѣка, или уже VIII, обратилъ къ берегамъ Днѣпра и самой Оки. Жители кіевскіе, сѣверяне, радимичи и вятичи признали надъ собою власть каганову, и „кіевляне — пишетъ Несторъ — дали своимъ завоевателямъ по мечу съ дыма, и мудрые старцы козарскіе въ горестномъ предчувствіи сказали: мы будемъ данниками сихъ людей: ибо мечи ихъ остры съ обѣихъ сторонъ, а наши сабли имѣютъ одно лезвее“. Басня, изобрѣтенная уже въ счастливыя времена оружія россійскаго, въ X или XI вѣкѣ! По крайней мѣрѣ завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили славянъ иною данію и брали, какъ говоритъ самъ лѣтописецъ, по бѣлкѣ съ дома; налогъ весьма естественный въ земляхъ сѣверныхъ, гдѣ теплая одежда бываетъ одною изъ главныхъ потребностей человѣка, и гдѣ промышленность людей ограничивалась только необходимымъ для жизни. Славяне, долго грабивъ за Дунаемъ владѣнія греческія, знали цѣну золота и серебра: но сіи металлы еще не были въ народномъ употребленіи между ими. Козары искали золота въ Азіи и получали его въ даръ отъ императоровъ: въ Россіи же, богатой единственно дикими произведеніями натуры, довольствовались подданствомъ жителей и добычею ихъ звѣриной ловли. Иго сихъ завоевателей, кажется, не угнетало славянъ: по крайней мѣрѣ лѣтописецъ нашъ, изобразивъ бѣдствія, претерпѣнныя народомъ его отъ жестокости обровъ, не говоритъ ничего подобнаго о козарахъ. Все доказываетъ, что они имѣли уже обычаи гражданскіе. Ханы ихъ жили издавна въ Баланґіарѣ или Ателѣ (богатой и многолюдной столицѣ, основанной близъ Волжскаго устья Хозроемъ, царемъ персидскимъ), а послѣ въ знаменитой купечествомъ Тавридѣ. Гунны и другіе азіатскіе варвары любили только разрушать города; но козары требовали искусныхъ зодчихъ отъ греческаго императора Ѳеофила и построили на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ казаковъ, крѣпость Саркелъ для защиты владѣній своихъ отъ набѣга кочующихъ народовъ; вѣроятно, что Каганово городище, близъ Харькова, и другія, называемыя козарскими, близъ Воронежа, суть также памятники ихъ древнихъ, хотя и неизвѣстныхъ намъ городовъ. Бывъ сперва идолопоклонники, они въ осьмомъ столѣтіи приняли

вѣру іудейскую, а въ 858 г. христіанскую. Ужасая монарховъ персидскихъ, самыхъ грозныхъ калифовъ, и покровительствуя императоровъ греческихъ, козары не могли предвидѣть, что славяне, порабощенные ими безъ всякаго кровопролитія, ниспровергнутъ ихъ сильную державу.

Но могущество нашихъ предковъ на югѣ долженствовало быть слѣдствіемъ подданства ихъ на сѣверѣ. Козары не властвовали въ Россіи далѣе Оки: новогородцы, кривичи были свободны до 859 года. Тогда—замѣтимъ сіе первое хронологическое показаніе въ Несторѣ—какіе-то смѣлые и храбрые завоеватели, именуемые въ нашихъ лѣтописяхъ варягами, пришли изъ-за Балтійскаго моря и наложили дань на чудь, славянъ ильменскихъ, кривичей, мерю, и хотя были черезъ два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, въ 862 году снова призвали къ себѣ трехъ братьевъ варяжскихъ, отъ племени русскаго, которые сдѣлались первыми властителями въ нашемъ древнемъ отечествѣ и по которымъ оно стало именоваться Русью. — Сіе происшествіе важное, служащее основаніемъ исторіи и величія Россіи, требуетъ отъ насъ особеннаго вниманія и разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Прежде всего рѣшимъ вопросъ: кого именуетъ Несторъ варягами? Мы знаемъ, что Балтійское море издревле называлось въ Россіи Варяжскимъ; кто же въ сіе время — то есть въ девятомъ вѣкѣ — господствовалъ на водахъ его? Скандинавы или жители трехъ королевствъ: Даніи, Норвегіи и Швеціи, единоплеменные съ готѳами. Они, подъ общимъ именемъ нормановъ или сѣверныхъ людей, громили тогда Европу. Еще Тацитъ упоминаетъ о мореходствѣ свеоновъ или шведовъ; еще въ шестомъ вѣкѣ датчане приплывали къ берегамъ Галліи: въ концѣ осьмого вѣка слава ихъ уже вездѣ гремѣла, и флаги скандинавскіе, развѣваясь предъ глазами Карла Великаго, смиряли гордость сего монарха, который съ досадою видѣлъ, что норманы презираютъ власть и силу его. Въ девятомъ вѣкѣ они грабили Шотландію, Англію, Францію, Андалузію, Италію; утвердились въ Ирландіи и построили тамъ города, которые донынѣ существуютъ; въ 911 году овладѣли Нормандіею; наконецъ основали королевство Неаполитанское и подъ начальствомъ храбраго Вильгельма, въ 1066 году, покорили Англію. Мы уже говорили о древнемъ ихъ плаваніи вокругъ Нордъ-Капа или Сѣвернаго мыса: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что они за 500 лѣтъ до Колумба открыли полуночную Америку и торговали съ ея жителями. Предпринимая такія отдаленныя путешествія и завоеванія, могли ли норманы оставить въ покоѣ страны ближайшія: Эстонію, Финляндію и Россію? Нельзя, конечно, вѣрить датскому историку Саксону

Грамматику, именующему государей, которые будто бы царствовали въ нашемъ отечествѣ прежде Рождества Христова, и вступали въ родственные союзы съ королями скандинавскими: ибо Саксонъ не имѣлъ никакихъ историческихъ памятниковъ для описанія сей глубокой древности и замѣнялъ оныя вымыслами своего воображенія; нельзя также вѣрить и баснословнымъ исландскимъ повѣстямъ, сочиненнымъ, какъ мы уже замѣтили, въ новѣйшія времена и нерѣдко упоминающимъ о древней Россіи, которая называется въ нихъ Острагардомъ, Гардарикію, Гольмгардомъ и Греціею; но руническіе камни, находимые въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и гораздо древнѣйшіе христіанства, введеннаго въ Скандинавіи около десятаго вѣка, доказываютъ своими надписями (въ коихъ именуется Girkia, Girkia или Россія), что норманы давно имѣли съ нею сообщеніе. А какъ въ то время, когда, по извѣстію Несторовой лѣтописи, варяги овладѣли странами чуди, славянъ, кривичей и мери, не было на сѣверѣ другого народа, кромѣ скандинавовъ, столь отважнаго и сильнаго, чтобы завоевать всю обширную землю отъ Балтійскаго моря до Ростова (жилища мери) то мы уже съ великою вѣроятностью заключить можемъ, что лѣтописецъ нашъ разумѣетъ ихъ подъ именемъ варяговъ. Но сія вѣроятность обращается въ совершенное удостовѣреніе, когда прибавимъ къ ней слѣдующія обстоятельства:

I. Имена трехъ князей варяжскихъ — Рюрика, Синеуса, Трувора,—призванныхъ славянами и чудью, суть неоспоримо норманскія: такъ, въ лѣтописяхъ франскихъ около 850 года — что достойно замѣчанія—упоминается о трехъ Рюрикахъ: одинъ названъ вождемъ датчанъ, другой—королемъ (Rex) норманскимъ, третій—просто норманомъ; они воевали берега Фландріи, Эльбы и Рейна. Въ Саксонѣ Грамматикѣ, въ Стурлезонѣ и въ исландскихъ повѣстяхъ, между именами князей и витязей скандинавскихъ, находимъ Рурика, Рерика, Турвха, Трувра, Сніо, Синія.—II. Русскіе славяне, будучи подъ владѣніемъ князей варяжскихъ, назывались въ Европѣ норманами: что утверждено свидѣтельствомъ Луитпранда, кремонскаго епископа, бывшаго въ десятомъ вѣкѣ два раза посломъ въ Константинополѣ. „Руссовъ,—говоритъ онъ,—именуемъ и норманами". — III. Цари греческіе имѣли въ первомъ-надесять вѣкѣ особенныхъ тѣлохранителей, которые назывались варягами, Βαράγγοι, а по-своему Wäringar, и состояли большею частью изъ норманов. Слово Vaere, Vara, есть древнее готское и значитъ союзъ: толпы скандинавскихъ витязей, отправляясь въ Россію и въ Грецію искать счастія, могли именовать себя варягами въ смыслѣ союзниковъ или товарищей. Сіе нарицательное имя обратилось въ собственное. — IV. Константинъ Багрянородный, царствовавшій въ десятомъ вѣкѣ, описывая сосѣдственныя съ импе-

ріею земли, говоритъ о порогахъ днѣпровскихъ и сообщаетъ имена ихъ на славянскомъ и русскомъ языкѣ. Русскія имена кажутся скандинавскими: по крайней мѣрѣ не могуть быть изъяснены иначе.—V. Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны съ норманскими. Слова тіунъ, вира и прочія, которыя находятся въ Русской Правдѣ, суть древнія скандинавскія или нѣмецкія (о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ).—VI. Самъ Несторъ повѣствуетъ, что варяги живутъ на морѣ Балтійскомъ къ западу, и что они разныхъ народовъ: урмяне, свіе, англяне, готы. Первое имя въ особенности означаетъ норвежцевъ, второе—шведовъ, а подъ готами Несторъ разумѣетъ жителей шведской Готіи. Англяне же причислены имъ къ варягамъ для того, что они вмѣстѣ съ норманами составляли варяжскую дружину въ Константинополѣ. Итакъ, сказаніе нашего собственнаго лѣтописца подтверждаетъ истину, что варяги его были скандинавы.

Но сіе общее имя датчанъ, новрежцевъ, шведовъ не удовлетворяетъ любопытству историка: мы желаемъ знать, какой народъ, въ особенности называясь русью, далъ отечеству нашему и первыхъ государей и самое имя, уже въ концѣ девятаго вѣка страшное для имперіи греческой? Напрасно въ древнихъ лѣтописяхъ скандинавскихъ будемъ искать объясненія: тамъ нѣтъ ни слова о Рюрикѣ и братьяхъ его, призванныхъ властвовать надъ славянами; однакожъ историки находятъ основательныя причины думать, что Несторовы варяги-русь обитали въ королевствѣ шведскомъ, гдѣ одна приморская область издавна именуется Росскою, Ros-lagen. Жители ея могли въ VII, VIII и IX вѣкахъ быть извѣстны въ земляхъ сосѣдственныхъ подъ особеннымъ названіемъ, такъ же, какъ и готландцы, коихъ Несторъ всегда отличаетъ отъ шведовъ. Финны, имѣя нѣкогда съ Рос-лагеномъ болѣе сношенія, нежели съ прочими странами Швеціи, донынѣ именуютъ всѣхъ ея жителей вообще россами, ротсами, руотсами.—Сіе мнѣніе основывается еще на любопытномъ свидѣтельствѣ историческомъ.

Въ Бертинскихъ лѣтописяхъ, изданныхъ Дюшеномъ, между случаями 839 года описывается слѣдующее происшествіе: „Греческій императоръ Ѳеофилъ прислалъ пословъ къ императору франковъ, Людовику Благонравному, и съ ними людей, которые называли себя россами (Rhos), а короля своего Хаканомъ (или Гаканомъ), и пріѣзжали въ Константинополь для заключенія дружественнаго союза съ имперіею. Ѳеофилъ въ грамотѣ своей просилъ Людовика, чтобы онъ далъ имъ способъ безопасно возвратиться въ ихъ отечество, ибо они ѣхали въ Константинополь чрезъ земли многихъ дикихъ, варварскихъ и свирѣпыхъ народовъ, для чего Ѳеофилъ не хотѣлъ снова подвергнуть ихъ та-

кимъ опасностямъ. Людовикъ, разспрашивая сихъ людей, узналъ, что они принадлежатъ къ народу шведскому". Гаканъ былъ, конечно, однимъ изъ владѣтелей Швеціи, раздѣленной тогда на маленькія области и, свѣдавъ о славѣ императора греческаго, вздумалъ отправить къ нему пословъ.

Сообщимъ и другое мнѣніе съ его доказательствами. Въ Степенной книгѣ XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывались Курскій заливъ Русною, сѣверный рукавъ Нѣмана или Мемеля — Руссою, окрестности же ихъ — Порусьемъ. Варяги-русь могли переселиться туда изъ Скандинавіи, изъ Швеціи, изъ самаго Рос-лагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать. Долго обитавъ между латышами, они могли разумѣть языкъ славянскій и тѣмъ удобнѣе примѣниться къ обычаямъ славянъ новогородскихъ. Симъ удовлетворительно изъясняется, отчего въ древнемъ Новѣ-городѣ одна изъ многолюднѣйшихъ улицъ называлась Прусскою. Замѣтимъ также свидѣтельство географа Равенскаго; онъ жилъ въ VII вѣкѣ и пишетъ, что близъ моря, гдѣ впадаетъ въ него рѣка Висла, есть отечество роксоланъ: думаютъ, нашихъ россовъ, коихъ владѣніе могло простираться отъ Курскаго залива до устья Вислы. — Вѣроятность остается вѣроятностью: по крайней мѣрѣ знаемъ, что какой-то народъ шведскій, въ 839 году, слѣдственно еще до пришествія князей варяжскихъ въ землю новогородскую и чудскую, именовался въ Константинополѣ и въ Германіи россами.

Предложивъ отвѣтъ на вопросы: кто были варяги вообще и варяги-русь въ особенности? скажемъ мнѣніе свое о Несторовой хронологіи. Не скоро варяги могли овладѣть всею обширною страною отъ Балтійскаго моря до Ростова, гдѣ обиталъ народъ меря; не скоро могли въ ней утвердиться, такъ, чтобы обложить всѣхъ жителей данью: не вдругъ могли чудь и славяне соединиться для изгнанія завоевателей, и всего труднѣе вообразить, чтобы они, освободивъ себя отъ рабства, немедленно захотѣли снова отдаться во власть чужеземцевъ; но лѣтописецъ объявляетъ, что варяги пришли отъ Балтійскаго моря въ 859 году, и что въ 862 варягъ Рюрикъ и братья его уже княжили въ Россіи полунощной!.. Междоусобіе и внутренніе безпорядки открыли славянамъ опасность и вредъ народнаго правленія; но не знавъ иного въ теченіе многихъ столѣтій, ужели въ нѣсколько мѣсяцевъ они возненавидѣли его и единодушно увѣрились въ пользѣ самодержавія? Для сего надлежало бы, кажется, перемѣниться обычаямъ

и нравамъ; надлежало бы имѣть опытность долговременную въ несчастіяхъ: но обычаи и нравы не могли перемѣниться въ два года варяжскаго правленія, до котораго они, по словамъ Нестора, умѣли довольствоваться древними законами отцовъ своихъ. Что вооружило ихъ противъ норманскихъ завоевателей? Любовь къ независимости;—и вдругъ сей народъ требуетъ уже властителей?.. Историкъ долженъ, по крайней мѣрѣ, изъявить сомнѣніе и признать вѣроятною мысль нѣкоторыхъ ученыхъ мужей, полагающихъ, что норманы ранѣе 859 года брали дань съ чуди и славянъ. Какъ Несторъ могъ знать годы происшествій за 200 и болѣе лѣтъ до своего времени? Славяне, по его же извѣстію, тогда еще не вѣдали употребленія буквъ: слѣдственно онъ не имѣлъ никакихъ письменныхъ памятниковъ для нашей древней исторіи и счисляетъ годы со временъ императора Михаила, какъ самъ говоритъ, для того, что греческіе лѣтописцы относятъ первое нашествіе россіянъ на Константинополь къ Михаилову царствованію. Изъ сего едва ли не должно заключить, что Несторъ по одной догадкѣ, по одному вѣроятному соображенію съ извѣстіями византійскими, хронологически расположилъ начальныя происшествія въ своей лѣтописи. Самая краткость его въ описаніи временъ Рюририковыхъ и слѣдующихъ заставляетъ думать, что онъ говоритъ о томъ единственно по изустнымъ преданіямъ, всегда немногословнымъ. Тѣмъ достовѣрнѣе сказаніе нашего лѣтописца въ разсужденіи главныхъ случаевъ; ибо сія краткость доказываетъ, что онъ не хотѣлъ прибѣгать къ вымысламъ; но лѣтосчисленіе дѣлается сомнительнымъ. При дворѣ великихъ князей, въ ихъ дружинѣ отборной и въ самомъ народѣ долженствовала храниться память варяжскаго завоеванія и первыхъ государей Россіи: но вѣроятно ли, чтобы старцы и бояре княжескіе, коихъ разсказы служили, можетъ быть, основаніемъ нашей древнѣйшей лѣтописи, умѣли съ точностію опредѣлить годъ каждаго случая? Положимъ, что языческіе славяне, замѣчая лѣта какими-нибудь знаками, имѣли вѣрную хронологію; одно ея соображеніе съ хронологіею византійскою, принятою ими вмѣстѣ съ христіанствомъ, не могли ли ввести нашего лѣтописца въ ошибку?—Впрочемъ мы не можемъ замѣнить лѣтосчисленія Несторова другимъ вѣрнѣйшимъ; не можемъ ни рѣшительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, слѣдуя оному во всѣхъ случаяхъ, начинаемъ Исторію Государства Россійскаго съ 862 года.

Но прежде должно имѣть понятіе о древнемъ характерѣ народа славянскаго вообще, чтобы исторія славянъ россійскихъ была для насъ и яснѣе и любопытнѣе. Воспользуемся извѣстіями современныхъ византійскихъ и другихъ не менѣе достовѣрныхъ лѣтописцевъ, прибавивъ къ нимъ сказанія Несторовы о нравахъ предковъ нашихъ въ особенности.

ГЛАВА III.

О физическомъ и нравственномъ характерѣ славянъ древнихъ.

Ихъ природное сложеніе и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушіе, гостепріимство.—Брачное цѣломудріе.—Жены и дѣти.—Нравы славянъ россійскихъ въ особенности.—Жилища.—Скотоводство и земледѣліе.—Пища, одежда.—Торговля.—Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры.—Счисленіе.—Имена мѣсяцевъ.—Правленіе.—Вѣра.—Языкъ и грамота.

Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій писатель XVIII вѣка, Вольтеръ, не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, конечно, справедливѣе и сообразнѣе съ нашими священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго рождаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава, и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится—слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою; любитъ дѣятельность; привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется. Таковы были древніе славяне по описанію современныхъ историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли грековъ своею быстротою, съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсѣлины; смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загорая отъ

жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русы, подобно другимъ кореннымъ европейцамъ. Сіе изображеніе славянъ и антовъ основано на свидѣтельствѣ Прокопія и Маврикія, которые знали ихъ въ VI вѣкѣ.

Извѣстіе Іорнанда о венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV вѣкѣ готескимъ царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ славянъ балтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Ѳракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ; но славяне дунайскіе, оставивъ свое древнее отечество на сѣверѣ, въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтнымъ. Нѣсколько времени славяне убѣгали сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей; но узнавъ, какъ ряды легіоновъ римскихъ могутъ быть разрываемы нападеніемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ полководцѣ славянъ: они имѣли вождей только частныхъ, сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми; но толпами разсѣянными и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества, не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ середину враговъ. Чрезвычайная отважность славянъ была столь извѣстна, что ханъ аварскій всегда ставилъ ихъ впереди своего многочисленнаго войска; и сіи люди, неустрашимые, видя иногда измѣну хитрыхъ аваровъ, гибли съ отчаяніемъ. Византійскіе историки пишутъ, что славяне сверхъ ихъ обыкновенной храбрости имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ, знаменитый Велизарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ славянина, чтобы схватить и представить ему одного готоа живого. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. Древнее оружіе славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ, намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ.

Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими

успѣхами, чрезъ нѣкоторое время должонствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: отвѣтъ Лавритаса послу Баянову доказываетъ уже сію великодушную гордость: но что могло сначала вооружить ихъ противъ римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались готы, гунны и другіе народы: ей жертвовали славяне своею жизнію и никакимъ другимъ варварамъ не уступали въ хищности. Поселяне римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли домы и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и священники съ драгоцѣнною утварію церковною. Иногда, гонимые сильнѣйшими легіонами имперіи и не имѣя надежды спасти добычу, славяне бросали ее въ пламя и врагамъ своимъ оставляли на пути однѣ кучи пепла. Многіе изъ нихъ, не боясь поиска римлянъ, жили на полуденныхъ берегахъ Дуная въ пустыхъ замкахъ или пещерахъ, грабили селенія, ужасали земледѣльцевъ и путешественниковъ.—Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость славянъ въ разсужденіи грековъ; но сія жестокость, свойственная, впрочемъ, народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали славянъ, которые попадались имъ въ руки и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостію, безъ вопля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на разспросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ.—Такимъ образомъ славяне свирѣпствовали въ Имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоцѣнностей, имъ ненужныхъ: ибо они—вмѣсто того, чтобы пользоваться ими—обыкновенно зарывали ихъ въ землю.

Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости, хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкновенное во всѣхъ славянскихъ: такъ, слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ. Всякій путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ: встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безо-

пасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣди за сіе оскорбленіе, какъ за собственное. Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ; но бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое преступленіе. Нельзя видѣть безъ удивленія сію кроткую добродѣтель—можно сказать—обожаемую людьми, столь грубыми и хищными, каковы были дунайскіе славяне. Но если и добродѣтели, и пороки народные всегда происходятъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ и случаевъ, то не можно ли заключить, что славяне были нѣкогда облаготворены иностранцами: что признательность вселила въ нихъ любовь къ гостепріимству, а время обратило его въ обыкновеніе и законъ священный?.. Здѣсь представляются мыслямъ нашимъ славные финикіяне, которые за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова могли торговать съ балтійскими венедами и быть ихъ наставниками въ счастливыхъ изобрѣтеніяхъ ума гражданскаго.

Древніе писатели хвалятъ цѣломудріе не только женъ, но и мужей славянскихъ. Требуя отъ невѣстъ доказательства ихъ дѣвственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть вѣрными супругамъ. Славянки не хотѣли переживать мужей и добровольно сожигались на кострѣ съ ихъ трупами. Вдова живая безчестила семейство. Думаютъ, что сіе варварское обыкновеніе, истребленное только благодѣтельнымъ ученіемъ христіанской вѣры, введено было славянами (равно какъ и въ Индіи) для отвращенія тайныхъ мужеубійствъ: осторожность ужасная не менѣе самого злодѣянія, которое предупреждалось ею. Они считали женъ совершенными рабами, во всякомъ случаѣ, безотвѣтными; не дозволяли имъ ни противорѣчить себѣ, ни жаловаться; обременяли ихъ трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вмѣстѣ съ мужемъ, должна служить ему и на томъ свѣтѣ. Сіе рабство женъ происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали ихъ: обычай, донынѣ соблюдаемый въ Иллиріи. Удаленныя отъ дѣлъ народныхъ, славянки ходили иногда на войну съ отцами и супругами, не боясь смерти: такъ, при осадѣ Константинополя, въ 626 году, греки нашли между убитыми славянами многіе женскіе трупы. Мать, воспитывая дѣтей, готовила ихъ быть воинами и непримиримыми врагами тѣхъ людей, которые оскорбили ея ближнихъ; ибо славяне, подобно другимъ народамъ языческимъ, стыдились забывать обиду. Страхъ неумолимой мести отвращалъ иногда злодѣянія; въ случаѣ

убійства не только самъ преступникъ, но и весь народъ его безпрестанно ожидалъ своей гибели отъ дѣтей убитаго, которыя требовали крови за кровь.

Говоря о жестокихъ обычаяхъ славянъ языческихъ, скажемъ еще, что всякая мать имѣла у нихъ право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишкомъ многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденнаго служить отечеству. Сему обыкновенію не уступало по жестокости другое: право дѣтей умерщвлять родителей, обремененныхъ старостію и болѣзнями, тягостныхъ для семейства и безполезныхъ согражданамъ. Такъ, народы самые добродушные, безъ правилъ ума образованнаго и вѣры истинной, со спокойною совѣстію могутъ ужасать природу своими дѣлами и превосходить звѣрей въ лютости! Сіи дѣти, слѣдуя общему примѣру, какъ закону древнему, не считали себя извергами: они, напротивъ того, славились почтеніемъ къ родителямъ и всегда пеклись объ ихъ благосостояніи.

Къ описанію общаго характера славянъ прибавимъ, что Несторъ особенно говоритъ о нравахъ славянъ россійскихъ. Поляне были образованнѣе другихъ: кротки и тихи обычаемъ; стыдливость украшала ихъ женъ; бракъ издревле считался святою обязанностію между ними; миръ и цѣломудріе господствовали въ семействахъ. Древляне же имѣли обычаи дикіе, подобно звѣрямъ, съ коими они жили среди лѣсовъ темныхъ, питаясь всякою нечистотою; въ распряхъ и ссорахъ убивали другъ друга; не знали браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей и супруговъ, но уводили или похищали дѣвицъ. Сѣверяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянамъ; также не вѣдали ни цѣломудрія, ни союзовъ брачныхъ; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селеніями: женихи выбирали невѣстъ и безъ всякихъ обрядовъ соглашались жить съ ними вмѣстѣ; многоженство было у нихъ въ обыкновеніи.

Сіи три народа, подобно древлянамъ, обитали во глубинѣ лѣсовъ, которые были ихъ защитою отъ непріятелей и представляли имъ удобность для звѣриной ловли. То же самое говоритъ исторія VI вѣка о славянахъ дунайскихъ. Они строили бѣдныя свои хижины въ мѣстахъ дикихъ, уединенныхъ, среди болотъ непроходимыхъ, такъ что иностранецъ не могъ путешествовать въ ихъ землѣ безъ вожатаго. Безпрестанно ожидая врага, славяне брали еще и другую предосторожность: дѣлали въ жилищахъ своихъ разные выходы, чтобъ имъ можно было, въ случаѣ нападенія, тѣмъ скорѣе спастися бѣгствомъ, и скрывали въ глубокихъ ямахъ не только всѣ драгоцѣнныя вещи, но и самый хлѣбъ.

Ослѣпленные безразсуднымъ корыстолюбіемъ, они искали мни-

мыхъ сокровищъ въ Греціи, имѣя въ странѣ своей, въ Даніи и въ окрестностяхъ ея, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодоносныя для хлѣбопашества, въ коемъ они издревле упражнялись и которое вывело ихъ, можетъ быть, еще за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова изъ дикаго, кочевого состоянія: ибо сіе благодѣтельное искусство было вездѣ первымъ шагомъ человѣка къ жизни гражданской, вселило въ него привязанность къ одному мѣсту и къ домашнему крову, дружество къ сосѣду и, наконецъ, самую любовь къ отечеству. Думаютъ, что славяне узнали скотоводство въ Даніи: ибо слово пастырь есть латинское, слѣдственно заимствованное ими отъ жителей сей земли, гдѣ языкъ римлянъ былъ въ употребленіи; но сія мысль кажется неосновательною. Будучи въ сѣверномъ своемъ отечествѣ сосѣдами народовъ германскихъ, скиоскихъ и сарматскихъ, богатыхъ скодоводовъ, венеды или славяне долженствовали издревле вѣдать сіе важное изобрѣтеніе человѣческаго хозяйства, едва ли не вездѣ предупредившее науку земледѣлія. Пользуясь уже тѣмъ и другимъ, они имѣли все нужное для человѣка; не боялись ни голода, ни свирѣпостей зимы: поля и животныя давали имъ пищу и одежду. Въ VI вѣкѣ славяне питались просомъ, гречихою и молокомъ, а послѣ выучились готовить разныя вкусныя яства, не жалѣя ничего для веселаго угощенія друзей и доказывая въ такомъ случаѣ свое радушіе изобильною трапезою: обыкновеніе, еще и нынѣ наблюдаемое потомствомъ славянскимъ. Медъ былъ ихъ любимымъ питьемъ: вѣроятно, что они сначала дѣлали его изъ меду лѣсныхъ, дикихъ пчелъ, а наконецъ и сами разводили ихъ. Венеды, по извѣстію Тацитову, не отличались одеждою отъ германскихъ народовъ, т.-е. едва закрывали наготу свою. Славяне въ VI вѣкѣ сражались безъ кафтановъ, нѣкоторые даже безъ рубахъ, въ однихъ портахъ. Кожи звѣрей, лѣсныхъ и домашнихъ, согрѣвали ихъ въ холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисеромъ и металлами, добытыми на войнѣ или вымѣненными у купцовъ иностранныхъ.

Сіи купцы, пользуясь совершенною безопасностію въ земляхъ славянскихъ, привозили имъ товары и мѣняли ихъ на скотъ, полотно, кожи, хлѣбъ и разную воинскую добычу. Въ VIII вѣкѣ славяне сами ѣздили для купли и продажи въ чужія земли. Карлъ Великій поручилъ торговлю съ ними въ нѣмецкихъ городахъ особенному надзиранію своихъ чиновниковъ. Въ среднихъ вѣкахъ цвѣли уже нѣкоторые торговые города славянскіе: Виннета или Юлинъ, при устьѣ Одера, Аркона на островѣ Рюгенѣ, Деминъ, Волгасъ въ Поммераніи и другіе. Первую описываетъ Гельмольдъ слѣдующимъ образомъ: „Тамъ, гдѣ рѣка Одеръ впадаетъ въ

море Балтійское, славилась нѣкогда Виннета, лучшая пристань для народовъ сосѣдственныхъ. О семъ городѣ разсказываютъ много удивительнаго; увѣряютъ, что онъ превосходилъ величіемъ всѣ иные города европейскіе... Саксонцы могли обитать въ немъ, но долженствовали таить христіанскую вѣру свою, ибо граждане Виннеты усердно слѣдовали обрядамъ язычества; впрочемъ, не уступали никакому народу въ честности, добронравіи и ласковомъ гостепріимствѣ. Обогащенная товарами разныхъ земель, Виннета изобиловала всѣмъ пріятнымъ и рѣдкимъ. Повѣствуютъ, что король датскій, пришедшій съ флотомъ сильнымъ, разрушилъ ее до основанія; но и нынѣ, т.-е. въ XII вѣкѣ, существуютъ остатки сего древняго города". Впрочемъ, торговля славянъ, до введенія христіанства въ ихъ земляхъ, состояла только въ обмѣнѣ вещей; они не употребляли денегъ и брали золото отъ чужестранцевъ единственно какъ товаръ.

Бывъ въ имперіи и видѣвъ собственными глазами изящныя творенія греческихъ художествъ, наконецъ, строя города и занимаясь торговлею, славяне имѣли нѣкоторое понятіе объ искусствахъ, соединенныхъ съ первыми успѣхами разума гражданскаго. Они вырѣзывали на деревѣ образы человѣка, птицъ, звѣрей и красили ихъ разными цвѣтами, которые не измѣнялись отъ солнечнаго жара и не смывались дождемъ. Въ древнихъ могилахъ вендскихъ нашлися многія глиняныя урны, весьма хорошо сдѣланныя, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ и покрытыя лакомъ; также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебряною оправою и насѣчкою. Чехи задолго до временъ Карла Великаго занимались уже рудокопаніемъ, и въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толлензскаго озера, въ Прильвицѣ, найдены въ XVII вѣкѣ мѣдные истуканы боговъ славянскихъ, работы ихъ собственныхъ художниковъ, которые, впрочемъ, не имѣли понятія о красотѣ металлическихъ изображеній, отливая голову, станъ и ноги въ разныя формы и весьма грубо. Такъ было и въ Греціи, гдѣ во времена Гомеровы художники уже славились ваяніемъ, но еще не умѣли отливать статуй въ одну форму. Памятникомъ каменосѣчнаго искусства древнихъ славянъ остались большія, гладко обдѣланныя плиты, на коихъ выдолблены изображенія рукъ, пятъ, копытъ и проч.

Любя воинскую дѣятельность и подвергая жизнь свою безпрестаннымъ опасностямъ, предки наши мало успѣвали въ зодчествѣ, требующемъ времени, досуга, терпѣнія, и не хотѣли строить себѣ домовъ прочныхъ: не только въ шестомъ вѣкѣ, но и гораздо послѣ обитали въ шалашахъ, которые едва укрывали ихъ отъ непогодъ и дождя. Самые города славянскіе были не что иное, какъ собраніе хижинъ, окруженныхъ заборомъ или землянымъ

валомъ. Тамъ возвышались храмы идоловъ, не такія великолѣпныя зданія, какими гордились Египетъ, Греція, и Римъ, но большіе деревянные кровы. Венеды называли ихъ гонтинами, отъ слова гонтъ, донынѣ означающаго на русскомъ языкѣ особенный родъ тесницъ, употребляемыхъ для кровли домовъ.

Не зная выгодъ роскоши, которая сооружаетъ палаты и выдумываетъ блестящія наружныя украшенія, древніе славяне въ низкихъ хижинахъ своихъ умѣли наслаждаться дѣйствіемъ такъ называемыхъ искусствъ изящныхъ. Первая нужда людей есть пища и кровъ, вторая—удовольствіе, и самые дикіе народы ищутъ его въ согласіи звуковъ, веселящихъ душу посредствомъ слуха. Сѣверные венеды въ шестомъ вѣкѣ сказывали греческому императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ обыкновенно въ путь съ собою не оружіе, а киѳары или гусли, ими выдуманныя. Волынка, гудокъ и дудка были также извѣстны предкамъ нашимъ, ибо всѣ народы славянскіе донынѣ любятъ ихъ. Не только въ мирное время и въ отчизнѣ, но и въ набѣгахъ своихъ, въ виду многочисленныхъ враговъ, славяне веселились, пѣли и забывали опасность. Такъ, Прокопій, описывая, въ 592 году, ночное нападеніе греческаго вождя на ихъ войско, говоритъ, что они усыпили себя пѣснями и не взяли никакихъ мѣръ осторожности. Нѣкоторыя народныя пѣсни славянскія въ Лаузицѣ, въ Люнебургѣ, въ Далмаціи, кажутся древними; также и старинные припѣвы русскихъ, въ коихъ величаются имена боговъ языческихъ и рѣки Дуная, любезнаго нашимъ предкамъ, ибо на берегахъ его искусились они нѣкогда въ воинскомъ счастіи. Вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ отечествѣ венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обращались въ воинскія, когда народъ ихъ приблизился къ имперіи и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли ему живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею исторіею славянскою. Такъ вездѣ рождалось стихотворство, изображая главныя склонности народныя; такъ, пѣсни самыхъ нынѣшнихъ кроатовъ болѣе всего славятъ мужество и память великихъ предковъ; но другія, любимыя нѣмецкими вендами, возбуждаютъ только къ веселью и къ счастливому забвенію житейскихъ горестей; иные же совсѣмъ не имѣютъ смысла, подобно нѣкоторымъ русскимъ, нравятся однимъ согласіемъ звуковъ и мягкихъ словъ, дѣйствуя только на слухъ и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствіе, производимое музыкою, заставляетъ людей изъявлять оное разными движеніями: раждается пляска, любимая забава самыхъ дикихъ народовъ. По нынѣшней русской,

богемской, далматской можемъ судить о древней пляскѣ славянъ, которою они торжествовали священные обряды язычества и всякіе пріятные случаи: она состоитъ въ томъ, чтобы въ сильномъ напряженіи мышцъ взмахивать руками, вертѣться на одномъ мѣстѣ, присѣдать, топать ногами, и соотвѣтствуетъ характеру людей крѣпкихъ, дѣятельныхъ, неутомимыхъ. Народныя игры и потѣхи, донынѣ однообразныя въ земляхъ славянскихъ: борьба, кулачный бой, бѣганье взапуски, остались также памятникомъ ихъ древнихъ забавъ, представляющихъ намъ образъ войны и силы.

Въ дополненіе къ симъ извѣстіямъ, замѣтимъ, что славяне, еще не зная грамоты, имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ ариѳметикѣ, въ хронологіи. Домоводство, война, торговля пріучили ихъ ко многосложному счисленію; имя тма, знаменующее 10,000, есть древне-славянское. Наблюдая теченіе года, они, подобно римлянамъ, дѣлили его на 12 мѣсяцевъ и каждому изъ оныхъ дали названіе, согласное съ временными явленіями или дѣйствіями природы: генварю—просинецъ (вѣроятно отъ синевы неба), февралю—сѣчень, марту—сухій, апрѣлю—березозолъ (думаю, отъ золы березовой), маю—травный, іюню—изокъ (такъ называлась у славянъ какая-то пѣвчая птица), іюлю—червенъ (не отъ красныхъ ли плодовъ или ягодъ?), августу—заревъ (отъ зари или зарницы), сентябрю—рюенъ (или ревунъ, какъ толкуютъ, отъ рева звѣрей), октябрю—листопадъ, ноябрю—груденъ (отъ грудъ снѣга или мерзлой грязи?), декабрю—студеный. Столѣтіе называлось вѣкомъ, т.-е. жизнію человѣческою, во свидѣтельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крѣпкимъ сложеніемъ и здравые физическою дѣятельностію.

Сей народъ, подобно всѣмъ инымъ, въ началѣ гражданскаго бытія своего не зналъ выгодъ правленія благоустроеннаго, не терпѣлъ ни властелиновъ, ни рабовъ въ землѣ своей и думалъ, что свобода дикая, неограниченная есть главное добро человѣка. Хозяинъ господствовалъ въ домѣ: отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, братъ надъ сестрами; всякій строилъ себѣ хижину особенную, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, чтобы жить спокойнѣе и безопаснѣе. Лѣсъ, ручей, поле составляли его область, въ которую страшились зайти слабые и не вооруженные. Каждое семейство было маленькою независимою республикою; но общіе древніе обычаи служили между ними нѣкоторою гражданскою связью. Въ случаяхъ важныхъ единоплеменные сходились вмѣстѣ совѣтоваться о благѣ народномъ, уважая приговоръ старцевъ, сихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія для народовъ дикихъ; вмѣстѣ также, предпринимая воинскіе походы, избирали вождей, хотя, любя своевольство и боясь всякаго принужденія, весьма ограничивали власть ихъ и часто

не повиновались имъ въ самыхъ битвахъ. Совершивъ общее дѣло и возвратясь домой, всякій опять считалъ себя большимъ и главою въ своей хижинѣ.

Въ теченіе временъ сія дикая простота нравовъ должна была измѣниться. Славяне, грабя имперію, гдѣ царствовала роскошь, узнали новыя удовольствія и потребности, которыя, ограничивъ ихъ независимость, укрѣпили между ними связь гражданскую. Они почувствовали болѣе нужды другъ въ другѣ, сблизились жилищами и завели селенія; другіе, видя въ чужихъ земляхъ грады великолѣпные и веси цвѣтущія, разлюбили мрачные лѣса свои, нѣкогда украшаемые для нихъ одною свободою; перешли въ греческія владѣнія и согласились зависѣть отъ императоровъ. Жребій войны и могущество Карла Великаго подчинили ему и наслѣдникамъ его большую часть славянъ нѣмецкихъ; но своевольство неукротимое было всегда ихъ характеромъ: какъ скоро обстоятельства имъ благопріятствовали, они свергали съ себя иго и жестоко мстили чужеземному властелину за свое временное порабощеніе, такъ что одна вѣра христіанская могла, наконецъ, смирить ихъ.

Многочисленныя области славянскія всегда имѣли сообщеніе одна съ другою, и кто говорилъ ихъ языкомъ, тотъ во всякой находилъ друзей и согражданъ. Баянъ, ханъ аваровъ, зная сей тѣсный союзъ племенъ славянскихъ и покоривъ многія изъ нихъ въ Дакіи, Панноніи, въ Богеміи, думалъ, что и самыя отдаленныя должны служить ему, и для того, въ 590 году, требовалъ войска отъ славянъ балтійскихъ. Нѣкоторые знаменитые храмы еще болѣе утверждали связь между ними въ среднихъ вѣкахъ; тамъ сходились они изъ разныхъ земель вопрошать боговъ, и жрецъ, отвѣтствуя устами идола, нерѣдко убѣждалъ ихъ дѣйствовать согласно съ общею или особенною пользою своего народа; тамъ оскорбленные чужеземцами славяне приносили свои жалобы единоплеменнымъ, заклиная ихъ быть мстителями отечества и вѣры; тамъ въ опредѣленное время собирались чиновники и старѣйшины для сейма, на коемъ благоразуміе и справедливость часто уступали дерзости и насилію. Храмъ города Ретры въ Мекленбургѣ, на рѣкѣ Толлензѣ, славился болѣе всѣхъ другихъ такими собраніями.

Народное правленіе славянъ чрезъ нѣсколько вѣковъ обратилось въ аристократическое. Вожди, избираемые общею довѣренностію, отличные искусствомъ и мужествомъ, были первыми властелинами въ своемъ отечествѣ. Дѣла славы требовали благодарности отъ народа; къ тому же, будучи ослѣпленъ счастіемъ героевъ, онъ искалъ въ нихъ и разума отмѣннаго. Богемцы, еще не имѣя ни законовъ общественныхъ, ни судей избранныхъ, въ личныхъ

распряхъ своихъ отдавались на судъ знаменитымъ гражданамъ, а сія знаменитость основывалась на извѣданной храбрости въ битвахъ и на богатствѣ, ея наградѣ, ибо оно пріобрѣталось тогда войною. Наконецъ, обыкновеніе сдѣлалось для однихъ правомъ начальствовать, а для иныхъ обязанностію повиноваться. Если сынъ героя славнаго и богатаго имѣлъ великія свойства отца, то онъ еще болѣе утверждалъ власть своего рода.

Сія власть означалась у славянъ именами боярина, воеводы, князя, пана, жупана, короля или краля и другими. Первое, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ боя и въ началѣ своемъ могло знаменовать воина отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство. Византійскія лѣтописи, въ 764 году, упоминаютъ о боярахъ, вельможахъ или главныхъ чиновникахъ славянъ болгарскихъ.—Воеводами назывались прежде одни воинскіе начальники; но какъ они и въ мирное время умѣли присвоить себѣ господство надъ согражданами, то сіе имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у богемскихъ и саксонскиxъ вендовъ, въ Крайнѣ государя, въ Польшѣ не только воинскаго предводителя, но и судію. Слово князь родилось едва ли не отъ коня, хотя многіе ученые производятъ его отъ восточнаго имени каганъ и нѣмецкаго König. Въ славянскихъ земляхъ кони были драгоцѣннѣйшею собственностію: у поморянъ, въ среднихъ вѣкахъ, 30 лошадей составляли великое богатство, и всякій хозяинъ коня назывался княземъ, nobilis capitaneus et princeps. Въ Кроаціи и Сербіи именовались такъ братья королей; въ Далмаціи главный судья имѣлъ титло великаго князя.—Панъ славянскій, по извѣстію Константина Багрянороднаго, управлялъ въ Кроаціи тремя большими округами и предсѣдательствовалъ на сеймахъ, когда народъ собирался въ полѣ для совѣта. Имя пановъ, долго могущественныхъ въ Венгріи, до самаго XIII вѣка, означало въ Богеміи владѣльцевъ богатыхъ, а на польскомъ языкѣ и нынѣ значитъ господина. Округи въ славянскихъ земляхъ назывались жупанствами, а правители ихъ—жупанами или старѣйшинами, по толкованію Константина Багрянороднаго: древнее слово жупа означало селеніе. Главною должностью сихъ чиновниковъ было правосудіе; въ Верхней Саксоніи и въ Австріи славянскіе поселяне донынѣ называютъ такъ судей своихъ; но въ среднихъ вѣкахъ достоинство жупановъ уважалось болѣе княжескаго. Въ разборѣ тяжебныхъ дѣлъ помогали имъ суддавы, или частные судьи. Странное обыкновеніе сохранилось въ нѣкоторыхъ славянскихъ деревняхъ Лаузица и Бранденбурга: земледѣльцы тайно избираютъ между собою короля и платятъ ему дань, какую они во время своей вольности платили жупанамъ.—Наконецъ въ Сербіи, въ Далмаціи, въ Богеміи, владѣтели стали именоваться кралями или

королями, то-есть, по мнѣнію нѣкоторыхъ, наказателями преступниковъ, отъ слова кара или наказаніе.

Итакъ, первая власть, которая родилась въ отечествѣ нашихъ дикихъ, независимыхъ предковъ, была воинская. Сраженія требуютъ одного намѣренія и согласнаго дѣйствія частныхъ силъ: для того избрали полководцевъ. Въ тѣснѣйшихъ связяхъ общежитія славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданскаго корыстолюбія: для того назначили судей; но первые изъ нихъ были знаменитѣйшіе герои. Одни люди пользовались общею довѣренностію въ дѣлахъ войны и мира. Исторія славянъ подобна исторіи всѣхъ народовъ, выходящихъ изъ дикаго состоянія. Только мудрая, долговременная опытность научаетъ людей благодѣтельному раздѣленію властей воинскихъ и гражданскихъ.

Но древнѣйшіе бояре, воеводы, князья, паны, жупаны и самые короли славянскіе во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ произвола гражданъ, которые нерѣдко, единодушно избравъ начальника, вдругъ лишали его своей довѣренности, иногда безъ всякой вины, единственно по легкомыслію, клеветѣ или въ несчастіяхъ: ибо народъ всегда склоненъ обвинять правителей, если они не умѣютъ отвратить бѣдствій отъ государства. Сихъ примѣровъ довольно въ исторіи языческихъ, даже и христіанскихъ славянъ. Они вообще не любили наслѣдственной власти и болѣе принужденно, нежели добровольно повиновались иногда сыну умершаго воеводы или князя. Избраніе герцога, то-есть воеводы, въ Славянской Каринтіи соединено было съ обрядомъ весьма любопытнымъ. Избираемый въ самой бѣдной одеждѣ являлся среди народнаго собранія, гдѣ земледѣлецъ сидѣлъ на престолѣ, или на большомъ дикомъ камнѣ. Новый властитель клялся быть защитникомъ вѣры, сиротъ, вдовъ, справедливости: тогда земледѣлецъ уступалъ ему камень, и всѣ граждане присягали въ вѣрности. Между тѣмъ два рода знаменитѣйшіе имѣли право вездѣ косить хлѣбъ и жечь селенія, въ знакъ и въ память того, что древніе славяне выбрали перваго властелина для защиты ихъ отъ насилія и злодѣйства.

Однакожъ многіе князья, владѣя счастливо и долгое время, умѣли сообщать право наслѣдственности дѣтямъ. Въ Западной Сербіи былъ примѣръ, что жена князя Доброслова по смерти его правила землею.—Государи славянскіе, достигнувъ самовластія, подобно другимъ, ослабляли свое могущество удѣлами: то-есть всякому сыну давали особенную область; но сіи примѣры бывали рѣдки во времена язычества: князья, по большей части избираемые, думали, что не имѣютъ права располагать судьбою людей, которые только имъ поддались.

Главный начальникъ или правитель судилъ народныя дѣла торжественно, въ собраніи старѣйшинъ, и часто во мракѣ лѣса; ибо славяне воображали, что богъ суда, Прове, живетъ въ тѣни древнихъ, густыхъ дубовъ. Сіи мѣста и домы княжескіе были священны: никто не дерзалъ войти въ нихъ съ оружіемъ, и самые преступники могли тамъ безопасно укрываться. Князь, воеводы, король былъ главою ратныхъ силъ: но жрецы, устами идоловъ, и воля народная предписывали ему войну или миръ (при заключеніи коего славяне бросали камень въ море, клали оружіе и золото къ ногамъ идола, или, простирая десницу къ бывшимъ непріятелямъ, вручали имъ клокъ волосъ своихъ вмѣстѣ съ горстію травы). Народъ платилъ властителямъ дань, однакожъ произвольную.

Такъ, славяне въ разные вѣка и въ разныхъ земляхъ управлялись гражданскою властію. О славянахъ россійскихъ Несторъ пишетъ, что они, какъ и другіе, не знали единовластія, наблюдая законъ отцовъ своихъ, древніе обычаи и преданія, о коихъ еще въ VI вѣкѣ упоминаетъ греческій историкъ и которые имѣли для нихъ силу законовъ писанныхъ: ибо гражданскія общества не могутъ образоваться безъ уставовъ и договоровъ, основанныхъ на справедливости. Но какъ сіи условія требуютъ блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикіе народы избираютъ посредниковъ между людьми и закономъ. Хотя лѣтописецъ нашъ не говоритъ о томъ, но россійскіе славяне, конечно, имѣли властителей съ правами, ограниченными народною пользою и древними обыкновеніями вольности. Въ договорѣ Олега съ греками, въ 911 году, упоминается уже о великихъ боярахъ русскихъ: сіе достоинство, знакъ воинской славы, конечно, не варягами было введено въ Россіи, ибо оно есть древнее славянское. Самое имя князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новымъ, но безъ сомнѣнія и прежде означало у нихъ знаменитый санъ гражданскій или воинскій.

Общежитіе, пробуждая или ускоряя дѣйствія разума соннаго, медленнаго въ людяхъ дикихъ, разсѣянныхъ, по большей части уединенныхъ, рождаетъ не только законы и правленіе, но и самую вѣру, столь естественную для человѣка, столь необходимую для гражданскихъ обществъ, что мы ни въ мірѣ, ни въ исторіи не находимъ народа, совершенно лишеннаго понятій о Божествѣ. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрѣпляются, такъ сказать, мыслію о Силѣ Вышней, которая можетъ спасти ихъ отъ ударовъ рока, неотвратимыхъ никакою мудростію человѣческою,—хранить добрыхъ и наказывать тайныя злодѣйства. Сверхъ того, вѣра производитъ еще тѣснѣйшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они

сближаются сердцами и духомъ. Сія выгода такъ явна и велика для гражданскаго общества, что она не могла укрыться отъ вниманія самыхъ первыхъ его основателей, или отцовъ семейства.

Славяне въ VI вѣкѣ покланялися Творцу молніи, Богу вселенныя. Величественное зрѣлище грозы, когда небо пылаетъ и невидимая рука бросаетъ, кажется, съ его свода быстрые огни на землю, долженствовало сильно поразить умъ человѣка естественнаго, живо представить ему образъ Существа Вышняго и вселить въ его сердце благоговѣніе или ужасъ священный, который былъ главнымъ чувствомъ вѣръ языческихъ.—Анты и славяне, какъ замѣчаетъ Прокопій, не вѣрили судьбѣ, но думали, что всѣ случаи зависятъ отъ Міроправителя: на полѣ ратномъ, въ опасностяхъ, въ болѣзни старались его умилостивить обѣтами; приносили ему въ жертву воловъ и другихъ животныхъ, надѣясь спасти тѣмъ жизнь свою; обожали еще рѣки, нимфъ, демоновъ и гадали будущее.—Въ новѣйшія времена славяне покланялись разнымъ идоламъ, думая, что многочисленность кумировъ утверждаетъ безопасность смертнаго и что мудрость человѣческая состоитъ въ знаніи именъ и свойства сихъ мнимыхъ покровителей. Истуканы считались не образомъ, но тѣломъ боговъ, ими одушевляемымъ, и народъ падалъ ницъ предъ кускомъ дерева или слиткомъ руды, ожидая отъ нихъ спасенія и благоденствія.

Однакожъ славяне, въ самомъ безразсудномъ суевѣріи, имѣли еще понятіе о Богѣ единственномъ и Вышнемъ, коему, по ихъ мнѣнію, горнія небеса, украшенныя свѣтилами лучезарными, служатъ достойнымъ храмомъ и который печется только о небесномъ, избравъ другихъ, нижнихъ боговъ, чадъ своихъ, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно Бѣлымъ Богомъ и не устроили ему храмовъ, воображая, что смертныя не могутъ имѣть съ нимъ сообщенія и должны относиться въ нуждахъ своихъ къ богамъ второстепеннымъ, помогающимъ всякому, кто добръ въ мирѣ и мужественъ на войнѣ, съ удовольствіемъ отворяетъ хижину для странниковъ и съ радушіемъ питаетъ гладныхъ.

Не умѣя согласить несчастій, болѣзней и другихъ житейскихъ горестей съ благостію сихъ міроправителей, славяне балтійскіе приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей; именовали его Чернобогомъ, старались умилостивить жертвами и въ собраніяхъ народныхъ пили изъ чаши, посвященной ему и добрымъ богамъ. Онъ изображался въ видѣ льва, и для того, нѣкоторые думаютъ, что славяне заимствовали мысль о Чернобогѣ отъ христіанъ, уподоблявшихъ діавола также сему звѣрю; но вѣроятно, что ненависть къ саксонцамъ, которые были самыми опасными врагами сѣверныхъ вендовъ и на знаменахъ своихъ

представляли льва, подала имъ мысль къ такому изображенію существа злобнаго. Славяне думали, что оно ужасаетъ людей грозными привидѣніями или страшилами, и что гнѣвъ его могутъ укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за ихъ мнимую науку. Сіи волхвы, о коихъ и Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, подобно сибирскимъ шаманамъ, старались музыкою дѣйствовать на воображеніе легковѣрныхъ, играли на гусляхъ и для того именовались въ нѣкоторыхъ земляхъ славянскихъ гуслярами.

Между богами добрыми славился болѣе прочихъ Святовидъ, котораго храмъ былъ въ городѣ Арконѣ, на островѣ Рюгенѣ и которому не только всѣ другіе венды, но и короли датскіе, исповѣдуя уже христіанскую вѣру, присылали дары. Онъ предсказывалъ будущее и помогалъ на войнѣ. Кумиръ его величиною превосходилъ ростъ человѣка, украшался одеждою короткою, сдѣланною изъ разнаго дерева; имѣлъ четыре головы, двѣ груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные; ногами стоялъ въ землѣ и въ одной рукѣ держалъ рогъ съ виномъ, а въ другой—лукъ; подлѣ идола висѣли: узда, сѣдло, мечъ его съ серебряными ножнами и рукоятка. Гельмольдъ разсказываетъ, что жители острова Рюгена обожали въ семъ идолѣ христіанскаго святого, именемъ Вита, слышалъ о великихъ чудесахъ его отъ корбейскихъ монаховъ, которые хотѣли нѣкогда обратить ихъ въ истинную вѣру. Достойно замѣчанія, что иллирическіе славяне донынѣ празднуютъ день св. Вита съ разными языческими обрядами. Впрочемъ, Гельмольдово преданіе, утверждаемое и Саксономъ Грамматикомъ, не есть ли одна догадка, основанная на сходствѣ именъ? Для того, по извѣстію Мавро-Урбина, одинъ изъ христіанскихъ князей въ Богеміи выписалъ мощи св. Вита, желая обратить къ нимъ усердіе народа своего, который не переставалъ обожать Святовида. Привязанность не только балтійскихъ, но и другихъ славянъ къ сему идолослуженію доказываетъ, кажется, древность онаго.

Народъ рюгенскій покланялся еще тремъ идоламъ: первому Рюгевиту или Ругевичу, богу войны, изображаемому семью лицами, съ семью мечами, висѣвшими въ ножнахъ на бедрѣ, и съ восьмымъ обнаженнымъ въ рукѣ (дубовый кумиръ его былъ весь загаженъ ласточками, которыя вили на немъ свои гнѣзда); второму—Поревиту, коего значеніе неизвѣстно и который изображался съ пятью головами, но безъ всякаго оружія; третьему—Поренуту о четырехъ лицахъ и съ пятымъ лицомъ на груди: онъ держалъ его правою рукою за бороду, а лѣвою—за лобъ и считался богомъ четырехъ временъ года.

Главный идолъ въ городѣ Ретрѣ назывался Радегастъ, богъ

страннопріимства, какъ нѣкоторые думаютъ, ибо славяне были всегда рады гостямъ. Но сіе толкованіе кажется несправедливымъ; онъ изображался болѣе страшнымъ, нежели дружелюбнымъ: съ головою львиною, на которой сидѣлъ гусь, и еще съ головою буйвола на груди; иногда одѣтый, иногда нагой, и держалъ въ рукѣ большую сѣкиру. Надписи ретрскаго истукана его доказываютъ, что сей богъ, хотя и принадлежитъ къ числу добрыхъ, однакожъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ и вредить человѣку. Адамъ Бременскій пишетъ о золотомъ кумирѣ и пурпуровомъ ложѣ Радегаста, но мы должны сомнѣваться въ истинѣ его сказанія: въ другомъ мѣстѣ сей историкъ увѣряетъ насъ, что храмъ Упсальскій весь былъ сдѣланъ изъ золота.

Сива—можетъ быть, Жива—считалась богинею жизни и доброю совѣтницею. Главный храмъ ея находился въ Рацебургѣ. Она представлялась одѣтою; держала на головѣ нагого мальчика, а въ рукѣ—виноградную кисть. Далматскіе славяне поклонялись доброй Фрихіи, богинѣ германскихъ народовъ; но какъ въ исландскихъ древностяхъ Фрихія или прекрасная Фрея называется Ванадисъ или Венедскою, то, вѣроятно, что готы заимствовали отъ славянъ понятіе о сей богинѣ и что она же именовалась Сивою.

Между ретрскими истуканами нашлися германскіе, прусскіе, т.-е. латышскіе и даже греческіе идолы. Балтійскіе славяне покланялись Водану или скандинавскому Одину, узнавъ объ немъ отъ германскихъ народовъ, съ которыми они жили въ Дакіи и которые были еще издревле ихъ сосѣдями. Венды мекленбургскіе донынѣ сохранили нѣкоторые обряды вѣры Одиновой. Прусскія надписи на истуканахъ Перкуна, бога молніи, и Парстуковъ или Берстуковъ, доказываютъ, что они были латышскіе идолы; но славяне молились имъ въ ретрскомъ храмѣ, такъ же, какъ и греческимъ статуямъ Любви, брачнаго Генія и Осени, безъ сомнѣнія отнятымъ или купленнымъ ими въ Греціи.—Кромѣ сихъ боговъ чужеземныхъ тамъ стояли еще кумиры Числобога, Ипабога, Зибога или Зембога и Немизы. Первый изображался въ видѣ женщины съ луною и знаменовалъ, кажется, мѣсяцъ, на которомъ основывалось исчисленіе времени. Имя второго—непонятно; но ему надлежало быть покровителемъ звѣриной ловли, которая представлялась на его одеждѣ. Третьяго обожали въ Богеміи, какъ сильнаго духа земли. Немиза повелѣвалъ вѣтромъ и воздухомъ; голова его увѣнчана лучами и крыломъ, а на тѣлѣ изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видѣвшіе языческихъ вендовъ, сохранили намъ извѣстіе еще о нѣкоторыхъ другихъ идолахъ. Въ Юлинѣ, или въ Виннетѣ, главный именовался Три-

главъ. Кумиръ его былъ деревянный, непомѣрной величины, а другой—маленькій, вылитый изъ золота, о трехъ головахъ, покрытыхъ одною шапкою. Болѣе ничего не знаемъ о семъ идолѣ. Второй, Припекала, означалъ, кажется, любострастіе: ибо христіанскіе писатели сравнивали его съ Пріапомъ; а третій, Геровитъ или Яровидъ, богъ войны, коего храмъ былъ въ Гавельбергѣ и Волгастѣ и подлѣ котораго висѣлъ на стѣнѣ золотой щитъ.—Жители Вагріи особенно чтили Прова, бога правосудія, и Подагу, бога звѣроловства. Первому служили храмомъ самые древнѣйшіе дубы, окруженные деревянною оградою съ двумя вратами. Въ сей заповѣдной дубравѣ и въ ея святилищѣ жилъ великій жрецъ, совершались торжественныя жертвоприношенія, судился народъ и люди, угрожаемые смертью, находили безопасное убѣжище. Онъ изображался старцемъ, въ одеждѣ со многими складками, съ цѣпями на груди и держалъ въ рукѣ ножъ. Второй считается покровителемъ звѣроловства для того, что на одеждѣ и жертвенной чашѣ его кумира о двухъ лицахъ, найденнаго въ числѣ ретрскихъ древностей, представлены стрѣлокъ, олень и кабанъ; въ рукахъ своихъ онъ держитъ также какого-то звѣря. Другіе признаютъ въ немъ бога ясныхъ дней, который у сербовъ назывался Погодою: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырѣзанныя на семъ истуканѣ, значатъ ясность и ведро.—Мерзебургскіе венды обожали идола Гениля, покровителя ихъ собственности, и въ нѣкоторое время года пастухи разносили по домамъ символъ его: кулакъ съ перстнемъ, укрѣпленный на шестѣ.

О вѣрѣ славянъ иллирическихъ не имѣемъ никакихъ извѣстій; но какъ морлахи на свадебныхъ пиршествахъ своихъ донынѣ славятъ Давора, Дамора, Добрую Фрихію, Яра и Пика, то съ вѣроятностью заключить можно, что языческіе боги ихъ назывались сими именами.—Сказаніе польскихъ историковъ о древнемъ богослуженіи въ ихъ отечествѣ основывается единственно на преданіи и догадкахъ. Въ Гнѣзнѣ,—пишутъ они,—былъ знаменитый храмъ Піи, славянскаго Плутона, котораго молили о счастливомъ успокоеніи мертвыхъ; обожали еще Марзану или Цереру, обрекая въ жертву ей десятую часть плодовъ земныхъ; Ясса или Ясна, римскаго Юпитера; Ладона или Ляда, Марса; Дзидзилію, богиню любви и дѣторожденія; Зивонію или Зиванну, Діану; Зиваго, или бога жизни; Леля и Полеля, или греческихъ близнецовъ Кастора и Поллукса; Погоду и Похвиста, бога ясныхъ дней и сильнаго вѣтра. „Слыша вой бури (пишетъ Стриковскій), сіи язычники съ благоговѣніемъ преклоняли колѣна“.

Въ Россіи, до введенія христіанской вѣры, первую степень между идолами занималъ Перунъ, богъ молніи, которому славяне

еще въ VI вѣкѣ покланялись, обожая въ немъ верховнаго Міроправителя. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ, на холмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новѣгородѣ, надъ рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ Хорса, Дажебога, Стрибога, Самаргла и Мокоша, не объявляя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ греками упоминается еще о Волосѣ, котораго именемъ и Перуновымъ клялися россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особенное уваженіе, ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства.—Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ. Хотя они выбраны отчасти изъ польскихъ ненадежныхъ историковъ, но, будучи согласны съ древними обыкновеніями народа русскаго, кажутся вѣроятными, по крайней мѣрѣ достойными замѣчанія.

Богъ веселія, любви, согласія и всякаго благополучія именовался въ Россіи Ладо; ему жертвовали вступающіе въ союзъ брачный, съ усердіемъ воспѣвая имя его, которое слышимъ и нынѣ въ старинныхъ припѣвахъ. Стриковскій называетъ сего бога латышскимъ: въ Литвѣ и Самогитіи народъ праздновалъ ему отъ 25 мая до 25 іюня: отцы и мужья въ гостиницахъ, а жены и дочери на улицахъ и на лугахъ; взявшись за руки, онѣ плясали и пѣли: Ладо, Ладо, дидисъ Ладо, то есть великій Ладо. Такое же обыкновеніе донынѣ существуетъ въ деревняхъ нашихъ: молодыя женщины весною собираются играть и пѣть Лада, диди-Лада. Мы уже замѣтили, что славяне охотно умножали число идоловъ своихъ и принимали чужеземныхъ. Русскіе язычники, какъ пишетъ Адамъ Бременскій, ѣздили въ Курляндію и въ Самогитію для поклоненія кумирамъ: слѣдственно имѣли однихъ боговъ съ латышами, ежели не всѣ, то хотя нѣкоторыя славянскія племена въ Россіи—вѣроятно, кривичи: ибо названіе ихъ свидѣтельствуетъ, кажется, что они признавали латышскаго первосвященника Криве главою вѣры своей. Впрочемъ, Ладо могъ быть и древнимъ славянскимъ божествомъ: жители Молдавіи и Валахіи въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ донынѣ твердятъ имя Лада.

Купалу, богу земныхъ плодовъ, жертвовали передъ собираніемъ хлѣба, 23 іюня, въ день св. Агриппины, которая для того прозвана въ народѣ Купальницею. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около него и воспѣвали Купала. Память сего идолослуженія сохранилась въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, гдѣ ночныя игры деревенскихъ жителей и пляски вокругъ огня съ невиннымъ намѣреніемъ совершаются въ честь идолу языческому. Въ Архангельской губерніи

многіе поселяне 23 іюня топятъ бани, настилаютъ въ нихъ траву Купальницу (лютикъ, ranunculus acris) и послѣ купаются въ рѣкѣ. Сербы наканунѣ или въ самое Рождество Іоанна Предтечи, сплетая Ивановскіе вѣнки, вѣшаютъ ихъ на кровли домовъ и на хлѣвахъ, чтобы удалить злыхъ духовъ отъ своего жилища.

24 декабря язычники русскіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, наканунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются колядовать подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ имя Коляды и просятъ денегъ. Святочныя игрища и гаданіе кажутся остаткомъ сего языческаго праздника.

Въ суевѣрныхъ преданіяхъ народа русскаго открываемъ также нѣкоторые слѣды древняго славянскаго богопочитанія: донынѣ простые люди говорятъ у насъ о лѣшихъ, которые видомъ подобны сатирамъ, живутъ будто бы въ темнотѣ лѣсовъ, равняются съ деревьями и съ травою, ужасаютъ странниковъ, обходятъ ихъ кругомъ и сбиваютъ съ пути; о русалкахъ или нимфахъ дубравъ (гдѣ онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами, особенно передъ Троицынымъ днемъ), о благодѣтельныхъ и злыхъ домовыхъ, о ночныхъ кикимрахъ и проч.

Такимъ образомъ грубый умъ людей непросвѣщенныхъ заблуждается во мракѣ идолопоклонства и творитъ боговъ на всякомъ шагу, чтобы изъяснить дѣйствія природы и въ неизвѣстностяхъ рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь!—Желая выразить могущество и грозность боговъ, славяне представляли ихъ великанами, съ ужасными лицами, со многими головами. Греки хотѣли, кажется, любить своихъ идоловъ (изображая въ нихъ примѣры человѣческой стройности), а славяне только бояться; первые обожали красоту и пріятность, а вторые—одну силу и, еще не довольствуясь собственнымъ противнымъ видомъ истукановъ, окружали ихъ гнусными изображеніями ядовитыхъ животныхъ: змѣй, жабъ, ящерицъ и проч. Кромѣ идоловъ, нѣмецкіе славяне, подобно дунайскимъ, обожали еще рѣки, озера, источники, лѣса и приносили жертвы невидимымъ ихъ геніямъ, которые, по мнѣнію суевѣрныхъ, иногда говорили и въ важныхъ случаяхъ являлись людямъ. Такъ, геній Ретрскаго озера, когда великія опасности угрожали народу славянскому, принималъ на себя образъ кабана, выплывалъ на берегъ, ревѣлъ ужаснымъ голосомъ и скрывался въ волнахъ. Мы знаемъ, что и россійскіе славяне приписывали озерамъ и рѣкамъ нѣкоторую божественность и святость. Въ глазной болѣзни они умывались водою мнимоцѣлебныхъ источниковъ и бросали въ нихъ серебряныя монеты. Народное обыкновеніе купать или обливать водою людей, проспавшихъ заутреню въ день Пасхи, будто бы для омовенія

ихъ отъ грѣха, происходитъ, можетъ быть, отъ того же языческаго суевѣрія.—У многихъ народовъ славянскихъ были заповѣдныя рощи, гдѣ никогда стукъ сѣкиры не раздавался и гдѣ самые злѣйшіе враги не дерзали вступить въ бой между собою. Лѣсъ города Ретры считался священнымъ. Жители штетинскіе поклонялись орѣховому дереву, при коемъ находился особенный жрецъ, и дубу, а юлинскіе богу, обитавшему въ деревѣ обсѣченномъ, и весною плясали вокругъ него съ нѣкоторыми торжественными обрядами. Славяне въ Россіи также молились деревамъ, особенно же дупловатымъ, обвязывая ихъ вѣтви убрусами или платами. Константинъ Багрянородный пишетъ, что они, путешествуя въ Царьградъ, на островѣ св. Григорія приносили жертву большому дубу, окружали его стрѣлами и гадали, заколоть ли обреченныхъ ему живыхъ птицъ, или пустить на волю. Празднованіе Семика и народный обычай завивать въ сей день вѣнки въ рощахъ суть также остатокъ древняго суевѣрія, коего обряды наблюдались въ Богеміи и по введеніи христіанства, такъ что герцогъ Брячиславъ въ 1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо-святыя дубравы своего народа.

Славяне обожали еще знамена и думали, что въ военное время они святѣе всѣхъ идоловъ. Знамя балтійскихъ вендовъ было отмѣнной величины и пестрое; стояло обыкновенно въ Святовидовомъ храмѣ и считалось сильною богинею, которая воинамъ, идущимъ съ нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самыхъ идоловъ. Датскій король Вальдемаръ сжегъ его въ Арконѣ, взявъ сей городъ.—Въ числѣ ретрскихъ любопытныхъ памятниковъ нашлось также священное знамя: мѣдный драконъ, украшенный изображеніемъ женскихъ головъ и вооруженныхъ рукъ. Въ Дитмаровой лѣтописи упоминается о двухъ славянскихъ знаменахъ, которыя считались богинями. Хитрость полководцевъ ввела, безъ сомнѣнія, сію вѣру, чтобы воспламенить духъ храбрости въ воинахъ, или обуздывать ихъ повиновеніе святостію знаменъ своихъ.

Древніе славяне въ Германіи еще не имѣли храмовъ, но приносили жертву Богу небесному на камняхъ, окружая ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи другими, служившими вмѣсто ограды священной. Чтобы изобразить величіе Бога, жрецы начали употреблять для сооруженія алтарей камни въ нѣсколько саженей мѣрою. Сіи каменныя зданія равнялись съ высокими скалами, невредимо стояли цѣлые вѣка и могли казаться народу твореніемъ рукъ божественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какимъ образомъ славяне, не зная изобрѣтенныхъ механикою способовъ, воздвигали такія громады. Жрецы въ присутствіи и въ глазахъ народа совершали обряды вѣры на сихъ величественныхъ алта-

рахъ; но въ теченіе временъ, желая еще сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, вздумали, подобно друидамъ, удалиться во тьму заповѣдныхъ лѣсовъ и соорудили тамъ жертвенники. По введеніи идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры отъ дождя и снѣга; защитили ихъ кровлею, и сіе простое зданіе было первымъ храмомъ. Мысль сдѣлать его достойнымъ жилищемъ боговъ требовала величія, но славяне не умѣли подражать грекамъ и римлянамъ въ гордой высотѣ зданій и старались замѣнить оную рѣзьбою, пестротою, богатствомъ украшеній. Современные историки описали нѣкоторые изъ сихъ храмовъ съ любопытною подробностью. Сочинитель Жизни св. Оттона говоритъ о штетинскомъ слѣдующее: „Тамъ было четыре храма, и главный изъ нихъ отличался своимъ художествомъ, украшенный внутри и снаружи выпуклымъ изображеніемъ людей, птицъ, звѣрей, такъ сходныхъ съ природою, что они казались живыми; краски же на внѣшности храма не смывались дождемъ, не блѣднѣли и не тускли".—Слѣдуя древнему обычаю предковъ, штетинцы отдавали въ храмъ десятую часть воинской своей добычи и всякое оружіе побѣжденныхъ непріятелей. Въ его святилищѣ хранились серебряныя и золотыя чаши (изъ коихъ при торжественныхъ случаяхъ люди знатнѣйшіе пили и ѣли), также рога буйволовы, оправленные золотомъ: они служили и стаканами, и трубами. Ножи и прочія драгоцѣнности, тамъ собранные, удивляли своимъ художествомъ и богатствомъ. Въ трехъ иныхъ гонтинахъ и храмахъ, не столь украшенныхъ и менѣе священныхъ, представлялись глазамъ однѣ лавки, сдѣланныя амфитеатромъ, и столы для народныхъ сходбищъ; ибо славяне въ нѣкоторые часы и дни веселились, пили и важными дѣлами отечества занимались въ сихъ „гонтинахъ".—Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ весьма искусно, украшенъ рѣзьбою и живописью; одни врата служили для входа въ его ограду; внѣшній дворъ, обнесенный стѣною, отдѣлялся отъ внутренняго только пурпуровыми коврами, развѣшанными между четырьмя столбами, и находился подъ одною съ нимъ кровлею. Въ святилищѣ стоялъ идолъ, а конь его—въ особенномъ зданіи, гдѣ хранилась казна и всѣ драгоцѣнности.—Храмъ въ Ретрѣ, также деревянный, славился изображеніями боговъ и богинь, вырѣзанныхъ на внѣшнихъ его стѣнахъ; внутри стояли кумиры, въ шлемахъ и латахъ, а въ мирное время хранились тамъ знамена. Дремучій лѣсъ окружалъ сіе мѣсто: сквозь просѣку, вдали, представлялось глазамъ море въ видѣ грозномъ и величественномъ. Достойно примѣчанія, что славяне балтійскіе вообще имѣли великое уваженіе къ святынѣ храмовъ, и въ самой непріятельской землѣ боялись осквернить ихъ.

О капищахъ славянъ россійскихъ не имѣемъ никакого свѣдѣнія: Несторъ говоритъ только объ идолахъ и жертвенникахъ; но удобность приносить жертвы во всякое время и почтеніе къ святынѣ кумировъ требовали защиты и крова, особенно же въ странахъ сѣверныхъ, гдѣ холодъ и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нѣтъ сомнѣнія, что на холмѣ кіевскомъ и на берегу Волхова, гдѣ стоялъ Перунъ, были храмы, конечно не огромные и не великолѣпные, но сообразные съ простотою тогдашнихъ нравовъ и съ малымъ свѣдѣніемъ людей въ искусствѣ зодческомъ.

Несторъ также не упоминаетъ о жрецахъ въ Россіи; но всякая народная вѣра предполагаетъ обряды, коихъ совершеніе поручается нѣкоторымъ избраннымъ людямъ, уважаемымъ за ихъ добродѣтель и мудрость, дѣйствительную или мнимую. По крайней мѣрѣ всѣ другіе народы славянскіе имѣли жрецовъ, блюстителей вѣры, посредниковъ между совѣстію людей и богами. Не только въ капищахъ, но и при всякомъ священномъ деревѣ, при всякомъ обожаемомъ источникѣ находились особенные хранители, которые жили подлѣ оныхъ въ маленькихъ хижинахъ и питались жертвою, приносимою ихъ божествамъ. Они пользовались народнымъ уваженіемъ, имѣли исключительное право отпускать себѣ длинную бороду, сидѣть во время жертвоприношеній и входить во внутренность святилища. Воинъ, совершивъ какое-нибудь счастливое предпріятіе и желая изъявить благодарность идоламъ, раздѣлялъ свою добычу съ ихъ служителями. Правители народа, безъ сомнѣнія, утверждали его въ почтеніи къ жрецамъ, которые именемъ боговъ могли обуздывать своевольство людей грубыхъ, новыхъ въ гражданской связи и еще несмиренныхъ дѣйствіемъ власти постоянной. Нѣкоторые жрецы, обязанные своимъ могуществомъ или собственной хитрости или отмѣнной славѣ ихъ капищъ, употребляли его во зло и присвоивали себѣ гражданскую власть. Такъ, первосвященникъ рюгенскій, уважаемый болѣе самого короля, правилъ многими славянскими племенами, которыя безъ его согласія не дерзали ни воевать, ни мириться; налагалъ подати на гражданъ и купцовъ чужеземныхъ, содержалъ 300 конныхъ воиновъ и разсылалъ ихъ всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, болѣе ему, нежели идолу, принадлежавшія. Сей главный жрецъ отличался отъ всѣхъ людей длинными волосами, бородою, одеждою.

Священники именемъ народа приносили жертвы и предсказывали будущее. Въ древнѣйшія времена славяне закалали, въ честь Богу невидимому, однихъ воловъ и другихъ животныхъ, но послѣ, омраченные суевѣріемъ идолопоклонства, обагряли свои требища кровію христіанъ, выбранныхъ по жребію изъ плѣнни-

ковъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ. Жрецы думали, что идолъ увеселяются христіанскою кровію, и, къ довершенію ужаса, пили ее, воображая, что она сообщаетъ духъ пророчества.—Въ Россіи также приносили людей въ жертву, по крайней мѣрѣ во времена Владиміровы. Балтійскіе славяне дарили идоламъ головы убіенныхъ опаснѣйшихъ непріятелей.

Жрецы гадали будущее посредствомъ коней. Въ арконскомъ храмѣ держали бѣлаго, и суевѣрные думали, что Святовидъ ѣздитъ на немъ всякую ночь. Въ случаѣ важнаго намѣренія водили его чрезъ копья: если онъ шагалъ сперва не лѣвою, а правою ногою, то народъ ожидалъ славы и богатства. Въ Штетинѣ сей конь, порученный одному изъ четырехъ священниковъ главнаго храма, былъ вороной и предвѣщалъ успѣхъ, когда совсѣмъ не касался ногами до копій. Въ Ретрѣ гадатели садились на землю, шептали нѣкоторыя слова, рылись въ ея нѣдрахъ, и по веществамъ, въ ней находимымъ, судили о будущемъ. Сверхъ того, въ Арконѣ и въ Штетинѣ жрецы бросали на землю три маленькія дощечки, у коихъ одна сторона была черная, а другая бѣлая: если онѣ ложились вверхъ бѣлою, то обѣщали хорошее; черная означала бѣдствіе. Самыя женщины рюгенскія славились гаданіемъ; онѣ, сидя близъ разложеннаго огня, проводили многія черты на пеплѣ, которыхъ равное число знаменовало успѣхъ дѣла.

Любя народныя торжества, языческіе славяне уставили въ году разные праздники. Главный изъ нихъ былъ по собраніи хлѣба и совершался въ Арконѣ такимъ образомъ: первосвященникъ наканунѣ долженъ былъ вымести святилище, неприступное для всѣхъ, кромѣ него; въ день торжества, взявъ изъ руки Святовида рогъ, смотрѣлъ, наполненъ ли онъ виномъ, и по тому угадывалъ будущій урожай; выпивъ вино, снова наполнялъ имъ сосудъ и вручалъ Святовиду; приносилъ богу своему медовый пирогъ, длиною въ ростъ человѣческій; спрашивалъ у народа, видитъ ли его? и желалъ, чтобы въ слѣдующій годъ сей пирогъ былъ уже съѣденъ идоломъ, въ знакъ счастія для острова; наконецъ, объявлялъ всѣмъ благословеніе Святовида, обѣщая воинамъ побѣду и добычу. Другіе славяне, торжествуя собраніе хлѣба, обрекали пѣтуха въ даръ богамъ и пивомъ, освященнымъ на жертвенникѣ, обливали скотъ, чтобы предохранить его отъ болѣзней. Въ Богеміи славился майскій праздникъ источниковъ.—Дни народнаго суда въ Вагріи, когда старѣйшины, осѣненные священными дубами, въ мнимомъ присутствіи своего бога Прова рѣшали судьбу гражданъ, были также днями общаго веселія. Мы упоминали, единственно по догадкѣ, о языческихъ торжествахъ славянъ россійскихъ, которыхъ потомки донынѣ празд-

нуютъ весну, любовь и бога Лада въ сельскихъ хороводахъ, веселыми и шумными толпами ходятъ завивать вѣнки въ рощахъ, ночью посвящаютъ огни Купалу и зимою воспѣваютъ имя Коляды. — Во многихъ земляхъ славянскихъ сохранились также слѣды праздника въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, въ Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ 1-го марта ходилъ въ часъ разсвѣта съ факелами на кладбище и приносилъ жертвы усопшимъ. — Въ сей день нѣмецкіе славяне выносятъ изъ деревни соломенное чучело, образъ смерти; сожигаютъ его или бросаютъ въ рѣку и славятъ лѣто пѣснями.—Въ Богеміи строили еще какіе-то театры на распутіяхъ для успокоенія душъ и представляли на нихъ, въ личинахъ, тѣни мертвыхъ, сими играми торжествуя память ихъ. Такія обыкновенія не доказываютъ ли, что славяне имѣли нѣкоторое понятіе о безсмертіи души, хотя Дитмаръ, историкъ XI вѣка, утверждаетъ противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушеніе тѣла, считали совершеннымъ концомъ бытія человѣческаго.

Погребеніе мертвыхъ было также дѣйствіемъ священнымъ между языческими славянами. Историки нѣмецкіе—болѣе догадкою, основанною на древнихъ обычаяхъ и преданіяхъ, нежели по извѣстіямъ современныхъ авторовъ — описываютъ оное слѣдующимъ образомъ: старѣйшина деревни объявлялъ жителямъ смерть одного изъ нихъ посредствомъ чернаго жезла, носимаго со двора на дворъ. Всѣ они провожали трупъ съ ужаснымъ воемъ, и нѣкоторыя женщины, въ бѣлой одеждѣ, лили слезы въ маленькіе сосуды, называемые плачевными. Разводили огонь на кладбищѣ и сожигали мертваго съ его женою, конемъ, оружіемъ: собирали пепелъ въ урны, глиняныя, мѣдныя или стеклянныя, и зарывали вмѣстѣ съ плачевными сосудами. Иногда сооружали памятники, обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселымъ торжествомъ, которое именовалось стравою и было еще въ VI вѣкѣ причиною великаго бѣдствія для славянъ: ибо греки воспользовались временемъ сего пиршества въ честь мертвыхъ и на-голову побили ихъ войско.

Славяне россійскіе — кривичи, сѣверяне, вятичи, радимичи — творили надъ умершими тризну: показывали силу свою въ разныхъ играхъ воинскихъ, сожигали трупъ на большомъ кострѣ и, заключивъ пепелъ въ урну, ставили ее на столпѣ въ окрестности дорогъ. Сей обрядъ, сохраненный вятичами и кривичами до временъ Нестора, изъявляетъ воинственный духъ народа, который праздновалъ смерть, чтобы не страшиться ея въ битвахъ, и печальными урнами окружалъ дороги, чтобы пріучить глаза и мысли свои къ симъ знакамъ человѣческой тлѣнности. Но славяне кіевскіе и волынскіе издревле погребали мертвыхъ; нѣкото-

рые имѣли обыкновеніе вмѣстѣ съ трупомъ зарывать въ землю сплетенныя изъ ремней лѣстницы; ближніе умершаго язвили лица свои и закалали на могилѣ любимаго коня его.

Всѣ народы любятъ вѣру отцовъ своихъ, и самыя грубыя, самыя жестокія обыкновенія, на ней основанныя и вѣками утвержденныя, кажутся имъ святынею. Такъ и славяне языческіе, закоренѣлые въ идолопоклонствѣ, съ великою упорностію въ теченіе многихъ столѣтій отвергали благодать Христову. Св. Колумбанъ, въ 613 году, обративъ многихъ нѣмецкихъ язычниковъ въ вѣру истинную, хотѣлъ проповѣдывать ея святое ученіе и въ земляхъ славянскихъ; но, устрашенный ихъ дикостью, возвратился безъ успѣха, объявляя, что время спасенія еще не наступило для сего народа. Видя, сколь христіанство противно заблужденіямъ язычества и какъ оно въ среднихъ вѣкахъ болѣе и болѣе распростанялось по Европѣ, славяне отлично ненавидѣли его и, принимая всякаго иноплеменнаго въ сограждане, отворяя балтійскія гавани свои для всѣхъ мореходцевъ, исключали однихъ христіанъ; брали ихъ корабли въ добычу, а священниковъ приносили въ жертву идоламъ. Нѣмецкіе завоеватели, покоривъ вендовъ въ Германіи, долго терпѣли ихъ суевѣріе; но озлобленные, наконецъ, упорствомъ сихъ язычниковъ въ идолопоклонствѣ и въ древнихъ обычаяхъ вольности, разрушили ихъ храмы, сожгли заповѣдныя рощи и самихъ жрецовъ истребили, что случилось уже гораздо послѣ того времени, какъ Владиміръ просвѣтилъ Россію ученіемъ христіанскимъ.

Собравъ историческія достопамятности славянъ древнихъ, скажемъ нѣчто о языкѣ ихъ. Греки въ шестомъ вѣкѣ находили его весьма грубымъ. Выражая первыя мысли и потребности людей необразованныхъ, рожденныхъ въ климатѣ суровомъ, онъ долженъ былъ казаться дикимъ въ сравненіи съ языкомъ греческимъ, смягченнымъ долговременною жизнію въ порядкѣ гражданскомъ, удовольствіями роскоши и нѣжнымъ слухомъ людей, искони любившихъ искусства пріятныя. Не имѣя никакихъ памятниковъ сего первобытнаго языка славянскаго, можемъ судить о немъ только по новѣйшимъ, изъ коихъ самыми древними считаются наша Библія и другія церковныя книги, переведенныя въ IX вѣкѣ св. Кирилломъ, Меѳодіемъ и помощниками ихъ. Но славяне, принявъ христіанскую вѣру, заимствовали съ нею новыя мысли, изобрѣли новыя слова, выраженія, и языкъ ихъ въ среднихъ вѣкахъ, безъ сомнѣнія, такъ же отличался отъ древняго, какъ уже отличается отъ нашего. Разсѣянныя по Европѣ, окуженныя другими народами и нерѣдко ими покоряемыя, славянскія племена утратили единство языка, и въ теченіе временъ произошли разныя его нарѣчія, изъ коихъ главныя суть:

1) Русское, болѣе всѣхъ другихъ образованное и менѣе всѣхъ другихъ смѣшанное съ чужеземными словами. Побѣды, завоеванія и величіе государственное, возвысивъ духъ народа россійскаго, имѣли счастливое дѣйствіе и на самый языкъ его, который, будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться нынѣ въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ. Будущая судьба его зависитъ отъ судьбы государства...

2) Польское, смѣшанное со многими латинскими и нѣмецкими словами: имъ говорятъ не только въ бывшемъ королевствѣ польскомъ, но и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пруссіи, дворяне въ Литвѣ и народъ въ Силезіи, по сю сторону Одера.

3) Чешское, въ Богеміи, въ Моравіи и Венгріи, по утвержденію Іорданову, ближайшее къ нашему древнему переводу Библіи, а по мнѣнію другихъ богемскихъ ученыхъ среднее между кроатскимъ и польскимъ. Венгерское нарѣчіе именуется словакскимъ, но разнится отъ чешскаго большею частію только въ выговорѣ, хотя авторы Многоязычнаго Словаря признаютъ его особеннымъ. Впрочемъ, и другія славянскія нарѣчія употребляются въ Венгріи.

4) Иллирическое, то-есть болгарское—самое грубое изъ всѣхъ славянскихъ—боснійское, сербское—самое пріятнѣйшее для слуха, какъ многіе находятъ—славянское и далматское.

5) Кроатское, сходное съ вендскимъ въ Стиріи, Каринтіи, Крайнѣ, также съ лаузицкимъ, котбузскимъ, кашубскимъ и люховскимъ. Въ Мейсенѣ, Бранденбургѣ, Помераніи, Мекленбургѣ и почти во всемъ Люнебургѣ, гдѣ нѣкогда славянскій языкъ былъ народнымъ, онъ уже замѣненъ нѣмецкимъ.

Однакожъ сіи перемѣны не могли совершенно истребить въ языкѣ нашемъ его, такъ сказать, первобытнаго образа, и любопытство историковъ хотѣло открыть въ немъ слѣды малоизвѣстнаго происхожденія славянъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ весьма близокъ къ древнимъ языкамъ азіатскимъ, но вѣрнѣйшее изслѣдованіе доказало, что сіе мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, еврейскими или халдейскими, сирскими, арабскими, которыя находятся и въ другихъ языкахъ европейскихъ, свидѣтельствуя единственно ихъ общее азіатское происхожденіе, и что славянскій имѣетъ съ греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ гораздо болѣе связи, нежели съ еврейскимъ и съ другими восточными. Сіе великое, явное сходство встрѣчается не только въ словахъ единозвучныхъ съ дѣйствіями, которыя означаются ими, ибо названія грома, журчанія водъ, крика птицъ, рева звѣрей могутъ на всѣхъ языкахъ сходствовать между собою отъ подражанія естеству, но и въ выраженіи самыхъ первыхъ мыслей человѣка, въ ознаменованіи главныхъ нуждъ жизни до-

машией, въ именахъ и глаголахъ совершенно произвольныхъ. Мы знаемъ, что венеды издревле жили въ сосѣдствѣ съ нѣмцами и долгое время въ Дакіи (гдѣ языкъ латинскій со временъ Траяновыхъ былъ въ общемъ употребленіи), воевали въ Имперіи и служили императорамъ греческимъ; но сіи обстоятельства могли бы ввести въ языкъ славянскій только нѣкоторыя особенныя нѣмецкія, латинскія или греческія слова и не принудили бы ихъ забыть собственныя, коренныя, необходимыя въ самомъ древнѣйшемъ обществѣ людей, то-есть въ семейственномъ. Изъ чего, вѣроятнымъ образомъ, заключаютъ, что предки сихъ народовъ говорили нѣкогда однимъ языкомъ; какимъ,—неизвѣстно, но, безъ сомнѣнія, древнѣйшимъ въ Европѣ, гдѣ исторія находитъ ихъ: ибо Греція, а послѣ и часть Италіи, населена пеласгами, ѳракійскими жителями, которые прежде эллиновъ утвердились въ Мореѣ и могли быть единоплеменны съ германцами и славянами. Въ теченіе временъ, удаленные другъ отъ друга, они пріобрѣтали новыя гражданскія понятія, выдумывали новыя слова, или присвоивали чужія и долженствовали чрезъ нѣсколько вѣковъ говорить уже языкомъ различнымъ. Самыя общія, коренныя слова легко могли измѣниться въ произношеніи, когда люди еще не знали буквъ и письма, вѣрно опредѣляющаго выговоръ.

Сіе важное искусство, немногими чертами изображать для глазъ безчисленные звуки, свѣдала Европа, какъ надобно думать, уже въ позднѣйшія времена и безъ сомнѣнія отъ финикіянъ, или непосредственно, или черезъ пеласговъ и эллиновъ. Нельзя вообразить, чтобы древніе обитатели Пелопоннеса, Лаціума, Испаніи, едва вышедши изъ дикаго состоянія, могли сами выдумать письмена, требующія удивительнаго разума, и столь непонятнаго для обыкновенныхъ людей, что они вездѣ приписывали богамъ изобрѣтеніе оныхъ: въ Египтѣ—Ѳойту, въ Греціи—Меркурію, въ Италіи—богинѣ Карментѣ; а нѣкоторые изъ христіанскихъ философовъ считали десять Моисеевыхъ заповѣдей, рукою Всевышняго начертанныхъ на горѣ Синайской, первымъ письмомъ въ мірѣ. Къ тому же всѣ буквы народовъ европейскихъ: греческія, мальтійскія, такъ называемыя пеласгскія, въ Италіи, этрурійскія (донынѣ видимыя на монументахъ сего народа), галльскія, изображенныя на памятникѣ мученика Гордіана, Улфиловы или готскія, кельтиберскія, бетскія, турдетанскія въ Испаніи, руны скандинавовъ и германцевъ болѣе или менѣе сходствуютъ съ финикійскими и доказываютъ, что всѣ онѣ произошли отъ одного корня. Пеласги и аркадцы принесли ихъ съ собою въ Италію, а наконецъ и въ Марселію къ тамошнимъ галламъ. Испанцы могли научиться письму отъ самихъ финикіянъ, основавшихъ Тартессъ и Гадесъ за 1100 лѣтъ до Рождества Христова. Турдетане во время Страбоново имѣли

письменные законы, исторію и стихотворенія. Какимъ образомъ европейскій сѣверъ получилъ буквы, мы не знаемъ: отъ финикійскихъ ли мореплавателей, торговавшихъ оловомъ британскимъ и янтаремъ прусскимъ? или отъ народовъ Южной Европы? Второе кажется вѣроятнѣе: ибо руническое и готское письмо сходнѣе съ греческимъ и латинскимъ, нежели съ финикійскимъ. Оно могло въ теченіе вѣковъ, чрезъ Германію или Паннонію, дойти отъ Средиземнаго моря до Балтійскаго съ нѣкоторыми перемѣнами знаковъ.

Какъ бы то ни было, но венеды или славяне языческіе, обитавшіе въ странахъ балтійскихъ, знали употребленіе буквъ. Дитмаръ говоритъ о надписяхъ идоловъ славянскихъ: ретрскіе кумиры, найденные близъ Толлензскаго озера, доказали справедливость его извѣстія; надписи ихъ состоятъ въ рунахъ, заимствованныхъ венедами отъ готскихъ народовъ. Сіи руны, числомъ 16, подобно древнимъ финикійскимъ, весьма недостаточны для языка славянскаго, не выражаютъ самыхъ обыкновенныхъ звуковъ его, и были извѣстны едва ли не однимъ жрецамъ, которые посредствомъ ихъ означили имена обожаемыхъ идоловъ. Славяне же богемскіе, иллирическіе и россійскіе не имѣли никакой азбуки до 863 года, когда философъ Константинъ, названный въ монашествѣ Кирилломъ, и Меѳодій, братъ его, жители Ѳессалоники, будучи отправлены греческимъ императоромъ Михаиломъ въ Моравію къ тамошнимъ христіанскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка, изобрѣли славянскій особенный алфавитъ, образованный по греческому, съ прибавленіемъ новыхъ буквъ: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ѣ. Ю. Я. Ч. Сія азбука, называемая Кирилловскою, донынѣ употребляется, съ нѣкоторыми перемѣнами, въ Россіи, Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сербіи и проч. Славяне далматскіе имѣютъ другую, извѣстную подъ именемъ Глагольской или Буквицы, которая считается изобрѣтеніемъ св. Іеронима, но ложно: ибо въ IV и въ V вѣкѣ, когда жилъ Іеронимъ, еще не было славянъ въ римскихъ владѣніяхъ. Самый древнѣйшій ея памятникъ, намъ извѣстный, есть харатейная Псалтирь XIII вѣка; но мы имѣемъ церковныя Кирилловскія рукописи 1056 года; надпись Десятинной церкви въ Кіевѣ принадлежитъ еще ко временамъ св. Владиміра. Сія Глагольская азбука явно составлена по нашей; отличается кудрявостію знаковъ и весьма неудобна для употребленія. Моравскіе христіане, приставъ къ римскому исповѣданію вмѣстѣ съ поляками, начали писать латинскими буквами, отвергнувъ Кирилловы, торжественно запрещенныя папою Іоанномъ XIII. Епископы салонскіе въ XI вѣкѣ объявили даже Меѳодія еретикомъ, а письмена славянскія изобрѣтеніемъ аріанскихъ готѳовъ. Вѣроятно, что сіе самое гоне-

не побудило какого-нибудь далматскаго монаха выдумать новыя, то-есть Глагольскія буквы, и защитить ихъ отъ нападенія римскихъ суевѣровъ именемъ св. Іеронима.—Нынѣ въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Лаузицѣ, Кассубіи употребляются нѣмецкія; въ Илиріи, Крайнѣ, Венгріи и Польшѣ—латинскія. Славяне, которые съ VIII вѣка утвердились въ Пелопоннесѣ, приняли тамъ греческую азбуку.

Итакъ, предки наши были обязаны христіанству не только лучшимъ понятіемъ о Творцѣ міра, лучшими правилами жизни, лучшею, безъ сомнѣнія, нравственностію, но и пользою самаго благодѣтельнаго, самаго чудеснаго изобрѣтенія людей; мудрой живописи мыслей—изобрѣтенія, которое, подобно утренней зарѣ, въ вѣкахъ мрачныхъ предвѣстило уже науки и просвѣщеніе.

ГЛАВА IV.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Г. 862—879.

Призваніе князей варяжскихъ въ Россію.—Основаніе монархіи. — Аскольдъ и Диръ. — Первое нападеніе россіянъ на Имперію. — Начало христіанства въ Кіевѣ.—Смерть Рюрика.

Начало россійской исторіи представляетъ намъ удивительный и едва ли не безпримѣрный въ лѣтописяхъ случай: славяне добровольно уничтожаютъ свое древнее народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, которые были ихъ непріятелями. Вездѣ мечъ сильныхъ или хитрость честолюбивыхъ вводили самовластіе (ибо народы хотѣли законовъ, но боялись неволи): въ Россіи оно утвердилось съ общаго согласія гражданъ, такъ повѣтствуетъ нашъ лѣтописецъ, и разсѣянныя племена славянскія основали государство, которое граничитъ нынѣ съ древнею Дакіею и съ землями Сѣверной Америки, съ Швеціею и съ Китаемъ, соединяя въ предѣлахъ своихъ три части міра. Великіе народы, подобно великимъ мужамъ, имѣютъ свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, раздѣленное на малыя области до 862 года, по лѣтосчисленію Нестора, обязано величіемъ своимъ счастливому введенію монархической власти.

Варяги, овладѣвшіе странами чуди и славянъ за нѣсколько лѣтъ до того времени, правили ими безъ угнетенія и насилія, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на

моряхъ, имѣя въ IX вѣкѣ сношеніе съ Югомъ и Западомъ Европы, гдѣ на развалинахъ колосса римскаго основались новыя государства и гдѣ кровавые слѣды варварства, обузданнаго человѣколюбивымъ духомъ христіанства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской, варяги или норманы долженствовали быть образованнѣе славянъ и финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера, могли сообщить имъ нѣко-

РУРИКЪ I.

Вел. Кн. Россійскій

торыя выгоды новой промышленности и торговли, благодѣтельныя для народа. Бояре славянскіе, недовольные властію завоевателей, которая уничтожала ихъ собственную, возмутили, можетъ быть, сей народъ легкомысленный, обольстили его именемъ прежней независимости, вооружили противъ норманов и выгнали ихъ; но распрями личными обратили свободу въ несчастіе, не умѣли возстановить древнихъ законовъ и ввергнули отечество въ бездну золъ междоусобія. Тогда граждане вспомнили, можетъ быть, о выгодномъ и спокойномъ правленіи норманскомъ: нужда въ благо-

устройствѣ и тишинѣ велѣла забыть народную гордость, и славяне, убѣжденные—такъ говоритъ преданіе—совѣтомъ новогородскаго старѣйшины Гостомысла, потребовали властителей отъ варяговъ. Древняя лѣтопись не упоминаетъ о семъ благоразумномъ совѣтникѣ; но ежели преданіе истинно, то Гостомыслъ достоинъ безсмертія и славы въ нашей исторіи.

Новогородцы и кривичи были тогда, кажется, союзниками финскихъ племенъ, вмѣстѣ съ ними платившихъ дань варягамъ: имѣвъ нѣсколько лѣтъ одну долю и повинуясь законамъ одного народа, они тѣмъ скорѣе могли утвердить дружественную связь между собою. Несторъ пишетъ, что славяне новогородскіе, кривичи, весь и чудь отправили посольство за море, къ варягамъ-руси, сказать имъ: Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами. Слова простыя, краткія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знаменитые или родомъ, или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми которые, умѣвъ сражаться за вольность, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область финскаго народа веси, а Труворъ, въ Изборскъ городъ кривичей. Смоленскъ, населенный также кривичами, и самый Полоцкъ оставались еще независимыми и не имѣли участія въ призваніи варяговъ. Слѣдственно держава трехъ владѣтелей, соединенныхъ узами родства и взаимной пользы, отъ Бѣлоозера простиралась только до Эстоніи и Ключей Славянскихъ, гдѣ видимъ остатки древняго Изборска. Сія часть нынѣшнихъ С.-Петербурской, Эстляндской, Новогородской и Псковской губерніи была названа тогда Русью, по имени князей варяго-русскихъ.—Болѣе не знаемъ никакихъ достовѣрныхъ подробностей; не знаемъ, благословилъ ли народъ перемѣну своихъ гражданскихъ уставовъ? насладился ли счастливою тишиною, рѣдко извѣстною въ обществахъ народныхъ? или пожалѣлъ о древней вольности. Хотя новѣйшіе лѣтописцы говорятъ, что славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадимъ, именуемый Храбрымъ, палъ отъ руки сильнаго Рюрика вмѣстѣ со многими изъ своихъ единомышленниковъ въ Новѣгородѣ—случай вѣроятный: люди, привыкшіе къ вольности, отъ ужасовъ безначалія могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели варяги, единоземцы и друзья Рюриковы, утѣсняли ихъ—однакожъ сіе извѣстіе, не будучи основано на древнихъ сказаніяхъ Нестора, кажется одною догадкою и вымысломъ.

Чрезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоединивъ области ихъ къ своему княжеству, основалъ монар-

хію Россійскую. Уже предѣлы ея достигали на востокъ до нынѣшнихъ Ярославской и Нижегородской губерній, а на Югъ — до Западной Двины; уже меря, мурома и полочане зависѣли отъ Рюрика: ибо онъ, принявъ единовластіе, отдалъ въ управленіе знаменитымъ единоземцамъ своимъ, кромѣ Бѣлоозера, Полоцкъ, Ростовъ и Муромъ, имъ или братьями его завоеванные, какъ надобно думать. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ верховною княжескою властію утвердилась въ Россіи, кажется, и система феодальная, помѣстная или удѣльная, бывшая основаніемъ новыхъ гражданскихъ обществъ въ Скандинавіи и во всей Европѣ, гдѣ господствовали народы германскіе. Монархи обыкновенно цѣлыми областями награждали вельможъ и любимцевъ, которые оставались ихъ подданными, но властвовали какъ государи въ своихъ удѣлахъ: система, сообразная съ обстоятельствами и духомъ времени, когда еще не было ни удобнаго сношенія между владѣніями одной державы, ни уставовъ общихъ и твердыхъ, ни порядка въ гражданскихъ степеняхъ, и люди, упорные въ своей независимости, слушались единственно того, кто держалъ мечъ надъ ихъ головою. Признательность государей въ вѣрности вельможъ участвовала также въ семъ обыкновеніи, и завоеватель дѣлился областями съ товарищами храбрыми, которые помогали ему пріобрѣтать оныя.

Къ сему времени лѣтописецъ относитъ слѣдующее важное происшествіе. Двое изъ единоземцевъ Рюриковыхъ, именемъ Аскольдъ и Диръ, можетъ быть, недовольные симъ княземъ, отправились съ товарищами изъ Новгорода въ Константинополь искать счастія; увидѣли на высокомъ берегу Днѣпра маленькій городокъ и спросили: чей онъ? Имъ отвѣтствовали, что строили его три брата, давно скончались и что миролюбивые жители платятъ дань козарамъ. Сей городокъ былъ Кіевъ: Аскольдъ и Диръ завладѣли имъ; присоединили къ себѣ многихъ варяговъ изъ Новагорода: начали подъ именемъ россіянъ властвовать какъ государи въ Кіевѣ и помышлять о важнѣйшемъ предпріятіи, достойномъ норманской смѣлости. Прежде шли они въ Константинополь, вѣроятно, для того, чтобы служить императору; тогда, ободренные своимъ успѣхомъ и многочисленностью войска, дерзнули объявить себя врагами Греціи. Судоходный Днѣпръ благопріятствовалъ ихъ намѣренію: вооруживъ 200 судовъ, сіи витязи Сѣвера, издревле опытные въ кораблеплаваніи, открыли себѣ путь въ Черное море и въ самый Воспоръ Ѳракійскій, опустошали огнемъ и мечомъ берега его и скоро осадили Константинополь съ моря. Столица Восточной Имперіи въ первый разъ увидѣла сихъ грозныхъ непріятелей; въ первый разъ съ ужасомъ произнесла имя россіянъ, Ῥῶς. Молва народная возвѣстила ихъ скиѳами, жителями баснословной горы Тавра, уже побѣдителями многихъ народовъ окрест-

ныхъ. Михаилъ III, Неронъ своего времени, царствовалъ тогда въ Константинополѣ, но былъ въ отсутствіи, воюя на берегахъ Черной рѣки съ агарянами. Узнавъ отъ эпарха или намѣстника цареградскаго о новомъ непріятелѣ, онъ спѣшилъ въ столицу, съ великою опасностію пробрался сквозь суда россійскія и, не смѣя отразить ихъ силою, ожидалъ спасенія отъ чуда. Оно свершилось, по сказанію византійскихъ лѣтописцевъ. Въ славной церкви Влахернской, построенной императоромъ Маркіаномъ на берегу залива, между нынѣшнею Перою и Царемградомъ, хранилася такъ называемая риза Богоматери, къ которой прибѣгалъ народъ въ случаѣ бѣдствій. Патріархъ Фотій съ торжественными обрядами вынесъ ее на берегъ и погрузилъ въ море, тихое и спокойное. Вдругъ сдѣлалась буря; разсѣяла, истребила флотъ непріятельскій, и только слабые остатки его возвратились въ Кіевъ.

Несторъ, согласно съ византійскими историками, описываетъ сей случай; но нѣкоторые изъ нихъ прибавляютъ, что язычники россійскіе, устрашенные небеснымъ гнѣвомъ, немедленно отправили пословъ въ Константинополь и требовали святого крещенія. Окружная грамота патріарха Фотія, писанная въ исходѣ 866 года къ восточнымъ епископамъ, служитъ достовѣрнымъ подтвержденіемъ сего любопытнаго для насъ извѣстія. „Россы, — говоритъ онъ, — славные жестокостію, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ имперіею Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію христіанскому“. Константинъ Багрянородный и другіе греческіе историки пишутъ, что россы крестились во время царя Василія Македонскаго и патріарха Игнатія, то-есть не ранѣе 867 года. „Императоръ, — говорятъ они, — не имѣя возможности побѣдить россовъ, склонилъ ихъ къ миру богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, серебрѣ и шелковыхъ одеждахъ. Онъ прислалъ къ нимъ епископа, посвященнаго Игнатіемъ, который обратилъ ихъ въ христіанство“.—Сіи два извѣстія не противорѣчатъ одно другому. Фотій, въ 866 году, могъ отправить церковныхъ учителей въ Кіевъ; Игнатій также; они насадили тамъ первыя сѣмена вѣры истинной: ибо Несторова лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ Игорево время было уже много христіанъ въ Кіевѣ. Вѣроятно, что проповѣдники, для лучшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ, тогда же ввели въ употребленіе между кіевскими христіанами и новыя письмена славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ въ Моравіи за нѣсколько лѣтъ до того времени. Обстоятельства благопріятствовали сему успѣху: славяне исповѣдывали одну вѣру, а варяги — другую; впослѣдствіи увидимъ, что древніе государи

кіевскіе наблюдали священные обряды первой, слѣдуя внушенію весьма естественнаго благоразумія; но усердіе ихъ къ чужеземнымъ идоламъ, коихъ обожали они единственно въ угожденіе главному своему народу, не могло быть искреннимъ, и самая государственная польза заставляла князей не препятствовать успѣхамъ новой вѣры, соединявшей ихъ подданныхъ, славянъ и надежныхъ товарищей варяговъ, узами духовнаго братства. Но еще не наступило время совершеннаго торжества ея.

Такимъ образомъ варяги основали двѣ самодержавныя области въ Россіи: Рюрикъ на—сѣверѣ, Аскольдъ и Диръ—на югѣ. Невѣроятно, чтобы козары, бравшіе дань съ Кіева, добровольно уступили его варягамъ, хотя лѣтописецъ молчитъ о воинскихъ дѣлахъ Аскольда и Дира въ странахъ Днѣпровскихъ: оружіе, безъ сомнѣнія, рѣшило, кому начальствовать надъ миролюбивыми полянами; и ежели варяги дѣйствительно, претерпѣвъ уронъ на Черномъ морѣ, возвратились отъ Константинополя съ неудачею, то имъ надлежало быть счастливѣе на сухомъ пути: ибо они удержали за собою Кіевъ.

Несторъ молчитъ также о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ Рюрика въ Новѣгородѣ, за недостаткомъ современныхъ извѣстій, а не для того, чтобы сей князь отважный, пожертвовавъ отечествомъ властолюбію, провелъ остатокъ жизни въ бездѣйствіи; дѣйствовать же значило тогда воевать, и государи скандинавскіе, единоземцы Рюриковы, принимая власть отъ народа, обыкновенно клялися именемъ Одиновымъ быть завоевателями. Спокойствіе государства, мудрое законодательство и правосудіе составляютъ нынѣ славу парей; но князья русскіе въ IX и X вѣкѣ еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный къ западу, сѣверу и востоку народами финскими, Рюрикъ могъ ли оставить въ покоѣ своихъ ближнихъ сосѣдей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вѣроятно, что окрестности Чудского и Ладожскаго озера были также свидѣтелями мужественныхъ дѣлъ его, неописанныхъ и забвенныхъ.—Онъ княжилъ единовластно по смерти Синеуса и Трувора 15 лѣтъ въ Новѣгородѣ и скончался въ 879 году, вручивъ правленіе и малолѣтняго сына Игоря родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, какъ перваго самодержца россійскаго, осталась безсмертною въ нашей исторіи, и главнымъ дѣйствіемъ его княженія было твердое присоединеніе нѣкоторыхъ финскихъ племенъ къ народу славянскому въ Россіи, такъ что весь, меря, мурома, наконецъ, обратились въ славянъ, принявъ ихъ обычаи, языкъ и вѣру.

ГЛАВА V.

Олегъ правитель.

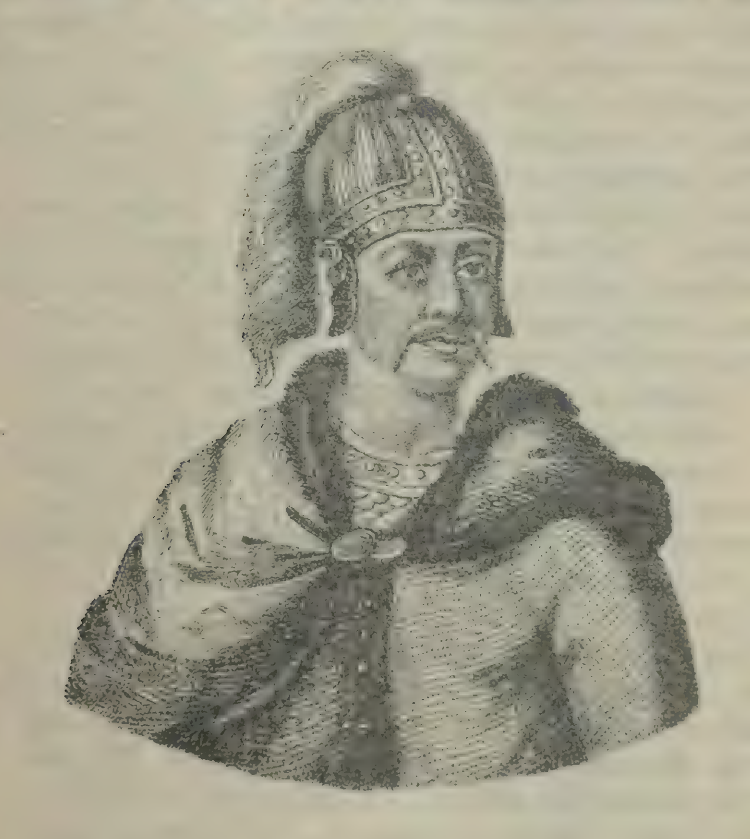
Г. 879—912.

Завоеванія Олеговы.—Нашествіе угровъ.—Супружество Игоря. — Россіяне служатъ въ Греціи.—Олегъ идетъ на Царьградъ.—Миръ съ греками.—Договоръ съ Имперіею.—Кончина Олега.

Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ.

Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія, привлекли многихъ варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину. Олегъ, пылая славолюбіемъ героевъ, не удовольствовался симъ войскомъ, но присоединилъ къ нему великое число новгородцевъ, кривичей, веси, чуди, мери, и въ 882 году пошелъ къ странамъ Днѣпровскимъ. Смоленскъ, городъ вольныхъ кривичей, сдался ему, кажется, безъ сопротивленія, чему могли способствовать единоплеменники ихъ, служившіе Олегу. Первая удача была залогомъ новыхъ: храбрый князь, поручивъ Смоленскъ своему боярину, вступилъ въ область сѣверянъ и взялъ Любечъ, древній городъ на Днѣпрѣ. Но желанія завоевателя стремились далѣе: слухъ о независимой державѣ, основанной Аскольдомъ и Диромъ, благословенный климатъ и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть, разсказами, влекли Олега къ Кіеву. Вѣроятность, что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ ему добровольно поддаться, и непріятная мысль сражаться съ единоземцами, равно искусными въ дѣлѣ воинскомъ, принудили его употребить хитрость. Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣпра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ; скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладьяхъ и велѣлъ объявить государямъ кіевскимъ, что варяжскіе купцы, отправленные княземъ новогородскимъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, спѣшили на берегъ; воины Олеговы въ одно мгновеніе окружили ихъ. Правитель сказалъ: вы не князья и не знаменитаго роду, но я князь,—и, показавъ Игоря, промол-

вилъ: вотъ сынъ Рюриковъ! Симъ словомъ осужденные на казнь. Аскольдъ и Диръ, подъ мечами убійцъ, пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ... Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить, что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ владѣтелей кіевскихъ; но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварна-

ОЛЕГЪ
Правитель Россіи.

го.—Тѣла несчастныхъ князей были погребены на горѣ, гдѣ въ Несторово время находился Ольминъ дворъ; кости Дировы покоились за храмомъ св. Ирины; надъ могилою Аскольда стояла церковь св. Николая, и жители кіевскіе донынѣ указываютъ сіе мѣсто на крутомъ берегу Днѣпра, ниже монастыря Николаевскаго, гдѣ врастаетъ въ землю малая, ветхая церковь.

Олегъ, обагренный кровью невинныхъ князей, знаменитыхъ храбростію, вошелъ какъ побѣдитель въ городъ ихъ, и жители.

устрашенные самымъ его злодѣяніемъ и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ своего законнаго государя. Веселое мѣстоположеніе, судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами—съ греческимъ Херсономъ, съ козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ—плѣнили Олега, и сей князь сказалъ: да будетъ Кіевъ матерію городовъ россійскихъ! Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди государства, во-первыхъ, для того, чтобы лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во-вторыхъ, и для своей безопасности. Олегъ, всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чуждыя земли, мыслилъ ужасать сосѣдней, а не бояться ихъ.—Онъ поручилъ дальнія области вельможамъ; велѣлъ строить города, или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей, и внутреннихъ мятежниковъ; уставилъ также налоги общіе. Славяне, кривичи и другіе народы должны были платить дань варягамъ, служившимъ въ Россіи: Новгородъ давалъ имъ ежегодно 300 гривенъ тогдашнею ходячею монетою россійскою, что представляло цѣну ста пятидесяти фунтовъ серебра. Сію дань получали варяги, какъ говоритъ Несторъ, до кончины Ярославовой: съ того времени лѣтописи наши дѣйствительно уже молчатъ о службѣ ихъ въ Россіи.

Обширныя владѣнія россійскія еще не имѣли твердой связи. Ильменскіе славяне граничили съ весью, весь—съ мерею, меря—съ муромою и съ кривичами; но сильные, отъ россіянъ независимые народы обитали между Новымгородомъ и Кіевомъ. Храбрый князь, давъ отдохнуть войску, спѣшилъ къ берегамъ рѣки Припети: тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, древляне свирѣпые наслаждались вольностію и встрѣтили его съ оружіемъ; но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями, обязался ему платить дань черными куницами. Въ слѣдующіе два года князь россійскій овладѣлъ землею днѣпровскихъ сѣверянъ и сосѣдственныхъ съ ними радимичей. Онъ побѣдилъ первыхъ, освободилъ ихъ отъ власти козаровъ и, сказавъ: я врагъ имъ, а не вамъ! удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ: вѣрность и доброе расположеніе сѣверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія южныхъ областей россійскихъ съ сѣверными. Радимичи, жители береговъ сожскихъ, добровольно согласились давать россіянамъ то же, что козарамъ: по шлягу или мелкой монетѣ съ каждой сохи. Такимъ образомъ, соединивъ цѣпію завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство хана козарскаго въ Витебской и Черниговской губерніи. Сей ханъ дремалъ, кажется, въ пріятностяхъ восточной роскоши и нѣги:

изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирныя искусства Греціи усыпили воинскій духъ въ козарахъ и могущество ихъ уже клонилось къ паденію.

Покоривъ сѣверъ, князь россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу. Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской державы славяне, единоплеменные съ черниговцами: онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую губерніи, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію, ибо лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуетъ дулебовъ, тивирцевъ и хорватовъ, тамъ обитавшихъ.

Но между тѣмъ, какъ побѣдоносныя знамена сего героя развѣвались на берегахъ Днѣстра и Буга, новая столица его увидѣла предъ стѣнами своими многочисленныя вежи или шатры угровъ (маджаровъ или нынѣшнихъ венгерцевъ), которые обитали нѣкогда близъ Урала, а въ IX вѣкѣ на востокъ отъ Кіева, въ странѣ Лебедіи, можетъ быть, въ Харьковской губерніи, гдѣ городъ Лебединъ напоминаетъ сіе имя. Вытѣсненные печенѣгами, они искали тогда жилищъ новыхъ; нѣкоторые перешли за Донъ, на границу Персіи; другіе же устремились на западъ: мѣсто, гдѣ они стояли подъ Кіевомъ, называлось еще въ Несторово время Угорскимъ. Олегъ пропустилъ ли ихъ дружелюбно, или отразилъ силою—неизвѣстно; сіи бѣглецы переправились чрезъ Днѣпръ и завладѣли Молдавіею, Бессарабіею, землею Волошскою.

Далѣе не находимъ никакихъ извѣстій о предпріятіяхъ дѣятельнаго Олега до самаго 906 года; знаемъ только, что онъ правилъ еще государствомъ и въ то время, когда уже питомецъ его возмужалъ лѣтами. Пріученный изъ дѣтства къ повиновенію, Игорь не дерзалъ требовать своего наслѣдія отъ правителя властолюбиваго, окруженнаго блескомъ побѣдъ, славою завоеваній и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо онъ умѣлъ ею возвеличить государство. Въ 903 году Олегъ избралъ для Игоря супругу, сію въ нашихъ лѣтописяхъ безсмертную Ольгу, славную тогда еще однѣми прелестями женскими и благонравіемъ. Ее привезли въ Кіевъ изъ Плескова или нынѣшняго Пскова,—такъ пишетъ Несторъ. Но въ особенномъ ея житіи и въ другихъ новѣйшихъ историческихъ книгахъ сказано, что Ольга была варяжскаго простого роду и жила въ веси, именуемой Выбутскою, близъ Пскова; что юный Игорь, пріѣхавъ изъ Кіева, увеселялся тамъ нѣкогда звѣриною ловлею; увидѣлъ Ольгу, говорилъ съ нею, узналъ ея разумъ, скромность и предпочелъ сію любезную сельскую дѣвицу всѣмъ другимъ невѣстамъ. Обыкновенія и нравы тогдашнихъ временъ, конечно, дозволяли князю искать для себя супруги въ самомъ низкомъ состояніи

людей: ибо красота уважалась болѣе знаменитаго рода; но мы не можемъ ручаться за истину преданія, неизвѣстнаго нашему древнему лѣтописцу: иначе онъ не пропустилъ бы столь любопытнаго обстоятельства въ жизни св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви.

Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со времени Аскольда и Дира; вѣроятно, что цари и патріархи греческіе старались умножить число христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть, священниковъ отъ патріарха и дары отъ императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему, довольствовался мирнымъ союзомъ съ греками и терпимостію христіанства. Мы знаемъ по византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась шестидесятымъ архіепископствомъ въ спискѣ епархій, зависѣвшихъ отъ главы константинопольскаго духовенства; знаемъ также, что въ 902 году 700 россовъ, или кіевскихъ варяговъ, служили во флотѣ греческомъ и что имъ платили изъ казны 100 литръ золота. Спокойствіе, которымъ Россія, покоривъ окрестные народы, могла нѣсколько времени наслаждаться, давало свободу витязямъ Олеговымъ искать дѣятельности въ службѣ императоровъ: греки уже издавна осыпали золотомъ такъ называемыхъ варваровъ, чтобы они дикою храбростію своею ужасали не Константинополь, а враговъ его. Но Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Царяграда и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ имперіею. Всѣ народы, ему подвластные: новгородцы, финскіе жители Бѣлоозера, ростовская меря, кривичи, сѣверяне, поляне кіевскіе, радимичи, дулѣбы, хорваты и тивирцы, соединились съ варягами подъ его знаменами. Днѣпръ покрылся двумя тысячами легкихъ судовъ: на всякомъ было сорокъ воиновъ; конница шла берегомъ. Игорь остался въ Кіевѣ: правитель не хотѣлъ раздѣлить съ нимъ ни опасностей, ни славы. Надлежало побѣдить не только враговъ, но и природу такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени и кажутся едва вѣроятными. Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и, наконецъ, искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ: въ IX и X вѣкѣ онѣ долженствовали быть несравненно опаснѣе. Первые варяги кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ двумя стами судовъ: Олегъ съ флотомъ, въ десять разъ сильнѣйшимъ. Константинъ Багрянородный описалъ намъ, какъ россіяне въ семъ плаваніи обыкно-

венно преодолѣвали трудности: бросались въ воду, искали гладкаго дна и проводили суда между каменьями; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вытаскивали свои лодки изъ рѣки, влекли берегомъ или несли на плечахъ, будучи въ то же самое время готовы отражать непріятеля. Доплывъ благополучно до лимана, они исправляли мачты, парусы, рули; входили въ море и, держась западныхъ береговъ его, достигали Греціи. Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное конное войско: жители Бессарабіи и сильные болгары дружелюбно ли пропустили его? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ. Но мужественный Олегъ приблизился, наконецъ, къ греческой столицѣ, гдѣ суевѣрный императоръ Леонъ, прозванный философомъ, думалъ о вычетахъ астрологіи болѣе, нежели о безопасности государства. Онъ велѣлъ только заградить цѣпью гавань и далъ волю Олегу разорять византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные дома вельможъ греческихъ. Несторъ, въ доказательство своего безпристрастія, изображаетъ самыми черными красками жестокость и безчеловѣчіе россіянъ. Они плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море. Такъ нѣкогда поступали гунны и народы германскіе въ областяхъ имперіи; такъ въ сіе же самое время норманы, единоземцы Олеговы, свирѣпствовали въ Западной Европѣ. Война даетъ нынѣ право убивать непріятелей вооруженныхъ; тогда была она правомъ злодѣйствовать въ землѣ ихъ и хвалиться злодѣяніями... Сіи греки, которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы; но князь россійскій привелъ въ трепетъ и самый городъ. Въ лѣтописи сказано, что Олегъ поставилъ суда свои на колеса и силою одного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ съ флотомъ къ Константинополю. Можетъ быть, онъ хотѣлъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II: велѣлъ воинамъ тащить суда берегомъ въ гавань, чтобы приступить къ стѣнамъ городскимъ; а баснословіе, вымысливъ дѣйствіе парусовъ на сухомъ пути, обратило трудное, но возможное дѣло въ чудесное и невѣроятное. Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ, спѣшили предложить Олегу миръ и дань. Они выслали войску его съѣстные припасы и вино: князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ. Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо, то не россіянъ, а грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка. Побѣдитель требовалъ 12 гривенъ на каждаго человѣка во флотѣ своемъ, и греки согласились, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, прекративъ непріятельскія дѣйствія, мирно возвратился въ отечество. Войско россійское отступило далѣе отъ

города, и князь отправилъ пословъ къ императору. Лѣтопись сохранила норманскія имена сихъ вельможъ: Карла, Фарлофа, Веремида, Рулава, Стемида. Они заключили съ Константинополемъ слѣдующій договоръ:

I. „Греки даютъ по 12 гривенъ на человѣка, сверхъ того уклады на города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полтескъ, Ростовъ, Любечь и другіе, гдѣ властвуютъ князья, Олеговы подданные“. Война была въ сіи времена народнымъ промысломъ: Олегъ, соблюдая обычай скандинавовъ и всѣхъ народовъ германскихъ, долженствовалъ раздѣлить свою добычу съ воинами и полководцами, не забывая и тѣхъ, которые оставались въ Россіи.

II. „Послы, отправляемые княземъ русскимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ довольствованы изъ казны императорской. Русскимъ гостямъ или торговымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, императоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ; они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани и получаютъ на возвратный путь съѣстные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное“.

Греки съ своей стороны предложили такія условія: „I. Россіяне, которые будутъ въ Константинополѣ не для торговли, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанія. — II. Да запретитъ князь посламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ селахъ греческихъ. — III. Россіяне могутъ жить только у св. Мамы и должны увѣдомлять о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: кіевскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ одни ворота городскія съ императорскимъ приставомъ, безоружные и не болѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополѣ и не платя никакой пошлины“.

Сей миръ, выгодный для россіянъ, былъ утвержденъ священными обрядами вѣры: императоръ клялся Евангеліемъ, Олегъ съ воинами оружіемъ и богами народа славянскаго, Перуномъ и Волосомъ. Въ знакъ побѣды герой повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ, гдѣ народъ, удивленный его славою и богатствами, имъ привезенными: золотомъ, тканями, разными драгоцѣнностями искусства и естественными произведеніями благословеннаго климата Греціи, единогласно назвалъ Олега вѣщимъ, то-есть мудрымъ или волхвомъ.

Такъ Несторъ описываетъ счастливый и славный походъ, коимъ Олегъ увѣнчалъ свои дѣла воинскія. Греческіе историки молчатъ о семъ важномъ случаѣ; но когда лѣтописецъ нашъ не позволялъ дѣйствовать своему воображенію и въ описаніи древнихъ, отдаленныхъ временъ, то могъ ли онъ, живучи въ XI вѣкѣ, выду-

мать происшествіе десятаго столѣтія, еще свѣжаго въ народной памяти? Могъ ли съ дерзостію увѣрять современниковъ въ истинѣ онаго, еслибы общее преданіе не служило ей порукою? Согласимся, что нѣкоторыя обстоятельства могутъ быть баснословны; товарищи Олеговы, хваляся своими подвигами, украшали ихъ въ разсказахъ, которые, съ новыми прибавленіями, чрезъ нѣсколько времени обратились въ народную сказку, повторенную Несторомъ безъ критическаго изслѣдованія, но главное обстоятельство, что Олегъ ходилъ къ Царюграду и возвратился съ успѣхомъ, кажется достовѣрнымъ.

Доселѣ одни словесныя преданія могли руководствовать Нестора; но, желая утвердить миръ съ греками, Олегъ вздумалъ отправить въ Царьградъ пословъ, которые заключили съ имперіею договоръ письменный, драгоцѣнный и древнѣйшій памятникъ исторіи россійской, сохраненный въ нашей лѣтописи. Мы изъяснимъ единственно смыслъ темныхъ рѣченій, оставляя въ цѣлости, гдѣ можно, любопытную древность слога.

Договоръ русскихъ съ греками.

„Мы отъ роду русскаго, Карлъ Ингелотъ, Фарлофъ, Веремидъ, Рулавъ, Гуды, Руальдъ, Карнъ, Флелавъ, Рюаръ, Актутруянъ, Лидулфостъ, Стемидъ, посланные Олегомъ, великимъ княземъ русскимъ, и всѣми сущими подъ рукою его, свѣтлыми боярами, къ вамъ Льву, Александру и Константину (брату и сыну перваго), великимъ царямъ греческимъ, на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ бывшія любви между христіанами и Русью, по волѣ нашихъ князей и всѣхъ сущихъ подъ рукою Олега, слѣдующими главами уже не словесно, какъ прежде, но письменно утвердили сію любовь и клялися въ томъ по закону русскому своимъ оружіемъ.

I. „Первымъ словомъ да умиримся съ вами, греки! да любимъ другъ друга отъ всея души, и не дадимъ никому изъ сущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ; но потщимся, сколь можемъ, всегда и непреложно соблюдать сію дружбу! Также и вы, греки, да храните всегда любовь неподвижную къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою свѣтлаго Олега. Въ случаѣ же преступленія и вины да поступаемъ тако:

II. „Вина доказывается свидѣтельствами, а когда нѣтъ свидѣтелей, то не истецъ, но отвѣтчикъ присягаетъ — и каждый да клянется по вѣрѣ своей“. Взаимныя обиды и ссоры грековъ съ россіянами въ Константинополѣ заставили, какъ надобно думать, императоровъ и князя Олега включить статьи уголовныхъ законовъ въ мирный государственный договоръ.

III. „Русинъ ли убьетъ христіанина или христіанинъ русина, да умретъ на мѣстѣ злодѣянія. Когда убійца домовитъ и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго; но жена убійцы не лишается своей законной части. Когда же преступникъ уйдетъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ, доколѣ найдутъ его и казнятъ смертію.

IV. „Кто ударитъ другого мечомъ, или какимъ сосудомъ, да заплатитъ пять литръ серебра по закону русскому; неимовитый же да заплатитъ что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходитъ, и да клянется по вѣрѣ своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его выкупить изъ вины: тогда увольняется отъ дальнѣйшаго взысканія.

V. „Когда русинъ украдетъ что-либо у христіанина или христіанинъ у русина, и пойманный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, не подвергаясь взысканію, и возьметъ свое обратно; но долженъ только связать вора, который безъ сопротивленія отдается ему въ руки. Если русинъ или христіанинъ, подъ видомъ обыска, войдетъ въ чей домъ и силою возьметъ тамъ чужое, вмѣсто своего, то заплатитъ втрое.

VI. „Когда вѣтромъ выкинетъ греческую ладію на землю чуждую, гдѣ случимся мы, русь, то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ ея грузомъ, отправимъ въ землю греческую и проводимъ сквозь всякое страшное мѣсто до безстрашнаго. Когда же ей нельзя возвратиться въ отечество за бурею или другими препятствіями, то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладію до ближней пристани русской. Товары и все, что будетъ въ спасенной нами ладіи, да продается свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши послы къ царю, или гости для купли, они съ честію приведутъ туда ладію и въ цѣлости отдадутъ, что выручено за ея товары. Если же кто изъ русскихъ убіетъ человѣка на сей ладіи, или что-нибудь украдетъ, да пріиметъ виновный казнь вышеозначенную.

VII. „Ежели найдутся въ Греціи между купленными невольниками россіяне или въ Руси греки, то ихъ освободить и взять за нихъ, чего они купцамъ стоили, или настоящую, извѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные также да будутъ возвращены въ отечество и за каждаго да внесется окупу 20 златыхъ. Но русскіе воины, которые изъ чести придутъ служить царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ землѣ греческой.

VIII. „Ежели невольникъ русскій уйдетъ, будетъ украденъ или отнятъ подъ видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновнымъ.

IX. „Когда русинъ, служащій царю христіанскому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ своего наслѣдства и родныхъ съ нимъ

не будетъ, то прислать его имѣніе въ Русь къ милымъ ближнимъ; а когда сдѣлаетъ распоряженіе, то отдать имѣніе наслѣднику, означенному въ духовной.

X. „Ежели между купцами и другими людьми русскими въ Греціи будутъ виновные и ежели потребуютъ ихъ въ отечество для наказанія, то царь христіанскій долженъ отправить сихъ преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не хотѣли туда возвратиться.

„Да поступаютъ такъ и русскіе въ отношеніи къ грекамъ!

„Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между нами, русью и греками, велѣли мы написать оныя киноварью на двухъ хартіяхъ. Царь греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся Святымъ Крестомъ, Нераздѣльною Животворящею Троицею Единаго Бога и далъ хартію нашей свѣтлости; а мы, послы русскіе, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всѣхъ русскихъ, исполнять утвержденныя главы мира и любви между нами, русью и греками. Сентября во 2 недѣлю, въ 15 лѣто (то есть индикта) отъ созданія мира“...

Договоръ могъ быть писанъ на греческомъ и славянскомъ языкѣ. Уже варяги около пятидесяти лѣтъ господствовали въ Кіевѣ: сверстники Игоревы, подобно ему рожденные между славянами, безъ сомнѣнія говорили языкомъ ихъ лучше, нежели скандинавскимъ. Дѣти варяговъ, принявшихъ христіанство во время Аскольда и Дира, имѣли способъ выучиться и славянской грамотѣ, изобрѣтенной Кирилломъ въ Моравіи. Съ другой стороны при дворѣ и въ войскѣ греческомъ находились издавна многіе славяне, обитавшіе во Ѳракіи, въ Пелопоннесѣ и въ другихъ владѣніяхъ императорскихъ. Въ осьмомъ вѣкѣ одинъ изъ нихъ управлялъ, въ санѣ патріарха, церковію; и въ самое то время, когда императоръ Александръ подписывалъ миръ съ Олегомъ, первыми любимцами его были два славянина, именемъ Гаврилопулъ и Василичъ; послѣдняго хотѣлъ онъ сдѣлать даже своимъ наслѣдникомъ. Условія мирныя надлежало разумѣть и грекамъ, и варягамъ: первые не знали языка нормановъ, но славянскій былъ извѣстенъ и тѣмъ и другимъ.

Сей договоръ представляетъ намъ россіянъ уже не дикими варварами, но людьми, которые знаютъ святость чести и народныхъ торжественныхъ условій; имѣютъ свои законы, утверждающіе безопасность личную, собственность, право наслѣдія, силу завѣщаній; имѣютъ торговлю внутреннюю и внѣшнюю. Седьмая и осьмая статьи его доказываютъ, и Константинъ Багрянородный то же свидѣтельствуетъ, что купцы россійскіе торговали невольниками: или плѣнными, взятыми на войнѣ, или рабами, купленными у народовъ сосѣдственныхъ, или собственными преступниками, законнымъ образомъ лишенными свободы.—Надобно также примѣтить,

что между именами четырнадцати вельможъ, употребленныхъ великимъ княземъ для заключенія мирныхъ условій съ греками, нѣтъ ни одного славянскаго. Только варяги, кажется, окружали нашихъ первыхъ государей и пользовались ихъ довѣренностію, участвуя въ дѣлахъ правленія.

Императоръ, одаривъ пословъ золотомъ, драгоцѣнными одеждами и тканями, велѣлъ показать имъ красоту и богатство храмовъ (которые сильнѣе умственныхъ доказательствъ могли представить воображенію грубыхъ людей величіе Бога христіанскаго) и съ честію отпустить ихъ въ Кіевъ, гдѣ они дали отчетъ князю въ успѣхѣ посольства.

Сей герой, смиренный лѣтами, хотѣлъ уже тишины и наслаждался всеобщимъ миромъ. Никто изъ сосѣдовъ не дерзалъ прервать его спокойствія. Окруженный знаками побѣдъ и славы, государь народовъ многочисленныхъ, повелитель войска храбраго могъ казаться грознымъ и въ самомъ усыпленіи старости. Онъ совершилъ на землѣ дѣло свое—и смерть его казалась потомству чудесною. „Волхвы, — какъ говоритъ лѣтописецъ,—предсказали князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и, слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: его ли мнѣ бояться? Но въ черепѣ таилась змѣя: она ужалила князя, и герой скончался...“ Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его, но мнимое пророчество волхвовъ или кудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Гораздо важнѣе и достовѣрнѣе то, что лѣтописецъ повѣтствуетъ о слѣдствіяхъ кончины Олеговой: народъ стеналъ и проливалъ слезы. Что можно сказать сильнѣе и разительнѣе въ похвалу государя умершаго? Итакъ, Олегъ не только ужасалъ враговъ: онъ былъ еще любимъ своими подданными. Воины могли оплакивать въ немъ смѣлаго, искуснаго предводителя, а народъ—защитника.—Присоединивъ къ державѣ своей лучшія, богатѣйшія страны нынѣшней Россіи, сей князь былъ истиннымъ основателемъ ея величія. Рюрикъ владѣлъ отъ Эстоніи, Славянскихъ Ключей и Волхова до Бѣлоозера, устья Оки и города Ростова: Олегъ завоевалъ все отъ Смоленска до рѣки Сулы, Днѣстра и, кажется, самыхъ горъ Карпатскихъ. Мудростію правителя цвѣтутъ государства образованныя; но только сильная рука героя основыва-

етъ великія имперіи и служитъ имъ надежною опорою въ ихъ опасной новости. Древняя Россія славится не однимъ героемъ: никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Олегомъ въ завоеваніяхъ, которыя утвердили ея бытіе могущественное. Исторія признаетъ ли его незаконнымъ властелиномъ съ того времени, какъ возмужалъ наслѣдникъ Рюриковъ? Великія дѣла и польза государственная не извиняютъ ли властолюбія Олегова? и права наслѣдственныя, еще неутвержденныя въ Россіи обыкновеніемъ, могли ли ему казаться священными?.. Но кровь Аскольда и Дира осталась пятномъ его славы.

Олегъ княжилъ 33 года, умеръ въ глубокой старости, ежели онъ хотя юношею пришелъ въ Новгородъ съ Рюрикомъ. Тѣло его погребено на горѣ Щековицѣ, и жители кіевскіе, современники Нестора, звали сіе мѣсто Ольговою могилою.

ГЛАВА VI.

Князь Игорь.

Г. 912—945.

Бунтъ древлянъ.—Явленіе печенѣговъ —Нападеніе Игоря на Грецію.—Договоръ съ греками.—Убіеніе Игоря.

Игорь въ зрѣломъ возрастѣ мужа пріялъ власть опасную: ибо современники и потомство требуютъ величія отъ наслѣдниковъ государя великаго, или презираютъ недостойныхъ.

Смерть побѣдителя ободрила побѣжденныхъ, и древляне отложились отъ Кіева. Игорь спѣшилъ доказать, что въ его рукѣ мечъ Олеговъ; смирилъ ихъ и наказалъ прибавленіемъ дани.— Но скоро новые враги, сильные числомъ, страшные дерзостію и грабительствомъ, явились въ предѣлахъ Россіи. Они подъ именемъ печенѣговъ такъ славны въ лѣтописяхъ нашихъ, византійскихъ и венгерскихъ отъ X до XII вѣка, что мы должны, при вступленіи ихъ на театръ исторіи, сказать нѣсколько словъ о свойствѣ и древнемъ отечествѣ сего народа.

Восточная страна нынѣшней россійской монархіи, гдѣ текутъ рѣки Иртышъ, Тоболъ, Уралъ, Волга, въ продолженіе многихъ столѣтій ужасала Европу грознымъ явленіемъ народовъ, которые одинъ за другимъ выходили изъ ея степей обширныхъ, различные, можетъ быть, языкомъ, но сходные характеромъ, образомъ жизни и свирѣпостію. Всѣ были кочующіе; всѣ питались скотоводствомъ и звѣриною ловлею: гунны, угры, болгары, авары, турки—и всѣ

они исчезли въ Европѣ, кромѣ угровъ и турковъ. Къ симъ народамъ принадлежали узы и печенѣги, единоплеменники туркомановъ: первые, обитая между Волгою и Дономъ, въ сосѣдствѣ съ печенѣгами, вытѣснили ихъ изъ степей саратовскихъ: изгнанники устремились къ западу; овладѣли Лебедіею, чрезъ нѣсколько лѣтъ

ИГОРЬ I. РУРИКОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

опустошили Бессарабію, Молдавію, Валахію; принудили угровъ переселиться оттуда въ Паннонію и начали господствовать отъ рѣки Дона до самой Алуты, составивъ 8 разныхъ областей, изъ коихъ 4 были на востокъ отъ Днѣпра, между россіянами и козарами; а другіе на западной сторонѣ его, въ Молдавіи, Трансильваніи, на Бугѣ и близъ Галиціи, въ сосѣдствѣ съ народами

славянскими, подвластными кіевскимъ государямъ. Не зная земледѣлія, обитая въ шатрахъ, кибиткахъ или вежахъ, печенѣги искали единственно тучныхъ луговъ для стадъ; искали также богатыхъ сосѣдовъ для грабительства; славились быстротою коней своихъ; вооруженные копьями, лукомъ, стрѣлами, мгновенно окружали непріятеля и мгновенно скрывались отъ глазъ его; бросались на лошадяхъ въ самыя глубокія рѣки или вмѣсто лодокъ употребляли большія кожи. Они носили персидскую одежду, и лица ихъ изображали свирѣпость.

Печенѣги думали, можетъ быть, ограбить Кіевъ; но, встрѣченные сильнымъ войскомъ, не захотѣли отвѣдать счастія въ битвѣ и мирно удалились въ Бессарабію или Молдавію, гдѣ уже господствовали тогда ихъ единоземцы. Тамъ народъ сей сдѣлался ужасомъ и бичомъ сосѣдовъ; служилъ орудіемъ взаимной ихъ ненависти и за деньги помогалъ имъ истреблять другъ друга. Греки давали ему золото для обузданія угровъ и болгаровъ, особенно же россіянъ, которые также искали дружбы его, чтобы имѣть безопасную торговлю съ Константинополемъ: ибо днѣпровскіе пороги и дунайское устье были заняты печенѣгами. Сверхъ того они могли всегда, съ правой и лѣвой стороны Днѣпра, опустошать Россію, жечь селенія, увозить женъ и дѣтей, или, въ случаѣ союза, подкрѣплять государей кіевскихъ наемнымъ войскомъ своимъ. Сія несчастная политика дозволяла разбойникамъ болѣе двухъ вѣковъ свободно отправлять ихъ гибельное ремесло.

Печенѣги, заключивъ союзъ съ Игоремъ, пять лѣтъ не тревожили Россіи: по крайней мѣрѣ Несторъ говоритъ о первой дѣйствительной войнѣ съ ними уже въ 920 году. Преданіе не сообщило ему извѣстія объ ея слѣдствіяхъ. Княженіе Игоря вообще не ознаменовалось въ памяти народной никакимъ великимъ происшествіемъ до самаго 941 года, когда Несторъ, согласно съ византійскими историками, описываетъ войну Игореву съ греками. Сей князь, подобно Олегу, хотѣлъ прославить ею старость свою, живъ до того времени дружелюбно съ имперіею: ибо въ 935 году корабли и воины его ходили съ греческимъ флотомъ въ Италію. Если вѣрить лѣтописцамъ, то Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное море. Болгары, тогда союзники императора, увѣдомили его о семъ непріятелѣ; но Игорь успѣлъ пристать къ берегу, опустошить воспорскія окрестности. Здѣсь Несторъ, слѣдуя византійскимъ историкамъ, съ новымъ ужасомъ говоритъ о свирѣпости россіянъ: о храмахъ, монастыряхъ и селеніяхъ, обращенныхъ ими въ пепелъ; о плѣнникахъ, безчеловѣчно убіенныхъ, и проч. Романъ Лакапинъ, воинъ знаменитый, но государь слабый, выслалъ, наконецъ, флотъ подъ начальствомъ Ѳеофана Протовестіарія. Корабли Игоревы стояли на якоряхъ близъ Фара или

маяка, готовые къ сраженію. Игорь столь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что велѣлъ воинамъ своимъ щадить непріятелей и брать ихъ живыхъ въ плѣнъ; но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его чаянію. Россіяне, приведенные въ ужасъ и безпорядокъ такъ называемымъ огнемъ греческимъ, которымъ Ѳеофанъ зажегъ многія суда ихъ и который показался имъ небесною молніею въ рукахъ озлобленнаго врага, удалились къ берегамъ Малой Азіи. Тамъ Патрикій Варда съ отборною пѣхотою, конницею, и Доместикъ Іоаннъ, славный побѣдами, одержанными имъ въ Сиріи съ опытнымъ азіатскимъ войскомъ, напали на толпы россіянъ, грабившихъ цвѣтущую Виѳинію, и принудили ихъ бѣжать на суда. Угрожаемые вмѣстѣ и войскомъ греческимъ, и побѣдоносньімъ флотомъ, и голодомъ, они снялись съ якорей, ночью отплыли къ берегамъ ѳракійскимъ, сразились еще съ греками на морѣ и съ великимъ урономъ возвратились въ отечество. Но бѣдствія, претерпѣнныя отъ нихъ имперіею въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, остались надолго незабвенными въ ея азіатскихъ и европейскихъ областяхъ.

О семъ несчастномъ Игоревомъ походѣ говорятъ не только византійскіе, но и другіе историки: арабскій Эльмакинъ и кремонскій епископъ Ліутпрандъ; послѣдній разсказываетъ слышанное имъ отъ своего отчима, который, будучи посломъ въ Царѣградѣ, собственными глазами видѣлъ казнь многихъ Игоревыхъ воиновъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ греками: варварство ужасное! Греки, изнѣженные роскошью, боялись опасностей, а не злодѣйства.

Игорь не унылъ, но хотѣлъ отмстить грекамъ; собралъ другое многочисленное войско, призвалъ варяговъ изъ-за моря, нанялъ печенѣговъ—которые дали ему аманатовъ въ доказательство вѣрности своей—и черезъ два года снова пошелъ въ Грецію со флотомъ и съ конницею. Херсонцы и болгары вторично дали знать императору, что море покрылось кораблями россійскими. Лакапинъ, не увѣренный въ побѣдѣ и желая спасти имперію отъ новыхъ бѣдствій войны со врагомъ отчаяннымъ, немедленно отправилъ пословъ къ Игорю. Встрѣтивъ его близъ дунайскаго устья, они предложили ему дань, какую нѣкогда взялъ храбрый Олегъ съ Греціи; обѣщали и болѣе, ежели князь благоразумно согласится на миръ; старались также богатыми дарами обезоружить корыстолюбивыхъ печенѣговъ. Игорь остановился и, созвавъ дружину свою, объявилъ ей желаніе грековъ. „Когда царь,—отвѣтствовали вѣрные товарищи князя россійскаго,—безъ войны дастъ намъ серебро и золото, то чего болѣе можемъ требовать? Извѣстно ли, кто одолѣетъ: мы ли? они ли? и съ моремъ кто совѣтенъ? Подъ нами не земля, а глубина морская: въ ней общая смерть людямъ“. Игорь принялъ ихъ совѣтъ, взялъ дары у грековъ на всѣхъ воиновъ своихъ, велѣлъ наемнымъ печенѣгамъ разорять сосѣдственную Болгарію и возвратился въ Кіевъ.

Въ слѣдующій годъ Лакапинъ отправилъ пословъ къ Игорю, а князь россійскій въ Царьградъ, гдѣ заключенъ былъ ими торжественный миръ на такихъ условіяхъ:

I. Начало подобное Олегову договору: „Мы отъ рода русскаго, послы и гости Игоревы и проч. Слѣдуетъ около пятидесяти норманскихъ именъ, кромѣ двухъ или трехъ славянскихъ. Но достойно замѣчанія, что здѣсь въ особенности говорится о послахъ и чиновникахъ Игоря, жены его Ольги, сына Святослава, двухъ

ОЛЬГА.
Вел. Кн. Россійская

нетіевъ Игоревыхъ, то есть племянниковъ или дѣтей сестриныхъ, Улѣба, Акуна и супруги Улѣбовой, Передславы. Далѣе: „Мы, посланные отъ Игоря, великаго князя русскаго, отъ всякаго княженія, отъ всѣхъ людей Русскія земли, обновить ветхій миръ съ великими царями греческими, Романомъ, Константиномъ, Стефаномъ, со всѣмъ боярствомъ и со всѣми людьми греческими, вопреки діаволу, ненавистнику добра и враждолюбцу, на всѣ лѣта, доколѣ сіяетъ солнце и стоитъ міръ. Да не дерзаютъ русскіе, крещеные и некрещеные, нарушать союза съ греками, или пер-

выхъ да осудитъ Богъ Вседержитель на гибель вѣчную и временную, а вторые да не имутъ помощи отъ бога Перуна; да не защитятся своими щитами; да падутъ отъ собственныхъ мечей, стрѣлъ и другого оружія; да будутъ рабами въ сей вѣкъ и будущій!

II. „Великій князь русскій и бояре его да отправляютъ свободно въ Грецію корабли съ гостьми и послами. Гости, какъ было уставлено, носили печати серебряныя, а послы—золотыя: отнынѣ же да приходятъ съ грамотою отъ князя русскаго, въ которой будетъ засвидѣтельствовано имъ мирное намѣреніе, также число людей и кораблей отправленныхъ. Если же придутъ безъ грамоты, да содержатся подъ стражею, доколѣ извѣстимъ о нихъ князя русскаго. Если станутъ противиться, да лишатся жизни, и смерть ихъ да не взыщется отъ князя русскаго. Если уйдутъ въ Русь, то мы, греки, увѣдомимъ князя объ ихъ бѣгствѣ, да поступитъ онъ съ ними, какъ ему угодно.

III. Начало статьи есть повтореніе условій, заключенныхъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя, о томъ, какъ вести себя посламъ и гостямъ русскимъ въ Греціи, гдѣ жить, чего требовать, и проч.—Далѣе: „Гости русскіе будутъ охраняемы царскимъ чиновникомъ, который разбираетъ ссоры ихъ съ греками. Всякая ткань, купленная русскими, цѣною выше 50 золотниковъ (или червонцевъ), должна быть ему показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою. Отправляясь изъ Царяграда, да берутъ они съѣстные припасы и все нужное для кораблей, согласно съ договоромъ. Да не имѣютъ права зимовать у св. Мамы и да возвращаются съ охраненіемъ.

IV. „Когда уйдетъ невольникъ изъ Руси въ Грецію, или отъ гостей, живущихъ у св. Мамы, русскіе да ищутъ и возьмутъ его. Если онъ не будетъ сысканъ, да клянутся въ бѣгствѣ его по вѣрѣ своей, христіане и язычники. Тогда греки дадутъ имъ, какъ прежде установлено, по двѣ ткани за невольника. Если рабъ греческій бѣжитъ къ россіянамъ съ покражею, то они должны возвратить его и снесенное имъ въ цѣлости: за что получаютъ въ награжденіе два золотника.

V. „Ежели русинъ украдетъ что-нибудь у грека, или грекъ у русина, да будетъ строго наказанъ по закону русскому и греческому, да возвратитъ украденную вещь и заплатитъ цѣну ея вдвое.

VI. „Когда русскіе приведутъ въ Царьградъ плѣнниковъ греческихъ, то имъ за каждаго брать по десяти золотниковъ, если будетъ юноша или дѣвица добрая, за середовича—восемь, за старца и младенца—пять. Когда же русскіе найдутся въ неволѣ у грековъ, то за всякаго плѣннаго давать выкупу десять золотниковъ,

а за купленнаго цѣну его, которую хозяинъ объявитъ подъ крестомъ (или присягою).

VII. „Князь русскій да не присваиваетъ себѣ власти надъ страною Херсонскою и городами ея. Когда же онъ, воюя въ тамошнихъ мѣстахъ, потребуетъ войска отъ насъ, грековъ, мы дадимъ ему, сколько будетъ надобно.

VIII. „Ежели русскіе найдутъ у берега ладію греческую, да не обидятъ ее; а кто возьметъ что-нибудь изъ ладіи, или убіетъ, или поработитъ находящихся въ ней людей, да будетъ наказанъ по закону русскому и греческому.

IX. „Русскіе да не творятъ никакого зла херсонцамъ, ловящимъ рыбу въ устьѣ Днѣпра; да не зимуютъ тамъ ни въ Бѣлобережьѣ, ни у св. Еоерія; но при наступленіи осени да идутъ въ домы свои, въ русскую землю.

X. „Князь русскій да не пускаетъ черныхъ болгаровъ воевать въ странѣ Херсонской".—Черною называлась Болгарія Дунайская, въ отношеніи къ древнему отечеству болгаровъ.

XI. „Ежели греки, находясь въ землѣ Русской, окажутся преступниками, да не имѣетъ князь власти наказывать ихъ; но да примутъ они сію казнь въ царствѣ греческомъ.

XII. „Когда христіанинъ умертвитъ русина, или русинъ христіанина, ближніе убіеннаго, задержавъ убійцу, да умертвятъ его".—Далѣе то же, что въ III статьѣ прежняго договора.

XIII. Сія статья о побояхъ есть повтореніе IV статьи Олегова условія.

XIV. „Ежели цари греческіе потребуютъ войска отъ русскаго князя, да исполнитъ князь ихъ требованіе, и да увидятъ чрезъ то всѣ иныя страны, въ какой любви живутъ греки съ русью.

„Сіи условія написаны на двухъ хартіяхъ: одна будетъ у царей греческихъ; другую, ими подписанную, доставятъ великому князю русскому Игорю и людямъ его, которые, принявъ оную, да клянутся хранить истину союза: христіане въ соборной церкви св. Иліи предлежащимъ честнымъ Крестомъ и сею хартіею, а некрещеные, полагая на землю щиты свои, обручи и мечи обнаженные".

Историкъ долженъ въ цѣлости сохранить сіи дипломатическіе памятники Россіи, въ коихъ изображается умъ предковъ нашихъ и самые ихъ обычаи. Государственные договоры X вѣка, столь подобные, весьма рѣдки въ лѣтописяхъ: они любопытны не только для ученаго дипломата, но и для всѣхъ внимательныхъ читателей исторіи, которые желаютъ имѣть ясное понятіе о тогдашнемъ гражданскомъ состояніи народовъ. Хотя византійскіе лѣтописцы не упоминаютъ о семъ договорѣ, ни о прежнемъ, заключенномъ въ Олегово время, но содержаніе оныхъ такъ вѣрно

представляетъ намъ взаимныя отношенія грековъ и россіянъ X вѣка, такъ сообразно съ обстоятельствами времени, что мы не можемъ усомниться въ ихъ истинѣ...

Клятвенно утвердивъ союзъ, императоръ отправилъ новыхъ пословъ въ Кіевъ, чтобы вручить князю русскому хартію мира. Игорь, въ присутствіи ихъ на священномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, торжественно обязался хранить дружбу съ имперіею; воины его также, въ знакъ клятвы полагая къ ногамъ идола оружіе, щиты и золото. Обрядъ достопамятный: оружіе и золото было всего святѣе и драгоцѣннѣе для русскихъ язычниковъ. Христіане варяжскіе присягали въ соборной церкви св. Иліи, можетъ быть древнѣйшей въ Кіевѣ. Лѣтописецъ именно говоритъ, что многіе варяги были тогда уже христіанами.

Игорь, одаривъ пословъ греческихъ мѣхами драгоцѣнными, воскомъ и плѣнниками, отпустилъ ихъ къ императору съ дружественными увѣреніями. Онъ, дѣйствительно, хотѣлъ мира для своей старости; но корыстолюбіе собственной дружины его не позволило ему наслаждаться спокойствіемъ. „Мы босы и наги,— говорили воины Игорю,—а Свѣнельдовы отроки богаты оружіемъ и всякою одеждою. Поди въ дань съ нами, да и мы, вмѣстѣ съ тобою, будемъ довольны“. Ходить въ дань значило тогда объѣзжать Россію и собирать налоги. Древніе государи наши, по извѣстію Константина Багрянороднаго, всякій годъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, отправлялись съ войскомъ изъ Кіева для объѣзда городовъ своихъ и возвращались въ столицу не прежде апрѣля. Цѣлію сихъ путешествій, какъ вѣроятно, было и то, чтобы укрѣплять общую государственную связь между разными областями, или содержать народъ и чиновниковъ въ зависимости отъ великихъ князей. Игорь, отдыхая въ старости, вмѣсто себя посылалъ, кажется, вельможъ и бояръ, особенно Свѣнельда, знаменитаго воеводу, который, собирая государственную дань, могъ и самъ обогащаться, вмѣстѣ съ отроками своими или отборными молодыми воинами, его окружавшими. Имъ завидовала дружина Игорева, и князь, при наступленіи осени, исполнилъ ея желаніе: отправился въ землю древлянъ и, забывъ, что умѣренность есть добродѣтель власти, обременилъ ихъ тягостнымъ налогомъ. Дружина его, пользуясь, можетъ быть, слабостію князя престарѣлаго, также хотѣла богатства и грабила несчастныхъ данниковъ, усмиренныхъ только побѣдоноснымъ оружіемъ. Уже Игорь вышелъ изъ области ихъ; но судьба опредѣлила ему погибнуть отъ своего неблагоразумія. Еще недовольный взятою имъ даніею, онъ вздумалъ отпустить войско въ Кіевъ и съ частью своей дружины возвратиться къ древлянамъ, чтобы требовать новой дани. Послы ихъ встрѣтили его на пути и сказали ему:

„Князь! мы все заплатили тебѣ: для чего же опять идешь къ намъ?“ Ослѣпленный корыстолюбіемъ, Игорь шелъ далѣе. Тогда отчаянные древляне, видя—по словамъ лѣтописца—что надобно умертвить хищнаго волка, или все стадо будетъ его жертвою, вооружились подъ начальствомъ князя своего, именемъ Мала; вышли изъ Коростена, убили Игоря со всею дружиною и погребли недалеко оттуда. Византійскій историкъ повѣствуетъ, что они, привязавъ сего несчастнаго князя къ двумъ деревьямъ, разорвали на-двое.

Игорь въ войнѣ съ греками не имѣлъ успѣховъ Олега; не имѣлъ, кажется, и великихъ свойствъ его, но сохранилъ цѣлость россійской державы, устроенной Олегомъ; сохранилъ честь и выгоды ея въ договорахъ съ имперіею; былъ язычникомъ, но позволялъ новообращеннымъ россіянамъ славить торжественно Бога христіанскаго и, вмѣстѣ съ Олегомъ, оставилъ наслѣдникамъ своимъ примѣръ благоразумной терпимости, достойной самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Два случая остались укоризною для его памяти: онъ далъ опаснымъ печенѣгамъ утвердиться въ сосѣдствѣ съ Россіею и, не довольствуясь справедливою, то есть умѣренною данію народа, ему подвластнаго, обиралъ его, какъ хищный завоеватель. Игорь мстилъ древлянамъ за прежній ихъ мятежъ; но государь унижается местію долговременною: онъ наказываетъ преступника только однажды.—Историкъ, за недостаткомъ преданій, не можетъ сказать ничего болѣе въ похвалу или въ обвиненіе Игоря, княжившаго 32 года.

Къ сему княженію относится любопытное извѣстіе современнаго арабскаго историка Массуди. Онъ пишетъ, что россіяне-идолопоклонники, вмѣстѣ съ славянами, обитали тогда въ козарской столицѣ Ателѣ и служили кагану; что съ его дозволенія, около 912 года, войско ихъ, приплывъ на судахъ въ Каспійское море, разорило Дагестанъ, Ширванъ, но было, наконецъ, истреблено магометанами. Другой арабскій повѣствователь, Абульфеда, сказываетъ, что россіяне въ 944 году взяли Барду, столицу Арранскую (верстахъ въ семидесяти отъ Ганджи), и возвратились въ свою землю рѣкою Куромъ и моремъ Каспійскимъ. Третій историкъ восточный, Абульфарачъ, приписываетъ сіе нападеніе аланамъ, лезгамъ и славянамъ, бывшимъ кагановымъ данникамъ въ южныхъ странахъ нашего древняго отечества. Россіяне могли прійти въ Ширванъ Днѣпромъ, морями Чернымъ, Азовскимъ, рѣками Дономъ, Волгою (чрезъ малую переволоку въ нынѣшней Качалинской станицѣ)—путемъ дальнимъ, многотруднымъ; но прелесть добычи давала имъ смѣлость, мужество и терпѣніе, которыя въ самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи ославили имя ея въ Европѣ и въ Азіи.

ГЛАВА VII.

Князь Святославъ.

Г. 945—972.

Правленіе Ольги.—Хитрая месть.—Мудрость Ольгина.—Крещеніе.—Россіяне въ Сициліи.—Характеръ и подвиги Святослава.—Взятіе Бѣлой Вежи.—Завоеваніе Болгаріи.—Нашествіе печенѣговъ.—Кончина Ольги.—Посольство въ Германію.—Первые удѣлы въ Россіи.—Вторичное завоеваніе Болгаріи.—Война съ Цимисхіемъ.—Договоръ съ греками.—Наружность Святослава.—Кончина его.

Святославъ, сынъ Игоревъ, первый князь славянскаго имени, былъ еще отрокомъ. Бѣдственный конецъ родителя, новость державы, только мечомъ основанной и хранимой, бунтъ древлянъ, безпокойный духъ войска, пріученнаго къ дѣятельности, завоеваніямъ и грабежу, честолюбіе полководцевъ варяжскихъ, смѣлыхъ и гордыхъ, уважавшихъ одну власть счастливой храбрости—все угрожало Святославу и Россіи опасностями. Но Провидѣніе сохранило цѣлость державы и власть государя, одаривъ его мать свойствами души необыкновенной.

Юный князь воспитывался бояриномъ Асмудомъ, Свѣнельдъ повелѣвалъ войскомъ; Ольга—вѣроятно, съ помощію сихъ двухъ знаменитыхъ мужей—овладѣла кормиломъ государства и мудрымъ правленіемъ доказала, что слабая жена можетъ иногда равняться съ великими мужами.

Прежде всего Ольга наказала убійцъ Игоревыхъ. Здѣсь лѣтописецъ сообщаетъ намъ многія подробности, отчасти не согласныя ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію исторіи и взятыя, безъ всякаго сомнѣнія, изъ народной сказки; но какъ истинное происшествіе должно быть ихъ основаніемъ, и самыя басни древнія любопытны для ума внимательнаго, изображая обычаи и духъ времени, то мы повторимъ Несторовы простыя сказанія о мести и хитростяхъ Ольгиныхъ.

„Гордясь убійствомъ какъ побѣдою и презирая малолѣтство Святослава, древляне вздумали присвоить себѣ власть надъ Кіевомъ и хотѣли, чтобы ихъ князь Малъ женился на вдовѣ Игоря: ибо они, платя дань государямъ кіевскимъ, имѣли еще князей собственныхъ. Двадцать знаменитыхъ пословъ древлянскихъ приплыли въ ладіи къ Кіеву и сказали Ольгѣ: Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего князя Мала. Ольга съ ласкою отвѣтствовала: Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже не могу воскресить супруга! Завтра

окажу вамъ всю должную честь. Теперь возвратитесь въ ладію свою и, когда люди мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ... Между тѣмъ Ольга приказала на дворѣ теремномъ ископать глубокую яму и на другой день звать пословъ. Исполняя

СВЯТОСЛАВЪ I. ИГО-РЕВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

волю ея, они сказали: не хотимъ ни идти, ни ѣхать: несите насъ въ ладіи! Кіевляне отвѣтствовали: что дѣлать! мы невольники, Игоря нѣтъ, а княгиня наша хочетъ быть супругою вашего князя—и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, какъ древляне гордились и величались, не предвидя своей гибели: ибо Ольгины люди бросили ихъ, вмѣстѣ съ ладіею, въ

яму. Мстительная княгиня спросила у нихъ, довольны ли они сею честію? Несчастные изъявили воплемъ раскаяніе въ убіеніи Игоря, но поздно: Ольга велѣла ихъ засыпать живыхъ землею и чрезъ гонца объявила древлянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей: ибо народъ кіевскій не отпуститъ ея безъ ихъ торжественнаго и многочисленнаго посольства. Легковѣрные немедленно отправили въ Кіевъ лучшихъ гражданъ и начальниковъ земли своей. Тамъ, по древнему обычаю славянскому, для гостей изготовили баню и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказать древлянамъ, чтобы они варили медъ въ Коростенѣ; что она уже идетъ къ нимъ, желая, прежде второго брака, совершить тризну надъ могилою перваго супруга. Ольга дѣйствительно пришла къ городу Коростену, оросила слезами прахъ Игоревъ, насыпала высокій бугоръ надъ его могилою—донынѣ видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣста—и въ честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Отроки княгинины угощали знаменитѣйшихъ древлянъ, которые вздумали, наконецъ, спросить о своихъ послахъ; но удовольствовались отвѣтомъ, что они будутъ вмѣстѣ съ Игоревою дружиною.—Скоро дѣйствіе крѣпкаго меду омрачило головы неосторожныхъ: Ольга удалилась, подавъ знакъ воинамъ своимъ—и 5,000 древлянъ, ими убитыхъ, легло вокругъ Игоревой могилы“.

„Ольга, возвратясь въ Кіевъ, собрала многочисленное войско и выступила съ нимъ противъ древлянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще непокоренныхъ силою. Оно встрѣтилось съ ними, и младый Святославъ самъ началъ сраженіе. Копіе, брошенное въ непріятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но полководцы, Асмудъ и Свѣнельдъ, ободрили воиновъ примѣромъ юнаго героя и съ восклицаніемъ: друзья! станемъ за князя! устремились въ битву. Древляне бѣжали съ поля и затворились въ городахъ своихъ. Чувствуя себя болѣе другихъ виновными, жители Коростена цѣлое лѣто оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга прибѣгнула къ новой выдумкѣ. Для чего вы упорствуете? велѣла она сказать древлянамъ: всѣ иные города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обработываютъ нивы свои, а вы хотите умереть голодомъ! Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего. Древляне предложили ей въ дань медъ и кожи звѣрей; но княгиня, будто бы изъ великодушія, отреклась отъ сей дани и желала имѣть единственно съ каждаго двора по три воробья и голубя! Они съ радостію исполнили ея требованіе и ждали съ нетерпѣніемъ, чтобы войско кіевское удалилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго вечера, пламя объяло всѣ домы ихъ... Хитрая Ольга велѣла привязать зажженный трутъ съ сѣрою ко взятымъ ею птицамъ и пустить ихъ на волю: онѣ возвратились

съ огнемъ въ гнѣзда свои и произвели общій пожаръ въ городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастися бѣгствомъ и попались въ руки Ольгинымъ воинамъ. Великая княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, обложила прочихъ тяжкою данью".

Такъ разсказываетъ лѣтописецъ... Не удивляемся жестокости Ольгиной: вѣра и самые гражданскіе законы язычниковъ оправдывали месть неумолимую; а мы должны судить о герояхъ исторіи по обычаямъ и нравамъ ихъ времени. Но вѣроятна ли оплошность древлянъ? вѣроятно ли, чтобы Ольга взяла Коростенъ посредствомъ воробьевъ и голубей, хотя сія выдумка могла дѣлать честь народному остроумію русскихъ въ X вѣкѣ? Истинное происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ пословъ древлянскихъ, которые думали, можетъ быть, оправдаться въ убіеніи Игоря; оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена и тамъ воинскими играми, по обряду язычества, торжествовала память сына Рюрикова.

Великая княгиня, провожаемая воинскою дружиною, вмѣстѣ съ юнымъ Святославомъ объѣхала всю древлянскую область, уставляя налогъ въ пользу казны государственной; но жители Коростена долженствовали третію часть дани своей посылать къ самой Ольгѣ въ ея собственный удѣлъ, въ Вышегородъ, основанный, можетъ быть, героемъ Олегомъ и данный ей въ вѣно, какъ невѣстѣ или супругѣ великаго князя: чему увидимъ и другіе примѣры въ нашей древней исторіи. Сей городъ, извѣстный Константину Багрянородному и знаменитый въ X вѣкѣ, уже давно обратился въ село, которое находится въ 7 верстахъ отъ Кіева, на высокомъ берегу Днѣпра, и замѣчательно красотою своего мѣстоположенія.—Ольга, кажется, утѣшила древлянъ благодѣяніями мудраго правленія; по крайней мѣрѣ всѣ ея памятники—ночлеги и мѣста, гдѣ она, слѣдуя обыкновенію тогдашнихъ героевъ, забавлялась ловлею звѣрей—долгое время были для сего народа предметомъ какого-то особеннаго уваженія и любопытства.

Въ слѣдующій годъ, оставивъ Святослава въ Кіевѣ, она поѣхала въ сѣверную Россію, въ область Новогородскую; учредила по Лугѣ и Метѣ государственныя дани; раздѣлила землю на погосты или волости; сдѣлала, безъ сомнѣнія, все нужнѣйшее для государственнаго блага по тогдашнему гражданскому состоянію Россіи и вездѣ оставила знаки своей попечительной мудрости. Чрезъ 150 лѣтъ народъ съ признательностію воспоминалъ о семъ благодѣтельномъ путешествіи Ольги, и въ Несторово время жители Пскова хранили еще сани ея, какъ вещь драгоцѣнную. Вѣроятно, что сія княгиня, рожденная во Псковѣ, какими-нибудь особен-

ными выгодами, данными его гражданамъ, способствовала тому цвѣтущему состоянію и даже силѣ, которою онъ послѣ, вмѣстѣ съ Новымгородомъ, славился въ Россіи, затмивъ сосѣдственный, древнѣйшій Изборскъ и сдѣлавшись столицею области знаменитой.

Утвердивъ внутренній порядокъ государства, Ольга возвратилась къ юному Святославу, въ Кіевъ, и жила тамъ нѣсколько лѣтъ въ мирномъ спокойствіи, наслаждаясь любовію своего признательнаго сына и не менѣе признательнаго народа.—Здѣсь, по сказанію Нестора, оканчиваются дѣла ея государственнаго правленія; но здѣсь начинается эпоха славы ея въ нашей церковной исторіи.

Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда смертный, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ близкій конецъ ея предъ собою и чувствуетъ суетность земного величія. Тогда истинная вѣра, болѣе нежели когда нибудь, служитъ ему опорою или утѣшеніемъ въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человѣка. Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями и, будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучомъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный воспріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли особы княжескія, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Царѣградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу; послѣ чего императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица. Въ сей первый день 9 сентября былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой храминѣ юстиніановой, гдѣ императрица сидѣла на тронѣ и гдѣ княгиня россійская, въ знакъ почтенія къ супругѣ великаго царя, стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными госпожами. Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвцы славили величіе царскаго дома и плясуны оказывали свое искусство въ пріятныхъ тѣлодвиженіяхъ. Послы россійскіе, знатные люди Ольгины и купцы обѣдали въ другой комнатѣ; потомъ дарили гостей деньгами: племяннику княгини дали 30 миліаризій — или $2^1/_2$ червонца, каждому изъ осьми ея приближенныхъ 20, каждому изъ двадцати

пословъ 12, каждому изъ сорока трехъ купцовъ тоже, священнику или духовнику Ольгину, именемъ Григорію, 8, двумъ переводчикамъ 24, Святославовымъ людямъ 5 на человѣка, посольскимъ 3, собственному переводчику княгини 15 миліаризій. На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски: Ольга сѣла за него вмѣстѣ съ императорскимъ семействомъ. Тогда на золотой, осыпанной драгоцѣнными камнями тарелкѣ поднесли ей въ даръ 500 миліаризій, шести ея родственницамъ каждой 20 и осьмнадцати служительницамъ каждой 8. 18 октября княгиня вторично обѣдала во дворцѣ и сидѣла за однимъ столомъ съ императрицею, ея невѣсткою, Романовою супругою, и съ дѣтьми его: самъ императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми россіянами. Угощеніе заключилось также дарами, еще умѣреннѣйшими первыхъ. Ольга получила 200 миліаризій, а другіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе государи россійскіе не могли еще быть весьма богаты металлами драгоцѣнными, но одна учтивость, безъ сомнѣнія, заставила великую княгиню принять въ даръ шестнадцать червонцевъ.

Къ симъ достовѣрнымъ извѣстіямъ о бытіи Ольгиномъ въ Константинополѣ народное баснословіе прибавило, въ нашей древней лѣтописи, невѣроятную сказку, что императоръ, плѣненный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей руку свою и корону; но что Ольга—нареченная въ святомъ крещеніи Еленою—отвергнула его предложеніе, напомнивъ воспріемнику своему о духовномъ союзѣ съ нею, который, по закону христіанскому, служилъ препятствіемъ для союза брачнаго между ними. Во-первыхъ, Константинъ имѣлъ супругу: во-вторыхъ, Ольгѣ было тогда уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Она могла плѣнить его умомъ своимъ, а не красотою.

Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери; но, кажется, что она вообще была недовольна его пріемомъ: слѣдующее служитъ тому доказательствомъ. Скоро пріѣхали въ Кіевъ греческіе послы требовать, чтобы великая княгиня исполнила свое обѣщаніе и прислала въ Грецію войско вспомогательное; хотѣли также даровъ: невольниковъ, мѣховъ драгоцѣнныхъ и воску. Ольга сказала имъ: „Когда царь вашъ постоитъ у меня на Почайнѣ столько же времени, сколько я стояла у него въ Судѣ (гавани Константинопольской), тогда пришлю ему дары и войско“—съ чѣмъ послы и возвратились къ императору. Изъ сего отвѣта должно заключить, что подозрительные греки не скоро впустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность двора византійскаго оставила въ ея сердцѣ непріятныя впечатлѣнія.

Однако жъ россіяне во все царствованіе Константина Багря-

короднаго, сына его и Никифора Фоки соблюдали миръ и дружбу съ Греціею: служили при дворѣ императоровъ, въ ихъ флотѣ, войскахъ и въ 964 году, по сказанію арабскаго историка Новайри, сражались въ Сициліи, какъ наемники грековъ съ Аль-Гассаномъ, вождемъ сарацинскимъ. Константинъ нерѣдко посылалъ такъ называемыя златыя буллы, или грамоты съ золотою печатью, къ великому князю, надписывая: грамота христолюбивыхъ императоровъ греческихъ Константина и Романа къ россійскому государю.

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденіе язычества, но юный, гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: „Могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?“ Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не переставая любить его нѣжно, должна была, наконецъ, умолкнуть и поручить Богу судьбу народа россійскаго и сына.

Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностью отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнью онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на угольяхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба; войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ. Каковъ былъ военноначальникъ, таковы и воины.—Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту характера его: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія, но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: иду на васъ! Въ сіи времена общаго варварства гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно-рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ театромъ его воинскихъ счастливыхъ дѣйствій. Онъ покорилъ вятичей, которые все еще признавали себя данниками хана козарскаго, и грозное свое оружіе обратилъ противъ сего, нѣкогда столь могущественнаго владѣтеля. Жестокая битва рѣшила судьбу двухъ народовъ.

Самъ каганъ предводительствовалъ войскомъ. Святославъ побѣдилъ и взялъ козарскую Бѣлую Вежу, или Саркелъ, какъ именуютъ ее византійскіе историки, городъ на берегу Дона, укрѣпленный греческимъ искусствомъ. Лѣтописецъ не сообщаетъ намъ о сей войнѣ никакихъ дальнѣйшихъ извѣстій, сказывая только, что Святославъ побѣдилъ еще ясовъ и касоговъ; первые—вѣроятно, нынѣшніе оссы, или оссетинцы—будучи алланскаго племени, обитали среди горъ Кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близъ устья Волги; вторые—суть черкесы, коихъ страна въ X вѣкѣ именовалась Касахіею: оссетинцы и теперь называютъ ихъ касахами.—Тогда же, какъ надобно думать, завоевали россіяне городъ Таматарху, или Фанагорію, и всѣ владѣнія козарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря; ибо сія часть древняго царства Воспорскаго, названная потомъ княжествомъ Тмутороканскимъ, была уже при Владимірѣ, какъ мы увидимъ, собственностію Россіи. Завоеваніе, столь отдаленное, кажется удивительнымъ; но бурный духъ Святослава веселился опасностями и трудами. Отъ рѣки Дона, проложивъ себѣ путь къ Воспору Киммерійскому, сей герой могъ утвердить сообщеніе между областію Тмутороканскою и Кіевомъ посредствомъ Чернаго моря и Днѣпра. Въ Тавридѣ оставалась уже одна тѣнь древняго могущества кагановъ.

Неудовольствіе императора Никифора Фоки на болгарскаго царя Петра служило для Святослава поводомъ къ новому и еще важнѣйшему завоеванію. Императоръ, желая отмстить болгарамъ за то, что они не хотѣли препятствовать венграмъ въ ихъ частыхъ впаденіяхъ въ Грецію, велѣлъ Колокиру, сыну начальника херсонскаго, ѣхать посломъ въ Кіевъ, съ обѣщаніемъ великихъ даровъ мужественному князю россійскому, ежели онъ пойдетъ воевать Болгарію. Святославъ исполнилъ желаніе Никифора, взявъ съ грековъ на вооруженіе нѣсколько пудъ золота и съ 60.000 воиновъ явился въ ладіяхъ на Дунаѣ. Тщетно болгары хотѣли отразить ихъ: россіяне, обнаживъ мечи и закрываясь щитами, устремились на берегъ и смяли непріятелей. Города сдалися побѣдителю. Царь болгарскій умеръ отъ горести. Удовлетворивъ мести грековъ, богатый добычей, гордый славою, князь россійскій началъ властвовать въ древней Мизіи; хотѣлъ еще въ знакъ благодарности даровъ отъ императора, и жилъ весело въ болгарскомъ Переяславцѣ, не думая о томъ, что въ самое сіе время отечественная столица его была въ опасности.

Печенѣги напали на Россію, зная отсутствіе храбраго князя, и приступили къ самому Кіеву, гдѣ затворилась Ольга съ дѣтьми Святослава. На другой сторонѣ Днѣпра стоялъ воевода россійскій, именемъ Претичъ, съ малочисленною дружиною, и не могъ имѣть съ осажденными никакого сообщенія. Изнемогая отъ голода и жажды,

кіевляне были въ отчаяніи. Одинъ смѣлый отрокъ вызвался увѣдомить Претича о бѣдственномъ ихъ состояніи: вышелъ съ уздою изъ города, прямо въ толпу непріятелей, и, говоря языкомъ печенѣжскимъ, спрашивалъ, кто видѣлъ его коня? Печенѣги, воображая, что онъ ихъ воинъ, дали ему дорогу. Отрокъ спѣшилъ къ Днѣпру, сбросилъ съ себя одежду и поплылъ. Тутъ непріятели, узнавъ свою ошибку, начали стрѣлять въ него, а россіяне съ другого берега выѣхали навстрѣчу и взяли отрока въ лодку. Слыша отъ сего посланнаго, что изнуренные кіевляне хотятъ на другой день сдаться, и боясь гнѣва Святослава, воевода рѣшился спасти хотя семейство княжеское—и печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители кіевскіе отвѣтствовали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели разсѣялись въ ужасѣ, и великая княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ россійскимъ и спросилъ у него, князь ли онъ? Хитрый воевода объявилъ себя начальникомъ передовой дружины Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ вслѣдъ за нимъ. Обманутый печенѣгъ предложилъ миръ: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ воеводѣ саблю, стрѣлы и коня; воевода князю—щитъ, броню и мечъ. Тогда печенѣги немедленно удалились отъ города.

Освобожденные кіевляне отправили гонца къ Святославу, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною; что свирѣпые враги едва не взяли столицы и семейства его; что отсутствіе государя и защитника можетъ снова подвергнуть ихъ той же опасности, и чтобы онъ сжалился надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ. Тронутый князь съ великою поспѣшностію возвратился въ Кіевъ. Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя: лѣтопись говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію.—Дерзость печенѣговъ требовала мести. Святославъ отразилъ ихъ отъ предѣловъ Россіи, и сею побѣдою возстановилъ безопасность и тишину въ отечествѣ.

Но мирное пребываніе въ Кіевѣ скоро наскучило дѣятельному князю. Страна завоеванная всегда кажется пріятною завоевателю, и сердце героя стремилось къ берегамъ дунайскимъ. Собравъ бояръ, онъ въ присутствіи Ольги сказалъ имъ, что ему веселѣе жить въ Переяславцѣ, нежели въ Кіевѣ: „ибо въ столицѣ бол-

гарской, какъ въ средоточіи, стекаются всѣ драгоцѣнности искусства и природы: греки шлютъ туда золото, ткани, вино и плоды, богемцы и венгры—серебро и коней, россіяне—мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ". Огорченная мать отвѣтствовала ему, что старость и болѣзнь не замедлятъ прекратить ея жизнь. „Погреби меня, — сказала она, — и тогда иди, куда хочешь". Сіи слова оказались пророчествомъ: Ольга на четвертый день скончалась. Она запретила отправлять по себѣ языческую тризну и была погребена христіанскимъ священникомъ на мѣстѣ, ею самою для того избранномъ. Сынъ, внуки и благодарный народъ оплакивали ея кончину.

Преданіе нарекло Ольгу Хитрою, церковь Святою, исторія Мудрою. Отмстивъ древлянамъ, она умѣла соблюсти тишину въ странѣ своей и миръ съ чуждыми до совершеннаго возраста Святослава; съ дѣятельностію великаго мужа учреждала порядокъ въ государствѣ обширномъ и новомъ; не писала, можетъ быть, законовъ, но давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе для людей въ юности гражданскихъ обществъ. Великіе князья до временъ Ольгиныхъ воевали: она правила государствомъ. Увѣренный въ ея мудрости, Святославъ и въ мужскихъ лѣтахъ своихъ оставлялъ ей, кажется, внутреннее правленіе, безпрестанно занимаясь войнами, которыя удаляли его отъ столицы.—При Ольгѣ Россія стала извѣстною и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Европы. Лѣтописцы нѣмецкіе говорятъ о посольствѣ ея въ Германію, къ императору Оттону I. Можетъ быть, княгиня россійская, узнавъ о славѣ и побѣдахъ Оттоновыхъ, хотѣла, чтобы онъ также свѣдалъ о знаменитости ея народа, и предлагала ему дружественный союзъ чрезъ пословъ своихъ.—Наконецъ, сдѣлавшись ревностною христіанкою, Ольга—по выраженію Нестора, денница и луна спасенія—служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра и предуготовила торжество истинной вѣры въ нашемъ отечествѣ.

По кончинѣ матери Святославъ могъ уже свободно исполнить свое безразсудное намѣреніе, то-есть перенести столицу государства на берега дунайскіе. Кромѣ самолюбивыхъ мечтаній завоевателя, Болгарія, дѣйствительно, могла нравиться ему своимъ теплымъ климатомъ, изобиліемъ плодовъ и богатствомъ дѣятельной, удобной торговли съ Константинополемъ; вѣроятно также, что сіе государство, сопредѣльное съ имперіею, превосходило Россію и въ гражданскомъ образованіи; но для такихъ выгодъ долженствовалъ ли онъ удалиться отъ своего отечества, гдѣ былъ, такъ сказать, корень его силы и могущества? По крайней мѣрѣ, Святославу надлежало бы овладѣть прежде Бессарабіею, Молдавіею и Валахіею, то есть выгнать оттуда печенѣговъ, чтобы непрерывною

пѣнію завоеваній соединить Болгарію съ Россійскими владѣніями. Но сей князь излишно надѣялся на счастіе оружія и на грозное имя побѣдителя козаровъ.

Онъ поручилъ Кіевъ сыну своему Ярополку, а другому сыну, Олегу, Древлянскую землю, гдѣ прежде властвовали ея собственные князья. Въ то же время новогородцы, недовольные, можетъ быть, властію княжескихъ намѣстниковъ, прислали сказать Святославу, чтобы онъ далъ имъ сына своего въ правители, и грозились въ случаѣ отказа избрать для себя особеннаго князя. Ярополкъ и Олегъ не захотѣли принять власти надъ ними; но у Святослава былъ еще третій сынъ, Владиміръ, отъ ключницы Ольгиной, именемъ Малуши, дочери любчанина Малька: новгородцы, по совѣту Добрыни, Малушина брата, избрали въ князья сего юношу, которому судьба назначила преобразить Россію. — Итакъ, Святославъ первый ввелъ обыкновеніе давать сыновьямъ особенные удѣлы: примѣръ несчастный, бывшій виною всѣхъ бѣдствій Россіи.

Святославъ, отпустивъ Владиміра съ Добрынею въ Новгородъ, немедленно отправился въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областію, но гдѣ народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля. Многочисленное войско собралось въ Переяславцѣ и напало на россіянъ. Долговременное, кровопролитное сраженіе клонилось уже въ пользу болгаровъ; но воины Святославовы, ободренные его рѣчью: братья и дружина! умремъ, но умремъ съ твердостію и мужествомъ! напрягли силы свои, и ввечеру побѣда увѣнчала ихъ храбрость. Святославъ взялъ приступомъ городъ Переяславецъ, снова овладѣлъ царствомъ Болгарскимъ и хотѣлъ тамъ навсегда остаться. Въ семъ намѣреніи еще болѣе утвердилъ его знатный грекъ, именемъ Калокиръ, самый тотъ, который отъ императора Никифора былъ посломъ у Святослава. Калокиръ съ помощью россіянъ надѣялся свергнуть государя своего съ престола и царствовать въ Константинополѣ, за что обѣщалъ имъ уступить Болгарію въ вѣчное владѣніе и присылать дары. — Между тѣмъ Святославъ, довольствуясь властію надъ сею землею, позволялъ сыну умершаго ея царя, именемъ Борису, украшаться знаками царскаго достоинства.

Греки, призвавшіе россіянъ на берега дунайскіе, увидѣли свою ошибку. Святославъ, отважный и воинственный, казался имъ въ ближнемъ сосѣдствѣ гораздо опаснѣе болгаровъ. Іоаннъ Цимисхій, тогдашній императоръ, предлагая сему князю исполнить договоръ, заключенный съ нимъ въ царствованіе Никифора, требовалъ, чтобы россіяне вышли изъ Болгаріи; но Святославъ не хотѣлъ слушать пословъ и съ гордостію отвѣтствовалъ, что скоро будетъ самъ въ Константинополѣ и выгонитъ грековъ въ Азію. Цимисхій,

напомнивъ ему о бѣдственной участи ненасытнаго Игоря, сталъ вооружаться, а Святославъ спѣшилъ предупредить его.

Въ описаніи сей кровопролитной войны Несторъ и византійскіе историки несогласны: первый отдаетъ честь и славу побѣды князю россійскому, вторые — императору и, кажется, справедливѣе: ибо война кончилась тѣмъ, что Болгарія осталась въ рукахъ у грековъ, а Святославъ принужденъ былъ, съ горстію воиновъ, идти назадъ въ Россію: слѣдствія, весьма несообразныя съ счастливымъ успѣхомъ его оружія! Къ тому же, греческіе историки описываютъ всѣ обстоятельства подробнѣе, яснѣе, — и мы, предпочитая истину народному самохвальству, не должны отвергнуть ихъ любопытнаго сказанія.

Великій князь (говорятъ они), къ русской дружинѣ присоединивъ болгаровъ, новыхъ своихъ подданныхъ, — венгровъ и печенѣговъ, тогдашнихъ его союзниковъ, вступилъ во Ѳракію и до самаго Адріанополя опустошилъ ея селенія. Варда Склиръ, полководецъ имперіи, видя многочисленность непріятелей, заключился въ семъ городѣ и долго не могъ отважиться на битву. Наконецъ, удалось ему хитростію разбить печенѣговъ; тогда греки, ободренные успѣхомъ, сразились съ княземъ Святославомъ. Россіяне изъявляли пылкое мужество; но Варда Склиръ и братъ его, Константинъ Патрикій, принудили ихъ отступить, умертвивъ въ единоборствѣ какихъ-то двухъ знаменитыхъ богатырей скиѳскихъ.

Несторъ описываетъ сію битву такимъ образомъ: „Императоръ встрѣтилъ Святослава мирными предложеніями и хотѣлъ знать число его витязей, обѣщая на каждаго изъ нихъ заплатить ему дань. Великій князь объявилъ у себя 20,000 человѣкъ, едва имѣя и половину. Греки, искусные въ коварствѣ, воспользовались временемъ и собрали 100,000 воиновъ, которые со всѣхъ сторонъ окружили россіянъ. Великодушный Святославъ, покойно осмотрѣвъ грозные ряды непріятелей, сказалъ дружинѣ: Бѣгство не спасетъ насъ; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамимъ отечества, но ляжемъ здѣсь костями: мертвымъ не стыдно. Станемъ крѣпко. Иду предъ вами, и когда положу свою голову, тогда дѣлайте, что хотите! Воины его, пріученные не бояться смерти и любить вождя смѣлаго, единодушно отвѣтствовали: наши головы лягутъ вмѣстѣ съ твоею! вступили въ кровопролитный бой и доказали что не множество, а храбрость побѣждаетъ. Греки не устояли: обратили тылъ, разсѣялись — и Святославъ шелъ къ Константинополю, означая свой путь всѣми ужасами опустошенія“... Доселѣ можемъ не сомнѣваться въ истинѣ Несторова сказанія; но дальнѣйшее его повѣствованіе гораздо менѣе вѣроятно. „Цимисхій (пишетъ онъ) въ страхѣ, въ недоумѣніи призвалъ вельможъ на совѣтъ и рѣшился искусить непріятеля дарами, золотомъ и

паволоками драгоцѣнными; отправилъ ихъ съ человѣкомъ хитрымъ и велѣлъ ему наблюдать всѣ движенія Святославовы. Но сей князь не хотѣлъ взглянуть на золото, положенное къ его ногамъ, и равнодушно сказалъ отрокамъ своимъ: возьмите. Тогда императоръ послалъ къ нему въ даръ оружіе: герой схватилъ оное съ живѣйшимъ удовольствіемъ, изъявляя благодарность и Цимисхій, не смѣя ратоборствовать съ такимъ непріятелемъ, заплатилъ ему дань; каждый воинъ взялъ часть свою; доля убіенныхъ была назначена для ихъ родственниковъ. Гордый Святославъ съ торжествомъ возвратился въ Болгарію". Греки не имѣли нужды искушать великаго князя, когда онъ съ малыми силами уже разбилъ ихъ многочисленное войско; но сія сказка достойна замѣчанія, свидѣтельствуя мнѣніе потомства о характерѣ Святослава.

Въ слѣдующій годъ, по извѣстіямъ византійскимъ, самъ Цимисхій выступилъ изъ Константинополя съ войскомъ, отправилъ напередъ сильный флотъ къ дунайскому устью, безъ сомнѣнія для того, чтобы пресѣчь сообщеніе россіянъ водою съ Кіевомъ. Сей императоръ открылъ себѣ путь къ трону злодѣйствомъ, умертвивъ царя Никифора, но правилъ государствомъ благоразумно и былъ героемъ. Избирая полководцевъ искусныхъ, щедро награждая заслуги самыхъ рядовыхъ воиновъ, строго наказывая малѣйшее неповиновеніе, онъ умѣлъ вселить—въ первыхъ древнее римское славолюбіе, а вторыхъ—пріучить къ древней подчиненности. Собственное его мужество было примѣромъ для тѣхъ и другихъ.—На пути встрѣтили императора послы россійскіе, которые хотѣли единственно узнать силу грековъ. Іоаннъ, не входя съ ними въ переговоры, велѣлъ имъ осмотрѣть станъ греческій и возвратиться къ своему князю. Сей поступокъ уже доказывалъ Святославу, что онъ имѣетъ дѣло съ непріятелемъ опаснымъ.

Оставивъ главное войско назади, императоръ съ отборными ратниками, съ легіономъ такъ называемыхъ безсмертныхъ, съ 13,000 конницы, съ 10,500 пѣхоты явился нечаянно подъ стѣнами Переяславца и напалъ на 8,000 россіянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученьемъ. Они изумились, но храбро вступили въ бой съ греками. Большая часть ихъ легла на мѣстѣ, и вылазка, сдѣланная изъ города въ помощь имъ, не имѣла успѣха; однакожъ побѣда весьма дорого стоила грекамъ, и Цимисхій съ нетерпѣніемъ ожидалъ своего остальнаго войска. Какъ скоро оно пришло, греки со всѣхъ сторонъ окружили городъ, гдѣ начальствовалъ россійскій полководецъ Сфенкалъ. Самъ князь съ 60,000 воиновъ стоялъ въ укрѣпленномъ станѣ на берегу Дуная.

Калокиръ, виновникъ сей войны, по словамъ греческихъ лѣтописцевъ, бѣжалъ изъ Переяславца увѣдомить его, что столица болгарская осаждена. Но Цимисхій не далъ Святославу времени

освободить ее; тщетно предлагавъ россіянамъ сдаться, онъ взялъ городъ приступомъ. Борисъ, только именемъ царь болгарскій, достался грекамъ въ плѣнъ, со многими его знаменитыми единоземцами; императоръ обошелся съ ними благосклонно, увѣряя—какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ — что онъ вооружился единственно для освобожденія ихъ отъ неволи и что признаетъ врагами своими однихъ россіянъ.

Между тѣмъ 8,000 воиновъ Святославовыхъ заперлись въ царскомъ дворцѣ, не хотѣли сдаться и мужественно отражали многочисленныхъ непріятелей. Напрасно императоръ ободрялъ грековъ, онъ самъ съ оруженосцами своими пошелъ на приступъ и долженъ былъ уступить отчаянной храбрости осажденныхъ. Тогда Цимисхій велѣлъ зажечь дворецъ, и россіяне погибли въ пламени.

Святославъ, свѣдавъ о взятіи болгарской столицы, не показалъ воинамъ своимъ ни страха, ни огорченія и спѣшилъ только встрѣтить Цимисхія, который со всѣми силами приближался къ Доростолу, или нынѣшней Силистріи. Въ 12 миляхъ оттуда сошлись оба воинства. Цимисхій и Святославъ—два героя, достойные спорить другъ съ другомъ о славѣ и побѣдѣ — каждый, ободривъ своихъ, дали знакъ битвы, и при звукѣ трубъ началось кровопролитіе. Отъ перваго стремительнаго удара грековъ поколебались ряды Святославовы; но, вновь устроенные княземъ, сомкнулись твердою стѣною и разили непріятелей. До самаго вечера счастіе ласкало ту и другую сторону; двѣнадцать разъ то и другое войско думало торжествовать побѣду. Цимисхій велѣлъ распустить священное знамя имперіи; былъ вездѣ, гдѣ была опасность; махомъ копія своего удерживалъ бѣгущихъ и показывалъ имъ путь въ средину враговъ. Наконецъ, судьба жестокой битвы рѣшилась: Святославъ отступилъ къ Доростолу и вошелъ въ сей городъ.

Императоръ осадилъ его. Въ то же самое время подоспѣлъ и флотъ греческій, который пресѣкъ свободное плаваніе россіянъ по Дунаю. Великодушная Святославова бодрость возрастала съ опасностями. Онъ заключилъ въ оковы многихъ болгаровъ, которые хотѣли измѣнить ему; окопалъ стѣны глубокимъ рвомъ, безпрестанными вылазками тревожилъ станъ грековъ. Россіяне (пишутъ византійскіе историки) оказывали чудесное остервенѣніе и думая, что убитый непріятелемъ долженъ служить ему рабомъ въ адѣ, вонзали себѣ мечи въ сердце, когда уже не могли спастися, ибо хотѣли тѣмъ сохранить вольность свою въ будущей жизни. Самыя жены ихъ ополчались и, какъ древнія амазонки, мужествовали въ кровопролитныхъ сѣчахъ. Малѣйшій успѣхъ давалъ имъ новую силу. Однажды въ счастливой вылазкѣ, принявъ магистра Іоанна, свойственника Цимисхіева, за самого императора, они съ радостными кликами изрубили сего знатнаго са-

вовника и съ великимъ торжествомъ выставили голову его на башнѣ. Нерѣдко, побѣждаемые силою превосходною, обращали тылъ безъ стыда; шли назадъ въ крѣпость съ гордостію, медленно, закинувъ за плеча огромные щиты свои. Ночью, при свѣтѣ луны, выходили жечь тѣла друзей и братьевъ, лежащихъ въ полѣ; закалали плѣнниковъ надъ ними и съ какими-то священными обрядами погружали младенцевъ въ струи Дуная. Примѣръ Святослава одушевлялъ воиновъ.

Но число ихъ уменьшалось. Главные полководцы, Сфенкалъ, Икморъ (не родомъ, по сказанію византійцевъ, а доблестью вельможа) пали въ рядихъ непріятельскихъ. Сверхъ того россіяне, стѣсненные въ Доростолѣ и лишенные всякаго сообщенія съ его плодоносными окрестностями, терпѣли голодъ. Святославъ хотѣлъ преодолѣть и сіе бѣдствіе: въ темную, бурную ночь, когда лилъ сильный дождь съ градомъ и гремѣлъ ужасный громъ, онъ съ 2,000 воиновъ сѣлъ на лодки при блескѣ молніи, обошелъ греческій флотъ и собралъ въ деревняхъ запасъ пшена и хлѣба. На возвратномъ пути, видя разсѣянные по берегу толпы непріятелей, которые поили лошадей и рубили дрова, отважные россіяне вышли изъ лодокъ, напали изъ лѣсу на грековъ, множество ихъ убили и благополучно достигли пристани.—Но сія удача была послѣднею. Императоръ взялъ мѣры, чтобы въ другой разъ ни одна лодка русская не могла выплыть изъ Доростола.

Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ продолжалась осада; счастіе совсѣмъ оставило россіянъ. Они не могли ждать никакой помощи. Отечество было далеко и, вѣроятно, не знало ихъ бѣдствія. Народы сосѣдственные волею и неволею держали сторону грековъ, ибо страшились Цимисхія. Воины Святославовы изнемогали отъ ранъ и голода. Напротивъ того, греки имѣли во всемъ изобиліе, и новые легіоны приходили къ нимъ изъ Константинополя.

Въ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ Святославъ собралъ на совѣтъ дружину свою. Одни предлагали спастися бѣгствомъ въ ночное время; другіе совѣтовали просить мира у грековъ, не видя иного способа возвратиться въ отечество; наконецъ, всѣ думали, что войско россійское уже не въ силахъ бороться съ непріятелемъ. Но великій князь не согласился съ ними и хотѣлъ еще испытать счастіе оружія. „Погибнетъ,—сказалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ,—погибнетъ слава россіянъ, если нынѣ устрашимся смерти! Пріятна ли жизнь для тѣхъ, которые спасли ее бѣгствомъ? и не впадемъ ли мы въ презрѣніе у народовъ сосѣдственныхъ, доселѣ ужасаемыхъ именемъ русскимъ? Наслѣдіемъ предковъ своихъ мужественные, непобѣдимые, завоеватели многихъ странъ и племенъ, или побѣдимъ грековъ, или падемъ съ честію, совершивъ дѣла великія!“ Тронутые сею рѣчью, достой-

ные его сподвижники громкими восклицаніями изъявили рѣшительность геройства—и на другой день все войско россійское съ бодрымъ духомъ выступило въ поле за Святославомъ. Онъ велѣлъ запереть городскія ворота, чтобы никто не могъ думать о бѣгствѣ и возращеніи въ Доростолъ. Сраженіе началось утромъ: въ полдень греки, утомленные зноемъ и жаждою, а болѣе всего упорствомъ непріятеля, начали отступать, и Цимисхій долженъ былъ дать имъ время на отдохновеніе. Скоро битва возобновилась. Императоръ, видя, что тѣсныя мѣста вокругъ Доростола благопріятствуютъ малочисленнымъ россіянамъ, велѣлъ полководцамъ своимъ заманить ихъ на обширное поле притворнымъ бѣгствомъ; но и сія хитрость не имѣла успѣха: глубокая ночь развела воинства безъ всякаго рѣшительнаго слѣдствія.

Цимисхій, изумленный отчаяннымъ мужествомъ непріятелей, вздумалъ прекратить утомленную войну единоборствомъ съ княземъ Святославомъ и велѣлъ сказать ему, что лучше погибнуть одному человѣку, нежели губить многихъ людей въ напрасныхъ битвахъ. Святославъ отвѣтствовалъ: „Я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать. Если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться: Цимисхій да избираетъ любой!" За симъ послѣдовало новое сраженіе, равно упорное и жестокое. Греки всего болѣе хотѣли смерти героя Святослава. Одинъ изъ ихъ витязей, именемъ Анемасъ, открылъ себѣ путь сквозь ряды непріятелей, увидѣлъ великаго князя и сильнымъ ударомъ въ голову сшибъ его съ коня; но шлемъ защитилъ Святослава, и смѣлый грекъ палъ отъ мечей дружины княжеской. Долгое время побѣда казалась сомнительною. Наконецъ, самая природа ополчилась на Святослава; страшный вѣтръ поднялся съ юга и, дуя прямо въ лицо россіянамъ, ослѣпилъ ихъ густыми облаками пыли, такъ что они долженствовали прекратить битву, оставивъ на мѣстѣ 15,500 мертвыхъ и 20,000 щитовъ. Греки назвали себя побѣдителями. Ихъ суевѣріе приписало сію удачу сверхъестественному дѣйствію: они разсказывали другъ другу, будто бы св. Ѳеодоръ Стратилатъ явился впереди ихъ войска и, разъѣзжая на бѣломъ конѣ, приводилъ въ смятеніе полки россійскіе.

Святославъ, видя малое число своихъ храбрыхъ воиновъ, большею частію раненыхъ, и самъ уязвленный, рѣшился, наконецъ, требовать мира. Цимисхій, обрадованный его предложеніемъ, отправилъ къ нему въ станъ богатые дары. „Возьмемъ ихъ,—сказалъ великій князь дружинѣ своей,—когда же будемъ недовольны греками, то, собравъ войско многочисленное, снова найдемъ путь къ Царюграду". Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, не сказавъ ни слова о счастливыхъ успѣхахъ греческаго оружія. Византійскіе историки говорятъ, что Цимисхій, дозволяя Святославу сво-

бодно выйти изъ Болгаріи и купцамъ россійскимъ торговать въ Константинополѣ, примолвилъ съ великодушною гордостію: „Мы, греки, любимъ побѣждать своихъ непріятелей не столько оружіемъ, сколько благодѣяніями“. Императорскій вельможа Ѳеофанъ Синкелъ и россійскій воевода Свѣнельдъ именемъ государей своихъ заключили слѣдующій договоръ, который находится въ Несторовой лѣтописи и также ясно доказываетъ, что успѣхъ войны былъ на сторонѣ грековъ: ибо Святославъ, торжественно обязываясь на все полезное для имперіи, не требуетъ въ немъ никакихъ выгодъ для россіянъ.

„Мѣсяца іюля, индикта XIV, въ лѣто 6479, я, Святославъ, князь русской, по данной мною клятвѣ, хочу имѣть до конца вѣкъ миръ и любовь совершенную съ Цимисхіемъ, великимъ царемъ греческимъ, съ Василіемъ и Константиномъ, боговдохновенными царями, и со всѣми людьми вашими, обѣщаясь именемъ всѣхъ сущихъ подо мною россіянъ, бояръ и прочихъ, никогда не помышлять на васъ, не собирать моего войска и не приводить чужеземнаго на Грецію, область Херсонскую и Болгарію. Когда же иные враги помыслятъ на Грецію, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если же я или сущіе подо мною не сохранятъ сихъ правыхъ условій, да имѣемъ клятву отъ Бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ желты какъ золото, и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены. Въ удостовѣреніе чего написали мы договоръ на сей хартіи и своими печатями запечатали“. Утвердивъ миръ, императоръ снабдилъ россіянъ съѣстными припасами; а князь россійскій желалъ свиданія съ Цимисхіемъ. Сіи два героя, знакомые только по славнымъ дѣламъ своимъ, имѣли, можетъ быть, равное любопытство узнать другъ друга лично. Они видѣлись на берегу Дуная. Императоръ, окруженный златоносными всадниками, въ блестящихъ латахъ, пріѣхалъ на конѣ; Святославъ въ ладіи, въ простой бѣлой одеждѣ, и самъ гребя весломъ. Греки смотрѣли на него съ удивленіемъ. По ихъ сказанію, онъ былъ средняго роста и довольно строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ, имѣлъ грудь широкую, шею толстую, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ, въ знакъ его благородства; въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня; Святополкъ сидѣлъ на скамьѣ въ ладіи. Они говорили—и разстались друзьями.

Но сія дружба могла ли быть искреннею? Святославъ съ воинами, малочисленными, утружденными, предпріялъ обратный путь въ отечество на ладіяхъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, а Цимисхій въ то же время отправилъ къ печенѣгамъ пословъ, которые

должны были, заключивъ съ ними союзъ, требовать, чтобы они не ходили за Дунай, не опустошали Болгаріи и свободно пропустили россіянъ чрезъ свою землю. Печенѣги согласились на все, кромѣ послѣдняго, досадуя на россіянъ за то, что они примирились съ греками. Такъ пишутъ византійскіе историки; но съ большею вѣроятностію можно думать совсѣмъ противное. Тогдашняя политика императоровъ не знала великодушія: предвидя, что Святославъ не оставитъ ихъ надолго въ покоѣ, едва ли не сами греки наставили печенѣговъ воспользоваться слабостію россійскаго войска. Несторъ приписываетъ сіе коварство жителямъ Переяславца: они, по его словамъ, дали знать печенѣгамъ, что Святославъ возвращается въ Кіевъ съ великимъ богатствомъ и съ малочисленною дружиною.

Печенѣги обступили днѣпровскіе пороги и ждали россіянъ. Святославъ зналъ о сей опасности. Свѣнельдъ, знаменитый воевода Игоревъ, совѣтовалъ ему оставить ладіи и сухимъ путемъ обойти пороги; князь не принялъ его совѣта и рѣшился зимовать въ Бѣлобережьѣ, при устьѣ Днѣпра, гдѣ россіяне должны были терпѣть во всемъ недостатокъ и самый голодъ, такъ что они давали полгривны за лошадиную голову. Можетъ быть Святославъ ожидалъ тамъ помощи изъ Россіи, но тщетно. Весна снова открыла ему опасный путь въ отечество. Несмотря на малое число изнуренныхъ воиновъ, надлежало сразиться съ печенѣгами, и Святославъ палъ въ битвѣ. Князь ихъ Куря, отрубивъ ему голову, изъ ея черепа сдѣлалъ чашу. Только немногіе россіяне спаслись съ воеводою Свѣнельдомъ и принесли въ Кіевъ горестную вѣсть о погибели Святослава.

Такимъ образомъ скончалъ жизнь сей Александръ нашей древней исторіи, который столь мужественно боролся и съ врагами, и съ бѣдствіями; былъ иногда побѣждаемъ, но въ самомъ несчастіи изумлялъ побѣдителя своимъ великодушіемъ; равнялся суровою воинскою жизнію съ героями пѣснопѣвца Гомера и, снося терпѣливо свирѣпость непогодъ, труды изнурительные и все ужасное для нѣги, показалъ русскимъ воинамъ, чѣмъ могутъ они во всѣ времена одолѣвать непріятелей. Но Святославъ, образецъ великихъ полководцевъ, не есть примѣръ государя великаго: ибо онъ славу побѣдъ уважалъ болѣе государственнаго блага и, характеромъ своимъ плѣняя воображеніе стихотворца, заслуживаетъ укоризну историка.

Если Святославъ въ 946 году,—какъ пишетъ Несторъ,—былъ еще слабымъ отрокомъ, то онъ скончалъ дни свои въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества, и сильная рука его могла бы еще долго ужасать народы сосѣдственные.

ГЛАВА VIII.

Великій князь Ярополкъ.

Междоусобіе князей.—Первыя дѣянія Владиміровы.—Бракъ Владиміровъ.—Братоубійство.—Послы россійскіе въ Германіи.

По смерти Святослава Ярополкъ княжилъ въ Кіевѣ, Олегъ—въ Древлянской землѣ, Владиміръ—въ Новѣгородѣ. Единодержавіе пресѣклось въ государствѣ: ибо Ярополкъ не имѣлъ, кажется, власти надъ удѣлами своихъ братьевъ. Скоро открылись пагубныя слѣдствія такого раздѣла, и братъ возсталъ на брата.

Виновникомъ сей вражды былъ славный воевода Свѣнельдъ, знаменитый сподвижникъ Игоревъ и Святославовъ. Онъ ненавидѣлъ Олега, который умертвилъ сына его, именемъ Люта, встрѣтясь съ нимъ на ловлѣ въ своемъ владѣніи: причина достаточная, по тогдашнимъ грубымъ нравамъ, для поединка или самаго злодѣйскаго убійства. Свѣнельдъ, желая отомстить ему, убѣдилъ Ярополка идти войною на древлянскаго князя и соединить область его съ кіевскою.

Олегъ, узнавъ о намѣреніи своего брата, также собралъ войско и вышелъ къ нему навстрѣчу; но, побѣжденный Ярополкомъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ древлянскій городъ Овручъ: воины его, гонимые непріятелемъ, тѣснились на мосту у городскихъ воротъ и столкнули своего князя въ глубокій ровъ. Ярополкъ вступилъ въ городъ и хотѣлъ видѣть брата: сей несчастный былъ раздавленъ множествомъ людей и лошадьми, которыя упали за нимъ съ мосту. Побѣдитель, видя бездушный, окровавленный трупъ Олеговъ, лежащій на коврѣ предъ его глазами, забылъ свое торжество, слезами изъявилъ раскаяніе и, съ горестію указывая на мертваго, сказалъ Свѣнельду: того ли хотѣлось тебѣ?.. Могила Олегова въ Несторово время была видима близъ Овруча, гдѣ и нынѣ показываютъ оную любопытнымъ путешественникамъ. Поле служило тогда кладбищемъ и для самыхъ князей владѣтельныхъ, а высокій бугоръ надъ могилою единственнымъ мавзолеемъ.

Искренняя печаль Ярополка о смерти Олеговой была предчувствіемъ собственной его судьбы несчастной. — Владиміръ, князь новогородскій, свѣдавъ о кончинѣ брата и завоеваніи Древлянской области, устрашился Ярополкова властолюбія и бѣжалъ за море къ варягамъ. Ярополкъ воспользовался симъ случаемъ: отправилъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ или посадниковъ

и такимъ образомъ сдѣлался государемъ единодержавнымъ въ Россіи.

Но Владиміръ искалъ между тѣмъ способа возвратиться съ могуществомъ и славою. Два года пробылъ онъ въ древнемъ отечествѣ своихъ предковъ, въ землѣ Варяжской; участвовалъ, можетъ быть, въ смѣлыхъ предпріятіяхъ нормановъ, которыхъ флаги развѣвались на всѣхъ моряхъ европейскихъ и храбрость ужасала всѣ страны, отъ Германіи до Италіи; наконецъ, собралъ многихъ варяговъ подъ свои знамена; прибылъ съ сею надежною дружиною въ Новгородъ, смѣнилъ посадниковъ Ярополковыхъ и сказалъ имъ съ гордостію: „Идите къ брату моему: да знаетъ онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!“

Въ области Полоцкой, въ землѣ кривичей, господствовалъ тогда варягъ Рогволодъ, который пришелъ изъ-за моря, вѣроятно для того, чтобы служить великому князю россійскому и получить отъ него въ удѣлъ сію область. Онъ имѣлъ прелестную дочь Рогнѣду, сговоренную за Ярополка. Владиміръ, готовясь отнять державу у брата, хотѣлъ лишить его и невѣсты, и чрезъ пословъ требовалъ ея руки; но Рогнѣда, вѣрная Ярополку, отвѣтствовала, что не можетъ соединиться бракомъ съ сыномъ рабы: ибо мать Владимірова, какъ намъ уже извѣстно, была ключницею при Ольгѣ. Раздраженный Владиміръ взялъ Полоцкъ, умертвилъ Рогволода, двухъ сыновей его и женилси на дочери. Совершивъ сію ужасную месть, онъ пошелъ къ Кіеву. Войско его состояло изъ дружины варяжской, славянъ новогородскихъ, чуди и кривичей; сіи три народа сѣверо-западной Россіи уже повиновались ему, какъ ихъ государю. Ярополкъ не дерзнулъ на битву и затворился въ городѣ. Окруживъ станъ свой окопами, Владиміръ хотѣлъ взять Кіевъ не храбрымъ приступомъ, но злодѣйскимъ коварствомъ. Зная великую довѣренность Ярополкову къ одному воеводѣ, именемъ Блуду, онъ вошелъ съ нимъ въ тайные переговоры. „Желаю твоей помощи,—велѣлъ сказать ему Владиміръ:—ты будешь мнѣ вторымъ отцомъ, когда не станетъ Ярополка. Онъ самъ началъ братоубійства: я вооружился для спасенія жизни своей“. Гнусный любимецъ не усомнился предать государя и благодѣтеля; совѣтовалъ Владиміру обступить городъ и Ярополку удаляться отъ битвы. Страшася вѣрности добрыхъ кіевлянъ, онъ увѣрилъ князя, будто они хотятъ измѣнить ему и тайно зовутъ Владиміра. Слабый Ярополкъ, думая спастись отъ мнимаго заговора, ушелъ въ Родню: сей городъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Рось впадаетъ въ Днѣпръ. Кіевляне, оставленные государемъ, должны были покориться Владиміру, который спѣшилъ осадить брата въ послѣднемъ его убѣжищѣ. Ярополкъ

съ ужасомъ видѣлъ многочисленныхъ враговъ за стѣнами, а въ крѣпости—изнеможеніе воиновъ своихъ отъ голода, коего память долго хранилась въ древней пословицѣ: бѣда аки въ Роднѣ. Измѣнникъ Блудъ склонялъ сего князя къ миру, представляя невозможность отразить непріятеля, и горестный Ярополкъ отвѣтствовалъ наконецъ: „Да будетъ по твоему совѣту! возьму, что уступитъ мнѣ братъ". Тогда злодѣй увѣдомилъ Владиміра, что желаніе его исполнится и что Ярополкъ отдается ему въ руки. Если во всѣ времена, варварскія и просвѣщенныя, государи бывали жертвою измѣнниковъ, то во всѣ же времена имѣли они и вѣрныхъ, добрыхъ слугъ, усердныхъ къ нимъ въ самой крайности бѣдствія. Изъ числа сихъ былъ у Ярополка нѣкто прозваніемъ Варяжко (да сохранитъ исторія память его!), который говорилъ ему: „Не ходи, государь, къ брату: ты погибнешь. Оставь Россію на время и собери войско въ землѣ печенѣговъ". Но Ярополкъ слушалъ только изверга Блуда и съ нимъ отправился въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ ожидалъ его въ теремномъ дворцѣ Святослава. Предатель ввелъ легковѣрнаго государя своего въ жилище брата, какъ въ вертепъ разбойниковъ, и заперъ дверь, чтобы дружина княжеская не могла войти за ними: тамъ два наемника, племени варяжскаго, пронзили мечами грудь Ярополкову... Вѣрный слуга, который предсказалъ гибель сему несчастному, ушелъ къ печенѣгамъ, и Владиміръ едва могъ возвратить его въ отечество, давъ клятву—не мстить ему за любовь къ Ярополку.

Такимъ образомъ старшій сынъ знаменитаго Святослава, бывъ 4 года кіевскимъ владѣтелемъ и 3 года главою всей Россіи, оставилъ для исторіи одну память добродушнаго, но слабаго человѣка. Слезы его о смерти Олеговой свидѣтельствуютъ, что онъ не хотѣлъ братоубійства, и желаніе снова присоединить къ Кіеву область Древлянскую казалось согласнымъ съ государственною пользою. Самая довѣренность Ярополкова къ чести Владиміровой изъявляетъ доброе, всегда неподозрительное сердце; но государь, который дѣйствуетъ единственно по внушенію любимцевъ, не умѣя ни защитить своего трона, ни умереть героемъ, достоинъ сожалѣнія, а не власти.

Ярополкъ оставилъ беременную супругу, прекрасную монахиню греческую, плѣнницу Святославову. Онъ былъ женатъ еще при отцѣ своемъ, но сватался за Рогнѣду: слѣдственно многоженство и прежде Владиміра не считалось беззаконіемъ въ Россіи языческой.

Въ княженіе Ярополка, въ 973 году, по извѣстію лѣтописца нѣмецкаго, находились въ Кведлинбургѣ, при дворѣ императора Оттона, послы россійскіе: за какимъ дѣломъ—неизвѣстно; сказано только, что они вручили императору богатые дары.

ГЛАВА IX.

Великій князь Владиміръ, названный въ крещеніи Василіемъ.

Г. 980—1014.

Хитрость Владиміра.—Усердіе къ идолопоклонству.—Женолюбіе.—Завоеваніе Галиціи.—Первые христіанскіе мученики въ Кіевѣ.—Бунтъ радимичей.—Камская Болгарія.—Торки.—Отчаяніе Гориславы.—Супружество Владиміра и крещеніе Россіи.—Раздѣленіе государства.—Строеніе городовъ.—Война съ хорватами и печенѣгами.—Церковь Десятинная.—Набѣгъ печенѣговъ.—Пиры Владиміровы.—Милосердіе.—Осада Бѣлагорода.—Бунтъ Ярослава.—Кончина Владимірова.—Свойства его.—Сказки народныя.—Богатыри.

Владиміръ съ помощію злодѣянія и храбрыхъ варяговъ овладѣлъ государствомъ; но скоро доказалъ, что онъ родился быть государемъ великимъ.

Сіи гордые варяги считали себя завоевателями Кіева и требовали въ дань съ каждаго жителя по двѣ гривны: Владиміръ не хотѣлъ вдругъ отказать имъ, а манилъ ихъ обѣщаніями до самаго того времени, когда они, по взятымъ съ его стороны мѣрамъ, уже не могли быть страшны для столицы. Варяги увидѣли обманъ; но, видя также, что войско россійское въ Кіевѣ было ихъ сильнѣе, не дерзнули взбунтоваться и смиренно просились въ Грецію. Владиміръ съ радостію отпустилъ сихъ опасныхъ людей, удержалъ Россіи достойнѣйшихъ изъ нихъ и роздалъ имъ многіе города въ управленіе. Между тѣмъ послы его предувѣдомили императора, чтобы онъ не оставлялъ мятежныхъ варяговъ въ столицѣ, но разослалъ по городамъ и ни въ какомъ случаѣ не дозволялъ бы имъ возвратиться въ Россію, сильную собственнымъ войскомъ.

Владиміръ, утвердивъ власть свою, изъявилъ отмѣнное усердіе къ богамъ языческимъ; соорудилъ новый истуканъ Перуна съ серебряною головою и поставилъ его близъ теремнаго дворца, на священномъ холмѣ, вмѣстѣ съ иными кумирами. Тамъ, говоритъ лѣтописецъ, стекался народъ ослѣпленный и земля осквернялась кровію жертвъ. Можетъ быть, совѣсть безпокоила Владиміра; можетъ быть, хотѣлъ онъ сею кровію примириться съ богами, раздраженными его братоубійствомъ: ибо и самая вѣра язычества не терпѣла такихъ злодѣяній... Добрыня, посланный отъ своего племянника управлять Новымгородомъ, также поставилъ на берегу Волхова кумиръ Перуновъ.

Но сія Владимірова набожность не препятствовала ему уто-

пать въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Первою его супругою была Рогнѣда, мать Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей; умертвивъ брата, онъ взялъ въ наложницы свою беременную невѣстку, родившую Святополка; отъ другой законной супруги, чехини или богемки, имѣлъ сына Вышеслава; отъ третьей—Святослава и Мстислава; отъ четвертой, родомъ изъ Болгаріи, Бориса и Глѣба. Сверхъ того, ежели вѣрить лѣтописи, было у него 300 наложницъ въ Вышегородѣ, 300 въ нынѣшней Бѣлогородкѣ (близъ Кіева) и 200—въ селѣ Берестовѣ. Всякая прелестная жена и дѣвица страшилась его любострастнаго взора: онъ презиралъ святость брачныхъ союзовъ и невинности. Однимъ словомъ, лѣтописецъ называетъ его вторымъ Соломономъ въ женолюбіи.

Владиміръ, вмѣстѣ со многими героями древнихъ и новыхъ временъ, любя женъ, любилъ и войну. Польскіе славяне, ляхи, наскучивъ бурною вольностію, подобно славянамъ россійскимъ, еще ранѣе ихъ прибѣгнули къ единовластію. Мечиславъ, государь знаменитый въ исторіи введеніемъ христіанства въ землѣ своей, правилъ тогда народомъ польскимъ: Владиміръ объявилъ ему войну, съ намѣреніемъ, кажется, возвратить то, что было еще Олегомъ завоевано въ Галиціи, но послѣ, можетъ быть, при слабомъ Ярополкѣ отошло къ государству Польскому. Онъ взялъ городъ Червень (близъ Хелма), Перемышль и другіе, которые съ сего времени будучи собственностію Россіи, назывались Червенскими. Въ слѣдующіе два года храбрый князь смирилъ бунтъ вятичей, не хотѣвшихъ платить дани, и завоевалъ страну ятвяговъ, дикаго, но мужественнаго народа латышскаго, обитавшаго въ лѣсахъ между Литвою и Польшею. Далѣе къ сѣверо-западу онъ распространилъ свои владѣнія до самаго Балтійскаго моря: ибо Ливонія, по свидѣтельству Стурлезона, лѣтописца исландскаго, принадлежала Владиміру, коего чиновники ѣздили собирать дань со всѣхъ жителей между Курляндіею и Финскимъ заливомъ.

Увѣнчанный побѣдою и славою, Владиміръ хотѣлъ принести благодарность идоламъ и кровію человѣческою обагрить алтари. Исполняя совѣтъ бояръ и старцевъ, онъ велѣлъ бросить жребій, кому изъ отроковъ и дѣвицъ кіевскихъ надлежало погибнуть въ удовольствіе мнимыхъ боговъ—и жребій палъ на юнаго варяга, прекраснаго лицомъ и душою, коего отецъ былъ христіаниномъ. Посланные отъ старцевъ объявили родителю о семъ несчастіи: вдохновенный любовію къ сыну и ненавистью къ такому ужасному суевѣрію, онъ началъ говорить имъ о заблужденіи язычниковъ, о безуміи кланяться тлѣнному дереву, вмѣсто живого Бога, истиннаго Творца неба, земли и человѣка. Кіевляне терпѣли христі-

анство; но торжественное хуленіе вѣры ихъ произвело всеобщій мятежъ въ городѣ. Народъ вооружился, разметалъ дворъ варяжскаго христіанина и требовалъ жертвы. Отецъ, держа сына за руку, съ твердостію сказалъ: „Ежели идолы ваши дѣйствительно боги, то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій“. Народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына, которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками хри-

ВЛАДИМІРЪ I. СВЯТОСЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

стіанства въ языческомъ Кіевѣ. Церковь наша чтитъ ихъ святы ми подъ именемъ Өеодора и Іоанна.

Владиміръ скоро имѣлъ случай новыми побѣдами доказать свое мужество и счастіе. Радимичи, спокойные данники великихъ князей со временъ Олеговыхъ, вздумали объявить себя независимыми: онъ спѣшилъ наказать ихъ. Храбрый воевода его, прозваніемъ Волчій Хвостъ, начальникъ передовой дружины княжеской, встрѣ-

тился съ ними на берегахъ рѣки Пищаны и на-голову побилъ мятежниковъ; они смирились, и съ того времени (пишетъ Несторъ) вошло на Руси въ пословицу: радимичи волчья хвоста бѣгаютъ.

На берегахъ Волги и Камы издревле обитали болгары, или, можетъ быть, переселились туда съ береговъ Дона въ VII вѣкѣ, не хотѣвъ повиноваться хану козарскому. Въ теченіе времени они сдѣлались народомъ гражданскимъ и торговымъ; имѣли сообщеніе, посредствомъ судоходныхъ рѣкъ, съ сѣверомъ Россіи, а чрезъ море Каспійское—съ Персіею и другими богатыми азіатскими странами. Владиміръ, желая завладѣть Камскою Болгаріею, отправился на судахъ внизъ по Волгѣ вмѣстѣ съ новогородцами и знаменитымъ Добрынею; берегомъ шли конные торки, союзники или наемники россіянъ. Здѣсь въ первый разъ упоминается о семъ народѣ, единоплеменномъ съ туркоманами и печенѣгами; онъ кочевалъ въ степяхъ на юго-восточныхъ границахъ Россіи, тамъ же, гдѣ скитались орды печенѣжскія. Великій князь побѣдилъ болгаровъ; но мудрый Добрыня, по извѣстію лѣтописца, осмотрѣвъ плѣнниковъ и видя ихъ въ сапогахъ, сказалъ Владиміру: „Они не захотятъ быть нашими данниками: пойдемъ лучше искать лапотниковъ!“ Добрыня мыслилъ, что люди избыточные имѣютъ болѣе причинъ и средствъ обороняться. Владиміръ, уваживъ его мнѣніе, заключилъ миръ съ болгарами, которые торжественно обѣщались жить дружелюбно съ россіянами, утвердивъ клятву сими простыми словами: „Развѣ тогда нарушимъ договоръ свой, когда камень станетъ плавать, а хмѣль тонуть на водѣ“.—Ежели не съ данію, то, по крайней мѣрѣ, съ честію и съ дарами великій князь возвратился въ столицу.

Къ сему времени надлежитъ, кажется, отнести любопытный и трогательный случай, описанный въ продолженіи Несторовой лѣтописи. Рогнѣда, названная по ея горестямъ Гориславою, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо великій князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ, посѣтивъ ея жилище, уединенное на берегу Лыбеди — близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село Предславино—заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся и отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея, ни бѣднаго младенца Изяслава. Владиміръ рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступилъ въ сію храмину... Тогда

юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подалъ ему мечъ обнаженный и сказалъ: „Ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ“. Владиміръ, бросивъ мечъ на землю, отвѣтствовалъ: „Кто зналъ, что ты здѣсь!“... удалился, собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта. „Государь!—сказали они, — прости виновную для сего младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея“. Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Витебской губерніи и, назвавъ его Изяславлемъ, отправилъ туда мать и сына.

Теперь приступаемъ къ описанію важнѣйшаго дѣла Владимірова, которое всего болѣе прославило его въ исторіи... Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало-по-малу укоренялось христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею. Самое раздѣленіе церквей, восточной и западной, имѣло полезное слѣдствіе для истинной вѣры: ибо главы ихъ старались превзойти другъ друга въ дѣятельной ревности къ обращенію язычниковъ.

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только христіанскіе проповѣдники, но и магометане, вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ Козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе. Случай вѣроятный: народы сосѣдственные могли желать, чтобы государь, уже славный побѣдами въ Европѣ и въ Азіи, исповѣдывалъ одного Бога съ ними, и Владиміръ могъ также — увидѣвъ, наконецъ, подобно великой бабкѣ своей, заблужденіе язычества— искать истины въ разныхъ вѣрахъ.

Первые послы были отъ волжскихъ или камскихъ болгаровъ. На восточныхъ и южныхъ берегахъ Каспійскаго моря уже давно господствовала вѣра магометанская, утвержденная тамъ счастливымъ оружіемъ аравитянъ: болгары приняли оную и хотѣли сообщить Владиміру. Описаніе Магометова рая и цвѣтущихъ гурій плѣнило воображеніе сластолюбиваго князя; но обрѣзаніе казалось ему ненавистнымъ обрядомъ и запрещеніе пить вино — уставомъ безразсуднымъ. Вино,—сказалъ онъ,—есть веселіе для русскихъ; не можемъ быть безъ него.—Послы нѣмецкихъ католиковъ говорили ему о величіи невидимаго Вседержителя и ничтожности идоловъ. Князь отвѣтствовалъ имъ: идите обратно: отцы наши не принимали вѣры отъ папы. Выслушавъ іудеевъ, онъ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? „Въ Іерусалимѣ, — отвѣтствовали проповѣдники,—но Богъ во гнѣвѣ своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ“. И вы, наказываемые Богомъ, дерзаете учить дру-

гихъ? — сказалъ Владиміръ: — мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества. — Наконецъ, безыменный философъ, присланный греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта; исторію творенія, рая, грѣха первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія христіанства, семи соборовъ и въ заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „Благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!“ Крестися,—отвѣтствовалъ философъ,—и будешь въ раю съ первыми.

Лѣтописецъ нашъ угадывалъ, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ долженствовали говорить съ Владиміромъ; но ежели греческій философъ дѣйствительно имѣлъ право на сіе имя, то ему не трудно было увѣрить язычника разумнаго въ великомъ превосходствѣ закона христіанскаго. Вѣра славянъ ужасала воображеніе могуществомъ разныхъ боговъ, часто между собою несогласныхъ, которые играли жребіемъ людей и нерѣдко увеселялись ихъ кровію. Хотя славяне признавали также и бытіе единаго Существа высочайшаго, но празднаго, безпечнаго въ разсужденіи судьбы міра, подобно божеству Эпикурову и Лукреціеву. О жизни за предѣлами гроба, столь любезной человѣку, вѣра не сообщала имъ никакого яснаго понятія: одно земное было ея предметомъ. Освящая добродѣтель храбрости, великодушія, честности, гостепріимства, она способствовала благу гражданскихъ обществъ въ ихъ новости, но не могла удовольствовать сердца чувствительнаго и разума глубокомысленнаго. Напротивъ того, христіанство, представляя въ единомъ невидимомъ Богѣ создателя и правителя вселенныя, нѣжнаго отца людей, снисходительнаго къ ихъ слабостямъ и награждающаго добрыхъ — здѣсь миромъ и покоемъ совѣсти, а тамъ, за тьмою временной смерти, блаженствомъ вѣчной жизни—удовлетворяетъ всѣмъ главнымъ потребностямъ души человѣческой.

Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и съ великою честію, собралъ бояръ и градскихъ старцевъ; объявилъ имъ предложеніе магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ и требовалъ ихъ совѣта. „Государь! — сказали бояре и старцы: — всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе покланяется Божеству“ — и великій князь отправилъ десять благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ католиковъ богослуженіе съ обря-

дами, но, по словамъ лѣтописи, безъ всякаго величія и красоты; наконецъ, прибыли въ Константинополь. Да созерцаютъ они славу Бога нашего! сказалъ императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облаченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россіянъ; имъ казалось, что Самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется... Возвратясь въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: „Всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной“. Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. „Когда бы законъ греческій,—сказали они,—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его“. Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

Такъ повѣствуетъ нашъ лѣтописецъ, который могъ еще знать современниковъ Владиміра и потому достовѣрный въ описаніи важныхъ случаевъ его княженія. Истина сего россійскаго посольства въ страну католиковъ и въ Царьградъ для испытанія закона христіанскаго утверждается также извѣстіями одной греческой древней рукописи, хранимой въ парижской библіотекѣ: несогласіе состоитъ единственно въ прилагательномъ имени Василія, тогдашняго царя византійскаго, названнаго въ ней Македонскимъ, вмѣсто Багрянороднаго.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей, гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія при семъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать, завоевать вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины донынѣ видимы въ Тавридѣ близъ Севастополя. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами гераклейскими, со-

хранилъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, несмотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ скиѳовъ до козаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собою верховную власть императоровъ греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался собственнымъ законамъ республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ.—Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ Херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся, но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ быть, имѣть скорую помощь отъ грековъ; старались уничтожать всѣ работы осаждающихъ и, сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обычаю военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ; сей человѣкъ пустилъ къ россіянамъ стрѣлу съ надписью: за вами, къ востоку, находятся колодези, дающіе воду херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее. Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ и велѣлъ перекопать водоводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждой, сдались россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія, по смерти героя Цимисхія, была жертвою мятежей и безпорядка: военачальники Склиръ и Фока не хотѣли повиноваться законнымъ государямъ и спорили съ ними о державѣ. Сіи обстоятельства принудили императоровъ забыть обыкновенную надменность грековъ и презрѣніе къ язычникамъ. Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго князя россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ, что, принявъ вѣру христіанскую, онъ получитъ и руку царевны, и царство небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься, но хотѣлъ прежде, чтобы императоры въ залогъ довѣренности и дружбы прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супру-

жество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей жестокимъ плѣномъ и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть, что Анна убѣдила его немедленно креститься и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру (въ церкви св. Василія, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, гдѣ жили великій князь и невѣста его). Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи во многихъ отношеніяхъ и весьма счастливый для Константинополя: ибо великій князь, какъ вѣрный союзникъ императоровъ, немедленно отправилъ къ нимъ часть мужественной дружины своей, которая помогла Василію разбить мятежника Фоку и возстановить тишину въ имперіи.

Сего недовольно: Владиміръ отказался отъ своего завоеванія и, соорудивъ въ Херсонѣ церковь на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ (сіи, можетъ быть, изящныя произведенія древняго искусства стояли въ Несторово время на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви). Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою, озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось Перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защитить своихъ мнимыхъ боговъ,

но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія, ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые шли креститься. И народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, сопровождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и, по данному знаку, безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младенцевъ на рукахъ; іереи читали молитвы крещенія и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился, когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кіевскихъ христіанами, тогда Владиміръ, въ радости и восторгѣ сердца, устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: „Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго, утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!“... Въ сей великій день, говоритъ лѣтописецъ, земля и небо ликовали.

Скоро знаменія вѣры христіанской, принятой государемъ, дѣтьми его, вельможами и народомъ, явились на развалинахъ мрачнаго язычества въ Россіи, и жертвенники Бога истиннаго заступили мѣсто идольскихъ требищъ. Великій князь соорудилъ въ Кіевѣ деревянную церковь св. Василія, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, и призвалъ изъ Константинополя искусныхъ зодчихъ для строенія храма каменнаго во имя Богоматери, тамъ, гдѣ въ 983 году пострадали за вѣру благочестивый варягъ и сынъ его. Между тѣмъ ревностные служители алтарей, священники, проповѣдывали Христа въ разныхъ областяхъ государства. Многіе люди крестились, разсуждая, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и граждане кіевскіе; другіе, привязанные къ закону древнему, отвергали новый, ибо язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти; но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить россіянъ. Чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX вѣкѣ переведенныхъ на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ кіевскимъ христіанамъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Сіи благодѣянія казались тогда страшною новостію, и жены знаменитыя, у коихъ неволею брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, ибо считали грамоту опаснымъ чародѣйствомъ.

Владимірѣ имѣлъ 12 сыновей, еще юныхъ отроковъ. Мы уже наименовали изъ нихъ 9; Станиславъ, Позвиздъ, Судиславъ родились, кажется, послѣ. Думая, что дѣти могутъ быть надежнѣйшими слугами отца, или, лучше сказать, слѣдуя несчастному обыкновенію сихъ временъ, Владиміръ раздѣлилъ государство на области и далъ въ удѣлъ Вышеславу—Новгородъ, Изяславу—Полоцкъ, Ярославу—Ростовъ: по смерти же Вышеслава Новгородъ, а Ростовъ—Борису, Глѣбу—Муромъ, Святославу—Древлянскую землю, Всеволоду—Владиміръ-Волынскій, Мстиславу—Тмуторакань или греческую Таматарху, завеванную, какъ вѣроятно, мужественнымъ дѣдомъ его, а Святополку, усыновленному племяннику, Туровъ, который донынѣ существуетъ въ Минской губерніи и названъ такъ отъ имени варяга Тури, повелѣвавшаго нѣкогда сею областію. Владиміръ отправилъ малолѣтнихъ князей въ назначенный для каждаго удѣлъ, поручивъ ихъ до совершеннаго возраста благоразумнымъ пѣстунамъ. Онъ, безъ сомнѣнія, не думалъ раздробить государства и далъ сыновьямъ одни права своихъ намѣстниковъ, но ему надлежало бы предвидѣть слѣдствія, необходимыя по его смерти. Удѣльный князь, повинуясь отцу, самовластному государю всей Россіи, могъ ли столь же естественно повиноваться и наслѣднику, то-есть брату своему? Междоусобіе дѣтей Святославовыхъ уже доказало противное, но Владиміръ не воспользовался симъ опытомъ, ибо самые великіе люди дѣйствуютъ согласно съ образомъ мыслей и правилами своего вѣка.

Желая удобнѣе образовать народъ и защитить южную Россію отъ грабительства печенѣговъ, великій князь основалъ новые города по рѣкамъ Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ и населилъ ихъ новгородскими славянами, кривичами, чудью, витячами. Укрѣпивъ Кіевскій Бѣлгородъ стѣною, онъ перевелъ туда многихъ жителей изъ другихъ городовъ, ибо отмѣнно любилъ его и часто живалъ въ ономъ.

Война съ хорватами, обитавшими (какъ думаемъ) на границахъ Седмиградской области и Галиціи, отвлекла Владиміра отъ внутреннихъ государственныхъ распоряженій. Едва окончивъ ее миромъ или побѣдою, онъ свѣдалъ о набѣгѣ печенѣговъ, которые пришли изъ-за Сулы и разоряли область Кіевскую. Великій князь встрѣтился съ ними на берегахъ Трубежа, при чемъ лѣтописецъ разсказываетъ слѣдующую повѣсть:

„Войско печенѣговъ стояло за рѣкою; князь ихъ вызвалъ Владиміра на берегъ и предложилъ ему рѣшить дѣло поединкомъ между двумя съ обѣихъ сторонъ избранными богатырями. Ежели русской убьетъ печенѣга, сказалъ онъ, то обязываемся три года не воевать съ вами, а ежели нашъ побѣдитъ, то мы вольны три

года опустошать твою землю. Владиміръ согласился и велѣлъ бирючамъ или герольдамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь россійскій былъ въ горести. Тогда приходитъ къ нему старецъ и говоритъ: „Я вышелъ въ поле съ четырьми сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу. Государь! вели ему бороться съ печенѣгомъ“. Владиміръ немедленно послалъ за юношей, который для опыта въ силѣ своей требовалъ быка дикаго; и когда звѣрь, раздраженный прикосновеніемъ горячаго желѣза, бѣжалъ мимо юноши, сей богатырь одною рукою вырвалъ у него изъ боку кусокъ мяса. На другой день явился печенѣгъ, великанъ страшный, и видя своего малорослаго противника, засмѣялся. Выбрали мѣсто: единоборцы схватились. Россіянинъ крѣпкими мышцами своими давнулъ печенѣга и мертваго ударилъ объ землю. Тогда дружина княжеская, воскликнувъ побѣду, бросилась на устрашенное войско печенѣговъ, которое едва могло спастись бѣгствомъ. Радостный Владиміръ въ память сему случаю заложилъ на берегу Трубежа городъ и назвалъ его Переяславлемъ, ибо юноша русскій переялъ у враговъ славу. Великій князь, наградивъ витязя и старца, отца его, саномъ боярскимъ, возвратился съ торжествомъ въ Кіевъ“. Поединокъ можетъ быть истиною, но обстоятельство, что Владиміръ основалъ Переяславль, кажется сомнительнымъ, ибо о семъ городѣ упоминается еще въ Олеговомъ договорѣ съ греками въ 906 году.

Россія года два или три наслаждалась потомъ тишиною. Владиміръ, къ великому своему удовольствію, видѣлъ наконецъ совершеніе каменнаго храма въ Кіевѣ, посвященнаго Богоматери, и художествомъ грековъ украшеннаго. Тамъ, исполненный вѣры святой и любви къ народу, онъ сказалъ предъ алтаремъ Всевышняго: „Господи! въ семъ храмѣ, мною сооруженномъ, да внимаешь всегда молитвамъ добрыхъ россіянъ!“ и въ знакъ сердечной радости угостилъ во дворцѣ княжескомъ бояръ и градскихъ старцевъ; не забылъ и людей бѣдныхъ, щедро удовлетворивъ ихъ нуждамъ. Владиміръ отдалъ въ новую церковь иконы, кресты и сосуды, взятые въ Херсонѣ; велѣлъ служить въ ней херсонскимъ іереямъ; поручилъ ее любимцу своему Анастасу; уставилъ брать ему десятую часть изъ собственныхъ доходовъ княжескихъ и, клятвенною грамотою обязавъ своихъ наслѣдниковъ не преступать сего закона, положилъ оную въ храмѣ. Слѣдственно Анастасъ былъ священнаго сана и, вѣроятно, знаменитаго, когда главная церковь столицы (донынѣ именуемая Десятинною) находилась подъ его особеннымъ вѣдѣніемъ. Новѣйшіе лѣтописцы утвердительно повѣствуютъ о кіевскихъ митрополитахъ сего времени, но, именуя

ихъ, противорѣчатъ другъ другу. Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о митрополіи до княженія Ярославова, говоря единственно о епископахъ, уважаемыхъ Владиміромъ, безъ сомнѣнія, грекахъ или славянахъ греческихъ, которые, разумѣя языкъ нашъ, тѣмъ удобнѣе могли учить россіянъ.

Случай, опасный для Владиміровой жизни, еще болѣе утвердилъ сего князя въ чувствахъ набожности. Печенѣги, снова напавъ на области россійскія, приступили къ Василеву, городу, построенному имъ на рѣкѣ Стугнѣ. Онъ вышелъ въ поле съ малою дружиною, не могъ устоять противъ ихъ множества и долженъ былъ скрываться подъ мостомъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ врагами свирѣпыми, Владиміръ обѣщался, ежели Небо спасетъ его, соорудить въ Василевѣ храмъ празднику того дня, святому Преображенію. Непріятели удалились, и великій князь, исполнивъ обѣтъ свой, созвалъ къ себѣ на пиръ вельможъ, посадниковъ, старѣйшинъ изъ другихъ городовъ. Желая изобразить его роскошь, лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ приказалъ сварить триста варь меду и восемь дней праздновалъ съ боярями въ Василевѣ. Убогіе получили 300 гривенъ изъ казны государственной. Возвратясь въ Кіевъ, онъ далъ новый пиръ не только вельможамъ, но и всему народу, который искренно радовался спасенію добраго и любимаго государя. Съ того времени сей князь всякую недѣлю угощалъ въ гридницѣ, или въ прихожей дворца своего, бояръ, гридней (меченосцевъ княжескихъ), воинскихъ сотниковъ, десятскихъ и всѣхъ людей именитыхъ или нарочитыхъ. Даже и въ тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они собирались во дворцѣ и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всѣми роскошными явствами тогдашняго времени. Однажды, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, гости Владиміровы, упоенные крѣпкимъ медомъ, вздумали жаловаться, что у знаменитаго государя русскаго подаютъ имъ къ обѣду деревянныя ложки. Великій князь, узнавъ о томъ, велѣлъ сдѣлать для нихъ серебряныя, говоря благоразумно: серебромъ и золотомъ не добудешь вѣрной дружины, а съ нею добуду много и серебра и золота, подобно отцу моему и дѣду. Владиміръ, по словамъ лѣтописи, отмѣнно любилъ свою дружину и совѣтовался съ сими людьми, не только храбрыми, но и разумными, какъ о воинскихъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ.

Будучи другомъ усердныхъ бояръ и чиновниковъ, онъ былъ истиннымъ отцомъ бѣдныхъ, которые всегда могли приходить на дворъ княжескій утолять тамъ голодъ свой и брать изъ казны деньги. Сего мало: больные, говорилъ Владиміръ, не въ силахъ дойти до палатъ моихъ—и велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. „Гдѣ нищіе, недужные?“ спрашивали люди княжескіе и надѣляли ихъ всѣмъ

потребнымъ. Сію добродѣтель Владимірову приписываетъ Несторъ дѣйствію христіанскаго ученія. Слова Евангельскія: „блажени милостиви, яко тіи помилованы будутъ“, и Соломоновы: „дая нищему, Богу въ заимъ даете“, вселилъ въ душу великаго князя рѣдкую любовь къ благотворенію и вообще такое милосердіе, которое выходило даже изъ предѣловъ государственной пользы. Онъ щадилъ жизнь самыхъ убійцъ и наказывалъ ихъ только вирою, или денежною пенею; число преступниковъ умножалось, и дерзость ихъ ужасала добрыхъ, спокойныхъ граждавъ. Наконецъ духовные пастыри церкви вывели набожнаго князя изъ заблужденія. „Для чего не караешь злодѣйства?“ спросили они.—Боюсь гнѣва Небеснаго, отвѣтствовалъ Владиміръ. „Нѣтъ“,—сказали епископы:—„ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ—на милованіе. Должно карать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ“. Великій князь, принявъ ихъ совѣтъ, отмѣнилъ виру и снова ввелъ смертную казнь, бывшую при Игорѣ и Святославѣ.

Симъ благоразумнымъ совѣтникамъ надлежало еще пробудить въ немъ для государственнаго блага и прежній духъ воинскій, усыпленный тѣмъ же человѣколюбіемъ. Владиміръ уже не искалъ славы героевъ и жилъ въ мірѣ съ сосѣдственными государями: польскимъ, венгерскимъ и богемскимъ; но хищные печенѣги, употребляя въ свою пользу миролюбіе его, безпрестанно опустошали Россію. Мудрые епископы и старцы доказали великому князю, что государь долженъ быть ужасомъ не только преступниковъ государственныхъ, но и внѣшнихъ враговъ—и гласъ воинскихъ трубъ снова раздался въ нашемъ древнемъ отечествѣ.

Владиміръ, желая собрать воинство многочисленное для отраженія печенѣговъ, самъ отправился въ Новгородъ; но сіи неутомимые враги, узнавъ его отсутствіе, приблизились къ столицѣ, окружили Бѣлгородъ и пресѣкли сообщеніе жителей съ мѣстами окрестными. Чрезъ нѣсколько времени сдѣлался тамъ голодъ, и народъ, собравшись на вѣче или совѣтъ, изъявилъ желаніе сдаться непріятелямъ. „Князь далеко,—говорилъ онъ:—печенѣги могутъ умертвить только нѣкоторыхъ изъ насъ, а отъ голода мы всѣ погибнемъ“. Но хитрость умнаго старца, впрочемъ, не совсѣмъ вѣроятная, спасла граждавъ. Онъ велѣлъ ископать два колодезя, поставить въ нихъ одну кадь съ сытою, другую—съ тѣстомъ, и звать старшинъ непріятельскихъ будто бы для переговоровъ. Видя сіи колодези, они повѣрили, что земля сама собою производитъ тамъ вкусную для людей пищу, и возвратились къ своимъ князьямъ съ вѣстію, что городъ не можетъ имѣть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ! Печенѣги сняли осаду.

Вѣроятно, что Владиміръ счастливымъ оружіемъ унялъ, наконецъ, сихъ варваровъ: по крайней мѣрѣ лѣтописецъ не упоми-

наетъ болѣе о ихъ нападеніяхъ на Россію до самаго 1015 года. Но здѣсь преданія оставляютъ, кажется, Нестора, и въ теченіе семнадцати лѣтъ онъ сказываетъ намъ только, что въ 1000 году умерли Мальфрида—одна изъ бывшихъ Владиміровыхъ женъ, какъ надобно думать—и знаменитая несчастіемъ Рогнѣда, въ 1001 г. Изяславъ, а въ 1003 младенецъ Всеславъ, сынъ Изяславовъ, что въ 1007 году привезли иконы въ кіевскій храмъ Богоматери изъ Херсона или изъ Греціи, а въ 1011 скончалась Анна, супруга Владимірова, достопамятная для потомства: ибо она была орудіемъ Небесной благодати, извлекшей Россію изъ тьмы идолопоклонства.

Въ сіи годы, скудные происшествіями по Несторовой лѣтописи, Владиміръ могъ имѣть ту войну съ норвежскимъ принцемъ Эрикомъ, о коей повѣствуетъ исландскій лѣтописецъ Стурлезонъ. Гонимый судьбою, малолѣтній принцъ норвежскій Олофъ, племянникъ Сигурда, одного изъ вельможъ Владиміровыхъ, съ матерію, вдовствующею королевою Астридою, нашелъ убѣжище въ Россіи; учился при дворѣ, осыпаемый милостями великой княгини, и ревностно служилъ государю; но оклеветанный завистливыми боярами, долженъ былъ оставить его службу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, съ помощію Россіи, онъ сдѣлался королемъ норвежскимъ, отнявъ престолъ у Эрика, который бѣжалъ въ Швецію, собралъ войско, напалъ на сѣверо-западныя Владиміровы области, осадилъ и взялъ приступомъ городъ россійскій Альдейгабургъ, или, какъ вѣроятно, нынѣшнюю Старую Ладогу, гдѣ обыкновенно приставали мореплаватели скандинавскіе и гдѣ, по народному преданію, Рюрикъ имѣлъ дворецъ свой. Храбрый норвежскій принцъ четыре года воевалъ съ Владиміромъ; наконецъ, уступивъ превосходству силъ его, вышелъ изъ Россіи.

Судьба не пощадила Владиміра въ старости: предъ концомъ своимъ ему надлежало увидѣть съ горестію, что властолюбіе вооружаетъ не только брата противъ брата, но и сына противъ отца.

Намѣстники новогородскіе ежегодно платили двѣ тысячи гривенъ великому князю и тысячу раздавали гриднямъ или тѣлохранителямъ княжескимъ. Ярославъ, тогдашній правитель Новагорода, дерзнулъ объявить себя независимымъ и не хотѣлъ платить дани. Раздраженный Владиміръ велѣлъ готовиться войску къ походу въ Новгородъ, чтобы наказать ослушника; а сынъ, ослѣпленный властолюбіемъ, призвалъ изъ-за моря varяговъ на помощь, думая, вопреки законамъ божественнымъ и человѣческимъ, поднять мечь на отца и государя. Небо, отвративъ сію войну богопротивную, спасло Ярослава отъ злодѣянія рѣдкаго. Владиміръ, можетъ быть, отъ горести, занемогъ тяжкою болѣзнію, и

въ то же самое время печенѣги ворвались въ Россію; надлежало отразить ихъ: не имѣя силъ предводительствовать войскомъ, онъ поручилъ его любимому сыну Борису, князю ростовскому, бывшему тогда въ Кіевѣ, и чрезъ нѣсколько дней скончался въ Берестовѣ, загородномъ дворцѣ, не избравъ наслѣдника и оставивъ кормило государства на волю рока...

Святополкъ, усыновленный племянникъ Владиміровъ, находился въ столицѣ: боясь его властолюбія, придворные хотѣли утаить кончину великаго князя, вѣроятно для того, чтобы дать время сыну его, Борису, возвратиться въ Кіевъ; ночью выломали полъ въ сѣняхъ, завернули тѣло въ коверъ, спустили внизъ по веревкамъ и отвезли въ храмъ Богоматери. Но скоро печальная вѣсть разгласилась въ городѣ: вельможи, народъ, воины бросились въ церковь, увидѣли трупъ государя и стенаніемъ изъявили свое отчаяніе. Бѣдные оплакивали благотворителя, бояре—отца отечества... Тѣло Владимірово заключили въ мраморную раку и поставили оную торжественно, рядомъ съ гробницею супруги его, Анны, среди храма Богоматери, имъ сооруженнаго.

Сей князь, названный церковію Равноапостольнымъ, заслужилъ и въ исторіи имя Великаго. Истинное ли увѣреніе въ святынѣ христіанства, или, какъ повѣствуетъ знаменитый арабскій историкъ XIII вѣка, одно честолюбіе и желаніе быть въ родственномъ союзѣ съ государями византійскими рѣшило его креститься?—извѣстно Богу, а не людямъ. Довольно, что Владиміръ, принявъ вѣру Спасителя, освятился ею въ сердцѣ своемъ и сталъ инымъ человѣкомъ. Бывъ въ язычествѣ мстителемъ свирѣпымъ, гнуснымъ сластолюбцемъ, воиномъ кровожаднымъ и—что всего ужаснѣе—братоубійцею, Владиміръ, наставленный въ человѣколюбивыхъ правилахъ христіанства, боялся уже проливать кровь самыхъ злодѣевъ и враговъ отечества. Главное право его на вѣчную славу и благодарность потомства состоитъ, конечно, въ томъ, что онъ поставилъ россіянъ на путь истинной вѣры; но имя Великаго принадлежитъ ему и за дѣла государственныя. Сей князь, похитивъ единовластіе, благоразумнымъ и счастливымъ для народа правленіемъ загладилъ вину свою; выславъ мятежныхъ варяговъ изъ Россіи, употребилъ лучшихъ изъ нихъ въ ея пользу: смирилъ бунты своихъ данниковъ, отражалъ набѣги хищныхъ сосѣдовъ, побѣдилъ сильнаго Мечислава и славный храбростію народъ ятвяжскій; расширилъ предѣлы государства на западѣ; мужествомъ дружины своей утвердилъ вѣнецъ на слабой главѣ восточныхъ императоровъ; старался просвѣтить Россію; населилъ пустыни, основалъ новые города; любилъ совѣтоваться съ мудрыми боярами о полезныхъ уставахъ земскихъ; завелъ училища и призвалъ изъ Греціи не только іереевъ, но и художниковъ; нако-

нецъ былъ нѣжнымъ отцомъ народа бѣднаго. Горестію послѣднихъ минутъ своихъ онъ заплатилъ за важную ошибку въ политикѣ, за назначеніе особенныхъ удѣловъ для сыновей.

Слава его правленія раздалась въ трехъ частяхъ міра: древнія скандинавскія, нѣмецкія, византійскія, арабскія лѣтописи говорятъ о немъ. Кромѣ преданій церкви и нашего перваго лѣтописца о дѣлахъ Владиміровыхъ, память сего великаго князя хранилась и въ сказкахъ народныхъ о великолѣпіи пировъ его, о могучихъ богатыряхъ его времени: о Добрынѣ Новгородскомъ, Александрѣ съ золотою гривною, Ильѣ Муромцѣ, сильномъ Рахдаѣ (который, будто бы, одинъ ходилъ на 300 воиновъ), Янѣ Усмошвецѣ, грозѣ печенѣговъ, и прочихъ, о коихъ упоминается въ новѣйшихъ, отчасти баснословныхъ, лѣтописяхъ. Сказки—не исторія; но сіе сходство въ народныхъ понятіяхъ о временахъ Карла Великаго и князя Владиміра достойно замѣчанія: тотъ и другой, заслуживъ безсмертіе въ лѣтописяхъ своими побѣдами, усердіемъ къ христіанству, любовію къ наукамъ, живутъ донынѣ и въ сказкахъ богатырскихъ.

Владиміръ, несмотря на слабое отъ природы здоровье, дожилъ до старости: ибо въ 970 году уже господствовалъ въ Новѣгородѣ, подъ руководствомъ дяди, боярина Добрыни.

Прежде, нежели будемъ говорить о наслѣдникахъ сего великаго монарха, дополнимъ исторію описанныхъ нами временъ всѣми извѣстіями, которыя находятся въ Несторѣ и въ чужестранныхъ современныхъ лѣтописцахъ о гражданскомъ и нравственномъ состояніи тогдашней Россіи; чтобы не прерывать нити историческаго повѣтствованія, сообщаемъ оныя въ статьѣ особенной.

ГЛАВА X.

О состояніи древней Россіи.

Предѣлы.—Правленіе.—Законы гражданскіе.—Воинское искусство.—Флоты.—Чиноначаліе и внутреннее образованіе войска.—Торговля.—Пышность и роскошь.—Состояніе городовъ.—Деньги.—Успѣхи разума. — Механическія и свободныя художества.—Нравы.

Въ самый первый вѣкъ бытія своего Россія превосходила обширностію едва ли не всѣ тогдашнія государства европейскія. Завоеванія Олеговы, Святославовы, Владиміровы распространили ее владѣнія отъ Новагорода и Кіева къ западу до моря Балтійскаго, Двины, Буга и горъ Карпатскихъ, а къ югу—до пороговъ

Днѣпровскихъ Киммерійскаго Воспора; къ сѣверу и востоку—граничила она съ Финляндіею и съ чудскими народами, обитателями нынѣшнихъ губерній Архангельской, Вологодской, Вятской, также съ мордвою и съ казанскими болгарами, за коими, къ морю Каспійскому, жили хвалисы, ихъ единовѣрцы и единоплеменники (почему сіе море называлось тогда Хвалынскимъ или Хвалисскимъ).

Слова новгородцевъ и союзныхъ съ ними народовъ, преданныя намъ лѣтописцемъ: „хотимъ князя, да владѣетъ и правитъ нами по закону", были основаніемъ перваго устава государственнаго Россіи, то-есть монархическаго.

Но князья привели съ собою многихъ независимыхъ варяговъ, которые считали ихъ болѣе своими товарищами, нежели государями, и шли въ Россію властвовать, а не повиноваться. Сіи варяги были первыми чиновниками, знаменитѣйшими воинами и гражданами; составляли отборную дружину и верховный совѣтъ, съ коимъ государь дѣлился властію. Мы видѣли, что послы россійскіе заключили договоръ съ Греціею отъ имени князя и бояръ его; что Игорь не могъ одинъ утвердить союза съ императоромъ и что вся дружина княжеская должна была вмѣстѣ съ нимъ присягать на священномъ холмѣ.

Самый народъ славянскій хотя и покорился князьямъ, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности, и въ дѣлахъ важныхъ, или въ опасностяхъ государственныхъ, сходился на общій совѣтъ. Бѣлогородцы, тѣснимые печенѣгами, разсуждали на вѣчѣ, что имъ дѣлать.—Сіи народныя собранія были древнимъ обыкновеніемъ въ городахъ россійскихъ, доказывали участіе гражданъ въ правленіи и могли давать имъ смѣлость, неизвѣстную въ державахъ строгаго, неограниченнаго единовластія. Такъ, новгородцы объявили Святославу, что они требуютъ отъ него сына въ правители, или, въ случаѣ отказа, изберутъ себѣ особеннаго князя.

На войнѣ права государя были ограничены корыстолюбіемъ воиновъ: онъ могъ брать себѣ только часть добычи, уступая имъ прочее. Такъ, Олегъ, Игорь взяли дань съ грековъ на каждаго изъ своихъ ратниковъ; самые родственники убитыхъ имѣли въ ней долю. Желая одинъ воспользоваться грабежемъ въ землѣ древлянской, Игорь удалилъ отъ себя войско; слѣдственно не только добычею счастливой битвы, но и данію, собираемою съ народовъ, уже подвластныхъ Россіи, князья дѣлились съ воинами.

Впрочемъ, вся земля Русская была, такъ сказать, законною собственностію великихъ князей: они могли, кому хотѣли, раздавать города и волости. Такъ, многіе варяги получили удѣлы отъ Рюрика. Такъ, супруга Игорева владѣла Вышегородомъ, а Рогволодъ, по словамъ лѣтописи, княжилъ въ Полоцкѣ,

Варяги, на условіяхъ помѣстной системы, владѣвшіе городами, имѣли титло князей: о сихъ-то многихъ князьяхъ россійскихъ упоминается въ Олеговомъ договорѣ съ греческимъ императоромъ. Дѣти ихъ, заслуживъ милость государя, могли получать тѣ же удѣлы: бояре Владиміровы назвали Полоцкъ, гдѣ княжилъ отецъ Рогнѣдинъ, ея наслѣдственнымъ достояніемъ или отчиною. Но великій князь, какъ государь, располагалъ сими частными княжествами: Владиміръ отдалъ дѣтямъ своимъ Ростовъ, Муромъ и другія области, бывшія со временъ Рюриковыхъ удѣлами вельможъ норманскихъ. — Другіе города и волости непосредственно зависѣли отъ великаго князя: онъ управлялъ ими чрезъ своихъ посадниковъ или намѣстниковъ.

Образъ сего внутренняго правленія отвѣтствовалъ простотѣ тогдашнихъ нравовъ. Одни люди были чиновниками воинскими и гражданскими: государь совѣтовался о земскихъ учрежденіяхъ съ храброю дружиною. Ему принадлежала верховная законодательная и судебная власть: Владиміръ по волѣ своей отмѣнилъ и снова уставилъ смертную казнь. — Несторъ упоминаетъ еще о градскихъ старѣйшинахъ, которые лѣтами, разумомъ и честію заслуживъ довѣренность, могли быть судіями въ дѣлахъ народныхъ.

Во времена независимости россійскихъ славянъ гражданское правосудіе имѣло основаніемъ совѣсть и древніе обычаи каждаго племени въ особенности; но варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россіи, извѣстные намъ по договорамъ великихъ князей съ греками и во всемъ согласные съ древними законами скандинавскими. Напримѣръ: и въ тѣхъ, и въ другихъ было установлено, что родственникъ убіеннаго имѣлъ право лишить жизни убійцу; что гражданинъ могъ умертвить вора, который не захотѣлъ бы добровольно отдаться ему въ руки; что за каждый ударъ мечемъ, копіемъ или другимъ орудіемъ надлежало платить денежную пеню. Сіи первые законы нашего отечества, еще древнѣйшіе Ярославовыхъ, дѣлаютъ честь вѣку и народному характеру, будучи основаны на довѣренности къ клятвамъ, слѣдственно къ совѣсти людей, и на справедливости: такъ, виновный былъ увольняемъ отъ пени, ежели онъ утверждалъ клятвенно, что не имѣетъ способа заплатить ее; такъ, хищникъ наказывался соразмѣрно съ виною и платилъ вдвое и втрое за всякое похищеніе; такъ, гражданинъ, мирными трудами наживъ богатство, могъ при кончинѣ располагать имъ въ пользу ближнихъ и друзей своихъ.—Трудно вообразить, чтобы одно словесное преданіе хранило сіи уставы въ народной памяти. Ежели не славяне, то по крайней мѣрѣ варяги россійскіе могли имѣть въ IX и X вѣкѣ законы писанные: ибо въ древнемъ отечествѣ ихъ, въ Скандина-

віи, употребленіе руническихъ письменъ было извѣстно до временъ христіанства.

Мы имѣемъ еще древній, такъ называемый Владиміровъ уставъ, по коему, сообразно съ греческими номоканонами, отчуждены отъ мірского вѣдомства монахи и церковники, богадѣльни, гостиницы, дома страннопріимства, лѣкари и всѣ люди увѣчные. Дѣла ихъ были подсудны однимъ епископамъ: также вѣсы и мѣрила городскіе, распри и невѣрность супруговъ, браки незаконные, волшебство, отравы, идолопоклонство, непристойная брань, злодѣйства дѣтей въ отношеніи къ отцу и матери, тяжбы родныхъ, оскверненіе храмовъ, церковная татьба, снятіе одежды съ мертвеца, и проч., и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что духовенство россійское въ первыя времена христіанства рѣшало не только церковныя, но и многія гражданскія дѣла, которыя относилися къ совѣсти и нравственнымъ правиламъ новой вѣры (такъ было во всей Европѣ); нѣтъ сомнѣнія, что означенные здѣсь суды могли принадлежать ему (нѣкоторые изъ оныхъ и нынѣ остаются его правомъ): но сей Уставъ есть подложный—и вотъ доказательство: тамъ Владиміръ пишетъ, что патріархъ Фотій далъ ему перваго митрополита Леона; а Фотій умеръ за 90 лѣтъ до сего великаго князя.

Варяги, законодатели нашихъ предковъ, были ихъ наставниками и въ искусствѣ войны. Россіяне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами безпорядочными, какъ славяне древніе, но строемъ, вокругъ знаменъ своихъ или стяговъ, въ сомкнутыхъ рядахъ, при звукѣ трубъ воинскихъ; имѣли конницу, собственную и наемную, и сторожевые отряды, за коими цѣлое войско оставалось въ безопасности. Готовясь къ битвамъ, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападенію и согласнымъ движеніямъ, дающимъ побѣду; носили для защиты своей тяжелыя латы, обручи, высокіе шлемы. Мечи, съ обѣихъ сторонъ острые, копья и стрѣлы были ихъ оружіемъ. Укрѣпляя города свои стѣнами, хотя деревянными, но неприступными для народовъ варварскихъ, тогдашнихъ сосѣдовъ Россіи, предки наши умѣли брать города чуждые и знали искусство осадныхъ земляныхъ работъ; окружали глубокими рвами не только крѣпости, но и полевые станы свои для безопасности.

Подобно другимъ славянамъ мужественные на сушѣ, они заимствовали отъ варяговъ искусство мореплаванія, и только одинъ страшный огонь греческій могъ спасти Царьградъ отъ флота Игорева: для того великіе князья всегда желали узнать тайный составъ сего огня; но хитрые греки увѣряли ихъ, что ангелъ небесный вручилъ оный императору Константину и что одни христіане могутъ имъ пользоваться. Тогдашніе военные корабли рос-

сійскіе были не что иное, какъ гребные, съ помощью большихъ парусовъ, весьма ходкія суда, на которыя садилось отъ 40 до 60 человѣкъ.

О древнемъ чиноначаліи и внутреннемъ образованіи войска извѣстно намъ слѣдующее: князь былъ его главою на водѣ и сушѣ; подъ нимъ начальствовали воеводы, тысячскіе, сотники, десятскіе. Дружину перваго составляли опытные витязи и бояре, которые хранили его жизнь и служили примѣромъ мужества для прочихъ. Мы знаемъ, сколь Владиміръ уважалъ и любилъ ихъ. Дружина Игорева и по смерти князя носила на себѣ его имя. Подъ симъ общимъ названіемъ разумѣлись иногда и молодые отборные воины, отроки, гридни, которые служили при князѣ; первые считались знаменитѣе вторыхъ. Главные воеводы имѣли также своихъ отроковъ, какъ Свѣнельдъ, воевода Игоревъ.—Варяги до самыхъ временъ Ярославовыхъ были въ Россіи особеннымъ войскомъ: они и гридни, или мечники, брали изъ казны жалованье; другіе участвовали только въ добычѣ.

Народы, изъ коихъ составилось государство Россійское, и до пришествія варяговъ, имѣли уже нѣкоторую степень образованія: ибо самые грубые древляне жили отчасти въ городахъ; самые вятичи и радимичи, варвары по описанію Несторову, издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія. Первыя извѣстія о нашемъ древнемъ купечествѣ относятся уже ко временамъ варяжскихъ князей: договоры ихъ съ греками свидѣтельствуютъ, что въ X вѣкѣ жило множество россіянъ въ Царѣградѣ, которые продавали тамъ невольниковъ и покупали всякія ткани. Звѣриная ловля и пчеловодство доставляли имъ множество воску, меду и драгоцѣнныхъ мѣховъ, бывшихъ, вмѣстѣ съ невольниками, главнымъ предметомъ ихъ торговли. Константинъ Багрянородный пишетъ, что въ Хазарію и въ Россію шли тогда изъ Царяграда пурпуръ, богатыя одежды, сукна, сафьянъ, перецъ: къ симъ товарамъ, по извѣстію Нестора, можно прибавить вино и плоды. Ежегодное путешествіе россійскихъ купцовъ въ Грецію описываетъ Константинъ слѣдующимъ образомъ: „Суда ихъ приходятъ въ Царьградъ изъ Новагорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышегорода; подвластные россамъ славяне, кривичи, лучане и другіе зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки, называемыя μονόξυλα: ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя россіянамъ, которые дѣлаютъ уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь россійскій флотъ въ городѣ Вышичевѣ, откуда идетъ уже къ порогамъ. Дошедши

до четвертаго и самаго опаснаго, то есть Неясытя, купцы выгружають товары и ведуть скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами, близъ такъ называемаго Крарійскаго перевоза (гдѣ херсонцы, возвращаясь изъ Россіи, переправляются чрезъ Днѣпръ): отразивъ сихъ разбойниковъ и доплывъ до острова св. Григорія, россіяне приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности и до самой рѣки Селины, которая есть рукавъ Дуная, не встрѣчаютъ уже никакой опасности; но тамъ, ежели вѣтромъ прибьетъ суда ихъ къ берегу, они снова должны сражаться съ печенѣгами и, наконецъ, миновавъ Конопу, Константію, также устье болгарскихъ рѣкъ, Варны и Дицины, достигаютъ Месимвріи, перваго греческаго города". Сія торговля безъ сомнѣнія весьма обогащала россіянъ, когда они для ея выгодъ отваживались на столько опасностей и трудовъ, и когда она была предметомъ всякаго ихъ мирнаго договора съ имперіею.—Они ходили на судахъ не только въ Болгарію, въ Грецію, Хозарію или Тавриду, но, если вѣрить Константину, и въ самую отдаленную Сирію: Черное море, покрытое ихъ кораблями, или, справедливѣе сказать, лодками, было названо Русскимъ. Но цареградскіе купцы едва ли ѣздили чрезъ пороги днѣпровскіе; одни, кажется, херсонцы торговали въ Кіевѣ.

Печенѣги, всегдашніе грабители нашего древняго отечества, имѣли съ нимъ также и мирныя торговыя связи. Будучи народомъ кочующимъ и скотоводнымъ, подобно нынѣшнимъ киргизамъ и калмыкамъ, они продавали россіянамъ множество азіатскихъ коней, овецъ и быковъ, но Константинъ къ сему извѣстію прибавляетъ явную ложь, сказывая, что въ Россіи не было прежде ни лошадей, ни скота рогатаго.—Волжскіе болгары, по сказанію Эбнъ-Гаукаля, арабскаго географа X вѣка, доставали отъ насъ шкуры черныхъ куницъ или скиоскихъ соболей; но сами не ѣздили въ Россію, будто бы для того, что въ ней убивали всѣхъ иноземцевъ.

О торговлѣ древнихъ россіянъ съ народами сѣверными находимъ любопытныя и достовѣрныя извѣстія въ скандинавскихъ и нѣмецкихъ лѣтописцахъ. Средоточіемъ ея былъ Новгородъ, гдѣ со временъ Рюриковыхъ поселились многіе варяги, дѣятельные въ морскомъ грабежѣ и купечествѣ. Тамъ Скандинавы покупали драгоцѣнныя ткани, домовые приборы, царскія одежды, шитыя золотомъ, и мягкую рухлядь. Первыя не могли быть собственнымъ рукодѣліемъ нашихъ предковъ: вѣроятно, что они покупали сіи богатыя одежды и ткани въ Царѣградѣ, куда, по сказанію Несторову, ѣзжали новгородцы еще въ Олеговы времена. Въ славной Виннетѣ и другихъ балтійскихъ городахъ находились купцы россійскіе. Мы знаемъ, что Ливонія зависѣла отъ Владиміра: тамъ ежегодно бывали многолюдныя ярмонки, собирались весною пор

вежскіе и другіе купцы, покупали невольниковъ, мѣха и возвращались въ отечество не прежде осени. Торговля наша столь уже славилась богатствомъ на Сѣверѣ, что лѣтописцы сего времени обыкновенно называютъ Россію страною изобильною всѣми благами, omnibus obnis affluentem.

Вѣроятно, что великіе князья, слѣдуя примѣру скандинавскихъ владѣтелей, сами участвовали въ выгодахъ народной торговли для умноженія своихъ доходовъ. Государственная подать въ IX и X вѣкѣ состояла у насъ болѣе въ вещахъ, нежели въ деньгахъ. Изъ разныхъ областей Россіи ходили въ столицу обозы съ медомъ и шкурами, или съ оброкомъ княжескимъ, что называлось: возить повозъ. Слѣдственно, казна изобиловала товарами и могла отпускать ихъ въ чужія земли.

Россіяне, подобно норманамъ, соединяли торговлю съ грабежемъ. Извѣстно, что они славились морскими разбоями въ окрестностяхъ Меларскаго озера и что желѣзныя цѣпи при Стокзундѣ (гдѣ нынѣ Стокгольмъ) не могли ихъ удерживать. Требованіе грековъ въ договорѣ съ Игоремъ, чтобы всѣ мореходцы россійскіе представляли отъ своего князя письменное свидѣтельство о мирномъ ихъ намѣреніи, имѣло безъ сомнѣнія важную причину: ту, кажется, что нѣкоторые россіяне подъ видомъ купечества выѣзжали грабить на Черное море, а послѣ вмѣстѣ съ другими приходили свободно торговать въ Царьградъ. Надобно было отличить истинныхъ купцовъ отъ разбойниковъ.

Счастливыя войны и торговля россіянъ, служивъ къ обогащенію народа, долженствовали, въ теченіе ста лѣтъ и болѣе, произвести нѣкоторую роскошь, прежде неизвѣстную. Узнавъ пышность двора константинопольскаго, великіе князья хотѣли подражать ему: не только сами они, но и супруги ихъ, дѣти, родственники имѣли своихъ собственныхъ придворныхъ чиновниковъ. Нерѣдко послы россійскіе, именемъ государя, требовали въ даръ отъ грековъ царской одежды и вѣнцевъ: чего императоры, желая отличаться отъ варваровъ хотя украшеніями драгоцѣнными, не любили давать имъ, увѣряя, что сіи порфиры и короны сдѣланы руками ангеловъ и должны быть всегда хранимы въ Софійской церкви. Друзья Владимира, обѣдая у князя, ѣли серебряными ложками. Медъ, древнее любимое питіе всѣхъ народовъ славянскихъ, былъ еще душею славныхъ пировъ его; но кіевляне въ Олеговы времена уже имѣли вина греческія и вкусные плоды теплыхъ климатовъ. Перецъ индійскій служилъ приправою для ихъ трапезы изобильной. Богатые люди носили одежду шелковую и пурпуровую, драгоцѣнные поясы, сафьяновые сапоги и проч.

Города сего времени отвѣтствовали уже состоянію народа избыточнаго. Нѣмецкій лѣтописецъ Дитмаръ, современникъ Влади-

мировъ, увѣряетъ, что въ Кіевѣ, великомъ градѣ, находилось тогда 400 церквей, созданныхъ усердіемъ новообращенныхъ христіанъ, и восемь большихъ торговыхъ площадей. Адамъ Бременскій именуетъ оный главнымъ украшеніемъ Россіи и даже вторымъ Константинополемъ. Сей городъ до XI вѣка стоялъ весь на высокомъ берегу Днѣпровскомъ: мѣсто нынѣшняго Подола было въ Ольгино время еще залито водою. Смоленскъ, Черниговъ, Любечъ имѣли сообщеніе съ Греціею. Императоръ Константинъ, несправедливо называя Новгородъ столицею великаго князя Святослава, даетъ по крайней мѣрѣ знать, что сей городъ былъ уже знаменитъ въ X вѣкѣ.

Народъ торговый не можетъ обойтися безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бываютъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ, жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и славяне россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, куницъ и бѣлокъ, слово куны означало деньги. Скоро неудобность носитъ съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя мордками и другими лоскутками, куньими и бѣльими. Надобно думать, что правительство клеймило ихъ и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи лоскутки на цѣлыя кожи. Однакожъ, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внѣшней торговли. Въ Олеговыхъ условіяхъ съ имперіею сказано, что грекъ, ударивъ мечемъ россіянина, или россіянинъ грека, обязывался платить за вину 5 литръ серебра. Россіяне брали также въ Царѣградѣ за каждаго невольника греческаго 20 золотниковъ, т.-е. византійскихъ червонцевъ, номисмъ или солидовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри государства ходило серебро въ монетахъ: радимичи вносили въ казну щляги или шиллинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ козаровъ. Однакожъ мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣнамъ съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ новгородскими кунами.

Успѣхи разума и способностей его, необходимое слѣдствіе гражданскаго состоянія людей, были ускорены въ Россіи христіанскою вѣрою. Волхвы славились при Олегѣ гаданіемъ будущаго: вотъ древнѣйшіе мудрецы нашего отечества! Наука ихъ состояла или въ обманахъ или въ заблужденіяхъ. Народъ, погруженный

въ невѣжество, считалъ дѣйствіемъ сверхъестественнаго знанія всякую догадку ума, всякое отмѣнно счастливое предпріятіе, и назвалъ Олега вѣщимъ, ибо сей великодушный, смѣлый князь возвратился съ сокровищами изъ Константинополя. Любопытство, сродное человѣку, питалось историческими сказками и преданіями, украшенными вымысломъ. Въ сказкѣ о хитростяхъ Ольгиныхъ видимъ нѣкоторое остроуміе. Пословицы народныя: погибоша аки Обри—бѣда аки въ Роднѣ—Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ, и конечно многія другія, хранили также память важныхъ случаевъ. Въ государственныхъ договорахъ великихъ князей находимъ выраженія, которыя даютъ намъ понятіе о тогдашнемъ краснорѣчіи россіянъ; напримѣръ: дондеже солнце сіяетъ и міръ стоитъ — да не защитятся щиты своими — да будемъ золоти аки золото, и проч. Краткая сильная рѣчь Святославова есть достойный памятникъ сего героя. Но времена Владиміровы были началомъ истиннаго народнаго просвѣщенія въ Россіи.

Скандинавы въ IX вѣкѣ знали употребленіе руническихъ буквъ; однакожъ, мы не имѣемъ никакихъ основательныхъ причинъ думать, чтобы они сообщили его и россіянамъ. Руны, какъ мы выше замѣтили, недостаточны для выраженія многихъ звуковъ языка славянскаго. Хотя Кирилловскія письмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самые первые христіане кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было, конечно, не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить церкви пастырей и священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются...

Здѣсь должно отвѣтствовать на вопросъ любопытный: какія священныя книги были тогда употребляемы христіанами россійскими? тѣ ли самыя, коими нынѣ пользуется наша церковь, или иного, древнѣйшаго перевода? Сличивъ рукописныя харатейныя Евангелія XII вѣка и разныя мѣста св. Писанія, приводимыя Несторомъ въ лѣтописи, съ печатною Московскою или Кіевскою Библіею, всякій увѣрится, что россіяне XI и XII столѣтія имѣли тотъ же переводъ ея. Мы знаемъ, что она нѣсколько разъ была исправляема: при Константинѣ, волынскомъ князѣ, въ XVI вѣкѣ; при царѣ Алексіи Михайловичѣ, Петрѣ Великомъ и Елисаветѣ Петровнѣ; однакожъ, несмотря на многократное исправленіе, состоящее единственно въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ словъ, сей переводъ сохранилъ, такъ сказать, свой начальный, особенный характеръ, и люди ученые справедливо признаютъ оный древнѣйшимъ памят-

10

никомъ языка славянскаго. Библія чешская или богемская переведена съ латинской Іеронимовой въ XIII или XIV вѣкѣ; польская, краинская, лаузицская еще гораздо новѣе.

Слѣдуетъ другой вопросъ: когда же и гдѣ переведена наша Библія? при великомъ ли князѣ Владимірѣ, какъ сказано въ любопытномъ предисловіи Острожской печатной, или она есть безсмертный плодъ трудовъ Кирилла и Меѳодія? Второе гораздо вѣроятнѣе: ибо Несторъ, почти современникъ Владиміровъ, ко славѣ отечества не умолчалъ бы о новомъ россійскомъ переводѣ ея; но сказавъ: „симъ бо первая приложены книги (т.-е. Библія) въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, еже грамота есть въ Руси“, онъ ясно даетъ знать, что россійскіе христіане пользовались трудомъ Кирилла и Меѳодія. Сіи два брата и помощники ихъ основали правила книжнаго языка славянскаго на греческой грамматикѣ, обогатили его новыми выраженіями и словами, держась нарѣчія своей родины, Ѳессалоники, то-есть иллирическаго (или сербскаго), въ коемъ и теперь видимъ сходство съ нашимъ церковнымъ. Впрочемъ, всѣ тогдашнія нарѣчія долженствовали менѣе нынѣшняго разниться между собою, будучи гораздо ближе къ своему общему источнику, и предки наши тѣмъ удобнѣе могли присвоить себѣ моравскую Библію. Слогъ ея сдѣлался образцемъ для новѣйшихъ книгъ христіанскихъ, и самъ Несторъ подражалъ ему; но русское особенное нарѣчіе сохранилось въ употребленіи, и съ того времени мы имѣли два языка, книжный и народный. Такимъ образомъ изъясняется разность въ языкѣ славянской Библіи и Русской Правды (изданной скоро послѣ Владиміра), Несторовой лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ, о коемъ будемъ говорить въ примѣчаніяхъ на россійскую словесность XII вѣка.

Нужнѣйшія искусства механическія, равно какъ и свободныя, были извѣстны древнимъ россіянамъ. И нынѣ селянинъ русскій дѣлаетъ собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: въ старину, когда люди менѣе сообщались другъ съ другомъ, они имѣли еще болѣе нужды въ сей промышленности. Мужъ обрабатывалъ землю, плотничалъ, строилъ; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло въ кругу своемъ дѣйствіе многихъ ремеслъ. Но основаніе городовъ, торговля, роскошь мало-по-малу образовали людей особенно искусныхъ въ нѣкоторыхъ художествахъ: богатыя требовали вещей, сдѣланныхъ удобнѣе и лучше обыкновеннаго. Всѣ нѣмецкіе славяне торговали полотнами; русскіе издревле ткали холсты и сукна; умѣли также выдѣлывать кожи, и сіи ремесленники назывались усмарями. Народъ, составленный изъ воиновъ, хлѣбопашцевъ и звѣролововъ, безъ сомнѣнія пользовался искусствомъ ковать же-

лѣзо: что утверждается самою Несторовою сказкою о мечахъ, будто бы предложенныхъ кіевлянами въ дань козарамъ. — Христіанская вѣра способствовала дальнѣйшимъ успѣхамъ зодчества въ Россіи. Владиміръ началъ строить великолѣпныя церкви и призвалъ художниковъ греческихъ; однакожъ и въ языческія времена были уже каменныя зданія въ столицѣ: напримѣръ, Ольгинъ теремъ. Стѣны и башни служили для городовъ не только защитою, но и самымъ украшеніемъ. Вѣроятно, что и тогдашнія деревенскія избы были подобны нынѣшнимъ, а горажане имѣли высокіе домы и занимали обыкновенно верхнее жилье, оставляя низъ, можетъ быть, для погребовъ, кладовыхъ и проч. Клѣти или горницы съ обѣихъ сторонъ дома раздѣлялись помостомъ или сѣньми; спальни назывались одринами. На дворахъ строились вышки для голубей: ибо россіяне искони любили сихъ птицъ.— Несторово описаніе Перунова истукана свидѣтельствуетъ о рѣзномъ и плавильномъ искусствѣ нашихъ предковъ. Вѣроятно, что они знали и живопись, хотя грубую. Владиміръ украсилъ греческими образами одну Десятинную церковь: иконы другихъ храмовъ были, какъ надобно думать, писаны въ Кіевѣ. Греческіе художники могли выучить русскихъ. — Трубы воинскія, коихъ звукъ ободрялъ героевъ Святославовыхъ въ жаркихъ битвахъ, доказываютъ древнюю любовь россіянъ къ искусству мусикійскому.

Что касается собственно до нравовъ сего времени, то они представляютъ намъ смѣсь варварства съ добродушіемъ, свойственную вѣкамъ невѣжества. Россіяне IX и X вѣка славились на войнѣ корыстолюбіемъ и свирѣпостію; но императоры византійскіе вѣрили имъ какъ честнымъ людямъ въ мирныхъ договорахъ, позволяя себѣ, кажется, обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ: ибо Несторъ называетъ грековъ коварными. Мы видѣли грабежъ, убійства и злодѣянія внутри государства: еще болѣе увидимъ ихъ; но чѣмъ же инымъ богата исторія Европы въ среднихъ вѣкахъ? Одно просвѣщеніе долговременное смягчаетъ сердце людей: купель христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нравовъ. Онъ боялся, по человѣколюбію, казнить злодѣевъ, и злодѣйства умножились... Государство, основанное на завоеваніяхъ, уже доказываетъ необыкновенную храбрость народа: она была добродѣтелью нашихъ предковъ, и слово любимаго вождя: „станемъ крѣпко, не посрамимъ земли Русскія“, вселяло въ нихъ рѣшительность побѣдить или умереть. Самыя жены ихъ не робѣли смерти въ битвахъ.—Дома, и въ мирное время, они любили веселиться: Владиміръ, желая казаться другомъ народа своего, давалъ ему игры и сказалъ маго-

метанскимъ болгарамъ: „Руси есть веселіе пити". Между достопамятными чертами древнихъ русскихъ нравовъ замѣтимъ также отмѣнное уваженіе къ старцамъ: Владиміръ слушался ихъ совѣта; въ гражданскихъ вѣчахъ они имѣли первенство. Наконецъ, сей народъ, еще грубый, необразованный, умѣлъ любить своихъ добрыхъ государей: плакалъ надъ тѣломъ великаго Олега, мудрой Ольги, св. Владиміра и потомству своему оставилъ примѣръ благодарности, который дѣлаетъ честь имени русскому.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Н. М. Карамзина.

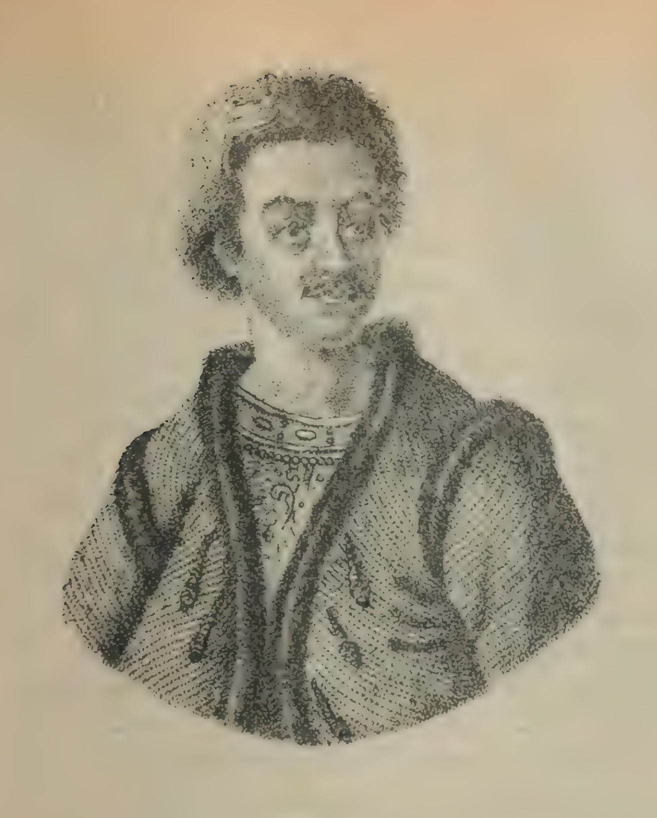
ТОМЪ II.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 15 января 1903 года.

СВЯТОПОЛКЪ I. ЯРОПОЛКОВИЧЪ.

Вел. Кн. Россiйскiй

ГЛАВА I.

Великiй князь Святополкъ.

Г. 1015—1019.

Святополкъ похититель престола.—Добродѣтель Бориса.—Братоубiйства.—Безразсудная жестокость Ярослава.—Великодушiе новогородцевъ.—Битва у Любеча.—Союзъ Ярослава съ императоромъ нѣмецкимъ.—Война съ Болеславомъ Храбрымъ.—Битва на Бугѣ.—Взятiе Кiева.—Вторичное великодушiе новогородцевъ.—Вѣроломное избiенiе поляковъ.—Болеславъ оставляетъ Россiю.—Черная рѣка. Битва на Альтѣ.—Бѣгство и смерть Святополка.

Владимiръ усыновилъ Святополка, однакожъ не любилъ его и, кажется, предвидѣлъ въ немъ будущаго злодѣя. Современный лѣтописецъ нѣмецкiй, Дитмаръ, говоритъ, что Святополкъ, правитель Туровской области, женатый на дочери польскаго короля

Болеслава, хотѣлъ, по наущенію своего тестя, отложиться отъ Россіи, и что великій князь, узнавъ о томъ, заключилъ въ темницу сего неблагодарнаго племянника, жену его и нѣмецкаго епископа Рейнберга, который пріѣхалъ съ дочерью Болеслава. Владиміръ, можетъ быть, при концѣ жизни своей простилъ Святополка: обрадованный смертію дяди и благодѣтеля, сей недостойный князь спѣшилъ воспользоваться ею; созвалъ гражданъ, объявилъ себя государемъ кіевскимъ, и роздалъ имъ множество сокровищъ изъ казны Владиміровой. Граждане брали дары, но съ печальнымъ сердцемъ: ибо друзья и братья ихъ находились въ походѣ съ княземъ Борисомъ, любезнымъ отцу и народу. Уже Борисъ, нигдѣ не встрѣтивъ печенѣговъ, возвращался съ войскомъ и стоялъ на берегу рѣки Альты: тамъ принесли ему вѣсть о кончинѣ родителя, и добродѣтельный сынъ занимался единственно своею искреннею горестію. Товарищи побѣдъ Владиміровыхъ говорили ему: „Князь! съ тобою дружина и воины отца твоего; поди въ Кіевъ и будь государемъ Россіи!“ Борисъ отвѣтствовалъ: „Могу ли поднять руку на брата старѣйшаго? Онъ долженъ быть мнѣ вторымъ отцомъ“. Сія нѣжная чувствительность казалась воинамъ малодушіемъ: оставивъ князя мягкосердечнаго, они пошли къ тому, кто властолюбіемъ своимъ заслуживалъ въ ихъ глазахъ право властвовать.

Но Святополкъ имѣлъ только дерзость злодѣя. Онъ послалъ увѣрить Бориса въ любви своей, обѣщая дать ему новыя владѣнія, и въ то же время, пріѣхавъ ночью въ Вышегородъ, собралъ тамошнихъ бояръ на совѣтъ· „Хотите ли доказать мнѣ вѣрность свою?“ спросилъ новый государь. Бояре отвѣтствовали, что они рады положить за него свои головы. Святополкъ требовалъ отъ нихъ головы Бориса, и сіи недостойные взялись услужить князю злодѣяніемъ. Юный Борисъ, окруженный единственно малочисленными слугами, былъ еще въ станѣ на рѣкѣ Альтѣ. Убійцы ночью приблизились къ шатру его и, слыша, что сей набожный юноша молится, остановились. Борисъ, увѣдомленный о зломъ намѣреніи брата, изливалъ предъ Всевышнимъ сердце свое въ святыхъ пѣсняхъ Давидовыхъ. Онъ уже зналъ, что убійцы стоятъ за шатромъ, и съ новымъ жаромъ молился... за Святополка; наконецъ, успокоивъ душу небесною вѣрою, легъ на одръ и съ твердостію ожидалъ смерти. Его молчаніе возвратило смѣлость злодѣямъ: они вломились въ шатеръ и копьями пронзили Бориса, также вѣрнаго отрока его, который хотѣлъ собственнымъ тѣломъ защитить государя и друга. Сей юный воинъ, именемъ Георгій, родомъ изъ Венгріи, былъ сердечно любимъ княземъ своимъ, и въ знакъ его милости носилъ на шеѣ золотую гривну: корыстолюбивые убійцы не могли ее снять и для того отрубили ему голову. Они умер-

твили и другихъ княжескихъ отроковъ, которые не хотѣли спасаться бѣгствомъ, но всѣ легли на мѣстѣ. Тѣло Борисово завернули въ наметъ и повезли къ Святополку. Узнавъ, что братъ его еще дышитъ, онъ велѣлъ двумъ варягамъ довершить злодѣяніе: одинъ изъ нихъ вонзилъ мечъ въ сердце умирающему... Сей несчастный юноша, стройный, величественный, плѣнялъ всѣхъ красотою и любезностію; имѣлъ взоръ пріятный и веселый, отличался храбростію въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ. Лѣтописецъ хотѣлъ предать будущимъ вѣкамъ имена главныхъ убійцъ и называетъ ихъ: Путша, Талецъ, Еловичъ, Ляшко. Въ Несторово время они были еще въ свѣжей памяти и предметомъ общаго омерзенія. Святополкъ, безъ сомнѣнія, наградилъ сихъ людей, ибо имѣлъ еще нужду въ злодѣяхъ.

Онъ немедленно отправилъ гонца къ муромскому князю Глѣбу сказать ему, что Владиміръ боленъ и желаетъ видѣть его. Глѣбъ, обманутый сею ложною вѣстію, съ малочисленною дружиною спѣшилъ въ Кіевъ. Дорогою онъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ ногу; однакожъ не хотѣлъ остановиться и продолжалъ свой путь отъ Смоленска водою. Близъ сего города настигъ его посланный отъ Ярослава, князя новгородскаго, съ увѣдомленіемъ о смерти Владиміровой и гнусномъ коварствѣ Святополка; но въ то время, когда Глѣбъ, чувствительный, набожный, подобно Борису, оплакивалъ отца и любимаго брата, въ усердныхъ молитвахъ повѣряя небу горесть свою, явились вооруженные убійцы и схватили его ладію. Дружина муромская оробѣла: Горясеръ, начальникъ злодѣевъ, велѣлъ умертвить князя, и собственный поваръ Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, желая угодить Святополку, зарѣзалъ своего несчастнаго государя. Трупъ его лежалъ нѣсколько времени на берегу между двумя колодами, и былъ наконецъ погребенъ въ вышегородской церкви св. Василія, вмѣстѣ съ тѣломъ Бориса.

Еще Святополкъ не насытился кровію братьевъ. Древлянскій князь Святославъ, предвидя его намѣреніе овладѣть всею Россіею и будучи не въ силахъ ему сопротивляться, хотѣлъ уйти въ Венгрію; но слуги Святополковы догнали его близъ горъ Карпатскихъ, и лишили жизни. Братоубійца торжествовалъ злодѣянія свои какъ славныя и счастливыя дѣла: собиралъ граждань кіевскихъ, дарилъ имъ деньги, одежду и натѣялся щедростію пріобрѣсти любовь народную.

Скоро нашелся мститель: Ярославъ, сильнѣйшій изъ князей удѣльныхъ, возсталъ на изверга; но собственною безразсудною жестокостью едва не отнялъ у себя возможность наказать его. Варяги, призванные Ярославомъ въ Новгородъ, дерзкіе, неистовые, ежедневно оскорбляли мирныхъ гражданъ и цѣломудріе женъ ихъ. Не видя защиты отъ князя, пристрастнаго къ иноземцамъ, новго-

городцы вышли изъ терпѣнія и побили великое число варяговъ. Ярославъ утаилъ гнѣвъ свой, выѣхалъ въ загородный дворецъ, на Ракому, и велѣлъ, съ притворною ласкою, звать къ себѣ именитыхъ новогородцевъ, виновниковъ сего убійства. Они явились безъ оружія, думая оправдаться передъ своимъ княземъ; но князь не устыдился быть вѣроломнымъ и предалъ ихъ смерти. Въ ту же самую ночь получилъ онъ извѣстіе изъ Кіева, отъ сестры своей, Передславы, о кончинѣ отца и злодѣйствѣ брата; ужаснулся и не зналъ, что дѣлать. Одно усердіе новогородцевъ могло спасти его отъ участи Борисовой; но кровь ихъ дѣтей и братьевъ еще дымилась на дворѣ княжескомъ... Не видя лучшаго средства, Ярославъ прибѣгнулъ къ великодушію оскорбленнаго имъ народа, собралъ гражданъ на вѣче и сказалъ: „вчера умертвилъ я, безразсудный, вѣрныхъ слугъ своихъ; теперь хотѣлъ бы купить ихъ всѣмъ золотомъ казны моей"... Народъ безмолствовалъ. Ярославъ отеръ слезы и продолжалъ: „Друзья! отецъ мой скончался, Святополкъ овладѣлъ престоломъ его и хочетъ погубить братьевъ". Тогда добрые новгородцы, забывъ все, единодушно отвѣтствовали ему: „Государь! ты убилъ собственныхъ нашихъ братьевъ, но мы готовы идти на враговъ твоихъ".—Ярославъ еще болѣе воспламенилъ ихъ усердіе извѣстіемъ о новыхъ убійствахъ Святополковыхъ; набралъ 40,000 россіянъ, 1,000 варяговъ и, сказавъ: „да скончается злоба нечестиваго!"—выступилъ въ поле.

Святополкъ, узнавъ о томъ, собралъ также многочисленное войско, призвалъ печенѣговъ и на берегахъ Днѣпра, у Любеча, сошелся съ Ярославомъ. Долго стояли они другъ противъ друга безъ всякаго дѣйствія, не смѣя въ виду непріятеля переправляться чрезъ глубокую рѣку, которая была между ними. Уже наступила осень... Наконецъ воевода Святополковъ обидными и грубыми насмѣшками вывелъ новогородцевъ изъ терпѣнія. Онъ ѣздилъ берегомъ и кричалъ имъ: „Зачѣмъ вы пришли сюда съ хромымъ княземъ своимъ? (ибо Ярославъ имѣлъ отъ природы сей недостатокъ). Ваше дѣло плотничать, а не сражаться".—„Завтра",—сказали воины новогородскіе,—мы будемъ на другой сторонѣ Днѣпра; а кто не захочетъ идти съ нами, того убьемъ какъ измѣнника". Одинъ изъ вельможъ Святополковыхъ былъ въ согласіи съ Ярославомъ и ручался ему за успѣхъ ночного быстраго нападенія. Между тѣмъ какъ Святополкъ, нимало не опасаясь враговъ, пилъ съ дружиною, воины князя новогородскаго до свѣта переѣхали чрезъ Днѣпръ, оттолкнули лодки отъ берега, желая побѣдить или умереть, и напали на безпечныхъ кіевлянъ, обвязавъ себѣ головы платками, чтобъ различать своихъ и непріятелей. Святополкъ оборонялся храбро; но печенѣги, отдѣленные отъ его стана озеромъ, не могли приспѣть къ нему во-время. Дружина

кіевская, чтобы соединиться съ ними, вступила на тонкій ледъ сего озера и вся обрушилась. Ярославъ побѣдилъ, а Святополкъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый вошелъ съ торжествомъ въ Кіевъ, наградилъ щедро своихъ мужественныхъ воиновъ, давъ каждому чиновнику и новогородцу 10 гривенъ, а другимъ по гривнѣ,—и надѣясь княжить мирно, отпустилъ ихъ въ домы.

Но Святополкъ еще не думалъ уступить ему престола, окровавленнаго тремя братоубійствами, и прибѣгнулъ къ защитѣ Болеслава. Сей король, справедливо названный Храбрымъ, былъ готовъ отмстить за своего зятя и желалъ возвратить Польшѣ города Червенскіе, отнятые Владиміромъ у Мечислава: имѣя тогда войну съ Генрикомъ II, императоромъ нѣмецкимъ, онъ хотѣлъ кончить оную, чтобы тѣмъ свободнѣе дѣйствовать противъ Россіи. Епископъ мерзебургскій, Дитмаръ, лично знакомый съ Генрикомъ II, говоритъ въ своей лѣтописи, что императоръ вошелъ въ сношеніе съ Ярославомъ, убѣждая его предупредить общаго ихъ врага, и что князь россійскій, давъ ему слово быть союзникомъ, осадилъ польскій городъ, но болѣе не причинилъ никакого вреда Болеславу.

Такимъ образомъ Ярославъ худо воспользовался благопріятными обстоятельствами: началъ сію бѣдственную войну, не собравъ, кажется, достаточныхъ силъ для пораженія столь опаснаго непріятеля, и далъ ему время заключить миръ съ Генрикомъ. Императоръ, тѣснимый съ разныхъ сторонъ, согласился на условія, предложенныя гордымъ побѣдителемъ, и недовольный слабою помощію россіянъ, старался даже утвердить короля въ его ненависти къ великому князю. Болеславъ, усиливъ свое опытное войско союзниками и наемниками, нѣмцами, венграми, печенѣгами—вѣроятно, молдавскими—расположился станомъ на берегахъ рѣки Буга.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того времени страшный пожаръ обратилъ въ пепелъ большую часть Кіева: Ярославъ, озабоченный, можетъ быть, стараніемъ утѣшить жителей и загладить слѣды сего несчастія, едва успѣлъ изготовиться къ оборонѣ. Польскіе историки пишутъ, что онъ никакъ не ожидалъ Болеславова нападенія и безпечно удилъ рыбу въ Днѣпрѣ, когда гонецъ привезъ ему вѣсть о сей опасности; что князь россійскій въ ту же минуту бросилъ уду на землю и, сказавъ: „Не время думать о забавѣ, время спасать отечество“, вышелъ въ поле съ варягами и россіянами. Король стоялъ на одной сторонѣ Буга, Ярославъ на другой; первый велѣлъ наводить мосты, а второй ожидалъ битвы съ нетерпѣніемъ — и часъ ея насталъ скорѣе, нежели онъ думалъ. Воевода и пѣстунъ Ярославовъ, Будый, вздумалъ, стоя за рѣкою, шутить надъ тучностью Болеслава и хвалился проткнуть ему брюхо острымъ копьемъ своимъ. Король польскій, въ самомъ дѣлѣ, едва могъ двигаться отъ не-

обыкновенной толщины, но имѣлъ духъ пылкій и бодрость героя. Оскорбленный сею дерзостью, онъ сказалъ воинамъ: „Отомстимъ, или я погибну!“—сѣлъ на коня и бросился въ рѣку; за нимъ всѣ воины. Изумленные такимъ скорымъ нападеніемъ, россіяне были приведены въ безпорядокъ. Ярославъ уступилъ побѣду храброму непріятелю и только съ четырьмя воинами ушелъ въ Новгородъ. Южные города россійскіе, оставленные безъ защиты, не смѣли противиться и выслали дары побѣдителю. Одинъ изъ нихъ не сдавался: король, взявъ крѣпость приступомъ, осудилъ жителей на рабство или вѣчный плѣнъ. Лучше другихъ укрѣпленный Кіевъ хотѣлъ обороняться: Болеславъ осадилъ его. Наконецъ утѣсненные граждане отворили ворота и епископъ кіевскій, провождаемый духовенствомъ, въ ризахъ служебныхъ, съ крестами встрѣтилъ Болеслава и Святополка, которые 14 августа въѣхали, торжествуя, въ нашу столицу, гдѣ были сестры Ярославовы. Народъ снова призналъ Святополка государемъ, а Болеславъ удовольствовался именемъ великодушнаго покровителя и славою храбрости. Дитмаръ повѣствуетъ, что король тогда же отправилъ кіевскаго епископа къ Ярославу съ предложеніемъ возвратить ему сестеръ, ежели онъ пришлетъ къ нему дочь его, жену Святополкову (вѣроятно, заключенную въ новгородской или другой сѣверной области).

Ярославъ, устрашенный могуществомъ короля польскаго и злобою брата, думалъ уже, подобно отцу своему, бѣжать за море къ варягамъ; но великодушіе новгородцевъ спасло его отъ сего несчастія и стыда. Посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрыни Славнаго, и граждане знаменитые, изрубивъ лодки, приготовленныя для князя, сказали ему: „Государь! мы хотимъ и можемъ еще противиться Болеславу. У тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ“. Они собрали съ каждаго человѣка по четыре куны, съ бояръ по восемнадцати гривенъ, съ городскихъ чиновниковъ или старостъ по десяти; немедленно призвали корыстолюбивыхъ варяговъ на помощь и сами вооружились.

Вѣроломство Святополково не допустило новгородцевъ отомстить Болеславу. Покоривъ южную Россію зятю своему, король отправилъ назадъ союзное войско и развелъ собственное по городамъ кіевской области для отдохновенія и продовольствія. Злодѣи не знаютъ благодарности: Святополкъ, боясь долговременной опеки тестя и желая скорѣе воспользоваться независимостью, тайно велѣлъ градоначальникамъ умертвить всѣхъ поляковъ, которые думали, что они живутъ съ друзьями, и не брали никакихъ предосторожностей. Злая воля его исполнилась къ безславію имени русскаго. Вѣроятно, что онъ и самому Болеславу готовилъ такую же участь въ Кіевѣ; но сей государь свѣдалъ о заговорѣ и вышелъ изъ столицы, взявъ съ собою многихъ бояръ и сестеръ

Ярославовыхъ. Дитмаръ говоритъ—и нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ—что Болеславъ принудилъ одну изъ нихъ быть своею наложницею—именно Передславу, за которую онъ нѣкогда сватался и получилъ отказъ; хотѣлъ насладиться гнусною местію. Хитрый Анастасъ, бывъ прежде любимцемъ Владиміровымъ, умѣлъ снискать и довѣренность короля польскаго; сдѣлался хранителемъ его казны и выѣхалъ съ нею изъ Кіева; измѣнивъ первому отечеству, измѣнилъ и второму для своей личной корысти. Польскіе историки увѣряютъ, что многочисленное войско россіянъ гналось за Болеславомъ, что онъ вторично разбилъ ихъ на Бугѣ, и что сія рѣка, два раза несчастная для нашихъ предковъ, съ того времени названа ими Черною... Болеславъ оставилъ Россію, но удержалъ за собою города Червенскіе въ Галиціи и великія сокровища, вывезенныя имъ изъ Кіева, отчасти роздалъ войску, отчасти употребилъ на строеніе церквей въ своемъ королевствѣ.

Святополкъ, злодѣйствомъ избавивъ Россію отъ поляковъ, услужилъ врагу своему. Уже Ярославъ шелъ къ Кіеву... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ монарха во дни опасностей и бѣдствій, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ печенѣгамъ требовать ихъ помощи. Сіи разбойники, всегда готовые опустошать Россію, вступили въ ея предѣлы и приблизились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки россійскіе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ, обагренномъ кровію святого Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминаніемъ, онъ воздѣлъ руки на небо, молился и, сказавъ: „кровь невиннаго брата моего вопіетъ ко Всевышнему“, далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженіе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженіе упорное и жестокое: никогда, говоритъ лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина новогородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва: непріятели въ остервенѣніи своемъ хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленіе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины принесли его къ Бресту, городу Туровскаго княженія: онъ велѣлъ имъ идти далѣе за границу. Гонимый небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченіи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непріятелей за собою и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушію Болеслава; миновалъ Польшу и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ богемскихъ, заслуживъ проклятіе современниковъ и потомства. Имя окаяннаго осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго князя: ибо злодѣйство есть несчастіе.

ЯРОСЛАВЪ I. ВЛАДИМИРОВИЧЪ.
Вел. Кн. Российский

ГЛАВА II.

Великій Князь Ярославъ или Георгій.

Г. 1019—1054.

Война съ полоцкимъ князем. — Побѣды Мстиславовы. — Паденіе козарской державы. — Голодъ въ Суздалѣ. — Битва у Листвена. — Миръ. — Основаніе Юрьева или Дерпта. — Завоеванія въ Польшѣ. — Смерть Мстислава. — Единовластіе. — Судиславъ заключенъ. — Новые удѣлы. — Побѣды надъ печенѣгами. — Каменные стѣны и соборъ св. Софіи въ Кіевѣ. — Митрополитъ. — Строеніе монастырей. — Любовь Ярослава къ книгамъ. — Война съ ятвягами, литвою, мазовшанами, ямью. — Походъ на грековъ. — Древнее предсказаніе. — Брачные союзы. — Митрополитъ россіянинъ. — Наставленіе и кончина Ярослава. — Гробъ его. — Свойства сего князя. — Крещеніе костей. — Первое народное училище. — Кіевъ вторый Царьградъ. — Монета Ярославова. — Деместенное пѣніе. — Россія убѣжище изгнанниковъ. — Сѣверныя владѣнія Россіи. — Законы.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, отеръ потъ съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ

санъ великаго князя россійскаго. Но бѣдствія войны междоусобной еще не прекратились.

Въ Полоцкѣ княжилъ тогда Брячиславъ, сынъ Изяславовъ и внукъ Владиміра. Сей юноша хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость: взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей и со множествомъ плѣнныхъ возвращался въ свое удѣльное княженіе. Но Ярославъ, выступивъ изъ Кіева, встрѣтилъ и разбилъ его на берегахъ рѣки Судомы, въ нынѣшней Псковской губерніи. Плѣнники новогородскіе были освобождены, а Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ, и, какъ вѣроятно, примирился съ великимъ княземъ: ибо Ярославъ оставилъ его въ покоѣ.—О сей войнѣ упоминаютъ древнія исландскія саги. Варяги или норманы, служившіе тогда нашимъ князьямъ, разсказывали, возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, отчасти и баснословныя: „храбрый витязь Эймундъ, сынъ короля гейдмаркскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны съ кіевскимъ государемъ (Святополкомъ); наконецъ, взявъ сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ россіянъ своимъ мужествомъ и хитростію. Сей витязь засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня и привезъ ее къ Брячиславу; остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ великую княгиню, Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію". Скоро опаснѣйшій непріятель возсталъ на Ярослава.

Мы знаемъ, что Владиміръ отдалъ Воспорскую или Тмутороканскую область въ удѣлъ сыну своему Мстиславу. Сей князь, рожденный быть героемъ, хотѣлъ войны и побѣды: императоръ греческій предложилъ ему уничтожить державу каганову въ Тавридѣ. Искавъ дружбы козаровъ, идолопоклонниковъ, но сильныхъ, греки искали ихъ погибели, когда они приняли вѣру христіанскую, но утратили свое могущество. Андроникъ, вождь императорскій, въ 1016 г., присталъ къ берегамъ Тавриды, соединился съ войскомъ Мстислава и въ самомъ первомъ сраженіи плѣнилъ кагана, именемъ Георгія Цула. Греки овладѣли Тавридою, удовольствовавъ Мстислава одною благодарностію или золотомъ. Такимъ образомъ пала козарская держава въ Европѣ; но въ Азіи, на берегахъ Каспійскаго моря, она существовала, кажется, до самаго XII вѣка, и въ 1140 году Левитъ европейскій, Равви Іегуда, писалъ еще похвальное слово монарху ея, своему единовѣрцу. Съ одной стороны Аскольдъ, Диръ, Олегъ, отецъ и сынъ св. Владиміра, а съ другой—узы, печенѣги, команы, ясы ослабили, сокрушили сіе нѣкогда знаменитое царство, которое отъ устья Волжскаго простиралось до Чернаго моря, Днѣпра и Оки.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Мстиславъ объявилъ войну касогамъ или нынѣшнимъ черкесамъ, восточнымъ сосѣдямъ его области. Князь ихъ, Редедя, сильный великанъ, хотѣлъ, слѣдуя обычаю тогдашнихъ временъ богатырскихъ, рѣшить побѣду единоборствомъ. „На что губить дружину?“ сказалъ онъ Мстиславу? „одолѣй меня и возьми все, что имѣю, жену, дѣтей и страну мою“. Мстиславъ, бросивъ оружіе на землю, схватился съ великаномъ. Силы князя россійскаго начали изнемогать: онъ призвалъ на помощь Богородицу—низвергнулъ врага и зарѣзалъ его ножомъ. Война кончилась: Мстиславъ вступилъ въ область Редеди, взялъ семейство княжеское и наложилъ дань на подданныхъ.

Увѣренный въ своемъ воинскомъ счастіи, сей князь не захотѣлъ уже довольствоваться областію Тмуторокансқою, которая, будучи отдалена отъ Россіи, могла казаться ему печальною ссылкою: онъ собралъ подвластныхъ ему козаровъ, черкесовъ или касоговъ и пошелъ къ берегамъ днѣпровскимъ. Ярослава не было въ столицѣ. Кіевскіе граждане затворились въ стѣнахъ и не пустили брата его; но Черниговъ, менѣе укрѣпленный, принялъ Мстислава.—Великій князь усмирялъ тогда народный мятежъ въ Суздалѣ. Голодъ свирѣпствовалъ въ сей области, и суевѣрные, приписывая оный злому чародѣйству, безжалостно убивали нѣкоторыхъ старыхъ женъ, мнимыхъ волшебницъ. Ярославъ наказалъ виновниковъ мятежа: однихъ смертію, другихъ ссылкою, объявивъ народу, что не волшебники, но Богъ караетъ людей гладомъ и моромъ за грѣхи ихъ, и что смертный въ бѣдствіяхъ своихъ долженъ только умолять благость Всевышняго. Между тѣмъ жители искали помощи въ изобильной странѣ казанскихъ болгаровъ, и Волгою привезли оттуда множество хлѣба. Голодъ миновался. Возстановивъ порядокъ въ землѣ Суздальской, великій князь спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы взять мѣры противъ властолюбиваго брата.

Знаменитый варягъ Якунъ пришелъ на помощь къ Ярославу. Сей витязь скандинавскій носилъ на больныхъ глазахъ шитую золотомъ луду или повязку; едва могъ видѣть, но еще любилъ войну и битвы. Великій князь вступилъ въ область Черниговскую. Мстиславъ ожидалъ его у Листвена, на берегу Руды; ночью изготовилъ войско къ сраженію; поставилъ сѣверянъ или черниговцевъ въ срединѣ, а любимую дружину свою на правомъ и лѣвомъ крылѣ. Небо покрылось густыми тучами—и въ то самое время, когда ударилъ громъ и зашумѣлъ сильный дождь, сей отважный князь напалъ на Ярослава. Варяги стояли мужественно противъ сѣверянъ: казалось, что ужасъ ночи, буря, гроза тѣмъ болѣе остервеняли воиновъ; при свѣтѣ молніи, говоритъ лѣтописецъ, страшно блистало оружіе. Храбрость, искусство и счастіе

Мстислава рѣшили побѣду; варяги, утомленные битвою съ черниговцами, смятые пылкимъ нападеніемъ его дружины, отступили. Вождь ихъ, Якунъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ Ярославомъ въ Новгородъ, оставивъ на мѣстѣ сраженія золотую луду свою. На другой день Мстиславъ, осматривая убитыхъ, сказалъ: „Мнѣ ли не радоваться? Здѣсь лежитъ сѣверянинъ, тамъ варягъ, а собственная дружина моя цѣла“. Слово, недостойное добраго князя: ибо черниговцы, усердно пожертвовавъ ему жизнію, стоили, по крайней мѣрѣ, его сожалѣнія.

Но Мстиславъ изъявилъ рѣдкое великодушіе въ разсужденіи брата, давъ ему знать, чтобы онъ безопасно шелъ въ Кіевъ и господствовалъ, какъ старшій сынъ великаго Владиміра, надъ всею правою стороною Днѣпра. Ярославъ боялся вѣрить ему; правилъ Кіевомъ чрезъ своихъ намѣстниковъ и собиралъ войско. Наконецъ сіи два брата съѣхались у Городца, подъ Кіевомъ, заключили искренній союзъ и раздѣлили государство: Ярославъ взялъ западную часть его, а Мстиславъ восточную; Днѣпръ служилъ границею между ними, и Россія, десять лѣтъ терзаемая внутренними и внѣшними непріятелями, совершенно успокоилась.

Вся Ливонія платила дань Владиміру: междоусобіе дѣтей его возвратило ей независимость. Ярославъ, въ 1030 году, снова покорилъ чудь, основалъ городъ Юрьевъ, или нынѣшній Дерптъ, и, собирая дань съ жителей, не хотѣлъ насильно обращать ихъ въ христіанство: благоразуміе достохвальное, служившее примѣромъ для всѣхъ князей россійскихъ! Пользуясь свободою вѣры, древняя Ливонія имѣла собственныхъ гражданскихъ начальниковъ, о коихъ, согласно съ преданіемъ, пишутъ, что они были вмѣстѣ и судіи, и палачи, то-есть, обвинивъ преступника, сами отсѣкали ему голову. — Однакожъ, несмотря на умѣренность россіянъ и на легкость ига, возлагаемаго ими на данниковъ, чудь и латыши, какъ увидимъ, нерѣдко старались свергнуть оное и не щадили крови своей для пріобрѣтенія вольности совершенной.

Въ Польшѣ царствовалъ тогда Мечиславъ, малодушный сынъ и наслѣдникъ великаго Болеслава. Пользуясь слабостію сего короля и внутренними неустройствами земли его, Ярославъ взялъ Бельзъ; въ слѣдующій годъ, соединясь съ мужественнымъ братомъ своимъ, овладѣлъ снова всѣми городами червенскими; входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ и, населивъ ими берега Роси, заложилъ тамъ города или крѣпости.

Искреннее согласіе двухъ государей россійскихъ продолжалось до смерти одного изъ нихъ. Мстиславъ, выѣхавъ на ловлю, вдругъ занемогъ и скончался. Сей князь, прозванный Удалымъ, не испыталъ превратностей воинскаго счастія: сражаясь, всегда побѣждалъ; ужасный для враговъ, славился милостію къ народу и

любовію къ вѣрной дружинѣ; веселился и пировалъ съ нею, подобно великому отцу своему, слѣдуя его правилу, что государь не златомъ наживаетъ витязей, а съ витязами злато. Онъ поднялъ мечъ на брата, но загладилъ сію жестокость, свойственную тогдашнему вѣку, великодушнымъ миромъ съ побѣжденнымъ, и Россія обязана была десятилѣтнею внутреннею тишиною счастливому ихъ союзу, истинно братскому. Памятникомъ Мстиславовой набожности остался каменный храмъ Богоматери въ Тмуторокани, созданный имъ въ знакъ благодарности за одержанную надъ косожскимъ великаномъ побѣду, и церковь Спаса въ Черниговѣ, заложенная при семъ князѣ: тамъ хранились и кости его въ Несторово время. Мстиславъ, по словамъ лѣтописи, былъ черменъ лицемъ и дебелъ тѣломъ; имѣлъ также необыкновенно большіе глаза. Онъ не оставилъ наслѣдниковъ: единственный его сынъ, Евстафій, умеръ еще за три года до кончины родителя.

Ярославъ сдѣлался монархомъ всей Россіи и началъ властвовать отъ береговъ моря Балтійскаго до Азіи, Венгріи и Даніи. Изъ прежнихъ удѣльныхъ князей оставался одинъ Брячиславъ Полоцкій: вѣроятно, что онъ зависѣлъ отъ своего дяди, какъ государя самодержавнаго. О дѣтяхъ Владиміровыхъ, Всеволодѣ, Станиславѣ, Позвиздѣ, лѣтописецъ не упоминаетъ болѣе, сказывая только, что великій князь, обманутый клеветниками, заключилъ во Псковѣ Судислава, меньшого своего брата, который, можетъ быть, княжилъ въ семъ городѣ.

Но Ярославъ ожидалъ только возраста сыновей, чтобы вновь подвергнуть государство бѣдствіямъ удѣльнаго правленія. Женатый на Ингигердѣ или Аннѣ, дочери шведскаго короля Олофа, которая получила отъ него въ вѣно городъ Альдейгабургъ или старую Ладогу, онъ былъ уже отцомъ многочисленнаго семейства. Какъ скоро большому сыну его, Владиміру, исполнилось шестнадцать лѣтъ, великій князь отправился съ нимъ въ Новгородъ и далъ ему сію область въ управленіе. Здравая политика, основанная на опытахъ и знаніи сердца человѣческаго, не могла противиться дѣйствію слѣпой любви родительской, которое обратилось въ несчастное обыкновеніе.

Узнавъ о набѣгѣ печенѣговъ, онъ спѣшилъ изъ Новгорода въ южную Россію и сразился съ варварами подъ самыми стѣнами Кіева. Варяги, всегдашніе его помощники, стояли въ срединѣ; на правомъ крылѣ граждане кіевскіе, на лѣвомъ—новогородцы. Битва продолжалась цѣлый день. Ярославъ одержалъ побѣду, самую счастливѣйшую для отечества, сокрушивъ однимъ ударомъ силу лютѣйшаго изъ враговъ его. Большая часть печенѣговъ легла на мѣстѣ; другіе, гонимые раздраженнымъ побѣдителемъ, утонули въ рѣкахъ; немногіе спаслись бѣгствомъ, и Россія навсегда освобо-

дилась отъ ихъ жестокихъ нападеній. Въ память сего знаменитаго торжества великій князь заложилъ на мѣстѣ сраженія великолѣпную церковь и, распространивъ Кіевъ, обвелъ его каменными стѣнами; подражая Константинополю, онъ назвалъ ихъ главныя врата Златыми, а новую церковь—святою Софіею Митрополитскою, украсивъ ее золотомъ, серебромъ, мусіею и драгоцѣнными сосудами. Тогда былъ уже митрополитъ въ нашей древней столицѣ, именемъ Ѳеопемтъ—вѣроятно, грекъ, который, по извѣстію Нестора, въ 1039 году вновь освятилъ храмъ Богоматери, сооруженный Владиміромъ, но поврежденный, какъ надобно думать, сильнымъ кіевскимъ пожаромъ въ 1017 году. Ярославъ началъ также строить монастыри: первыми изъ нихъ были въ Кіевѣ монастырь св. Георгія и св. Ирины. Сей государь, по сказанію лѣтописца, весьма любилъ церковные уставы, духовныхъ пастырей и въ особенности черноризцевъ; не менѣе любилъ и книги божественныя; велѣлъ переводить ихъ съ греческаго на славянскій языкъ, читалъ оныя день и ночь, многія списывалъ и положилъ во церкви Софійской для народнаго употребленія. Опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе іереямъ, онъ умножилъ число ихъ во всѣхъ городахъ и предписалъ имъ учить новыхъ христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ; видѣлъ успѣхи вѣры и радовался, какъ усердный сынъ церкви и добрый отецъ народа.

Ревностное благочестіе и любовь къ ученію книжному не усыпляли его воинской дѣятельности. Ятвяги были побѣждены Владиміромъ Великимъ; но сей народъ, обитая въ густыхъ лѣсахъ, питаясь рыбною ловлею и пчеловодствомъ, болѣе всего любилъ дикую свободу и не хотѣлъ никому платить дани. Ярославъ имѣлъ съ нимъ войну; также съ литовцами, сосѣдями Полоцкаго или Туровскаго княженія, и съ мазовшанами, тогда независимыми отъ государя польскаго. Сынъ великаго князя, Владиміръ, ходилъ съ новгородцами на ямь, или нынѣшнихъ финляндцевъ, и побѣдилъ ихъ; но въ сей землѣ, безплодной и каменистой, воины его оставили всѣхъ коней своихъ, бывшихъ тамъ жертвою мора.

Предпріятіе гораздо важнѣйшее ознаменовало для нашей исторіи 1043 годъ. Дружба великихъ князей съ императорами, основанная на взаимныхъ выгодахъ, утвердилась единствомъ вѣры и родственнымъ ихъ союзомъ. Съ помощію россіянъ шуринъ Владиміровъ завоевалъ не только Тавриду, но и Болгарію; они сражались подъ знаменами имперіи въ самыхъ окрестностяхъ древняго Вавилона. Лѣтописцы византійскіе разсказываютъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ по кончинѣ св. Владиміра, прибылъ на судахъ въ гавань цареградскую какой-то родственникъ его; объявилъ намѣреніе вступить въ службу императора, но тайно ушелъ изъ при-

стани, разбилъ грековъ на берегахъ Пропонтиды и вооруженною рукою открылъ себѣ путь къ острову Лимну, гдѣ самскій намѣстникъ и воевода солунскій злодѣйскимъ образомъ умертвили его и 800 бывшихъ съ нимъ воиновъ. Сіе обстоятельство не имѣло никакихъ слѣдствій: купцы россійскіе, пользуясь дружественною связію народа своего съ имперіею, свободно торговали въ Константинополѣ. Но сдѣлалась ссора между ними и греками, которые, начавъ драку, убили одного знаменитаго россіянина. Вѣроятно, что великій князь напрасно требовалъ удовольствія; оскорбленный несправедливостію, онъ рѣшился наказать грековъ; поручилъ войско мужественному полководцу, Вышатѣ, и велѣлъ сыну своему, Владиміру, идти съ нимъ къ Царюграду. Греція вспомнила бѣдствія, претерпѣнныя нѣкогда ею отъ флотовъ россійскихъ— и послы Константина Мономаха встрѣтили Владиміра. Императоръ писалъ къ нему, что дружба счастливая и долговременная не должна быть нарушена для причины столь маловажной; что онъ желаетъ мира и даетъ слово наказать виновниковъ обиды, сдѣланной россіянамъ. Юный Владиміръ не уважилъ сего письма, отпустилъ греческихъ пословъ съ отвѣтомъ высокомѣрнымъ, какъ говорятъ византійскіе историки, и шелъ далѣе. Константинъ Мономахъ, приказавъ взять подъ стражу купцовъ и воиновъ россійскихъ, бывшихъ въ Царѣградѣ, и заключивъ ихъ въ разныхъ областяхъ имперіи, выѣхалъ самъ на царской яхтѣ противъ непріятеля; за нимъ слѣдовалъ флотъ и конница берегомъ. Россіяне стояли въ боевомъ порядкѣ близъ Фара. Императоръ вторично предложилъ имъ миръ. „Соглашаюсь, — сказалъ гордый князь новогородскій, — ежели вы, богатые греки, дадите по три фунта золота на каждаго человѣка въ моемъ войскѣ“. Тогда Мономахъ велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ и, желая заманить непріятелей въ открытое море, послалъ впередъ три галеры, которыя врѣзались въ средину Владимірова флота и зажгли греческимъ огнемъ нѣсколько судовъ. Россіяне снялись съ якорей, чтобы удалиться отъ пламени. Тутъ сдѣлалась буря, гибельная для малыхъ россійскихъ лодокъ; однѣ исчезли въ волнахъ, другія стали на мель или были извержены на берегъ. Корабль Владиміровъ пошелъ на дно; нѣкто Творимиричъ, одинъ изъ усердныхъ чиновниковъ, спасъ князя и воеводъ Ярославовыхъ, взявъ ихъ къ себѣ въ лодку. Море утихло. На берегу собралось 6.000 россіянъ, которые, не имѣя судовъ, рѣшились возвратиться въ отечество сухимъ путемъ. Главный воевода Ярославовъ, Вышата, предвидя неминуемую для нихъ опасность, хотѣлъ великодушно раздѣлить оную и сошелъ на берегъ, сказавъ князю: „Иду съ ними; буду ли живъ, или умру, но не покину достойныхъ воиновъ“. Между тѣмъ императоръ праздновалъ бурю какъ побѣду

и возвратился въ столицу, отправивъ вслѣдъ за россіянами флотъ и два легіона. 24 галеры греческія обогнали Владиміра и стали въ заливѣ: князь пошелъ на нихъ. Греки, будучи со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими лодками, сцѣпились съ ними и вступили въ отчаянный бой. Россіяне побѣдили, взявъ или истребивъ суда греческія. Адмиралъ Мономаховъ былъ убитъ и Владиміръ пришелъ въ Кіевъ со множествомъ плѣнныхъ... Великодушный, но несчастный Вышата, сразился въ Болгаріи, у города Варны, съ сильнымъ греческимъ войскомъ: бóльшая часть его дружины легла на мѣстѣ. Въ Константинополь привели 800 окованныхъ россіянъ и самого Вышату: императоръ велѣлъ ихъ ослѣпить!

Сія война предковъ нашихъ съ Греціею была послѣднею. Съ того времени Константинополь не видалъ уже ихъ страшныхъ флотовъ въ Воспорѣ: ибо Россія, терзаемая междоусобіемъ, скоро утратила свое величіе и силу. Иначе могло бы исполниться древнее предсказаніе, неизвѣстно кѣмъ написанное въ X или XI вѣкѣ подъ истуканомъ Беллерофона (который стоялъ на Таврской площади въ Царѣградѣ), что „россіяне должны овладѣть столицею имперіи Восточной“: столь имя ихъ ужасало грековъ!—Чрезъ три года великій князь заключилъ миръ съ имперіею, и плѣнники россійскіе, безчеловѣчно лишенные зрѣнія, возвратились въ Кіевъ.

Около сего времени Ярославъ вошелъ въ свойство со многими знаменитыми государями Европы. Въ Польшѣ царствовалъ тогда Казимиръ, внукъ Болеслава Храбраго: изгнанный въ дѣтствѣ изъ отечества вмѣстѣ съ матерью, онъ удалился (какъ разсказываютъ историки польскіе) во Францію и, не имѣя надежды быть королемъ, сдѣлался монахомъ. Наконецъ, вельможи польскіе, видя мятежъ въ государствѣ, прибѣгнули къ его великодушію: освобожденный папою отъ узъ духовнаго обѣта, Казимиръ возвратился изъ кельи въ чертоги царскіе. Желая пользоваться дружбою могущественнаго Ярослава, онъ женился на сестрѣ его, дочери св. Владиміра. Польскіе историки говорятъ, что брачное торжество совершалось въ Краковѣ; что добродѣтельная и любезная Марія, названная Доброгнѣвою, приняла вѣру латинскую, и что король ихъ взялъ за супругою великое богатство, множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также драгоцѣнныхъ конскихъ и другихъ украшеній. Собственный лѣтописецъ нашъ сказываетъ, что Казимиръ далъ Ярославу за вѣно — то-есть за невѣсту свою — 800 человѣкъ: вѣроятно россіянъ, плѣненныхъ въ 1018 году Болеславомъ. Сей союзъ, одобренный здравою политикою обоихъ государствъ, утвердилъ за Россіею города Червенскіе, а Ярославъ, какъ искреній другъ своего зятя, помогъ ему смирить мя-

тежника смѣлаго и хитраго именемъ Моислава, который овладѣлъ Мазовіею и хотѣлъ быть государемъ независимымъ. Великій князь, разбивъ его многочисленное войско, покорилъ сію область Казимиру.

Несторъ совсѣмъ не упоминаетъ о дочеряхъ Ярославовыхъ, но достовѣрные лѣтописцы чужестранные именуютъ трехъ: Елисавету, Анну и Анастасію или Агмунду. Первая была супругою Гаральда, принца норвежскаго. Въ юности своей выѣхавъ изъ отечества, онъ служилъ князю Ярославу, влюбился въ прекрасную дочь его, Елисавету, и, желая быть достойнымъ ея руки, искалъ великаго имени въ свѣтѣ. Гаральдъ отправился въ Константинополь, вступилъ въ службу императора Восточнаго; въ Африкѣ, въ Сициліи побѣждалъ невѣрныхъ; ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ и чрезъ нѣсколько лѣтъ, съ богатствомъ и славою возвратясь въ Россію, женился на Елисаветѣ, которая одна занимала его сердце и воображеніе среди всѣхъ блестящихъ подвиговъ геройства. Наконецъ онъ сдѣлался королемъ норвежскимъ.

Вторая княжна, Анна, сочеталась бракомъ съ Генрикомъ I, королемъ французскимъ. Папа объявилъ кровосмѣшеніемъ супружество отца его и гналъ Роберта, какъ беззаконника, за то, что онъ женился на родственницѣ въ четвертомъ колѣнѣ. Генрикъ, будучи свойственникомъ государей сосѣдственныхъ, боялся такой же участи, и въ странѣ отдаленной искалъ себѣ знаменитой невѣсты. Франція, еще бѣдная и слабая, могла гордиться союзомъ съ Россіею, возвеличенною завоеваніями Олега и великихъ его преемниковъ. Въ 1048 году, по извѣстію древней рукописи, найденной въ С.-Омерской церкви, король отправилъ посломъ къ Ярославу епископа шалонскаго, Рогера: Анна пріѣхала съ нимъ въ Парижъ и соединила кровь Рюрикову съ кровію государей французскихъ. По кончинѣ Генрика I, въ 1060 году, Анна, славная благочестіемъ, удалилась въ монастырь Санлизскій; но чрезъ два года, вопреки желанію сына, вступила въ новое супружество съ графомъ де-Крепи. Одинъ французскій лѣтописецъ говоритъ, что она, потерявъ второго любезнаго ей супруга, возвратилась въ Россію; но сіе обстоятельство кажется сомнительнымъ. Сынъ ея, Филиппъ, царствовалъ во Франціи, имѣя столь великое уваженіе къ матери, что на всѣхъ бумагахъ государственныхъ Анна вмѣстѣ съ нимъ подписывала имя свое до самаго 1075 года. Честолюбіе, узы семейственныя, привычка и вѣра католическая, ею принятая, удерживали сію королеву во Франціи.

Третья дочь Ярославова, Анастасія, вышла за короля венгерскаго, Андрея I. Вѣроятно, что сей брачный союзъ служилъ поводомъ для нѣкоторыхъ россіянъ переселиться въ Венгрію, гдѣ, въ разныхъ графствахъ, на лѣвой сторонѣ Дуная, живетъ донынѣ

многочисленное ихъ потомство, утративъ чистую вѣру отцовъ своихъ.

Ссылаясь на лѣтописцевъ норвежскихъ, Торфей называетъ Владиміра, старшаго Ярославова сына, супругомъ Гиды, дочери англійскаго короля Гаральда, побѣжденнаго Вильгельмомъ Завоевателемъ. Саксонъ Грамматикъ, древнѣйшій историкъ датскій, также повѣствуетъ, что дѣти несчастнаго Гаральда, убитаго въ Гастингскомъ сраженіи, искали убѣжища при дворѣ Свенона II, короля датскаго, и что Свенонъ выдалъ потомъ дочь Гаральдову за россійскаго князя, именемъ Владиміра; но сей князь не могъ быть Ярославичъ. Гаральдъ убитъ въ 1066 году, а Владиміръ, сынъ Ярославовъ, скончался въ 1052 г. (построивъ въ Новѣгородѣ церковь св. Софіи, которая еще не разрушена временемъ и гдѣ погребено его тѣло).

Кромѣ Владиміра, Ярославъ имѣлъ пятерыхъ сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Первый женился на сестрѣ Казимира польскаго, несмотря на то, что его родная тетка была за симъ королемъ, а Всеволодъ, по сказанію Нестора, на греческой царевнѣ. Новѣйшіе лѣтописцы называютъ Константина Мономаха тестемъ Всеволода; но Константинъ не имѣлъ дѣтей отъ Зои. Мы не знаемъ даже, по византійскимъ лѣтописямъ, ни одной греческой царевны сего времени, кромѣ Евдокіи и Ѳеодоры, умершихъ въ дѣтствѣ. Развѣ положимъ, что Мономахъ, еще не бывъ императоромъ, прижилъ супругу Всеволодову съ первою, неизвѣстною намъ женою? — О супружествѣ другихъ сыновей Ярославовыхъ не можемъ сказать ничего вѣрнаго. Историки нѣмецкіе пишутъ, что дочь Леопольда, графа Штадскаго, именемъ Ода, и Кунигунда, Орламиндская графиня, вышли около половины XI вѣка за князей россійскихъ, но скоро овдовѣвъ, возвратились въ Германію и сочетались бракомъ съ нѣмецкими принцами. Вѣроятно, что Ода была супругою Вячеслава, а Кунигунда Игоревою: сіи меньшіе сыновья Ярославовы скончались въ юношествѣ и первая отъ россійскаго князя имѣла одного сына, воспитаннаго ею въ Саксоніи: думаю, Бориса Вячеславича, о коемъ Несторъ говоритъ только съ 1077 года и который могъ до того времени жить въ Германіи. Лѣтописцы нѣмецкіе прибавляютъ, что мать его, выѣзжая изъ нашего отечества, зарыла въ землю сокровище, найденное имъ по возвращеніи въ Россію.

Великій князь провелъ остатокъ жизни своей въ тишинѣ и въ христіанскомъ благочестіи. Но сія усердная набожность не препятствовала ему думать о пользѣ государственной и въ самыхъ церковныхъ дѣлахъ. Греки, сообщивъ намъ вѣру и присылая главныхъ духовныхъ пастырей, надѣялись, можетъ быть, чрезъ нихъ присвоить себѣ и нѣкоторую мірскую власть надъ Россіею;

Ярославъ не хотѣлъ того, и еще въ первый годъ своего единодержавія, будучи въ Новѣгородѣ, самъ избралъ въ начальники для сей епархіи Луку Жидяту; а въ 1051 году, собравъ въ Кіевѣ епископовъ, велѣлъ имъ поставить митрополитомъ Иларіона Россіянина, безъ всякаго участія со стороны константинопольскаго патріарха... Иларіонъ, мужъ ученый и доброжелательный, былъ іереемъ въ селѣ Брестовѣ при церкви святыхъ Апостоловъ: великій князь узналъ его достоинства, имѣя тамъ загородный дворецъ и любя, подобно Владиміру, сіе веселое мѣсто.

Наконецъ, чувствуя приближеніе смерти, Ярославъ созвалъ дѣтей своихъ и хотѣлъ благоразумнымъ наставленіемъ предупредить всякую распрю между ними. „Скоро не будетъ меня на свѣтѣ“,— говорилъ онъ:—„вы, дѣти одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что междоусобіе бѣдственное лично для васъ, погубитъ славу и величіе государства, основаннаго счастливыми трудами нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Миръ и согласіе ваше утвердятъ его могущество. Изяславъ, старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы отцу повиновались. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Вячеславу—Смоленскъ—каждый да будетъ доволенъ своею частію, или старшій братъ да судитъ васъ какъ государь! Онъ защититъ утѣсненнаго и накажетъ виновнаго“. Слова достопамятныя: мудрыя и безполезныя! Ярославъ думалъ, что дѣти могутъ быть разсудительнѣе отцовъ и, къ несчастію, ошибся.

Не взирая на старость и болѣзнь, онъ все еще занимался государственными дѣлами: поѣхалъ въ Вышегородъ и тамъ скончался, имѣя отъ роду болѣе семидесяти лѣтъ (супруга его умерла еще въ 1050 году). Изъ дѣтей былъ съ нимъ одинъ Всеволодъ, котораго онъ любилъ нѣжнѣе всѣхъ другихъ и никогда не отпускалъ отъ себя. Горестный сынъ, народъ и священники въ служебныхъ ризахъ шли за тѣломъ изъ Вышегорода до Кіева, гдѣ оно, заключенное въ мраморную раку, было погребено въ Софійской церкви. Сей памятникъ, украшенный рѣзными изображеніями птицъ и деревьевъ, уцѣлѣлъ до нашихъ временъ.

Ярославъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя государя мудраго; не пріобрѣлъ оружіемъ новыхъ земель, но возвратилъ утраченное Россією въ бѣдствіяхъ междоусобія; не всегда побѣждалъ, но всегда оказывалъ мужество; успокоилъ отечество и любилъ народъ свой. Слѣдуя въ правленіи благодѣтельнымъ намѣреніямъ Владиміра, онъ хотѣлъ загладить вину ослушнаго сына и примириться съ тѣнью огорченнаго имъ отца.

Внѣшняя политика Ярославова была достойна монарха сильнаго: онъ привелъ Константинополь въ ужасъ за то, что оскорбленные

россіяне требовали и не нашли тамъ правосудія; но, отмстивъ Польшѣ и взявъ свое, великодушною помощію утвердилъ ея цѣлость и благоденствіе.

Ярославъ наказалъ мятежныхъ новогородцевъ за убіеніе варяговъ такъ, какъ государи не должны наказывать: вѣроломнымъ обманомъ; но, признательный къ ихъ усердію, далъ имъ многія выгоды и права. Князья новогородскіе слѣдующихъ вѣковъ должны были клясться гражданамъ въ точномъ соблюденіи его льготныхъ грамотъ, къ сожалѣнію истребленныхъ временемъ. Знаемъ только, что сей народъ, ссылаясь на оныя, почиталъ себя вольнымъ въ избраніи собственныхъ властителей. Память Ярославова была въ теченіе вѣковъ любезна жителямъ Новагорода, и мѣсто, гдѣ обыкновенно сходился народъ для совѣта, въ самыя позднѣйшія времена именовалось Дворомъ Ярослава.

Сей князь заточилъ брата, обнесеннаго клеветниками, но доказалъ свое добродушіе, простивъ мятежнаго племянника и забывъ, для счастія Россіи, прежнюю вражду князя Тмутороканскаго.

Ярославъ былъ набоженъ до суевѣрія; онъ вырылъ кости Владиміровыхъ братьевъ, умершихъ въ язычествѣ—Олеговы и Ярополковы—крестилъ ихъ и положилъ въ кіевской церкви св. Богородицы. Ревность его къ христіанству соединялась, какъ мы видѣли, съ любовію къ просвѣщенію. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей великій князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти пресвитеровъ и старѣйшинъ, пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ. Загладивъ слѣды Болеславовыхъ опустошеній въ южной Россіи, населивъ плѣнниками область Кіевскую и будучи, подобно Олегу и Владиміру, основателемъ многихъ городовъ новыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы столица его, имъ обновленная, распространенная, могла справедливо называться вторымъ Царемградомъ. Ярославъ любилъ искусства; художники греческіе, имъ призванные въ Россію, украсили храмы живописью и мусіею, донынѣ видимою въ кіевской Софійской церкви. Сія мусія, составленная изъ четвероугольныхъ камешковъ, изображаетъ на златомъ полѣ лица и одежду святыхъ по рисунку весьма несовершенному, но съ удивительною свѣжестію красокъ: работа болѣе трудная, нежели изящная, однакожъ любопытная для знатоковъ искусства.—Благопріятный случай сохранилъ также для насъ серебряную монету княженія Ярославова, на коей представленъ воинъ съ греческою надписью: ὁ Γεώργιος и съ русскою: Ярославле серебро: доказательство, что древняя Россія не только пользовалась чужестранными драгоцѣнными монетами, но имѣла и собственныя. Стараясь о благолѣпіи храмовъ, пріятномъ для глазъ, великій князь желалъ, чтобы и слухъ молящихся находилъ тамъ удоволь-

ствіе: пишутъ, что около половины XI столѣтія выѣхали къ намъ пѣвцы греческіе, научившіе россійскихъ церковниковъ согласному Демественному пѣнію.

Дворъ Ярославовъ, окруженный блескомъ величія, служилъ убѣжищемъ для государей и князей несчастныхъ. Еще прежде Гаральда, супруга Елисаветина, Олофъ Святый, король норвежскій, лишенный трона, требовалъ защиты россійскаго монарха. Ярославъ принялъ его съ особеннымъ дружелюбіемъ и хотѣлъ дать ему въ управленіе знаменитую область въ государствѣ своемъ; но сей король, обольщенный сновидѣніемъ и надеждою побѣдить Канута, завоевателя Норвегіи, выѣхалъ изъ Россіи, оставивъ въ ней юнаго сына своего, Магнуса, который послѣ царствовалъ въ Скандинавіи. Дѣти мужественнаго короля англійскаго, Эдмунда, изгнанные Канутомъ, Эдвинъ и Эдвардъ, также принцъ венгерскій, Андрей (не бывъ еще зятемъ Ярославовымъ), вмѣстѣ съ братомъ своимъ Левентою, искали безопасности въ нашемъ отечествѣ. Ярославъ съ такимъ же великодушіемъ принялъ князя варяжскаго Симона, который, будучи изгнанъ дядею, Якуномъ Слѣпымъ, со многими единоземцами вступилъ въ россійскую службу и сдѣлался первымъ вельможею юнаго Всеволода.

Мы сказали, что Ярославъ не принадлежитъ къ числу завоевателей; однакожъ вѣроятно, что въ его княженіе область новогородская распространилась на востокъ и сѣверъ. Жители Перми, окрестностей печорскихъ, Югра, были уже въ XI вѣкѣ данниками новогородскими (Несторъ зналъ и дикихъ самоѣдовъ, которые обитали къ сѣверу отъ Югры); завоеваніе, столь отдаленное, не могло вдругъ совершиться, и россіянамъ надлежало прежде овладѣть всѣми ближайшими мѣстами Архангельской и Вологодской губерніи, древнимъ отечествомъ народовъ чудскихъ, славнымъ въ сѣверныхъ лѣтописяхъ подъ именемъ Біарміи. Тамъ, на берегахъ Двины, въ началѣ XI вѣка, по сказанію исландцевъ, былъ торговый городъ, гдѣ съѣзжались лѣтомъ купцы скандинавскіе и гдѣ норвежцы, отправленные въ Біармію св. Олофомъ, Ярославовымъ современникомъ, ограбили кладбище и похитили украшеніе финскаго идола Иомалы. Баснословіе ихъ стихотворцевъ о чудесномъ великолѣпіи сего храма и богатствѣ жителей не входитъ въ исторію; но жители Біарміи могли нѣкоторыми произведеніями земли своей: солью, желѣзомъ, мѣхами, торговать съ норвежцами, открывшими въ IX вѣкѣ путь къ устью Двины, и даже съ камскими болгарами, посредствомъ рѣкъ судоходныхъ. Занимаясь рыбною и звѣриною ловлею, огражденные съ одной стороны морями хладными, а съ другой лѣсами дремучими, они спокойно наслаждались независимостію до самаго того времени, какъ смѣлые и предпріимчивые новогородцы сблизились съ ними чрезъ область Бѣлозерскую и

покорили ихъ, въ княженіе Владиміра или Ярослава. Сія земля отъ Бѣлаозера до рѣки Печоры была названа Заволочьемъ и мало-по-малу населена выходцами новогородскими, которые принесли туда съ собою и вѣру христіанскую (по достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствамъ намъ извѣстно, что въ XII вѣкѣ уже существовали монастыри на берегахъ Двины). Скоро отдаленный хребетъ горъ Уральскихъ, идущій отъ Новой Земли къ югу и бывшій нѣсколько времени предметомъ баснословія въ нашемъ отечествѣ, сдѣлался какъ бы границею Россіи и новогородцы нашли способъ получать естественныя, драгоцѣнныя произведенія Сибири чрезъ своихъ югорскихъ данниковъ, которые вымѣнивали оныя у тамошнихъ обитателей на желѣзныя орудія и другія дешевыя вещи.

Наконецъ блестящее и счастливое правленіе Ярослава оставило въ Россіи памятникъ, достойный великаго монарха. Сему князю приписываютъ древнѣйшее собраніе нашихъ гражданскихъ уставовъ, извѣстное подъ именемъ Русской Правды. Еще въ Олегово время россіяне имѣли законы; но Ярославъ, можетъ быть, отмѣнилъ нѣкоторые, исправилъ другіе, и первый издалъ законы письменные на языкѣ славянскомъ. Они, конечно, были государственными или общими, хотя древніе списки ихъ сохранились единственно въ Новѣгородѣ и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя или мѣстныя учрежденія. Сей остатокъ древности, подобный двѣнадцати доскамъ Рима, есть вѣрное зерцало тогдашняго гражданскаго состоянія Россіи и драгоцѣненъ для исторіи: предлагаемъ его здѣсь въ извлеченіи.

ГЛАВА III.

Правда Русская или законы Ярославовы.

Законы уголовные.—Денежныя пени за убійство.—Вира.—Гражданскія степени.—Дикая Вира.—Потокъ.—Пеня за удары.—Дворъ княжескій есть мѣсто суда.—Охраненіе собственности. — Воровство. — Оцѣнка вещей. — Бортные знаки и межевые столпы.—Птицеловство.—Зажигательство.—Сводъ. — Кража людей.—Бѣглые — Кабала. — Долги. — Торговля рабовъ. — Сохраненіе пожитковъ.—Росты.—Улики, оправданія.—Испытаніе желѣзомъ и водою.—Право наслѣдственное. — Судіи присяжные. — Общій характеръ законовъ.—Уставъ о мостовыхъ.—Уставъ церковный.

Главная цѣль общежитія есть личная безопасность и неотъемлемость собственности: уставъ Ярославовъ утверждаетъ ту и другую слѣдующимъ образомъ:

1. „Кто убьетъ человѣка, тому родственники убитаго мстятъ за смерть смертію; а когда не будетъ мстителей, то съ убійцы взыскать деньгами въ казну: за голову боярина княжескаго, тіуна огнищанъ или гражданъ именитыхъ, и тіуна конюшаго, 80 гривенъ или двойную виру; за княжескаго отрока или гридня, повара, конюха, купца, тіуна и мечника боярскаго, за всякаго людина, то-есть свободнаго человѣка, русскаго (варяжскаго племени) или славянина 40 гривенъ или виру, а за убіеніе жены полвиры. За раба нѣтъ виры; но кто убилъ его безвинно, долженъ платить господину такъ называемый урокъ, или цѣну убитаго: за тіуна сельскаго или старосту княжескаго и боярскаго, за ремесленника, дядьку или пѣстуна, и за кормилицу 12 гривенъ, за простого холопа боярскаго и людского 5 гривенъ, за рабу 6 гривенъ, и сверхъ того въ казну 12 гривенъ продажи“, дани или пени.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что россіяне получили свои гражданскіе уставы отъ скандинавовъ. Желая утвердить семейственныя связи, нужныя для безопасности личной въ новыхъ обществахъ, всѣ народы германскіе давали родственникамъ убитаго право лишить жизни убійцу или взять съ него деньги, опредѣляя разныя пени или виры (Wehrgeld) по гражданскому состоянію убитыхъ, ничтожныя въ сравненіи съ нынѣшнею цѣною вещей, но тягостныя по тогдашней рѣдкости денегъ. Законодатели берегли жизнь людей, нужныхъ для государственнаго могущества, и думали, что денежная пеня можетъ отвращать злодѣянія. Дѣти Ярославовы, какъ увидимъ, отмѣнили даже и законную месть родственниковъ.

Сія уголовная статья весьма ясно представляетъ намъ гражданскія степени древней Россіи. Бояре и тіуны княжескіе занимали первую степень. То и другое имя означало знаменитаго чиновника: второе есть скандинавское или древнее нѣмецкое Thaegen, Thiangn, Diakn, мужъ честный, vir probus такъ вообще назывались дворяне англосаксонскіе, иногда дружина государей, графы и проч. Люди военные, придворные, купцы и земледѣльцы свободные принадлежали ко второй степени; къ третьей, или нижайшей, холопи княжескіе, боярскіе и монастырскіе, которые не имѣли никакихъ собственныхъ правъ гражданскихъ. Древнѣйшими рабами въ отечествѣ нашемъ были, конечно, потомки военноплѣнныхъ; но въ сіе время—то-есть въ XI вѣкѣ—уже разныя причины могли отнимать у людей свободу. Законодатель говоритъ, что холопомъ обѣльнымъ, или полнымъ, бываетъ: 1) человѣкъ, купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; 4) кто безъ условія же пойдетъ въ слуги или въ ключники, и 5) закупъ, то-есть наемникъ или на время закабаленный человѣкъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ ходилъ къ

князю или судьямъ искать управы на господина. Но служба не дѣлаетъ вольнаго рабомъ. Наемники могутъ всегда отойти отъ господина, возвративъ ему незаработанныя имъ деньги. Вольный слуга, обманомъ проданный за холопа, совершенно освобождается отъ кабалы, а продавецъ вноситъ въ казну 12 гривенъ пени.

II. „Ежели кто убьетъ человѣка въ ссорѣ или въ пьянствѣ и скроется, то вервь или округа, гдѣ совершилось убійство, платитъ за него пеню“,—которая называлась въ такомъ случаѣ дикою вирою,—но въ разные сроки и въ нѣсколько лѣтъ, для облегченія жителей. За найденное мертвое тѣло человѣка неизвѣстнаго вервь не отвѣтствуетъ. Когда же убійца не скроется, то съ округи или волости взыскать половину виры, а другую—съ самого убійцы. Законъ весьма благоразумный въ тогдашнія времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченнаго виномъ или ссорою, онъ побуждалъ всякаго быть миротворцемъ, чтобы, въ случаѣ убійства, не платить вмѣстѣ съ виновнымъ.—„Ежели убійство сдѣлается безъ всякой ссоры, то волость не платитъ за убійцу, но выдаетъ его на потокъ“—или въ руки государю—„съ женою, съ дѣтьми и съ имѣніемъ“. Уставъ жестокій и несправедливый по нашему образу мыслей; но жена и дѣти отвѣтствовали тогда за вину мужа и родителя, ибо считались его собственностію.

III. „Какъ древніе нѣмецкіе, такъ и Ярославовы законы опредѣляли особенную пеню за всякое дѣйствіе насилія: „за ударъ мечомъ необнаженнымъ, или его рукояткою, тростію, чашею, стаканомъ, пястію 12 гривенъ; за ударъ палицею и жердію 3 гривны, за всякій толчокъ и за рану легкую 3 гривны, а раненому гривну на лѣченье“. Слѣдственно гораздо неизвинительнѣе было ударить голою рукою, легкою чашею или стаканомъ, нежели тяжелою палицею или самымъ острымъ мечомъ. Угадаемъ ли мысль законодателя? Когда человѣкъ въ ссорѣ обнажалъ мечъ, бралъ палицу или жердь, тогда противникъ его, видя опасность, имѣлъ время изготовиться къ оборонѣ или удалиться. Но рукою или домашнимъ сосудомъ можно было ударить незапно; также мечомъ необнаженнымъ и тростію: ибо воинъ обыкновенно носилъ мечъ, и всякій человѣкъ обыкновенно ходилъ съ тростію: то и другое не заставляло остерегаться. Далѣе: „За поврежденіе ноги, руки, глаза, носа виновный платитъ 20 гривенъ въ казну, а самому изувѣченному 10 гривенъ; за выдернутый клокъ бороды 12 гривенъ въ казну; за выбитый зубъ тоже, а самому битому гривну; за отрубленный палецъ 3 гривны въ казну, а раненому гривну. Кто погрозитъ мечомъ, съ того взять гривну пени; кто же вынулъ его для обороны, тотъ не подвергается никакому взысканію, ежели и ранитъ своего противника. Кто самовольно, безъ княже-

скаго повелѣнія, накажетъ огнищанина (именитаго гражданина), „или смерда“ (земледѣльца и простого человѣка), платитъ за перваго 12 гривенъ князю, за второго 3 гривны, а битому гривну въ томъ и другомъ случаѣ. Если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется, а господинъ не выдастъ его, то взыскать съ господина 12 гривенъ. Истецъ же имѣетъ право вездѣ умертвить раба, своего обидчика“. Дѣти Ярославовы, отмѣнивъ сію казнь, дали истцу одно право бить виновнаго холопа, или взять за безчестье гривну.—„Если господинъ въ пьянствѣ и безъ вины тѣлесно накажетъ закупа или слугу наемнаго, то платитъ ему какъ свободному“. Большая часть денежной пени, какъ видимъ, шла обыкновенно въ казну: ибо всякое нарушеніе порядка считалось оскорбленіемъ государя, блюстителя общей безопасности“.

IV. „Когда на дворъ княжескій“,—гдѣ обыкновенно судились дѣла,—„придетъ истецъ окровавленный или въ синихъ пятнахъ, то ему не нужно представлять иного свидѣтельства: а ежели нѣтъ знаковъ, то представляетъ очевидцевъ драки, и виновникъ ея платитъ „60 кунъ“ (см. ниже). „Ежели истецъ будетъ окровавленъ, а свидѣтели покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то ему нѣтъ удовлетворенія“.

Оградивъ личную безопасность, законодатель старался утвердить цѣлость собственности въ гражданской жизни.

V. „Всякій имѣетъ право убить ночного татя на воровствѣ; а кто продержитъ его связаннаго до свѣта, тотъ обязанъ идти съ нимъ на княжескій дворъ. Убіеніе татя, взятаго и связаннаго, есть преступленіе и виновный платитъ въ казну 12 гривенъ. Тать коневый выдается головою князю и теряетъ всѣ права гражданскія, вольность „и собственность“. Столь уважаемъ былъ конь, вѣрный слуга человѣку на войнѣ, въ земледѣліи и въ путешествіяхъ! Древніе саксонскіе законы осуждали на смерть всякаго, кто уведетъ чужую лошадь.—Далѣе: „Съ вора клѣтнаго“, т.-е. домашняго или горничнаго, взыскивается въ казну 3 гривны, съ вора житнаго, который унесетъ хлѣбъ изъ ямы или съ гумна, 3 гривны и 30 кунъ; хозяинъ же беретъ свое жито и еще полгривны съ вора.—Кто украдетъ скотъ въ хлѣвѣ или домѣ, платитъ въ казну три гривны и 30 кунъ, а кто въ полѣ, тотъ „60 кунъ“ (первое считалось важнѣйшимъ преступленіемъ: ибо воръ нарушалъ тогда спокойствіе хозяина): „сверхъ чего за всякую скотину, которая невозвращена лицомъ, хозяинъ беретъ опредѣленную цѣну: за коня княжаго 3 гривны, за простого 2, за кобылу 60 кунъ, за жеребца неѣзжалаго гривну, за жеребенка 6 ногатъ, за вола гривну, за корову 40 кунъ, за трехлѣтняго быка 30 кунъ, за годовика полгривны, за теленка, овцу и свинью 5 кунъ, за барана и поросенка ногату“.

Статья любопытная: ибо она показываетъ тогдашнюю оцѣнку вещей. Въ гривнѣ было 20 ногатъ или 50 рѣзаней, а 2 рѣзани составляли одну куну. Сими именами означались мелкія кожаныя монеты, ходившія въ Россіи и въ Ливоніи.

VI. „За бобра, украденнаго изъ норы, опредѣляется 12 гривенъ пени“. Здѣсь говорится о бобрахъ племянныхъ, съ коими хозяинъ лишался всего возможнаго приплода.—„Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти или другіе признаки воровской ловли, то вервь должна сыскать виновнаго или заплатить пеню“.

VII. „Кто умышленно зарѣжетъ чужого коня или другую скотину, платитъ 12 гривенъ въ казну, а хозяину гривну. Злоба безчестила гражданъ менѣе, нежели воровство: тѣмъ болѣе долженствовали законы обуздывать оную“.

VIII. „Кто стешетъ бортные знаки, или запашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, или срубитъ бортную грань, или дубъ гранный, или межевый столпъ, съ того взять въ казну 12 гривенъ“. Слѣдовательно всякое сельское владѣніе имѣло свои предѣлы, утвержденные гражданскимъ правительствомъ, и знаки ихъ были священны для народа.

IX. „За бортъ ссѣченную виновный даетъ 2 гривны пени въ казну, за дерево полгривны, за выдраніе пчелъ 3 гривны, а хозяину за медъ не лаженнаго улья 10 кунъ, за лаженный 5 кунъ“. Читателю извѣстно, что есть бортное ухожье: дупла служили тогда ульями, а лѣса единственными пчельниками.—„Ежели тать скроется, должно искать его по слѣду, но съ чужими людьми и свидѣтелями. Кто не отведетъ слѣда отъ своего жилища, тотъ виноватъ; но буде слѣдъ кончится у гостиницы, или на пустомъ, незастроенномъ мѣстѣ, то взысканія нѣтъ“.

X. „Кто срубитъ шестъ подъ сѣтію птицелова или отрѣжетъ ея веревки, платитъ 3 гривны въ казну, а птицелову гривну; за украденнаго сокола или ястреба 2 гривны въ казну, а птицелову гривну; за голубя 9 кунъ, за куропатку 9 кунъ, за утку 30 кунъ; за гуся, журавля и лебедя тоже“. Сею чрезмѣрною пенею законодатель хотѣлъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицеловъ въ ихъ промыслѣ.

XI. „За кражу сѣна и дровъ 9 кунъ въ казну, а хозяину за каждый возъ по двѣ ногаты“.

XII. „Воръ за ладію платитъ 60 кунъ въ казну, а хозяину за морскую 3 гривны, за набойную 2 гривны, за стругъ гривну, за челнъ 8 кунъ, если не можетъ лицомъ возвратить украденнаго“. Имя набойная происходитъ отъ досокъ, набиваемыхъ сверхъ краевъ мелкаго судна, для возвышенія боковъ его.

XIII. Зажигатель гумна и дома выдается головою князю со

всѣмъ имѣніемъ, изъ коего надобно прежде вознаградить убытокъ, понесенный хозяиномъ гумна или дома".

XIV. „Ежели обличатся въ воровствѣ холопи княжескіе, бояръ или простыхъ граждан, то съ нихъ не брать въ казну пени (взыскиваемой единственно съ людей свободныхъ); но они должны платить истцу вдвое: напримѣръ, взявъ обратно свою украденную лошадь, истецъ требуетъ еще за оную 2 гривны", разумѣется, съ господина, который обязанъ или выкупить своего холопа, или головою выдать его, вмѣстѣ съ другими участниками сего воровства, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Ежели холопъ, обокравъ его, уйдетъ, то господинъ платитъ за всякую унесенную имъ вещь по цѣнѣ обыкновенной.—За воровство слуги наемнаго господинъ не отвѣтствуетъ; но если внесетъ за него пеню, то беретъ слугу въ рабы или можетъ продать".

XV. „Утративъ одежду, оружіе, хозяинъ долженъ заявить на торгу; опознавъ вещь у горожанина, идетъ съ нимъ на сводъ, то-есть спрашиваетъ, гдѣ онъ взялъ ее? и, переходя такимъ образомъ отъ человѣка къ человѣку, отыскиваетъ дѣйствительнаго вора, который платитъ за вину 3 гривны; а вещь остается въ рукахъ хозяина. Но ежели ссылка пойдетъ на жителей уѣздныхъ, то истцу взять за украденное деньги съ третьяго отвѣтчика, который идетъ съ поличнымъ далѣе, и наконецъ отысканный воръ платитъ за все по закону.—Кто скажетъ, что краденое куплено имъ у человѣка неизвѣстнаго, или жителя иной области, тому надобно представить двухъ свидѣтелей, гражданъ свободныхъ, или мытника (сборщика пошлинъ), чтобы они клятвою утвердили истину словъ его. Въ такомъ случаѣ хозяинъ беретъ свое лицомъ, а купецъ лишается вещи, но можетъ отыскивать продавца".

XVI. „Ежели будетъ украденъ холопъ, то господинъ, опознавъ его, также идетъ съ нимъ на сводъ отъ человѣка къ человѣку, и третій отвѣтчикъ даетъ ему своего холопа, но съ украденнымъ идетъ далѣе. Отысканный виновникъ платитъ всѣ убытки и 12 гривенъ пени князю; а третій отвѣтчикъ беретъ обратно холопа, отданнаго имъ въ залогъ вмѣсто сведеннаго".

XVII. „О бѣгломъ холопѣ господинъ объявляетъ на торгу, и ежели чрезъ три дня опознаетъ его въ чьемъ домѣ, то хозяинъ сего дома, возвративъ укрытаго бѣглеца, платитъ еще въ казну 3 гривны.—Кто бѣглецу дастъ хлѣба, или укажетъ путь, тотъ платитъ господину 5 гривенъ, а за рабу 6, или клянется, что онъ не слыхалъ объ ихъ бѣгствѣ. Кто представитъ ушедшаго холопа, тому даетъ господинъ гривну; а кто упуститъ задержаннаго бѣглеца, платитъ господину 4 гривны, а за рабу 5 гривенъ: въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ—шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглыхъ.—Кто самъ найдетъ своего раба

въ городѣ, тотъ беретъ посадникова отрока и даетъ ему 10 кунъ за связаніе бѣглеца“.

XVIII. „Кто возьметъ чужого холопа въ кабалу, тотъ лишается данныхъ холопу денегъ или долженъ присягнуть, что онъ считалъ его свободнымъ: въ такомъ случаѣ господинъ выкупаетъ раба и беретъ все имѣніе, пріобрѣтенное симъ рабомъ“.

XIX. „Кто, не спросивъ у хозяина, сядетъ на чужого коня, тотъ платитъ въ наказаніе 3 гривны“, то-есть всю цѣну лошади. Сей законъ слово въ слово есть повтореніе древняго ютландскаго, и еще болѣе доказываетъ, что гражданскіе уставы норманов были основаніемъ россійскихъ.

XX. „Ежели наемникъ потеряетъ собственную лошадь, то ему не за что отвѣтствовать, а ежели утратитъ плугъ и борону господскую, то обязанъ платить или доказать, что сіи вещи украдены въ его отсутствіе и что онъ былъ посланъ со двора за господскимъ дѣломъ“. Итакъ, владѣльцы обработывали свои земли не одними холопами, но и людьми наемными.—„Вольный слуга не отвѣтствуетъ за скотину, уведенную изъ хлѣва, но когда растеряетъ оную въ полѣ, или не загонитъ на дворъ, то платитъ.— Ежели господинъ обидитъ слугу и не выдастъ ему полнаго жалованья, то обидчикъ, удовольствовавъ истца, вноситъ 60 кунъ пени; ежели насильственно отнимаетъ у него деньги, то, возвративъ ихъ, платитъ въ казну 3 гривны“.

XXI. „Ежели кто будетъ требовать своихъ денегъ съ должника, а должникъ запрется, то истецъ представляетъ свидѣтелей. Когда они поклянутся въ справедливости его требованія, заимодавецъ беретъ свои деньги и еще 3 гривны въ удовлетвореніе.—Ежели заемъ не свыше трехъ гривенъ, то заимодавецъ одинъ присягаетъ; но большій искъ требуетъ свидѣтелей или безъ нихъ уничтожается“.

XXII. „Если купецъ повѣрилъ деньги купцу для торговли и должникъ начнетъ запираться, то свидѣтелей не спрашивать, но отвѣтчикъ самъ присягаетъ“. Законодатель хотѣлъ, кажется, изъявить въ семъ случаѣ особенную довѣренность къ людямъ торговымъ, которыхъ дѣла бываютъ основаны на чести и вѣрѣ.

XXIII. „Если кто многимъ долженъ, а купецъ иностранный, не зная ничего, повѣритъ ему товаръ, въ такомъ случаѣ продать должника со всѣмъ его имѣніемъ и первыми вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же раздѣлить между прочими заимодавцами; но кто изъ нихъ взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ“.

XXIV. „Ежели чужіе товары или деньги у купца потонутъ, или сгорятъ, или будутъ отняты непріятелемъ, то купецъ не отвѣтствуетъ ни головою, ни вольностію и можетъ разложить платежъ

на сроки: ибо власть Божія и несчастіе не суть вина человѣка. Но если купецъ въ пьянствѣ утратитъ увѣренный ему товаръ, или промотаетъ его, или испортитъ отъ небреженія, то заимодавцы поступятъ съ нимъ какъ имъ угодно: отсрочатъ ли платежъ, или продадутъ должника въ неволю".

XXV. „Если холопъ обманомъ, подъ именемъ вольнаго человѣка, испроситъ у кого деньги, то господинъ его долженъ или заплатить, или отказаться отъ раба; но кто повѣритъ извѣстному холопу, лишается денегъ.—Господинъ, позволивъ рабу торговать, обязанъ платить за него долги".

XXVI. „Если гражданинъ отдастъ свои пожитки на сохраненіе другому, то въ свидѣтеляхъ нѣтъ нужды. Кто будетъ запираться въ принятіи вещей, долженъ утвердить клятвою, что не бралъ ихъ. Тогда правъ онъ: ибо имѣніе повѣряютъ единственно такимъ людямъ, коихъ честь извѣстна; и кто беретъ его на сохраненіе, тотъ оказываетъ услугу".

XXVII. „Кто отдастъ деньги въ ростъ, или медъ и жито въ займы, тому, въ случаѣ спора, представить свидѣтелей и взять все по сдѣланному договору. Мѣсячные росты берутся единственно за малое время, а кто останется должнымъ цѣлый годъ, платитъ уже третные, а не мѣсячные". Мы не знаемъ, въ чемъ состояли тѣ и другіе, основанные на всеобщемъ обыкновеніи тогдашняго времени; но ясно, что послѣдніе были гораздо тягостнѣе, и что законодатель хотѣлъ облегчить судьбу должниковъ. — „Законы позволяютъ брать 10 кунъ съ гривны на годъ", то есть-сорокъ на сто.—Въ земляхъ, гдѣ торговля, художества и промышленность цвѣтутъ изъ давнихъ временъ, деньги теряютъ цѣну отъ своего множества. Въ Голландіи, въ Англіи заимодавцы довольствуются самымъ малымъ прибыткомъ; но въ странахъ, подобно древней Россіи, богатыхъ только грубыми естественными произведеніями, а не монетою — въ странахъ, гдѣ первобытная дикость нравовъ уже смягчается навыками гражданскими; гдѣ новая внутренняя и внѣшняя торговля знакомитъ людей съ выгодами роскоши,— деньги имѣютъ высокую цѣну и лихоимство пользуется ихъ рѣдкостію.

Слѣдуютъ общія постановленія для улики и оправданія:

XXVIII. „Всякій уголовный доносъ требуетъ свидѣтельства и присяги семи человѣкъ; но варягъ и чужестранецъ обязывается представить только двухъ. Когда дѣло идетъ единовременно о побояхъ легкихъ, то нужны вообще два свидѣтеля; но чужестранца никогда нельзя обвинить безъ семи". Итакъ, древніе наши законы особенно покровительствовали иноземцамъ.

XXIX. „Свидѣтели должны быть всегда граждане свободные; только по нуждѣ и въ маломъ искѣ дозволено сослаться на тіуна

боярскаго, или закабаленнаго слугу". (Слѣдственно боярскіе тіуны не были свободные люди, хотя жизнь ихъ, какъ означено въ первой статьѣ, цѣнилась равно съ жизнью вольныхъ гражданъ).— „Но истецъ можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба и требовать, чтобы отвѣтчикъ оправдался испытаніемъ желѣза. Если послѣдній окажется виновнымъ, то платитъ искъ; если оправдается, то истецъ даетъ ему за муку гривну и въ казну 40 кунъ, мечнику 5 кунъ, княжескому отроку полгривны (что называется желѣзною пошлиною). Когда же отвѣтчикъ вызванъ на сіе испытаніе по неясному свидѣтельству людей свободныхъ, то, оправдавъ себя, не беретъ ничего съ исца, который платитъ единственно пошлину въ казну.—Не имѣя никакихъ свидѣтелей, самъ истецъ доказываетъ правость свою желѣзомъ: чѣмъ рѣшить всякія тяжбы въ убійствѣ, воровствѣ и поклепѣ, ежели искъ стоитъ полугривны золота; а ежели менѣе, то испытывать водою; въ двухъ же гривнахъ и менѣе достаточна одна истцова присяга".

Законы суть дополненія лѣтописей; безъ Ярославовой Правды мы не знали бы, что древніе россіяне, подобно другимъ народамъ, употребляли желѣзо и воду для изобличенія преступниковъ: обыкновеніе безразсудное и жестокое, славное въ исторіи среднихъ вѣковъ подъ именемъ суда небеснаго. Обвиняемый бралъ въ голую руку желѣзо раскаленное, или вынималъ ею кольцо изъ кипятка; послѣ чего судьямъ надлежало обвязать и запечатать оную. Ежели черезъ три дня не оставалось язвы или знака на ея кожѣ, то невинность была доказана. Умъ здравый и самая вѣра истанная долго не могли истребить устава языческихъ временъ, и христіанскіе пастыри торжественно освящали желѣзо и воду для испытанія добродѣтели или злодѣйства не только простыхъ гражданъ, но и самыхъ государей, въ случаѣ клеветы или важнаго подозрѣнія. Народъ думалъ, что Богу легко сдѣлать чудо для спасенія невиннаго, но хитрость судей пристрастныхъ могла обманывать зрителей и спасать виновныхъ.

Древнѣйшіе законы всѣхъ народовъ были уголовные; но Ярославовы опредѣляютъ и важныя права наслѣдственности.

XXX. „Когда простолюдинъ умретъ бездѣтенъ, то все его имѣніе взять въ казну; буде остались дочери незамужнія, то имъ дать нѣкоторую часть онаго. Но князь не можетъ наслѣдовать послѣ бояръ и мужей, составляющихъ воинскую дружину: если они не имѣютъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери". Но когда не было и послѣднихъ? родственники ли брали имѣніе или князь?.. Здѣсь видимъ законное, важное преимущество чиновниковъ воинскихъ.

XXXI. „Завѣщаніе умершаго исполняется въ точности. Буде онъ не изъявилъ воли своей, въ такомъ случаѣ отдать все дѣтямъ, а часть въ церковь для спасенія его души. Дворъ отцовскій всегда

безъ раздѣла принадлежитъ меньшому сыну“, какъ юнѣйшему и менѣе другихъ способному наживать доходъ.

XXXII. „Вдова беретъ, что назначилъ ей мужъ: впрочемъ, она не есть наслѣдница. Дѣти первой жены наслѣдуютъ ея достоянія или вѣрно, назначенное отцомъ для ихъ матери. Сестра ничего не имѣетъ, кромѣ добровольнаго приданаго отъ своихъ братьевъ“.

XXXIII. „Если жена, давъ слово остаться вдовою, проживетъ имѣніе и выйдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Но дѣти не могли согнать вдовствующей матери со двора, или отнять. что отдано ей супругомъ. Она властна избрать себѣ одного наслѣдника изъ дѣтей или дать всѣмъ равную часть. Ежели мать умретъ безъ языка, или безъ завѣщанія, то сынъ или дочь, у коихъ она жила, наслѣдуютъ все ея достояніе“.

XXXIV. „Если будутъ дѣти разныхъ отцовъ, но одной матери, то каждый сынъ беретъ отцовское. Если второй мужъ расхитилъ имѣніе перваго и самъ умеръ, то дѣти его возвращаютъ оное дѣтямъ перваго, согласно съ показаніемъ свидѣтелей“.

XXXV. „Если братья станутъ тягаться о наслѣдіи предъ княземъ, то отрокъ княжескій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну за трудъ“.

XXXVI. „Ежели останутся дѣти малолѣтнія, а мать выдетъ замужъ, то отдать ихъ при свидѣтеляхъ на руки ближнему родственнику съ имѣніемъ и съ домомъ; а что сей опекунъ присовокупитъ къ оному, то возьметъ себѣ за трудъ и попеченіе о малолѣтнихъ; но приплодъ отъ рабовъ и скота остается дѣтямъ. За все утраченное платитъ опекунъ, коимъ можетъ быть и самъ вотчимъ“.

XXXVII. „Дѣти, прижытыя съ рабою, не участвуютъ въ наслѣдіи, но получаютъ свободу и съ матерью“.

Главою правосудія вообще былъ князь, а дворъ княжескій обыкновеннымъ мѣстомъ суда. Но государь поручилъ сію власть тіунамъ и своимъ отрокамъ. — Чиновники, которымъ надлежало рѣшить уголовныя дѣла, назывались вирниками, и каждый судья имѣлъ помощника или отрока, мѣтельника или писца. Они брали запасъ отъ гражданъ и пошлину съ каждаго дѣла. Вирнику и исцу его для объѣзда волости давали лошадей.

Въ одномъ изъ новогородскихъ списковъ Ярославовой Правды сказано, что истецъ во всякой тяжбѣ долженъ идти съ отвѣтчикомъ на изводъ передъ 12 гражданъ, можетъ быть, присяжныхъ, которые разбирали обстоятельства дѣла по совѣсти, оставляя судьѣ опредѣлить наказаніе и взыскать пеню. Такъ было и въ Скандинавіи, откула сей мудрый уставъ перешелъ въ Великобританію. Англичане наблюдаютъ его донынѣ въ дѣлахъ уголовныхъ. Саксонъ Грамматикъ повѣствуетъ, что въ VIII вѣкѣ Рагнаръ Лод-

брокъ, король датскій, первый учредилъ думу двѣнадцати присяжныхъ.

Такимъ образомъ уставъ Ярославовъ содержитъ въ себѣ полную систему нашего древняго законодательства, сообразную съ тогдашними нравами. Въ немъ не упоминается о нѣкоторыхъ возможныхъ злодѣяніяхъ, напримѣръ: о смертной отравѣ (какъ въ XII вѣкахъ Рима), о насиліи женщинъ (и проч.): для того ли, что первое было необыкновенно въ Россіи, а второе казалось законодателю сомнительнымъ и неяснымъ въ доказательствахъ? Не упоминается также о многихъ условіяхъ и сдѣлкахъ, весьма обыкновенныхъ въ самомъ началѣ гражданскихъ обществъ; но взаимная польза быть вѣрнымъ въ словѣ и честь служили вмѣсто законовъ.

Примѣтимъ, что древніе свободные россіяне не терпѣли никакихъ тѣлесныхъ наказаній: виновный платилъ или жизнію, или вольностію, или деньгами и скажемъ о сихъ законахъ то же, что Монтескье говоритъ вообще о германскихъ: они изъявляютъ какое-то удивительное простосердечіе; кратки, грубы, но достойны людей твердыхъ и великодушныхъ, которые боялись рабства болѣе, нежели смерти.

Предложимъ еще одно замѣчаніе: германцы, овладѣвъ Европою, не давали всѣхъ гражданскихъ правъ своихъ народамъ покореннымъ: такъ, по уставу Салическому, за убіеніе франка надлежало платить 200 су, и вдвое менѣе за убіеніе римлянина. Но законы Ярославовы не полагаютъ никакого различія между россіянами варяжскаго племени и славянами; симъ обстоятельствомъ можно утвердить вѣроятность Несторова сказанія, что князья варяжскіе не завоевали нашего отечества, но были избраны славянами управлять государствомъ.

Ярославу же приписываютъ древній уставъ новогородскій о мостовыхъ, по коему знаемъ, что сей городъ, тогда уже весьма обширный, раздѣлялся на части или концы (Словенскій, Неревскій, Горничскій, Людинъ, Плотинскій), а жители на сотни, означаемыя именами ихъ старѣйшинъ; что одна улица называлась Добрыниною (въ память сего знаменитаго воеводы и дяди Владимірова), а главный рядъ Великимъ рядомъ; что нѣмцы или варяги, готы или готланцы, привлеченные въ Новгородъ торговлею, жили въ особенныхъ улицахъ, и проч.—Но такъ называемый церковный уставъ Яровлавовъ, о коемъ упоминаютъ новѣйшіе лѣтописцы и коего имѣемъ разные списки, есть, безъ сомнѣнія, подложный, сочиненный около XIV столѣтія. Подобно уставу Владимірову, онъ даетъ епископамъ исключительное право судить оскорбленіе женскаго цѣломудрія, всякія обиды, дѣлаемыя слабому полу, разводъ, кровосмѣшеніе, ссоры дѣтей съ родителями, зажи-

гательство, воровство, драки и проч. Сей уставъ не согласенъ съ Русскою Правдою и, кромѣ нелѣпостей, содержитъ въ себѣ выраженія и слова новѣйшихъ временъ; напримѣръ, опредѣляетъ пени рублями, еще неупотребительными въ денежномъ счетѣ временъ Ярославовыхъ.

ГЛАВА IV.

Великій князь Ярославъ, названный въ крещеніи Дмитріемъ.

Г. 1054—1077.

Удѣлы.—Побѣды надъ голядами и торками.—Половцы.—Ужасныя чудеса.—Освобожденіе Судислава.—Междоусобія.—Пораженіе россіянъ на берегахъ Альты.—Мятежъ въ Кіевѣ.—Бѣгство великаго князя.—Разбитіе половцевъ.—Кіевляне хотятъ бѣжать въ Грецію.—Изяславъ возвращается съ поляками.—Кіевъ новая Капуя.—Война съ полоцкимъ княземъ.—Перенесеніе мощей Бориса и Глѣба.—Новое бѣгство великаго князя.—Изяславъ у нѣмецкаго императора.—Посольство Генрика IV въ Кіевъ.—Письмо папы къ Изяславу.—Россіяне въ Силезіи.—Возвращеніе Изяслава.—Междоусобіе.—Смерть великаго князя.—Свойства его.—Уничтоженіе смертной казни.—Монастырь Кіево-печерскій.—Россіяне служатъ въ Греціи.—Зависимость нашей церкви отъ греческой.—Переписка съ патріархами.—Пророки и волшебники.

Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе. Основанная, возвеличенная единовластіемъ, она утратила силу, блескъ и гражданское счастіе, будучи снова раздробленною на малыя области. Владиміръ исправилъ ошибку Святослава, Ярославъ Владимірову: наслѣдники ихъ не могли воспользоваться симъ примѣромъ, не умѣли соединить частей въ цѣлое, и государство, шагнувъ, такъ сказатъ, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехсотъ лѣтъ. Историкъ чужеземный не могъ бы съ удовольствіемъ писать о сихъ временахъ, скудныхъ дѣлами славы и богатыхъ ничтожными распрями многочисленныхъ властителей, коихъ тѣни, обагренныя кровію бѣдныхъ подданныхъ, мелькаютъ передъ его глазами въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Но Россія намъ отечество: ея судьба и въ славѣ, и въ уничиженіи равно для насъ достопамятна. Мы хотимъ обозрѣть весь путь государства Россійскаго отъ начала до нынѣшней степени онаго. Увидимъ толпу князей недостойныхъ и слабыхъ, но среди ихъ увидмъ и героевъ добродѣтели, сильныхъ мышцею и душою. Въ темной

картинѣ междоусобія, неустройствъ, бѣдствій являются также яркія черты ума народнаго, свойства нравовъ, драгоцѣнныя своею древностію. Однимъ словомъ, исторія предковъ всегда любопытна для того, кто достоинъ имѣть отечество.

Дѣти Ярославовы, исполняя его завѣщаніе, раздѣлили по себѣ государство. Область Изяслава, сверхъ Новагорода, простиралась отъ Кіева на югъ и западъ до горъ Карпатскихъ, Польши и

ИЗАСЛАВЪ I. ЯРОС-ЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

Литвы. Князь Черниговскій взялъ еще отдаленный Тмуторокань, Рязань, Муромъ и страну вятичей; Всеволодъ, кромѣ Переяславля, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволожье, или берега Волги. Смоленская область заключала въ себѣ нынѣшнюю губернію сего имени съ нѣкоторою частью Витебской, Псковской, Калужской и Московской. Пятый сынъ Ярославовъ, Игорь, получилъ отъ стар-

шаго брата, въ частный удѣлъ, городъ Владиміръ. Князь полоцкій, внукъ славной Рогнѣды, Брячиславъ, умеръ еще въ 1044 году: сынъ его, Всеславъ, наслѣдовалъ удѣлъ отца—и Россія имѣла тогда шесть юныхъ государей.

Счастливая внутренняя тишина царствовала около десяти лѣтъ: россіяне вооружались только противъ внѣшнихъ непріятелей. Изяславъ побѣдилъ голядовъ, жителей, какъ вѣроятно, прусской Галиндіи, народъ латышскій; а Всеволодъ торковъ, восточныхъ сосѣдовъ Переяславской области, которые, услышавъ, что великій князь вмѣстѣ съ Черниговскимъ и Полоцкимъ идетъ на нихъ сухимъ путемъ и водою, удалились отъ предѣловъ Россіи: жестокая зима, голодъ и моръ истребили большую часть сего народа.— Но отечество наше, избавленное отъ торковъ, съ ужасомъ видѣло приближеніе иныхъ варваровъ, дотолѣ неизвѣстныхъ въ исторіи міра.

Еще въ 1055 году половцы, или команы, входили въ область Переяславскую: тогда князь ихъ, Болутъ, заключилъ миръ со Всеволодомъ. Сей народъ, кочующій, единоплеменный съ печенѣгами и, вѣроятно, съ нынѣшними киргизами, обиталъ въ степяхъ азіатскихъ, близъ моря Каспійскаго; вытѣснилъ узовъ (именуемыхъ, какъ вѣроятно, торками въ нашей лѣтописи); принудилъ многихъ изъ нихъ бѣжать къ Дунаю (гдѣ они частію погибли отъ язвы, частію поддалися грекамъ); изгналъ, кажется, печенѣговъ изъ нынѣшней юго-восточной Россіи и занялъ берега Чернаго моря до Молдавіи, ужасая всѣ государства сосѣдственныя: Греческую имперію, Венгрію и другія.—О нравахъ его говорятъ лѣтописцы съ омерзѣніемъ: грабежъ и кровопролитіе служили ему забавою, шатры всегдашнимъ жилищемъ, кобылье молоко, сырое мясо, кровь животныхъ и стерво обыкновенною пищею.— Миръ съ такими варварами могъ быть только опаснымъ перемиріемъ; и въ 1061 году половцы, не имѣя терпѣнія дождаться лѣта, съ княземъ своимъ Сѣкаломъ зимою ворвались въ области Россійскія, побѣдили Всеволода и съ добычею возвратились къ Дону.

Съ сего времени начинаются бѣдствія Россіи, и лѣтописецъ сказываетъ, что небо предвѣстило ихъ многими ужасными чудесами; что рѣка Волховъ шла вверхъ пять дней; что кровавая звѣзда цѣлую недѣлю являлась на западѣ; солнце утратило свое обыкновенное сіяніе и восходило безъ лучей, подобно мѣсяцу; что рыболовы кіевскіе извлекли въ неводѣ какого-то удивительнаго мертваго урода, брошеннаго въ Днѣпръ. Сіи сказки достойны нѣкотораго замѣчанія, изъявляя страшное впечатлѣніе, оставленное въ умѣ современниковъ тогдашними несчастіями государства. „Небо правосудно!“ —говоритъ Несторъ: — „оно наказываетъ рос-

сіянъ за ихъ беззаконія. Мы именуемся христіанами, а живемъ какъ язычники; храмы пусты, а на игрищахъ толпятся люди; въ храмахъ безмолвіе, а въ домахъ трубы, гусли и скоморохи".— Сія укоризна, безъ сомнѣнія, не исправила современниковъ, но осталась для потомства любопытнымъ извѣстіемъ о тогдашнихъ нравахъ.

Дѣти Ярославовы еще не нарушали завѣщанія родительскаго и жили дружно. Изяславъ считалъ себя болѣе равнымъ, нежели государемъ братьевъ своихъ: такъ они, по смерти Вячеслава въ 1057 году, съ общаго согласія отдали Смоленскъ Игорю (черезъ два года потомъ умершему), и, вспомнивъ о заточенномъ дядѣ Судиславѣ, возвратили ему свободу. Сей несчастный сынъ Великаго Владиміра, двадцать четыре года сидѣвъ въ темницѣ, клятвенно отказался отъ всякихъ требованій властолюбія, даже отъ самаго свѣта, постригся и кончилъ жизнь въ кіевскомъ монастырѣ св. Георгія.

Первымъ поводомъ къ междоусобію было отдаленное княжество Тмутороканское. Владиміръ Ярославовичъ оставилъ сына, Ростислава, который, не имѣя никакого удѣла, жилъ праздно въ Новѣгородѣ. Будучи отваженъ и славолюбивъ, онъ подговорилъ съ собою нѣкоторыхъ молодыхъ людей; вмѣстѣ съ Вышатою, сыномъ новогородскаго Изяславова посадника, Остромира, ушелъ въ Тмуторокань и выгналъ юнаго князя Глѣба Святославовича, который управлялъ сею Азовскою областію. Святославъ спѣшилъ туда съ войкомъ: племянникъ его, уважая дядю, отдалъ ему городъ безъ сопротивленія; но когда черниговскій князь удалился, Ростиславъ снова овладѣлъ Тмутороканемъ. Скоро народы горскіе, касоги и другіе, должны были признать себя данниками юнаго героя, такъ что его славолюбіе и счастіе устрашили грековъ, которые господствовали въ Тавридѣ: они подослали къ сему князю своего знатнаго чиновника, катапана или префекта, умѣвшаго вкрасться къ нему въ довѣренность; и въ то время, какъ Ростиславъ, угощая мнимаго друга, пилъ съ нимъ вино, катапанъ, имѣя подъ ногтемъ скрытый ядъ, впустилъ его въ чашу, отравилъ князя, уѣхалъ въ Херсонъ и торжественно объявилъ жителямъ, что завоеватель тмутороканскій умретъ въ седьмой день. Предсказаніе исполнилось; но херсонцы, гнушаясь такимъ коварствомъ, убили сего злодѣя камнями.—Безвременная кончина мужественнаго Ростислава, отца трехъ сыновей, была въ тогдашнихъ обстоятельствахъ несчастіе для Россіи: онъ могъ бы лучше другихъ защитить отечество и сохранить, по крайней мѣрѣ, воинскую его славу. Несторъ описываетъ сего юношу, прекраснаго и благовиднаго, не только храбрымъ въ битвахъ, но и добрымъ, чувствительнымъ, великодушнымъ,

Святославъ не могъ вторично смирить племянника своего, Ростислава для того, что въ государствѣ явился новый непріятель: князь полоцкій. Сей правнукъ Рогнѣдинъ ненавидѣлъ дядей Ярославовыхъ и считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ престола великокняжескаго: ибо дѣдъ его, Изяславъ, былъ старшимъ сыномъ св. Владиміра. Современный лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая сію жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой симъ княземъ для закрытія природной на головѣ язвины. Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ, неожиданно завоевалъ Новгородъ; плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорленные такою наглостію, Ярославичи соединили силы свои и, несмотря на жестокую зиму, осадили Минскъ въ княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелями на берегахъ Нѣмана, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество россіянъ съ обѣихъ сторонъ легло на мѣстѣ. Великій князь побѣдилъ; но, еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ мирные переговоры и звалъ его къ себѣ. Всеславъ, повѣривъ клятвѣ Ярославичей, что они не сдѣлаютъ ему никакого зла, переѣхалъ Днѣпръ на лодкѣ, близъ Смоленска. Великій князь встрѣтилъ его, ввелъ въ шатеръ свой и отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу.

Провидѣніе наказало вѣроломныхъ: тамъ, гдѣ отецъ ихъ одержалъ славную побѣду надъ Святополкомъ и печенѣгами, на берегахъ Альты, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Изяславъ и братья его въ ночномъ сраженіи были на голову разбиты свирѣпыми половцами. Великій князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ — въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ половцами. Великій князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе — на дворъ княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервенѣніе черни, совѣтовали великому князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики, дѣйствительно, освободили полоцкаго князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объ-

явилъ Всеслава государемъ своимъ и разграбилъ домъ княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ.

Изяславъ удалился въ Польшу; но его братья спокойно княжили въ своихъ удѣлахъ, а племянникъ Глѣбъ въ области Воспорской, будучи снова призванъ ея жителями. Князь черниговскій имѣлъ случай отомстить половцамъ, которые жгли и грабили въ его области. Предводительствуя малочисленною конною дружиною, онъ вступилъ съ ними въ битву: 3.000 россіянъ, ободренныхъ примѣромъ и словами князя, стремительно ударили на 12.000 половцевъ, смяли ихъ и плѣнили вождя непріятельскаго; множество варваровъ утонуло въ рѣкѣ Сновѣ. Черниговцы вспомнили великодушную храбрость отцовъ своихъ, пріученныхъ къ побѣдѣ Мстиславомъ, знаменитымъ сыномъ Владиміра Великаго.

Король польскій, Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ княжны россійской, принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева, но, устрашенный силою поляковъ и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на вѣче и немедленно отправили пословъ къ Святославу и Всеволоду объявить имъ, что кіевляне, изгнавъ государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу и прибѣгаютъ въ сей крайности къ великодушію достойныхъ сыновъ Ярослава и отечества. „Врата Кіева для васъ отверсты“, говорили послы: — „идите спасти градъ великаго отца своего; а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю греческую“. Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили покорность Изяславу. „Когда братъ мой“, сказалъ черниговскій князь, — „войдетъ въ городъ мирно и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву ляхамъ, то мы готовы мечомъ отразить Изяслава, какъ непріятеля“. Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ. Великій князь, давъ слово быть милосердымъ, послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ, какъ звѣрь, свирѣпствовать въ

столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеволода; другихъ ослѣпилъ и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія. Граждане не смѣли жаловаться и съ покорностію встрѣтили Изяслава, въѣхавшаго въ столицу съ Болеславомъ и съ малымъ числомъ поляковъ.

Историки польскіе говорятъ, что великій князь, обязанный королю счастливою перемѣною судьбы своей, взялся содержать его войско, давалъ ему съѣстные припасы, одежду и жалованье; что Болеславъ, плѣненный красотою мѣста, роскошными пріятностями Кіева и любезностію россіянокъ, едва могъ выйти изъ сей новой Капуи; что онъ, на возвратномъ пути, въ Червенской области или Галиціи, осаждалъ Перемышль, который, будучи весьма укрѣпленъ искусствомъ, каменными стѣнами и башнями, долгое время оборонялся. Ежели сіе обстоятельство справедливо, то Болеславъ вышелъ изъ Россіи непріятелемъ: что же могло вооружить его противъ великаго князя? Сказаніе Нестора служитъ объясненіемъ: россіяне, ненавидя поляковъ, тайно убивали ихъ, и король, устрашенный сею народною местію, подобно его знаменитому прадѣду, Болеславу I, спѣшилъ оставить наше отечество.

Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова государь кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города: осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, великій князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взялъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ удѣлъ Мстиславу, по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичъ, переведенный туда отцомъ изъ Тмуторокани. Ненавидя полоцкаго князя, новогородцы сразились отчаянно, разбили его и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ. Сія война кончилась ничѣмъ: ибо дѣятельный Всеславъ умѣлъ снова овладѣть своею наслѣдственною областію, и хотя былъ еще побѣжденъ Ярополкомъ, третьимъ сыномъ великаго князя, однакожъ удержалъ за собою Полоцкъ. — Между тѣмъ бѣдное отечество стенало отъ внѣшнихъ непріятелей; требовало защитниковъ и не находило ихъ: половцы свободно грабили на берегахъ Десны.

Союзъ Ярославичей казался неразрывнымъ. Изяславъ, соорудивъ новую церковь въ Вышегородѣ, управляемомъ тогда вельможею Чудинымъ, вздумалъ поставить въ ней гробы Бориса и Глѣба и призвалъ своихъ братьевъ на сіе торжество. Оно совер-

шилось въ присутствіи знаменитѣйшаго духовенства, бояръ и народа, 2 мая, день, въ который великій князь, за три года передъ тѣмъ, вступилъ съ Болеславомъ въ Кіевъ. Сами Ярославичи несли раку Борисову, и митрополитъ Георгій призналъ святость россійскихъ мучениковъ, къ удовольствію государя и народа. Духовное празднество заключилось веселымъ пиромъ: три князя обѣдали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ своими боярами, и разъѣхались друзьями.

Сія дружба скоро обратилась въ злобу. Святославъ, желая большей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ княземъ полоцкимъ. Они вооружились, и несчастный Изяславъ вторично бѣжалъ въ Польшу, надѣясь, что великія сокровища, увезенныя имъ изъ Кіева, доставятъ ему сильныхъ помощниковъ внѣ государства. Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища и (по словамъ лѣтописца) указалъ ему путь отъ себя. Горестный изгнанникъ отправился къ нѣмецкому императору, Генрику VI; былъ ему представленъ въ Маинцѣ саксонскимъ маркграфомъ Деди; поднесъ въ даръ множество серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ, также мѣховъ драгоцѣнныхъ и требовалъ его заступленія, обѣщая, какъ говорятъ нѣмецкіе лѣтописцы, признать себя данникомъ имперіи. Юный и храбрый Генрикъ, готовимый судьбою къ бѣдствіямъ, гораздо ужаснѣйшимъ Изяславовыхъ, не отказался быть защитникомъ угнетеннаго. Окруженный въ собственномъ государствѣ измѣнниками и непріятелями, онъ послалъ въ Кіевъ Бурхарда, трирскаго духовнаго чиновника, брата Оды, шурина Вячеславова, какъ вѣроятно, и велѣлъ объявить князьямъ россійскимъ, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, несмотря на отдаленность, мужественное войско нѣмецкое смиритъ хищниковъ. Въ Кіевѣ господствовалъ тогда Святославъ, придавъ, можетъ быть, Всеволоду нѣкоторые изъ южныхъ городовъ: онъ дружелюбно угостилъ пословъ императорскихъ и старался увѣрить ихъ въ своей справедливости. Несторъ пишетъ, что сей князь, подобно іудейскому царю Езекіи, величался предъ нѣмцами богатствомъ казны своей, и что они, видя множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ паволокъ, благоразумно сказали: государь, мертвое богатство есть ничто въ сравненіи съ мужествомъ и великодушіемъ. „Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ“, прибавляетъ Несторъ; „по смерти Святослава исчезли какъ прахъ всѣ его сокровища“.—Бурхардъ возвратился къ императору съ дарами, которые удивили Германію. „Никогда“, говоритъ современный нѣмецкій лѣтописецъ, — „не видали мы столько золота, серебра и богатыхъ тканей“. Генрикъ, обезоруженный щедростію Святослава и не имѣя, впрочемъ, ни-

какого способа воевать съ россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ.

Изяславъ обратился къ папѣ, славному въ исторіи Григорію VII, хотѣвшему быть главою всеобщей монархіи или царемъ царей, и послалъ въ Римъ сына своего. Жертвуя властолюбіемъ и православіемъ Восточной церкви и достоинствомъ государя независимаго, онъ признавалъ не только духовную, но и мірскую власть папы надъ Россіею; требовалъ его защиты и жаловался ему на короля польскаго. Григорій отправилъ пословъ къ великому князю и къ Болеславу, написавъ къ первому слѣдующее:

„Григорій епископъ, слуга слугъ Божіихъ, Димитрію, князю россіянъ (Regi Russorum), и княгинѣ, супругѣ его, желаетъ здравія и посылаетъ апостольское благословеніе.

„Сынъ вашъ, посѣтивъ святыя мѣста Рима, смиренно молилъ насъ, чтобы мы властію св. Петра утвердили его на княженіи, и далъ присягу быть вѣрнымъ главѣ апостоловъ. Мы исполнили сію благую волю — согласную съ вашею, какъ онъ свидѣтельствуетъ—поручили ему кормило государства Россійскаго именемъ верховнаго апостола съ тѣмъ намѣреніемъ и желаніемъ, чтобы св. Петръ сохранилъ ваше здравіе, княженіе и благое достояніе до кончины живота и сдѣлалъ васъ нѣкогда сопричастниками славы вѣчныя. Желая также изъявить готовность къ дальнѣйшимъ услугамъ, довѣряемъ симъ посламъ—изъ коихъ одинъ вамъ извѣстенъ и другъ вѣрный—изустно переговорить съ вами о всемъ, что есть и чего нѣтъ въ письмѣ. Пріимите ихъ съ любовію, какъ пословъ св. Петра; благосклонно выслушайте и несомнѣнно вѣрьте тому, что они предложатъ вамъ отъ имени нашего и проч. Всемогущій Богъ да озаритъ сердца ваши и да преведетъ васъ отъ благъ временныхъ къ славѣ вѣчной. Писано въ Римѣ, 15 мая, Индикта XIII (то-есть 1075 года“).

Такимъ образомъ Изяславъ, самъ не имѣя тогда власти надъ Россіею, далъ поводъ надменному Григорію причислить сію державу ко мнимымъ владѣніямъ св. Петра, зависящимъ отъ мнимаго апостольскаго намѣстника!.. Въ письмѣ къ Болеславу говоритъ папа: „Беззаконно присвоивъ себѣ казну государя Россійскаго, ты нарушилъ добродѣтель христіанскую. Молю и заклинаю тебя именемъ Божіимъ отдать ему все взятое тобою или твоими людьми: ибо хищники не внидутъ въ царствіе небесное, ежели не возвратятъ похищеннаго“.

Заступленіе гордаго папы едва ли имѣло какое-нибудь дѣйствіе, и въ слѣдующемъ году юные князья россійскіе, Владиміръ Мономахъ и Олегъ—первый Всеволодъ, а вторый Святославовъ сынъ, заключивъ союзъ съ поляками, ходили съ войскомъ въ Силезію помогать Болеславу противъ герцога Богемскаго. По ско-

ро обстоятельства, къ счастію Изяславову, перемѣнились. Главный врагъ его, Святославъ, умеръ отъ разрѣзанія какой-то затвердѣлости или опухоли. Тогда изгнанникъ ободрился: собралъ нѣсколько тысячъ поляковъ и вступилъ въ Россію. Добродушный Всеволодъ встрѣтилъ его въ Волыніи и вмѣсто битвы предложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями, и старшій въѣхалъ въ Кіевъ государемъ, уступивъ меньшому княженіе Черниговское, а сыну его, Владиміру, Смоленскъ.

Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего, Всеслава, они хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Романъ-Святославовичъ княжилъ въ Воспорской области: сынъ Вячеславовъ, Борисъ, въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣвъ Черниговомъ; но, предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмуторокань къ Роману. Князь новогородскій, Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію, погибъ тогда въ отдаленномъ Заволочьѣ: Изяславъ отдалъ его княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославовичъ господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ. Князь полоцкій довольствовался независимостію и наслѣдственнымъ удѣломъ; Ярославичи объявили ему войну. Всеволодъ ходилъ къ его столицѣ и ничего болѣе не сдѣлалъ. Въ слѣдующій годъ Владиміръ Мономахъ и Святополкъ выжгли только ея предмѣстіе; но Мономахъ возвратился къ отцу съ богатою добычею, далъ ему и печальному Олегу роскошный обѣдъ на красномъ дворѣ въ Черниговѣ и поднесъ Всеволоду въ даръ нѣсколько фунтовъ золота.

Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства: бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславовичемъ, искать счастія оружіемъ. Нанявъ половцевъ, они вошли въ предѣлы Черниговскаго княженія и разбили Всеволода. Многіе знаменитые бояре лишились тутъ жизни. Побѣдители взяли Черниговъ и думали, что все государство должно признать власть ихъ; а несчастный Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ обнялъ его съ нѣжностію и сказалъ ему сіи достопамятныя слова: „Утѣшься, горестный братъ, и вспомни, что было со мною въ жизни! Отверженный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ, лишенный престола и всего законнаго достоянія, могъ ли я чѣмъ-нибудь укорить

себя? Вторично изгнанный братьями единокровными — и за что? свидѣтельствуюсь Богомъ въ моей невинности — я скитался въ земляхъ чуждыхъ; искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По крайней мѣрѣ ты имѣешь друга. Если намъ княжить въ землѣ Русской, то обоимъ; если быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я положу за тебя свою голову“.. Онъ немедленно собралъ войско. Мужественный Владимiръ спѣшилъ также изъ Смоленска къ отцу своему и едва могъ пробиться сквозь многочисленныя толпы половцевъ. Великій князь, Всеволодъ, Ярополкъ и Мономахъ соединенными силами обступили Черниговъ. Олегъ и Борисъ находились въ отсутствіи; но граждане хотѣли обороняться. Владимiръ взялъ приступомъ внѣшнія укрѣпленія и стѣснилъ осажденныхъ внутри города. Узнавъ, что племянники идутъ съ войскомъ къ Чернигову, Изяславъ встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ князей и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: „Останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними“ — сразился близъ Чернигова и заплатилъ жизнью за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо, великій князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмуторокань. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи· на берегу жители кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные ожидали его со слезами, вопль народный (какъ говоритъ лѣтописецъ) заглушалъ священное пѣніе. Ярополкъ съ княжескою дружиною шелъ за трупомъ, оплакивая несчастную судьбу и добродѣтели отца своего.—Положенное въ мраморную раку, тѣло великаго князя было предано землѣ въ храмѣ Богоматери, гдѣ стоялъ памятникъ св. Владиміра.

Несторъ пишетъ, что Изяславъ, пріятный лицомъ и величественный станомъ, не менѣе украшался и тихимъ нравомъ, любилъ правду, ненавидѣлъ криводушіе; что онъ истинно простилъ мятежныхъ кіевлянъ и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ Мстиславовыхъ; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему великое княженіе, и забылъ вражду его; сказалъ, что охотно умретъ за брата и, къ несчастію, сдержалъ слово... Вѣримъ похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель, но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ то же самое время сдѣлалъ его княземъ владѣтельнымъ. Наконецъ бѣд-

ствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами лѣтописца?

Изяславъ оставилъ свое имя въ нашихъ древнихъ законахъ. По кончинѣ родителя, онъ призвалъ на совѣтъ братьевъ своихъ, Святослава и Всеволода, также умнѣйшихъ вельможъ того времени: Коснячка, воеводу ненавистнаго кіевлянамъ, Перенита, Никифора, Чудина, и совершенно уничтожилъ смертную казнь, уставивъ денежную пеню за всякія убійства: по излишнему ли человѣколюбію, какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащенія вирами казны государей?

При Изяславѣ былъ основанъ славный монастырь Кіевопечерскій, и самъ Несторъ разсказываетъ достопамятныя обстоятельства сего учрежденія. Нѣкто, житель города Любеча, одушевленный христіанскимъ усердіемъ, захотѣлъ видѣть святую гору, возлюбилъ житіе монаховъ аѳонскихъ и, постриженный въ ихъ обители, былъ названъ Антоніемъ. Игуменъ, наставивъ его въ правилахъ монастырскихъ, далъ ему благословеніе и велѣлъ идти въ Россію, предвидя, что онъ будетъ въ нашемъ отечествѣ свѣтиломъ черноризцевъ. Антоній возвратился еще при князѣ Ярославѣ, обходилъ тогдашніе монастыри россійскіе, и близъ Кіева, на высокомъ берегу днѣпровскомъ, увидѣлъ пещеру: Иларіонъ, будучи еще простымъ іереемъ Берестовскимъ, ископалъ оную собственными руками и часто, окруженный безмолвіемъ дремучаго лѣса, молился въ ней Богу. Она стояла уже пустая: Иларіонъ, въ санѣ митрополита, пасъ церковь и жилъ въ столицѣ. Антоній плѣнился красотою сего дикаго уединенія, остался въ пещерѣ Иларіоновой и посвятилъ дни свои молитвѣ. Слухъ о пустынникѣ разнесся въ окрестностяхъ: многіе люди желали видѣть святого мужа; самъ великій князь Изяславъ приходилъ къ нему съ своею дружиною требовать благословенія. Двѣнадцать монаховъ, отчасти Антоніемъ постриженныхъ, выкопали тамъ подземную церковь съ кельями. Число ихъ безпрестанно умножалось: великій князь отдалъ имъ всю гору надъ пещерами, гдѣ они заложили большую церковь съ оградою. Смиренный Антоній не хотѣлъ начальства: поручивъ новую обитель игумену Варлааму, уединился въ пещеру, однакожъ не избавился отъ гоненія. Считая Антонія другомъ Всеславовымъ, великій князь приказалъ воинамъ ночью схватить его и вывести изъ области Кіевской. Но добродѣтельный мужъ скоро возвратился съ честію въ любимую свою пещеру и жилъ въ ней до самой кончины, имѣвъ удовольствіе видѣть лавру Кіевскую въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Щедрость и набожность Ярославичей обогатили сей монастырь доходами и помѣстьями. Святославъ далъ 100 гривенъ, или 50 фунтовъ зо-

лота, на строеніе каменнаго великолѣпнаго храма Печерскаго, призвалъ художниковъ изъ Константинополя, и своими руками началъ копать ровъ для основанія церкви. Знаменитый варягъ Симонъ, вельможа Всеволодовъ, подарилъ Антонію на украшеніе алтаря златую цѣпь въ 50 гривенъ и вѣнецъ драгоцѣнный—наслѣдіе отца его, князя Варяжскаго. Св. Ѳеодосій, преемникъ Варлаамовъ, заимствовалъ отъ цареградскаго Студійскаго монастыря уставъ черноризцевъ, который сдѣлался общимъ для всѣхъ монастырей россійскихъ. Сей благочестивый игуменъ завелъ въ Кіевѣ первый домъ страннопріимства и питалъ несчастныхъ въ темницахъ. Добродѣтель Ѳеодосіева была столь уважаема, что великій князь нерѣдко приходилъ бесѣдовать съ нимъ наединѣ; оставался у него обѣдать, ѣлъ хлѣбъ, сочиво и съ улыбкою говаривалъ, что роскошная трапеза княжеская ему не такъ пріятна, какъ монастырская. Любя Изяслава, Ѳеодосій великодушно обличалъ виновнаго брата, гонителя его, въ беззаконіи. Святославъ терпѣлъ сіи укоризны, оправдывался, и когда святый мужъ входилъ въ шумный дворецъ его, гдѣ часто гремѣла музыка, органы и гусли, тогда все умолкало. Лежа на смертномъ одрѣ, Ѳеодосій благословилъ Святослава и сына его, Глѣба.—Монахи печерскіе, возбуждаемые наставленіемъ и примѣромъ своихъ достойныхъ начальниковъ, служили ревностно Богу и человѣчеству; нѣкоторые изъ нихъ пріяли вѣнцы мучениковъ, обращая идолопоклонниковъ: Леонтій въ Ростовѣ, св. Кукша въ землѣ вятичей (въ Орловской или Калужской губерніи). Самые вельможи, отказываясь отъ свѣта, искали душевнаго мира въ Печерской обители. Такъ Варлаамъ, первый игуменъ, сынъ знаменитѣйшаго боярина Іоанна и внукъ славнаго Вышаты, ослѣпленнаго Константиномъ Мономахомъ, былъ постриженъ Антоніемъ. Сей юноша, плѣненный ученіемъ святого мужа, пріѣхалъ къ нему со многими отроками, которые вели навьюченныхъ лошадей; сошелъ съ коня, бросилъ къ ногамъ Антонія свою одежду боярскую и сказалъ: „Вотъ прелесть міра! употреби, какъ тебѣ угодно, мое бывшее имѣніе; хочу жить въ уединеніи и бѣдности“.

Изяславъ и его братья соблюдали неразрывную дружбу съ греками и давали имъ войско, которое въ частыхъ внутреннихъ неустройствахъ поддерживало слабыхъ императоровъ на тронѣ. Знаменитый Алексій Комнинъ, еще не государь, но только полководецъ имперіи, въ 1077 году, смиряя мятежника Никифора Вріенія, имѣлъ съ собою множество судовъ россійскихъ.—Ярославичи возвратили константинопольскому патріарху важное право ставить кіевскихъ митрополитовъ; Георгій, преемникъ Иларіоновъ, родомъ грекъ, былъ присланъ изъ Цареграда; устрашенный, можетъ быть, раздоромъ князей, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ вы-

ѣхалъ изъ нашего отечества. Съ того времени церковь россійская до самаго паденія Восточной имперіи зависѣла отъ патріарха константинопольскаго и въ росписи епископствъ, находившихся подъ его вѣдѣніемъ, считалась семидесятымъ. Въ знакъ уваженія къ достоинству нашихъ митрополитовъ, патріархи обыкновенно писали къ нимъ грамоты за свинцовою, а не восковою печатью: честь, которую они дѣлали только императорамъ, королямъ и знаменитѣйшимъ сановникамъ.

Успѣхи христіанскаго благочестія въ Россіи не могли искоренить языческихъ суевѣрій и мнимаго чародѣйства. Къ исторіи тогдашнихъ временъ относятся слѣдующія извѣстія Несторовы:

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли перемѣстятся; что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря ему, чтобы онъ самъ берегся. Сей человѣкъ (пишетъ Несторъ), дѣйствительно, пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника или обманщика, жители Ярославля—основаннаго, думаю, великимъ княземъ Ярославомъ—ходили по Волгѣ и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медъ и рыбу. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ, а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: „видите, что лежало у нихъ за кожею!“ Сіи злодѣи съ шайкою помощниковъ убивали невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ и дошли, наконецъ, до Бѣлаозера, гдѣ вельможа Янь, сынъ Вышатинъ, собиралъ дань для князя Святослава; онъ велѣлъ ловить ихъ и черезъ нѣсколько дней бѣлозерцы привели къ нему двухъ обманщиковъ, которые не хотѣли виниться и, доказывая мудрость свою, открывали за тайну, что діаволъ сотворилъ тѣло человѣка, гніющее въ могилѣ, а Богъ душу, парящую на небеса; что антихристъ сидитъ въ безднѣ; что они вѣруютъ въ его могущество и знаютъ все сокровенное отъ другихъ людей. „Но знаете ли собственную вашу участь?“ сказалъ Янь. „Ты представишь насъ Святославу“,—говорили кудесники:—„а если умертвишь, то будешь несчастливъ“. Смѣясь надъ сею угрозою, онъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ.

Не только въ Скандинавіи, но и въ Россіи фины и чудь славились волшебствомъ, подобно какъ въ древней Италіи тосканцы. Несторъ разсказываетъ, что новогородцы ходили въ Эстонію узнавать будущее отъ тамошнихъ мудрецовъ, которые водились съ черными крылатыми духами. Одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ въ Новгородѣ вѣру христіанскую, бранилъ

епископа и хотѣлъ идти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его какъ человѣка божественнаго. Ревностный епископъ облачился въ святительскія ризы, сталъ на площади и, держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрныхъ христіанъ. Но ослѣпленные граждане толпились вокругъ обманщика: одинъ князь Глѣбъ и дружина его приложились къ святому кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ ко мнимому чародѣю и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день?—Волшебникъ отвѣтствовалъ: „я сдѣлаю великія чудеса“. „Нѣтъ!“—сказалъ смѣлый князь—и топоромъ разсѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

ГЛАВА V.

Великій князь Всеволодъ.

Г. 1078—1093.

Междоусобія.—Олегъ въ Родосѣ.—Подвиги Мономаха.—Убіеніе Ярополка.—Нападеніе болгаровъ на Муромъ.—Засуха и моръ.—Землетрясеніе.—Видѣнія.—Набѣги половцевъ.—Слабость великаго князя.—Кончина его.—Дочь Всеволода за Генрикомъ IV.—Митрополитъ Іоаннъ.—Его сочиненіе.—Крестильницы.—Праздникъ 9 мая.—Сношенія съ Римомъ.

Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеобщему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ.—Сей государь утвердилъ Святополка на княженіи Новогородскомъ: другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ, а Мономаху Черниговъ.

Романъ Святославичъ, князь тмутороканскій, желая отомстить за Олега и Бориса, немедленно началъ войну междоусобную, которая стоила ему жизни. Половцы, его наемники, заключили миръ со Всеволодомъ у Переяславля и на возвратномъ пути умертвили Романа; а брата его Олега неволею отправили въ Константинополь. Пользуясь несчастіемъ Святославичей, великій князь прислалъ въ Тмутороканъ намѣстника своего Ратибора. Но сія область Воспорская, убѣжище князей обдѣленныхъ, скоро была завоевана Давидомъ Игоровичемъ и Володаремъ Ростиславичемъ, внукомъ и правнукомъ Великаго Ярослава, которые также недолго въ ней

господствовали. Изгнанникъ Олегъ, живъ два года на островѣ Родосѣ, славномъ въ исторіи своими древними мудрыми законами, науками, великолѣпіемъ зданій и колоссомъ огромнымъ, возвратился въ Тмуторокань и, вѣроятно съ помощію грековъ, овладѣлъ имъ; казнилъ многихъ виновныхъ козаровъ, его личныхъ непріятелей, давшихъ совѣтъ половцамъ умертвить Романа; а Володаря и Давида отпустилъ въ Россію.

ВСЕВОЛОДЪ ЯРОСЛАВИЧЪ,
Вел. Кн. Россійскій

Всеволодъ любилъ миръ, и видѣлъ безпрестанное кровопролитіе. Полоцкій князь осадилъ Смоленскъ: Владиміръ спѣшилъ туда съ черниговскою конницею; не засталъ Всеслава, но Смоленскъ, зажженный непріятелемъ, еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу своему, огнемъ и мечомъ опустошилъ его землю и, чрезъ нѣсколько времени взявъ Минскъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такимъ образомъ сей несчастный городъ вторично

пострадалъ за своего князя. —Мужественный сынъ Всеволодовъ не выпускалъ меча изъ рукъ: побѣдилъ торковъ, обитавшихъ близъ Переяславля; два раза ходилъ усмирять безпокойныхъ вятичей, и вездѣ гналъ неутомимыхъ злодѣевъ Россіи, половцевъ, на берегахъ Десны, Хороля: плѣнялъ ихъ вождей, отбивалъ добычу. Но сіи успѣхи не могли утвердить государственной безопасности, и князья россійскіе междоусобіемъ своимъ усиливали внѣшнихъ непріятелей.

Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякій знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своевольство народа необузданно! Всеволодъ, оскорбленный несчастіемъ племянника, велѣлъ Мономаху идти на Ростиславичей: ихъ выгнали, и Ярополкъ возвратился въ свой удѣлъ съ честію.—Въ то же время Давидъ Игоревичъ, скитаясь въ южной Россіи и внѣ предѣловъ ея, завладѣлъ Олешьемъ, греческимъ городомъ близъ устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцовъ; Всеволодъ, призвавъ его къ себѣ, далъ ему Дорогобужъ въ Волыніи.

Самъ Ярополкъ, облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ и скоро наказанный за свою безразсудность. Дядя, свѣдавъ о злыхъ намѣреніяхъ сего неблагодарнаго, предупредилъ ихъ опасное исполненіе, и слухъ, что Мономахъ идетъ съ войскомъ, заставилъ Ярополка бѣжать въ Польшу. Владиміръ нашелъ въ Луцкѣ мать его, супругу, дружину, казну; возвратился съ ними въ Кіевъ, а владѣніе Ярополково отдалъ Давиду Игоревичу.— Но Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ и, заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Волыніи, получилъ обратно свое княженіе. Судьба не дала ему времени заслужить великодушіе дяди или снова быть неблагодарнымъ. Онъ чрезъ нѣсколько дней погибъ отъ руки злодѣя на пути въ Червенскій Звенигородъ: сей преступникъ, именемъ Нерядецъ, ѣхалъ за нимъ верхомъ вмѣстѣ съ другими княжескими отроками и вонзилъ саблю въ бокъ своему государю, покойно лежавшему на колесницѣ. Ярополкъ всталъ, извлекъ изъ себя окровавленное желѣзо, громко сказалъ: „умираю отъ коварнаго врага“, и скончался. Лѣтописецъ не объясняетъ тайной причины злодѣйства, сказывая только, что убійца бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику, старшему изъ Ростиславичей, которымъ Всеволодъ уступилъ сей городъ въ удѣлъ, и которые, принявъ измѣнника, навлекли на себя гнусное подозрѣніе, болѣе

несчастное, нежели справедливое. Отроки Ярополковы привезли тѣло убіеннаго въ Кіевъ, чтобы воздать ему честь погребенія тамъ, гдѣ лежали кости его родителя: Всеволодъ, Мономахъ, Ростиславъ (меньшій сынъ великаго князя), духовенство и народъ встрѣтили оное съ искреннимъ изъявленіемъ горести.—Лѣтописецъ говоритъ, что Ярополкъ, добродушный, подобно отцу своему, давалъ всегда церковную десятину въ храмъ Богоматери, исполняя завѣщаніе Владиміра Великаго; завидовалъ святости Бориса и Глѣба и желалъ также умереть мученикомъ. Давидъ Игоревичъ наслѣдовалъ область Владимірскую.

Между тѣмъ какъ Всеволодъ занимался возстановленіемъ порядка и тишины въ ближнихъ областяхъ, камскіе болгары взяли Муромъ. Не имѣя духа воинскаго, любя торговлю, земледѣліе и, въ случаѣ неурожая, питая восточный край Россіи, они хотѣли, вѣроятно, отмстить жителямъ Муромской области за какую-нибудь обиду или несправедливость: по крайней мѣрѣ сія война не имѣла дальнѣйшаго слѣдствія, и взятый ими городъ недолго былъ въ ихъ власти.

Великій князь не могъ утѣшиться всеобщимъ спокойствіемъ. Междоусобіе прекратилось, но бѣдствія иного рода посѣтили Россію. Отъ безпрестанныхъ, неслыханныхъ жаровъ вездѣ изсохли поля, и лѣса въ болотныхъ мѣстахъ сами собою воспламенялись, къ ужасу сельскихъ жителей; голодъ, болѣзни, моръ свирѣпствовали во многихъ областяхъ и въ одномъ Кіевѣ умерло отъ 14 ноября до 1 февраля 7,000 человѣкъ. Воображеніе несчастныхъ видѣло во всемъ страшныя знаменія гнѣва Божескаго: въ самыхъ обыкновенныхъ метеорахъ, въ затменіи солнца, въ легкомъ бывшемъ тогда землетрясеніи. Къ симъ случаямъ естественнымъ суевѣріе прибавило нелѣпыя чудеса: разсказывали, что огромный змѣй упалъ съ неба въ то время, какъ великій князь забавлялся ловлею звѣрей, что злые духи въ Полоцкѣ ночью и днемъ скакали на коняхъ, невидимо уязвляли гражданъ, и что множество людей оттого умерло. Народъ стеналъ, государь былъ въ уныніи, половцы грабили; на обѣихъ сторонахъ Днѣпра дымились села, обращенныя въ пепелъ сими жестокими варварами, которые взяли даже нѣсколько городовъ: Песоченъ на рѣкѣ Супоѣ, Переволоку близъ устья Ворсклы и нигдѣ, кажется, не находили сопротивленія. Наконецъ Василько Ростиславичъ, правнукъ Ярославовъ, уговорилъ ихъ оставить Россію, и вмѣстѣ съ нимъ воевать Польшу, ослабленную внутренними раздорами. Сей князь, по смерти брата своего Рюрика, наслѣдовалъ часть Перемышльской области: скоро увидимъ его великодушіе и злосчастіе.

Всеволодъ, огорчаемый бѣдствіями народными и властолюбіемъ своихъ племянниковъ,—которые, желая господствовать, не давали

ему покоя и безпрестанно требовали удѣловъ, — съ завистію вспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ удѣльнаго князя и спокойный сердцемъ. Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа; удалилъ отъ себя бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю государей россійскихъ, которые сами, въ присутствіи вельможъ, судили народъ свой на дворѣ княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ: намѣстники и тіуны грабили Россію какъ половцы: Всеволодъ не внималъ жалобамъ.—Чувствуя приближеніе конца, онъ послалъ за большимъ сыномъ въ Черниговъ и скончался въ объятіяхъ Владиміра и Ростислава, орошенный ихъ искренними слезами: христіанинъ набожный, человѣколюбивый, трезвый и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ, достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени государей.

Великій Ярославъ желалъ, чтобы любимый сынъ его, со временемъ наслѣдовавъ законнымъ образомъ Кіевскую область, былъ и въ гробѣ съ нимъ неразлученъ: воля нѣжнаго отца исполнилась и Всеволода погребли на другой день кончины его, тамъ же, гдѣ лежали Ярославовы кости—въ Софійскомъ храмѣ—съ обыкновенными торжественными обрядами и въ присутствіи народа, который погребалъ тогда государей какъ истинныхъ отцовъ своихъ, съ чувствительностію и слезами, забывая ихъ слабости и помня одни благодѣянія.

Всеволодъ оставилъ супругу второго брака, мачеху Владиміра, и трехъ дочерей, Янку или Анну, Евпраксію и Екатерину; первыя двѣ отказались отъ свѣта и заключились въ монастырь. Мы знаемъ, что императоръ Генрикъ IV въ 1089 году женился на россійской княжнѣ, Агнесѣ или Адельгейдѣ, вдовѣ маркграфа Штаденскаго, которая послѣ умерла игуменьею: она могла быть дочерью Всеволода. Въ то же время другая россіянка, именемъ Евпраксія, была за сыномъ Болеслава, отравленнымъ въ цвѣтущей юности; но историки польскіе называютъ сію княжну родною сестрою Святополка Изяславича.

При Всеволодѣ былъ митрополитомъ грекъ Іоаннъ, мужъ, знаменитый ученостію и христіанскими добродѣтелями, ревностный наставникъ духовенства и другъ несчастныхъ. „Никогда (сказано въ лѣтописи) не бывало у насъ такого и не будетъ!“ Мы имѣемъ его сочиненіе, названное Церковнымъ правиломъ, въ коемъ онъ съ великою ревностію осуждаетъ тогдашнее обыкновеніе князей россійскихъ выдавать дочерей за государей латинской вѣры; доказываетъ всякому гостю или купцу, сколь грѣшно торговать

крещеными рабами въ землѣ язычниковъ (половцевъ), даже ѣздить туда и для выгодъ сребролюбія оскверняться ихъ нечистыми яствами; налагаетъ епитимью на тѣхъ, которые совокупляются съ правнучатными или женятся безъ вѣнчанія, думая, что сей обрядъ изобрѣтенъ единственно для князей и бояръ; отлучаетъ отъ церкви іереевъ, благословляющихъ союзъ мужа съ третьею женою; велитъ имъ и монахамъ служить для всѣхъ людей примѣромъ трезвости; наконецъ, въ дополненіе къ гражданскимъ законамъ, уставляетъ духовное покаяніе для преступниковъ благонравія и цѣломудрія. Сей митрополитъ, наименованный отъ современниковъ пророкомъ Христа, святилъ церковь Ѳеодосіева монастыря Печерскаго, о коей написано столь много чудеснаго въ Патерикѣ кіевскомъ. Византійскіе художники, украсивъ оную, не хотѣли уже возвратиться въ отечество и кончили жизнь свою въ Печерской обители; донынѣ показываютъ тамъ гробы ихъ.— Въ 1089 году, когда преставился митрополитъ Іоаннъ, дочь Всеволода, Янка, ѣздила въ Константинополь и привезла съ собою новаго митрополита, скопца, именемъ также Іоанна, но человѣка весьма обыкновеннаго, слабаго здоровьемъ и столь блѣднаго, что народъ прозвалъ его мертвецомъ; онъ черезъ годъ умеръ. Третій митрополитъ Всеволода княженія былъ Ефремъ, грекъ, по извѣстію новѣйшихъ лѣтописцевъ; другіе же называютъ его монахомъ печерскимъ. Несторъ сказываетъ только, что Ефремъ, скопецъ подобно Іоанну, жилъ въ Переяславлѣ, гдѣ находилась тогда митрополія, и что онъ, создавъ многіе храмы каменные, первый началъ въ Россіи строить при церквахъ крестильницы. Сей митрополитъ, какъ пишутъ, уставилъ торжествовать 9 мая перенесеніе мощей св. Николая изъ Ликіи въ итальянскій городъ Баръ: праздникъ Западной церкви, отвергаемый греками, и доказательство, что мы имѣли тогда дружелюбное сношеніе съ Римомъ. Несторъ молчитъ, но лѣтописецъ среднихъ временъ говоритъ о какомъ-то святителѣ Ѳеодорѣ, пріѣзжавшемъ къ великому князю отъ папы (Урбана II) въ 1091 году. Властолюбивые намѣстники св. Петра, безъ сомнѣнія, всячески старались подчинить себѣ церковь россійскую.

———

ГЛАВА VI.

Великій Князь Святополкъ-Михаилъ.

Г. 1093—1112.

Великодушіе Мономаха.—Война съ половцами.— Бракъ Святополковъ.—Безпокойный Олегъ. — Жалкое состояніе южной Россіи. — Саранча.—Побѣды. — Вѣроломство россіянъ.—Междоусобія.— Гордость Олегова. — Сожженіе монастыря Кіевопечерскаго.—Храбрость и добродушіе Мстислава.—Краснорѣчивое Мономахово письмо.—Вѣроломство Олегово.—Великодушіе Мстислава.—Съѣздъ князей. -- Злодѣйство Давида и Святополка. — Ослѣпленіе Василька.— Слезы Мономаховы.—Рѣчь митрополита.—Прекрасная душа Василькова.—Месть Ростиславичей.—Корыстолюбіе поляковъ. — Новое коварство Святополка.—Умѣренность Ростиславичей.—Пораженіе венгровъ.—Междоусобія.—Новый съѣздъ князей.—Усмиреніе Давида.—Строптивость новогородцевъ.—Совѣтъ князей.— Счастливая война съ половцами. — Война съ мордвою и съ князьями полоцкими.—Бѣдствіе россіянъ въ Семигаліи. — Новые успѣхи въ войнѣ съ половцами.—Походъ знаменитый. — Имя Тмуторокана исчезаетъ въ лѣтописяхъ. — Кончина Святополка.—Евреи въ Кіевѣ.—Брачные союзы. — Митрополиты.— Князь Святоша.—Св. Антоній римлянинъ. — Путешествіе Даніила.— Россіяне въ Іерусалимѣ.—Конецъ Несторовой лѣтописи.—Старецъ Янъ.

Владиміръ могъ бы сѣсть на престолѣ родителя своего, но сей чувствительный миролюбивый князь уступилъ оный Изяславову сыну и, сказавъ: „отецъ его былъ старѣе и княжилъ въ столицѣ прежде моего отца: не хочу кровопролитія и войны междоусобной“, объявилъ Святополка государемъ россійскимъ; самъ отправился въ Черниговъ, а братъ его, Ростиславъ, въ Переяславль.

Святополкъ, княживъ нѣсколько лѣтъ въ Новѣгородѣ, еще въ 1088 году выѣхалъ оттуда, будучи, какъ вѣроятно, недоволенъ его безпокойными гражданами (которые тогда же призвали къ себѣ юнаго князя Мстислава, сына Владимірова) и жилъ въ Туровѣ: онъ съ радостію прибылъ въ Кіевъ, и народъ также съ радостію встрѣтилъ новаго государя, обѣщая себѣ миръ и тишину подъ его властію. Сія надежда не исполнилась, и начало Святополкова княженія ознаменовалось великими несчастіями.

Половцы, узнавъ о кончинѣ Всеволода, изъявили желаніе остаться друзьями Россіи. Легкомысленный Святополкъ не посовѣтовался съ боярами отца своего и дяди: велѣлъ заключить пословъ въ темницу, но, свѣдавъ, что мстительные варвары вездѣ жгутъ и грабятъ въ его области, вздумалъ самъ просить ихъ о мирѣ. Половцы уже не хотѣли слушать сихъ предположеній и великій князь, собравъ только 800 воиновъ, спѣшилъ выступить въ поле. Едва благоразумные бояре могли удержать его, представляя ему, что воп-

реки надменному самохвальству молодыхъ людей, нужны не сотни, а тысячи для отраженія враговъ; что область Кіевская, изнуренная войнами, истощенная данями, опустѣла, и что надобно требовать помощи отъ мужественнаго Владиміра. Князь черниговскій немедленно вооружился и призвалъ брата своего Ростислава. Но князья, соединивъ дружины, не могли согласиться въ мысляхъ; стояли подъ Кіевомъ и ссорились между собой. Наконецъ бояре

СВЯТОПОЛКЪ II. ИЗЯСЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

сказали имъ: „ваша распря губитъ народъ; смирите враговъ, и тогда уже думайте о своихъ несогласіяхъ". Святополкъ и Владиміръ, принявъ благій совѣтъ, обнялися братски и въ знакъ искренней взаимной любви цѣловали святый крестъ, по тогдашнему обыкновенію.

Непріятели осаждали Торческъ, городъ, населенный торками, которые, оставивъ жизнь кочевую, поддалися россіянамъ: князья

хотѣли освободить его, Святополкъ битвою, Мономахъ миромъ. Остановясь близъ Триполя, они призвали бояръ на совѣтъ. Янъ, воевода кіевскій, другъ блаженнаго Ѳеодосія, и многіе другіе были одного мнѣнія съ княземъ черниговскимъ. „Половцы“,— говорили они,—„видятъ блескъ мечей нашихъ и не отвергнутъ мира“. Но кіевляне, желая побѣды, склонили большинство голосовъ на свою сторону и войско россійское перешло за Стугну. Святополкъ велъ правое крыло, Владиміръ—лѣвое; Ростиславъ находился въ срединѣ. Они поставили знамена между земляными укрѣпленіями трипольскими и ждали непріятеля, который, выславъ напередъ стрѣлковъ, вдругъ устремился всѣми силами на Святополка. Кіевляне не могли выдержать сего удара и замѣшались. Великій князь оказалъ примѣрную неустрашимость; бился долго, упорно и послѣдній оставилъ мѣсто сраженія. Средина и лѣвое крыло, не умѣвъ искуснымъ, быстрымъ движеніемъ спасти праваго, еще нѣсколько времени стояли, но также уступили превосходству непріятеля. Земля дымилась кровію. Россіяне, спасаясь отъ меча побѣдителей, толпами гибли въ рѣкѣ Стугнѣ, которая отъ дождей наполнилась водою. Мономахъ, видя утопающаго брата, забылъ собственную опасность и бросился во глубину: усердная дружина извлекла его изъ волнъ—и сей князь, оплакивая Ростислава, многихъ бояръ своихъ, отечество, съ горестію возвратился въ Черниговъ, а Святополкъ въ Кіевъ. Несчастная мать Ростилава ожидала сына: ей принесли тѣло сего юноши, коего безвременная смерть была предметомъ всеобщаго сожалѣнія.

Половцы снова осадили Торческъ. Граждане оборонялись мужественно; но изнуренные голодомъ и жаждою, напрасно требовали съѣстныхъ припасовъ отъ Святополка: бдительный непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ, который держался болѣе двухъ мѣсяцевъ. Половцы, оставивъ часть войска для осады, приближались къ столицѣ. Святополкъ хотѣлъ еще сразиться и, вторично разбитый подъ Кіевомъ, ушелъ только съ двумя воинами. Торческъ сдался: стѣны и зданія его обратились въ пепелъ, а граждане были отведены въ неволю.

Не имѣвъ счастія воинскаго. Святополкъ надѣялся инымъ способомъ обезоружить половцевъ и женился на дочери ихъ князя, Тугоркана. Но сей родственный союзъ, который могъ быть оправданъ одною государственною пользою, не защитилъ Россіи отъ варваровъ: князь Тмутороканскій, Олегъ Святославичъ, въ третій разъ пришелъ съ ними разорять отечество, осадилъ Мономаха въ Черниговѣ и потребовалъ сей области какъ законнаго наслѣдія: ибо она принадлежала нѣкогда его родителю. Владиміръ, любимый своею дружиною и народомъ, нѣсколько дней оборонялся, но, жалѣя крови, великодушно сказалъ: да не радуются враги

отечества! и добровольно уступилъ княженіе Олегу: вторая жертва, принесенная имъ общей пользѣ! Онъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль съ женою и дѣтьми, подъ щитами малочисленной, вѣрной дружины, готовой отражать толпы хищныхъ половцевъ, которые, несмотря на миръ, еще долгое время свирѣпствовали въ Черниговской области: жестокій Олегъ, довольный ихъ помощію, равнодушно смотрѣлъ на сіи злодѣйства. — Вся южная Россія представляла тогда картину самыхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. „Города опустѣли“,—пишетъ Несторъ:—въ селахъ пылаютъ церкви, домы, житницы и гумны. Жители издыхаютъ подъ остріемъ меча или трепещутъ, ожидая смерти. Плѣнники, заключенные въ узы, идутъ наги и босы въ отдаленную страну варваровъ, сказывая другъ другу со слезами: я изъ такого-то города русскаго, я изъ такой-то веси! Не видимъ на лугахъ своихъ ни стадъ, ни коней; нивы заросли травою и дикіе звѣри обитаютъ тамъ, гдѣ прежде жили христіане. Къ умноженію несчастій, Россія узнала въ сіе время новый бичъ естественный: саранча, дотолѣ неизвѣстная нашимъ предкамъ, покрывъ землю, совершенно истребила жатву; тучи сихъ пагубныхъ насѣкомыхъ летѣли отъ юга къ сѣверу, оставляя за собою отчаяніе и голодъ для бѣдныхъ поселянъ.

Наконецъ великій князь и Владиміръ ободрили побѣдами унылый духъ своего народа. Онѣ, къ сожалѣнію, начались вѣроломствомъ. Долговременныя несчастія остервеняютъ сердца и вредятъ самой нравственности людей. Вожди половецкіе, Итларь и Китанъ, заключивъ миръ съ Мономахомъ, взяли въ тали, или въ аманаты, сына его, Святослава. Китанъ безопасно жилъ въ станѣ близъ городского вала; Итларь гостилъ въ Переяславлѣ у вельможи Ратибора. Тогда недостойные совѣтники предложили князю воспользоваться оплошностію ненавистныхъ враговъ, нарушить священный миръ и не менѣе священные законы гостепріимства— однимъ словомъ, злодѣйски умертвить всѣхъ половцевъ. Владиміръ колебался, но дружина успокоила его робкую совѣсть, доказывая, что сіи варвары тысячу разъ сами преступали клятву... Въ глубокую ночь россіяне, вмѣстѣ съ торками, имъ подвластными, вышли изъ города, зарѣзали соннаго Китана, его воиновъ и съ торжествомъ привели ко Владиміру освобожденнаго Святослава. Итларь, не зная ничего, спокойно готовился поутру завтракать у своихъ ласковыхъ хозяевъ, когда сынъ Ратиборовъ, Олбегъ, пустилъ ему въ грудь стрѣлу, сквозь отверстіе, нарочно для того сдѣланное вверху горницы, и несчастный Итларь, со многими знаменитыми товарищами, былъ жертвою гнуснаго заговора, который лучшему изъ тогдашнихъ князей россійскихъ казался дозволенною хитростію.

Ожидая справедливой мести за такое злодѣяніе, Владиміръ и

Святополкъ хотѣли предупредить оную. Въ первый разъ дерзнули россіяне искать половцевъ въ ихъ собственной землѣ; взяли множество скота, верблюдовъ, коней, плѣнниковъ и возвратились благополучно.—Но въ то же самое лѣто Юрьевъ, городъ на берегу Роси, былъ сожженъ половцами: жители его ушли съ епископомъ въ столицу, и великій князь населилъ ими, близъ Кіева, особенный новый городокъ, давъ ему имя Святополка.

Олегъ Черниговскій, вопреки данному слову, не ходилъ съ великимъ княземъ на половцевъ. Святополкъ и Владиміръ требовали отъ него, чтобы онъ хотя выдалъ имъ или самъ велѣлъ умертвить знатнаго половецкаго юношу, сына Итларева, бывшаго у него въ рукахъ; но князь Черниговскій отвергнулъ и сіе предложеніе, какъ злодѣйство безполезное. Съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе возрастало. Святополкъ и Владиміръ, дѣйствуя во всемъ согласно, вооруженною рукою отняли у Давида Святославича, брата Олегова, Смоленскъ, отданный ему, какъ вѣроятно, еще Всеволодомъ, и послали его княжить въ Новгородъ, откуда Мономахъ перевелъ сына своего, Мстислава, въ Ростовъ, но своевольные новгородцы чрезъ два года объявили Давиду, что онъ имъ ненадобенъ, и вторично призвали къ себѣ на его мѣсто Мстислава. Лишенный удѣла, Давидъ прибѣгнулъ, можетъ быть, къ Олеговой защитѣ: по крайней мѣрѣ ему возвратили область Смоленскую. Юный сынъ Мономаховъ, Изяславъ, правитель Курска, подалъ новый ко враждѣ случай, нечаянно завладѣвъ Муромомъ, городомъ черниговскаго князя, и взявъ въ плѣнъ Олегова намѣстника.

Въ сихъ обстоятельствахъ Святополкъ и Владиміръ прислали звать Олега въ Кіевъ, на съѣздъ княжескій. „Тамъ, въ старѣйшемъ градѣ русскомъ,—говорили они,—утвердимъ безопасность государства въ общемъ совѣтѣ съ знаменитѣйшимъ духовенствомъ, съ боярами отцовъ нашихъ и гражданами". Олегъ, не вѣря ихъ доброму намѣренію, съ гордостію имъ отвѣтствовалъ: „я князь, и не хочу совѣтоваться ни съ монахами, ни съ чернію". Когда такъ,—сказали Святополкъ и Владиміръ,—когда не хочешь воевать съ непріятелями земли Русской, ни совѣтоваться съ братьями, то признаемъ тебя самого врагомъ отечества, и Богъ да судитъ между нами! Взявъ Черниговъ, они приступили къ Стародубу, гдѣ находился Олегъ, и болѣе мѣсяца проливали невинную кровь въ жестокихъ битвахъ. Наконецъ черниговскій князь, смиренный голодомъ, долженъ былъ покориться и клятвенно обѣщалъ пріѣхать на совѣтъ въ Кіевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давидомъ.

Святополкъ нетерпѣливо хотѣлъ прекратить сію междоусобную войну, ибо половцы тогда опустошали Россію; одна толпа ихъ сожгла въ Берестовѣ домъ княжескій, другая—мѣстечко Устье,

близъ Переяславля, и тесть Святополковъ, Тугорканъ, осадилъ сію Мономахову столицу. Великій князь и Владиміръ умѣли скрыть свои движенія отъ непріятеля, перешли Днѣпръ, явились внезапно подъ стѣнами осажденнаго города. Обрадованные жители встрѣтили ихъ, и россіяне бросились въ Трубежъ, ревностно желая битвы съ половцами, которые стояли на другой сторонѣ сей рѣки. Напрасно осторожный Владиміръ хотѣлъ построить воиновъ: не внимая начальникамъ, они устремились на варваровъ и своимъ мужествомъ рѣшили побѣду. Самъ Тугорканъ, сынъ его, знаменитѣйшіе половцы легли на мѣстѣ. Святополкъ взялъ тѣло перваго и съ честію предалъ оное землѣ недалеко отъ своего берестовскаго дворца.—Въ то самое время, когда россіяне торжествовали свою побѣду, другой князь половецкій, Бонякъ, едва не овладѣлъ Кіевомъ: выжегъ предмѣстье, красный дворъ Всеволодовъ на Выдобичахъ, монастыри; ворвался ночью въ обитель Печерскую, умертвилъ нѣсколько безоружныхъ монаховъ, пробужденныхъ шумомъ и воплемъ свирѣпаго непріятеля; ограбилъ церковь, кельи и съ добычею удалился, оставивъ деревянныя зданія въ пламени.

Святополкъ, возвратясь въ Кіевъ, напрасно ждалъ Олега, который, не бывъ принятъ смоленскими жителями, пошелъ къ Мурому. Изяславъ, сынъ Мономаховъ, призвалъ къ себѣ войско изъ Ростова, Суздаля, Бѣлаозера и готовился отразить сего непріятеля. „Иди княжить въ свою Ростовскую область,—велѣлъ сказать ему Олегъ:—отецъ твой отнялъ у меня Черниговъ; неужели и въ Муромѣ, наслѣдственномъ моемъ достояніи, вы лишите меня хлѣба? Я не хочу войны и желаю примириться съ Владиміромъ". Олегъ имѣлъ съ собою малочисленную дружину, набранную имъ въ Рязани, которая зависѣла тогда отъ черниговскихъ князей; но получивъ гордый отказъ, смѣло обнажилъ мечъ. Юный Изяславъ палъ въ сраженіи и войско его разсѣялось. Побѣдитель взялъ Муромъ (гдѣ была супруга Изяслава), Суздаль, Ростовъ и, слѣдуя тогдашнему варварскому обыкновенію, плѣнилъ множество безоружныхъ гражданъ.

Мстиславъ Владиміровичъ, князь новгородскій, крестникъ Олеговъ, свѣдавъ о несчастной судьбѣ Изяславовой, велѣлъ привезти къ себѣ тѣло его и съ горестію погребъ оное въ Софійской церкви. Сей великодушный князь, любя справедливость, не винилъ Олега въ завоеваніи Мурома, но требовалъ, чтобы онъ вышелъ изъ Ростова и Суздаля; не упрекалъ его даже и смертію Изяслава, говоря ему чрезъ пословъ: „ты убилъ моего брата, но въ ратяхъ гибнутъ цари и герои. Будь доволенъ своимъ наслѣдственнымъ городомъ; въ такомъ случаѣ умолю отца моего примириться съ тобою". Олегъ не хотѣлъ слушать никакихъ пред-

ложеній, думая скоро взять самый Новгородъ. Тогда Мстиславъ, любимый народомъ, вооружился. Начальникъ отряда новогородскаго, Добрыня Рагуйловичъ, захватилъ людей Олеговыхъ, посланныхъ для собранія дани, и сбилъ его передовое войско на рѣкѣ Медвѣдицѣ (въ Тверской губерніи). Олегъ не могъ удержать ни Ростова, ни Суздаля: выжегъ сей послѣдній городъ, оставивъ въ немъ только одинъ монастырь съ церквами, и засѣлъ въ Муромѣ. Добродушный Мстиславъ, уважая крестнаго отца, снова предложилъ ему миръ, желая только, чтобы онъ возвратилъ плѣнныхъ, и въ то же время убѣдительно просилъ родителя своего забыть вражду Олегову. Мономахъ отправилъ въ Суздаль меньшого сына, Вячеслава, съ коннымъ отрядомъ союзныхъ половцевъ, написавъ къ Олегу краснорѣчивое письмо такого содержанія: „Долго печальное сердце мое боролось съ закономъ христіанина, обязаннаго прощать и миловать: Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга; но самые умные дѣды, самые добрые и блаженные отцы наши, обольщаемые врагомъ Христовымъ, возставали на кровныхъ... Пишу къ тебѣ, убѣжденный твоимъ крестнымъ сыномъ, который молитъ меня оставить злобу для блага земли Русской и предать смерть его брата на судъ Божій. Сей юноша устыдилъ отца своего великодушіемъ! Дерзнемъ ли, въ самомъ дѣлѣ, отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ, мы, тлѣнныя созданія? нынѣ въ чести и въ славѣ, завтра въ могилѣ, и другіе раздѣляютъ наше богатство! Вспомнимъ, братъ мой, отцевъ своихъ: что они взяли съ собою, кромѣ добродѣтели? Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя сей юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ о немъ, не пожалѣлъ о слезахъ отца и матери; не хотѣлъ написать ко мнѣ письма утѣшительнаго; не хотѣлъ прислать бѣдной, невинной снохи, чтобы я вмѣстѣ съ нею оплакалъ ея мужа, не видавъ ихъ радостнаго брака, не слыхавъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсней... Ради Бога отпусти несчастную, да сѣтуетъ какъ горлица въ домѣ моемъ, а меня утѣшитъ Отецъ Небесный.— Не укоряю тебя безвременною кончиною любезнаго мнѣ сына: и знаменитѣйшіе люди находятъ смерть въ битвахъ; онъ искалъ чужого и ввелъ меня въ стыдъ и печаль, обманутый слугами корыстолюбивыми. Но лучше, если бы ты, взявъ Муромъ, не бралъ Ростова и тогда же примирился со мною. Разсуди самъ, мнѣ ли надлежало говорить первому, или тебѣ? Если имѣешь совѣсть, если захочешь успокоить мое сердце и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безъ всякаго лукавства, то возьмешь добрымъ порядкомъ область свою, обратишь къ себѣ наше сердце и будемъ жить еще дружелюбнѣе прежняго. Я не врагъ тебѣ и не хотѣлъ крови твоей у Стародуба“, (гдѣ Свято-

полкъ и Мономахъ осаждали сего князя): но дай Богъ, чтобы и братья не желали пролитія моей. Мы выгнали тебя изъ Чернигова единственно за дружбу твою съ невѣрными; и въ томъ каюсь, послушавъ брата (Святополка). Ты господствуешь теперь въ Муромѣ, а сыновья мои въ области своего дѣда. Захочешь ли умертвить ихъ?—твоя воля. Богу извѣстно, что я желаю добра отечеству и братьямъ. Да лишится на вѣки мира душевнаго, кто не желаетъ изъ васъ мира христіанамъ!—Не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такимъ образомъ, но совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ драгоцѣннѣе".

Олегъ согласился заключить миръ, чтобы обмануть племянника; и когда Мстиславъ, распустивъ воиновъ по селамъ, безпечно сидѣлъ за обѣдомъ съ боярами своими, гонцы принесли ему вѣсть, что коварный его дядя стоитъ уже на Клязьмѣ съ войскомъ. Олегъ думалъ, что Мстиславъ, изумленный его внезапнымъ нападеніемъ, уйдетъ изъ Суздаля; но сей юный князь, въ одни сутки собравъ дружину новогородскую, ростовскую, бѣлозерскую, приготовился къ битвѣ за городскимъ валомъ. Олегъ четыре дни стоялъ неподвижно, и Вячеславъ, другой сынъ Мономаховъ, успѣлъ соединиться съ братомъ. Тогда началось сраженіе. Олегъ ужаснулся, видя славное знамя Владимірово въ рукахъ вождя половецкаго, заходившаго къ нему въ тылъ съ отрядомъ Мстиславовой пѣхоты, и скоро обратился въ бѣгство; поручилъ меньшему своему брату, Ярославу, Муромъ, а самъ удалился въ Рязань. Мстиславъ, умѣренный въ счастіи, не хотѣлъ завладѣть ни тѣмъ, ни другимъ городомъ, освободивъ единственно ростовскихъ и суздальскихъ плѣнниковъ, тамъ заключенныхъ. Бѣгая отъ него, Олегъ скитался въ отчаяніи и не зналъ, гдѣ преклонить голову; но племянникъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ былъ спокоенъ. „Святополкъ и Владиміръ не лишатъ тебя земли Русской, — говорилъ сей чувствительный юноша: — я буду твоимъ вѣрнымъ ходатаемъ. Останься и властвуй въ своемъ княженіи: только смирися". Мстиславъ сдержалъ слово: вышелъ изъ Муромской области, возвратился въ Новгородъ и примирилъ Олега съ великимъ княземъ и своимъ отцомъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россія въ первый разъ увидѣла торжественное собраніе князей своихъ, на берегу Днѣпра, въ городѣ Любечѣ. Сидя на одномъ коврѣ, они благоразумно разсуждали, что отечество гибнетъ отъ ихъ несогласія, что имъ должно, наконецъ, прекратить междоусобіе, вспомнить древнюю славу предковъ, соединиться душою и сердцемъ, унять внѣшнихъ разбойниковъ,—половцевъ, успокоить государство, заслужить любовь народную. Нѣтъ сомнѣнія, что Мономахъ, другъ отечества и благоразумнѣйшій изъ князей россійскихъ, былъ виновникомъ и ду-

шою сего достопамятнаго собранія. Въ примѣръ умѣренности и безкорыстія онъ уступилъ Святославичамъ все, что принадлежало нѣкогда ихъ родителю, и князья съ общаго согласія утвердили за Святополкомъ область Кіевскую, за Мономахомъ частный удѣлъ отца его: Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро; за Олегомъ, Давидомъ и Ярославомъ Святославичами Черниговъ, Рязань, Муромъ; за Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій; за Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль, отданные имъ еще Всеволодомъ. Каждый былъ доволенъ; каждый цѣловалъ святый крестъ, говоря: да будетъ земля Русская общимъ для насъ отечествомъ, а кто возстанетъ на брата, на того мы всѣ возстанемъ. Добрый народъ благословлялъ согласіе своихъ князей, князья обнимали другъ друга какъ истинные братья.

Сей торжественный союзъ былъ въ одно время заключенъ и нарушенъ самымъ гнуснѣйшимъ злодѣйствомъ, коего воспоминаніе должно быть оскорбительно для самаго отдаленнѣйшаго потомства. Лѣтописецъ извиняетъ главнаго злодѣя, сказывая, что клеветники обманули его; но такъ обманываются одни изверги. Сей недостойный сынъ Ярославовъ, Давидъ Игоревичъ, пріѣхавъ изъ Любеча въ Кіевъ, объявилъ Святополку, что Мономахъ и Василько Ростиславичъ суть ихъ тайные враги; что первый думаетъ завладѣть престоломъ великокняжескимъ, а второй—городомъ Владиміромъ; что убіенный братъ ихъ, Ярополкъ Изяславичъ, погибъ отъ руки Василькова наемника, который ушелъ къ Ростиславичамъ; что благоразуміе требуетъ осторожности, а месть жертвы. Великій князь содрогнулся и заплакалъ, вспомнивъ несчастную судьбу любимаго брата. „По справедливо ли сіе ужасное обвиненіе?— сказалъ онъ:— да накажетъ тебя Богъ, если обманываешь меня отъ зависти и злобы“. Давидъ клялся, что ни ему въ Владимірѣ, ни Святополку въ Кіевѣ не господствовать мирно, пока живъ Василько, и сынъ Изяславовъ согласился быть вѣроломнымъ, подобно отцу своему. Не зная ничего, спокойный въ совѣсти, Василько ѣхалъ тогда мимо Кіева, зашелъ помолиться въ монастырь св. Михаила, ужиналъ въ сей обители и ночевалъ въ станѣ за городомъ. Святополкъ и Давидъ прислали звать его, убѣждали остаться въ Кіевѣ до имянинъ великаго князя, то-есть до Михайлова дня; но Василько, готовясь воевать съ поляками, спѣшилъ домой и не хотѣлъ исполнить Святополкова желанія. „Видишь ли?“—сказалъ Давидъ великому князю:—„онъ презираетъ тебя въ самой области твоей: чтожъ будетъ, когда пріѣдетъ въ свою? займетъ, безъ сомнѣнія, Туровъ, Пинскъ и другія мѣста, тебѣ принадлежащія. Вели схватить его и отдать мнѣ, или ты вспомнишь совѣтъ мой, но поздно“. Святополкъ вторично послалъ ска-

зать Васильку, чтобы онъ заѣхалъ къ нему хотя на минуту, обнять своихъ дядей и побесѣдовать съ ними. Несчастный князь далъ слово; сѣлъ на коня и въѣзжалъ уже въ городъ: тутъ встрѣтился ему одинъ изъ его усердныхъ отроковъ и съ ужасомъ объявилъ о гнусномъ заговорѣ. Василько не вѣрилъ. „Мы цѣловали крестъ,— сказалъ онъ,— и клялися умереть друзьями; не хочу подозрѣніемъ оскорбить моихъ родственниковъ" — перекрестился и съ малочисленною дружиною въѣхалъ въ Кіевъ. Ласковый Святополкъ принялъ гостя на дворѣ княжескомъ, ввелъ въ горницу и самъ вышелъ, сказывая, что велитъ готовить завтракъ для любезнаго племянника. Василько остался съ Давидомъ; началъ говорить съ нимъ, но сей злодѣй, еще новый въ ремеслѣ своемъ, блѣднѣлъ, не могъ отвѣчать ни слова и спѣшилъ удалиться. По данному знаку входятъ воины, заключаютъ Василька въ тяжкія оковы. Мѣра злодѣйства еще не совершилась, и Святополкъ боялся народнаго негодованія: въ слѣдующій день, созвавъ бояръ и гражданъ кіевскихъ, онъ торжественно объявилъ имъ слышанное отъ Давида. Народъ отвѣтствовалъ: „Государь! безопасность твоя для насъ священна: казни Василька, если онъ дѣйствительно врагъ твой; когда же Давидъ оклеветалъ его, то Богъ отомститъ ему за кровь невиннаго". Знаменитыя духовныя особы смѣло говорили великому князю о человѣколюбіи и гнусности вѣроломства. Онъ колебался, но снова, устрашенный коварными словами Давида, отдалъ ему жертву въ руки. Василька ночью привезли въ Бѣлгородъ и заперли въ тѣсной горницѣ: въ глазахъ его острили ножъ, разстилали коверъ; взяли несчастнаго и хотѣли положить на землю. Угадавъ намѣреніе сихъ достойныхъ слугъ Давида и Святополка, онъ затрепеталъ; и хотя былъ окованъ, но долгое время оборонялся съ такимъ усиліемъ, что имъ надлежало кликнуть помощниковъ. Его связали, раздавили ему грудь доскою и вырѣзали обѣ зѣницы... Василько лежалъ на коврѣ безъ чувства. Злодѣи отправились съ нимъ въ Владиміръ, пріѣхали въ городъ Здвиженскъ обѣдать и велѣли хозяйкѣ вымыть окровавленную рубашку князя. Жалостный вопль сей чувствительной женщины привелъ его въ память. Онъ спросилъ: „гдѣ я?" выпилъ свѣжей воды, ощупалъ свою рубашку и сказалъ: „на что вы сняли съ меня окровавленную? я хотѣлъ стать въ ней предъ Судіею Всевышнимъ..." Давидъ ожидалъ Василька въ столицѣ своей, Владимірѣ, и заключилъ въ темницу, приставивъ къ нему двухъ отроковъ и 30 воиновъ для стражи.

Мономахъ, узнавъ о семъ злодѣйствѣ, пришелъ въ ужасъ и залился слезами. „Никогда еще,— сказалъ онъ,— не бывало подобнаго въ землѣ Русской!" и немедленно увѣдомилъ о томъ Святославичей: Олега и Давида. „Прекратимъ зло въ началѣ,

писалъ къ нимъ сей добрый князь:—накажемъ изверга, который посрамилъ отечество и далъ ножъ брату на брата; или кровь еще болѣе польется, и мы всѣ обратимся въ убійцъ; земля Русская погибнетъ: варвары овладѣютъ ею". Олегъ и Давидъ, подвигнутые такимъ же великодушнымъ негодованіемъ, соединились съ Мономахомъ, приблизились къ Кіеву и грозно требовали отвѣта отъ Святополка. Послы ихъ говорили именемъ князей: „Ежели Василько преступникъ, то для чего же не хотѣлъ ты судиться съ нимъ предъ нами? и въ чемъ состоитъ вина его?" Великій князъ оправдывался своимъ легковѣріемъ и тѣмъ, что не онъ, а Давидъ ослѣпилъ ихъ племянника. „Но въ твоемъ городѣ", сказали послы и вышли изъ дворца. На другой день Владиміръ и Святославичи уже готовились идти за Днѣпръ, чтобы осадить Кіевъ. Малодушный Святополкъ думалъ бѣжать, но граждане не пустили его и, зная доброе сердце Мономаха, отправили къ нему посольство. Митрополитъ и вдовствующая супруга Всеволодова явились въ станѣ соединенныхъ князей: первый говорилъ именемъ народа, вторая плакала и молила. „Князья великодушные!—сказалъ митрополитъ Владиміру и Святославичамъ,—не терзайте отечества междоусобіемъ, не веселите враговъ его. Съ какимъ трудомъ отцы и дѣды ваши утверждали величіе и безопасность государства. Они пріобрѣли чуждыя земли; а вы что дѣлаете? губите собственную". Владиміръ пролилъ слезы: онъ уважалъ память своего родителя, вдовствующую княгиню его и пастыря церкви; а всего болѣе любилъ Россію. „Такъ! — отвѣтствовалъ Мономахъ съ горестію: — мы недостойны своихъ предковъ и заслуживаемъ сію укоризну". Князья согласились на миръ, и Владиміръ простилъ Святополку собственную обиду: ибо сей неблагодарный, обязанный ему престоломъ, не устыдился повѣрить клеветѣ и считать его своимъ тайнымъ злодѣемъ. Великій князь, сложивъ всю вину на Давида, далъ слово наказать его какъ общаго недруга.

Давидъ свѣдалъ о томъ и хотѣлъ отвратить бурю. Здѣсь одинъ изъ дополнителей Несторовой лѣтописи, именемъ Василій—вѣроятно, инокъ или священникъ—представляетъ самъ важное дѣйствующее лицо и разсказываетъ слѣдующія обстоятельства: „Я былъ тогда въ Владимірѣ. Князь Давидъ ночью прислалъ за мною. Окруженный своими боярами, онъ велѣлъ мнѣ сѣсть и сказалъ: Василько говоритъ, что я могу примириться съ Владиміромъ. Иди къ заключенному; совѣтуй ему, чтобы онъ отправилъ посла къ Мономаху и склонилъ сего князя оставить меня въ покоѣ. Въ знакъ благодарности дамъ Васильку любой изъ городовъ Червенскихъ: Всеволожъ, Шеполь или Перемышль. Я исполнилъ Давидову волю. Несчастный Василько слушалъ меня со вниманіемъ и съ кротостію отвѣтствовалъ: „Я не говорилъ ни слова; но сдѣ-

лаю угодное Давиду и не хочу, чтобы для меня проливали кровь россіянъ. Только удивляюсь, что Давидъ въ знакъ милости даетъ мнѣ собственный мой городъ Шеполь: я и въ темницѣ князь Теребовля. Скажи, что желаю видѣть и послать ко Владимиру боярина моего, Кульмея. Давидъ не хотѣлъ того, отвѣтствуя, что сего человѣка нѣтъ во Владимірѣ. Я вторично пришелъ къ Васильку, который выслалъ слугу, сѣлъ со мною и говорилъ такъ: Слышу, что Давидъ мыслитъ отдать меня въ руки ляхамъ; онъ еще не сытъ моею кровію: ему надобна остальная. Я мстилъ ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла: пусть воля Давидова совершится! Не боюсь смерти. Но, любя истину, открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за гордость. Зная, что идутъ ко мнѣ союзные торки, берендѣи, половцы и печенѣги, я думалъ въ своей надменности: теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ не богата жителями: пойду на дунайскихъ болгаровъ и плѣнниками населю ея пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владиміра на общихъ враговъ отечества, на злодѣевъ половцевъ; достигну славы или положу голову за Русскую землю. Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянуся Богомъ, что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ любезнымъ". Сей несчастный князь, въ стѣнахъ темницы открывая душу свою какому-нибудь смиренному иноку, не думалъ, что самое отдаленное потомство услышитъ его слова, достойныя героя!

Еще болѣе мѣсяца Василько томился въ заключеніи: Владиміръ—озабоченный, какъ вѣроятно, набѣгами половцевъ—не могъ освободить его. Давидъ ободрился и хотѣлъ увеличить область свою завоеваніемъ Теребовля, но, устрашенный мужествомъ Володаря Ростиславича, не дерзнулъ обнажить меча въ полѣ и бѣжалъ въ городъ Бужскъ. Володарь, осадивъ его, требовалъ единственно брата, и гнусный Давидъ, принужденный отпустить Василька, увѣрялъ, что одинъ Святополкъ былъ виною злодѣянія. „Не въ моей области,—говорилъ онъ, — пострадалъ братъ твой; я долженъ былъ на все согласиться, чтобы не имѣть такой же участи". Володарь заключилъ миръ; но какъ скоро освободилъ Василька, то снова объявилъ войну Давиду. Ослѣпленные злобою мести, Ростиславичи обратили въ пепелъ городъ Всеволожъ, безчеловѣчно умертвили жителей и, приступивъ ко Владиміру, велѣли сказать гражданамъ, чтобы они выдали имъ трехъ совѣтниковъ Давидовыхъ, научившихъ его погубить Василька. Граждане созвали вѣче и разсуждали, что имъ дѣлать. „Мы рады умереть за самого князя,—говорилъ народъ:—а слуги его не стоятъ

кровопролитія. Онъ долженъ исполнить нашу волю, или отворимъ городскія ворота и скажемъ ему: промышляй о себѣ!“ Давидъ хотѣлъ спасти наперсниковъ, но, боясь возмущенія, предалъ двухъ изъ нихъ въ жертву (третій ушелъ въ Кіевъ). Злодѣевъ повѣсили и разстрѣляли: Васильковы отроки совершили сію месть въ знакъ любви къ своему князю.

Ростиславичи удалились; но Давидъ не избавился отъ бѣдствія. Святополкъ, обязанный торжественною клятвою, шелъ наказать его и стоялъ уже въ Брестѣ. Давидъ искалъ защиты у короля польскаго, Владислава; сей государь, взявъ отъ него 50 гривенъ золота, велѣлъ ему ѣхать съ собою, расположился станомъ на Бугѣ и вступилъ въ переговоры съ великимъ княземъ. Королю хотѣлось новыхъ даровъ; получивъ ихъ отъ Святополка, онъ совѣтовалъ Давиду возвратиться въ свою область, ручаясь за его безопасность. Но великій князь, съ согласія поляковъ, немедленно осадилъ Владиміръ. Обманутый королемъ, Давидъ чрезъ семь недѣль примирился съ Святополкомъ, уступилъ ему Владимірскую область и выѣхалъ въ Польшу.

Святополкъ не замедлилъ остыдить себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ предѣлы Волыніи, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что будетъ имъ другомъ, и желаетъ единственно смирить ихъ общаго непріятеля, Давида; но, побѣдивъ его, великій князь захотѣлъ овладѣть Перемышлемъ и Теребовлемъ, объявляя, что сіи города принадлежали нѣкогда отцу его и брату. Святополкъ надѣялся на многочисленное войско, а мужественные Ростиславичи—на свою правду. Слѣпой Василько явился на мѣстѣ битвы и, показывая въ рукахъ крестъ, громко кричалъ Святополку: „Видишь ли мстителя, клятвопреступникъ? Лишивъ меня зрѣнія, хочешь отнять и жизнь мою. Крестъ святый да будетъ намъ судіею“. Сраженіе было кровопролитное. Святополкъ не могъ устоять и бѣжалъ въ Владиміръ, поручивъ сей городъ сыну Мстиславу, прижитому съ наложницею; другого сына, Ярослава, отправилъ въ Венгрію за наемнымъ войскомъ; племянника, Святошу Давидовича, оставилъ въ Луцкѣ, а самъ уѣхалъ въ Кіевъ. Ростиславичи гнались за побѣжденнымъ только до границъ своей области и возвратились, не желая никакихъ пріобрѣтеній: умѣренность великодушная! Они помнили клятву, данную ими въ Любечѣ, и гнушались примѣрами вѣроломства.

Сынъ великаго князя, Ярославъ, склонилъ государя венгерскаго объявить войну Ростиславичамъ, и Коломанъ, собравъ великія силы, вступилъ въ Червенскую область. Володарь затворился въ Перемышлѣ. Давидъ Игоревичъ, напрасно искавъ друзей и союзниковъ внѣ государства, возвратился тогда изъ Польши: видя общую опасность, прибѣгнулъ къ Ростиславичамъ и, въ

знакъ довѣренности оставивъ жену свою у Володаря, отправился къ половцамъ. Ханъ Бонякъ, встрѣтивъ его на границѣ, взялся дѣйствовать противъ врага Россіи. Лѣтописецъ говоритъ, что половцевъ было 390 человѣкъ, а Давидовыхъ воиновъ 100; что Бонякъ, искусный гадатель будущаго, въ темную глубокую ночь отъѣхалъ отъ стана и началъ выть: что звѣри степные отвѣтствовали ему такимъ же воемъ и что обрадованный ханъ предсказалъ Давиду несомнительную побѣду. Суевѣріе бываетъ иногда счастливо: ободривъ воиновъ, мужественный Бонякъ раздѣлилъ ихъ на три части; велѣлъ товарищу своему, Алтунопѣ, идти прямо на венгровъ съ 50 стрѣлками; поручилъ Давиду главный отрядъ, а самъ засѣлъ впереди по обѣимъ сторонамъ дороги, имѣя не болѣе ста человѣкъ. Алтунопа увидѣлъ вдали множество венгровъ, коихъ оружіе и латы блистали отъ первыхъ лучей восходящаго солнца и которые стояли рядами на великомъ пространствѣ. Онъ шелъ смѣло и, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, обратился въ бѣгство. Когда же венгры устремились вслѣдъ за нимъ безъ всякаго порядка, Бонякъ ударилъ на нихъ въ тылъ, Алтунопа спереди, Давидъ также. Володарь, осажденный въ Перемышлѣ, могъ воспользоваться симъ случаемъ для удачной вылазки. Изумленные венгры въ ужасѣ, въ смятеніи, давили другъ друга, бросались въ рѣку Санъ и тонули. Побѣдители гнали ихъ два дни. Самъ Коломанъ едва спасъ жизнь свою, потерявъ 40,000 воиновъ, многихъ бароновъ и тѣлохранителей; а сынъ Святополковъ ушелъ въ Брестъ. Венгерскіе лѣтописцы разсказываютъ, что виною сего безпримѣрнаго несчастія была неосторожность ихъ государя, обманутаго притворными слезами вдовствующей россійской княгини Лавки, которая, стоя на колѣнахъ, умоляла его быть милосердымъ къ ея народу; что венгры, не ожидая сопротивленія и битвы, спали крѣпкимъ сномъ, когда ханъ половецкій напалъ въ глубокую ночь на ихъ станъ и, не давъ имъ опомниться, умертвилъ множество людей. Коломанъ, безъ сомнѣнія, думалъ тогда завладѣть Червенскою областію: съ нимъ были не только знаменитѣйшіе свѣтскіе чиновники, но и епископы, готовые обращать россіянъ въ свою вѣру. Одинъ изъ сихъ епископовъ, именемъ Купанъ, погибъ въ сраженіи.

Давидъ Игоревичъ, желая употребить въ свою пользу несчастіе Святополка и союзниковъ его, взялъ Червенъ и внезапно осадилъ Владиміръ, гдѣ сынъ великаго князя, Мстиславъ, собственною неустрашимостію ободрялъ воиновъ; но пораженный стрѣлою—въ самое то мгновеніе, какъ онъ натягивалъ лукъ—сей юноша палъ на стѣнѣ и чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Три дня кончина его была тайною для народа: узнавъ оную, граждане въ общемъ совѣтѣ положили увѣдомить Святополка о своей край-

ности. Съ одной стороны они боялись гнѣва его, съ другой — неминуемаго голода. Святополкъ отправилъ къ нимъ воеводу Путяту и велѣлъ ему соединиться въ Луцкѣ съ дружиною Святоши. Сей юный племянникъ великаго князя взялъ подъ стражу Давидовыхъ пословъ, которыхъ онъ до того времени клятвенно увѣрялъ въ дружбѣ, обѣщаясь извѣстить ихъ государя о первомъ движеніи Святополкова войска. Обманутый Давидъ безпечно отдыхалъ въ полдень, когда Путята и Святоша напали на его станъ; въ то же время осажденные сдѣлали вылазку. Пробужденный шумомъ и крикомъ битвы, Давидъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и владимірцы съ радостію приняли въ городъ свой посадника Святополкова; но обстоятельства перемѣнились, какъ скоро Путята вывелъ оттуда войско. Бонякъ, славный побѣдитель венгровъ, вступился за Давида и возвратилъ ему область его, изгнавъ Святошу изъ Луцка и посадника кіевскаго изъ Владиміра.

Тогда князья россійскіе, взаимно огорчаемые своимъ несогласіемъ, вѣроломствомъ, малодушнымъ властолюбіемъ, вторично собралися близъ Кіева: Святополкъ, Мономахъ и Святославичи заключили новый союзъ между собою и звали Давида. Сей князь Владимірскій не дерзнулъ ихъ ослушаться, но, пріѣхавъ, гордо сказалъ: „Я здѣсь, чего отъ меня хотите? кто недоволенъ мною“?... „Не ты ли самъ, — отвѣтствовалъ ему Владиміръ, — желалъ общаго княжескаго собранія, чтобы представить намъ свои неудовольствія? Теперь сидишь на одномъ коврѣ съ братьями: говори, кто и чѣмъ оскорбилъ тебя?“ Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ своею дружиною. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ они снеслися между собою и послы ихъ торжественно сказали ему: „Князь Давидъ! объявляемъ волю нашихъ государей. Область Владимірская уже не твоя отнынѣ: ибо ты былъ причиною вражды и злодѣйства, неслыханнаго въ Россіи. Но живи спокойно; не бойся мести. Бужскъ остается твоимъ городомъ; Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Черторижскъ, Мономахъ 200 гривенъ. Олегъ и братъ его тоже“. Давидъ смирился и Святополкъ черезъ нѣкоторое время уступилъ ему Дорогобужъ-Волынскій, отдавъ Владиміръ сыну своему, Ярославу. Соединенные князья отправили также пословъ къ Ростиславичамъ, требуя, чтобы они выдали плѣнниковъ, взятыхъ ими въ битвѣ съ коварнымъ Святополкомъ, и господствовали въ одномъ Перемышлѣ; чтобы Володарь взялъ къ себѣ несчастнаго Василька или прислалъ къ дядямъ, которые обязываются кормить его. Но Ростиславичи съ гордостію отвергнули сіе предложеніе и великодушный слѣпецъ хотѣлъ умереть Теребовльскимъ княземъ. Святополкъ, испытавъ храбрость ихъ, не смѣлъ уже воевать съ ними, но строго наказалъ своего родного пле-

мянника, Ярослава, сына Ярополкова, который, господствуя въ Брестѣ, вооружался и хотѣлъ завладѣть другими городами. Его привезли въ Кіевъ окованнаго цѣпями. Митрополитъ и духовенство испросили ему свободу; но сей несчастный, бѣжавъ изъ Кіева, попался въ руки владимірскому князю, сыну Святополкову: снова былъ заключенъ и черезъ десять мѣсяцевъ умеръ въ темницѣ.

Раздѣленіе государства, вообще ослабивъ его могущество, уменьшило и власть князей. Народъ, видя ихъ междоусобіе и частое изгнаніе, не могъ имѣть къ нимъ того священнаго уваженія, которое необходимо для государственнаго блага. Читатель замѣтилъ уже многіе примѣры тогдашняго своевольства гражданъ: слѣдующее происшествіе еще яснѣе доказываетъ оное. Великій князь и Мономахъ согласились отдать Новгородъ сыну перваго, а Мстиславу, въ замѣну сей области, Владиміръ. Исполняя волю отца, Мстиславъ явился во дворцѣ кіевскомъ, сопровождаемый знатными новогородцами и боярами Мономаха. Когда Святополкъ посадилъ ихъ, бояре говорили ему: „Мономахъ прислалъ къ тебѣ Мстислава, чтобы ты отправилъ его княжить въ Владиміръ, а сына своего въ Новгородъ. „Нѣтъ! — сказали послы новгородскіе: — объявляемъ торжественно, что сего не будетъ, Святополкъ! ты самъ добровольно оставилъ насъ; теперь уже не хотимъ ни тебя, ни сына твоего. Пусть ѣдетъ въ Новгородъ, ежели у него двѣ головы! Мы сами воспитали Мстислава, даннаго намъ еще Всеволодомъ“. Великій князь долго спорилъ съ ними, но, поставивъ на своемъ, они возвратились въ Новгородъ съ Мстиславомъ.

Между тѣмъ второй княжескій съѣздъ былъ счастливѣе перваго, утвердивъ союзъ Святославичей съ великимъ княземъ и Мономахомъ. Половцы, опасаясь слѣдствій онаго, именемъ всѣхъ хановъ своихъ требовали мира и, заключивъ его въ городѣ Саковѣ, взяли и дали аманатовъ. Сей миръ, какъ и прежніе, только отсрочилъ войну, необходимую по мнѣнію благоразумнаго князя Владиміра. Въ слѣдующій годъ, весною, онъ и Святополкъ имѣли свиданіе близъ Кіева, на лугу и, сидя въ одномъ шатрѣ, совѣтовались съ боярами. Дружина великаго князя говорила, что весна неблагопріятна для военныхъ дѣйствій, что если они для конницы возьмутъ лошадей у земледѣльцевъ, то поля останутся не вспаханы и въ селахъ не будетъ хлѣба. „Удивляюсь (отвѣтствовалъ Мономахъ), что вы жалѣете коней болѣе отечества. Мы дадимъ время пахать земледѣльцу; а половчинъ застрѣлитъ его на самой нивѣ, въѣдетъ въ село, плѣнитъ жену, дѣтей и возьметъ все имѣніе оратая“. Бояре не могли оспаривать сего убѣдительнаго возраженія, и великій князь, вставъ съ мѣста, сказалъ:

я готовъ! Владимiръ съ нѣжностiю обнялъ брата, говоря ему, что земля Русская назоветъ его своимъ благодѣтелемъ. Они старались возбудить такую же ревность и въ другихъ князьяхъ, призывая ихъ смирить варваровъ или умереть героями. Олегъ Святославовичъ отговорился болѣзнiю; но два брата его охотно вооружились. Князь полоцкiй, Всеславъ, знаменитый врагъ племени Ярославова, скончался въ 1101 году; меньшiй сынъ его, Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ, также Игоревъ внукъ, Мстиславъ, коего отецъ неизвѣстенъ и который вмѣстѣ съ дядею своимъ, Давидомъ Игоревичемъ, въ 1099 году осаждавъ Владимiръ, искалъ потомъ добычи или славы на морѣ. Великiй князь взялъ съ собою родного племянника, Вячеслава, а Мономахъ сына своего, Ярополка. Грозное ополченiе сухимъ путемъ и водою двинулось къ югу. Флотъ остановился за Днѣпровскими порогами, у Хортицкаго острова: тамъ построилось войско и четыре дня шло степями къ востоку до мѣста, называемаго Сутень. Встревоженные непрiятели собирались многочисленными толпами къ вежамъ своихъ хановъ, которые, видя опасность, совѣтовались между собою, что имъ дѣлать. Старшiй изъ нихъ, именемъ Урособа, говорилъ товарищамъ, что надобно просить мира и что россiяне, долгое время терпѣвъ отъ половцевъ, будутъ сражаться отчаянно. Ко славѣ соединенныхъ князей, младшiе ханы отвергнули сей благоразумный совѣтъ, съ гордостью отвѣтствуя: „Старецъ! ты боишься россiянъ! но мы положимъ дерзкихъ враговъ на мѣстѣ и возьмемъ всѣ беззащитные города ихъ".

Въ то время, когда половцы уже дѣлили въ мысляхъ своихъ добычу нашего стана, россiяне готовились къ битвѣ молитвою и благочестивыми обѣтами; одни давали клятву, въ случаѣ побѣды, наградить убогихъ; другiе — украсить церкви и монастыри вкладами. Успокоенные теплою вѣрою, они шли съ бодростiю и веселiемъ. Алтунопа, славнѣйшiй изъ храбрецовъ половецкихъ, былъ впереди на стражѣ; россiяне, окруживъ его, совершенно истребили сей отрядъ непрiятельскiй. Началось главное сраженiе. Лѣтописецъ говоритъ, что многочисленные полки варваровъ казались на обширной степи дремучимъ, необозримымъ боромъ; но что половцы, объятые тайнымъ ужасомъ, были какъ сонные, едва могли править своими конями и смятые первымъ ударомъ нашихъ, бѣжали во всѣ стороны. Никогда еще россiйскiе князья не одерживали такой знаменитой побѣды надъ варварами. Урособа и 19 другихъ хановъ пали въ сраженiи. Одного изъ нихъ, именемъ Бельдюза, привезли къ Святополку: сей плѣнникъ хотѣлъ откупиться серебромъ, золотомъ и конями. Святополкъ велѣлъ отвести его къ Владимiру, который сказалъ ему: „Ты не училъ дѣтей

своихъ и товарищей бояться клятвопреступленія. Сколько разъ вы обѣщали миръ и губили христіанъ? Да будетъ же кровь твоя на головѣ твоей!“ Бельдюза разсѣкли на части. Побѣдители взяли въ добычу множество скота, верблюдовъ, коней; освободили невольниковъ и въ числѣ плѣнныхъ захватили торковъ и печенѣговъ, которые служили половцамъ. Увѣнчанный славою Мономахъ, призывая россіянъ къ торжеству и веселію, хвалилъ ихъ мужество, но всего болѣе славилъ небо. „Сей день (говорилъ онъ) есть праздникъ для отечества. Всевышній избавилъ отъ враговъ землю Русскую: они лежатъ у ногъ нашихъ! Сокрушены главы змія и мы обогатилися достояніемъ невѣрныхъ“. Въ надеждѣ, что половцы не дерзнутъ уже безпокоить Россію, Святополкъ старался загладить слѣды ихъ прежнихъ опустошеній и возобновилъ городъ Юрьевъ, ими сожженный на берегу Роси.

Къ несчастію, сіи мирныя попеченія о гражданскомъ благосостояніи государства не могли тогда имѣть успѣха: княженіе Святополка отъ начала до конца представляетъ цѣпь разныхъ дѣйствій. Россія была станомъ воинскимъ и звукъ оружія не давалъ успокоиться ея жителямъ.

Ярославъ Святославовичъ, братъ Олеговъ и Давидовъ, былъ побѣжденъ мордвою, въ губерніи Тамбовской или Нижегородской, гдѣ сей народъ обиталъ издревле въ сосѣдствѣ съ казанскими болгарами.—Слѣдуя примѣру отцовъ своихъ, великій князь и Мономахъ вооружились противъ наслѣдниковъ Всеславовыхъ, которые независимо господствовали въ Полоцкой области. Путята, воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ, сынъ Владиміровъ, ходили осаждать Глѣба Всеславича въ Минскъ. Родной братъ Глѣбовъ, Давидъ, находился съ ними: вѣроятно, что онъ держалъ ихъ сторону. Но войско соединенное возвратилось безъ успѣха.—Всеславичи, избавленные отъ сей опасности, хотѣли покорить Семигалію. Несторъ называетъ ея жителей данниками Россіи: быть можетъ, что они прежде зависѣли отъ князей полоцкихъ и вздумали тогда отложиться. Кровопролитная битва утвердила ихъ свободу: Всеславичи, потерявъ 9,000 воиновъ, едва могли спасти остатокъ своей рати.

Съ другой стороны половцы новымъ грабительствомъ доказали Мономаху, что онъ еще не сокрушилъ гидры и что не всѣ главы ея пали отъ меча россійскаго. Уже варвары съ добычею и съ невольниками возвращались въ свою землю, когда воеводы Святополковы настигли ихъ за Сулою и выручили плѣнныхъ. Въ слѣдующій годъ отважный Бонякъ, захвативъ табуны переяславскіе, приступилъ къ Лубнамъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ вождемъ половецкимъ, старымъ Шаруканомъ. Великій князь, Олегъ, Мстиславъ, Игоревъ внукъ, Мономахъ съ двумя сынами, перешли за

Сулу и съ грознымъ воплемъ устремились на варваровъ, которые не имѣли времени построиться, ни сѣсть на коней, и спасаясь бѣгствомъ, оставили весь обозъ свой въ добычу побѣдителю. Россіяне, гнавъ ихъ до самаго Хороля, многихъ убили и взяли въ плѣнъ.—Сіи успѣхи не возгордили Олега и Мономаха, которые въ томъ же году женили сыновей своихъ на дочеряхъ ханскихъ. Омерзеніе къ злобнымъ язычникамъ уступало политикѣ и надеждѣ успокоить государство хотя на малое время. — Миръ не продолжался и двухъ лѣтъ: россіяне уже въ 1109 и въ слѣдующемъ году воевали близъ Дона и брали вежи половецкія. Наконецъ, Мономахъ снова убѣдилъ князей дѣйствовать соединенными силами, и въ то время, когда народъ говѣлъ, слушая въ храмахъ молитвы великопостныя, воины собирались подъ знаменами. Достойно замѣчанія, что около сего времени были многія воздушныя явленія въ Россіи и самое землетрясеніе; но благоразумные люди старались ободрять суевѣрныхъ, толкуя имъ, что необыкновенныя знаменія предвѣщаютъ иногда необыкновенное счастіе для государства или побѣду: ибо россіяне не знали тогда иного счастія. Самые мирные иноки возбуждали князей разить злобныхъ супостатовъ, вѣдая, что Богъ мира есть также и Богъ воинствъ, подвигнутыхъ любовію ко благу отечества. Россіяне выступили 26 февраля и въ осьмый день стояли уже на Гольтвѣ, ожидая заднихъ отрядовъ. На берегахъ Ворсклы они торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть великодушно; оставили многія рѣки за собою и 19 марта увидѣли Донъ. Тамъ воины облеклися въ брони и стройными рядами двинулись къ югу. Сей знаменитый походъ напоминаетъ Святославовъ, когда отважный внукъ Рюриковъ шелъ отъ береговъ Днѣпра сокрушить величіе Козарской имперіи. Его смѣлые витязи ободряли, можетъ быть, другъ друга пѣснями войны и кровопролитія: Владиміровы и Святополковы съ благоговѣніемъ внимали церковному пѣнію іереевъ, коимъ Мономахъ велѣлъ идти предъ воинствомъ съ крестами. Россіяне пощадили непріятельскій городъ Осеневъ (ибо жители встрѣтили ихъ съ дарами: съ виномъ, медомъ и рыбою); другой, именемъ Сугровъ, былъ обращенъ въ пепелъ. Сіи города на берегу Дона существовали до самаго нашествія татаръ и были, какъ вѣроятно, основаны козарами: половцы, завладѣвъ ихъ страною, и сами уже обитали въ домахъ. 24 марта князья разбили варваровъ и праздновали Благовѣщеніе вмѣстѣ съ побѣдою; но черезъ два дни свирѣпые враги окружили ихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ Сала. Битва, самая отчаянная и кровопролитная, доказала превосходство россіянъ въ искусствѣ воинскомъ. Мономахъ сражался какъ истинный герой и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ сломилъ непріятеля. Лѣтописецъ говоритъ, что ангелъ свыше

каралъ половцевъ и что головы ихъ, невидимою рукою ссѣкаемыя, летѣли на землю: Богъ всегда невидимо помогаетъ храбрымъ. Россіяне, довольные множествомъ плѣнныхъ, добычею, славою (которая, по увѣренію современниковъ, разнеслася отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи до самаго Рима) возвратились въ отечество, уже не думая о своихъ древнихъ завоеваніяхъ на берегахъ Азовскаго моря, гдѣ половцы, безъ сомнѣнія, тогда господствовали, овладѣвъ Воспорскимъ царствомъ или Тмутороканскимъ княженіемъ, коего имя съ сего времени исчезло въ нашихъ лѣтописяхъ.

Въ числѣ многихъ князей, ходившихъ на Донъ съ Владиміромъ и Святополкомъ, былъ и Давидъ Игоревичъ Дорогобужскій, памятный злодѣйствомъ: онъ скоро умеръ, область его наслѣдовалъ зять Мстислава Новгородскаго, Ярославъ Святополковичъ, который ознаменовалъ свое мужество двукратною побѣдою надъ ятвягами, строптивыми данниками нашего отечества. Сею войною заключились подвиги россіянъ въ бурное княженіе Святополка, умершаго въ 1113 году. Онъ имѣлъ всѣ пороки малодушныхъ: вѣроломство, неблагодарность, подозрительность, надменность въ счастіи и робость въ бѣдствіяхъ. При немъ унизилось достоинство великаго князя, и только сильная рука Мономахова держала его 20 лѣтъ на престолѣ, даруя побѣды отечеству.

Святополкъ былъ набоженъ: готовясь къ войнѣ, къ путешествію, онъ всегда бралъ молитву у печерскаго игумена надъ гробомъ Θеодосія и тамъ же благодарилъ Всевышняго за всякую побѣду; украшалъ, строилъ церкви,—какъ-то Михаила Златоверхаго въ Кіевѣ, гдѣ погребено тѣло сего князя—и въ 1108 году велѣлъ митрополиту вписать Θеодосіево имя въ синодикъ для поминовенія во всѣхъ россійскихъ епископіяхъ. Довольный наружностію благочестія, онъ явно преступалъ святые уставы нравственности, имѣя наложницъ и равняя побочныхъ дѣтей съ законными.

Святополкъ оставилъ супругу, которая по его смерти раздала великое богатство монастырямъ, священникамъ и бѣднымъ (ибо онъ собралъ множество золота и при томъ всякими средствами терпѣлъ евреевъ въ Кіевѣ, — вѣроятно переѣхавшихъ къ намъ изъ Тавриды—и самъ не стыдился, къ утѣсненію народа, торговать солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемышля),— Сбыслава, дочь великаго князя, въ 1102 году сочеталась бракомъ съ королемъ польскимъ Болеславомъ Кривоустымъ. Взаимная государственная польза требовала союза и Балдвинъ, епископъ краковскій, исходатайствовалъ разрѣшеніе отъ папы: ибо княжна россійская была въ свойствѣ съ королемъ. Брачное торжество совершилось въ Краковѣ; Болеславъ, въ изъявленіе своего удо-

вольствія, щедро одарилъ вельможъ польскихъ. Онъ уважалъ тестя и простилъ своего брата, мятежнаго Избыгнѣва, который въ 1106 году, пріѣхавъ въ Кіевъ, молилъ великаго князя быть посредникомъ между ими. Вторая дочь Святополкова, именемъ Передслава, 1104 г. вышла за королевича венгерскаго, сына Коломанова, Ладислава или Николая. Въ то же самое время, въ 1104 году, третья княжна россійская, дочь знаменитаго Володаря и племянница Василькова, была выдана за царевича греческаго, сына Алексіева, Андроника или Исаакія: первый убитъ на войнѣ въ цвѣтущей юности, второй былъ родоначальникомъ императоровъ Трапезунтскихъ.—Коломанъ, государь венгерскій, уже престарѣлый, женился въ 1112 году на дочери Мономаховой, Евфиміи; но сей бракъ имѣлъ несчастныя слѣдствія. Подозрѣвая супругу въ невѣрности, Коломанъ развелся съ нею, и Евфимія, беременная, возвратилась въ отечество, гдѣ родила сына Бориса.

Въ княженіе Святополково митрополитами были греки Николай и Никифоръ; первый ѣздилъ посломъ къ Мономаху отъ кіевскихъ гражданъ, въ 1098 году, и ходатайствовалъ за несчастнаго племянника Святополкова, Ярослава; при второмъ сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, названный за его благочестіе Святошею, отказался отъ міра и заключился въ обители Печерской, уважая монашескія добродѣтели болѣе гражданскихъ. Сей князь, бывъ сперва слугою иноковъ и вратаремъ, долгое время смирялъ плоть свою трудами и воздержаніемъ, безпрестанно работая въ кельѣ или въ саду, имъ разведенномъ; отдавалъ бѣднымъ все, что имѣлъ, и способствовалъ въ монастырѣ своемъ заведенію библіотеки. Время Никифоровой паствы ознаменовалось еще въ церковныхъ лѣтописяхъ прибытіемъ въ Новгородъ св. Антонія Римскаго, ученаго мужа, которому тамошніе чиновники и епископъ Никита дали, на берегу Волхова, мѣсто и село для основанія монастыря, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи.

Къ достопамятностямъ вѣка Святополкова принадлежитъ любопытное путешествіе россійскаго игумена Даніила къ святымъ мѣстамъ, уже завоеваннымъ тогда крестоносцами. Славный Балдвинъ царствовалъ въ Іерусалимѣ: Даніилъ въ своихъ запискахъ хвалитъ его добродѣтели, привѣтливость, смиреніе. Подъ защитою королевской дружины сей игуменъ ходилъ къ Дамаску, въ Акру и могъ безопасно смотрѣть всю Палестину, гдѣ еще скитались толпы невѣрныхъ и грабили христіанъ. Онъ выпросилъ дозволеніе у Балдвина поставить лампаду надъ гробомъ Спасителя и записалъ въ обители св. Саввы для поминанія на ектеніяхъ имена князей россійскихъ: Святополка-Михаила, Владиміра-Василія, Давида Святославича, Олега-Михаила, Святослава-Панкратія и Глѣба Минскаго. Достойно замѣчанія, что многіе знатные кіевляне и

новогородцы находились тогда въ Іерусалимѣ. Алексій Комнинъ, безъ сомнѣнія, приглашалъ и Россіянъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ христіанства; отечество наше имѣло собственныхъ; но вѣроятно, что сіе обстоятельство не мѣшало нѣкоторымъ витязямъ россійскимъ искать опасностей и славы подъ знаменами крестоваго воинства. Впрочемъ, быть можетъ, что одно христіанское усердіе и желаніе поклониться гробу Іисусову приводило ихъ въ Палестину: ибо мы знаемъ по инымъ современнымъ и не менѣе достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что россіяне въ XI вѣкѣ часто давали небу обѣтъ видѣть ея мѣста святыя.

Описаніе временъ Святополковыхъ заключимъ извѣстіемъ, что Несторъ при семъ князѣ кончилъ свою лѣтопись, сказавъ намъ, въ 1106 году, о смерти добраго, девяносто-лѣтняго старца Яня, славнаго воеводы, жизнію подобнаго древнимъ христіанскимъ праведникамъ, и сообщившаго ему многія свѣдѣнія для его историческаго творенія. Отселѣ путеводителями нашими будутъ другіе, также современные лѣтописцы.

ГЛАВА VII.

Владиміръ Мономахъ, названный въ крещеніи Василіемъ.

Г. 1113—1125.

Грабятъ жидовъ въ Кіевѣ.—Мономахъ усмиряетъ мятежъ.—Новое перенесеніе мощей Бориса и Глѣба.—Законъ о ростахъ.—Побѣды въ Ливоніи, въ Финляндіи, въ Болгаріи, на Дону.—Черные клобуки.—Бѣловежцы.—Дѣла съ греками.—Мономахова шапка.—Царевичъ Леонъ.—Усмиреніе минскаго князя и новогородцевъ.—Изгнаніе и бѣдствіе князя владимірскаго.—Венгры, богемцы и поляки въ Россіи.—Ихъ неудача.—Плѣнъ Володаря.—Смерть трехъ князей знаменитыхъ.—Кончина Мономахова.—Свойства его.—Поученіе.—Основаніе Владиміра Залѣсскаго.—Гида, супруга Мономахова.—Ея дѣти.—Сочиненіе митрополита Никифора.

По смерти Святополка-Михаила граждане кіевскіе, опредѣливъ въ торжественномъ совѣтѣ, что достойнѣйшій изъ князей россійскихъ долженъ быть великимъ княземъ, отправили пословъ къ Мономаху и звали его властвовать въ столицѣ. Добродушный Владиміръ давно уже забылъ несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивалъ его кончину и въ сердечной горести отказался отъ предложенной ему чести. Вѣроятно, что онъ боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи дѣтьми старшаго Яро-

славова сына, по тогдашнему обыкновенію, долженствовали наслѣдовать престолъ великокняжескій. Сей отказъ имѣлъ несчастныя слѣдствія: кіевляне не хотѣли слышать о другомъ государѣ, а мятежники, пользуясь безначаліемъ, ограбили домъ тысяцкаго, именемъ Путяты, и всѣхъ жидовъ, бывшихъ въ столицѣ подъ особеннымъ покровительствомъ корыстолюбиваго Святополка. Спо-

ВЛАДИМІРЪ II. ВСЕ-ВОЛОДОВИЧЪ.
Мономахъ
Вел. Кн. Россійскій

койные граждане, приведенные въ ужасъ такимъ безпорядкомъ, вторично звали Мономаха. „Спаси насъ,—говорили ихъ, послы—отъ неистовства черни; спаси отъ грабителей домъ печальной супруги Святополковой, собственные наши домы и святыню монастырей“. Владиміръ пріѣхалъ въ столицу: народъ изъявилъ необычайную радость, и мятежники усмирились, видя князя великодушнаго на главномъ престолѣ россійскомъ.

Даже и Святославичи не противились общему желанію; уступили Мономаху права свои, остались князьями удѣльными и жили съ нимъ въ согласіи до самой ихъ кончины. Они счастливѣе отцовъ своихъ торжествовали вмѣстѣ пренесеніе мощей св. Бориса и Глѣба изъ ветхой церкви въ новый каменный храмъ Вышегородскій: симъ дѣйствіемъ Владиміръ изъявилъ, въ началѣ своего правленія, не только набожность, но и любовь къ отечеству: ибо древняя Россія признавала оныхъ мучениковъ главными ея небесными заступниками, ужасомъ враговъ и подпорою нашихъ воинствъ. Еще будучи княземъ переяславскимъ, онъ украсилъ серебряную раку святыхъ золотомъ, хрусталемъ и рѣзьбою столь хитрою, какъ говоритъ лѣтописецъ, что греки дивились ея богатству и художеству. Изъ отдаленнѣйшихъ странъ Россіи собрались тогда въ Вышегородѣ князья, духовенство, воеводы, бояре; безчисленное множество людей тѣснилось на улицахъ и стѣнахъ городскихъ; всякій хотѣлъ прикоснуться къ святому праху, и Владиміръ, чтобы очистить дорогу для клироса, велѣлъ бросать народу ткани, одежды, драгоцѣнныя шкуры звѣрей, сребреники. Олегъ далъ роскошный пиръ князьямъ; три дня угощали бѣдныхъ и странниковъ.—Сіе торжество, и церковное, и государственное, изображая духъ времени, достойно замѣчанія въ исторіи.

Мономахъ спѣшилъ также благодѣяніями человѣколюбиваго законодательства утвердить свое право на имя отца народнаго. Причиною кіевскаго мятежа было, кажется, лихоимство евреевъ: вѣроятно, что они, пользуясь тогдашнею рѣдкостію денегъ, угнетали должниковъ неумѣренными ростами. Мономахъ, желая облегчить судьбу недостаточныхъ людей, собралъ въ Берестовскомъ дворцѣ своемъ знатнѣйшихъ бояръ и тысяцкихъ: Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, нажира Мирослава и боярина Олегова, Іоанна Чудиновича; разсуждалъ, совѣтовался съ ними и, наконецъ, опредѣлилъ, что заимодавецъ, взявъ три раза съ одного должника такъ называемые третные росты, лишается уже истинныхъ своихъ денегъ или капитала: ибо какъ ни велики были тогдашніе годовые росты, но мѣсячные и третные еще превышали ихъ.—Мономахъ включилъ сей законъ въ Уставъ Ярославовъ.

Сей государь щадилъ кровь и людей, но зналъ, что вѣрнѣйшее средство утвердить тишину есть быть грознымъ для внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей. Сынъ его, Мстиславъ, два раза побѣдивъ чудь, завладѣлъ городомъ Оденпе, или Медвѣжьею Головою въ Ливоніи. Призванный отцомъ княжить въ Бѣлгородѣ, онъ поручилъ Новогородскую область сыну, юному Всеволоду, который ознаменовалъ воинскій духъ свой счастливымъ, но многотруднымъ походомъ въ Финляндію. Худый зимній путь (ибо весна уже на-

ступала) и бѣдность земли угрожали россіянамъ голодною смертію; недостатокъ былъ такъ великъ, что они за каждый хлѣбъ платили ногату.—Меньшій братъ Мстиславовъ, Георгій, княжившій въ Суздалѣ, ходилъ Волгою на судахъ въ землю казанскихъ болгаровъ, побѣдилъ ихъ и возвратился съ добычею. Третій сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона; взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ; плѣнилъ множество ясовъ, тамъ обитавшихъ, и въ числѣ ихъ прекрасную дѣвицу, на коей онъ женился. Около сего же времени Владиміръ выгналъ изъ Россіи берендѣевъ, печенѣговъ и торковъ, новыхъ пришельцевъ; утѣсняемые половцами и разбитые ими близъ Дона, они искали убѣжища въ окрестностяхъ Переяславля, но, любя грабежъ, не могли кочевать тамъ спокойно. Однакожъ многіе изъ нихъ остались на Днѣпрѣ, были извѣстны подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ или черкасовъ, и служили россіянамъ.—Лѣтопись Владимірова времени упоминаетъ еще о бѣловежцахъ, охотно принятыхъ великимъ княземъ. Сіи обитатели нѣкогда знаменитой крѣпости Козарской на берегахъ Дона, взятой мужественнымъ Святославомъ I, спасаясь отъ свирѣпости половцевъ, основали новый городъ въ верховьѣ рѣки Остера и назвали его именемъ древняго, или Бѣлою Вежею, коей извѣстныя развалины (въ 120 верстахъ отъ Чернигова) свидѣтельствуютъ, что въ ней находились каменныя стѣны, башни, ворота и другія зданія. Козары, наученные греками, строили лучше нашихъ предковъ.

Успѣхи Мономахова оружія такъ прославили сего великаго князя на Востокѣ и Западѣ, что имя его, по выраженію лѣтописцевъ, гремѣло въ мірѣ и страны сосѣдственныя трепетали онаго. Если вѣрить новѣйшимъ повѣствователямъ, то Владиміръ ужасалъ и Греческую имперію. Они разсказываютъ, что великій князь, вспомнивъ знаменитыя побѣды, одержанныя его предками надъ греками, съ многочисленнымъ войскомъ отправилъ Мстислава къ Адріанополю и завоевалъ Ѳракію, что устрашенный Алексій Комнинъ прислалъ въ Кіевъ дары: крестъ животворящаго древа, чашу сердоликовую Августа кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда Владимірова; что Неофитъ, митрополитъ ефесскій, вручилъ сіи дары великому князю, склонилъ его къ миру, вѣнчалъ въ кіевскомъ соборномъ храмѣ императорскимъ вѣнцомъ и возгласилъ царемъ Россійскимъ. Въ Оружейной московской палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова златая шапка или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древнія бармы, коими украшаются самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія и которыя, дѣйствительно, могли быть даромъ императора Алексія. Мы знаемъ, что и въ X вѣкѣ государи россійскіе часто требовали царской утвари отъ византійскихъ импера-

торовъ, знаемъ также, что великіе князья московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи на оныхъ и самая работа). По завоеваніе Ѳракіи кажется сомнительнымъ, и въ древнихъ лѣтописяхъ находятся только слѣдующія извѣстія о дѣлахъ Владиміра въ отношеніи къ грекамъ:

„Въ 1116 году супругъ Мономаховой дочери Маріи, царевичъ Леонъ, сынъ бывшаго императора Діогена, собравъ войско на берегахъ Чернаго моря, вступилъ въ сѣверныя области имперіи и завладѣлъ городами дунайскими; но царь Алексій подослалъ къ нему въ Доростолъ двухъ аравитянъ, которые злодѣйски умертвили его (августа 15). Тогда Владиміръ, желая или отмстить за убійство зятя, или сохранить для юнаго сына Маріи, именемъ Василія, взятые Леономъ города, велѣлъ идти на Дунай воеводѣ, Іоанну Войтишичу, и сыну своему, Вячеславу, съ другимъ бояриномъ, Ѳомою Ратиборовичемъ; первый, дѣйствительно, занялъ нѣкоторые изъ оныхъ, а Вячеславъ безъ успѣха отступилъ отъ Доростола“. Вопреки сему сказанію, Анна Комнина въ исторіи отца ея, славнаго императора Алексія, увѣряетъ, что Леонъ, сынъ Діогеновъ, погибъ въ сраженіи съ турками близъ Антіохіи. „Черезъ нѣкоторое время, — пишетъ Анна, — явился въ имперіи обманщикъ, принявшій на себя его имя. Сосланный за то въ Херсонъ, онъ былъ освобожденъ половцами и, предводительствуя ихъ толпами, шелъ во Ѳракію; но взятый въ плѣнъ греками, испыталъ, что дерзость не остается безъ наказанія: ему выкололи глаза (въ 1096 году). Сего несчастнаго и другіе византійскіе лѣтописцы именуютъ самозванцемъ; но зять Мономаховъ, убитый въ Доростолѣ, былъ, конечно, истиннымъ Діогеновымъ сыномъ: ибо Владиміръ, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ дворомъ константинопольскимъ, не могъ, кажется, дать себя въ обманъ лжецу-бродягѣ. Вдовствующая супруга Леонова, Марія, скончалась монахинею въ Россіи, гдѣ сынъ ея, Василій, усердно служилъ великимъ князьямъ; а города дунайскіе скоро были возвращены имперіи или силою оружія, или вслѣдствіе мирныхъ договоровъ.

Владиміръ, одолѣвая внѣшнихъ непріятелей, смирялъ и внутреннихъ. Князь минскій, Глѣбъ, не хотѣлъ ему повиноваться, сжегъ городъ Слуцкъ, захватывалъ людей между Припетью и Двиною; зато сынъ Мономаховъ, Ярополкъ, опустошилъ Друцкъ и вывелъ жителей въ новый городокъ, для нихъ основанный. Самъ великій князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и съ Ольговичами, взялъ городъ Вячеславль, Оршу, Копысь; осаждалъ Минскъ, смирилъ Глѣба и вновь имъ оскорбленный привелъ его какъ плѣнника въ Кіевъ, гдѣ онъ и скончался. — Безпокойные новогородцы, употребляя во зло юность своего князя Всеволода,

мятежными поступками заслужили гнѣвъ Мономаха, который, призвавъ всѣхъ тамошнихъ бояръ въ Кіевъ, велѣлъ имъ торжественно присягнуть въ вѣрности, удержалъ нѣкоторыхъ у себя, а другихъ заточилъ. Правые, или не столь виновные, возвратились домой, узнавъ опытомъ, что самый человѣколюбивый, но мудрый государь не оставляетъ дерзкихъ ослушниковъ безъ наказанія. Уже нѣсколько времени посадники новогородскіе были, кажется, избираемы изъ тамошнихъ гражданъ: Владиміръ, опасаясь ихъ мятежнаго духа, далъ сей санъ кіевскому вельможѣ Борису.

Сынъ Святополковъ, Ярославъ или Ярославецъ, князь Владимірскій, ненавидѣлъ жену свою, дочь Мстислава, и не боялся огорчать ея дѣда: Мономахъ выступилъ съ войскомъ, соединился съ Ростиславичами, князьями юго-западной Россіи, около двухъ мѣсяцевъ держалъ городъ Владиміръ въ осадѣ и принудилъ Ярослава покориться; но сей легкомысленный племянникъ снова оскорбилъ дядю, съ презрѣніемъ удаливъ отъ себя нелюбимую супругу: онъ бѣжалъ въ Польшу. Никто изъ бояръ не хотѣлъ за нимъ слѣдовать, и великій князь отдалъ Владимірскій удѣлъ сыну своему Роману, Володареву зятю, который въ томъ же году умеръ. Мономахъ послалъ на его мѣсто другого сына, Андрея (женатаго на внукѣ половецкаго князя Тугоркана) и велѣлъ ему предупредить замыслы Болеслава Кривоустаго, зная, что сей король, свойственникъ изгнаннаго князя владимірскаго, ожидаетъ только удобнаго случая для объявленія войны россіянамъ. Андрей опустошилъ сосѣдственныя владѣнія королевскія и возвратился съ добычею. Ляхи, приведенные Ярославомъ, хотѣли взять Червенъ, но съ великимъ урономъ были отражены тамошнимъ намѣстникомъ Ѳомою Ратиборовичемъ. Тогда Ярославъ прибѣгнулъ къ государю венгерскому, Стефану, который, желая отмстить россіянамъ за отца своего, побѣжденнаго ими на берегахъ Сана, вступилъ въ область Владимірскую, вмѣстѣ съ богемцами и поляками. Великій князь, не имѣвъ времени собрать войско, съ малою дружиною отправилъ Мстислава къ городу Владиміру, гдѣ юный Андрей, осажденный многочисленными непріятелями, не терялъ бодрости. Уже надменный Ярославъ, подъѣхавъ къ стѣнамъ, грозилъ сыну Мономахову и народу страшною местію въ случаѣ сопротивленія; осматривалъ крѣпость и въ умѣ своемъ назначалъ мѣста для приступа, отложеннаго только до слѣдующаго дня. Въ одну минуту все перемѣнилось. Два человѣка вышли тайно изъ крѣпости, засѣли на пути между непріятельскимъ станомъ и городомъ и копьями пронзили неосторожнаго Ярослава, когда онъ самъ-третей возвращался къ союзному войску. Несчастный умеръ въ ту же ночь; а союзники, изумленные его бѣдствіемъ, спѣшили

заключить миръ съ великимъ княземъ. Лѣтописецъ венгерскій повѣствуетъ, что Стефанъ, огорченный смертію Ярослава, клялся взять крѣпость или умереть; но что воеводы его не хотѣли ему повиноваться, сняли шатры свои и принудили короля возвратиться въ Венгрію.

Въ станѣ Владиміровыхъ непріятелей были и Ростиславичи, до того времени усердные защитники отечества: какимъ образомъ сіи два брата, славные благородствомъ и великодушіемъ, могли присоединиться ко врагамъ Россіи? Въ древнѣйшихъ лѣтописцахъ польскихъ находимъ объясненіе. Мужественный Володарь, ужасъ и бичъ сосѣдственныхъ ляховъ, не умѣлъ защитить себя отъ ихъ коварства. Они подослали къ нему одного хитраго вельможу, именемъ Петра, который вступилъ въ его службу, притворно изъявлялъ ненависть къ Болеславу, вкрался въ довѣренность къ добродушному князю перемышльскому, ѣздилъ съ нимъ на охоту, и въ лѣсу, съ помощію своихъ людей, внезапно схвативъ безоружнаго Володаря, увезъ связаннаго къ себѣ въ замокъ, что случилось незадолго до осады Владиміра. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи, отправивъ въ Польшу, на возахъ и верблюдахъ, множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ одеждъ, сосудовъ. Сверхъ того Ростиславичи обязались жить въ союзѣ съ Болеславомъ и находились, кажется, въ его станѣ, подъ Владиміромъ, единственно для заключенія сего договора, или желая быть посредниками между изгнанникомъ Ярославомъ и великимъ княземъ.

Завоеваніемъ Минска и пріобрѣтеніемъ Владиміра Мономахъ утвердилъ свое могущество внутри государства, но не думалъ перемѣнить системы наслѣдственныхъ удѣловъ, столь противной благу и спокойствію отечества. Долговременное обыкновеніе казалось тогда уже закономъ; или Владиміръ боялся отчаяннаго сопротивленія князей черниговскихъ, полоцкихъ и Ростиславичей, которые не уступили бы ему правъ своихъ безъ страшнаго кровопролитія. Онъ не имѣлъ дерзкой рѣшительности тѣхъ людей, кои жертвуютъ благомъ современниковъ невѣрному счастію потомства; хотѣлъ быть первымъ, а не единственнымъ княземъ россійскимъ: покровителемъ Россіи и главою частныхъ владѣтелей, а не государемъ самодержавнымъ. Справедливость вооружила его противъ хищника Глѣба и князя владимірскаго (ибо сей послѣдній хотѣлъ обезчестить семейство Мономахово разводомъ съ дочерью Мстислава и звалъ иноплеменниковъ грабить отечество); та же справедливость не позволяла ему отнять законнаго достоянія у князей спокойныхъ. По кончинѣ гордаго Олега и кроткаго Давида, вообще уважаемаго за его правдивость, меньшій ихъ братъ, Ярославъ, мирно княжилъ въ области Черниговской, а

сыновья Володаревы, Владимірко, Ростиславъ, и Васильковичи, Григорій съ Іоанномъ, наслѣдовали Перемышль, Звенигородъ, Теребовль и другія мѣста въ юго-западной Россіи, когда, въ 1124 году, умерли отцы ихъ, оставивъ навсегда въ Россіи память своихъ счастливыхъ дѣлъ воинскихъ, вѣрности въ обѣтахъ и любви къ отечественной славѣ.

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, славный побѣдами за Русскую землю и благими нравами, какъ говорятъ древніе лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто, орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви, имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной вѣры. Горестныя дѣти и вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю за отечество и народъ, ему любезный. Не менѣе хвалятъ лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ никогда и ни въ чемъ не ослушался), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами. Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу поученіе, имъ самимъ написанное для сыновей. Къ счастію, сей остатокъ древности сохранился въ одной харатейной лѣтописи и достоинъ занять мѣсто въ исторіи.

Великій князь говоритъ вначалѣ, что дѣдъ его, Ярославъ, далъ ему русское имя Владиміра и христіанское Василія, а отецъ и мать прозваніе Мономаха или Единоборца: для того ли, что Владиміръ, дѣйствительно, былъ по матери внукъ греческаго царя Константина Мономаха, или въ самой первой юности изъявлялъ особенною доблесть воинскую?—„Приближаясь ко гробу,—пишетъ онъ,—благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезныя, и всякой, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила, въономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія, но скажите только: онъ говоритъ несправедливо!“

„Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь: чудесныя дѣла Его“! Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по большей части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ:

„О дѣти мои! хвалите Бога! Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество спасетъ васъ, но благодѣя-

нія. Не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не давайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виновнаго: жизнь и душа христіанина священна. Не призывайте всуе имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Братья сказали мнѣ: изгонимъ Ростиславичей и возьмемъ ихъ области, или ты намъ не союзникъ! Но я отвѣтствовалъ: не могу забыть крестнаго цѣлованія; развернулъ псалтирь и читалъ съ умиленіемъ: вскую печальна еси, душе моя? Уповай на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе. — Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе духовныхъ, не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся за васъ Всевышнему.—Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ и думайте: мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гробѣ.—Бойтесь всякой лжи, пьянства и любострастія, равно гибельнаго для тѣла и души.—Чтите старыхъ людей какъ отцовъ, любите юныхъ какъ братьевъ.—Въ хозяйствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего.—На войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ для воеводъ. Не время тогда думать о пиршествахъ и нѣгѣ. Разставивъ ночную стражу, отдохните. Человѣкъ погибаетъ внезапу: для того не слагайте съ себя оружія, гдѣ можетъ встрѣтиться опасность, и рано садитесь на коней.—Путешествуя въ своихъ областяхъ, не давайте жителей въ обиду княжескимъ отрокамъ; а гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. Всего же болѣе чтите гостя, и знаменитаго, и простого, и купца, и посла; если не можете одарить его, то хотя брашномъ и питіемъ удовольствуйте: ибо гости распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую, и худую объ насъ славу.—Привѣтствуйте всякаго человѣка, когда идете мимо.—Любите женъ своихъ, но не давайте имъ власти надъ собою.—Все хорошее, узнавъ, вы должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой, сидя дома, говорилъ пятью языками: за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность—мать пороковъ: берегитесь ея. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ, не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей, читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но лучшую: Господи помилуй! Не засыпайте никогда безъ земного поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ

дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили Господа съ радостію и говорили: просвѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный. Потомъ садилися думать съ дружиною, или судить народъ, или ѣздили на охоту; а въ полдень спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ, и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный.—Такъ жилъ и вашъ отецъ. Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на охотѣ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя; не надѣялся на посадниковъ и бирючей; не давалъ бѣдныхъ и вдовицъ въ обиду сильнымъ; самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, ястребовъ и соколовъ". — Исчисливъ свои дѣла воинскія, уже извѣстныя читателю, Владиміръ пишетъ далѣе: „Всѣхъ походовъ моихъ было 83; а другихъ маловажныхъ не упомню. Я заключилъ съ половцами 19 мирныхъ договоровъ, взялъ въ плѣнъ болѣе ста лучшихъ ихъ князей и выпустилъ изъ неволи, а болѣе двухъ сотъ казнилъ и потопилъ въ рѣкахъ.— Кто путешествовалъ скорѣе меня? Выѣхавъ рано изъ Чернигова, я бывалъ въ Кіевѣ у родителя прежде вечеренъ.—Любя охоту, мы часто ловили звѣрей съ вашимъ дѣдомъ. Своими руками въ густыхъ лѣсахъ вязалъ я дикихъ коней вдругъ по нѣскольку. Два раза буйволъ металъ меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топалъ ногами; вепрь сорвалъ мечъ съ бедры моей, медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь однажды бросился и низвергнулъ коня подо мною. Сколько разъ я падалъ съ лошади! Дважды разбилъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги, не блюдя жизни въ юности и не щадя головы своей. Но Господь хранилъ меня. И вы, дѣти мои, не бойтесь смерти, ни битвы, ни звѣрей свирѣпыхъ, но являйтесь мужами во всякомъ случаѣ, посланномъ отъ Бога. Если Провидѣніе опредѣлитъ кому умереть, то не спасутъ его ни отецъ, ни мать, ни братья. Храненіе Божіе надежнѣе человѣческаго".

Безъ сего завѣщанія, столь умно написаннаго, мы не знали бы всей прекрасной души Владиміра, который не сокрушилъ чуждыхъ государствъ, но былъ защитою, славою, утѣшеніемъ собственнаго; и никто изъ древнихъ князей россійскихъ не имѣетъ болѣе права на любовь потомства, ибо онъ съ живѣйшимъ усердіемъ служилъ отечеству и добродѣтели. Если Мономахъ одинъ разъ въ жизни не усомнился нарушить права народнаго и вѣроломнымъ образомъ умертвить князей половецкихъ, то можемъ отнести къ нему слова Цицероновы: вѣкъ извиняетъ человѣка. Считая половцевъ врагами христіанства и неба (ибо они жгли церкви), россіяне думали, что истреблять ихъ, какимъ бы то образомъ ни было, есть богоугодное дѣло.

Къ сожалѣнію, древніе лѣтописцы наши, разсказывая подробно воинскія и церковныя дѣла, едва упоминаютъ о государственныхъ или гражданскихъ, коими Владиміръ украсилъ свое правленіе. Знаемъ только, что онъ, желая доставить народу всевозможныя удобности, сдѣлалъ на Днѣпрѣ мостъ; часто ѣздилъ въ ростовскую и суздальскую землю, наслѣдственную областъ Всеволодова дома, для хозяйственныхъ распоряженій; выбралъ прекрасное мѣсто на берегу Клязмы, основалъ городъ, назвалъ его Владиміромъ Залѣсскимъ, окружилъ валомъ и построилъ тамъ церковь св. Спаса. Сынъ его, Мстиславъ, распространилъ въ 1114 году укрѣпленія новогородскія, а посадникъ, именемъ Павелъ, заложилъ каменную стѣну въ Ладогѣ.

Во время Мономахова княженія, довольно спокойное и мирное въ сравненіи съ другими, были нѣкоторыя бѣдствія: рѣдкая засуха въ 1124 году и сильный въ Кіевѣ пожаръ, который продолжался два дня, обративъ въ пепелъ большую часть города, монастыри, около 600 церквей и всю Жидовскую улицу. Народъ съ ужасомъ видѣлъ еще одно совершенное затменіе солнца и звѣзды на небѣ въ самый полдень. Въ южной Россіи случились два землетрясенія, а въ сѣверной страшная буря, которая срывала домы и потопила множество скота въ Волховѣ.

Мономахъ оставилъ пять сыновей и супругу третьяго брака. Нѣтъ сомнѣнія, что первою была Гида, дочь англійскаго короля Гаральда, о коей мы упоминали, и которая, по извѣстію древняго историка датскаго, около 1070 года вышла за нашего князя, именемъ Владиміра. Норвежскіе лѣтописцы сказываютъ, что сынъ Гиды и сего князя женился на Христинѣ, дочери шведскаго короля, Инга Стенкильсона: супруга Мстислава Владиміровича дѣйствительно называлась Христиною. Ея дочери, внуки Мономаховы, вступили въ знаменитые брачные союзы: одна съ норвежскимъ королемъ Сигурдомъ, а послѣ съ датскимъ Эрикомъ Эдмундомъ: вторая съ Канутомъ Святымъ, королемъ оботритскимъ, отцомъ Вальдемара, славнаго государя датскаго, названнаго симъ именемъ, можетъ быть, въ честь его великаго прадѣда, Владиміра Мономаха; третья съ греческимъ царевичемъ: думаю, сыномъ императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по византійскимъ лѣтописямъ.

Въ годъ сего бракосочетанія (1120) пріѣхалъ изъ Константинополя въ Россію митрополитъ Никита и заступилъ мѣсто умершаго Никифора, мужа знаменитаго свѣдѣніями и краснорѣчіемъ, чего памятникомъ остались два письма его къ Мономаху: первое о раздѣленіи церквей, Восточной и Западной; второе о постѣ, особенно любопытное, ибо оно содержитъ въ себѣ не только богословскія, но и философскія умствованія, заключаемыя хвалою

добродѣтелей Мономаховыхъ. „Разумъ — пишетъ Никифоръ, — разумъ есть свѣтлое око души, обитающей во главѣ. Какъ ты, государь мудрый, сидя на престолѣ, чрезъ воеводъ своихъ управляешь народомъ, такъ душа посредствомъ пяти чувствъ правитъ тѣломъ. Не имѣю нужды въ многорѣчіи: ибо умъ твой летаетъ быстро, постигая смыслъ каждаго слова. Могу ли предписывать тебѣ законы для умѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, когда ты, сынъ княжескій и царской (греческой) крови, властитель земли сильныя, не знаешь дома, всегда въ трудахъ и путешествіяхъ, спишь на голой землѣ, единственно для важныхъ дѣлъ государственныхъ вступаешь во дворецъ свѣтлый и, снимая съ себя любимую одежду простую, надѣваешь властительскую; когда, угощая другихъ обѣдами княжескими, самъ только смотришь на явства роскошныя?.. Восхвалю ли тебѣ и другія добродѣтели! Восхвалю ли щедрость, когда десница твоя ко всѣмъ простерта; когда ты ни сребра, ни злата не таишь, не считаешь въ казнѣ своей, но обѣими руками раздаешь ихъ, хотя оскудѣть не можешь, ибо благодать Божія съ тобою?.. Скажу единое: какъ душа обязана испытывать или повѣрять дѣйствія чувствъ, зрѣнія, слуха, ея всегдашнихъ орудій, дабы не обмануться въ своихъ заключеніяхъ: такъ и государь долженъ повѣрять донесенія вельможъ. Вспомни, кто изгнанъ, кто наказанъ тобою: не клевета ли погубила сихъ несчастныхъ?.. Князь любезный, да не оскорбитъ тебя искренняя рѣчь моя! Не думай, чтобы я слышалъ жалобу осужденныхъ и за нихъ вступался; нѣтъ, пишу единственно на воспоминаніе тебѣ: ибо власть великая требуетъ и великаго отчета; а мы начинаемъ теперь постъ, время душеспасательныхъ размышленій, когда пастыри церковные должны и князьямъ смѣло говорить истину. Вѣдаю, что мы сами, можетъ быть, въ зломъ недугѣ; но слово Божіе въ насъ здраво и цѣло: ежели оно полезно, то надобно ли входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе? Человѣкъ въ лицѣ, Богъ въ сердцѣ“, и проч. — Такимъ образомъ древніе учители нашей церкви бесѣдовали съ государями, соединяя усердную хвалу съ наставленіемъ христіанскимъ. Слогъ сихъ писемъ ознаменованъ печатію вѣка: грубъ, однакожъ довольно ясенъ, и многія выраженія сильны.

МСТИСЛАВЪ I. ВЛАДИМИРОВИЧЪ.

Вел. Кн. Россійскій

ГЛАВА VIII.

Великій князь Мстиславъ.

Г. 1125—1132.

Набѣгъ половцевъ.—Изгнаніе Ярослава Черниговскаго.—Начало особенныхъ княженій Муромскаго и Рязанскаго.—Удаленіе половцевъ за Волгу.—Междоусобіе въ юго-западной Россіи.—Ссылка князей полоцкихъ въ Грецію.—Война съ чюдью и литвою.—Кончина Мстислава.—Голодъ.—Древнѣйшая грамота.

Мстиславъ Владиміровичъ наслѣдовалъ достоинство великаго князя. Братья его господствовали въ удѣлахъ: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей въ Владимірѣ, Георгій въ Суздалѣ; а сыновья: Изяславъ и Ростиславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ.—Новый государь, уже давно извѣстный мужествомъ и великодушіемъ, явилъ добродѣтели отца своего на престолѣ Россіи:

имѣлъ ту же ревностную любовь къ общему благу, ту же твердость, соединенную въ немъ, подобно какъ и въ Мономахѣ, съ нѣжною чувствительностью души.

Княженіе его, къ несчастію кратковременное, прославилось разными успѣхами воинскими, которыми онъ желалъ единственно успокоить государство и возстановить древнее величіе онаго.

Половцы, свѣдавъ о кончинѣ Мономаха, думали, что Россія осиротѣла и будетъ снова жертвою ихъ грабительства. Они хотѣли соединиться съ торками, кочевавшими близъ Переяславля; но Ярополкъ Владиміровичъ, тамошній князь, узналъ о семъ намѣреніи: велѣлъ торкамъ въѣхать въ городъ и самъ, не имѣвъ терпѣнія дождаться помощи отъ своихъ братьевъ, съ одною переяславскою дружиною ударилъ на варваровъ, разбилъ ихъ и множество потопилъ въ рѣкахъ.

Мстиславъ, объявивъ себя покровителемъ утѣсненныхъ князей, долженъ былъ обнажить мечъ на Всеволода Ольговича, который выгналъ изъ Чернигова дядю своего Ярослава, умертвилъ его бояръ вѣрныхъ и разграбилъ ихъ домы; Мстиславъ клялся изгнанному князю наказать мятежнаго сына Олегова. Слѣдуя несчастному примѣру отца, Всеволодъ заключилъ союзъ съ половцами: варвары, въ числѣ семи тысячъ, спѣшили къ границамъ Россіи, давъ вѣсть о томъ Черниговскому хищнику; но послы ихъ не могли уже возвратиться и были схвачены въ окрестностяхъ рѣки Сайма, посадниками Ярополка. Ожидавъ долгое время отвѣта и боясь измѣны, половцы ушли, наконецъ, во-свояси. Тогда Всеволодъ прибѣгнулъ къ смиренію; молилъ великаго князя забыть вину его и между тѣмъ осыпалъ дарами вельможъ кіевскихъ. Мстиславъ еще не колебался, однакожъ медлилъ, и несчастный дядя самъ пріѣхалъ изъ Мурома, чтобы напомнить ему священный обѣтъ мести. Бояре, не ослѣпленные дарами Всеволода, были за Ярослава; но какой-то Григорій, игуменъ Андреевской обители, любимецъ покойнаго Мономаха, весьма уважаемый великимъ княземъ, говорилъ, что миролюбіе есть должность христіанина. Митрополитъ Никита уже скончался и церковъ россійская не имѣла главы: сей игуменъ склонилъ на свою сторону всѣхъ духовныхъ сановниковъ, которые торжественно сказали Мстиславу: „Государь! лучше преступить клятву, нежели убивать христіянъ. Небойся грѣха: мы беремъ его на свою душу". Убѣжденный ими, великій князь примирился со Всеволодомъ и бѣдный Ярославъ съ горестію возвратился въ Муромъ (гдѣ и скончался черезъ два года, оставивъ сію область и Рязанскую въ наслѣдіе сыновьямъ). Мстиславъ забылъ наставленіе отца: „давъ клятву, исполняй оную!" Щадить кровь людей, есть, безъ сомнѣнія, добродѣтель: но монархъ, преступая обѣтъ, нарушаетъ законъ естественный и народный; а

миролюбіе, которое спасаетъ виновнаго отъ казни, бываетъ вреднѣе самой жестокости. Къ чести Мстислава скажемъ, что онъ во всю жизнь свою оплакивалъ сей проступокъ.

Великій князь, излишне снисходительный въ отношеніи ко Всеволоду, отмстилъ, по крайней мѣрѣ, варварамъ, его союзникамъ. Лѣтописцы говорятъ, что войско Мстислава „загнало половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу“, и что они уже не смѣли безпокоить нашихъ предѣловъ.

Еще при жизни Мономаха сыновья Володаревы: Владимірко и Ростиславъ, начали ссориться между собою; однакожъ, боясь его, не смѣли воевать другъ съ другомъ. Исполняя завѣщаніе отца, первый господствовалъ въ Звенигородѣ, а второй въ Перемышлѣ. Когда же Мономахъ скончался, Владимірко хотѣлъ изгнать брата. За Ростислава стояли Васильковичи, Іоаннъ и Григорій, также и великій князь Мстиславъ, желая единственно отвратить зло насилія. Мирныя убѣжденія, съѣзды и переговоры въ Серетѣ остались безполезными: Владимірко уѣхалъ въ Венгрію, чтобы просить войско у короля Стефана. Тогда Ростиславъ осадилъ Звенигородъ, гдѣ 3,000 венгровъ и россіянъ оборонялись столь мужественно, что онъ долженъ былъ отступить. Но сія война не имѣла дальнѣйшихъ слѣдствій. Владимірко, возвратясь въ отчизну, смирился: ибо великій князь рѣшительно требовалъ, чтобы каждый изъ братьевъ довольствовался своимъ удѣломъ.

Важнѣйшее происшествіе сего времени есть паденіе знаменитаго дома князей полоцкихъ, которые издавна отдѣлились, такъ сказать, отъ Россіи, желая быть владѣтелями независимыми. Мстиславъ рѣшился покорить сію древнюю область кривичей и сдѣлалъ то, чего напрасно хотѣли его дѣды. Онъ привелъ въ движеніе силы многихъ князей; велѣлъ идти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволоду Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городна; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день. Всеволодъ Ольговичъ, послушный великому князю, и братья его вмѣстѣ съ отрядомъ вѣрныхъ торковъ, отданныхъ боярину Войтешичу, въ то же время шли къ Минскому городу Борисову. Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня и спѣшилъ соединиться съ дядями, обступившими городъ Изяславль, удѣлъ знаменитой Рогнѣды, первой супруги св. Владиміра. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Бориса Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, который велъ съ собою многихъ плѣнныхъ логожанъ. Узнавъ, что сіи плѣнники и

Брячиславъ довольны умѣренностью побѣдителя, осажденные граждане рѣшились сдаться, но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва была дана и нарушена. Ночью, вслѣдъ за дружиною тысяцкихъ, посланною въ городъ, бросились всѣ воины Андреевы и Вячеславовы: князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей, а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ въ жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ великаго князя, вступилъ съ новогородцами въ область Полоцкую: устрашенные жители не оборонялись и выгнали своего князя, Давида, на мѣсто коего, согласно съ ихъ желаніемъ, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова; а черезъ два года отправилъ всѣхъ князей полоцкихъ въ ссылку за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ враговъ нашего отечества, половцевъ. Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми были на трехъ ладіяхъ отвезены въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изяславу.

Князь новогородскій Всеволодъ, соединясь съ братьями, два раза ходилъ на чудь, или эстонцевъ, зимою: обратилъ въ пепелъ селенія, умертвилъ жителей, взялъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей, но въ другомъ походѣ самъ лишился многихъ воиновъ. Сей народъ ненавидѣлъ россіянъ какъ утѣснителей, отрекался платить дань и сопротивленіемъ отягчалъ свою долю.—Самъ великій князь воевалъ Литву и привелъ въ Кіевъ великое число плѣнниковъ. Тогдашнія безпрестанныя войны доставляли нашимъ князьямъ и боярамъ множество невольниковъ, которые отчасти шли въ продажу, отчасти (какъ надобно думать) были разселяемы по деревнямъ.

Мстиславъ, по возвращеніи изъ Литвы, скончался на 56 году отъ рожденія, заслуживъ имя великаго. Онъ умѣлъ властвовать, хранилъ порядокъ внутри государства, и если бы дожилъ до лѣтъ отца своего, то могъ бы утвердить спокойствіе Россіи на долгое время.—Сей великій князь, вторично женатый на дочери знатнаго новогородца, Димитрія Завидича, имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Святополка и Владиміра (кромѣ двухъ дочерей, изъ коихъ одна была за Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ). Старшіе ихъ братья родились отъ Христины, первой супруги.

Сверхъ тогдашнихъ мнимыхъ ужасовъ, солнечныхъ затменій и легкаго землетрясенія въ Южной Россіи (августа 1, 1126 года) дѣйствительнымъ несчастіемъ княженія Мстиславова былъ страшный голодъ въ сѣверныхъ областяхъ, особенно же въ Новогородской,

Отъ жестокаго, совсѣмъ необыкновеннаго холода вымерзли озими, глубокій снѣгъ лежалъ до 30 апрѣля, вода затопила нивы, селенія, и земледѣльцы весною увидѣли на поляхъ, вмѣсто зелени одну грязь. Правительство не имѣло запасовъ и цѣна хлѣба такъ возвысилась, что осьмина ржи, въ 1128 году, стоила нынѣшними серебряными деньгами около рубля сорока копеекъ. Народъ питался мякиною, лошадинымъ мясомъ, липовымъ листомъ, березовою корою, мхомъ, древесною гнилью. Изнуренные голодомъ люди скитались какъ привидѣнія: падали мертвые на дорогахъ, улицахъ и площадяхъ. Новгородъ казался обширнымъ кладбищемъ; трупы заражали воздухъ смрадомъ тлѣнія, а наемники не успѣвали вывозить ихъ. Отцы и матери отдавали дѣтей купцамъ иноземнымъ въ рабство и многіе граждане искали пропитанія въ странахъ отдаленныхъ. „Новгородъ опустѣлъ, — говорятъ лѣтописцы: — однакожъ войско его черезъ годъ уже разило непріятелей, торговля цвѣла попрежнему, купеческія суда ходили въ Готландію и Данію“.

Замѣтимъ, что самая древнѣйшая изъ подлинныхъ княжескихъ грамотъ русскихъ, донынѣ намъ извѣстныхъ, есть Мстиславова, данная имъ новогородскому Юрьевскому монастырю, вмѣсто крѣпости, на земли и судныя пошлины, съ приписью сына его, Всеволода, что онъ даритъ тому же монастырю серебряное блюдо для употребленія за братскою трапезою.

ГЛАВА IX.

Великій князь Ярополкъ.

Г. 1132—1139.

Неустройство.—Дань печорская. — Завоеваніе Дерпта. — Битва на Ждановой горѣ. — Кровопролитіе въ южной Россіи. — Изгнаніе князя изъ Новагорода. — Великодушіе Василька полоцкаго. — Псковъ отдѣлился отъ Новгорода. — Уставъ о церковной дани. — Новогородцы опять изгоняютъ князя. — Междоусобіе въ южной Россіи. — Миръ и кончина великаго князя. — Столѣтняя вражда между потомками Олега и Мономаха. — Галицкое княженіе. — Характеръ Владимірка. — Борисъ воюетъ съ королемъ венгерскимъ; является въ станѣ короля французскаго; убитъ измѣнникомъ.

Превосходныя достоинства Мстислава удерживали частныхъ князей въ границахъ благоразумной умѣренности: кончина его разрушила порядокъ.

Граждане кіевскіе объявили Ярополка Владиміровича государемъ

своимъ и призвали его въ столицу. Согласно съ торжественнымъ договоромъ, заключеннымъ между имъ и старшимъ братомъ, въ исполненіе Мономахова завѣщанія, онъ уступилъ Переяславль Всеволоду, сыну Мстислава. Сей князь новогородскій, пріѣхавъ туда, чрезъ нѣсколько часовъ былъ изгнанъ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, княземъ Суздальскимъ и Ростовскимъ, который заключилъ союзъ съ меньшимъ братомъ, Андреемъ, и боялся,

ЯРОПОЛКЪ II. ВЛАДИМИРОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россiйскiй

чтобы Ярополкъ не сдѣлалъ Всеволода наслѣдникомъ кіевскаго престола. Великій князь убѣдилъ Георгія выѣхать изъ Переяславля, но, чтобы успокоить братьевъ, отдалъ сію область другому племяннику, Изяславу Мстиславичу, князю полоцкому. Такимъ образомъ слабость новаго государя обнаружилась въ излишней снисходительности и несчастныя слѣдствія доказали, сколь малодушіе его было вредно для государства. Новогородцы, ладожане и псковитяне (которые составили одну область) уже не хотѣли

принять Всеволода. „Забывъ клятву умереть съ нами,—говорили они,—ты искалъ другого княженія: иди же куда тебѣ угодно!“ Несчастный князь долженъ былъ удалиться. Граждане скоро одумались и возвратили изгнанника; но власть его ограничивалась, и посадники, издревле знаменитые слуги князей, сдѣлались ихъ совмѣстниками въ могуществѣ, будучи съ того времени избираемы народомъ.—Полочане также воспользовались отсутствіемъ Изяслава: выгнали брата его, Святополка, и признали княземъ своимъ Василька Рогволодовича, который возвратился тогда изъ Царяграда.

Новыя перемѣны служили только поводомъ къ новымъ безпорядкамъ и неудовольствіямъ. Желая совершенно угодить братьямъ, Ярополкъ склонилъ Изяслава уступить Переяславль дядѣ своему Вячеславу. Племянникъ въ замѣну получилъ Туровъ и Пинскъ, сверхъ его прежней Минской области; былъ доволенъ и ѣздилъ въ удѣлы Мстиславичей, въ Смоленскъ, въ Новгородъ, собирать дары и налоги для Ярополка. Достойно примѣчанія, что Новгородъ, владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской губерніи, платилъ за нихъ великимъ князьямъ особенную дань, которая называлась печорскою. Но скоро вѣрность Изяслава и братьевъ его поколебалась: легкомысленный Вячеславъ, жалѣя о своемъ бывшемъ удѣлѣ, отнялъ у племянника Туровъ, а Георгій Владиміровичъ взялъ Переяславль, отдавъ за то Ярополку часть своей Ростовской и Суздальской области. Огорченный Изяславъ прибѣгнулъ къ Всеволоду: сей новогородскій князь незадолго до того времени побѣдилъ мятежную чудь, взялъ Юрьевъ или Дерптъ, основанный великимъ Ярославомъ, и въ надеждѣ на свою храбрость обѣщалъ брату завоевать для него область Суздальскую. Онъ не сдержалъ слова, дошелъ только до рѣки Дубны и возвратился. Между тѣмъ въ Новгородѣ господствовало неустройство: народъ волновался, избиралъ, смѣнялъ посадниковъ и даже утопилъ одного изъ главныхъ чиновниковъ своихъ, бросивъ его съ мосту, который служилъ новогородцамъ вмѣсто скалы Тарпейской. Недовольные худымъ успѣхомъ Всеволодова похода, они требовали войны и хотѣли снова идти къ Суздалю. Напрасно Михаилъ, тогдашній митрополитъ кіевскій, пріѣхалъ къ нимъ, старался отвратить ихъ отъ сего междоусобія: новогородцы считали оное нужнымъ для своей чести; не пустили отъ себя митрополита и, несмотря на жестокость зимы, выступили въ поле 31 декабря; съ удивительнымъ терпѣніемъ сносили холодъ, вьюги, мятели, и кровопролитною битвою, 26 января, на долгое время прославили Жданову гору (въ нынѣшней Владимірской губерніи); потеряли множество людей, убили еще болѣе суздальцевъ, но не могли одержать побѣды; возвратились съ миромъ и немедленно

освободили митрополита, который предсказывалъ имъ несчастныя слѣдствія ихъ похода.

И южная Россія была въ сіе время театромъ раздора. Ольговичи, князья Черниговскіе, дружные тогда со Мстиславичами, объявили войну Ярополку и братьямъ его; призвали половцевъ; жгли города, села; грабили, плѣняли россіянъ и заключили миръ подъ Кіевомъ. Изяславъ былъ тутъ же. Онъ не ходилъ вторично съ новогородцами въ область Суздальскую: великій князь уступилъ ему Владиміръ, Андрею, брату своему, Переяславль, а Ростовъ и Суздаль возвратилъ Георгію, который сверхъ того удержалъ за собою Остеръ въ южной Россіи. Въ семъ случаѣ новогородцы поступили какъ истинные, добрые сыны отечества: не хотѣвъ взять участія въ междоусобіи, они прислали своего посадника Мирослава и, наконецъ, епископа Нифонта, обезоружить князей словами благоразумія. Нифонтъ, мужъ строгой добродѣтели, сильными убѣжденіями тронулъ ихъ сердца и болѣе всѣхъ способствовалъ заключенію мира.

Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять возгорѣлась война, и князья Черниговскіе новыми злодѣйствами устрашили бѣдныхъ жителей въ Переяславской области. Въ жестокой битвѣ, на берегахъ Супоя, великій князь лишился всей дружины своей; она гналась за половцами и была отрѣзана непріятелями: ибо Ярополкъ съ большею частію войска малодушно оставилъ мѣсто сраженія. Плѣнивъ знатнѣйшихъ бояръ, Ольговичи взяли и знамя великаго князя. Василько, сынъ Мономаховой дочери Маріи и греческаго царевича Леона, находился въ числѣ убитыхъ.—Завоевавъ Триполь, Халепъ, окрестности Бѣлагорода, Василева, побѣдители уже стояли на берегахъ Лыбеди, когда Ярополкъ, готовый ко вторичной битвѣ, но ужасаясь кровопролитія, вопреки мнѣнію братьевъ, предложилъ миръ и согласился уступить Ольговичамъ Курскъ, съ частію Переяславской области. Митрополитъ ходилъ къ нимъ въ станъ и приводилъ ихъ къ цѣлованію креста по тогдашнему обычаю.

Между тѣмъ новогородцы, миря другихъ, сами не умѣли наслаждаться внутреннею тишиною. Князь былъ жертвою ихъ безпокойнаго духа. Собравъ гражданъ ладожскихъ, псковскихъ, они торжественно осудили Всеволода на изгнаніе, ставя ему въ вину: 1) „что онъ не блюдетъ простого народа и любитъ только забавы, ястребовъ и собакъ; 2) хотѣлъ княжить въ Переяславлѣ; 3) ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ, и 4) непостояненъ въ мысляхъ; то держитъ сторону князя черниговскаго, то пристаетъ ко врагамъ его“. Всеволодъ былъ заключенъ въ епископскомъ домѣ съ женою, дѣтьми и тещею, супругою князя Святоши; сидѣлъ какъ преступникъ 7 недѣль за всегдашнею стражею тридцати воиновъ и получилъ свободу, когда Святославъ Ольговичъ,

братъ князя черниговскаго, избранный народомъ, пріѣхалъ княжить въ Новгородъ. Оставивъ тамъ аманатомъ юнаго сына своего Владиміра, Всеволодъ искалъ защиты Ярополковой, и добросердечный великій князь, забывъ вину сего племянника (хотѣвшаго прежде, въ досаду ему, овладѣть суздальскою землею), далъ изгнаннику Вышегородъ: но равнодушно смотрѣлъ на то, что древняя столица Рюрикова, всегдашнее достояніе государей кіевскихъ, уже не признавала надъ собою ихъ власти.

Мятежъ продолжался въ Новѣгородѣ. Всеволодъ имѣлъ тамъ многихъ ревностныхъ другей, ненавистныхъ народу, который одного изъ нихъ, именемъ Георгія Жирославича, бросилъ въ Волховъ. Сіи люди, не теряя надежды успѣть въ своемъ намѣреніи, хотѣли даже застрѣлить князя Святослава. Самъ посадникъ держалъ ихъ сторону, наконецъ съ нѣкоторыми знатными новогородцами и псковитянами ушелъ ко Всеволоду, сказывая ему, что всѣ добрые ихъ сограждане желаютъ его возвращенія. Рожденный, воспитанный съ нимъ, сей князь любилъ Новгородъ какъ отчизну и неблагодарныхъ его жителей, какъ братьевъ; тосковалъ въ изгнаніи и съ сердечною радостію спѣшилъ приблизиться къ своей наслѣдственной столицѣ. На пути встрѣтилъ его съ дружиною Василько Рогволодовичъ, князь полоцкій, въ 1129 году сосланный Мстиславомъ въ Константинополь: онъ имѣлъ случай отмстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра и самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области.

Псковитяне съ искреннимъ усердіемъ приняли Всеволода: новогородцы же не хотѣли о немъ слышать и, свѣдавъ, что онъ уже во Псковѣ, разграбили домы его доброжелателей, а другихъ обложили пенями, и собранныя 1,500 гривенъ отдали купцамъ на заготовленіе нужныхъ вещей для войны. Святославъ призвалъ брата своего Глѣба изъ Курска; призвалъ самыхъ половцевъ. Уже варвары надѣялись опустошить сѣверную Россію, какъ они съ жестокимъ отцомъ сего князя грабили южную; но псковитяне рѣшились быть друзьями Всеволода; заваливъ всѣ дороги въ дремучихъ лѣсахъ своихъ, они взяли такія мѣры для обороны, что устрашенный Святославъ не хотѣлъ идти далѣе Дубровины и возвратился. Такимъ образомъ городъ Псковъ сдѣлался на время особеннымъ княженіемъ: Святополкъ Мстиславичъ наслѣдовалъ сію область по кончинѣ брата своего, набожнаго, благодѣтельнаго Всеволода-Гавріила, коего гробницу и древнее оружіе до нынѣ показываютъ въ тамошней соборной церкви.

Новогородцы, избравъ Святослава, объявили себя непріятелями великаго князя, также суздальскаго и смоленскаго. Псковитяне

не хотѣли имѣть съ ними сношенія, ни Василько, князь Полоцкій, вѣрный союзникъ Всеволодовъ. Лишенные подвозовъ, они терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ (котораго осмина стоила тогда въ Новѣгородѣ 7 рѣзаней) и неудовольствіе народное обратилось на князя невиннаго. Одно духовенство имѣло нѣкоторую причину жаловаться на Святослава: ибо онъ сочетался какимъ-то незаконнымъ бракомъ въ Новѣгородѣ, не уваживъ запрещенія епископскаго и велѣвъ обвѣнчать себя собственному или придворному іерею. За то сей князь старался обезоружить Нифонта своею щедростію, возобновивъ древній уставъ Владиміровъ о церковной дани, опредѣливъ епископу брать, вмѣсто десятины отъ виръ и продажъ, 100 гривенъ изъ казны княжеской, кромѣ уѣздныхъ оброковъ и пошлинъ съ купеческихъ судовъ. Но Святославъ не могъ успокоить народа и былъ изгнанъ съ безчестіемъ. Желая защитить себя отъ мести Ольговичей, граждане оставили въ залогъ у себя его бояръ и княгиню; сослали ее въ монастырь св. Варвары и призвали въ Новгородъ Ростислава, внука Мономахова, сына Георгіева; заключили миръ съ великимъ княземъ, псковитянами и хвалились своею мудрою политикою.—Горестный Святославъ, разлученный съ женою, на пути своемъ въ Черниговъ былъ остановленъ смоленскими жителями и запертъ въ монастырѣ Смядынскомъ: ибо Ольговичи снова объявили тогда войну роду Мономахову.

Сіи безпокойные князья вмѣстѣ съ половцами ограбили селенія и города на берегахъ Сулы. Андрей Владиміровичъ не могъ отразить ихъ, ни имѣть скорой помощи отъ братьевъ, которые, въ надеждѣ на миръ, распустили войско. Онъ не хотѣлъ быть свидѣтелемъ бѣдствія своихъ подданныхъ, и спѣшилъ уѣхать изъ Переяславля, оставивъ ихъ въ добычу врагамъ и не менѣе хищнымъ намѣстникамъ. Заключеніе Святослава еще болѣе остервенило жестокихъ Ольговичей: пылая гнѣвомъ, они какъ тигры свирѣпствовали въ южной Россіи, взяли Прилукъ, думали осадить Кіевъ. Но Ярополкъ собралъ уже сильную рать, заставилъ ихъ удалиться и скоро приступилъ къ Чернигову. Не только всѣ россійскіе князья соединились съ нимъ, но и венгры дали ему войско; въ станѣ его находилось еще около 1.000 конныхъ берендѣевъ или торковъ. Жители черниговскіе ужаснулись и требовали отъ своего князя Всеволода, чтобы онъ старался умилостивить Ярополка. „Ты хочешь бѣжать къ половцамъ,—говорили они,—но варвары не спасутъ твоей области: мы будемъ жертвою враговъ. Пожалѣй о народѣ и смирись. Знаемъ человѣколюбіе Ярополково: оно не радуется кровопролитію и гибели россіянъ“. Черниговцы не обманулись: великій князь, тронутый моленіемъ Всеволода, явилъ рѣдкій примѣръ великодушія или слабости: за-

ключивъ миръ, утвержденный съ обѣихъ сторонъ клятвою и дарами, возвратился въ Кіевъ и скончался. Сей князь, подобно Мономаху, любилъ добродѣтель, какъ увѣряютъ лѣтописцы; но онъ не зналъ, въ чемъ состоитъ добродѣтель государя. Съ его времени началась та непримиримая вражда между потомками Олега Святославича и Мономаха, которая въ теченіе цѣлаго вѣка была главнымъ несчастіемъ Россіи: ибо первые не хотѣли довольствоваться своею наслѣдственною областію и не могли, завидуя вторымъ, спокойно видѣть ихъ на престолѣ великокняжескомъ.

Вмѣстѣ съ другими россіянами находилась подъ Черниговымъ и въ Ярополковомъ станѣ и вспомогательная дружина галицкая: такъ съ сего времени называется въ лѣтописяхъ юго-западная область Россіи, гдѣ сынъ Володаревъ, честолюбивый Владимірко, господствуя вмѣстѣ съ братьями, перенесъ свою особенную столицу на берегъ Днѣстра, въ Галичъ, и прославился мужествомъ. Онъ не могъ забыть коварнаго злодѣянія ляховъ, столь безчестно плѣнившихъ Володаря, и мстилъ имъ при всякомъ случаѣ. Какой-то знатный венгерецъ, Болеславовъ вельможа, начальникъ города Вислицы, измѣнивъ государю, тайно звалъ галицкаго князя въ ея богатую область. Владимірко безъ сопротивленія завладѣлъ оною и сдержалъ данное венгерцу слово: осыпалъ его золотомъ, ласкою, почестями; но, гнушаясь злодѣяніемъ, велѣлъ тогда же ослѣпить сего измѣнника и сдѣлать евнухомъ. „Изверги не должны имѣть дѣтей, имъ подобныхъ", сказалъ Владимірко, хотѣвъ такимъ образомъ согласить природную ненависть къ полякамъ съ любовію къ добродѣтели. Онъ удовольствовался взятою добычею и не могъ удержать за собою Вислицы. Польскіе лѣтописцы говорятъ, что Болеславъ старался отмстить ему такимъ же грабежомъ въ Галицкой области; свирѣпствовалъ огнемъ и мечомъ, плавалъ въ крови невинныхъ земледѣльцевъ, пастырей, женъ и возвратился съ честію! Тогдашніе ужасы войны, безъ сомнѣнія, превосходили нынѣшніе и казались не злодѣйствомъ, но ея принадлежностію, обыкновенною и необходимою.

Владимірко — то врагъ, то союзникъ венгровъ — участвовалъ также въ войнѣ Бориса, сына Евфиміи, Мономаховой дочери, съ королемъ Белою Слѣпымъ. Еще въ утробѣ матери осужденный на изгнаніе и воспитанный въ нашемъ отечествѣ, Борисъ возмужавъ хотѣлъ мечомъ доказать силу наслѣдственныхъ правъ своихъ и вступилъ въ Венгрію съ россіянами, его союзниками, и съ Болеславомъ польскимъ; но въ рѣшительной битвѣ не выдержалъ перваго удара нѣмцевъ и бѣжалъ какъ малодушный, не умѣвъ воспользоваться благорасположеніемъ многихъ венгерскихъ бояръ, которые думали, что онъ былъ законный сынъ ихъ государя, и что Коломанъ единственно по ненависти своей къ россійской

крови изгналъ супругу, вѣрную и невинную. Напрасно искавъ защиты нѣмецкаго императора, Борисъ чрезъ нѣсколько лѣтъ явился въ станѣ Людовика VII, когда сей французскій монархъ шелъ черезъ Паннонію въ Обѣтованную землю. Узнавъ о томъ, Гейза, король венгерскій, требовалъ головы своего опаснаго непріятеля; но Людовикъ сжалился надъ несчастнымъ и, призвавъ на совѣтъ епископовъ, объявилъ посламъ Гейзы, что требованіе ихъ короля не согласно ни съ честію, ни съ вѣрою христіанскою. Борисъ, женатый на родственницѣ Мануила, греческаго императора, удалился въ Царьградъ, выѣхавъ тайно изъ французскаго стана на конѣ Людовиковомъ; воевалъ еще съ Гейзою подъ знаменами Мануила и былъ застрѣленъ измѣнникомъ, половецкимъ воиномъ, въ 1156 году. Сынъ его, младшій Коломанъ, извѣстный храбростію, служилъ послѣ грекамъ и правительствовалъ въ Киликіи.

ГЛАВА X.

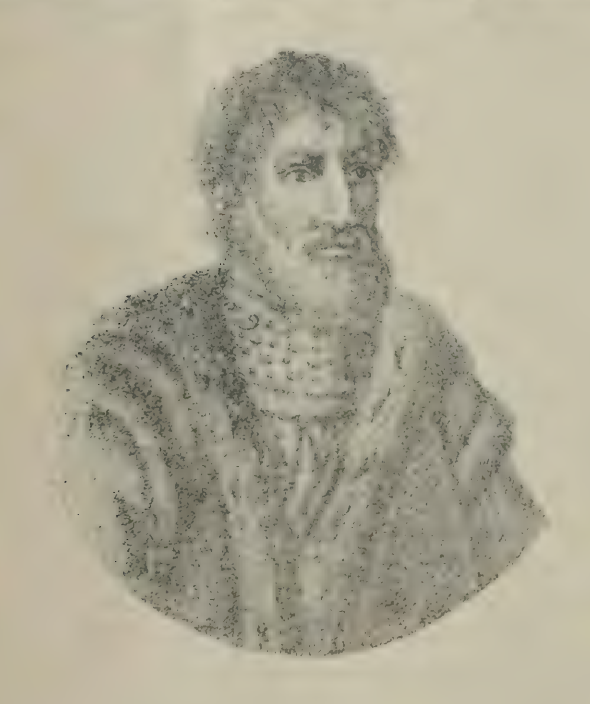
Великій князь Всеволодъ Ольговичъ.

Г. 1139—1146.

Всеволодъ изгоняетъ Вячеслава.—Междоусобія.—Мужество Андрея.—Честность Всеволода.—Его благоразуміе.—Равнодушіе новогородцевъ къ княжеской чести.—Безпокойство въ Новѣгородѣ.—Смерть Андрея Добраго.—Грабежи.—Хитрость Всеволода.—Россіяне въ Польшѣ.—Первая вражда Георгія съ Изяславомъ.—Мореходство новогородцевъ.—Браки.—Походъ на Галичъ.—Іоаннъ Берладникъ.—Всеволодъ избираетъ наслѣдника.—Дѣла польскія.—Война съ Галицкимъ княземъ.—Мужество воеводы звенигородскаго.—Кончина Всеволода.

Вячеславъ, князь переяславскій, спѣшилъ въ Кіевъ быть наслѣдникомъ Ярополковымъ, и митрополитъ, провождаемый народомъ, встрѣтилъ его какъ государя. Но Всеволодъ Ольговичъ не далъ ему времени утвердить власть свою: узнавъ въ Вышегородѣ о кончинѣ Ярополковой, немедленно собралъ войско, обступилъ Кіевъ и зажегъ предмѣстіе Копыревское. Устрашенный Вячеславъ послалъ митрополита сказать Всеволоду: „я не хищникъ; но ежели условія нашихъ отцевъ не кажутся тебѣ закономъ священнымъ, то будь государемъ кіевскимъ: иду въ Туровъ“. Онъ, дѣйствительно, уѣхалъ изъ столицы, а Всеволодъ съ торжествомъ сѣлъ на престолѣ великокняжескомъ, давъ свѣтлый пиръ митрополиту и боярамъ: вино, медъ, яства, овощи были развозимы для народа: церкви и монастыри получили богатую милостыню.—Къ неудовольствію брата своего Игоря, Всеволодъ отдалъ Черниговъ сыну Давидову, Владиміру.

Новый великій князь изъявилъ желаніе остаться въ мирѣ съ сыновьями и внуками Мономаха; но они не хотѣли ѣхать къ нему, замышляя свергнуть его съ престола. Тогда Всеволодъ рѣшился отнять у нихъ владѣнія и послалъ воеводъ на Изяслава Мстиславича. Сія рать, объятая ужасомъ прежде битвы, возвратилась съ уничиженіемъ и стыдомъ. Въ намѣреніи загладить первую неудачу, Всеволодъ приказалъ брату князя Черниговскаго, Изяславу

ВСЕВОЛОДЪ II. ОЛЬГОВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

Давидовичу, вмѣстѣ съ галицкими князьями воевать область Туровскую и Владимірскую; а самъ выступилъ противъ Андрея, гордо объявивъ ему, чтобы онъ ѣхалъ въ Курскъ, и что Переяславль долженъ быть удѣломъ Святослава Ольговича. Великодушный Андрей издавна не боялся враговъ многочисленныхъ. „Нѣтъ!—отвѣтствовалъ сей князь,—дѣдъ, отецъ мой княжили въ Переяславлѣ, а не въ Курскѣ; здѣсь моя отчина и дружина вѣрная; живой не выду отсюда. Пусть Всеволодъ обагритъ свои руки

моею кровію! Не онъ будетъ первый: Святополкъ, подобно ему властолюбивый, умертвилъ также Бориса и Глѣба, но долго ли пользовался властію?" Великій князь стоялъ на берегахъ Днѣпра и велѣлъ Святославу изгнать Андрея; но мужественный сынъ Мономаховъ, обративъ его въ бѣгство, купилъ побѣдою миръ. Къ чести Всеволода сказано въ лѣтописи, что онъ во время договоровъ, видя ночью сильный пожаръ въ Переяславлѣ, не хотѣлъ воспользоваться онымъ. Сіи два князя, обѣщавъ забыть вражду, черезъ нѣсколько дней съѣхались въ Малотинѣ для заключенія союза съ ханами половецкими.

Между тѣмъ Владимірко галицкій съ Іоанномъ Васильковичемъ, братъ черниговскаго князя съ половцами и ляхи, союзники Всеволодовы, вошли въ область Изяславову и Туровскую. Но гордый Владимірко, стыдясь быть слугою или орудіемъ государя кіевскаго, искалъ въ юномъ мужественномъ Изяславѣ Мстиславичѣ не врага, а достойнаго сподвижника въ опасностяхъ славы: они встрѣтились въ полѣ для того, чтобы разстаться друзьями. Ляхи же и половцы удовольствовались однимъ грабежомъ. Симъ война кончилась. Благоразумный Всеволодъ не отвергнулъ мирныхъ предложеній Изяслава и дяди его Вячеслава туровскаго; далъ слово не тревожить ихъ въ наслѣдственныхъ удѣлахъ и желалъ согласить свое честолюбіе съ государственною тишиною.

Еще Георгій Владиміровичъ, князь суздальскій, оставался его врагомъ, прибылъ въ Смоленскъ и требовалъ войска отъ новогородцевъ, чтобы отмстить Всеволоду. Юный князь ихъ, Ростиславъ, представлялъ имъ обязанность вступиться за честь Мономахова дома; но думая о выгодахъ мирной торговли болѣе, нежели о чести княжеской, они не хотѣли вооружиться. Ростиславъ ушелъ къ отцу; Георгій въ наказаніе отнялъ у новогородцевъ Торжокъ. Сіи люди выгнали князей, но не могли жить безъ нихъ: звали къ себѣ вторично Святослава и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ Всеволоду. Святославъ пріѣхалъ; однакожъ спокойствія и тишины не было. Распри господствовали въ сей области. Князь и любимцы его также питали духъ несогласія и мстили личнымъ врагамъ: нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ сослали въ Кіевъ или заключили въ оковы; другіе бѣжали въ Суздаль. Всеволодъ хотѣлъ послать сына своего на мѣсто брата, и граждане, въ надеждѣ имѣть лучшаго князя, отправили за нимъ епископа Нифонта въ Кіевъ. Тогда, не увѣренный въ своей безопасности, Святославъ уѣхалъ тайно изъ Новагорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ. Народъ озлобился; догналъ несчастнаго любимца княжескаго, оковалъ цѣпями и заточилъ въ область Чудскую, равно какъ и брата Якунова, взявъ съ нихъ 1.100 гривенъ пени. Сіи изгнанники скоро нашли вѣрное убѣжище тамъ же, гдѣ и враги

ихъ: при дворѣ Георгія Владиміровича и, благословляя милостиваго князя, навсегда отказались отъ своего мятежнаго отечества.

Уже сынъ Всеволодовъ былъ на пути съ Нифонтомъ и доѣхалъ до Чернигова, когда вѣтреные новогородцы, перемѣнивъ мысли, дали знать великому князю, что не хотятъ ни сына, ни ближнихъ его и что одинъ родъ Мономаховъ достоинъ управлять ими. Оскорбленный Всеволодъ задержалъ ихъ пословъ и самого Нифонта. Узнавъ о томъ, новогородцы объявили Всеволоду, что они покорны ему, какъ общему государю Россіи, желая отъ его руки имѣть властителемъ своимъ брата великой княгини Святополка или Владиміра Мстиславичей. Однакожъ сія уклонность не смягчила Всеволода, который призвалъ къ себѣ обоихъ меньшихъ шурьевъ и далъ имъ Брестовскую область для того, чтобы они не соглашались княжить въ Новѣгородѣ и чтобы его безпокойные жители испытали всѣ бѣдствія безначалія.

Въ самомъ дѣлѣ, новогородцы, лишенные защиты государя, были всячески притѣсняемы: никто не хотѣлъ везти къ нимъ хлѣба, и купцы ихъ, остановленные въ другихъ городахъ Россійскихъ, сидѣли по темницамъ. Они терпѣли девять мѣсяцевъ, избравъ въ посадники врага Святославова, именемъ Судилу, который вмѣстѣ съ другими единомышленниками возвратился изъ Суздаля: наконецъ прибѣгнули къ Георгію Владиміровичу и звали его къ себѣ правительствовать. Онъ не хотѣлъ выѣхать изъ своей вѣрной области, но вторично далъ имъ сына и скоро имѣлъ причину раскаяться: ибо Всеволодъ, въ досаду ему, заняль Остеръ (городокъ Георгіевъ), а новогородцы, свѣдавъ, что великій князь, въ удовольствіе супругѣ или брату ея, Изяславу Мстиславичу, согласился наконецъ исполнить ихъ желаніе и что шуринъ его Святополкъ уже къ нимъ ѣдетъ, заключили по обыкновенію, Георгіева сына въ епископскомъ домѣ. Капитолій граничилъ въ Римѣ съ Тарпейскою скалою; въ Новѣгородѣ престолъ съ темницею! Боялся ли народъ остаться безъ властителя и на всякій случай берегъ смѣннаго или, упоенный дерзостью, хотѣлъ явить его преемнику разительный примѣръ своего могущества, поручая ему вывести бывшаго князя изъ темницы? Какъ скоро Святополкъ пріѣхалъ, граждане отпустили Ростислава къ отцу.

Въ сіе время, въ общей горести, преставился Андрей Владиміровичъ въ лѣтахъ мужества, заслуживъ имя Добраго и не уронивъ чести Мономахова дома. Вячеславъ былъ его наслѣдникомъ, но медлилъ выѣхать изъ Турова. „Иди въ свою отчину, Переяславль,—говорили ему послы Всеволодовы: —Туровъ есть древній городъ кіевскій; отдаю его моему сыну“. Тихій Вячеславъ жилъ спокойнѣе и безопаснѣе въ западной Россіи: сосѣдство съ половцами требовало дѣятельной осторожности, несогласной съ его

миролюбіемъ. Принужденный исполнить требованіе Всеволодово, онъ увидѣлъ, что Россія имѣла своихъ половцевъ: Игорь и Святославъ Ольговичи объявили ему войну. Недовольные тѣмъ, что великій князь наградилъ сына удѣломъ и не хотѣлъ отдать имъ ни Сѣверскаго Новагорода, ни земли вятичей, они вступили въ тѣсный союзъ съ князьями Черниговскими, сыновьями Давида, и надѣялись оружіемъ пріобрѣсти себѣ выгодные удѣлы; опустошили нѣсколько городовъ Георгія Владиміровича Суздальскаго, захвативъ вездѣ скотъ и товары; напали на область Переяславскую и два мѣсяца жгли села, травили хлѣбъ, разоряли бѣдныхъ земледѣльцевъ. Вячеславъ слышалъ стонъ людей, смотрѣлъ на дымъ пылающихъ весей и сидѣлъ праздно въ городѣ, ожидая защиты отъ Всеволода и своихъ храбрыхъ племянниковъ, Мстиславичей. Великій князь, дѣйствительно, отрядилъ къ нему воеводу съ конницею печенѣжскою; съ другой стороны пришелъ Изяславъ Владимірскій; а братъ его, князь Смоленскій, завладѣлъ городами Черниговскими на берегахъ Сожа. Инокъ Святоша былъ еще живъ: Всеволодъ послалъ его усовѣстить хищниковъ. Наконецъ они смирились. Великій князь отдалъ Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу — Черторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ — Брестъ и Дрогичинъ, хитрымъ образомъ уничтоживъ опасный союзъ сихъ князей съ его братьями. Но послѣдніе вторично изъявили досаду, когда Вячеславъ съ согласія Всеволода уступилъ Переяславль Изяславу Мстиславичу, снова взялъ себѣ Туровъ, и когда сынъ великаго князя, юный Святославъ, на обмѣнъ получилъ Владимірскую область. „Братъ нашъ, — говорили Ольговичи, — думаетъ только о сынѣ, дружится со своими ненавистными шурьями, окружилъ себя ими и не даетъ намъ ни одного богатаго города“. Тщетно желали они поссорить его съ добрыми Мстиславичами: великій князь не внималъ злословію и хотѣлъ внутренняго спокойствія.

Утвердивъ себя на престолѣ кіевскомъ, онъ велѣлъ сыну Святославу, вмѣстѣ съ Изяславомъ Давидовичемъ и Владиміркомъ Галицкимъ, идти въ Польшу, гдѣ герцогъ Владиславъ, зять великаго князя, ссорился съ меньшими братьями: съ Болеславомъ (также зятемъ Всеволодовымъ) и съ другими. Къ несчастію, россіяне, призванные возстановить тишину государства, дѣйствовали какъ враги онаго, и вывели множество плѣнныхъ ляховъ, болѣе мирныхъ, нежели ратныхъ.

Увѣренный въ искреннемъ дружелюбіи Всеволода, Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ, кажется, примирить его съ дядею, Георгіемъ Владиміровичемъ, и для того ѣздилъ къ нему въ Суздаль; но сіи два князя не согласились въ мысляхъ и разстались врагами: что, ко вреду государства, имѣло послѣ столь кровопролитныя слѣд-

ствія. Въ семъ путешествіи Изяславъ видѣлся съ вѣрнымъ братомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, и пировалъ на свадьбѣ князя Новогородскаго, Святополка, котораго невѣста была привезена изъ Моравіи: вѣроятно, родственница богемскаго короля Владислава. Новгородъ успокоился: купеческія суда его ходили за море, привозили иноземные товары въ Россію и, въ 1142 году, мужественно отразили флотъ шведскаго короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладьями и съ епископомъ. Финляндцы, дерзнувъ грабить Ладожскую область, были побиты ея жителями и корелами, новогородскими данниками.

Желая прекратить наслѣдственную вражду между потомствомъ Рогнѣдинымъ и Ярослава Великаго, благоразумный Всеволодъ женилъ сына своего, юнаго Святослава, на дочери Василька полоцкаго; а Изяславъ Мстиславичъ выдалъ свою за Рогволода Борисовича, позвавъ къ себѣ на свадебный пиръ Всеволода, супругу его и бояръ кіевскихъ. Но, веселясь и пируя, князья разсуждали о дѣлахъ государственныхъ: Всеволодъ убѣдилъ ихъ возстать общими силами на гордаго Владиміра, который по смерти братьевъ, Ростислава и Васильковичей, сдѣлался единовластителемъ въ Галичѣ, хотѣлъ даже изгнать Всеволодова сына изъ Владимірской области и возвратилъ великому князю такъ называемую крестную или присяжную грамоту въ знакъ объявленія войны. Ольговичи, князь черниговскій съ братомъ, Вячеславъ туровскій съ племянниками Изяславомъ, Ростиславомъ смоленскимъ, Борисомъ и Глѣбомъ, сыновьями умершаго Всеволодка Городненскаго, сѣли на коней и пошли къ Теребовлю, соединясь съ новогородскимъ воеводою Перевинымъ и герцогомъ польскимъ Владиславомъ.

Владимірко услышалъ грозную вѣсть: призвалъ въ союзъ венгровъ и выступилъ въ поле съ Баномъ, дядею короля Гейзы. Рѣка Серетъ раздѣляла войска, готовыя къ битвѣ. Всеволодъ искалъ переправы: князь галицкій, не выпуская его изъ вида, шелъ другимъ берегомъ, и въ седьмой день сталъ на горахъ, ожидая нападенія; но Всеволодъ не хотѣлъ сразиться: ибо мѣсто благопріятствовало его противнику. Когда же Изяславъ Давидовичъ, братъ черниговскаго князя, съ отрядомъ наемныхъ половцевъ взялъ Ушицу и Микулинъ въ землѣ галицкой, тогда великій князь приступилъ къ Звенигороду. Вслѣдъ за непріятелемъ Владимірко сошелъ съ долины. Видя станъ его на другой сторонѣ города, за мелкою рѣкою, Всеволодъ тронулся съ мѣста въ боевомъ порядкѣ и хитро обманулъ непріятеля: вмѣсто того, чтобы вступить съ нимъ въ битву, зашелъ ему въ тылъ, расположился на высотахъ, отрѣзалъ его отъ Перемышля и Галича, оставивъ между собою и городомъ вязкія болота. Дружина Владимiркова

оробѣла. „Мы стоимъ здѣсь,—говорили бояре и воины,—а враги могутъ идти къ столицѣ, плѣнить наши семейства".—Князь Галицкій, не имѣя надежды сбить многочисленное войско съ неприступнаго мѣста, началъ переговоры съ братомъ Всеволодовымъ; склонилъ его на свою сторону; требовалъ мира и далъ слово Игорю способствовать ему, по смерти Всеволода, въ восшествіи на престолъ кіевскій. Великій князь не соглашался. „Но ты хочешь сдѣлать меня своимъ наслѣдникомъ,—сказалъ Игоръ брату:—оставь же мнѣ благодарнаго и могущественнаго союзника, столь нужнаго въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Россіи". Всеволодъ исполнилъ, наконецъ, его волю и въ тотъ же день обнялъ князя галицкаго, какъ друга взялъ съ него за трудъ 1,200 гривенъ серебра, роздалъ оныя союзнымъ князьямъ и возвратился въ столицу, доказавъ, что умѣетъ счастливо воевать, а не умѣетъ пользоватся воинскимъ счастіемъ.

Миръ не продолжился. Братъ Владимірковъ, Ростиславъ, оставилъ сына, именемъ Іоанна, прозваннаго Берладникомъ, у коего дядя отнялъ законное наслѣдство: сей юноша жилъ въ Звенигородѣ и снискалъ любовь народа. Пользуясь отсутствіемъ Владимірка, уѣхавшаго въ Тисмѣницу для звѣриной ловли, галичане призвали къ себѣ Іоанна и единодушно объявили своимъ княземъ. Гнѣвный Владимірко приступилъ къ городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Іоаннъ въ ночной вылазкѣ былъ отрѣзанъ отъ городскихъ воротъ: пробился сквозь непріятелей, ушелъ къ Дунаю и, наконецъ, въ Кіевъ. Галичане сдалися. Склонный болѣе къ строгости, нежели къ милосердію, Владимірко плавалъ въ ихъ крови и съ досадою слышалъ, что великій князь взялъ его племянника подъ защиту, какъ невинно гонимаго.

Однакожъ Всеволодъ еще не думалъ нарушать мира, слабый здоровьемъ и сверхъ того озабоченный неустройствами Польши, гдѣ любезный ему зять, герцогъ Владиславъ, не могъ ужиться въ согласіи съ братьями. Созвавъ князей во дворцѣ кіевскомъ, Всеволодъ сказалъ имъ, что онъ, предвидя свою кончину, подобно Мономаху и Мстиславу избираетъ наслѣдника, и что Игорь будетъ государемъ Россіи. Князья долженствовали присягнуть ему: черниговскіе и Святославъ Ольговичъ исполнили его волю. Изяславъ Мстиславичъ долго колебался, однакожъ не дерзнулъ быть ослушникомъ. Успокоенный симъ торжественнымъ обрядомъ, Всеволодъ началъ говорить о дѣлахъ польскихъ. „Пекись единственно о своемъ здравіи,—отвѣтствовалъ Игорь:—мы, вѣрные твои братья, утвердимъ Владислава на тронѣ". Игорь, предводительствуя войскомъ, вступилъ въ Польшу. Кровопролитія не было: меньшіе братья Владиславовы, стоявшіе въ укрѣпленномъ станѣ за болотомъ, не хотѣли обороняться и, прибѣгнувъ къ суду нашихъ

князей, уступили Владиславу четыре города, а Россіи Визну. Несмотря на то, Игорь возвратился съ добычею и плѣнниками. Владиславъ же скоро утратилъ престолъ, заслуживъ ненависть народную гоненіемъ единокровныхъ и несправедливою казнію знаменитаго вельможи Петра, коему онъ отрѣзалъ языкъ, выкололъ глаза и такимъ образомъ, по словамъ нашего лѣтописца, отмстилъ за россійскаго князя Володаря, въ 1122 году коварно плѣненнаго симъ вельможею.

Владиславъ бѣжалъ къ тестю, въ надеждѣ на его помощь; но Всеволодъ, удостовѣренный тогда въ непріятельскихъ замыслахъ галицкаго князя, выступилъ въ походъ съ дружинами: кіевскою, черниговскою, переяславскою, смоленскою, туровскою, владимірскою и съ союзными дикими половцами, оставивъ Святослава Ольговича въ столицѣ. Успѣхъ не отвѣтствовалъ ни силѣ войска, ни славѣ предводителя. Оно шло съ трудомъ неописаннымъ: ибо дожди согнали снѣгъ прежде времени; конница тонула въ грязи. Всеволодъ осадилъ, наконецъ, Звенигородъ и сжегъ внѣшнія укрѣпленія, однакожъ не могъ овладѣть крѣпостію: ибо тамъ начальствовалъ мужественный воевода, Иванъ Халдѣевичъ, который, узнавъ, что жители въ общемъ совѣтѣ положили сдаться, умертвилъ трехъ главныхъ виновниковъ сего вѣча и бросилъ искаженные трупы ихъ съ городской стѣны. Народъ ужаснулся и страхъ имѣлъ дѣйствіе храбрости: звенигородцы съ утра до вечера бились какъ отчаянные. Всеволодъ отступилъ и возвратился въ Кіевъ, гдѣ скоро началъ готовиться къ новой войнѣ, свѣдавъ, что Владимірко взялъ Прилуку. Но жестокая болѣзнь исхитила обнаженный мечъ изъ руки его. Отвезенный въ Вышегородъ—мѣсто славное тогда чудесами святыхъ мучениковъ, Бориса и Глѣба, великій князь напрасно ждалъ облегченія; объявилъ Игоря своимъ преемникомъ, велѣлъ народу присягнуть ему въ вѣрности и послалъ зятя своего, Владислава польскаго, напомнить Изяславу Мстиславичу данную имъ клятву. Съ такимъ же увѣщаніемъ ѣздилъ бояринъ Мирославъ Андреевичъ къ князьямъ черниговскимъ, которые, согласно съ Изяславомъ, отвѣтствовали, что они, уступивъ старѣйшинство Игорю, не измѣнятъ совѣсти. Тогда Всеволодъ спокойно закрылъ глаза навѣки: князь умный и хитрый, памятный отчасти разбоями междоусобія, отчасти государственными благодѣяніями! Достигнувъ престола кіевскаго, онъ хотѣлъ устройства и тишины; исполнялъ данное слово, любилъ справедливость и повелѣвалъ съ твердостію; однимъ словомъ, былъ лучшимъ изъ князей Олегова мятежнаго рода.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Игорь Ольговичъ.

Вѣче въ Кіевѣ. — Измѣна кіевлянъ. — Рѣчь Изяслава. — Корыстолюбіе черниговскихъ князей. — Предательство. — Игорь взятъ въ плѣнъ. — Грабежъ въ Кіевѣ.

Игорь, предавъ землѣ тѣло Всеволода, собралъ кіевлянъ среди двора Ярославова, требовалъ вторичнаго обѣта вѣрности и распустилъ ихъ. Но граждане еще не были довольны, открыли вѣче и звали князя. Пріѣхалъ одинъ братъ его, Святополкъ, и спрашивалъ, чего они желаютъ? „Правосудія“, — отвѣтствовалъ народъ:—тіуны Всеволодовы угнетали слабыхъ: Ратша опустошилъ Кіевъ, Тудоръ Вышегородъ. Святославъ! дай клятву за себя и за брата, что вы сами будете намъ судіями, или вмѣсто себя изберете вельможъ достойнѣйшихъ.“ Онъ сошелъ съ коня и цѣлованіемъ креста увѣрилъ гражданъ, что новый князь исполнитъ всѣ обязанности отца россіянъ, что хищники не останутся тіунами; что лучшіе вельможи заступятъ ихъ мѣсто и будутъ довольствоваться одною установленною пошлиною, не обременяя судимыхъ никакими иными налогами. „Мы благодарны, — сказали граждане:— теперь не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности“. То же обѣщалъ ихъ посламъ самъ великій князь Игорь и, думая, что дѣло кончилось, сѣлъ покойно за обѣдъ; но мятежная чернь устремилась грабить домъ ненавистнаго богатаго Ратши. Святославъ съ дружиною едва могъ возстановить порядокъ.

Такое начало не обѣщало хорошихъ слѣдствій. Игорь же, слушая злыхъ вельможъ, которые въ народномъ угнетеніи видѣли собственную пользу, не исполнилъ даннаго гражданамъ слова и хищники остались тіунами. Тогда кіевляне, думая, что государь-клятвопреступникъ уже не есть государь законный, тайно предложили Изяславу Мстиславичу быть великимъ княземъ. Любовь къ Мономахову роду не угасла въ ихъ сердцѣ и сей внукъ его отличался доблестію воинскою. Взявъ въ церкви св. Михаила благословеніе у епископа Евфимія, онъ съ вѣрною дружиною выступилъ изъ Переяславля. На пути встрѣтились ему послы черныхъ клобуковъ и городовъ Кіевской области. „Иди, князь добрый!— говорили они: — мы всѣ за тебя; не хотимъ Ольговичей. Гдѣ увидимъ твои знамена, тамъ и будемъ“. Собравъ на берегахъ Днѣпра войско многочисленное, бодрый Изяславъ сталъ посреди онаго и сказалъ: „друзья и братья! я не спорилъ о старѣйшин-

ствѣ съ достойнымъ Всеволодомъ, моимъ зятемъ, чтивъ его, какъ второго отца. Но Игорь и Святославъ должны ли повелѣвать нами? Богъ разсудитъ меня съ ними. Или паду славно предъ вашими глазами, или сяду на престолѣ моего дѣда и родителя!“ Онъ повелъ войско къ Кіеву.

Уже новый великій князь зналъ опасность: ибо Изяславъ, увѣ-

ИГОРЬ II. ОЛЬГО-
ВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій

домленный имъ о восшествіи его на престолъ, не только не отвѣтствовалъ ему ни слова, но удержалъ посла неволею въ Переяславлѣ. Игорь требовалъ вспоможенія отъ князей черниговскихъ: они торговались; хотѣли многихъ городовъ; наконецъ, удовлетворенные во всемъ, готовились идти къ брату. Ихъ медленность и коварная измѣна знаменитѣйшихъ чиновниковъ погубили его.

Тысяцкій Улѣбъ пользовался довѣренностію Всеволода и былъ утвержденъ Игоремъ въ своемъ важномъ санѣ: также и первый бояринъ, Іоаннъ Войтишичъ, вѣрный слуга Мономаховъ, завоева-

тель городовъ дунайскихъ. Желая добра Изяславу, они не устыдились предательства: изъявили усердіе Игорю и въ же время тайно ссылались съ его врагомъ, совѣтуя ему спѣшить къ Кіеву. Изяславъ приблизился. Ольговичи, готовые къ битвѣ, и сынъ Всеволодовъ, Святославъ, стояли внѣ города съ своими дружинами, а кіевляне особенно, на могилѣ Олеговой. Вдругъ открылась измѣна: Игорь увидѣлъ, что хоругвь Изяслава развѣвается въ полкахъ кіевскихъ; что тысяцкій сего князя предводительствуетъ ими; что Улѣбъ, Іоаннъ Войтишичъ и многіе единомышленники ихъ, повергнувъ свои знамена, бѣгутъ подъ Изяславовы: что берендеи предъ самыми Златыми вратами грабятъ обозъ великокняжескій. Еще Игорь не терялъ бодрости. „Врагъ нашъ есть клятвопреступникъ: Богъ намъ поможетъ", говорилъ онъ,— и хотѣлъ ударить на Изяслава, стоявшаго за озеромъ. Надлежало обойти оное, и когда многочисленная дружина Игорева стѣснилась между глубокими дебрями, черные клобуки заѣхали ей въ тылъ. Изяславъ напалъ спереди, смялъ непріятеля, разилъ бѣгущихъ и, торжествуя, вошелъ въ Кіевъ, гдѣ народъ, вмѣстѣ съ іереями, облаченными въ ризы, проводили его въ храмъ Софійскій благодарить небо за побѣду и престолъ великокняжескій.—Несчастнаго Игоря, слабаго ногами, схватили въ болотѣ, гдѣ увязъ его конь; держали нѣсколько дней въ монастырѣ на Выдобичахъ и заключили въ темницѣ Іоанновской обители, въ Переяславлѣ. Сей князь, за кратковременное удовольствіе честолюбія наказанный неволею и стыдомъ, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія злосчастныхъ: никто не жалѣлъ о немъ, кромѣ вѣрнаго брата Святослава, который съ малою дружиною ушелъ въ Новгородъ Сѣверскій. Племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, хотѣлъ скрыться въ кіевской обители св. Ирины: представленный Изяславу, онъ былъ имъ обласканъ какъ любимый сынъ; но вѣрные слуги отца его, въ особенности же Игоревы, не имѣли причины хвалиться великодушіемъ побѣдителя, дозволившаго народу грабить ихъ домы и села. Съ плѣнныхъ бояръ взяли окупъ.

ГЛАВА XII.

Великій Князь Изяславъ Мстиславичъ.

Г. 1146—1154.

Строгость великаго князя. — Коварство черниговскихъ князей. — Добродушіе Святослава.—Георгій возстаетъ на Изяслава.—Богатство княжеское.—Игорь схимникъ. — Нѣжность Святославова въ дружбѣ. — Начало Москвы. — Бродники.—Поставленіе россійскаго митрополита.—Любовь къ Мономаху.—Измѣна черниговскихъ князей.—Убіеніе Игоря.—Война междоусобная. — Медленность Георгія. — Народный обѣдъ въ Новѣгородѣ. — Рѣчь Изяслава. — Опустошеніе земли суздальской.—Несправедливость великаго князя.—Битва у Переяславля — Бѣгство Изяслава.—Союзъ съ венграми, богемцами и поляками.—Мужество Андрея.—Памятникъ коню.—Миръ.—Коварство Георгія.—Новая вражда.—Добросердечіе Изяслава и Вячеслава. — Побѣда Владиміркова.—Бодрость Андрея.—Хитрость Владимірка.—Твердость Изяслава.—Воинская хитрость.—Безпечность Георгія и торжество Изяслава.—Ристаніе въ Кіевѣ.—Справедливость великаго князя.—Признательность Вячеслава.—Благодарность къ королю венгерскому.—Осада Кіева.—Миролюбіе Вячеслава. — Пылкость Андрея.—Отступленіе Георгія.—Усердіе кіевлянъ.—Битва.—Изяславъ раненъ.—Бѣгство и вѣроломство Георгія.—Помощь венгровъ.—Рѣчь Изяславова и побѣда.—Притворство Владимірка.—Простодушіе Гейзы.—Любовь Георгія къ южной Россіи.—Вѣроломство Владимірка.—Подвиги Андрея. — Насмѣшка Владиміркова.—Печальная одежда. — Смерть Владимірка. — Рѣчь Ярослава. — Сомнительная побѣда.—Бракъ Изяславовъ.—Дѣла новогородскія.—Кончина Изяслава.—Характеръ его.—Своевольство полочанъ.

Изяславъ — по словамъ лѣтописцевъ, благословенная отрасль добраго корня—могъ бы обѣщать себѣ и подданнымъ дни счастливые, ибо народъ любилъ его; но исторія сего времени не представляетъ намъ ничего, кромѣ злодѣйствъ междоусобія. Храбрые умирали за князей, а не за отечество, которое оплакивало ихъ побѣды, вредныя для его могущества и гражданскаго образованія.

Утвердивъ миръ съ половцами, которые всякому новому государю предлагали тогда союзъ, ибо хотѣли даровъ —великій князь оказалъ, можетъ быть, излишнюю строгость въ разсужденіи своего дяди. Обманутый совѣтами бояръ и въ надеждѣ на прежнія ласки Изяславовы, на самыя его обѣщанія, миролюбивый князь туровскій, Вячеславъ, узнавъ о торжествѣ племянника, вообразилъ себя по старшинству государемъ Россіи: занялъ города кіевскіе и своевольно отдалъ Владиміръ сыну Андрееву, Мономахову внуку. Посланный братомъ, смоленскій князь изгналъ Вячеслава; велѣлъ ему княжить только въ Пересопницѣ или Дорогобужѣ Волынскомъ, а намѣстниковъ его, окованныхъ цѣпями, вмѣстѣ съ туровскимъ епископомъ Іоакимомъ, привелъ въ Кіевъ.

Назначивъ Туровъ въ удѣлъ меньшему сыну, именемъ Яросла-

ву, великій князь обратилъ вниманіе на Игорева брата. Спасаясь бѣгствомъ отъ побѣдителя, Святославъ хотѣлъ удостовѣриться въ искренней дружбѣ князей черниговскихъ, чтобы единодушно дѣйствовать съ ними для освобожденія Игорева. Они дали ему въ томъ клятву; но Святославъ, оставивъ у нихъ своего боярина и поѣхавъ готовиться къ войнѣ, свѣдалъ отъ него, что сіи коварные братья тайно дружатся съ великимъ княземъ и, нако-

ИЗЯСЛАВЪ II. МСТИСЛАВИЧЪ.
Вел. Кн. Россiйскiй

нецъ, заключили съ нимъ союзъ, предавъ Игоря въ его волю, какъ недостойнаго ни власти, ни свободы. Скоро общіе послы Изяславовы и Давидовичей торжественно объявили Святославу, что онъ можетъ спокойно княжить въ своей области, если уступитъ имъ Новгородъ Сѣверскій и клятвенно откажется отъ брата. Сей добрый, нѣжный родственникъ залился слезами и, сказавъ въ отвѣтъ: „возьмите все, что имѣю; освободите только Игоря“, рѣшился искать покровителя въ сынѣ Мономаховомъ.

Георгій Владиміровичъ Суздальскій видѣлъ съ досадою, что гордый Изяславъ, вопреки древнему уставу, отнявъ старѣйшинство у дядей, сѣлъ на тронѣ кіевскомъ. Пользуясь симъ расположеніемъ, Святославъ обратился къ Георгію и молилъ его освободить Игоря. „Иди въ Кіевъ, — говорилъ онъ: — спаси несчастнаго и властвуй въ землѣ Русской. Богъ помогаетъ тому, кто вступается за утѣсненныхъ“. Георгій далъ ему слово и началъ готовить войско.—Святославъ нашелъ и другихъ защитниковъ въ ханахъ половецкихъ, братьяхъ его матери: они съ тремя стами всадниковъ немедленно явились въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, куда прибыли также юный князь Рязанскій, Владиміръ, внукъ Ярославовъ, и галицкій изгнанникъ, Іоаннъ Ростиславичъ Берладникъ.

Уже Давидовичи, соединясь съ сыномъ великаго князя, Мстиславомъ, вождемъ переяславской дружины и берендѣевъ, вступили въ область Сѣверскую и грабили оную, тщетно хотѣвъ взять Новгородъ. Въ надеждѣ усовѣстить ихъ, духовникъ Святославовъ пріѣхалъ къ нимъ въ станъ и сказалъ именемъ князя: „Родственники жестокіе! довольны ли вы злодѣйствами, разоривъ мою область, взявъ имѣніе, стада; истребивъ огнемъ хлѣбъ и запасы? желаете ли еще умертвить меня?“ Союзники вторично требовали, чтобы онъ навсегда отступился отъ несчастнаго Игоря. „Нѣтъ! — отвѣтствовалъ Святославъ: — пока душа моя въ тѣлѣ, не измѣню единокровному!“ Давидовичи заняли село Игорево, гдѣ сей князь имѣлъ дворецъ и хранилъ свое богатство; нашли вино и медъ въ погребахъ, желѣзо и мѣдь въ кладовыхъ; отправили множество возовъ съ добычею и, веселясь разрушеніемъ, сожгли дворецъ, церковь, гумно княжеское, гдѣ было девятьсотъ скирдовъ хлѣба.

Великій князь, свѣдавъ о воинскихъ приготовленіяхъ Георгія Владиміровича, велѣлъ другу своему, Ростиславу Ярославичу Рязанскому, набѣгами тревожить Суздальскую область; самъ же выступилъ изъ Кіева и соединился съ князьями черниговскими, осаждавшими Путивль. Зная ихъ вѣроломство, жители не хотѣли договариваться съ ними, но охотно сдались великому князю. Тамъ находился собственный домъ Святослава: князья раздѣлили его имѣніе. Лѣтописецъ сказываетъ, что они нашли въ выходахъ 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина; ограбили славную церковь Вознесенія, богатую серебряными сосудами, кадильницами, утварью, шитою золотомъ, кованными Евангеліями и книгами. Семьсотъ рабовъ княжескихъ были также ихъ добычею.

Святославъ ожидалъ Георгія: онъ дѣйствительно шелъ къ нему въ помощь; свѣдавъ же о нападеніи князя Рязанскаго на Суздальскую область, возвратился изъ Козельска. Одинъ сынъ его, Іоаннъ Георгіевичъ, пріѣхалъ съ дружескими увѣреніями къ Свя-

тославу, который, въ знакъ благодарности, отдалъ ему Курскъ и Посемье, но принужденъ былъ искать убѣжища въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Многочисленная рать великокняжеская шла къ Новугороду. Старый вельможа черниговскаго князя, бывшій нѣкогда вѣрнымъ слугою Олеговымъ, изъ сожалѣнія тайно увѣдомилъ Святослава о предстоящей ему опасности. „Спасай жену, дѣтей своихъ и супругу Игореву! — говорили его друзья и бояре: — всѣ запасы твои уже въ рукахъ непріятельскихъ. Удалимся въ лѣсную землю карачевскую: ея дремучіе боры и помощь Георгіева будутъ твоею защитою". Нѣкоторые вельможи говорили искренно; другіе хотѣли только избавиться отъ кровопролитія и сами остались въ Новѣгородѣ, когда Святославъ уѣхалъ въ Карачевъ. За нимъ гнался Изяславъ Давидовичъ съ 3,000 всадниковъ и воеводою кіевскимъ, Шварномъ. Уже бѣгство не могло спасти несчастнаго: надлежало отдаться въ плѣнъ или сразиться. Отчаянный Святославъ съ вѣрною дружиною и дикими половцами ударилъ на врага; разбилъ его, опустошилъ Карачевъ и немедленно удалился въ сопредѣльную землю вятичей, которая зависѣла отъ черниговскихъ владѣтелей. Великій князь, напрасно желавъ побѣдою загладить неудачу Изяслава, отдалъ Давидовичамъ всю завоеванную область, кромѣ Курска; исключительно присвоилъ себѣ одно Игорево достояніе и возвратился въ Кіевъ.

Въ сіе время Игорь былъ уже монахомъ. Изнуренный печалію и болѣзнію, онъ изъявилъ желаніе отказаться отъ свѣта, когда великій князь готовился идти на его брата. „Давно, и въ самомъ счастіи, я хотѣлъ посвятить Богу душу мою, — говорилъ Игорь: — нынѣ, въ темницѣ и при дверяхъ гроба, могу ли желать иного?" Изяславъ отвѣтствовалъ ему: „ты свободенъ; но выпускаю тебя единственно ради болѣзни твоей". Его отнесли въ келью; онъ 8 дней лежалъ какъ мертвый; но постриженный святителемъ Евфиміемъ, совершенно выздоровѣлъ и въ кіевской обители св. Өеодора принялъ схиму, которая не спасла его отъ гнѣва судьбы: скоро увидимъ жалкій конецъ сего несчастнаго Олегова сына.

Князья черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля; но слыша, что Георгій прислалъ къ нему 1,000 бѣлозерскихъ латниковъ, отступили къ Чернигову. Они не устыдились всенародно объявить въ странѣ вятичей, чтобы жители старались умертвить Святослава, и что убійцы будутъ награждены его имѣніемъ! Родственники гнали сего князя, друзья оставляли. Въ числѣ ихъ находился воевода, князь Іоаннъ Берладникъ: онъ не хотѣлъ болѣе съ нимъ скитаться, взялъ у него за службу 200 гривенъ серебра, 6 фунтовъ золота и перешелъ къ Смоленскому князю. Только Владиміръ Рязанскій и сынъ Геор-

гіевъ, Іоаннъ, усердно дѣлили труды и безпокойства съ Святославомъ, который, имѣвъ несчастіе лишиться послѣдняго, изъявилъ достохвальную чувствительность; видя Іоанна больного, забылъ войну и непріятелей; молился, думалъ единственно о немъ; столь горестно оплакивалъ кончину сего юноши, что самъ Георгій старался его утѣшить и, приславъ богатые дары, обѣщалъ другимъ сыномъ замѣнить ему умершаго вѣрнаго сподвижника. Общая ненависть къ великому князю утвердила союзъ между ими: князь Суздальскій изгналъ Рязанскаго, союзника Изяславова, заставилъ его бѣжать къ половцамъ, взялъ Торжекъ и плѣнилъ жителей; а Святославъ разорилъ часть Смоленской области, вокругъ Протвы, или землю Голядскую.

Довольный зломъ, причиненнымъ удѣлу Изяславовыхъ братьевъ, Георгій желалъ лично угостить Святослава, коего сынъ, Олегъ, подарилъ ему тогда рѣдкаго красотою парда. Лѣтописецъ хвалитъ искреннее дружество, веселую бесѣду князей, великолѣпіе обѣденнаго пиршества и щедрость Георгія въ награжденіи бояръ Святославовыхъ. Между сими вельможами отличался девяностолѣтній старецъ, именемъ Петръ; онъ служилъ дѣду, отцу государя своего; уже не могъ сѣсть на коня, но слѣдовалъ за княземъ, ибо сей князь былъ несчастливъ. Георгій, непріятель Ростислава Рязанскаго, осыпалъ ласками и дарами его племянника, Владиміра, какъ друга и товарища Святославова.

Сіе угощеніе достопамятно: оно происходило въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, лѣтописцы современные не упоминаютъ о любопытномъ для насъ ея началѣ, ибо не могли предвидѣть, что городокъ бѣдный и едва извѣстный въ отдаленной землѣ суздальской будетъ современемъ главою обширнѣйшей монархіи въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ знаемъ, что Москва существовала въ 1147 году, марта 28, и можемъ вѣрить новѣйшимъ лѣтописцамъ въ томъ, что Георгій былъ ея строителемъ. Они разсказываютъ, что сей князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы рѣки, въ села зажиточнаго боярина Кучка, Степана Ивановича, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость и, плѣненный красотою мѣста, основалъ тамъ городъ; а сына своего, Андрея, княжившаго въ Суздальскомъ Владимірѣ, женилъ на прелестной дочери казненнаго боярина. „Москва есть третій Римъ, — говорятъ сіи повѣствователи,—и четвертаго не будетъ. Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая: Москва также на крови основана и, къ изумленію враговъ нашихъ, сдѣлалась царствомъ знаменитымъ“. Она долгое время именовалась Кучковымъ.

Ободренный Святославъ возвратился къ берегамъ Оки. Тамъ соединились съ нимъ ханы половецкіе, его дяди и такъ называемые бродники, о коихъ здѣсь въ первый разъ упоминается. Сіи

люди были христіане, обитали въ степяхъ донскихъ среди варваровъ, уподоблялись имъ дикою жизнію и, какъ вѣроятно, состояли большею частію изъ бѣглецовъ русскихъ: они за деньги служили нашимъ князьямъ въ ихъ междоусобіяхъ. Разоривъ многія селенія въ верховьѣ Угры, въ Смоленской области, Святославъ завоевалъ всю страну вятичей, отъ Мценска до Сѣверскаго удѣла, и вмѣстѣ съ Глѣбомъ, сыномъ Георгія, шелъ далѣе, когда послы Давидовичей встрѣтили его и сказали именемъ князей: „Забудемъ прошедшее. Дай намъ клятву союзника и возьми свою отчину. Не хотимъ твоего имѣнія". Успѣхи ли Ольговича склонили ихъ къ миру? или сынъ Всеволодовъ, Святославъ, который, въ замѣну Владиміра, получивъ въ удѣлъ отъ великаго князя Бужскъ, Меджибожъ, Котельницу и другіе города, держалъ его сторону, но жалѣлъ о дядѣ и тайно съ нимъ пересылался? Какъ бы то ни было, черниговскіе князья, Святославъ Ольговичъ и сынъ Всеволодовъ, заключили союзъ, чтобы соединенными силами противоборствовать Изяславу Мстиславичу.

Еще великій князь не зналъ сего вѣроломства Давидовичей и спокойно занимался въ Кіевѣ важнымъ дѣломъ церковнымъ. Слѣдуя примѣру великаго Ярослава, онъ созвалъ шесть россійскихъ епископовъ и велѣлъ имъ, безъ всякаго сношенія съ Царемградомъ (гдѣ духовенство не имѣло тогда главы), на мѣсто скончавшагося митрополита, грека Михаила, поставить Климента, черноризца, схимника, знаменитаго не только ангельскимъ образомъ, но и рѣдкою мудростію. Нѣкоторые епископы представляли, что благословеніе патріарха для того необходимо, что нарушить сей древній обрядъ есть уклониться отъ православія Восточной церкви, и что умершій святитель Михаилъ обязалъ ихъ всѣхъ грамотою не служить безъ митрополита въ Софійскомъ храмѣ. Другіе, не столь упорные, объявили себя готовыми исполнить волю Изяславову, согласную съ пользою и честію государства. Епископъ смоленскій, Онуфрій, выдумалъ посвятить митрополита главою св. Климента, привезенною Владиміромъ изъ Херсона (такъ же, какъ греческіе архіереи издревле ставили патріарховъ рукою Іоанна Крестителя) и симъ торжественнымъ обрядомъ успокоилъ духовенство. Одинъ Нифонтъ, святитель новгородскій, не признавалъ Климента пастыремъ церкви; осуждалъ епископовъ, какъ человѣкоугодниковъ, и заслужилъ благоволеніе Николая IV, который, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заступивъ мѣсто изгнаннаго цареградскаго патріарха, Козьмы II, написалъ къ Нифонту одобрительную грамоту и сравнивалъ его въ ней съ первыми святыми отцами.

Въ то время, какъ Изяславъ, распустивъ соборъ и возобновивъ миръ съ половцами, думалъ наслаждаться спокойствіемъ, ковар-

ные Давидовичи прислали объявить ему, что Святославъ завоевалъ ихъ область; что они желаютъ выгнать его съ помощію великаго князя и смирить Георгія, ихъ врага общаго. Изяславъ отпустилъ къ нимъ племянника, Всеволодова сына, и скоро, убѣжденный вторичною просьбою князей черниговскихъ, велѣлъ собираться войску, чтобы идти на Святослава и Георгія. „Пойдемъ съ радостію и съ дѣтьми на Ольговича, — говорили ему кіевляне: — но Георгій твой дядя. Государь! дерзнемъ ли поднять руку на сына Мономахова?“ Столь народъ любилъ память добродѣтельнаго Владиміра! Изяславъ не хотѣлъ слушать бояръ, которые сомнѣвались въ вѣрности князей черниговскихъ. „Мы дали взаимную клятву быть союзниками, — сказалъ онъ съ твердостію: — иду — и пусть малодушные остаются!“ Уже великій князь стоялъ на рѣкѣ Супоѣ, поручивъ столицу брату своему, Владиміру. Къ счастію, бояринъ кіевскій, Улѣбъ, свѣдалъ въ Черниговѣ тайный заговоръ и спѣшилъ увѣдомить Изяслава, что Давидовичи мыслятъ злодѣйски умертвить его или выдать Святославу, находясь въ согласіи съ Георгіемъ. Великій князь не вѣрилъ тому; но чрезъ посла требовалъ отъ нихъ новой клятвы въ дружествѣ. „Развѣ мы нарушили прежнюю?“ — говорили они: — христіанинъ не долженъ призывать всуе имени Божія“. Тогда посолъ обличилъ ихъ въ гнусномъ злоумышленіи. Безмолвствуя, Давидовичи смотрѣли другъ на друга, выслали боярина, совѣтовались и, наконецъ, призвавъ его, отвѣтствовали: „Не запираемся; но можемъ ли спокойно видѣть злосчастіе брата своего, Игоря? Онъ чернецъ, схимникъ и все еще въ неволѣ. Изяславъ, самъ имѣя братьевъ, снесъ ли бы ихъ заключеніе? Да возвратитъ свободу Игорю и мы будемъ искренними друзьями!“ Бояринъ кіевскій напомнилъ имъ безкорыстіе своего князя, не хотѣвшаго удержать за собою ни Сѣверскаго Новагорода, ни Путивля и, сказавъ: „Богъ да судитъ и сила Животворящаго Креста да накажетъ клятвопреступниковъ!“ бросилъ на столъ крестныя или союзныя грамоты. Война была объявлена и гонцы Изяславовы въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Новѣгородѣ обнародовали вѣроломство князей черниговскихъ, звали мстителей, воспаляли сердца праведнымъ гнѣвомъ.

Сія вѣсть имѣла въ Кіевѣ слѣдствіе ужасное. Владиміръ Мстиславичъ собралъ граждамъ на вѣче къ св. Софіи. Митрополитъ, Лазарь тысяцкій и всѣ бояре тамъ присутствовали. Послы Изяславовы выступили и сказали громогласно: „Великій князь цѣлуетъ своего брата, Лазаря и всѣхъ граждамъ кіевскихъ, а митрополиту кланяется“... Народъ съ нетерпѣніемъ хотѣлъ знать вину посольства. Вѣстникъ говоритъ: „такъ вѣщаетъ Изяславъ: князья черниговскіе и сынъ Всеволодовъ, сынъ сестры моей, благотворенный мною, забывъ святость крестнаго цѣлованія, тайно согласились

съ Ольговичемъ и Георгіемъ Суздальскимъ. Они думали лишить меня жизни или свободы, но Богъ сохранилъ вашего князя. Теперь, братья кіевляне, исполните обѣтъ свой: идите на враговъ Мономахова роду. Вооружитесь отъ мала до велика. Конные на коняхъ, пѣшіе—въ ладіяхъ да спѣшатъ къ Чернигову! Вѣроломные надѣялись, убивъ меня, истребить и васъ". Всѣ единогласно отвѣтствовали: „Идемъ за тебя, и съ дѣтьми!" Но, къ несчастію, сыскался одинъ человѣкъ, который сіе прекрасное народное усердіе омрачилъ мыслію злодѣйства. „Мы рады идти, —говорилъ онъ:— но вспомните, что было нѣкогда при Изяславѣ Ярославичѣ. Пользуясь народнымъ волненіемъ, злые люди освободили Всеслава и возвели на престолъ: дѣды наши за то пострадали. Врагъ князя и народа, Игорь, не въ темницѣ сидитъ, а живетъ спокойно въ монастырѣ св. Өеодора: умертвимъ его и тогда пойдемъ наказать черниговскихъ". Сія мысль имѣла дѣйствіе вдохновенія. Тысячи голосовъ повторили: „да умретъ Игорь!" Напрасно князь Владиміръ, устрашенный такимъ намѣреніемъ, говорилъ народу: „братъ мой не хочетъ убійства. Игорь останется за стражею, а мы пойдемъ къ своему государю". Кіевляне твердили: „Знаемъ, что добромъ невозможно раздѣлаться съ племенемъ Олеговымъ". Митрополитъ, Лазарь и Владиміръ тысяцкій, Рагуйло, запрещали, удерживали, молили: народъ не слушалъ и толпами устремился къ монастырю. Владиміръ сѣлъ на коня, хотѣлъ предупредить неистовыхъ, но встрѣтилъ ихъ уже въ монастырскихъ вратахъ: схвативъ Игоря въ церкви, въ самый часъ божественной литургіи, они вели его съ шумомъ и свирѣпымъ воплемъ. „Братъ любезный! куда ведутъ меня?"—спросилъ Игорь. Владиміръ старался освободить несчастнаго, закрылъ собственною одеждою, привелъ въ домъ къ своей матери и заперъ ворота, презирая ярость мятежниковъ, которые толкали его, били,—сорвали съ боярина Владимірова, Михаила, крестъ и златыя цѣпи. Но жертва была обречена: злодѣи вломились въ домъ, безжалостно убили Игоря и влекли нагого по улицамъ до самой торговой площади: стали вокругъ и смотрѣли какъ невинные. Присланные отъ Владиміра тысяцкіе въ глубокой горести сказали гражданамъ: „Воля народная исполнилась: Игорь убитъ! Погребемъ же тѣло его". Народъ отвѣтствовалъ: „Убійцы не мы, а Давидовичи и сынъ Всеволодовъ. Богъ и святая Софія защитили нашего князя!" Трупъ Игоревъ отнесли въ церковь; на другой день облачили въ ризу схимника и предали землѣ въ монастырѣ св. Симеона. Игуменъ Өеодоровской обители, Ананія, совершая печальный обрядъ, воскликнулъ къ зрителямъ: „Горе живущимъ нынѣ! горе вѣку суетному и сердцамъ жестокимъ!" Въ то самое время загремѣлъ громъ: народъ изумился и слезами раскаянія хотѣлъ обезоружить гнѣвное небо.—Великій князь,

свѣдавъ о семъ злодѣйствѣ, огорчился въ душѣ своей и говорилъ боярамъ, проливая слезы: „Теперь назовутъ меня убійцею Игоря! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія ни дѣломъ, ни словомъ. Онъ разсудитъ насъ въ другой жизни. Кіевляне поступили неистово“. Но, боясь строгостію утратить любовь народную, Изяславъ оставилъ виновныхъ безъ наказанія: возвратился въ столицу и ждалъ рати смоленской.

Война началась. Святославъ Ольговичъ, увѣдомленный о жалостной кончинѣ брата, созвалъ дружину и, рыдая въ горести, заклиналъ всѣхъ быть усердными орудіями мести справедливой. Онъ пошелъ къ Курску, гдѣ находился сынъ великаго князя, Мстиславъ, который, чтобы узнать вѣрность жителей, спрашивалъ, готовы ли они сразиться? „Готовы, — отвѣтствовали граждане: — но только не обнажимъ меча на внука Мономахова“; ибо Глѣбъ, сынъ Георгія Владиміровича, былъ съ Святославомъ. Юный Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а Курскъ и города на берегахъ Сейма добровольно поддались Глѣбу, другіе оборонялись и не хотѣли измѣнить государю кіевскому: напрасно Святославъ и Глѣбъ грозили жителямъ вѣчною неволею и половцами. Соединясь съ дружиною черниговскою, сіи князья взяли приступомъ только одинъ городъ: свѣдавъ же, что Изяславъ идетъ къ Сулѣ и что рать смоленская выжгла Любечь, ушли въ Черниговъ, оставленные своими друзьями, половцами. Великій князь завоевалъ крѣпкій городъ Всеволожъ, обратилъ въ пепелъ Бѣлую Вежу и другія мѣста въ Черниговской области, но безъ успѣха приступалъ къ Глѣблю (ибо жители, въ надеждѣ на святого защитника своего, оборонялись мужественно) и возвратился въ Кіевъ торжествовать побѣду веселымъ пиромъ, отложивъ дальнѣйшія предпріятія до удобнаго времени. Онъ велѣлъ брату своему, Ростиславу, идти въ Смоленскъ и вмѣстѣ съ новогородцами тревожить область Суздальскую.

Скоро непріятельскія дѣйствія возобновились. Глѣбъ занялъ Остеръ и, давъ слово великому князю ѣхать къ нему въ Кіевъ для свиданія, хотѣлъ нечаянно взять Переяславль; но былъ отраженъ. Въ то же время черниговцы, дружина Святославова и половцы, ихъ союзники, опустошили Брагинъ. Изяславъ, осадивъ Глѣба въ Городцѣ или Остерѣ, принудилъ его смириться и сталъ близъ Чернигова на Олеговомъ полѣ, предлагая врагамъ своимъ битву. Они не смѣли, ибо видѣли рать многочисленную. Великій князь пошелъ къ Любечу, гдѣ находились ихъ запасы. Давидовичи, Святославъ и сынъ Всеволодовъ, соединясь съ князьями рязанскими, рѣшились, наконецъ, ему противоборствовать. Уже стрѣлки начали дѣло; но сильный, необыкновенный зимою дождь развелъ непріятелей. Рѣка, бывшая между ими, наполнилась водою

и самый Днѣпръ тронулся: Изяславъ едва успѣлъ перейти на другую сторону; а венгры, служившіе ему какъ союзники, обломились на льду.

Тогда Святославъ и князья черниговскіе отправили посольство къ Георгію. „Мы воюемъ, — говорили они, — а ты въ бездѣйствіи. Непріятель обратилъ въ пепелъ наши города за Десною и села въ окрестностяхъ Днѣпра, а помощи отъ тебя не видимъ. Исполни обѣтъ, утвержденный цѣлованіемъ креста: иди съ нами на Изяслава, или мы прибѣгнемъ къ великодушію врага сильнаго". Георгій все еще медлилъ. Другое обстоятельство также способствовало миру. Ростиславъ, старшій сынъ Георгіевъ, посланный отцомъ дѣйствовать за-одно съ князьями черниговскими, гнушался ихъ вѣроломствомъ и, сказавъ дружинѣ: „пусть гнѣвается родитель, но злодѣи Мономаховой крови не будутъ мнѣ союзниками", пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ Изяславъ встрѣтилъ его дружелюбно, угостилъ, осыпалъ дарами. Сей юноша, не имѣя въ Суздальской землѣ никакого удѣла, предложилъ свои ревностныя услуги великому князю, какъ старшему изъ внуковъ Мономаховыхъ. Изяславъ отвѣтствовалъ: „Всѣхъ насъ старѣе отецъ твой; но онъ не умѣетъ жить съ нами въ дружбѣ, а я хочу быть для всѣхъ моихъ братьевъ нѣжнымъ родственникомъ. Георгій не дастъ тебѣ городовъ: возьми ихъ у меня". Онъ далъ ему бывшій удѣлъ своего неблагодарнаго племянника, Святослава Всеволодовича, вмѣстѣ съ Городцемъ Остерскимъ, выславъ оттуда коварнаго Глѣба. „Спѣши къ друзьямъ, — сказалъ ему великій князь, — и требуй отъ нихъ удѣла": ибо Глѣбъ, смирясь невольно, оставался единомышленникомъ непріятелей Изяславовыхъ и вторично хотѣлъ было завладѣть Переяславлемъ. Думая, что искренній, чувствительный Ростиславъ можетъ примирить отца съ великимъ княземъ, и страшася быть жертвою ихъ союза, Давидовичи изъявили ему желаніе прекратить войну, говоря благоразумно: „Миръ стоитъ до рати, а рать до мира: такъ слыхали мы отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Не вини насъ, хотѣвшихъ войною освободить брата. Но Йгорь уже въ могилѣ, гдѣ и всѣ мы будемъ. Богъ да судитъ прочее; а намъ не должно губить отечества". Изяславъ хотѣлъ знать мысли брата. Смоленскій князь отвѣтствовалъ: „Я христіанинъ и люблю Русскую землю: не хочу кровопролитія; но если Давидовичи и Святославъ не престанутъ злобиться на тебя за Игоря, то лучше явно воевать—и будетъ, что угодно Богу". Тогда великій князь отправилъ послами въ Черниговъ бѣлогородскаго епископа Ѳеодора, печерскаго игумена Ѳеодосія и бояръ, которые заключили торжественный миръ. Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и племянникъ его, сынъ Всеволодовъ, въ соборномъ храмѣ цѣловали крестъ, давъ клятву оставить злобу и блюсти Русскую землю

за-одно съ Изяславомъ". Скоро великій князь позвалъ ихъ на совѣтъ въ Городецъ: Святославъ и племянникъ его отказались отъ свиданія; но Давидовичи, отвѣтствуя за вѣрность того и другого, условились тамъ съ Изяславомъ дѣйствовать противъ Георгія Суздальскаго, который отнималъ дани у новогородцевъ и безпокоилъ ихъ границы. Союзники вмѣстѣ пировали и разъѣхались, отложивъ войну до зимы: ибо рѣки, топи, болота затрудняли путь лѣтомъ и медленность страшила полководцевъ болѣе, нежели морозы, снѣга и мятели.—Черниговцы долженствовали идти къ Ростову и встрѣтить великаго князя на берегахъ Волги.

Георгій, желая казаться великодушнымъ защитникомъ утѣсненныхъ Ольговичей, въ самомъ дѣлѣ мыслилъ только о себѣ и ненавидѣлъ Изяслава единственно какъ похитителя достоинства великокняжескаго; не могъ также простить и новогородцамъ безчестное изгнаніе своего сына, Ростислава. Князь ихъ, Святополкъ, хотѣвъ, въ 1147 году, отмстить Суздальскому за взятіе Торжка, возвратился съ дороги отъ распутья, и жители сего опустошеннаго города еще томились въ неволѣ. Епископъ Нифонтъ, другъ народнаго благоденствія, ѣздилъ въ Суздаль; былъ принятъ съ отмѣннымъ уваженіемъ, святилъ тамъ храмы, освободилъ всѣхъ плѣнниковъ, но не могъ склонить Георгія къ миру.

Оставивъ Владиміра въ столицѣ, сына своего въ Переяславлѣ, а Ростислава Георгіевича пославъ въ Бужскъ, чтобы охранять тамошнія границы и спокойно ждать конца войны, великій князь отправился въ Смоленскъ, къ брату, веселился съ нимъ, праздновалъ, мѣнялся дарами, и расположилъ военныя дѣйствія. Онъ поручилъ всю рать смоленскому князю, велѣлъ ему идти къ берегамъ Волги, къ устью Медвѣдицы и пріѣхалъ въ Новгородъ. Тамъ начальствовалъ уже не братъ его, а сынъ, Ярославъ: ибо Святополкъ, утративъ любовь народную, былъ переведенъ Изяславомъ въ область Владимірскую. Граждане давно не видали у себя великихъ князей и встрѣтили внука Мономахова съ живѣйшею радостію. Многочисленныя толпы провожали его до городскихъ воротъ, гдѣ стояли всѣ бояре съ юнымъ княземъ. Отслушавъ литургію въ Софійскомъ храмѣ, Изяславъ далъ пиръ народу. Бирючи или герольды ходили по улицамъ и звали гражданъ обѣдать съ княземъ. Такъ называемое Городище, донынѣ извѣстное, было мѣстомъ сего истинно великолѣпнаго пиршества: государь веселился съ народомъ, какъ добрый отецъ среди любезнаго ему семейства. На другой день ударили въ вѣчевой колоколъ и граждане спѣшили на дворъ Ярославовъ: тамъ великій князь въ собраніи новогородцевъ и псковитянъ произнесъ краткую, но сильную рѣчь:—„Братья!" сказалъ онъ: — князь суздальскій оскорбляетъ Новгородъ. Оставивъ столицу русскую, я прибылъ защитить

васъ. Хотите ли войны? мечъ въ рукѣ моей. Хотите ли мира? вступимъ въ переговоры".—„Войны! войны!"—отвѣтствовалъ народъ:—„ты нашъ Владиміръ, ты Мстиславъ! пойдемъ съ тобою всѣ, отъ стараго до младенца". Ратники надѣли шлемы. Псковитяне, корелы собрали также войско и великій князь на устьѣ Медвѣдицы соединился съ братомъ своимъ Ростилавомъ. Напрасно ждали они возвращенія посла, отправленнаго ими къ дядѣ еще изъ Смоленска: Георгій задержалъ его и не хотѣлъ отвѣтствовать на ихъ жалобы. Напрасно ждали и князей черниговскихъ, которые остановились въ землѣ вятичей и хотѣли прежде видѣть, кому счастіе войны будетъ благопріятствовать. Мстиславичи вступили въ область Суздальскую: села и города запылали на берегахъ Волги до Углича и Мологи; жители спасались бѣгствомъ. Новгородцы разорили окресности Ярославля, и война кончилась безъ сраженія, ибо весна уже наступала, рѣки покрывались водою и кони худо служили всадникамъ. Изяславъ, проводивъ новогородцевъ, весновалъ въ Смоленскѣ и благополучно возвратился въ столицу, къ искренней радости народа. Семь тысячъ плѣнниковъ свидѣтельствовали его побѣду.

Скоро великій князь испыталъ превратность счастія и могъ приписать оную собственной несправедливости. Ростиславъ Георгіевичъ былъ ему истиннымъ другомъ; но клеветники говорили Изяславу, что сей князь въ его отсутствіе старался обольстить днѣпровскихъ берендѣевъ и самыхъ кіевлянъ, хотѣлъ завладѣть столицею и подобно отцу ненавидитъ родъ Мстислава. Люди, склонные къ чистосердечной довѣренности, легко вѣрятъ и злословію: великій князь, упрекая Ростислава неблагодарностію, отнялъ у него все имѣніе, оружіе и коней; заключилъ въ цѣпи дружину и самого отправилъ съ тремя человѣками въ лодкѣ къ отцу, не давъ ему суда и не хотѣвъ слушать оправданій. Георгій оскорбился безчестіемъ сына гораздо болѣе, нежели опустошеніемъ Суздальской области. „Такъ платитъ Изяславъ неосторожному юношѣ за безразсудную любовь и дружбу!"—говорилъ онъ:—жестокій племянникъ совершенно отчуждаетъ меня и дѣтей моихъ отъ земли Русской" (симъ именемъ преимущественно означалась тогда Россія южная). Георгій, наконецъ, выступилъ, соединясь съ половцами. Святославъ Ольговичъ, видя безпрестанно въ мысляхъ своихъ окровавленную тѣнь брата и считая великаго князя убійцею, обрадовался случаю мести: миръ, клятвенно утвержденный въ черниговскомъ храмѣ, и брачный союзъ юной его дочери съ сыномъ князя смоленскаго не могли укротить сей злобы, ибо она казалась ему священнымъ долгомъ. Но Давидовичи рѣшительно отказались отъ дружбы Георгія, отвѣтствуя: „Ты не спасъ городовъ нашихъ; нынѣ, заключивъ союзъ съ Изяславомъ, не хо-

тимъ нарушить онаго и не можемъ играть душою". Усердно помогая великому князю, они вмѣстѣ съ нимъ убѣждали Святослава быть его другомъ, согласно съ данною ими клятвою. „Буду" (сказалъ Ольговичъ), когда Изяславъ возвратитъ мнѣ все имѣніе моего брата". Увѣренный, что Георгій, дѣйствительно, намѣренъ идти къ Кіеву, Святославъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу близъ Обояна; также и сынъ Всеволодовъ, единственно въ угодность дядѣ. Георгій долго стоялъ у Бѣлой Вежи, надѣясь однимъ страхомъ побѣдить великаго князя, но Изяславъ, собравъ вѣрныхъ братьевъ, готовился къ битвѣ. „Я отдалъ бы ему (говорилъ онъ) любую область, если бы Георгій пришелъ одинъ съ дѣтьми своими; но съ нимъ варвары половцы и враги мои, Ольговичи". Кіевляне хотѣли мира. „Заключимъ его (сказалъ Изяславъ), но имѣя въ рукахъ оружіе". Георгій осадилъ Переяславль: тамъ находились Владиміръ и Святополкъ Мстиславичи. Великій князь спѣшилъ защитить городъ и вошелъ въ него; а Георгій, желая оказать умѣренность, послалъ къ нему боярина съ такими словами: „Чтобы отвратить несчастное кровопролитіе, забываю обиды, разореніе моихъ областей и старѣйшинство, коего ты лишилъ меня несправедливо. Царствуй въ Кіевѣ: отдай мнѣ только Переяславль, да господствуетъ въ немъ сынъ мой!" Гордый Изяславъ велѣлъ задержать посла; отслушалъ литургію у св. Михаила и, готовясь обнажить мечь, требовалъ благословенія отъ епископа Евфимія. Напрасно сей добрый пастырь слезно умолялъ его примириться. „Нѣтъ! — сказалъ князь:—я добылъ Кіева и Переяславля головою: могу ли отдать ихъ?" Умные бояре совѣтовали ему хотя помедлить, думая, что Георгій безъ сраженія удалится, съ однимъ стыдомъ неудачи. Но Изяславъ, слѣдуя мнѣнію другихъ и порыву собственнаго, нетерпѣливаго мужества, расположилъ войско противъ непріятеля. Уже солнце спускалось къ западу и въ Переяславлѣ благовѣстили къ вечернѣ: полководцы еще не давали знака и рать не двигалась; одни стрѣлки были въ дѣйствіи. Георгій началъ отступать: тогда Изяславъ, какъ бы пробужденный отъ глубокаго сна, быстро устремился впередъ, вообразивъ, что непріятель бѣжитъ. Затрубили въ воинскія трубы; солнце закатилось и шумъ битвы раздался. Она была кровопролитна и несчастлива для великаго князя: берендѣи обратили тылъ; за ними Изяславъ Давидовичъ съ дружиною черниговскою, за ними кіевляне, а переяславцы измѣнили, взявъ сторону Георгія. Изяславъ пробился сквозь полкъ Ольговича и суздальскій, прискалъ самътретей въ Кіевъ и, собравъ жителей, спрашивалъ, могутъ ли они выдержать осаду? Граждане въ уныніи отвѣтствовали ему и Ростиславу Смоленскому: „Отцы, сыновья и братья наши лежатъ на полѣ битвы, другіе въ плѣну или безъ оружія. Государи доб-

рые: не подвергайте столицы расхищенію; удалитесь на время въ свои частныя области. Вы знаете, что мы не уживемся съ Георгіемъ: когда увидимъ ваши знамена, то всѣ единодушно на него возстанемъ". Великій князь, взявъ супругу, дѣтей, митрополита Климента, поѣхалъ въ Владиміръ, а Ростиславъ въ Смоленскъ. Георгій вошелъ въ Переяславль, черезъ 3 дня въ Кіевъ и, дружелюбно пригласивъ туда Владиміра Черниговскаго, въ общемъ княжескомъ совѣтѣ распорядилъ удѣлы: отдалъ Святославу Ольговичу Курскъ, Посемье, Сновскую область, Слуцкъ и всю землю дреговичей, бывшую въ зависимости отъ великаго княженія; сыновьямъ же: Ростиславу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борису Бѣлгородъ, Глѣбу Каневъ, Василью Суздаль. Знаменитый епископъ Нифонтъ находился тогда въ Кіевѣ: призванный Изяславомъ, онъ все еще не хотѣлъ покориться митрополиту Клименту; называлъ его не пастыремъ церкви, а волкомъ, и заключенный въ монастырѣ Печерскомъ, великодушно сносилъ гоненіе. Георгій возвратилъ ему свободу и, съ честію отпустивъ къ новогородцамъ сего любезнаго имъ епископа, надѣялся тѣмъ преклонить къ себѣ сердца ихъ, хотя въ то же самое время воевода Іоаннъ Берландикъ, оставивъ смоленскаго князя и вступивъ въ Георгіеву службу, нападалъ на чиновниковъ новогородскихъ, собиравшихъ дань въ уѣздахъ.

Изгнанный великій князь обратился къ старшему дядѣ, Вячеславу, имъ оскорбленному; льстилъ ему именемъ второго отца, предлагалъ господствовать въ Кіевѣ. Но Вячеславъ держалъ сторону Георгія, не вѣря ласкамъ, не боясь угрозъ племянника, который нашелъ союзниковъ въ венгерскомъ королѣ Гейзѣ, Владиславѣ Богемскомъ и въ ляхахъ. Первый незадолго до того времени женился на его меньшей сестрѣ, Евфросиніи—такъ она называется въ буллѣ папы Иннокентія IV—и далъ шурину 10,000 всадниковъ. Лѣтописецъ сказываетъ, что государи богемскій и польскій, сваты Изяславовы, сами привели къ нему войско, и что Болеславъ Кудрявый, вмѣстѣ съ братомъ Генрикомъ, угощенный роскошнымъ обѣдомъ въ Владимірѣ, опоясалъ мечомъ многихъ сыновей боярскихъ. Но сіи иноземные союзники, узнавъ, что Георгій соединился съ Вячеславомъ въ Пересопницѣ и что мужественный Владимірко Галицкій идетъ къ нему въ помощь, не захотѣли битвы, остановились у Чемерина и совѣтовали Изяславу примириться съ дядею. Они, какъ посредники между ними, вступили въ переговоры, увѣряя, что равно доброхотствуютъ той и другой сторонѣ. „Вѣрю и благодарю васъ,—отвѣтствовалъ Георгій:—идите же домой и не тяготите земли нашей; тогда я готовъ удовлетворить требованіямъ моего племянника". Союзники вышли весьма охотно изъ Россіи; но хитрый Георгій, удаливъ ихъ, от-

вергнулъ мирныя предложенія, которыя состояли въ томъ, чтобы онъ, господствуя въ столицѣ кіевской или уступивъ оную старшему брату, клятвенно утвердилъ за Изяславомъ область Владимірскую, Луцкую и Великій Новгородъ со всѣми данями. Князь Суздальскій надѣялся отнять у племянника всѣ владѣнія, а гордый Изяславъ предпочиталъ гибель миру постыдному.

Непріятельскія дѣйствія начались въ Волыніи осадою Луцка, славною для сына Георгіева Андрея, ибо онъ имѣлъ случай оказать рѣдкое мужество. Въ одну ночь, оставленный союзными половцами—которые съ воеводою своимъ, Жирославомъ, бѣжали отъ пустой тревоги—сей князь презрѣлъ общій страхъ, устыдилъ дружину и хотѣлъ лучше умереть, нежели сойти съ мѣста. Видя же подъ стѣнами Луцка знамена отца своего (пришедшаго къ городу съ другой стороны), и сильную вылазку осажденныхъ, Андрей устремился въ битву, гналъ непріятелей и былъ на мосту окруженъ ими. Его братья, Ростиславъ, Борисъ, остались далеко, ничего не зная: ибо пылкій Андрей не велѣлъ распустить своей хоругви, не вспомнилъ сего обряда воинскаго и не приготовилъ ихъ къ сраженію. Только два воина могли слѣдовать за княземъ: одинъ пожертвовалъ ему жизнію. Камни сыпались съ городскихъ стѣнъ; уязвленный конь Андреевъ исходилъ кровію; острая рогатина прошла сквозь луку сѣдельную. Герой готовился умереть великодушно, подобно Изяславу I, его прадѣду; изломивъ копье, вынулъ мечъ, призвалъ имя св. Ѳеодора (ибо въ сей день торжествовали его память), сразилъ нѣмца, готоваго пронзить ему грудь, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, бояре, витязи съ радостными слезами славили храбрость юноши. Добрый конь его вынесъ господина изъ опасности и палъ мертвый: благодарный Андрей соорудилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

Братъ Изяславовъ, Владиміръ, начальствовалъ въ Луцкѣ. Три недѣли продолжалась осада: жители не могли почерпнуть воды въ Стырѣ, и великій князь хотѣлъ отважиться на битву для спасенія города. Тутъ Владимірко Галицкій оказалъ человѣколюбіе: сталъ между непріятелями, чтобы не допустить ихъ до кровопролитія, и взялъ на себя быть ходатаемъ мира. Юрій Ярославичъ, внукъ бывшаго великаго князя, Святополка-Михаила, и Ростиславъ, сынъ Георгіевъ, мѣшали оному; но Владимірко, кроткій Вячеславъ и всѣхъ болѣе добродушный Андрей склонили Георгія прекратить несчастную вражду. Весною заключили миръ: Изяславъ призналъ себя виновнымъ, то есть слабѣйшимъ, съѣхался съ дядями въ Пересопницѣ и сидѣлъ съ ними на одномъ коврѣ. Согласились, чтобы племянникъ княжилъ спокойно въ области Владимірской и пользовался данями новогородскими; обязались

также возвратить другъ другу всякое движимое имѣніе, отнятое въ теченіе войны. Изяславъ сложилъ съ себя достоинство великаго князя, а Георгій, желая казаться справедливымъ, уступилъ Кіевъ брату, старшему Мономахову сыну. Свадьбы и пиры были слѣдствіемъ мира: одна дочь Георгіева, именемъ Ольга, вышла за Ярослава Владимірковича Галицкаго, а другая за Олега, сына Святославова.

Всѣ казались довольными; но скоро обнаружилось коварство Георгія. Въ угодность ему, какъ вѣроятно, бояре его представили, что тихій, слабый Вячеславъ не удержитъ за собою россійской столицы: Георгій, согласный съ ними, послалъ брата княжить въ Вышегородъ, на мѣсто своего сына Андрея. Сверхъ того, будучи корыстолюбивъ, онъ не исполнилъ условій и не возвратилъ Изяславу воинской добычи. Племянникъ жаловался, не получивъ удовлетворенія, занялъ Луцкъ, Пересопницу, гдѣ находился Глѣбъ Георгіевичъ. Давъ ему свободу, Изяславъ сказалъ: „У меня нѣтъ вражды съ вами, братьями; но могу ли сносить обиды? Иду на вашего отца, который не любитъ ни правды, ни ближнихъ“. Увѣренный въ доброхотствѣ кіевлянъ, онъ съ малочисленною дружиною пришелъ къ берегамъ Днѣпра и соединился съ берендѣями; а князь суздальскій, изумленный нечаянною опасностію, бѣжалъ въ Городецъ.

Надѣясь воспользоваться симъ случаемъ, слабодушный Вячеславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и расположился во дворцѣ. Но граждане стремились толпами навстрѣчу къ Изяславу. „Ты нашъ государь!—восклицали они,—не желаемъ ни Георгія, ни брата его!“ Великій князь послалъ объявить дядѣ, чтобы онъ, не хотѣвъ добровольно принять отъ него чести старѣйшинства, немедленно удалился, ибо обстоятельства перемѣнились. „Убей меня здѣсь,—отвѣтствовалъ Вячеславъ,—а живого не изгонишь!“ Сія минутная твердость была безполезна. Провожаемый множествомъ народа изъ Софійской церкви, Изяславъ въѣхалъ на дворъ Ярославовъ, гдѣ дядя его сидѣлъ въ сѣняхъ. Бояре совѣтовали великому князю употребить насиліе; нѣкоторые вызывались даже подрубить сѣни. „Нѣтъ! — сказалъ онъ, — я не убійца моихъ ближнихъ; люблю дядю и пойду къ нему самъ“. Князья обнялись дружелюбно. „Видишь ли мятежъ народа? — говорилъ племянникъ, — дай миновать общему волненію, и для собственной безопасности иди въ Вышегородъ. Будь увѣренъ, что я не забуду тебя“. Вячеславъ удалился.

Торжество великаго князя было недолговременно. Сынъ его, Мстиславъ, хотѣлъ взять Переяславль: тамъ княжилъ Ростиславъ Георгіевичъ, который вмѣстѣ съ Андреемъ рѣшился мужественною обороною загладить постыдное бѣгство отца, привелъ въ

городъ днѣпровскихъ кочующихъ торковъ, готовыхъ соединиться съ кіевлянами, и ждалъ врага неустрашимо. Великій князь не имѣлъ времени заняться сею осадою: свѣдавъ о приближеніи Владимірка Галицкаго, друга Георгіева, также о соединеніи Давидовичей съ княземъ суздальскимъ, онъ поѣхалъ къ Вячеславу и вторично предложилъ ему сѣсть на тронъ Мономаховъ. „Для чего же ты выгналъ меня съ безчестіемъ изъ Кіева,—возразилъ дядя, — теперь отдаешь его мнѣ, когда сильные враги готовы изгнать тебя самого“. Смягченный ласковыми словами племянника, сей добродушный князь обнялъ его съ нѣжностью и, заключивъ съ нимъ искренній союзъ надъ гробомъ святыхъ Бориса и Глѣба, отдалъ ему всю дружину свою, знаменитую мужествомъ, чтобы отразить Владимірка. Изяславъ при звукѣ трубъ воинскихъ бодро выступилъ изъ столицы; но счастье опять измѣнило его храбрости. Еще дружина Вячеславова не успѣла къ нему присоединиться: берендѣи же и кіевляне, встрѣтивъ галичанъ на берегахъ Стугны, ужаснулись ихъ силы и, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, разсѣялись. Онъ удерживалъ бѣгущихъ; хотѣлъ умереть на мѣстѣ; молилъ, заклиналъ робкихъ; наконецъ, видя вокругъ себя малочисленныхъ венгровъ и поляковъ, сказалъ дружинѣ съ горестью: „одни ли чужеземцы будутъ моими защитниками?“ и самъ поворотилъ коня. Непріятель слѣдовалъ за нимъ осторожно, боясь хитрости. Великій князь нашелъ въ Кіевѣ Вячеслава и еще не успѣлъ отобѣдать съ нимъ во дворцѣ, когда имъ сказали, что Георгій на берегу Днѣпра и что кіевляне перевозятъ его войско въ своихъ лодкахъ. Исполняя совѣтъ племянника, Вячеславъ уѣхалъ въ Вышегородъ, а великій князь со всею дружиною въ область Владимірскую, занявъ крѣпости на берегахъ Горыни.

Георгій и князь Галицкій сошлися подъ стѣнами Кіева: съ первымъ находились Святославъ, племянникъ его (сынъ Всеволодовъ) и Давидовичи. Напрасно хотѣвъ догнать Изяслава, они вступили въ городъ, коего жители не дерзнули противиться мужественному Владимірку. Сей князь и Георгій торжествовали побѣду въ монастырѣ Печерскомъ: новые дружественные обѣты утвердили союзъ между ними. Владимірко выгналъ еще Изяславова сына изъ Дорогобужа, взялъ нѣсколько городовъ Волынскихъ, отдалъ ихъ Мстиславу Георгіевичу, съ нимъ бывшему, но не могъ взять Луцка и возвратился въ землю Галицкую, довольный своимъ походомъ, который доставилъ ему случай видѣть славные храмы кіевскіе и гробъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба.

Георгій, боясь новыхъ предпріятій Изяславовыхъ, поручилъ Волынскую область свою надежнѣйшему изъ сыновей, храброму

Андрею. Сей князь болѣе и болѣе заслуживалъ тогда общее уваженіе: онъ смирилъ половцевъ, которые, называясь союзниками отца его, грабили въ окрестностяхъ Переяславля и не хотѣли слушать пословъ Георгія, но удалились, какъ скоро Андрей велѣлъ имъ оставить россіянъ въ покоѣ. Укрѣпивъ Пересопницу, онъ взялъ такія мѣры для безопасности всѣхъ городовъ, что Изяславъ раздумалъ воевать съ нимъ и въ надеждѣ на его добродушіе предложилъ ему миръ. „Отказываюсь отъ Кіева,—говорилъ великій князь, — если отецъ твой уступитъ мнѣ всю Волынію. Венгры и ляхи не братья мои: земля ихъ мнѣ не отечество. Желаю остаться русскимъ и владѣть достояніемъ нашихъ предковъ". Андрей вторично старался обезоружить родителя; но Георгій отвергнулъ мирныя предложенія и заставилъ Изяслава снова обратиться къ иноземнымъ союзникамъ.

Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичъ, поѣхалъ въ Венгрію и склонилъ короля объявить войну опаснѣйшему изъ непріятелей Изяславовыхъ, Владимірку Галицкому, представляя, что сей князь отважный, честолюбивый, есть общій врагъ державъ сосѣдственныхъ. Въ глубокую осень, черезъ горы Карпатскія, Гейза вошелъ въ Галицію, завоевалъ Санокъ, думалъ осадить Перемышль. Желая безъ кровопролитія избавиться отъ врага сильнаго, хитрый Владимірко купилъ золотомъ дружбу венгерскаго архіепископа, именемъ Кукниша, и знатнѣйшихъ чиновниковъ Гейзиныхъ, которые убѣдили своего легковѣрнаго монарха отложить войну до зимы. Но связь Гейзы съ великимъ княземъ еще болѣе утвердилась: Владиміръ Мстиславичъ женился на дочери Бана, родственника королевскаго, и вторично посланный братомъ въ Венгрію, привелъ къ нему 10,000 отборныхъ воиновъ. Тогда Изяславъ, нетерпѣливо ожидаемый кіевлянами, берендѣями и преданною ему дружиною Вячеслава, смѣло выступилъ въ поле, миновалъ Пересопницу и, зная, что за нимъ идутъ полки Владимірковы, спѣшилъ къ столицѣ великаго княженія. Бояре говорили ему: „у насъ впереди непріятель, за нами другой". Князь отвѣтствовалъ: „Не время страшиться. Вы оставили для меня домы и села кіевскіе, я лишенъ родительскаго престола: умру или возьму свое и ваше. Достигнетъ ли насъ Владимірко, сразимся; встрѣтимъ ли Георгія, также сразимся. Иду на судъ Божій".

Граждане Дорогобужа встрѣтили Изяслава со крестами, но боялись венгровъ. „Будьте покойны, — сказалъ великій князь, — я предводительствую ими. Не вы, люди моего отца и дѣда, а только одни враги мои должны ихъ ужасаться". Другіе города изъявляли ему такую же покорность. Онъ нигдѣ не медлилъ; но войско его едва оставило за собою рѣку Ушъ, когда легкій

отрядъ Галицкаго показался на другой сторонѣ. Самъ Владимірко вмѣстѣ съ Андреемъ Георгіевичемъ стоялъ за лѣсомъ, въ ожиданіи своей главной рати. Началась перестрѣлка. Великій князь хотѣлъ ударить на малочисленныхъ непріятелей: бояре ему отсовѣтовали. „Рѣка и лѣсъ передъ нами,—говорили они,— пользуясь ими, Владимірко можетъ долго сопротивляться; задніе полки его приспѣютъ къ битвѣ. Лучше не тратить времени, идти впередъ и соединиться съ усердными кіевлянами, ждущими тебя на берегахъ Тетерева". Изяславъ велѣлъ ночью разложить большіе огни и, тѣмъ обманувъ непріятеля, удалился; шелъ день и ночь, отрядилъ Владиміра Мстиславича къ Бѣлгороду и надѣялся взять его внезапно. Такъ и случилось. Борисъ Георгіевичъ, пируя въ Бѣлгородскомъ дворцѣ своемъ съ дружиною и съ попами, вдругъ услышалъ громкій кликъ и воинскія трубы: свѣдалъ, что полки Изяславовы уже входятъ въ городъ, и бѣжалъ къ отцу, не менѣе сына безпечному. Георгій жилъ спокойно въ Кіевѣ, ничего не зная: приведенный въ ужасъ столь нечаянною вѣстію, онъ бросился въ лодку и уѣхалъ въ Остеръ; а великій князь, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра Мстиславича для удержанія галичанъ, вошелъ въ столицу, славимый, ласкаемый народомъ, какъ отецъ дѣтьми. Многіе бояре суздальскіе были взяты въ плѣнъ. Великій князь, изъявивъ въ Софійскомъ храмѣ благодарность небу, угостилъ обѣдомъ усердныхъ венгровъ и своихъ друзей кіевскихъ: а друзьями его были всѣ добрые граждане. За роскошнымъ пиромъ слѣдовали игры: ликуя среди обширнаго двора Ярославова, народъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ристаніе искусныхъ венгерскихъ всадниковъ.

Еще кіевляне опасались Владимірка; но, изумленный бѣгствомъ Георгія, онъ сказалъ Андрею, который шелъ вмѣстѣ съ нимъ: „Сватъ мой есть примѣръ безпечности; господствуетъ въ Россіи и не знаетъ, что въ ней дѣлается, одинъ сынъ въ Пересопницѣ, другой — въ Бѣлгородѣ и не даютъ отцу вѣсти о движеніяхъ врага! Когда вы такъ правите землею, я вамъ не товарищъ. Мнѣ ли одному ратоборствовать съ Изяславомъ, теперь уже сильнымъ? Иду въ область свою". И немедленно возвратился, собирая на пути дань со всѣхъ городовъ волынскихъ. Обитатели, угрожаемые плѣномъ, сносили ему серебро; жены, выкупая мужей, отдавали ожерелья и серьги. Андрей съ печальнымъ сердцемъ пріѣхалъ къ отцу въ Городецъ Остерскій.

Утвердясь въ столицѣ, великій князь призвалъ дядю своего, Вячеслава, изъ Вышегорода. „Богъ взялъ моего родителя,— говорилъ онъ: — будь мнѣ вторымъ отцомъ. Два раза я могъ посадить тебя на престолѣ и не сдѣлалъ того, ослѣпленный вла-

столюбіемъ. Прости вину мою; да буду спокоенъ въ совѣсти. Кіевъ твой: господствуй въ немъ подобно отцу и дѣду". Добрый Вячеславъ, тронутый симъ великодушіемъ, съ чувствительностію отвѣтствовалъ: „Ты исполнилъ, наконецъ, долгъ собственной чести своей. Не имѣя дѣтей, признаю тебя сыномъ и братомъ. Я старъ, не могу одинъ править землею: будь моимъ товарищемъ въ дѣлахъ войны и мира; соединимъ наши полки и дружину. Иди съ ними на враговъ, когда не въ силахъ буду дѣлить съ тобой опасностей!" Они цѣловали крестъ въ Софійскомъ храмѣ; клялися быть неразлучными во благоденствіи и злосчастіи. Старецъ, по древнему обыкновенію, далъ пиръ кіевлянамъ и добрымъ союзникамъ, венграмъ. Одаривъ послѣднихъ конями, сосудами драгоцѣнными, одеждами, тканями, Изяславъ отпустилъ ихъ въ отечество; а вслѣдъ за ними отправилъ сына своего благодарить короля Гейзу. Сей посолъ именемъ отца долженъ былъ сказать ему слѣдующія выразительныя слова: „Да поможетъ тебѣ Богъ, какъ ты помогъ намъ! Ни сынъ отцу, ни братъ единокровному брату не оказывалъ услугъ важнѣйшихъ. Будемъ всегда заодно. Твои враги суть наши: не златомъ, одною кровію своею можемъ заплатить тебѣ долгъ. Но соверши доброе дѣло: еще имѣемъ врага сильнаго. Ольговичи и князь черниговскій, Владиміръ, въ союзѣ съ Георгіемъ, который сыплетъ злато и манитъ къ себѣ дикихъ половцевъ. Не зовемъ тебя самого: ибо царь греческій имѣетъ рать съ тобою. Но когда наступитъ весна, мирная для Венгріи, то пришли въ Россію новое войско. И мы въ спокойную чреду свою придемъ къ тебѣ съ дружиною вспомогательною. Богъ намъ поборникъ, народъ и черные клобуки друзья". -- Великій князь звалъ также въ помощь къ себѣ брата, Ростислава Смоленскаго, который всегда думалъ, что старшій ихъ дядя имѣетъ законное право на область Кіевскую. Вячеславъ, увѣряя сего племянника въ дружбѣ, назвалъ его вторымъ сыномъ, и съ любовію принялъ Изяслава Черниговскаго, который, вопреки брату, Владиміру Давидовичу, отказался отъ союза съ княземъ суздальскимъ.

Георгій имѣлъ время собрать войско и сталъ противъ Кіева, вмѣстѣ съ Ольговичами, то-есть двумя Святославами, дядею и племянникомъ—Владиміромъ Черниговскимъ и половцами, разбивъ шатры свои на лугахъ восточнаго берега Днѣпровскаго. Рѣка покрылась военными ладіями; битвы начались. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о хитромъ вымыслѣ Изяслава: ладіи сего князя, сдѣланныя о двухъ руляхъ, могли не обращаясь идти вверхъ и внизъ; одни весла были видимы: гребцы сидѣли подъ защитою высокой палубы, на которой стояли латники и стрѣлки. Отраженный Георгій вздумалъ переправиться ниже Кіева, ввелъ

ладьи свои въ Долобское озеро и велѣлъ ихъ тащить оттуда берегомъ до рѣки Золотчи, впадающей въ Днѣпръ. Изяславъ шелъ другою стороною и суда его вступили въ бой съ непріятелемъ у Витичевскаго брода. Князь суздальскій и тутъ не имѣлъ успѣха; но половцы тайнымъ обходомъ разстроили Изяславовы мѣры: у городка Заруба, близъ Трубежскаго устья, они бросились въ Днѣпръ на коняхъ своихъ, вооруженные въ головы до ногъ и закрываясь щитами. Святославъ Ольговичъ и племянникъ его предводительствовали ими. Береговая стража кіевская оробѣла. Напрасно воевода Шварнъ хотѣлъ остановить бѣгущихъ: „съ ними не было князя (говоритъ лѣтописецъ), а боярина не всѣ слушаютъ". Половцы достигли берега и Георгій спѣшилъ въ томъ же мѣстѣ переправиться черезъ Днѣпръ.

Великій князь отступилъ къ Кіеву и вмѣстѣ съ дядею сталъ у Златыхъ вратъ; Изяславъ Давидовичъ между Златыми и Жидовскими вратами; подлѣ него князь смоленскій: Борисъ Всеволодковичъ Городненскій, внукъ Мономаховъ, у вратъ Лятскихъ или Польскихъ. Ряды кіевлянъ окружили городъ. Черные клобуки явились также подъ его стѣнами съ своими вежами и многочисленными стадами, которыя разсыпались въ окрестностяхъ кіевскихъ. Дѣятельность, движеніе, необозримый строй людей вооруженныхъ и самый безпорядокъ представляли зрѣлище любопытное. Пользуясь общимъ смятеніемъ, хищные друзья, берендѣи и торки, обирали монастыри, жгли села, сады. Изяславъ, чтобы унять грабителей, велѣлъ брату своему, Владиміру, соединить ихъ и поставить у Могилы Олеговой, между оврагами. Воины, граждане, народъ съ твердостію и мужествомъ ожидали непріятеля.

Но старецъ Вячеславъ еще надѣялся убѣдить брата словами мирными, и въ присутствіи своихъ племянниковъ далъ послу наставленіе. „Иди къ Георгію, — сказалъ онъ: — цѣлуй его моимъ именемъ и говори такъ: сколько разъ молилъ я васъ, тебя и племянника, не проливать крови христіанъ и не губить земли Русской! Изяславъ, возставъ на Игоря, велѣлъ мнѣ объявить, что ищетъ престола кіевскаго единственно для меня, второго отца своего; а послѣ завладѣлъ собственными моими городами, Туровымъ и Пинскимъ! Равно обманутый и тобою — лишенный Пересопницы, Дорогобужа — не имѣя ничего, кромѣ Вышгорода, я молчалъ; имѣя Богомъ данную мнѣ силу, полки и дружину, терпѣливо сносилъ обиды, самое уничиженіе и, думая только о пользѣ отечества, унималъ васъ. Напрасно: вы не хотѣли внимать совѣтамъ человѣколюбія; отвергая ихъ, нарушали уставъ Божій. Нынѣ Изяславъ загладилъ вину свою: почтилъ дядю вмѣсто отца; я назвалъ его сыномъ. Боишься ли унизиться предо мною? Но кто изъ насъ старшій? Я былъ уже брадатъ, когда ты родился.

Опомнись, или, поднявъ руку на старшаго, бойся гнѣва Небеснаго!“—Посолъ Вячеславовъ нашелъ Георгія въ Василевѣ: князь суздальскій, выслужавъ его, отправилъ собственнаго боярина къ брату; признавалъ его своимъ отцомъ; обѣщалъ во всемъ удовлетворять ему, но требовалъ, чтобы Мстиславичи выѣхали изъ области Кіевской. Старецъ отвѣтствовалъ: „У тебя семь сыновей: отгоняю ли ихъ отъ родителя? У меня ихъ только два, не разстанусь съ ними. Иди въ Переяславль и Курскъ; иди въ Великій Ростовъ, или въ другіе города свои; удали Ольговичей, и мы примиримся. Когда же хочешь кровопролитія, то Матерь Божія да судитъ насъ въ семъ вѣкѣ и будущемъ!“ Вячеславъ, говоря сіи послѣдніе слова, указалъ на Златыя врата и на образъ Маріи, тамъ изображенный.

Георгій ополчился и подступилъ къ Кіеву отъ Бѣлагорода. Стрѣлы летали чрезъ Лыбедь. Пылкій Андрей устремился на другую сторону рѣки и гналъ стрѣлковъ непріятельскихъ къ городу, но былъ оставленъ своими: одинъ половчинъ схватилъ коня его за узду и принудилъ героя возвратиться. Юный Владиміръ Андреевичъ, внукъ Мономаховъ, спѣшилъ раздѣлить съ братомъ опасность: пѣстунъ силою удержалъ сего отрока. Дружина ихъ шла на полкъ Вячеславовъ и великаго князя за Лыбедью; прочее войско Георгіево сразилось съ Борисомъ у вратъ Лятскихъ. Изяславъ наблюдалъ всѣ движенія битвы: онъ велѣлъ братьямъ, не разстраивая полковъ, съ избранными отрядами и черными клобуками ударить вдругъ на непріятеля. Смятые ими, половцы, суздальцы бѣжали, и трупы наполнили рѣку Лыбедь. Тутъ вмѣстѣ со многими палъ мужественный сынъ хана славнаго, Боняка, именемъ Севенчъ, который хвалился, подобно отцу своему, зарубить мечемъ врата Златыя. Съ того времени суздальцы не дерзали переходить чрезъ Лыбедь, и Георгій скоро отступилъ, чтобы соединиться съ Владиміркомъ: ибо галицкій князь, забывъ прежнюю досаду, шелъ къ нему въ помощь.

Храбрые Мстиславичи пылали нетерпѣніемъ гнаться за врагомъ. Согласно съ характеромъ своимъ, Вячеславъ говорилъ, что они могутъ не спѣшить и что Всевышній даетъ побѣду не скорому, а справедливому; но убѣжденный ихъ представленіями и самъ немедленно сѣлъ на коня, вмѣстѣ съ племянниками совершивъ молитву въ храмѣ Богоматери. Никогда народъ кіевскій не вооружался охотнѣе: никогда не изъявлялъ болѣе усердія къ своимъ государямъ. „Всякой, кто можетъ двигаться и владѣть рукою, да идетъ въ поле! — сказали граждане: — или да лишится жизни ослушникъ!“ Борисъ Городненскій былъ отправленъ лѣсомъ вслѣдъ за Георгіемъ, который думалъ взять Бѣлгородъ; но видя жителей, готовыхъ обороняться, пошелъ навстрѣчу къ галичанамъ.

Изяславъ, стараясь предупредить сіе опасное соединеніе, настигъ его за Стугною. Сдѣлалась ужасная буря и тьма; дождь лился рѣкою, и ратники не могли видѣть другъ друга. Какъ бы устрашенныя несчастнымъ предназнаменованіемъ, оба войска желали мира: послы ѣздили изъ стана въ станъ, и князья могли бы согласиться, если бы мстительные Ольговичи и половцы тому не воспротивились. Георгій, принявъ ихъ совѣтъ, рѣшился на кровопролитіе; однакожъ убѣгалъ битвы, ожидая Владимирка, и ночью перешелъ за рѣку Рутъ (нынѣ Ротокъ). Изяславъ не далъ ему идти далѣе: надлежало сразиться. Андрей устроилъ суздальцевъ, объѣхалъ всѣ ряды; старался воспламенить мужество въ подовцахъ и въ своей дружинѣ. Съ другой стороны великій князь, полководецъ искусный, также наилучшимъ образомъ распорядилъ войско и требовалъ благословенія отъ Вячеслава. Сей старецъ, утомленный походомъ, долженъ былъ остаться за строемъ. „Неблагодарный Георгій отвергнулъ миръ, столь любезный душѣ твоей,—говорили ему племянники:—теперь мы готовы умереть за честь нашего отца и дяди“. Вячеславъ отвѣтствовалъ: „Суди Богъ моего брата; я отъ юности гнушался кровопролитіемъ“.— Битва началась. Изяславъ приказалъ всѣмъ полкамъ смотрѣть на его собственный, чтобы слѣдовать ему въ движеніяхъ. Андрей встрѣтилъ ихъ и сильнымъ ударомъ изломилъ свое копіе. Уязвленный въ ноздри конь его ярился подъ всадникомъ; шлемъ слетѣлъ съ головы, щитъ Андреевъ упалъ на землю: но Богъ сохранилъ мужественнаго князя. Изяславъ также былъ впереди; также изломилъ копіе: раненый въ бедро и руку, не могъ усидѣть на конѣ и плавалъ въ крови своей. Битва продолжалась. Дикіе варвары, союзники Георгіевы, рѣшили ея судьбу: пустивъ тучу стрѣлъ, обратились въ бѣгство; за половцами Ольговичи и, наконецъ, князь суздальскій. Многіе изъ его воиновъ утонули въ грязномъ Рутѣ; многіе легли на мѣстѣ или отдались въ плѣнъ. Георгій съ малымъ числомъ ушелъ за Днѣпръ въ Переяславль.

Между тѣмъ великій князь, нѣсколько времени лежавъ на землѣ, собралъ силы, всталъ и едва не былъ изрубленъ собственными воинами, которые, въ жару битвы не узнали его. „Я князь“, говорилъ онъ. „Тѣмъ лучше“,—сказалъ одинъ изъ воиновъ, и мечемъ разсѣкъ ему шлемъ, на коемъ блистало златое изображеніе святого Пантелеймона. Изяславъ, открывъ лицо, увидѣлъ общую радость кіевлянъ, считавшихъ его мертвымъ; исходилъ кровію, но слыша, что Владиміръ Черниговскій убитъ, велѣлъ посадить себя на коня и везти къ его трупу; искренно сожалѣлъ о немъ и съ чувствительностію утѣшалъ горестнаго Изяслава Давидовича, который, взявъ тѣло брата, союзника Георгіева, спѣшилъ защитить свою столицу: ибо Святославъ Ольговичъ хотѣлъ внезапно овла-

дѣть ею; но тучный и дебелый и до крайности утомленный бѣгствомъ, сей князь принужденъ былъ отдыхать въ Остерѣ, гдѣ, свѣдавъ, что въ Черниговѣ уже много войска, онъ рѣшился ѣхать прямо въ Новгородъ Сѣверскій; а послѣ дружелюбно раздѣлился съ Изяславомъ Давидовичемъ: каждый изъ нихъ взялъ часть отцовскую.

Мстиславичи осадили Переяславль. Утративъ лучшую дружину въ битвѣ и слыша, что Владимірко Галицкій, достигнувъ Бужска, возвратился, Георгій принялъ миръ отъ снисходительныхъ побѣдителей. „Отдаемъ Переяславль любому изъ сыновей твоихъ,—говорили они:—но самъ иди въ Суздаль. Не можемъ быть съ тобою въ сосѣдствѣ, ибо знаемъ тебя. Не хотимъ, чтобы ты снова призвалъ друзей своихъ, половцевъ, грабить область Кіевскую". Георгій далъ клятву выѣхать и нарушилъ оную подъ видомъ отмѣннаго усердія къ св. Борису: праздновалъ его память и жилъ на берегу Альты, молился въ храмѣ сего мученика и не хотѣлъ удалиться отъ Переяславля. Одинъ сынъ его, Андрей, гнушаясь вѣроломствомъ, отправился въ Суздаль. Узнавъ, что коварный дядя зоветъ къ себѣ половцевъ и галичанъ, великій князь грозно требовалъ исполненія условій: Георгій оставилъ сына въ Переяславлѣ, но выѣхалъ только въ Городецъ и ждалъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Надеждою его былъ мужественный Владимірко. Мстиславъ, сынъ великаго князя, велъ къ родителю многочисленное союзное войско короля Гейзы и своею неосторожностію лишился онаго. Вступивъ въ Волынію, онъ пировалъ съ венграми, угощаемый дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ; слышалъ о приближеніи галицкаго князя, но безпечно легъ спать, въ надеждѣ на стражу и самохвальство венгровъ. „Мы всегда готовы къ бою", — говорили они, и пили безъ всякой умѣренности. Въ полночь тревога разбудила Мстислава: дружина его сѣла на коней; но упоенные виномъ союзники лежали какъ мертвые. Владимірко ударилъ на нихъ предъ разсвѣтомъ: билъ, истреблялъ—и великій князь получилъ извѣстіе, что сынъ его едва могъ спастись одинъ съ своими боярами. Тогда Изяславъ призвалъ союзниковъ: князя черниговскаго и сына Всеволодова, его племянника: даже и Святославъ Ольговичъ, повинуясь необходимости, далъ ему вспомогательную дружину. Сіе войско осадило Городецъ. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, оставленный прежними друзьями и товарищами, князь суздальскій долженъ былъ чрезъ нѣсколько дней смириться: уступивъ Переяславль Мстиславу Изяславичу, возвратился въ наслѣдственный удѣлъ свой и поручилъ Городецъ сыну Глѣбу. Но скоро Изяславъ отнялъ у Георгія и сіе прибѣжище въ южной Россіи: сжегъ тамъ всѣ деревянныя зданія, самыя церкви и сравнялъ крѣпость съ землею.

Наказавъ главнаго непріятеля, великій князь желалъ отмстить хитрому, счастливому сподвижнику Георгіеву, Владимірку: король венгерскій хотѣлъ того же. Имъ надлежало соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ. Лѣтописцы славятъ взаимную искреннюю дружбу сихъ государей: сановники Гейзы отъ его имени привѣтствовали великаго князя на дорогѣ; самъ король, провождаемый братьями, Ладиславомъ и Стефаномъ, всѣмъ дворомъ, всѣми баронами, выѣхалъ встрѣтить Изяслава, который велъ за собою многочисленное стройное войско. Съ любовію обнявъ другъ друга, они въ шатрѣ королевскомъ условились не жалѣть крови для усмиренія врага—и на развѣтѣ, ударивъ въ бубны, семьдесятъ полковъ венгерскихъ двинулись впередъ; за ними шли россіяне и конные берендѣи; вступивъ въ землю галицкую, расположились близъ рѣки Сана, ниже Перемышля. Владимірко стоялъ на другой сторонѣ, готовый къ бою, и схватилъ нѣсколько зажитниковъ королевскихъ. Тогда было воскресенье: Гейза, обыкновенно празднуя сей день, отложилъ битву до слѣдующаго. По данному знаку союзное войско приступило къ рѣкѣ. Изяславъ находился въ срединѣ и такъ говорилъ ратникамъ: „Братья и дружина! доселѣ Богъ спасалъ отъ безчестія землю Русскую и сыновъ ея: отцы наши всегда славились мужествомъ. Нынѣ ли уронимъ честь свою предъ глазами союзниковъ иноплеменныхъ? Нѣтъ, мы явимъ себя достойными ихъ уваженія". Въ одно мгновеніе ока россіяне бросились въ Санъ, венгры также, и смяли галичанъ, стоявшихъ за валомъ. Побѣжденный Владимірко, проскакавъ на борзомъ конѣ между толпами венгровъ и черныхъ клобуковъ (одинъ съ какимъ-то Избыгнѣвомъ), заключился въ Перемышлѣ. Союзники могли бы тогда взять крѣпость; но воины ихъ, грабя княжескій богатый дворецъ на берегу Сана, дали время многимъ разсѣяннымъ битвою галичанамъ собраться въ городѣ. Владимірко хотѣлъ мира: ночью отправилъ къ архіепископу и боярамъ венгерскимъ множество серебра, золота, драгоцѣнныхъ одеждъ и вторично склонилъ ихъ быть за него ходатаями. Они представили Гейзѣ, что галицкій князь, тяжело раненый, признается въ винѣ своей; что небо милуетъ кающихся грѣшниковъ; что онъ служилъ копіемъ своимъ отцу Гейзину, Белѣ Слѣпому, противъ ляховъ; что Владимірко, зная великодушіе короля и готовясь скоро умереть, поручаетъ ему юнаго сына и боится единственно злобы Изяславовой. Великій князь не хотѣлъ слышать о мирѣ. „Если умретъ Владимірко", —говорилъ онъ,—„то безвременная кончина его будетъ справедливо небесною казнію. Сей вѣроломный, клятвенно обѣщавъ намъ пріязнь свою, разбилъ твое и мое войско. Забудемъ ли безчестіе? Нынѣ Богъ предаетъ Владимірка въ руки наши: возьмемъ его и землю галицкую". Мстиславъ,

сынъ великаго князя, еще ревностнѣе отца противился миру: напрасно Владимірко старался моленіемъ и ласками обезоружить ихъ. Но Гейза отвѣтствовалъ: „не могу убить того, кто винится", и простилъ врага, съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ чужіе, занятые имъ города россійскіе (Бужскъ, Тихомль, Шумскъ, Выгошевъ, Гнойни) и навсегда остался другомъ Изяславу, или, по тогдашнему выраженію, не разлучался съ нимъ ни въ добрѣ, ни въ злѣ. Изъ шатра королевскаго послали ко мнимобольному Владимірку чудотворный крестъ св. Стефана: сей князь далъ присягу. „Если онъ измѣнитъ намъ (сказалъ Гейза), то или мнѣ не царствовать, или ему не княжить". Услуживъ шурину и смиривъ надменнаго Владимірка, бывшаго въ тѣсномъ союзѣ съ греками, король спѣшилъ къ берегамъ Сава отразить императора Мануила, хотѣвшаго отмстить ему за обиду своего галицкаго друга. Изяславъ, возвратяся въ Кіевъ съ торжествомъ, изъявилъ благодарность Всевышнему, праздновалъ съ дядею Вячеславомъ, увѣдомилъ брата своего, князя смоленскаго, о счастливомъ успѣхѣ похода и совѣтовалъ ему остерегаться Георгія, слыша, что онъ вооружается въ Ростовѣ.

Князь суздальскій еще болѣе возненавидѣлъ Мстиславичей за разрушеніе Городца, который былъ единственнымъ его достояніемъ въ полуденныхъ, любезныхъ ему странахъ государства. Тамъ онъ жилъ духомъ и мыслями; тамъ лежалъ священный прахъ древнихъ князей россійскихъ, славились храмы чудесами и жители благочестіемъ. Георгій въ наслѣдственномъ восточномъ удѣлѣ своемъ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый; считалъ себя какъ бы изгнанникомъ и, презирая святость клятвъ, думалъ только о способахъ удовлетворить своему властолюбію. Онъ призвалъ князей рязанскихъ и половцевъ, кочевавшихъ между Волгою и Дономъ; занялъ область вятичей и велѣлъ князю Новагорода Сѣверскаго, Святославу Ольговичу, также быть къ нему въ станъ подъ Глуховъ. Владимірко, свѣдавъ о походѣ Георгія, думалъ вмѣстѣ съ нимъ начать военныя дѣйствія противъ Мстиславичей, но Изяславъ успѣлъ отразить его и заставилъ возвратиться. Князь Галицкій, мужествомъ достойный отца, не хотѣлъ уподобляться ему въ вѣрности слова: не боялся клятвопреступленія и доказалъ ошибку снисходительнаго Гейзы, не исполнивъ обѣщанія, то-есть силою удержавъ за собою города великокняжескіе, Шумскъ, Тихомль и другіе. Видя, что Георгій намѣренъ осадить Черниговъ, князь смоленскій, по сдѣланному условію съ братомъ, вошелъ въ сей городъ защитить Изяслава Давидовича, ихъ союзника. Тутъ находился и Святославъ Всеволодовичъ, который уже зналъ характеръ Георгіевъ и не любилъ его. Съ душевнымъ прискорбіемъ они говорили

другъ другу: „будетъ ли конецъ нашему междоусобію?“ Набожный князь суздальскій, подступивъ къ Чернигову въ день воскресный, не хотѣлъ обнажить меча для праздника, но велѣлъ половцамъ жечь и грабить въ окрестностяхъ! Двѣнадцать дней продолжались битвы, знаменитыя мужествомъ Андрея Георгіевича: онъ требовалъ, чтобы князья, союзники Георгіевы, сами по очереди ходили на приступъ для ободренія войска; служилъ имъ образцомъ и собственною храбростію воспламенялъ всѣхъ. Осажденные не могли защитить внѣшнихъ укрѣпленій, сожженныхъ половцами, и городъ былъ въ опасности; но великій князь спасъ его. Услышавъ только, что Изяславъ перешелъ Днѣпръ, робкіе половцы бѣжали: Георгій также отступилъ за Сновъ, и князь черниговскій встрѣтилъ своего избавителя на берегу рѣки Бѣлоуса.

Святославъ Ольговичъ, удерживая Георгія, говорилъ: „Ты принудилъ меня воевать, разорилъ мою область, вездѣ потравилъ хлѣбъ и теперь удаляешься! Половцы также ушли въ степные города свои. Мнѣ ли одному бороться съ сильными“? Но князь суздальскій, оставивъ у Святослава только 50 человѣкъ дружины съ сыномъ Василькомъ, вышелъ изъ области Сѣверской, чтобы овладѣть всею страною вятичей, гдѣ ему никто не противился.

Тогда была уже глубокая осень: Изяславъ дождался зимы; поручилъ смоленскому князю наблюдать за Георгіемъ, осадилъ Новгородъ Сѣверскій и далъ миръ Святославу Ольговичу; а сынъ великаго князя, Мстиславъ, съ кіевскою дружиною и съ черными клобуками, воевалъ землю половецкую: разбилъ варваровъ на берегахъ Орели и Самары; захватилъ ихъ вежи, освободилъ множество россійскихъ плѣнниковъ. Но сей успѣхъ не могъ утвердить безопасности восточныхъ предѣловъ кіевскихъ: скоро Мстиславъ долженъ былъ вторично идти къ берегамъ Псла для отраженія половцевъ.

Тогда, желая покоя, великій князь отправилъ боярина, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владиміру Галицкому. „Ты нарушилъ клятву,—говорилъ ему посолъ,—данную тобою нашему государю и королю венгерскому въ моемъ присутствіи. Еще можешь загладить преступленіе: возврати города Изяславовы и будь его другомъ“. Владимірко отвѣтствовалъ: „Братъ мой Изяславъ нечаянно подвелъ на меня венгровъ: никогда не забуду того; умру или отмщу“. Посолъ напоминалъ ему цѣлованіе креста. „Онъ былъ не великъ!“—сказалъ Владимірко въ насмѣшку. „Но сила онаго велика,—возразилъ Петръ:—вельможа королевскій объявлялъ тебѣ, что если, цѣловавъ сей чудесный крестъ св. Стефана, преступишь клятву, то живъ не будешь“. Владимірко не хотѣлъ слушать и велѣлъ послу удалиться. Изяславовъ боя-

ринъ положилъ на столъ грамоты клятвенныя, въ знакъ разрыва. Ему не дали даже и подводъ. Петръ отправился на собственныхъ коняхъ, а Владимірко, пошедши въ церковь къ вечернѣ и видя его ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими боярами. Въ ту же ночь отрокъ княжескій, догнавъ сего посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новой для себя непріятности, безпокоился, и на другой день, вслѣдствіе вторичнаго повелѣнія, возвратился въ Галичъ. Слуги Владимірковы встрѣтили его передъ дворцомъ въ черныхъ одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни: тамъ юный князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца, въ черной мантіи и въ клобукѣ, среди вельможъ и бояръ, также одѣтыхъ въ печальныя мантіи. Послу дали стулъ. Ярославъ заливался слезами; царствовало глубокое молчаніе. Изумленный бояринъ Изяславовъ хотѣлъ знать причину сей общей горести и свѣдалъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, отслушавъ вечерню въ церкви, не могъ сойти съ мѣста, упалъ и, принесенный во дворецъ, скончался.

„Да будетъ воля Божія—сказалъ Петръ: всѣ люди смертны“. Ярославъ отеръ слезы. „Мы желали извѣстить тебя о семъ несчастіи,—говорилъ онъ послу; — скажи отъ меня Изяславу: Богъ взялъ моего родителя, бывъ судіею между имъ и тобою. Могила прекратила вражду. Будь же мнѣ вмѣсто отца. Я наслѣдовалъ княженіе; воины и дружина родительская со мною: одно его копіе поставлено у гроба и то будетъ въ рукѣ моей. Люби меня какъ сына своего, Мстислава: пусть онъ ѣздитъ съ одной стороны подлѣ твоего стремени, а я съ другой, окруженный всѣми полками галицкими!“

Великій князь изъявилъ сожалѣніе о внезапной кончинѣ знаменитаго умнаго Владимірка, основателя могущественной Галицкой области, но требовалъ доказательствъ искренняго дружелюбія отъ Ярослава, то-есть возвращенія городовъ кіевскихъ и, видя, что ему хотятъ удовлетворить только ласковыми словами, а не дѣломъ, прибѣгнулъ къ оружію. Войско галицкое стояло на берегахъ Серета: Изяславъ, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, перешелъ за сію рѣку. Мгла исчезла и непріятели увидѣли другъ друга. Юный князь галицкій сѣлъ на коня. Усердные вельможи сказали ему: „Ты у насъ одинъ: что будетъ, если погибнешь? Заключись въ Теребовлѣ: мы сразимся; и кто останется живъ, тотъ придетъ умереть съ тобою“. Въ сраженіи упорномъ и кровопролитномъ побѣда казалась сомнительною. Сынъ и братья Изяславовы не могли устоять, но великій князь одолѣлъ на другомъ крылѣ. Съ обѣихъ сторонъ гнались и бѣжали; обѣ стороны взяли плѣнниковъ, но Изяславъ болѣе. Онъ поставилъ на мѣстѣ битвы знамена непріятельскія и схватилъ многихъ

разсѣянныхъ галичанъ, которые толпами къ нимъ собирались, обманутые сею хитростію. Видя малое число своей дружины и боясь вылазки изъ Теребовля, Изяславъ велѣлъ ночью умертвить всѣхъ несчастныхъ плѣнниковъ, кромѣ бояръ, и съ покойною совѣстію возвратился въ Кіевъ, торжествовать вторый бракъ свой. Невѣстою его была княжна абазинская, безъ сомнѣнія, христіанка: ибо въ отечествѣ ея и въ сосѣдственныхъ земляхъ кавказскихъ находились издавна храмы истиннаго Бога, коихъ слѣды и развалины донынѣ тамъ видимы. Мстиславъ, отправленный отцомъ, встрѣтилъ сію княжну у пороговъ Днѣпровскихъ и съ великою честію привезъ въ Кіевъ.

Готовясь къ новому междоусобному кровопролитію (ибо непримиримый князь суздальскій стоялъ уже съ войскомъ въ землѣ вятичей, близъ Козельска), Изяславъ съ прискорбіемъ видѣлъ безчестіе своего меньшого сына, Ярослава, изгнаннаго новогородцами, которые—въ 1149 году, положивъ на мѣстѣ 1,000 финляндцевъ, хотѣвшихъ ограбить Водскую область — въ теченіе пяти лѣтъ не имѣли иныхъ враговъ, кромѣ самихъ себя, и занимались одними внутренними раздорами. Избранный симъ легкомысленнымъ народомъ, Ростиславъ Смоленскій, въ угодность ему, отправился княжить въ Новгородъ, а Ярославъ въ Владиміръ Волынскій, на мѣсто умершаго Святополка Мстиславича.

Малочисленность союзныхъ половцевъ и конскій падежъ заставили Георгія отложить войну. Между тѣмъ Изяславъ, не доживъ еще до глубокой старости, скончался, къ неутѣшной горести кіевлянъ, всѣхъ россіянъ и самыхъ иноплеменниковъ берендѣевъ, торковъ. Они единогласно называли его своимъ царемъ славнымъ, господиномъ добрымъ, отцомъ подданныхъ. Старецъ Вячеславъ, проливая слезы, говорилъ: „Сынъ любезный! сему гробу надлежало быть моимъ; но Богъ творитъ, что ему угодно!“ — Княженіе Изяслава описано въ лѣтописяхъ съ удивительною подробностію. Мужественный и дѣятельный, онъ всего болѣе искалъ любви народной, и для того часто пировалъ съ гражданами; говорилъ на вѣчахъ, подобно великому Ярославу; предлагалъ тамъ дѣла государственныя и хотѣлъ, чтобы народъ, исполняя волю государя, служилъ ему охотно и враговъ его считалъ собственными. Раздѣливъ престолъ съ дядею, добродушнымъ и слабымъ, Изяславъ въ самомъ дѣлѣ не уменьшилъ власти своей, но заслужилъ похвалу современниковъ; обходился съ нимъ какъ нѣжный сынъ съ отцомъ; одинъ бралъ на себя труды, опасности, но приписывалъ ему честь побѣдъ своихъ, и жилъ самъ въ нижней части города, уступивъ Вячеславу дворецъ княжескій.

Готовый умереть за Кіевъ, Изяславъ удалялся отъ иныхъ слу-

чаевъ проливать кровь россіянъ: не вступился за сына, оскорбленнаго новогородцами, ни за Рогволода Борисовича, зятя своего, котораго полочане, въ 1151 году, свергнули съ престола, избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, князя Минскаго, и признавъ Святослава Ольговича покровителемъ ихъ области. Такъ граждане своевольствовали въ нашемъ древнемъ отечествѣ, употребляя во зло правило, что благо народное священнѣе всѣхъ иныхъ законовъ.

Тѣло Изяслава было погребено въ монастырѣ св. Ѳеодора, основанномъ Великимъ Мстиславомъ.

ГЛАВА XIII.

Великій князь Ростиславъ-Михаилъ Мстиславичъ.

Г. 1154—1155.

Любовь кіевлянъ къ Вячеславу. — Смерть его. — Сановники придворные. — Неблагоразуміе и малодушіе Ростислава. — Гордость Мстислава. — Своевольство новогородцевъ. — Кіевляне поддаются Изяславу. — Георгій вступаетъ въ Кіевъ.

Узнавъ о кончинѣ великаго князя, Изяславъ Черниговскій приплылъ къ Кіеву, чтобы оросить слезами гробъ умершаго; но старецъ Вячеславъ и бояре, справедливо опасаясь его коварныхъ намѣреній, не позволили ему въѣхать въ столицу. Они ждали князя новогородскаго и смоленскаго. Граждане, торки, берендѣи, съ изъявленіемъ усердія встрѣтили Ростислава (который оставилъ въ Новѣгородѣ сына своего Давида) и добродушный дядя сказалъ ему: „Я стою у дверей гроба; суды, расправа и безпокойства ратныя уже не мое дѣло. Подобно Изяславу, будь мнѣ сыномъ и государемъ россіянъ. Отдаю тебѣ полкъ и дружину свою“. Бояре вмѣстѣ съ народомъ требовали отъ новаго князя, чтобы онъ, слѣдуя примѣру старшаго брата, всегда уважалъ дядю какъ отца, и въ такомъ случаѣ обѣщались служить ему вѣрно. — Въ Кіевѣ находился тогда Святославъ Всеволодовичъ: призванный Вячеславомъ, онъ уѣхалъ тайно отъ своихъ дядей и взялъ сторону великаго князя, отдавшаго ему за то Пинскъ и Туровъ.

Съ другой стороны Изяславъ Черниговскій и Святославъ Ольговичъ заключили союзъ съ Георгіемъ, котораго сынъ Глѣбъ,

нанявъ половцевъ, осадилъ Переяславль: Мстиславъ Изяславичъ отразилъ ихъ съ помощію кіевской дружины. Великій князь, чтобы предупредить Суздальскаго, хотѣлъ воспользоваться сею первою удачею и шелъ къ Чернигову; но печальная вѣсть настигла его въ Вышегородѣ. Добрый Вячеславъ скоропостижно умеръ: въ вечеру пировалъ съ боярами и ночью заснулъ навѣки. Искренно сожалѣя о кончинѣ его, Ростиславъ спѣшилъ въ Кіевъ предать землѣ тѣло старца въ Софійскомъ храмѣ и быть свидѣтелемъ общей горести: ибо народъ любилъ кроткія, христіанскія добродѣтели сего Мономахова сына. Въ похвалу великому князю лѣтописцы сказываютъ, что онъ, созвавъ во дворцѣ вельможъ, тіуновъ, казначеевъ, ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести его имѣніе: одежды, золото, серебро; все роздалъ по монастырямъ, церквамъ, темницамъ, богадѣльнямъ, и поручивъ исполнить сіе распоряженіе вдовствующей супругѣ отца своего, взялъ себѣ на память одинъ крестъ.

Когда Ростиславъ возвратился къ войску, бояре не совѣтовали ему идти далѣе. „Ты еще слабъ на престолѣ,—говорили они:—утверди власть свою, заслужи любовь народную и тогда не бойся Георгія". Великій князь отвергнулъ благоразумный совѣтъ; онъ приблизился къ Чернигову, требуя, чтобы Изяславъ далъ ему клятву вѣрнаго союзника. „Кто вступилъ въ мою область непріятелемъ, съ тѣмъ не хочу дружиться", отвѣтствовалъ Изяславъ и, соединясь съ Глѣбомъ Георгіевичемъ, расположился станомъ на берегахъ рѣки Бѣлоуса. Тутъ открылось малодушіе Ростислава, который, будучи устрашенъ множествомъ половцевъ, въ самомъ началѣ перестрѣлки далъ знать черниговскому князю, что уступаетъ ему Кіевскую область съ Переяславлемъ, желая одного мира. Съ негодованіемъ видя малодушіе дяди, Мстиславъ Изяславичъ поворотилъ коня и, сказавъ: „не будь же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева!" удалился съ своею дружиною. Войско разстроилось; свирѣпые половцы гнали, рубили бѣгущихъ и схватили въ числѣ плѣнныхъ Святослава Всеволодовича. Мстиславъ, взявъ въ Переяславлѣ жену, дѣтей, ушелъ въ Луцкъ, а бывшій великій князь въ Смоленскъ, лишась въ то же время и Новагорода: ибо тамошніе жители изгнали сына его, Давида, отправили епископа Нифонта посломъ въ Суздаль и призвали Мстислава Георгіевича княжить въ ихъ области.

Кіевляне, услышавъ съ горестію о несчастіи Ростислава, должны были обратиться къ побѣдителю. Епископъ каневскій, Даміанъ, ихъ именемъ сказалъ Изяславу: „Государь! иди управлять нами, да не будемъ жертвою варваровъ!" ибо въ сіе время половцы свирѣпствовали въ окрестностяхъ Днѣпра и долго не могли быть усмирены Глѣбомъ Георгіевичемъ, которому Изяславъ Да-

видовичъ отдалъ Переяславль. Между тѣмъ Георгій уже шелъ съ войскомъ и близъ Смоленска получилъ вѣсть о новой благопріятной для него перемѣнѣ обстоятельствъ; согласился забыть вражду Ростислава Мстиславича, примирился съ нимъ и спѣшилъ къ Кіеву; простилъ и Святослава Всеволодовича, уваживъ ходатайство его дяди, сѣверскаго князя, и послалъ объявить черниговскому, чтобы онъ выѣхалъ изъ столицы Мономаховой. Изяславъ колебался, медлилъ; говорилъ, что кіевляне добровольно возвели его на престолъ, но убѣжденный Святославомъ Ольговичемъ и не имѣя надежды отразить силу силою, отправился въ Черниговъ. Георгій, вступивъ въ Кіевъ, съ общаго согласія принялъ санъ великаго князя.

ГЛАВА XIV.

Великій князь Георгій или Юрій Владиміровичъ, прозваніемъ Долгорукій.

Г. 1155—1157.

Удѣлы.—Мстиславъ ѣдетъ въ Польшу.—Тишина въ Россіи.—Новое кровопролитіе.—Берендѣи бьютъ половцевъ.—Союзъ съ половцами.—Смятеніе въ Новѣгородѣ.—Союзъ противъ Георгія. — Смерть его и свойства. — Ненависть къ нему.—Дѣла церковныя.

Слѣдуя обыкновенію, онъ назначилъ сыновьямъ удѣлы: Андрею Вышгородъ, Борису Туровъ, Глѣбу Переяславль, Васильку окрестности Роси, гдѣ жили берендѣи и торки, а Святославъ Ольговичъ помѣнялся городами съ своимъ племянникомъ, сыномъ Всеволода, взявъ у него Сновъ, Воротынскъ, Карачевъ и давъ ему за нихъ другіе.

Опасаясь смѣлаго, пылкаго Мстислава, великій князь послалъ Юрія Ярославича, внука Святополка, съ воеводами на Горынь: они взяли Пересопницу. Въ то же время зять Георгіевъ, князь галицкій, и Владиміръ, братъ смоленскаго, осадили Луцкъ. Мстиславъ отправился искать союзниковъ въ Польшѣ; но меньшій братъ его, Ярославъ, заставилъ непріятелей снять осаду.

Достигнувъ главной цѣли своей, обремененный лѣтами и желая спокойствія, Георгій призвалъ Ростислава Смоленскаго, клялся забыть вражду Изяславичей, его племянниковъ, и хотѣлъ видѣть ихъ въ Кіевѣ. Ярославъ повиновался, но Мстиславъ, боясь обмана, не ѣхалъ: Георгій послалъ къ нему крестную грамоту, въ дока-

зательство искренней дружбы. Узнавъ о семъ союзѣ и прибытіи въ Кіевъ галицкой вспомогательной дружины, князь черниговскій, недовольный Георгіемъ, также смирился и выдалъ дочь свою за его сына Глѣба. Великій князь уступилъ Изяславу Корческъ, а Святославу Ольговичу Мозырь. Князья же рязанскіе новыми крест-

ЮРІЙ I. ВЛАДИМИРОВИЧЪ

Долгорукий
Вел. Кн. Россійский

ными обѣтами утвердили связь съ Ростиславомъ Смоленскимъ, коего они признавали ихъ отцомъ и покровителемъ.

Россія наслаждалась тишиною, говорятъ лѣтописцы: сія тишина была весьма непродолжительна. Мстиславъ принялъ крестную грамоту отъ дѣда, но не далъ ему собственной, и выгналъ Георгіева союзника, Владиміра, родного дядю своего, изъ Владимірской области; плѣнилъ его семейство, жену; ограбилъ бояръ и мать,

которая съ богатыми дарами возвратилась тогда отъ королевы венгерской, ея дочери. Скорбленный Георгій, въ надеждѣ смирить внука съ помощію одного галицкаго князя, не хотѣлъ взять съ собою ни черниговской, ни сѣверской дружины и выступилъ съ берендѣями. Напрасно искавъ защиты въ Венгріи, изгнанникъ Владиміръ Мстиславичъ прибѣгнулъ къ великому князю; но Георгій, въ самомъ дѣлѣ, не думалъ о немъ, а хотѣлъ, пользуясь случаемъ, завоевать область Волынскую для другого племянника, Владиміра Андреевича, чтобы исполнить обѣщаніе, нѣкогда данное отцу его. Жестокое сопротивленіе Мстислава уничтожило сіе намѣреніе: десять дней кровь лилась подъ стѣнами Владимірскими, и Георгій, какъ бы подвигнутый человѣколюбіемъ, снялъ осаду. „Изяславичъ веселится убійствами и враждою,—сказалъ онъ дѣтямъ и боярамъ:—желаю не погибели его, а мира и, будучи старшимъ, уступаю".—Владиміръ Андреевичъ ходилъ къ Червену съ мирными предложеніями: напомнилъ тамошнимъ гражданамъ о своемъ родителѣ, великодушномъ ихъ князѣ Андреѣ, обѣщалъ быть ему подобнымъ, справедливымъ, милостивымъ; но уязвленный въ горло стрѣлою, удалился, отмстивъ жителямъ опустошеніемъ земли Червенской. Георгій наградилъ его Пересопницею и Дорогобужемъ; а Мстиславъ, слѣдуя за дѣдомъ, жегъ селенія на берегахъ Горыни.

Великій князь щадилъ старинныхъ друзей своихъ, половцевъ. Они тревожили окрестности Днѣпра и были наказаны мужественными берендѣями, которые многихъ хищниковъ умертвили, другихъ взяли въ плѣнъ и въ противность Георгіеву желанію не хотѣли ихъ освободить, говоря: „мы умираемъ за Русскую землю, но плѣнники наша собственность". Георгій, два раза ѣздивъ въ Каневъ для свиданія съ ханами половецкими, не могъ обезоружить ихъ ни ласкою, ни дарами; наконецъ заключилъ съ ними новый союзъ, чтобы въ нужномъ случаѣ воспользоваться помощію сихъ варваровъ; ибо онъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, не могъ быть увѣренъ въ своей безопасности.

Ростиславъ Мстиславичъ имѣлъ преданныхъ ему людей въ Новѣгородѣ, которые съ единомышленниками своими объявили всенародно, что не хотятъ повиноваться Мстиславу Георгіевичу. Сдѣлалось смятеніе; граждане раздѣлились на двѣ стороны; торговая вооружилась за князя, софійская противъ него, и мостъ Волховскій, съ обѣихъ сторонъ оберегаемый воинскою стражею, былъ границею между несогласными. Но сынъ Георгіевъ бѣжалъ ночью, узнавъ о прибытіи дѣтей смоленскаго князя, и такимъ образомъ уступилъ княженіе Ростиславу, который, чрезъ два дня въѣхавъ въ Новгородъ, возстановилъ совершенную тишину.

Сіе происшествіе долженствовало оскорбить Георгія: у него были и другіе враги. Изяславъ Давидовичъ съ завистью смотрѣлъ на престолъ кіевскій; искалъ друзей; примирился съ Ростиславомъ, и для того оставилъ безъ мести невѣрность своего племянника, Святослава Владиміровича, который, вдругъ занявъ на Деснѣ города черниговскіе, передался къ смоленскому князю. Мстиславъ Изяславичъ Волынскій также охотно вступилъ въ союзъ съ Давидовичемъ, чтобы дѣйствовать противъ Георгія, и сіи князья, напрасно убѣждавъ сѣверскаго взять ихъ сторону, готовились идти къ Кіеву, въ надеждѣ на свое мужество, неосторожность и слабость Георгіеву. Судьба отвратила кровопролитіе: Георгій, пировавъ у боярина своего, Петрила, ночью занемогъ и чрезъ пять дней умеръ. Свѣдавъ о томъ, Изяславъ Давидовичъ пролилъ слезы и, воздѣвъ руки на небо, сказалъ: „Благодарю Тебя, Господи, что Ты разсудилъ меня съ нимъ внезапною смертію, а не кровопролитіемъ!“

Георгій, властолюбивый, но безпечный, прозванный Долгорукимъ, знаменитъ въ нашей исторіи гражданскимъ образованіемъ восточнаго края древней Россіи, въ коемъ онъ провелъ цвѣтущія лѣта своей жизни. Распространивъ тамъ вѣру христіанскую, сей князь строилъ церкви въ Суздалѣ, Владимірѣ, на берегахъ Нерли; умножилъ число духовныхъ пастырей, тогда единственныхъ наставникокъ во благонравіи, единственныхъ просвѣтителей разума; открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ; оживилъ дикія, мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности, основалъ новые селенія и города: кромѣ Москвы, Юрьевъ Польскій, Переяславль Залѣскій (въ 1152 году), украшая ихъ для своего воображенія сими, ему пріятными именами, и самымъ рѣкамъ давая названія южныхъ. Дмитровъ, на берегу Яхромы, также имъ основанъ и названъ по имени его сына, Всеволода-Дмитрія, который (въ 1154 году) родился на семъ мѣстѣ.—Но Георгій не имѣлъ добродѣтелей великаго отца; не прославилъ себя въ лѣтописяхъ ни однимъ подвигомъ великодушія, ни однимъ дѣйствіемъ добросердечія, свойственнаго Мономахову племени. Скромные лѣтописцы наши рѣдко говорятъ о злыхъ качествахъ государей, усердно хваля добрыя; но Георгій, безъ сомнѣнія, отличался первыми, когда, будучи сыномъ князя столь любимаго, не умѣлъ заслужить любви народной. Мы видѣли, что онъ игралъ святостію клятвъ и волновалъ изнуренную внутренними несогласіями Россію для выгодъ своего честолюбія: къ безславію его намъ извѣстно также слѣдующее происшествіе. Князь Іоаннъ Берладникъ, изгнанный Владимірномъ изъ Галича, служилъ Георгію, и вдругъ безъ всякой вины (въ 1156 году) былъ окованъ цѣпями и привезенъ изъ Суз-

даля въ Кіевъ: Георгій согласился выдать его, живого или мертваго, зятю своему, Владиміркову сыну. Заступленіе духовенства спасло жертву: убѣжденный человѣколюбимыми представленіями митрополита, Георгій отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль, а люди князя черниговскаго, высланные на дорогу, силою освободили сего несчастнаго узника.—Однимъ словомъ, народъ кіевскій столь ненавидѣлъ Долгорукаго, что, узнавъ о кончинѣ его, разграбилъ дворецъ и сельскій домъ княжескій за Днѣпромъ, называемый Раемъ, а также имѣніе суздальскихъ бояръ и многихъ изъ нихъ умертвилъ въ изступленіи злобы. Граждане, не хотѣвъ, кажется, чтобы и тѣло Георгіево лежало вмѣстѣ съ Мономаховымъ, погребли оное внѣ города, въ берестовской обители Спаса.

Церковныя дѣла сего времени достойны замѣчанія. Георгій не желалъ оставить митрополитомъ Климента, избраннаго по волѣ ненавистнаго ему племянника, и, согласно съ мыслями Нифонта, епископа новогородскаго, имъ уважаемаго, требовалъ иного пастыря отъ духовенства цареградскаго. Святитель полоцкій и Мануилъ Смоленскій, врагъ Климентовъ (въ 1156 году), съ великою честію приняли въ Кіевѣ сего новаго митрополита, именемъ Константина, родомъ грека, вмѣстѣ съ нимъ благословили великаго князя, кляли память Изяслава Мстиславича, и въ первомъ совѣтѣ уничтожили всѣ церковныя дѣйствія бывшаго митрополита; наконецъ, разсудивъ основательнѣе, дозволили отправлять службу іереямъ и діаконамъ, коихъ посвятилъ Климентъ. Ревностный Нифонтъ не имѣлъ удовольствія видѣть свое полное торжество: онъ спѣшилъ встрѣтить Константина, но еще до его прибытія скончался въ Кіевѣ, названный славнымъ именемъ поборника всей земли Русской. Сей знаменитый мужъ, другъ Святослава Ольговича, имѣлъ и непріятелей, которые говорили, что онъ похитилъ богатство Софійскаго храма и думалъ съ онымъ уѣхать въ Константинополь; современный лѣтописецъ новогородскій опровергаетъ такую нелѣпую клевету и, хваля Нифонтовы добродѣтели, говоритъ: „мы только за грѣхи свои лишилась сладостнаго утѣшенія видѣть здѣсь гробъ его!“ — Новогородцы на мѣсто Нифонта, въ общемъ совѣтѣ, избрали добродѣтельнаго игумена Аркадія и еще непоставленнаго ввели въ домъ епископскій: ибо избраніе главнаго духовнаго сановника зависѣло тамъ единственно отъ народа.

ГЛАВА XV.

Великій князь Изяславъ Давидовичъ Кіевскій. Князь Андрей Суздальскій, прозванный Боголюбскимъ.

Г. 1157—1159.

Паденіе великаго княженіе Кіевскаго. — Новое сильное княженіе Владимірское.—Происшествія въ западной Россіи.—Мятежный духъ полочанъ.—Раздоръ за Берладника.—Безкорыстіе Святослава. — Неблагодарность Изяславова.—Бѣгство великаго князя.—Страшное завѣщаніе митрополита.—Моръ въ Новѣгородѣ.

Кіевляне, изъявивъ ненависть къ умершему великому князю, послали объявить врагу Георгіеву, Изяславу Давидовичу, чтобы онъ шелъ мирно властвовать въ столицѣ россійской. Изяславъ, при восклицаніяхъ довольнаго народа, въѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ въ Черниговѣ племянника своего Святослава Владиміровича, съ дружиною воинскою: ибо князь Сѣверскій, хотя и миролюбивый, замышлялъ внезапно овладѣть сею удѣльною столицею Ольговичей: его не впустили; но Изяславъ, желая имѣть въ немъ благодарнаго союзника, добровольно отдалъ ему Черниговъ; а племянникъ ихъ, Святославъ Всеволодовичъ, получилъ въ удѣлъ княженіе Сѣверское. Они заключили міръ на берегахъ Свини (гдѣ нынѣ Березна) въ присутствіи Мстислава, владимірскаго князя, который, одобривъ условія, спокойно возвратился въ Волынію.

Такимъ образомъ Изяславъ Давидовичъ остался повелителемъ одной Кіевской области и нѣкоторыхъ городовъ Черниговской. Переяславль, Новгородъ, Смоленскъ, Туровъ, области Горынская и вся западная Россія имѣли тогда государей особенныхъ, независимыхъ, и достоинство великаго князя, прежде соединенное съ могуществомъ, сдѣлалось однимъ пустымъ наименованіемъ. Кіевъ еще сохранялъ знаменитость, обязанный ею, кромѣ своего счастливаго положенія, торговлѣ, множеству избыточныхъ обитателей, богатству храмовъ, монастырей: скоро утратитъ онъ и сію выгоду, лишенный сильныхъ защитниковъ. Но въ то время, какъ древняя столица наша клонится къ совершенному паденію, возникаетъ новая подъ сѣнію властителя, давно извѣстнаго мужествомъ и великодушіемъ.

Еще при жизни Георгія Долгорукаго сынъ его, Андрей, въ 1155 году уѣхалъ изъ Вышегорода (не предувѣдомивъ отца о семъ намѣреніи). Театръ алчнаго властолюбія, злодѣйствъ, гра-

бительствъ, междоусобнаго кровопролитія, Россія южная, въ теченіе двухъ вѣковъ опустошаемая огнемъ и мечомъ, иноплеменниками и своими, казалась ему обителію скорби и предметомъ гнѣва Небеснаго. Недовольный, можетъ быть, правленіемъ Георгія и съ горестію видя народную къ нему ненависть, Андрей, по совѣту шурьевъ своихъ, Кучковичей, удалился въ землю суздальскую, менѣе образованную, но гораздо спокойнѣйшую другихъ. Тамъ онъ родился и былъ воспитанъ; тамъ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно. Сей князь набожный вмѣсто иныхъ сокровищъ взялъ съ собою греческій образъ Маріи, украшенный, какъ говорятъ лѣтописцы, пятнадцатью фунтами золота, кромѣ серебра, жемчугу и камней драгоцѣнныхъ: избралъ мѣсто на берегу Клязмы, въ прежнемъ своемъ удѣлѣ; заложилъ каменный городъ Боголюбовъ, распространилъ основанный Мономахомъ Владиміръ, украсилъ зданіями каменными, златыми и серебряными вратами. Какъ нѣжный сынъ, оплакавъ кончину родителя, онъ воздалъ ему послѣдній долгъ торжественными молитвами, строеніемъ новыхъ церквей, обителей въ честь умершему, или для спасенія его души; и между тѣмъ, какъ народъ кіевскій злословилъ память Георгія, священный клиросъ благословлялъ оную въ Владимірѣ. Суздаль, Ростовъ, дотолѣ управляемые намѣстниками Долгорукаго, единодушно признали Андрея государемъ. Любимый, уважаемый подданными, сей князь, славнѣйшій добродѣтелями, могъ бы тогда же завоевать древнюю столицу, но хотѣлъ единственно тишины долговременной, благоустройства въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ; основалъ новое великое княженіе Суздальское или Владимірское и приготовилъ Россію сѣверо-восточную быть, такъ сказать, истиннымъ сердцемъ государства нашего, оставивъ полуденную въ жертву бѣдствіямъ и раздорамъ кровопролитнымъ.

Борисъ Георгіевичъ, княживъ при отцѣ въ Туровѣ, или добровольно выѣхалъ оттуда въ Суздальскую область, или былъ изгнанъ Юріемъ Ярославичемъ, Святополковымъ внукомъ, который, происходя отъ старшей вѣтви княжескаго дома имѣлъ право на самую область Кіевскую. Изяславъ, желая доставить удѣлъ Владиміру Мстиславичу, соединился съ князьями волынскими, галицкимъ, смоленскимъ, и приступилъ къ Турову. Юрій искалъ мира, но мужественно оборонялся, и чрезъ 20 недѣль многочисленное войско осаждающихъ удалилось, потерявъ большую часть коней своихъ отъ заразы.

Въ числѣ Изяславовыхъ союзниковъ находились и полочане, которые едва ли уступали тогда новогородцамъ въ своевольствѣ. Мы упоминали о несчастіи князя Рогволода Борисовича, изгнан-

наго ими безъ всякой основательной причины: Святославъ Черниговскій далъ ему вспомогательную дружину, и жители Друка съ великою радостію приняли его, выславъ Глѣба Ростиславича, ограбивъ домъ бояръ, друзей сего послѣдняго. Отецъ Глѣбовъ, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами и, взявъ съ нихъ новую присягу, оса-

АНДРЕЙ I. ЮРЬЕВИЧЪ
Боголюбскій
Вел. Кн. Россійскій

дилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ сего князя искать мира: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ братствѣ и нарушилъ оную вмѣстѣ съ вѣроломными полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: „Князь добрый! мы виновны, свергнувъ тебя съ престола и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла и возвратися къ намъ; выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича“. Онъ согласился съ ними, но Ростиславъ,

увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали князя, жившаго за городомъ, въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ. „Вчера я былъ у васъ,—отвѣтствовалъ Ростиславъ:—для чего же вы не говорили о дѣлахъ?“ однако жъ поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на вѣчѣ и лилъ кровь бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину, удалился въ Минскъ къ брату Володарю; а Рогволодъ, подкрѣпленный силою князя смоленскаго, отнялъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и предписалъ миръ его брату: остался княземъ полоцкимъ, далъ Всеволоду Стрѣжевъ, Изяславль Брячиславу Васильковичу и возстановилъ тишину кратковременную. Володарь, третій сынъ Глѣбовъ, воевалъ тогда съ Литвою: братья присягнули за него въ вѣрномъ исполненіи мирныхъ условій.

Изяславъ Давидовичъ недолго жилъ въ союзѣ съ галицкимъ и волынскими князьями. Поводомъ къ сему разрыву служилъ знаменитый воевода перваго, Іоаннъ Берладникъ. Князь Галицкій, ненавидя и боясь сего брата двоюроднаго, изгнаннаго Владимірковъ, умѣлъ склонить на свою сторону не только венгерскаго короля съ поляками, но и многихъ князей россійскихъ, желая, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ убѣдили Изяслава выдать ему Іоанна. Гнушаясь дѣломъ столь жестокимъ, великій князь отвѣчалъ ихъ посламъ въ Кіевѣ, что онъ никогда на то не согласится. Іоаннъ же, безчеловѣчно гонимый, хотѣлъ мстить Ярославу Владимірковичу: ограбилъ нѣсколько богатыхъ судовъ на Дунаѣ, нанялъ 6,000 половцевъ и вступилъ въ Галицію; но скоро былъ оставленъ сими хищниками, ибо не дозволялъ имъ опустошать земли и щадилъ доброхотствующихъ ему жителей. Свѣдавъ, что Ярославъ вооружается, великій князь предложилъ Святославу Ольговичу тѣсный союзъ и два города, Мозырь и Чечерскъ. Тутъ Святославъ оказалъ безкорыстіе великодушное. „Признаюсь,—говорилъ онъ,—что я досадовалъ, когда ты не отдалъ мнѣ всей области Черниговской, но сердце мое ненавидитъ злобу между родными. Если враги несправедливые угрожаютъ тебѣ войною, то они будутъ и моими врагами. Сохрани меня Богъ отъ мздоимства въ такомъ случаѣ: не хочу никакихъ городовъ и вооружаюсь“. Пировавъ три дня, они дали знакъ князю галицкому, что готовы соединенными силами отразить его нападеніе. Ярославъ успокоился; но великій князь вздумалъ самъ объявить ему войну за Іоанна Берладника: ибо многіе галичане звали сего воеводу въ землю свою; увѣряя, что народъ толпами устремится подъ его знамена и что сынъ Владимірковъ нелюбимъ гражданами. Свя-

тославъ Ольговичъ не хотѣлъ идти; удержалъ великаго князя; представлялъ ему, что Іоаннъ не сынъ, не братъ ихъ; но пылкій Изяславъ съ угрозами отвѣтствовалъ въ Васильковѣ послу черниговскому: „скажи брату, что онъ, по возвращеніи моемъ изъ Галича, волею или неволею можетъ отправиться назадъ въ Новгородъ Сѣверскій!“ Добродушный Святославъ съ горестію видѣлъ несправедливость своего родственника, желая ему добра и мира государству. „Богу открыто смиреніе души моей,—сказалъ онъ вельможамъ:—я не искалъ управы мечомъ, когда Изяславъ, вмѣсто цѣлой области Черниговской, далъ мнѣ только семь городовъ, опустошенныхъ половцами и населенныхъ псарями. Онъ еще недоволенъ, и за миролюбивый, благоразумный совѣтъ грозится, вопреки святой клятвѣ, выгнать меня изъ Чернигова! Но Провидѣніе караетъ вѣроломныхъ“. Оно въ самомъ дѣлѣ наказало брата его. Галицкій, соединясь съ волынскими князьями, Изяславичами, и дядею ихъ, Владиміромъ Андреевичемъ, предупредилъ великаго князя и занялъ Бѣлгородъ. Изяславъ обступилъ ихъ съ войскомъ многочисленнымъ: однихъ половцевъ было у него слишкомъ 20,000. Указывая на сильные полки свои, онъ съ гордостію требовалъ, чтобы союзники вышли изъ города. Но берендѣи и торки измѣнили ему; начальники ихъ тайно велѣли сказать Мстиславу: „Князь! отъ насъ все зависитъ! Если будешь намъ другомъ, какъ отецъ твой, и дашь каждому по доброму городу, мы оставимъ Изяслава“. Они сдержали слово: въ глубокую полночь зажгли шатры свои и съ громкимъ воплемъ ускакали въ городъ. Пробужденный ночною тревогою, великій князь сѣлъ на коня; увидѣлъ измѣну и бѣжалъ за Днѣпръ вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ, его другомъ; половцы также: многіе изъ нихъ утонули въ Роси, другихъ плѣнили юрьевцы и берендѣи.

Союзники вошли въ столицу, пославъ объявить смоленскому князю, Ростиславу, что они единственно для него завоевали престолъ кіевскій и будутъ ему послушны, какъ старшему. Мстиславъ требовалъ только, чтобы низверженный митрополитъ Климентъ снова управлялъ церковію россійскою: „ибо Константинъ (говорилъ онъ) клялъ память отца моего“. Но Ростиславъ не хотѣлъ слышать о Климентѣ, избранномъ, по его мнѣнію, беззаконно. Наконецъ согласились, чтобы не быть митрополитомъ ни тому, ни другому и призвать новаго изъ Царяграда. Изгнанный Мстиславомъ, Константинъ уѣхалъ въ Черниговъ и скоро преставился, удививъ современниковъ и потомство странностію своего завѣщанія. Онъ вручилъ запечатанную духовную святителю черниговскому, Антонію и требовалъ, чтобы сей епископъ клятвенно обязался исполнить его послѣднюю волю. Антоній въ при-

сутствіи князя Святослава срѣзалъ печать и съ изумленіемъ читалъ слѣдующее: „Не погребайте моего тѣла: да будетъ оно извлечено изъ града и повержено псамъ на съѣденіе!“ Епископъ не дерзнулъ нарушить клятвы; но князь, страшась гнѣва Небеснаго, велѣлъ на третій день привезти тѣло митрополита въ Черниговъ и съ честію предать землѣ въ соборной церкви, подлѣ гроба Игоря Ярославича. Лѣтописцы разсказываютъ, что въ сіи три дня, ясные для Чернигова, была ужасная буря и молнія въ Кіевѣ; что однимъ громовымъ ударомъ убило тамъ семь человѣкъ и вѣтеръ сорвалъ шатеръ Ростислава, стоявшаго тогда на полѣ близъ Вышегорода; что сей князь старался молитвами въ церквахъ умилостивить небо и что вдругъ настала тишина, когда совершилось погребеніе митрополитова тѣла.

Въ княженіе Изяслава Новгородъ вторично испыталъ бѣдствіе мора; не успѣвали хоронить ни людей, ни скота; отъ смрада безчисленныхъ труповъ нельзя было ходить по городу, ни въ окрестностяхъ. Лѣтописцы не говорятъ о происхожденіи, свойствѣ и наружныхъ знакахъ сей язвы, которая свирѣпствовала единственно въ Новѣгородѣ.

ГЛАВА XVI.

Великій князь Ростиславъ-Михаилъ вторично въ Кіевѣ. Андрей въ Владимірѣ Суздальскомъ.

Г. 1159—1167.

Злоба Изяславова.—Союзъ Ростислава съ Святославомъ.—Городъ Берландъ,—Впаденіе половцевъ.—Андрей за Изяслава: властвуетъ въ Новѣгородѣ.—Клевѣта на Ростислава.—Ростиславъ изгнанъ.—Смерть Изяслава.—Берладникъ отравленъ ядомъ въ Греціи.—Ссора и миръ великаго князя со Мстиславомъ.—Удѣлы.—Набѣгъ ляховъ.—Единовластіе Андрея.—Изгнаніе братьевъ его въ Грецію.—Кончина Святослава; ея слѣдствія.—Вѣроломство епископа.—Безпокойство въ землѣ полоцкой.—Война съ болгарами.—Побѣда надъ шведами.—Россіяне бьютъ половцевъ въ степяхъ.—Кончина великаго князя.—Его свойства.—Союзы и браки.—Дѣла церковныя.

Ростиславъ, оставивъ сыновей княжить, Святослава въ Новѣгородѣ, Давида въ Торжкѣ, Романа въ Смоленскѣ, былъ съ честію и радостію принятъ отъ всѣхъ жителей кіевскихъ. Племянникъ его, Мстиславъ, возвратился въ юго-западную Россію съ богатою добычею, взявъ имѣніе Изяславовыхъ вельможъ, множество серебра, золота, рабовъ и всякаго скота.

Бывшій великій князь ушелъ въ Сожскую область, ему прина-

длежавшую, и съѣхался въ Гомьѣ, или нынѣшнемъ Гомелѣ, съ женою, которая вслѣдъ за нимъ бѣжала изъ Кіева. Приписывая свое несчастіе брату Ольговичу, не хотѣвшему дать ему помощи, Изяславъ завоевалъ его область, землю вятичей, плѣнилъ жителей одного мѣстечка, бывшаго собственностью или вѣномъ кягини черниговской, и тревожилъ города курскіе. Тогда Святославъ, захвативъ имѣніе и семейства многихъ бояръ сего злобнаго родственника, вступилъ въ союзъ съ государемъ кіевскимъ. Они съѣхались въ Моравскѣ, обѣдали другъ у друга и богатыми дарами утвердили взаимную любовь между собою: Ростиславъ подарилъ черниговскому князю нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, волковъ бѣлыхъ и рыбьихъ зубовъ; а Святославъ великому князю парда и двухъ коней съ окованными сѣдлами.

Сіи два князя, бывъ отъ юности непріятелями, искренно клялись умереть друзьями и согласились общими силами дѣйствовать противъ Изяслава. Надлежало прежде защитить южные предѣлы государства отъ внѣшнихъ хищниковъ. Въ Молдавіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, находился тогда городъ многолюдный и крѣпкій именемъ Берладъ (нынѣ мѣстечко), основанный близъ развалинъ древней Дакійской Зузидавы: онъ былъ гнѣздомъ своевольныхъ бродягъ, людей разнаго племени и закона, коихъ главное ремесло состояло въ грабежѣ по Черному морю и Дунаю. Шайки ихъ взяли Олешье (знаменитое торговое мѣсто при устьѣ Днѣпра, гдѣ складывались греческіе товары, отправляемые въ Кіевъ): воевода великокняжескій, Георгій Несторовичъ, настигъ сихъ разбойниковъ и выручилъ многихъ взятыхъ ими плѣнниковъ вмѣстѣ съ богатою добычею.—Надлежало еще отразить набѣгъ половцевъ: сынъ Святославовъ въ Черниговской области, а дружина галицкая, князья волынскіе и берендѣи на западномъ берегу Днѣпра побили и гнали ихъ до границы.

Сіи хищники явились съ другой стороны, нанятые Изяславомъ Давидовичемъ, который, не теряя времени, осадилъ съ ними Черниговъ, гдѣ Святославъ и племянникъ его, князь сѣверскій, едва успѣли изготовиться къ оборонѣ, требуя войска отъ Ростислава. Но кіевляне и берендѣи, вѣря искреннему союзу дяди, не вѣрили племяннику, зная его коварство: чтобы успокоить ихъ, Святославъ Всеволодовичъ прислалъ сына въ залогъ къ Ростиславу, и полки великокняжескіе спасли Черниговъ. Изяславъ, устрашенный силою оныхъ, бѣжалъ въ степи. Тамъ услышалъ онъ, что неосторожный Святославъ отпустилъ союзниковъ и самъ боленъ: чѣмъ желая воспользоваться, Изяславъ снова перешелъ за Десну съ половцами. Князь черниговскій дѣйствительно былъ нездоровъ; однакожъ съ супругою и съ дѣтьми стоялъ въ полѣ, успѣлъ

возвратить кіевлянъ и мужественно отразилъ варваровъ. Союзники, гонясь за Изяславомъ, приступили къ Вырю, гдѣ оставалась его княгиня съ казною. Тутъ воевода Іоаннъ Берладникъ имѣлъ случай доказать ему свое усердіе: защитилъ городъ и принудилъ осаждающихъ удалиться. Изяславъ отмстилъ имъ ужаснымъ разореніемъ Смоленской области: ибо наемники его половцы плѣнили въ ней болѣе десяти тысячъ людей безоружныхъ, кромѣ множества убитыхъ; но видя превосходство силъ на сторонѣ враговъ, онъ искалъ союзника въ могущественномъ князѣ суздальскомъ.

Андрей Георгіевичъ, не заботять о Россіи южной, желалъ господствовать въ сѣверной единовластно и присвоить себѣ древнюю столицу Рюрикову, то-есть выгнать оттуда сыновей великаго князя: Святослава Ростиславича изъ Новагорода, а Давида изъ Торжка. Недоброхотствуя отцу ихъ, Андрей вступился за Изяслава и помолвилъ дочь свою за его племянника, Святослава Владиміровича, осаждаемаго тогда княземъ черниговскимъ въ городѣ Вщижѣ. Романъ и Рюрикъ, сыновья великаго князя, владѣтель сѣверскій съ братомъ, полочане и дружина галицкая были съ Святославомъ Ольговичемъ; но слыша, что сильное войско Андреево и муромское идетъ отразить ихъ отъ Вщижа, союзники склонились къ миру, и Святославъ Черниговскій снялъ осаду, клятвенно обязавъ племянника чтить его какъ старшаго въ родѣ.—Андрей съѣхался съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу дочери и послалъ сказать новогородцамъ, что онъ намѣренъ искать ихъ княженія, не любитъ кровопролитія, но готовъ воевать въ случаѣ сопротивленія. Чиновники объявили о томъ народу. Слава Андреева давно гремѣла въ Россіи; новогородцы плѣнились мыслію повиноваться столь знаменитому князю; однакожъ, не имѣя причинъ жаловаться на своего, не вдругъ прибѣгнули къ средствамъ насилія: сперва сказали, что область Новогородская никогда не имѣла двухъ князей и что Давидъ долженъ оставить Торжекъ; когда же Святославъ Ростиславичъ, угождая имъ, велѣлъ брату выѣхать оттуда въ Смоленскъ, они рѣшились, безъ дальнѣйшихъ околичностей, взять его подъ стражу. Увѣдомленный о семъ намѣреніи, Святославъ не хотѣлъ вѣрить. „Вчера (говорилъ онъ боярамъ) граждане любили меня, вчера я слышалъ ихъ клятвы, видѣлъ общее усердіе“. Въ самое то время народъ вломился во дворецъ, неволею послалъ князя въ Ладогу, заперъ его жену въ монастырь, разграбилъ казну, оковалъ дружину. Андрей отправилъ племянника, Мстислава, намѣстникомъ въ Новгородъ; а Святославъ Ростиславичъ ушелъ изъ Ладоги къ отцу, который, въ первую минуту гнѣва, велѣлъ заключить въ душную темницу всѣхъ купцовъ новогородскихъ, бывшихъ въ Кіевѣ; но выпустилъ и разо-

слалъ ихъ по городамъ, свѣдавъ съ прискорбіемъ, что нѣкоторые изъ нихъ скоропостижно умерли въ оной. Хотя великій князь досадовалъ на Андрея Суздальскаго, однакожъ не думалъ мстить ему кровопролитіемъ и желалъ спокойствія.

Къ несчастію, онъ не могъ удовлетворить своему искреннему миролюбію. Видя, что Андрей, довольный пріобрѣтеніемъ Новагорода, не расположенъ воевать съ великимъ княземъ, безпокойный Изяславъ снова обратился къ половцамъ и нашелъ единомышленника въ непостоянномъ Святославѣ Всеволодовичѣ; ихъ сторону взяли также нѣкоторые бояре кіевскіе и черниговскіе, хотѣвшіе, неустройства: ибо зло общее бываетъ иногда частною выгодою. Святославъ Ольговичъ послалъ сына своего, Олега, въ Кіевъ, гдѣ великій князь желалъ дружелюбно угостить его. Клеветники увѣрили сего юношу, что Ростиславъ тайно готовитъ ему темницу, и легкомысленный Олегъ, не сказавъ ни слова отцу, присталъ къ Изяславу Давидовичу и князю сѣверскому. Святославъ душевно оскорбился вѣроломствомъ сына и племянника въ разсужденіи великаго князя, но коварные его вельможи старались очернить Ростислава. „Знай (говорили они своему князю), что духовникъ Ростиславича ѣздилъ изъ Смоленска къ Изяславу и предлагалъ ему Черниговъ: государь кіевскій притворяется другомъ твоимъ, но помогаетъ тебѣ лѣниво; и до сего времени ты не видалъ никакой пользы отъ его союза“. Обманутый клеветою, черниговскій князь взялъ сторону брата; однакожъ самъ не хотѣлъ участвовать въ войнѣ. Изяславъ съ союзниками ополчился; стоялъ двѣ недѣли подъ стѣнами Переяславля, убѣждая зятя своего, Глѣба Георгіевича, вооружиться противъ великаго князя; не успѣлъ въ томъ и, видя Ростислава готоваго къ битвѣ, удалился. Но вторичное его предпріятіе было счастливѣе: въ теченіе зимы усиленный множествомъ половцевъ, онъ переправился за Днѣпръ выше Кіева и приступилъ къ Подолу, огражденному высокимъ тыномъ. Тутъ началось сраженіе. Половцы во многихъ мѣстахъ разсѣкли ограду, ворвались въ улицы и зажгли дома. Окруженные пламенемъ, дымомъ и мечами варваровъ, кіевляне съ берендѣями въ ужасѣ бѣжали на гору къ Златымъ вратамъ каменной стѣны. Тогда великій князь, принявъ совѣтъ дружины, оставилъ Кіевъ и заключился въ Бѣлѣгородѣ, ожидая скорой помощи.

Изяславъ вступилъ въ Кіевъ, освободилъ тамъ многихъ друзей своихъ, бывшихъ подъ стражею, и спѣшилъ осадить Бѣлгородъ. Великій князь сжегъ деревянныя укрѣпленія или острогъ и четыре недѣли оборонялся въ крѣпости. Напрасно Святославъ Черниговскій склонялъ брата къ общему миру, совѣтуя ему снять осаду, возвратиться за Днѣпръ и ждать всего отъ справедливости. Изяславъ отвѣтствовалъ его посламъ: „Ежели уйду за Днѣпръ, то

союзники оставятъ меня. Что жъ будетъ со мною? Въ степяхъ ли половецкихъ найду для себя область? Лучше умру здѣсь отъ меча, нежели отъ голода на берегахъ Сейма". Онъ говорилъ смѣло, но дѣйствовалъ малодушно; ибо услышавъ, что торки, берендѣи, печенѣги росьскіе, Мстиславъ Волынскій и галичане идутъ на помощь къ великому князю, Изяславъ бѣжалъ и погибъ безъ мужественной обороны: непріятельскій всадникъ, именемъ Выйборъ, разсѣкъ ему саблею голову. Великій князь и Мстиславъ нашли его плавающаго въ крови и не могли удержаться отъ слезъ искренней горести. „Вотъ слѣдствіе твоей несправедливости!"— сказалъ первый:—„недовольный областію Черниговскою, недовольный самымъ Кіевомъ, ты хотѣлъ отнять у меня Бѣлгородъ!" Изяславъ не отвѣтствовалъ, но просилъ воды; ему дали вина— и сей несчастный князь, взглянувъ дружелюбно на враговъ сострадательныхъ, скончался. Пишутъ, что онъ въ битвахъ обыкновенно носилъ власяницу брата своего, Николая Святоши, а въ сей день почему-то не хотѣлъ надѣть ее. Разбивъ половцевъ, Олегову дружину, черниговскую и князя сѣверскаго, взявъ ихъ обозы, побѣдители отослали въ Черниговъ тѣло Изяслава, искренно оплаканнаго братомъ Святославомъ и еще искреннѣе Іоанномъ Берладникомъ. Сей злополучный галицкій князь, утративъ въ Изяславѣ единственнаго своего покровителя, уѣхалъ въ Грецію и кончилъ горестную жизнь въ Ѳессалоникѣ, отравленный ядомъ, какъ думали современники. Великій князь, не желая мстить ни Святославу Ольговичу, ни гораздо виновнѣйшему сѣверскому владѣтелю, нѣкогда имъ облаготворенному, удовольствовался ихъ новою присягою и нашелъ способъ дружелюбно раздѣлаться съ Андреемъ, который добровольно уступилъ ему Новгородъ, извѣдавъ безпокойную строптивость его жителей. Обузданные согласіемъ двухъ сильныхъ государей, они молчали, и Святославъ Ростиславичъ возвратился управлять ими.

Мирясь съ непріятелями, Ростиславъ оскорбилъ знаменитѣйшаго друга своего и племянника, Мстислава Волынскаго, который возвелъ его на престолъ и удержалъ на ономъ. Великій князь отдалъ ему въ помѣстье Бѣлгородъ, Триполь, Торческъ, какъ будущему наслѣднику всей Кіевской области. Но пылкій Мстиславъ началъ, кажется, прежде времени господствовать въ оной самовластно, не хотѣлъ слушать выговоровъ дяди и, съ гнѣвомъ уѣхавъ въ Волынію, старался угрозами преклонить къ себѣ Владиміра Андреевича, княжившаго въ Пересопницѣ. Сей послѣдній отвѣчалъ ему: „Ты властенъ завоевать мою область и я готовъ скитаться въ бѣдности съ дѣтьми своими по землямъ чуждымъ; но буду всегда душою и сердцемъ за Ростислава". Огорченный злобою племянника, великій князь отнялъ отъ него горо-

да днѣпровскіе, но съ радостію возвратилъ ему оные, когда Мстиславъ одумался и прибѣгнулъ къ дядѣ съ извиненіями.—Столь же великодушно поступалъ великій князь и съ другими, ближними и дальними родственниками. Меньшій его братъ, Владиміръ Мстиславичъ, упорный союзникъ Изяслава Давидовича, самовольно властвовалъ въ Слуцкѣ; Ростиславъ принудилъ Владиміра выѣхать оттуда, но далъ ему пять городовъ кіевскихъ; а внуку Вячеславову, именемъ Роману, два города въ смоленской области, Васильевъ и Красный. Мы говорили о туровскомъ владѣтелѣ, Юріи Ярославичѣ, внукѣ Святополка-Михаила: отверженный отъ союза двухъ тогда господствующихъ домовъ княжескихъ, Мономахова и Черниговскаго, онъ удержался единственно своимъ мужествомъ и счастливо отразилъ приступъ соединенныхъ князей волынскихъ, хотѣвшихъ, подобно Изяславу Давидовичу, изгнать его изъ Турова. Великій князь, любя справедливость, заключилъ съ нимъ миръ.—Тишина внутренняя была тѣмъ нужнѣе, что внѣшніе непріятели, ляхи, въ сіе время безпокоили западную Россію и грабили въ окрестностяхъ Червина.

Андрей Георгіевичъ, ревностно занимаясь благомъ Суздальскаго княженія, оставался спокойнымъ зрителемъ отдаленныхъ происшествій. Имѣя не только доброе сердце, но и разумъ превосходный, онъ видѣлъ ясно причину государственныхъ бѣдствій и хотѣлъ спасти отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, свою область: то-есть, отмѣнилъ несчастную систему удѣловъ, княжилъ единовластно и не давалъ городовъ ни братьямъ, ни сыновьямъ. Можетъ быть бояре первыхъ осуждали его, ибо лишались выгоды участвовать въ правленіи князей юныхъ, грабить землю, наживаться. Нѣкоторые думали также, что онъ незаконно властвуетъ въ Суздалѣ, ибо Георгій назначалъ сіе княженіе для меньшихъ дѣтей, и что народъ, обязанный уважать волю покойнаго государя, не могъ безъ вѣроломства избрать Андрея. Можетъ быть и братья сего князя, слѣдуя внушенію коварныхъ бояръ, изъявляли негодованіе и мыслили рано или поздно воспользоваться своимъ правомъ. Какъ бы то ни было, Андрей, дотолѣ кроткій во всѣхъ извѣстныхъ случаяхъ, рѣшился для государственнаго спокойствія на дѣло несправедливое по мнѣнію нашихъ предковъ: онъ выгналъ братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила; также двухъ племянниковъ (дѣтей умершаго Ростислава Георгіевича) и многихъ знатнѣйшихъ вельможъ, Долгорукаго, тайныхъ своихъ непріятелей. Мстиславъ и Василько Георгіевичи, вмѣстѣ съ ихъ вдовствующею родительницею, мачехою Андрея, удалились въ Константинополь, взявъ съ собою меньшаго брата, осмилѣтняго Всеволода (столь знаменитаго впослѣдствіи.) Тамъ императоръ Мануилъ принялъ изгнанниковъ съ честію и съ любовію, желалъ ихъ

утѣшить благодѣяніями и далъ Васильку, по извѣстію россійскихъ и греческихъ лѣтописцевъ, область Дунайскую.

Въ Россіи южной кончина Святослава Черниговскаго произвела несогласіе между сыномъ его и племянникомъ. Святославъ, достопамятный своею привязанностію къ несчастному брату Игорю и миролюбіемъ, оставилъ наслѣдникамъ великое богатство. Старшій его сынъ, Олегъ, находился въ отсутствіи. Черниговскій епископъ Антоній и вельможи собралися къ горестной овдовѣвшей княгинѣ и, безъ хищнаго владѣтеля сѣверскаго, рѣшились таить смерть Святослава до Олегова возвращенія. Всѣ дали въ томъ клятву и, во-первыхъ, епископъ, хотя бояре говорили ему: „нужно ли цѣловать крестъ святителю? любовь твоя къ дому княжескому извѣстна". Но святитель былъ грекъ, по словамъ лѣтописца: хитръ и коваренъ. Онъ въ тотъ же часъ написалъ къ Святославу Всеволодовичу, что дядя его скончался; что Олега и воинской дружины нѣтъ въ городѣ; что княгиня съ меньшими дѣтьми въ изумленіи отъ горести, и что Святославъ найдетъ у нея сокровища несмѣтныя. Сей князь немедленно отправилъ сына занять Гомель, а бояръ своихъ въ другія черниговскія области и самъ хотѣлъ въѣхать въ столицу. Олегъ предупредилъ его; однакожъ добровольно уступилъ ему Черниговъ, взявъ Новгородъ Сѣверскій. Святославъ клялся наградить братьевъ Олеговыхъ иными удѣлами и, забывъ обѣтъ, присвоилъ себѣ одному города умершаго внучатнаго брата, сына Владимірова, князя вщижскаго. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ. Святославъ уже звалъ половцевъ; но великій князь, будучи тестемъ Олеговымъ, примирилъ ссору и заставилъ Святослава уступить Олегу четыре города.

Ростиславъ не могъ успокоить однихъ владѣтелей кривскихъ или полоцкихъ. Глѣбовичи, нарушивъ миръ, нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ князей, Брячислава и Володшу Васильковичей, въ оковы. Рогволодъ Полоцкій, требуя защиты государя кіевскаго, осадилъ Минскъ и, стоявъ тамъ шесть недѣль, освободилъ Васильковичей мирнымъ договоромъ; а послѣ, желая отнять Городокъ у Володаря Глѣбовича, самъ утратилъ Полоцкъ, гдѣ народъ призналъ своимъ владѣтелемъ его племянника двоюроднаго, Всеслава Васильковича. Сынъ великаго князя, Давидъ, господствуя въ Витебскѣ, долженъ былъ вступиться за Всеслава, изгнаннаго мятежнымъ Володаремъ, и снова ввелъ его въ Полоцкъ къ удовольствію народа. Въ сихъ ничтожныхъ, однакожъ, кровопролитныхъ распряхъ литовцы служили кривскимъ владѣтелямъ какъ ихъ подданные.

Давно россіяне, притупляя мечи въ гибельномъ междоусобіи, не имѣли никакой знаменитой рати внѣшней: Андрей, нѣсколько лѣтъ наслаждавшись мирнымъ спокойствіемъ, вспомнилъ, нако-

нецъ, воинскую славу юныхъ лѣтъ своихъ и выступилъ въ поле, соединясь съ дружиною князя муромскаго, Юрія Ярославича. Оскорбленный сосѣдственными болгарами, онъ разбилъ ихъ войско многочисленное, взялъ знамена и прогналъ князя. Возвратясь съ конницею на мѣсто битвы, гдѣ пѣхота владимірская стояла вокругъ греческаго образа Богоматери, привезеннаго изъ Вышегорода, Андрей палъ предъ святою иконою, слезами изъявилъ благодарность небу и, желая сохранить память сей важной побѣды, уставилъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею церковію. Россіяне завладѣли на Камѣ славнымъ болгарскимъ городомъ Бряхимовымъ и нѣсколько другихъ городовъ обратили въ пепелъ.

Въ сіе же лѣто новогородцы одержали побѣду надъ шведами, которые, овладѣвъ тогда Финляндіею, хотѣли завоевать Ладогу и пришли на судахъ къ устью Волхова. Жители сами выжгли загородные домы свои, ждали князя и, подъ начальствомъ храбраго посадника Нѣжаты, оборонялись мужественно, такъ что непріятель отступилъ къ рѣкѣ Вороной или Салмѣ. Въ пятый день приспѣлъ Святославъ съ новогородскимъ посадникомъ Захаріею, напалъ на шведовъ и взялъ множество плѣнниковъ; изъ пятидесяти-пяти судовъ ихъ спаслись только двѣнадцать.

Въ окрестностяхъ Днѣпра половцы не преставали злодѣйствовать и грабить: чтобы унять ихъ, Ростиславъ призвалъ многихъ князей съ дружинами. Казалось, что онъ хотѣлъ, подобно дѣду Мономаху, прославить себя важнымъ предпріятіемъ и надолго смирить варваровъ; но войско союзное пеклося единственно о безопасности судоходства по Днѣпру и, нѣсколько времени стоявъ у Канева, разошлося, когда флотъ купеческій благополучно прибылъ изъ Греціи.—Зато сѣверскій князь и братъ черниговскаго, при наступленіи зимы, отмѣнно жестокой, съ малочисленною дружиною дерзнули углубиться въ степи половецкія; взяли станы двухъ хановъ и возвратились съ добычею, серебромъ и золотомъ.

Ростиславъ, уже престарѣлый, всего болѣе заботился тогда о судьбѣ дѣтей своихъ: несмотря на слабое здоровье, онъ поѣхалъ въ область Новогородскую, чтобы утвердить Святослава на ея престолѣ. Угощенный зятемъ Олегомъ въ Чечерскѣ, великій князь имѣлъ удовольствіе видѣть искреннюю любовь смолянъ, которыхъ послы встрѣтили его верстъ за 300 отъ города. Сынъ Романъ, внуки, епископъ Мануилъ, вмѣстѣ съ народомъ, привѣтствовали добраго старца: вельможи, купцы, по древнему обыкновенію, сносили дары государю. Утомленный путемъ, онъ не могъ ѣхать далѣе Великихъ Лукъ и, призвавъ туда знатнѣйшихъ новогородцевъ, взялъ съ нихъ клятву забыть прежнія неудовольствія на сына его, никогда не искать иного князя, разлучиться съ нимъ

одною смертію. Щедро одаренный ими и Святославомъ, успокоенный ихъ согласіемъ, великій князь возвратился въ Смоленскъ, гдѣ Рогнѣда, дочь Мстислава Великаго, видя изнеможеніе брата, совѣтовала ему остаться, чтобъ быть погребеннымъ въ церкви, имъ сооруженной. „Нѣтъ, — сказалъ Ростиславъ, — я хочу лежать въ кіевской обители св. Ѳеодора, вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ; а ежели Богъ исцѣлитъ меня, то постригуся въ монастырѣ Ѳеодосіевомъ". Онъ скончался на пути, тихимъ голосомъ читая молитву, смотря на икону Спасителя и проливая слезы христіанскаго умиленія.

Сей внукъ Мономаховъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ государей, которые въ своемъ блестящемъ верховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели удовольствія. Онъ не искалъ великаго княженія и, дважды возведенный на престолъ онаго, искренно желалъ отказаться отъ власти. Любя печерскаго игумена Поликарпа, Ростиславъ имѣлъ обыкновеніе всякую субботу и воскресенье великаго поста обѣдать во дворцѣ съ симъ благочестивымъ мужемъ и двѣнадцатью братьями Ѳеодосіевой обители; бесѣдовалъ о добродѣтеляхъ христіанскихъ и часто говорилъ имъ о намѣреніи удалиться отъ суетнаго міра, чтобы краткую, мимотекущую жизнь посвятить небу въ безмолвіи монастырскомъ, особенно послѣ кончины Святослава Ольговича: но разумный игуменъ всегда ему отвѣтствовалъ: „Князь! Небо требуетъ отъ тебя иныхъ подвиговъ; дѣлай правду и блюди землю Русскую". Нѣтъ сомнѣнія, что государь, истинно набожный, скорѣе иного можетъ быть отцомъ народа, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ростиславъ не отличался великими свойствами отца и дѣда, но любилъ миръ, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровію россіянъ.

Сей великій князь былъ другомъ императора Мануила и помогалъ ему, какъ государю единовѣрному, противъ короля венгерскаго Стефана III. Мануилъ тогда же заключилъ союзъ и съ галицкимъ княземъ, Ярославомъ. Узнавъ о намѣреніи послѣдняго выдать дочь свою за Стефана, императоръ писалъ къ нему, что сей король есть извергъ вѣроломства и что супруга такого человѣка, безъ сомнѣнія, будетъ несчастлива. Письмо имѣло дѣйствіе, и хотя Ярославъ уже отправилъ невѣсту въ Венгрію и не могъ отмѣнить брака, однакожъ взялъ сторону грековъ. Стефанъ — кажется, досадую на тестя — развелся съ молодою супругой и женился на дочери австрійскаго герцога. — Несмотря на союзъ съ императоромъ, галицкій князь дружески принялъ врага Мануилова, Андроника Комнина, сына Исаакіева, бѣжавшаго изъ темницы константинопольской, и далъ ему въ удѣлъ нѣсколько городовъ. Андроникъ, какъ пишутъ византійскіе историки, всегда ѣздилъ на охоту съ Ярославомъ, присутствовалъ въ его совѣтѣ

государственномъ, жилъ во дворцѣ; обѣдалъ за столомъ княжескимъ и собиралъ для себя войско. Изъявивъ неудовольствіе Ярославу, Мануилъ прислалъ, наконецъ, въ Галичъ двухъ митрополитовъ, которые уговорили Андроника возвратиться въ Царьградъ: епископъ галицкій, Козьма и бояре Ярославовы съ честію проводили его за границу. Сей изгнанникъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ сана императорскаго: будучи признательнымъ другомъ россіянъ, онъ подражалъ имъ во нравахъ; любилъ звѣриную ловлю, бѣганіе въ запуски и, низверженный съ престола, хотѣлъ вторично ѣхать въ наше отечество, но былъ пойманъ и замученъ въ Константинополѣ.

Ростиславъ, въ 1160 году, призвалъ изъ Греціи новаго митрополита, Θеодора, умершаго чрезъ три года. Великій князь, отдавая, наконецъ, справедливость достоинствамъ изгнаннаго святителя Клемента, желалъ возвратить ему санъ архипастыря нашей церкви и для того послалъ вельможу, Юрія Тусемковича, въ Грецію; но сей бояринъ встрѣтилъ въ Ольшеѣ новаго митрополита, Іоанна, поставленнаго въ Константинополѣ безъ согласія великокняжескаго. Ростиславъ былъ весьма недоволенъ; однакожъ, смягченный дружескимъ письмомъ Мануила и дарами, состоявшими въ бархатахъ и тканяхъ драгоцѣнныхъ, принялъ греческаго святителя съ условіемъ, чтобы впредь императоръ и патріархъ не избирали митрополитовъ Россіи безъ воли ея государей.—Исполняя требованіе честолюбивыхъ новогородцевъ, Іоаннъ позволилъ ихъ епископу, именемъ также Іоанну, мужу добродѣтельному, называться архіепископомъ. Сей митрополитъ, умершій незадолго до кончины великаго князя, славился ученостію и, слыша о желаніи папы Александра III знать особенные догматы нашей церкви, писалъ къ нему ласково, оправдывая уставы Восточной. Письмо его, истинное или подложное, напечатано на языкѣ латинскомъ и достойно пастыря христіанскаго. „Не знаю (говоритъ сочинитель), какимъ образомъ произошли ереси въ вѣрѣ божественной; не понимаю, какъ могутъ римляне именовать насъ лже-христіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру и считаемъ ихъ своими братьями, хотя и видимъ, что они во многомъ заблуждаются“. Предложивъ ученіе обѣихъ церквей и доказавъ согласіе нашего съ апостольскимъ, добрый митрополитъ убѣждалъ папу возстановить древнее единство вѣры; кланяется ему отъ имени всего духовенства и желаетъ, чтобы любовь братская обитала въ сердцахъ христіанъ.

ГЛАВА XVII.

Великій князь Мстиславъ Изяславичъ Кіевскій. Андрей Суздальскій или Владимірскій.

Г. 1167—1169.

Вѣроломство Владиміра. — Изгнаніе Святослава изъ Новагорода. — Война съ половцами. — Рѣчь Мстислава. — Клевета бояръ. — Ненависть Андрея къ Мстиславу. — Взятіе и совершенное паденіе Кіева.

Сыновья Ростислава, братъ его Владиміръ, народъ кіевскій и черные клобуки, исполняя извѣстную имъ послѣднюю волю умершаго великаго князя, звали на престолъ Мстислава Волынскаго. Сей князь, задержанный какими-то особенными распоряженіями въ своемъ частномъ удѣлѣ, поручилъ Кіевъ племяннику, Васильку Ярополковичу, прислалъ новаго тіуна въ Кіевъ и скоро узналъ отъ нихъ, что дядя его, братъ Ярославъ, Ростиславичи и князь Дорогобужскій Владиміръ Андреевичъ, заключивъ тѣсный союзъ, думаютъ самовольно располагать областями: хотятъ присвоить себѣ Брестъ, Торческъ и другіе города. Мстиславъ оскорбился; призвалъ галичанъ, ляховъ и выступилъ къ Днѣпру съ сильною ратью. Усердно любивъ отца, кіевляне любили и сына, знаменитаго дѣлами воинскими; народъ ожидалъ Мстислава съ нетерпѣніемъ, встрѣтилъ съ радостію и князья смирились. Только Владиміръ Мстиславичъ, малодушный и вѣроломный, дерзнулъ обороняться въ Вышегородѣ: великій князь могъ бы наказать мятежника, но, желая тишины, уступилъ ему Котельницу и чрезъ нѣсколько дней свѣдалъ о новыхъ злыхъ умыслахъ сего дяди. Владиміръ хотѣлъ оправдаться. „Еще не обсохли уста твои, которыми ты цѣловалъ крестъ въ знакъ искренняго дружества!“ говорилъ Мстиславъ и требовалъ вторичной присяги отъ Владиміра. Давъ онук, безсовѣстный дядя за тайну объявилъ боярамъ своимъ, что берендѣи готовы служить ему и свергнуть Мстислава съ престола. Вельможи устыдились повиноваться клятвопреступнику. „Итакъ, отроки будутъ моими братьями!“ сказалъ онъ и пріѣхалъ къ берендѣямъ, подобно ему вѣроломнымъ; ибо сіи варвары, бывъ, дѣйствительно, съ нимъ въ согласіи, но видя его оставленнаго и князьями, и боярами, пустили въ грудь ему двѣ стрѣлы. Владиміръ едва могъ спастися бѣгствомъ. Гнушаясь самъ собою, отверженный двоюроднымъ братомъ, княземъ дорогобужскимъ, и боясь справедливой мести племянника, сей несчастный обратился къ Андрею Суздальскому, который принялъ его, но не хотѣлъ видѣть; обѣщалъ ему удѣлъ и велѣлъ жить въ обла-

сти Глѣба Рязанскаго. Мать Владимірова оставалась въ Кіевѣ: Мстиславъ сказалъ ей: „Ты свободна: иди, куда хочешь; но могу ли быть съ тобою въ одномъ мѣстѣ, когда сынъ твой ищетъ головы моей и смѣется надъ святостію крестныхъ обѣтовъ?"

Андрей тогда же принялъ къ себѣ и другого изгнанника, Святослава Ростиславича. Новогородцы, думая, что смерть отца Святославова разрѣшила ихъ клятву, въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ умыслили изгнать своего князя. Свѣдавъ заговоръ, Святославъ уѣхалъ въ Великія Луки и велѣлъ объявить новогородцамъ, что не хочетъ княжить у нихъ. „А мы не хотимъ имѣть тебя княземъ", отвѣтствовали граждане, клялися въ томъ иконою Богоматери и выгнали его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ въ Суздальскую область и съ помощію Андрея, обративъ въ пепелъ Торжекъ, грабилъ окрестности. Съ другой стороны князь смоленскій, отмщая за брата, выжегъ Луки. Бѣдные жители стремились толпами въ Новгородъ, требуя защиты. Могущественный Андрей, дѣйствуя согласно съ Романомъ Смоленскимъ и Всеславомъ Полоцкимъ, хотѣлъ, чтобы новогородцы смирились передъ Святославомъ. „Вамъ не будетъ иного князя", говорилъ онъ съ угрозами. Но упрямый народъ презиралъ оныя; убилъ посадника и двухъ иныхъ друзей Святославовыхъ; готовился къ оборонѣ и просилъ сына у великаго князя Мстислава, обѣщаясь умереть за него и за вольность. Едва послы новогородскіе могли проѣхать въ Кіевъ: ибо на всѣхъ дорогахъ стерегли ихъ и ловили какъ злодѣевъ. Между тѣмъ въ Новѣгородѣ начальствовалъ умный посадникъ Якунъ и заставилъ Святослава удалиться отъ Руси: сей князь, имѣвъ сильное войско союзное, не дерзнулъ вступить въ битву, довольный разореніемъ многихъ селеній, и черезъ два года умеръ, хвалимый въ лѣтописяхъ за его добродѣтель, безкорыстіе и любовь къ дружинѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ Новгородъ сиротствовалъ безъ князя, съ нетерпѣніемъ ожидая его изъ Кіева. Въ сіе время Мстиславъ былъ занятъ воинскимъ предпріятіемъ. Въ торжественномъ собраніи всѣхъ князей союзныхъ онъ сказалъ имъ: „Земля русская, наше отечество, стенаетъ отъ половцевъ, которые не перемѣнили донынѣ ихъ древняго обычая: всегда клянутся быть намъ друзьями, берутъ дары, но плѣняютъ христіанъ и множество невольниковъ отводятъ въ свои вежи. Нѣтъ безопасности для купеческихъ судовъ нашихъ, ходящихъ по Днѣпру съ богатымъ грузомъ. Варвары думаютъ совершенно овладѣть торговымъ путемъ греческимъ. Время прибѣгнуть къ средствамъ дѣйствительнымъ и сильнымъ. Друзья и братья! оставимъ междоусобіе; воззримъ на небо, обнажимъ мечъ и, призвавъ имя Божіе, ударимъ на враговъ. Славно, братья, искать чести въ полѣ и слѣдовъ, проложенныхъ

тамъ нашими отцами и дѣдами!“ Всѣ единодушно изъявили согласіе умереть за Русскую землю и каждый привелъ свою дружину: Святославъ Черниговскій, Олегъ Сѣверскій, Ростиславичи, Глѣбъ Переяславскій, Михаилъ, братъ его, князья туровскіе и волынскіе; бояре радовались согласію государей и народъ благословлялъ ихъ ревность быть защитниками отечества. Девять дней шло войско степями; половцы услышали и бѣжали отъ Днѣпра, бросая женъ и дѣтей. Князья, оставивъ назади обозъ, гнались за ними, разбили ихъ, взяли многія вежи на берегахъ Орели, освободили россійскихъ невольниковъ и возвратились съ добычею, съ табунами и плѣнниками, потерявъ не болѣе трехъ человѣкъ. Сію добычу, слѣдуя древнему обыкновенію, раздѣлили между собою князья, бояре и воины. Народъ веселился и торжествовалъ побѣду въ день Пасхи. Скоро, къ общему удовольствію, прибылъ благополучно и богатый купеческій флотъ изъ Греціи: князья ходили съ войскомъ навстрѣчу къ оному, чтобы защитить купцовъ отъ нападенія половцевъ, еще не совсѣмъ усмиренныхъ.

Ни Мстиславъ, пируя тогда съ союзниками подъ Каневымъ, ни кіевляне, радуясь побѣдѣ и товарамъ греческимъ, не предвидѣли близкаго несчастія. Одна изъ причинъ онаго была весьма маловажна: князья жаловались на Мстислава, что онъ, будучи съ ними на берегахъ Орели, тайно посылалъ ночью дружину свою вслѣдъ за бѣгущими врагами, чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ добычею. Два боярина, удаленные великимъ княземъ отъ двора за гнусное воровство, стараясь также поссорить братьевъ, увѣряли Давида и Рюрика, что Мстиславъ намѣренъ ихъ заключить въ темницу. Легковѣріе свойственно нравамъ грубымъ. Бояре кіевскіе, знавшіе чистосердечіе государя своего, и собственная его присяга, по тогдашнему его обычаю, доказали неосновательность злословія; но Ростиславичи остались въ подозрѣніи и не согласились выдать клеветниковъ брату, говоря: „кто жъ захочетъ впредь остерегать насъ?“ Въ то же время дядя Мстислава, Владиміръ Андреевичъ, несправедливо требуя отъ него новыхъ городовъ, сдѣлался ему врагомъ и съ негодованіемъ уѣхалъ въ Дорогобужъ. Такимъ образомъ великій князь лишился друзей и сподвижниковъ, столь нужныхъ въ опасности.

Но главною виною паденія его было то, что онъ исполнилъ желаніе новогородцевъ и, долго медливъ, послалъ наконецъ сына, именемъ Романа, управлять ими. Сей юный князь взялся быть ихъ мстителемъ; разорилъ часть Полоцкой области, сжегъ смоленскій городокъ Торопецъ, плѣнилъ многихъ людей. Андрей Суздальскій вступился за союзниковъ и не могъ простить Мстиславу, что онъ, какъ бы въ досаду ему, объявилъ себя покровителемъ новогородцевъ. Можетъ быть, Андрей съ тайнымъ удо-

вольствіемъ видѣлъ случай уничтожить первенство Кіева и сдѣлаться главою князей россійскихъ: по крайней мѣрѣ, оставивъ на-время въ покоѣ Новгородъ, онъ думалъ только о средствахъ низвергнуть Мстислава, издавна имъ нелюбимаго, тайно согласился съ Ростиславичами, съ Владиміромъ Дорогобужскимъ, Олегомъ Сѣверскимъ, Глѣбомъ Переяславскимъ и съ полоцкимъ княземъ; взявъ дружину у владѣтелей рязанскаго и муромскаго, ему покорныхъ, собралъ многочисленную рать; поручилъ ее сыну Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу; велѣлъ имъ идти къ Вышегороду, гдѣ княжилъ тогда Давидъ Ростиславичъ и гдѣ надлежало соединиться всѣмъ союзникамъ. Сіе грозное ополченіе одиннадцати князей (въ числѣ коихъ былъ и юный Всеволодъ Георгіевичъ, пріѣхавшій изъ Царяграда) шло съ разныхъ сторонъ къ Днѣпру; а неосторожный Мстиславъ ничего не вѣдалъ и въ то же время послалъ вѣрнаго ему Михаила Георгіевича, Андреева брата, съ отрядомъ черныхъ клобуковъ къ Новугороду; Ростиславичи схватили сего князя на пути вмѣстѣ съ купцами новогородскими. Мстиславъ едва успѣлъ призвать берендѣевъ и торковъ, когда непріятели стояли уже подъ стѣнами города; два дня оборонялся мужественно, въ третій союзники взяли Кіевъ приступомъ, чего не бывало дотолѣ. Сія, по слову древняго Олега, мать городовъ россійскихъ, нѣсколько разъ осаждаемая и тѣснимая, отворяла иногда Златыя врата свои непріятелямъ; но никто не входилъ въ нихъ силою. Побѣдители, къ стыду своему, забыли, что они россіяне: въ теченіе трехъ дней грабили не только жителей и домы, но и монастыри, церкви, богатый храмъ Софійскій и Десятинный; похитили иконы, драгоцѣнныя ризы, книги, самые колокола, и добродушный лѣтописецъ, желая извинить грабителей, сказываетъ намъ, что кіевляне были тѣмъ наказаны за грѣхи ихъ и за нѣкоторыя ложныя церковныя ученія тогдашняго митрополита Константина!... Мстиславъ ушелъ съ братомъ Ярославомъ въ Волынію, оставивъ жену, сына, бояръ плѣнниками въ рукахъ непріятельскихъ, и едва не былъ на пути застрѣленъ измѣнниками, черными клобуками.

Андрей отдалъ Кіевъ брату своему Глѣбу; но сей городъ навсегда утратилъ право называться столицею отечества. Глѣбъ и преемники его уже зависѣли отъ Андрея, который съ того времени сдѣлался истиннымъ великимъ княземъ Россіи; и такимъ образомъ городъ Владиміръ, новый и еще бѣдный въ сравненіи съ древнею столицею, заступилъ ея мѣсто, обязанный своею знаменитостію нелюбви Андреевой къ южной Россіи.

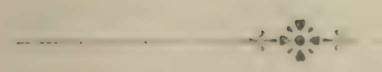
КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Изданіе А. А. ПЕТРОВИЧА.

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ
Н. М. Карамзина.

ТОМЪ III.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дозволено цензурою. Москва, 16 февраля 1903 г.

ГЛАВА I.

Великій князь Андрей.

Г. 1169—1174.

Области Андрея.—Набѣги половцевъ.—Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.—Кончина сего князя.—Война Андреева съ Новымгородомъ.—Миръ.—Набѣгъ половцевъ.—Кончина Глѣба.—Смерть вѣроломнаго Владиміра.—Кіевъ отданъ смоленскому князю.—Сайгатъ или трофеи половецкіе.—Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.—Война съ болгарами.—Ссора Андрея съ Ростиславичами.—Происшествія въ Галичѣ.—Свойство Мстислава Храбраго.—Осада Вышегорода.—Коварство черниговскаго князя.—Убіеніе Андрея.—Мятежъ въ землѣ Суздальской.—Ненависть къ Андрею.—Свойства его.—Первая ересь.—Злодѣй епископъ.—Населеніе Вятки.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ нынѣшнихъ губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; отчасти въ Новгородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагалъ областью Кіевскою; повелѣвалъ князьями рязанскими, муромскими, смоленскими, кривскими, даже волынскими, но черниговскіе и галицкій оставались независимы; Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичъ, утвердивъ дядю на престолѣ кіевскомъ, спѣшилъ поздравить отца съ симъ важнымъ завоеваніемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую. Изъявляя миролюбіе, послы ихъ говорили: „Мы не хотимъ страшить васъ; не хотимъ и васъ страшиться. Присягнемъ же другъ другу въ любви и согласіи!“ Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ, въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но берендѣи не пустили

его. „Государь кіевскій (сказали они) не выходитъ въ поле безъ сильной рати и безъ союзниковъ. У тебя есть меньшій братъ и мы, вѣрные слуги". Князь Михаилъ Георгіевичъ, взявъ 100 переяславцевъ и 1,500 берендѣевъ, настигъ половцевъ; умертвилъ ихъ стражу и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михаилова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. „Враги (по словамъ лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе русское было десять половецкихъ". Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода княжескій, наткнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1,500 плѣнныхъ, освободивъ великое число русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичъ, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвременьемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцомъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея князя, Владиміра Андреевича, ему измѣнившаго. Владиміръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непріятелю и знаменитый пѣстунъ княжескій, бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчастный Владиміръ умеръ, и разоренная область его досталась Владиміру Мстиславичу, столь извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный стыдомъ и презрѣніемъ, отверженный князьями и народомъ, долго странствовалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ половецкихъ: наконецъ прибѣгнулъ къ великодушію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ прощеніе и съ его согласія выѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей книгинѣ и тамошнимъ боярамъ не касаться ихъ имѣнія. На другой же день онъ преступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что могъ и выгналъ горестную невѣстку, которая, взявъ тѣло супруга, повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами князей городненскихъ, туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ игумена Поликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣшилъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вы-

шегородѣ. Къ нему привезли тѣло дорогобужскаго князя, оставленное боярами, которые не смѣли явиться въ Кіевъ, гдѣ они недавно злодѣйствовали вмѣстѣ съ суздальцами. Игуменъ лавры, Поликарпъ, требовалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней княжескихъ и держать знамя надъ онымъ. „Мертвымъ нѣтъ нужды ни въ чести, ни въ знаменахъ",—отвѣтствовалъ князь:—„непріятель идетъ; моя дружина готовится къ битвѣ: даю тебѣ только игуменовъ и священниковъ". Зная, что Мстиславъ уже близко и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ туда горестной супруги Владиміровой для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія вошелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые—искренво, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а берендѣи и торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля и слыша, что Глѣбъ идетъ съ половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился во Волынію съ горестью, однакожъ не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ, дѣйствительно, не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичъ, разбитый половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ удѣловъ и преставился въ Владимірѣ съ именемъ властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Россія сѣверная въ то же время была театромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу государства, думалъ смирить новгородцевъ и тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ суздальскій и взяли дань съ Андреевой области. Тогда великій князь рѣшился однимъ ударомъ сра-

зить ихъ гордыню. Князья смоленскій, рязанскій, муромскій, полоцкій вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не пылала воинскимъ славолюбіемъ: онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливого, по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. Правда (говорили они), что Ярославъ Великій, желая изъявить новгородцамъ вѣчную благодарность за ихъ усердіе, даровалъ имъ свободу избирать себѣ князей изъ его достойнѣйшихъ потомковъ; но сей князь безсмертный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребленія свободы? предвидѣлъ ли, что народъ, упоенный самовластіемъ, будетъ ругаться надъ священнымъ саномъ государей, внуковъ и правнуковъ своего незабвеннаго благотворителя; будетъ давать клятву съ намѣреніемъ преступить оную; будетъ заключать князей въ темницу, изгонять ихъ съ безчестіемъ? Злоупотребленіе уничтожаетъ право, и великій князь Андрей былъ избранъ небомъ для наказанія вѣроломныхъ. Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству князей россійскихъ, уничижаемыхъ тогда новгородцами, другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и новогородской независимости: шло то же войско; тотъ же Мстиславъ велъ оное. Но кіевляне, пріученные мѣнять государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь князя; а новогородцы—за права собственныя, за уставы отцовъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего великій князь вступался, Мстиславъ Андреевичъ въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь новогородцевъ. Юный князь ихъ, Романъ Мстиславичъ, и посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты: укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на трехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ и трупы, обступили Новгородъ, требуя, чтобы мятежники сдались. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для переговоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началась битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опусто-

шеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи и бились съ остервенѣніемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: игумены и іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: Господи помилуй! Стрѣлы сыпались градомъ; разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицомъ къ городу; что слезы капали съ образа на фелонь архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду и, приписавъ оную чудесному заступленію Маріи, установили ежегодно торжествовать ей 27 ноября праздникъ благодарности. Чувство живой вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, т.-е. вселить въ сердца мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ небо, дѣлаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что за гривну отдавали десять суздальцевъ (какъ сказано въ новгородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ, опустошенныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ великій постъ, ѣли мясо коней своихъ.

Казалось, что новогородцы, столь озлобленные Боголюбскимъ, долженствовали навѣки остаться его врагами, но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнавъ князя своего, Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока трехъ копѣекъ нынѣшними серебряными деньгами. Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, на всей волѣ своей, т.-е. не уступая правъ новгородскихъ: великій князь принялъ оный съ тѣмъ условіемъ, чтобы вмѣсто умершаго Святослава княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростисла-

вичъ, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны и, единственно въ угодность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей удѣлъ Волынскій брату Давиду.

Сѣверныя области успокоились; въ южныхъ снова свирѣпствовали половцы, которые на сей разъ пришли изъ-за рѣки Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отягченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ, съ торками и берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ князю совѣтъ умертвить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 россіянъ, сыновья Георгія возвратились оплакать кончину Глѣба, благонравнаго (по сказанію лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или, въ самомъ дѣлѣ, зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа и былъ возведенъ племянниками на кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, который хотя унизилъ сію столицу, однакожъ думалъ, что князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ самодержцевъ. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему послушными, какъ второму отцу, имѣютъ право ждать отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію великаго князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, ханами половецкими. Юный

Игорь самъ вручилъ ему сайгатъ, или трофеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день святыхъ Бориса и Глѣба.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ недолго былъ тамъ княземъ: выгнавъ посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность великому князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а великій князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другого посадника.

Въ то время Андрей имѣлъ опять войну съ болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди отбывали отъ зимняго похода, труднаго въ мѣстахъ большею частью ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ метели. Главный воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичъ, взявъ шесть болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умертвивъ жителей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ князьямъ идти назадъ. 6,000 болгаровъ гнались за ними и едва не настигли Мстислава близъ границы, верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Сей князь, возвратясь въ столицу, кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренностью отца въ дѣлахъ ратныхъ, онъ, безъ сомнѣнія, отличался мужествомъ.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія. Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный отказаться отъ Новагорода, винилъ въ томъ не одну строптивость его жителей, но и хитрость великаго князя, столь охотно взявшаго на себя быть ихъ главою. Вѣроятно, что и великій князь, извѣдавъ гордость Ростиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизить оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ними не продолжилось. Вѣря, искренно или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ, что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ вельможа Григорій Хотовичъ, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни. Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ, а гнѣвный Андрей, велѣвъ

Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ жаловались на сію несправедливость, и видя, что великій князь презираетъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Ярополкомъ, осадили Михаила въ Торческѣ и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный князь Галицкій, Владиміръ Ярославичъ, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе бояре галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ княжескихъ, сожгли Анастасію, заточили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить волынскіе города, Бужскъ и другіе; но князь галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую. Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему, дядѣ Михаилу; а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (тестю Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ князя галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ.

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобію Мономахова потомства. „Неужели не вступиться за честь свою!“—говорили ихъ послы великому князю:—„враги твои суть наши, мы всѣ готовы къ войнѣ“. Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ княжескаго мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: „Вы мятежники. Область Кіевская есть мое достояніе. Да удалится Рюрикъ въ Смоленскъ къ брату, а Давидъ—въ Берладъ: не хочу терпѣть его въ землѣ

Русской, ни Мстислава, главнаго виновника злу". Сей послѣдній, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго. Въ пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду послу Андрееву. „Теперь иди къ своему князю,— сказалъ Мстиславъ,—повтори ему слова мои: доселѣ мы уважали тебя какъ отца, но когда ты не устыдился говорить съ нами, какъ съ твоими подручниками и людьми простыми, забывъ нашъ княжескій санъ, то не страшимся угрозъ; исполни оныя: идемъ на судъ Божій". Свѣдавъ безчестіе своего посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію лѣтописца, омрачился гнѣвомъ и, собравъ 50,000 воиновъ, суздальскихъ, бѣлозерскихъ, новогородскихъ, муромскихъ, рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ Владиміръ. Рать столь многочисленная была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ князей, подчиненныхъ Андрею: кривскихъ или полоцкихъ, туровскаго, городненскаго, пинскаго, даже и смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться великаго князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области и старшій изъ князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился оттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичъ требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимірковича. Взявъ съ собою еще множество кіевлянъ, берендѣевъ, торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ герой, а въ станѣ осаждающимъ недоставало ни усердія, ни согласія. Одни князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святослава; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 сентября до самой глубокой осени: бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславовичъ Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, всту-

пилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и, наконецъ, всеобщаго бѣгства. Не слушая ни воеводъ, ни князей, малодушные вопили: „Мы гибнемъ! Ярославъ измѣнилъ, берендѣи измѣнятъ, галичане идутъ; будемъ окружены, побиты на-голову!“ и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на стѣнѣ: при свѣтѣ утренней зари, видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ—поднялъ руки къ небу; восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; топилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы—и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ князей россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады и снесъ уничиженіе съ кротостью христіанина, приписывая оное, можетъ быть—равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода—гнѣву Божію на суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей кіевскихъ въ 1169 году. Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ. Сей князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать удѣла отъ Ярослава, говоря: „Ты обѣщалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ область, когда сядешь на престолѣ Святаго Владиміра; нынѣ, сидя на ономъ—право ли, криво ли, не знаю,—исполни обѣщаніе. У насъ одни предки: я не ляхъ, не угринъ“. Ярославъ сухо отвѣствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей и что родъ ихъ долженъ искать удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, бояръ и, ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто

захочетъ быть ихъ княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призвали Святослава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже поповъ, монаховъ, иноземныхъ купцовъ, католиковъ. „Мнѣ надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына",— говорилъ озлобленный князь и, наказавъ кіевлянъ, виновныхъ единственно своей къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостью. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ князей, достойнаго быть ихъ главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы великій князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, нелюбимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Великій князь, женатый, по извѣстію новѣйшихъ лѣтописцевъ, на дочери убіеннаго боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить князя, ожесточеннаго старостью; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ княземъ; многіе пользовались его довѣренностью: зять Іоакимовъ, вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), ключникъ Анбалъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичъ. Въ глубокую полночь они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ княжескомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, въ горницы и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его отроковъ. Услышавъ голосъ великаго князя, злодѣи отбили дверь ложницы или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, тайно унесеннаго ключникомъ Анбаломъ: сей мечъ принадлежалъ нѣкогда святому Борису. Два человѣка бросились на государя· сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: „За что проливаете кровь

мою? Рука Всевышняго казнитъ убійцъ и неблагодарныхъ!..“ наконецъ упалъ на землю. Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко стеная. Убійцы возвратились; зажгли свѣчу и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столпа лѣстницы, за коимъ сидѣлъ несчастный князь. Петръ отрубилъ ему правую руку, другіе вонзили мечи въ сердце. Андрей успѣлъ сказать: „Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!“ и скончался.

Умертвивъ еще перваго любимца княжескаго, Прокопія, заговорщики овладѣли казною государственною, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ дворянъ, пріятелей, слугъ послали объявить владимірской дружинѣ или тамошнимъ боярамъ о смерти великаго князя, называя ихъ своими единомышленниками. „Нѣтъ,—отвѣтствовали владимірцы,—мы не были и не будемъ участниками вашего дѣла“. Но граждане боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: „Мы готовимъ его на съѣденіе псамъ“. „Извергъ!—сказалъ сей добродушный слуга,—государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова“. Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ клирошане долго не хотѣли отпереть дверей: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Чрезъ шесть дней владимірскій игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владиміръ и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери.

Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ бы обрадованный убіеніемъ государя, вездѣ грабилъ домы посадниковъ и тіуновъ, отроковъ и мечниковъ княжескихъ; умертвилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неистовству, такъ что духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло, наконецъ, къ священнымъ обрядамъ: игумены, іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы Онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Однимъ словомъ, казалось, что государство освободилось отъ тирана; Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ: щедръ не только для духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темни-

цамъ медъ и брашна стола княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: вы не разсудили (говорятъ они современникамъ), что царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ, тамъ и многія обиды. Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худого исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: столь нужно вѣдать государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть и дерзнули на злодѣяніе.

Впрочемъ, Боголюбскій, мужественный, трезвый и прозванный за его умъ вторымъ Соломономъ, былъ, конечно, однимъ изъ мудрѣйшихъ князей россійскихъ въ разсужденіи политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному единовластію и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ донскихъ хищниковъ и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ, облагодѣтельствованныхъ природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но ослѣпленный пристрастіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ новое сильное государство, нежели возстановить могущество древняго на югѣ.

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ болгаровъ и евреевъ въ христіанскую вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану духовныхъ. Подражая святому князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую епископскую соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами; отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и княжескихъ стадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для россіянъ и купцовъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десятинномъ храмѣ стоялъ палладіумъ великаго княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ, въ 1164 году, болгаровъ. Не менѣе славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью; такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на дворѣ Ярослава —

въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправилъ туда зодчихъ, строившихъ владимірскія Златыя врата, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣта. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей великій князь думалъ учредить митрополію въ Владимірѣ, но что патріархъ цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить кіевскаго митрополита единственнымъ въ Россіи.

Со временъ Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ россійской благословенной церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ епископовъ о посвященіи митрополита Климента: при великомъ же князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ христіанъ. Ростовскій епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе господскіе праздники, буде они случатся въ среду или пятницу, не должно ѣсть мяса. Новый епископъ суздальскій Ѳеодоръ, въ присутствіи великаго князя, опровергалъ Леона, который рѣшился искать суда въ Греціи. Послы кіевскій, Андреевъ, переяславскій и черниговскій отправились вслѣдъ за нимъ и въ ставкѣ императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ святитель болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ противорѣчилъ, и столь дерзко, что вельможи греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ россійскій и черниговскій епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что князь Святославъ Всеволодовичъ изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное преніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ ростовскомъ епископѣ. Великій князь, признавъ монаха Ѳеодора достойнымъ святительскаго сана, посылалъ его ставиться въ Кіевъ, но Ѳеодоръ, уже принявъ на себя званіе епископа, не хотѣлъ ѣхать къ митрополиту. Сего мало: будучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ людей въ подвластныхъ епископу селахъ, иноковъ, игуменовъ, священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ, наконецъ, запереть всѣ церкви въ Владимірѣ и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій князь, низвергнувъ Ѳеодора, предалъ его на судъ митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку

и выколоть глаза: „ибо сей еретикъ (прибавляетъ лѣтописцы) злословилъ Богоматерь!“ Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостью нравовъ.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе хлыновскаго лѣтописца о первомъ населеніи Вятки россіянами. Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новогородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества и, Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами природы, многіе изъ сихъ выходцевъ отправились вверхъ до устья Осы; обратились къ западу; дошли до Чепцы и, плывя ею внизъ, покорили бѣдныя жилища вотяковъ; наконецъ вошли на рѣку Вятку и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться; нѣсколько дней говѣли, молились и, призвавъ въ помощь святыхъ защитниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, іюля 24, взяли городъ. Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось Болванскимъ (вѣроятно, отъ капища, тамъ бывшаго); завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ, оставленные на Камѣ товарищи—можетъ быть, опасаясь сосѣдственныхъ болгаровъ—рѣшились также искать другого жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣкою вверхъ до черемисскаго города Кокшарова (нынѣ Котельнича) и завладѣли онымъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его Хлыновымъ и, съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ двинскихъ жителей, составили маленькую республику, особенную: независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осьми лѣтъ, наблюдая обычаи новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и духовенству. Первобытные обитатели земли вятской, чудь, вотяки, черемисы хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ св. Георгія носили въ Вятку желѣзныя стрѣлы, кои были оружіемъ чуди или вотяковъ, и напоминали побѣду россіянъ. Новогородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

Великій князь Михаилъ II.

Г. 1174—1176.

Вѣче въ Владимірѣ.—Добродушіе Михаила.—Гордость ростовцевъ.—Корыстолюбіе бояръ.—Торжество Михаила.—Кончина и свойства сего князя.—Междоусобіе въ южной Россіи.

Скоро по кончинѣ великаго князя съѣхались ростовцы, суздальцы, переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на вѣче, слѣдуя примѣру новогородцевъ, кіевлянъ и другихъ россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ. „Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ мы лишились князя“,— говорили бояре на вѣчѣ: — „онъ не оставилъ дѣтей кромѣ сына, княжащаго въ Новѣгородѣ. Братья Андреевы въ южной Россіи. Кого же изберемъ въ государи? кто защититъ насъ отъ сосѣдственныхъ князей, рязанскаго и муромскаго, да не будемъ жертвою ихъ коварства или силы? Обратимся къ зятю Ростислава Георгіевича, Глѣбу Рязанскому; скажемъ ему: Богъ взялъ нашего князя: зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ нами и пользовался любовію народною“. Сія мысль была внушена боярамъ послами рязанскими: граждане одобрили оную; утвердили выборъ крестнымъ цѣлованіемъ и, согласясь съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Черниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи, племянники Андреевы. Обрадованные честію такого избранія, но желая быть великодушными, сіи два князя предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господствовать вмѣстѣ съ ними; признали Михаила старшимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза и цѣловали крестъ изъ рукъ епископа черниговскаго, обрядъ безполезный! Ярополкъ, по совѣту ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ Переяславль Залѣскій, собралъ бояръ, воиновъ и взялъ съ нихъ клятву вѣрности. Ростовцы призвали туда и 1,150 владимірцевъ, но сограждане сихъ послѣднихъ, которые оставались дома, отворили ворота Михаилу и съ радостію назвали его княземъ своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хотѣлъ отдать суздальское княженіе ему и Всеволоду. Началось междоусобіе, Ярополкъ осадилъ Владиміръ; союзники его муромцы, рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граж-

дане крѣпко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаилъ не думалъ укорять ихъ. „Вы правы“, — сказалъ онъ:— „могу ли желать вашей погибели?“ и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего достойнаго князя съ искренными слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли

МИХАИЛЪ I. ЮРЬЕВИЧЪ.
Вел. Кн. Россійскій.

ихъ въ своей покорности, но боялись злобы ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить. Города считались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ пригородомъ, его жителей своими каменьщиками, слугами, недостойными имѣть князя, и хотѣли дать имъ посадника. Владимірцы, напротивъ того, утверждали, что ихъ городъ,

основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость. Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ княземъ владимирскимъ, а Мстиславъ ростовскимъ и суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожъ ненадолго.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣлались посадниками; отягощали гражданъ судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли отъ бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю: а бояре, наживаясь сами, совѣтовали и князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего, взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото и дерзнулъ, наконецъ, самую побѣдоносную вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязанскому. Общее негодованіе обнаружилось. „Мы не рабы“ (говорили владимірцы) „и приняли князей добровольно, они же грабятъ насъ какъ иноплеменныхъ, опустошая не только дома, но и святые храмы. Итакъ, промышляйте, братья!“ Слово важное: оно значило, что надобно князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ бояре держатъ сторону слабыхъ государей; видя, что ростовцы и суздальцы нечувствительны къ народнымъ обидамъ или терпѣливы до излишества, граждане владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. „Ты внукъ Мономаховъ и старшій изъ князей его рода“, — говорили ему послы: — „иди на престолъ Боголюбскаго; а ежели Ростовъ и Суздаль не захотятъ тебя, мы на все готовы и съ Божіею помощію никому не уступимъ“. Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ князя черниговскаго былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные владимирцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода); тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ и написалъ къ брату Мстиславу Суздальскому: „Михалко боленъ; его несутъ на носилкахъ; спѣши отразить малочисленныхъ непріятелей отъ Владиміра; я плѣню ихъ задній отрядъ“. Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изготовилась къ сраженію; стрѣлки съ обѣихъ сторонъ начали битву; но суздальцы, изумленные стройнымъ ополченіемъ непріятелей, вдругъ обратили

тылъ, бросивъ хоругвь княжескую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особеннымъ знакомъ и что сіе обстоятельство спасло многихъ суздальцевъ; ибо побѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ—въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ.

Скоро послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: „Государь! мы твои душею и сердцемъ. Одни бояре, преданные Мстиславу, были тебѣ врагами. Повелѣвай нами какъ отецъ добродушный!“ Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдовалъ великое княженіе Андреево; объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами суздальцевъ и ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владиміръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переславлѣ Залѣскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями святынею храмовъ владимірскихъ. Михаилъ шелъ наказать его; но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислалъ вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ великаго князя. Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимірской; Михаилъ возвратилъ ей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столичнымъ и князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ и говорили, что Богъ, унизивъ гордость древняго Ростова, прославилъ новый Владиміръ, ознаменовавъ его жителей мудростію въ свѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки боярамъ, даже вопреки народу суздальскому и ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской. Къ несчастію, сей государь властвовалъ только одинъ годъ и скончался, оставивъ въ лѣтописи память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ

убійцъ Андреевыхъ: но современные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ болѣе достоинъ хвалы, ежели, дѣйствительно, наказалъ злодѣевъ.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ и самъ, осажденный Святополкомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичъ не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ кіевлянами и съ черными клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ и скоро, обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Давида. „Я ничего не требую, кромѣ справедливости“, — говорилъ онъ Роману: — „братъ твой, помогая Олегу, жегъ города мои. Согласно съ древнимъ уставомъ бояринъ въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а князь — удѣломъ. Изгони же безпокойнаго Давида изъ областей Днѣпровскихъ“. Не получивъ удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ и предалъ сей городъ тестю. Узнавъ еще измѣну берендѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя князь черниговскій, болѣе властолюбивый нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перетопилъ часть своего войска въ Днѣпрѣ, однакожъ Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. „Господствуй въ ней“, — сказали они, — „но съ согласія нашего: не насиліемъ и не обманомъ; мы не хотимъ тѣшить иноплеменныхъ варваровъ междоусобіемъ“. Романъ возвратился въ Смоленскъ.

ГЛАВА III.

Великій князь Всеволодъ III Георгіевичъ.

Г. 1176 — 1212.

Вѣроломство ростовцевъ.—Война съ княземъ Рязанскимъ.—Ослѣпленіе двухъ князей.—Славолюбіе Мстислава и кончина его. — Раздоръ великаго князя съ черниговскимъ.—Вѣроломство Святослава.—Упреки Всеволоду. — Великодушіе Мономахова потомства.—Осада Торжка.—Политика новогородцевъ.—Браки.—Война съ болгарами.—Народъ литовскій.—Война съ половцами.—Огнестрѣльное оружіе.— Бѣдствіе Игоря. — Мужество Владиміра. — Герой Всеволодъ.—Торки и берендѣи.—Междоусобіе въ Рязани. — Добродѣтели Ярослава Галицкаго.—Слабости и бѣдствіе князя Владиміра.—Властолюбіе Романа. — Вѣроломство короля венгерскаго. — Благородство сына Берладникова.—Князь Владиміръ въ Германіи.—Изгнаніе венгровъ изъ Галича.—Браки.—Временная независимость Кіева.—Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.—Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. — Ссора съ варягами. — Воинскіе подвиги.— Бѣдствіе чуди.—Нѣмцы въ Ливоніи.—Серебро сибирское.—Кончина и характеръ Святослава. — Княжна Евфимія за греческимъ царевичемъ.—Пиры въ Кіевѣ.—Миролюбіе духовенства.—Гнѣвъ Романа.—Битва въ Польшѣ.—Мятежный духъ Ольговичей.—Неблагодарность Романова.—Политика Всеволодова.—Строгость и великодушіе Давида. — Война съ половцами. — Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ.—Слава и тиранство Романа.—Опустошеніе Кіева.—Постриженіе Рюрика.—Посольство папы къ Роману.—Отвѣтъ Романовъ. — Характеръ сего князя.—Рюрикъ снова на престолѣ.—Происшествіе въ Галичѣ.—Константинъ въ Новгородѣ.—Князья сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.— Бѣгство Романова семейства.—Коварство Всеволода Чермнаго.—Бѣдствіе рязанскихъ князей.—Хитрость Всеволода.—Жестокость великаго князя.—Смѣлость Мстислава.—Миръ съ Ольговичами.—Мятежи въ Галичѣ.—Неповиновеніе Константина.—Кончина и характеръ Всеволода Великаго.—Мудрость великой княгини.—Постриги.—Князь россійскій въ Грузіи.—Разныя бѣдствія. — Взятіе Царяграда.—Нѣмцы въ Ливоніи.—Основаніе Риги.—Орденъ Меченосцевъ.—Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя тѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ удѣлъ меньшимъ сыновьямъ. Но бояре и ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, бояръ, гридней, такъ называемыхъ пасынковъ или отроковъ боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру. Жители сего города пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. „За тебя ростовцы и бояре, — говорилъ онъ Мстиславу:—за меня Богъ и владимірцы. Будь княземъ первыхъ; а суздальцы да повинуются изъ насъ кому хотятъ“. Но

вельможи ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: „мирися одинъ, если тебѣ угодно, мы оружіемъ управимся съ чернію владимірскою“. Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину переяславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно отвѣтствовали: „Государь! ты желалъ добра Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ головы твоей и, не давъ еще исполниться девяти днямъ по кончинѣ Михаиловой, жаждетъ кровопролитія. Иди же на него съ Богомъ! Если будемъ побѣждены, то пусть возьмутъ ростовцы женъ и дѣтей нашихъ!“ Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ на непріятеля, разсѣялъ его и съ торжествомъ возвратился въ столицу. Дружина княжеская и владимірцы вели связанныхъ вельможъ ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скота, взятаго въ селахъ боярскихъ; Суздаль, Ростовъ покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вторично княземъ новогородскимъ. „Нѣтъ! — сказали ему жители: — ты ударилъ пятою Новгородъ: иди же отъ насъ вмѣстѣ съ сыномъ!“ Они искали дружбы побѣдителя и требовали себѣ князя отъ Всеволода, который отправилъ къ нимъ племянника своего Ярослава. Мстиславъ уѣхалъ къ зятю, Глѣбу Рязанскому, склонивъ его къ несчастной войнѣ, бѣдственной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичъ, князь южнаго Переяславля, и сыновья Святослава Черниговскаго. Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ отцомъ и властителемъ; однакожъ не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, великій князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, нанявъ половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія боярскія, плаваетъ въ крови беззащитныхъ, отдаетъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверныя земли Россіи. Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праздно цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ними и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ. Раздраженный злодѣйствами Глѣба, великій князь отказался отъ мирныхъ его предложеній и, наконецъ, видя, что рѣка замерзла, отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ и первый обратился въ бѣгство; Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода. Дружина великаго князя гналась за малодушными и, плѣнивъ самого Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество бояръ, истре-

била половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый воевода Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичъ, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать третій злобною местію: обступили дворецъ княжескій и говорили Всеволоду: „Государь! мы рады положить за тебя свои головы; но казни злодѣевъ, или ослѣпи, или выдай намъ въ руки“. Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, черниговскій епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу съ условіемъ — отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: „лучше умру въ неволѣ“, и, дѣйствительно, умеръ чрезъ нѣсколько дней. Когда же рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ княжескій, разметали темницу и, къ горести великаго князя, ослѣпили его племянниковъ, Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному остервенѣнію, по словамъ лѣтописца владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ грековъ); другіе же лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо: но великій князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ моляся въ смядынской церкви св. Глѣба, по извѣстію лѣтописцевъ.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ князей: новогородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ столицѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ; Ярополкъ заступилъ его мѣсто, но скоро былъ изгнанъ народомъ въ угодность великому князю, который захватилъ многихъ купцовъ новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ, приступилъ къ Торжку и требовалъ

дани. Граждане обѣщались заплатить оную, но воины сказали великому князю: „мы пришли сюда не за тѣмъ, чтобы цѣловать ихъ и слушать пустыя клятвы“, сѣли на коней и взяли городъ; зажгли его, плѣнили жителей. Всеволодъ съ отборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами, нашелъ тамъ одного племянника своего Ярослава, истребилъ огнемъ пустые домы, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ новогородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ государствѣ княженія.

Романъ властвовалъ тамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣстниковъ, по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровально и съ честію. Тогда новогородцы, желая имѣть князя, извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужествомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени, кромѣ Храбраго. Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею отчизною: но братья и дружина сказали Мстиславу: „Новгородъ есть также твое отечество“—и сей добрый князь поѣхалъ искать славы на иномъ театрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами. Весь Новгородъ, чиновники, бояре, духовенство съ крестами вышли къ нему навстрѣчу. Возведенный на престолъ въ софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не перестаютъ безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ и, веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, нехотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ; Мстиславъ, какъ ревностный витязь новогородской чести, вздумалъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ отвѣтствовать за прадѣда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ недостойно ни христіанина, ни князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Ве-

ликихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ, пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой и, живъ героемъ, хотѣлъ умереть христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ литургіи и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ новогородцы въ два года погребли у себя двухъ князей, чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы и, презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра; умремъ же съ честію.—„Не было такой земли въ Россіи (говоритъ лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали". Народная любовь къ сему князю была столь велика, что граждане смоленскіе, въ 1175 году, единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича; но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя софійской церкви. Надлежало избрать преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу, они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша незадолго до того времени гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой. Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги великому князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя удѣла и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудо-

вольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ удѣлы и презираетъ великаго князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя князю черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба, разбилъ передовой отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Князь черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отомстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между князьями россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою; не имѣлъ и силы Боголюбскаго, ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде вытѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ; увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода, выдавъ племянницу за князя переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя, въ самомъ дѣлѣ, никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей, которые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ отразили набѣгъ хана половецкаго, Кончака, Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей князь, изумленный злодѣйствомъ, бросился въ лодку съ супругою и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику, а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ.

„Вижу теперь горестную необходимость войны,—сказалъ ему Игорь Сѣверскій: — но ты могъ бы прежде сохранить миръ. Впрочемъ, мы готовы повиноваться тебѣ, какъ нашему отцу, желая усердно твоего блага". Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ князей волынскихъ и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смо-

ленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живого: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣлъ отъ гражданъ смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь св. Іоанна, украсилъ оную золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ смоленскій.

Въ надеждѣ управитьсѣ и съ Ростиславичами и съ великимъ княземъ, Святославъ, нанявъ множество половцевъ, оставилъ часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ новогородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переяславлю. За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками суздальскими, рязанскими, муромскими, въ станѣ укрѣпленномъ природою, между крутобрегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы. Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы великимъ княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ черниговцевъ, Всеволодъ послалъ князей рязанскихъ ударить на нихъ сбоку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ рязанцевъ бѣжать и взялъ у нихъ немалое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ великому князю своего духовника съ такими словами: „Братъ и сынъ мой! имѣвъ искреннее удовольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли я ожидать столь жестокой неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услуги ты не устыдился злодѣйствовать мнѣ и схватилъ моего сына. Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ. Выступи въ поле и сразимся, на той или другой сторонѣ рѣки“. Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы князь черниговскій въ досадѣ своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не трогался съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и станъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться; сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ, гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ Великаго. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, на-

ходился съ Черниговскимъ княземъ: они вторично приняли его къ себѣ и дали ему въ удѣлъ Торжекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ великомъ княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату Ярославу выступить изъ Чернигова и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій, вмѣстѣ съ другими князьями, волею или неволею, объявили себя друзьями Святослава; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Литву и ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ князь друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но, видя превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра государства, всего болѣе обезславило князей черниговскихъ въ нашей древней исторіи и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые дотолѣ гнушались онымъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго) и, слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ черниговскихъ князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять христіанъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ великимъ княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною; наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненый стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защитить собственную. Но чиновники и граждане, пере-

мѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба государя сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душою, выгоднѣе дружбы черниговскаго князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и при томъ удаленнаго отъ предѣловъ новогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ правителя. Онъ немедленно возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, пріѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей, то-есть присоединивъ область Новогородскую ко владѣніямъ Мономахова дома, Всеволодъ съ честію отпустилъ Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ послѣднему господствовать въ Кіевѣ и, возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, княжну Ясскую, за его меньшого сына, а Глѣбъ Святославичъ женился на дочери Рюриковой.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею, смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладѣть ею и звалъ другихъ князей къ содѣйствію. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою. Святославъ прислалъ сына своего Владиміра къ великому князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести россійскаго оружія. Князья рязанскіе, муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили подъ стражею бѣлозерскихъ воиновъ и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовой отрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ битвѣ, но мнимые непріятели оказались половцами, которые также воевали Болгарію и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними россіяне осадили такъ называемый Великій городъ въ землѣ серебряныхъ болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичъ, братъ князя переяславскаго, не хотѣлъ ждать общаго приступа, и между тѣмъ, какъ бояре совѣтовались въ шатрѣ у великаго князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но, уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живого. Сей случай спасъ городъ, ибо великій князь, видя страданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою и въ десятый день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ болгарскихъ, хотѣвшихъ истребить суда россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу.

отправивъ конницу въ Владиміръ черезъ землю мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ. Народъ литовскій, въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ подвластный ся князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками. Непрестанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго удѣла въ особенности дали способъ литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и, какъ лютые звѣри, стремились на добычу: жгли селенія, плѣняли жителей и, настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною; разсыпаясь во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, несмотря на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защитить ее, винили въ томъ своего князя, Ярослава Владиміровича, и на его мѣсто—кажется, съ согласія Всеволодова—призвали къ себѣ изъ Смоленска Давидова сына, Мстислава.

Въ Россіи южной князья соединили силы, чтобы смирить половцевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками, Владиміръ Переяславскій (внукъ Долгорукаго) Глѣбъ Юрьевичъ Туровскій (правнукъ Святополка-Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодовичъ Городненскій и дружина галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ передового отряда, вступилъ въ битву съ половцами. „Мнѣ должно наказать ихъ за разореніе моей Переяславской области“, сказалъ онъ старѣйшему изъ князей, Святославу Кіевскому, и смѣло устремился на многичисленныя толпы непріятелей, которые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Владимірова, бѣжали въ степи. Россіяне на берегахъ Угла или Орели взяли 7,000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 князьковъ), множество коней азіатскихъ и всякаго оружія. Славный свирѣпостію ханъ половецкій, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близь Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ бесерменина или харазскаго турка, стрѣлявшаго живымъ огнемъ, какъ сказано въ лѣтописи: вѣроятно греческимъ, а можетъ быть и порохомъ. Кіевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество россіянъ обратилось въ

горесть. Князья сѣверскіе, Игорь Новогородскій, братъ его, Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ, не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ и хотѣли еще важнѣйшихъ; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ ковуевъ — единоплеменныхъ, какъ вѣроятно, съ черными клобуками—и пошли къ Дону. Случившееся тогда затменіе солнца казалось ихъ боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ. „Друзья и братья!“—сказалъ Игорь:—„тайны божественныя никому не свѣдомы, а намъ не миновать своего рока“. Онъ переправился за Донецъ. Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ: соединясь на берегахъ Оскала, войско обратилось къ югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, театру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что россіяне, дерзнувъ зайти столь далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона навстрѣчу смѣлымъ князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: „Князь! непріятели многочисленны; удалимся: теперь не наше время“. Игорь отвѣтствовалъ: „Мы будемъ осмѣяны, когда, не обнаживъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе смерти“. Въ первой битвѣ россіяне остались побѣдителями, взяли станъ непріятелей, ихъ семейства: ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: „Что скажутъ теперь наши братья и Святославъ Кіевскій? Они сражались съ половцами, еще смотря на Переяславль, и не смѣли идти въ ихъ землю; а мы уже въ ней скоро будемъ за Дономъ, и далѣе въ странахъ приморскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы наши; истребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ славу вѣчную“. Сія гордость витязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали россіянъ отъ воды и, въ ожиданіи еще большей помощи, не хотѣли сразиться копьями, три дня дѣйствуя одними стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ, войско нашихъ князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненый Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лицо и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество и, наконецъ, остался безъ оружія, изломивъ свое копье и мечъ. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившимся на берегахъ

Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцовъ, тамъ бывшихъ. „Скажите въ Кіевѣ“ (говорили имъ половцы), „что мы теперь можемъ обмѣняться плѣнниками“. Князья, вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ, на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: „я жаловался на легкомысліе Игоря, теперь еще болѣе жалуюсь на его злосчастіе“. Онъ собралъ князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ; тогда половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ идти по слѣдамъ владѣтелей сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій; ибо варвары, успокоенные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями. Половцы, взявъ городъ Римъ или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію сѣверянъ, Игорь Святославичъ возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, священника и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: „я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ: не хочу и теперь“. Однакожъ убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ, сѣлъ на коня и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ. Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну, женился тамъ на дочери хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называютъ лѣтописцы героемъ, или, по ихъ словамъ, удалѣйшимъ изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностью, любезнымъ душею). Сія гибель дружины сѣверской, плѣнъ князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствами въ особенной древней исторической повѣсти, украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ стихотворства.

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ половцы то мирились, то воевали съ россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи. Сіи маловажныя ошибки не представляютъ ничего достопамятнаго для исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, отличался въ оныхъ

и былъ грозою варваровъ, предводительствуя торками и берендѣями, иногда вѣрными стражами областей Кіевскихъ, иногда измѣнниками; такъ, ихъ знаменитый чиновникъ или князекъ, именемъ Кушшувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ половцамъ и долго грабилъ съ ними села днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверенъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его внѣшней безопасности. Первый, женатый на сестрѣ князей пинскихъ или туровскихъ, правнукѣ Святополка-Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе половцевъ.

Междоусобіе князей рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ Россіи восточной, Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ. Великій князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на болгаровъ; когда же воеводы его возвратились оттуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно послы его благоразумно представляли имъ, что добрые россіяне и единокровные должны извлекать мечъ только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ отвѣтствовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ быть независимы. Обольщенный ими Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у великаго князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины владимірской. Романъ взялъ ихъ въ плѣнь вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, боярами Всеволода Глѣбовича. Сіи безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность и старались умилостивить великаго князя. Они склонили черниговскаго епископа Порфирія (коего епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область) быть ихъ ходатаемъ; послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣтникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и тѣмъ умножилъ зло: ибо великій князь огнемъ и мечомъ опустошалъ землю Рязанскую, держась правила, какъ говорятъ лѣтописцы, что война славная лучше мира постыднаго.

Сей годъ достопамятенъ кончиною Ярослава Владимировича Галицкаго и важными ея слѣдствіями. Подобно отцу, господствуя отъ горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ истинныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею не ма-

лою областію, пекся о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ рать съ боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для государя; нанималъ полки иноплеменниковъ и, спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у поляковъ войско за 3,000 гривенъ серебра: успѣхи торговли и мирной промышленности доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ греческаго императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему россіяне прозвали его Осьмомысломъ. Сей миролюбивый князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата; а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцомъ, напрасно искавъ пристанища у князей волынскихъ, смоленскаго, даже у великаго князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя, наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцомъ, но, имѣя склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшого, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дня прощался со всѣми: бояре, духовные, граждане, самые нищіе тѣснились во дворцѣ къ одру умершаго. Изъявивъ чувства набожныя и христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ монастыри и велѣвъ раздать часть казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега; Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но бояре, едва предавъ землѣ тѣло государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручъ) и возвели Владиміра на престолъ.

Они раскаялись: ибо новый государь, имѣя отвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на попадьѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любострастію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда князь, извѣстный мужествомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мстиславичъ, который еще въ лѣтахъ нѣжной юности, подъ стѣнами Новагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ

тѣмъ вниманіе россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели и, будучи сватомъ Владиміру, веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ галицкими вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на государя и, зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось, то-есть устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго князя. Бела, король венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ, осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить престолъ изгнаннику. Давно короли венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ князей галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутого нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ идти обратно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, королемъ галицкимъ съ согласія легкомысленныхъ бояръ, обольщенныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего недовольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей князь, отправляясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ всю

область Волынскую брагу, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: затворилъ ворота и сказалъ: „я здѣсь князь, а не ты!“ Изумленный Романъ, лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной, и наслѣдственной области, искалъ защиты у Рюрика и ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а государь польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступиться за несчастнаго Владиміра Галицкаго, посаженнаго королемъ Белою въ каменную башню, но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ безкорыстіи и даже обѣщалъ современемъ отдать ему Галичъ; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ митрополита, они согласились было изгнать венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичъ остался за венграми, впрочемъ, ненадолго.

Сынъ князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу, скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними, Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость галичанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: „лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, которые меня обманули“—и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненый, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною

судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили смертное зеліе къ язвѣ Ростислава и сей несчастный князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего короля. Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы боярскіе, въ самыя церкви: позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у короля венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ въ нѣмецкому императору, Фридерику Барбароссѣ. Такъ сынъ Ярослава Великаго искалъ нѣкогда покровительства императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать и, дѣйствительно, вызвался ежегодно платить Фридерику 2,000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отниметъ Галичъ у венгровъ. Императоръ—неизвѣстно, какимъ образомъ—зналъ великаго князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Палестинѣ съ героемъ Востока, Саладиномъ, Фредерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣпра, однакожъ далъ Владиміру письмо къ Казиміру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей монархъ польскій, завидуя венграмъ въ пріобрѣтенія земли Галицкой и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на галичанъ и не обманулся. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли венгровъ; и когда услышали, что сей князь съ воеводою краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ, то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ радостію; а Белѣ остался стыдъ и титулъ короля галицкаго, съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ. Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію поляковъ, боясь венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, великому князю, не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ исправиться и писалъ къ нему: „Будь моимъ отцомъ и государемъ: я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ повиноваться, но только тебѣ одному“.

Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ князей россійскихъ и Казимира, послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія князей и старался утвердить оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, другую именемъ Верхуславу—за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго, женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго. Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ отроковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій и знатнѣйшіе бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Отмѣнно любя Верхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую осьмилѣтнюю до третьяго стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми боярами суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлогородѣ епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія и болѣе двадцати князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами и въ случаѣ споровъ о границахъ или удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ, Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при великомъ князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ, или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира и сдержалъ оное, довольный честію первенства между князьями южной Россіи. Уступивъ Черниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними великими князьями, но, подобно имъ, именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичъ уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми граж-

данами, избирая епископовъ для Ростова, Суздаля, Владиміра, но, посылая ихъ ставиться къ митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ пословъ и къ Святославу, требуя на то его княжескаго соизволенія: ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ епископы Суздалю одного грека; но Всеволодъ не принялъ его и митрополитъ поставилъ иного, назначеннаго великимъ княземъ и одобреннаго Святославомъ.—Между тѣмъ, желая приближиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Остеръ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ; тіунъ суздальскій пріѣхалъ туда властвовать именемъ князя. Южный Переяславль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся Украйна, по словамъ лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго дружину и любимаго ею.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляетъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичъ, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда государь, могущественный усердіемъ и мечами дружины, угнеталъ народъ; иногда народъ презиралъ волю государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ и смоляне, однажды изгнавъ князя, хотѣли и вторично утвердить народную власть такимъ же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ.

Сынъ Давидовъ Мстиславъ года два княжилъ спокойно въ Новѣгородѣ; вмѣстѣ съ отцомъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые встрѣтили ихъ на границѣ съ дарами. При семъ же князѣ новогородцы, опустошивъ часть Финляндіи, привели оттуда многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ; осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ тогда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, бо-

гатымъ драгоцѣнными звѣриными кожами; сіи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига россіянъ. Вслѣдствіе того и другого происшествія новогородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду и желали вторично имѣть княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ государемъ суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава и цѣлые девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярослава княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ варягами, готландцами и другими народами скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцовъ, разослали по темницамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ пословъ варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и корелами, приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили архіепископа упсальскаго, взяли 14 іюля древній торговый городъ шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась соборная церковь новогородская. Недовольные тогда варягами, новогородцы могли возбудить эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ, но участіе россіянъ въ семъ предпріятіи, безъ сомнѣнія, было не важно, когда современные лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; напримѣръ, какъ псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ эстонцевъ, которые на семи шнекахъ или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ новгородцы съ корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичъ, имѣвъ на границѣ свиданіе съ князьями кривскими или полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними идти зимою на литву или чудь: богато одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ и, по условію вступивъ въ ливонскую землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнниковъ и всякаго рода добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей князь самъ остался во Псковѣ, а дворъ его, или дружина, съ отрядомъ псковитянъ завоевали Медвѣжью Голову или Оденпе, распространивъ огнемъ и мечомъ ужасъ въ окрестностяхъ. Тогдашнее состояніе чудскаго народа было самое несчастное: россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали

отъ него дани, а шведы—перемѣны закона. Папа Александръ III торжественно обѣщалъ сѣвернымъ католикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники эстонскіе признаютъ въ немъ апостольскаго намѣстника; съ латинскою библію и съ мечомъ шведы выходили на восточные берега моря Балтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне—новогородцы, кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли насиліемъ просвѣщать людей, но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными, наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по сказанію древнѣйшаго лѣтописца ливонскаго, славился могуществомъ князь Полоцкій Владиміръ: онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его надъ южною чудскою землею была вообще столь извѣстна, что благочестивый старецъ Мейнгардъ, усердный нѣмецкій католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія мирно обращать тамошнихъ язычниковъ въ христіанство, на что Владиміръ охотно согласился и даже отпустилъ Мейнгарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для россіянъ отъ властолюбія папъ и духовенства римскаго. Мейнгардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (недалеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ вѣру латинскую.

Новогородцы, желая отомстить народу югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда воеводу съ дружиною многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя новгородскими слугами и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань: соболей, серебро (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ сибирскихъ). Неосторожный воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже черезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы идти въ храмъ и благода-

рить небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи несчастные вздумали судиться передъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ трехъ гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области волынскія и днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ главою: Ольговичи и владѣтели кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на сторонѣ великаго князя и, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ князьями рязанскими и готовый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволода: требовалъ онаго, не получалъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но, видя дверь сего предѣла запертою, спѣшилъ возвратится къ супругѣ. Онъ жилъ только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ, наконецъ, въ усыпленіи; за нѣсколько же часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ понедѣльникъ, отвѣтствовала княгиня. „И такъ мнѣ не дожить!“ сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко читая: вѣрую во единаго, отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ постричь себя въ монахи и преставился... Непостоянный отъ юности, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ, то врагъ, то союзникъ Долгорукова и дядей своихъ, черниговскихъ владѣтелей, жертвуя истинными государственными добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ политики личной; бѣзсовѣстный въ отношеніи не только къ Мономахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей князь имѣлъ однакожъ достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, трезвость, всю наружность усерднаго христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя государя кіевскаго, напоминая знаменитость древнихъ князей великихъ, доставляло ему уваженіе отъ монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казимиръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на до-

чери Казимировой, Маріи (скоро умершей инокинею въ кіевскомъ, ею основанномъ, монастырѣ св. Кирилла), Святославъ помолвилъ внуку Евфимію, дочь Глѣбову, за греческаго царевича (можетъ быть, Исаакіева сына, Алексѣя IV) и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единственно выслать бояръ навстрѣчу къ императорскимъ сановникамъ, ѣхавшихъ за невѣстою.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерть и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный князьямъ, вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и митрополитомъ со крестами; а великій князь прислалъ бояръ возвести его на тронъ кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ государей суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался великимъ княземъ и самовластно располагалъ городами днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміровичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и кіевляне давали ему пиры: Давидъ также угостилъ ихъ; берендѣи, торки, самые монахи пировали у сего князя; и между тѣмъ какъ роскошь изливала свой тукъ на княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; вельможи, тіуны, воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ вѣнценосцамъ.

Признавъ Всеволода старшимъ и главою князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однакожъ искалъ еще другой опоры и, будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. „Я старшій въ Мономаховомъ родѣ,—велѣлъ онъ сказать Рюрику:—кому обязанъ ты Кіевомъ? но, забывая меня, отдаешь города инымъ младшимъ князьямъ. Не оспариваю власти твоей: господствуй и дѣлись оною съ друзьями! Увидимъ, могутъ ли они защитить тебя!“ Желая умилостивить Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный удѣлъ въ Кіевской области: но великій князь истребовалъ для

себя городовъ, отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора митрополита, съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой—боялся Всеволода. „Мы поставлены отъ Бога мирить государей въ землѣ Русской, — отвѣтствовалъ митрополитъ,—всего ужаснѣе кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго князя. Если Мстиславичъ назоветъ тебя клятвопреступникомъ, то я беру грѣхъ на себя; а ты можешь удовольствовать зятя иными городами“. Самъ Романъ изъявилъ согласіе взять другую область или деньги въ замѣнъ удѣла, и распри прекратились; но когда Всеволодъ, отправивъ намѣстниковъ въ города днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну, Волынскій князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ; не хотѣлъ жить съ его дочерью; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. „Государь и братъ!—сказали послы его:—Романко измѣнилъ намъ и дружится со врагами Монамахова племени. Вооружимся и сядемъ на коней!“ Предвидя, что великій князь вступится за Рюрика, Мстиславичъ искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи, и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу и что, побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска стояли другъ противъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему князю быть посредникомъ. Бояре россійскіе также не хотѣли кровопролитія, но пылкій князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а воевода краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра и до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ нести себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый епископъ краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь чтобы непріятель не взялъ столицы. „Не имѣя ни силы въ рукахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть вамъ полезенъ?“ сказалъ ему Мстиславичъ, а на вопросъ епископа: что жъ дѣлать? отвѣтствовалъ: „защищать столицу, пока соберемся съ силами“. Романъ отправилъ изъ Владиміра пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей и чрезъ ходатайство митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Великій князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ черниговскаго и всѣхъ князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу. Ольговичи не хотѣли того. „Мы готовы, — говорили они чрезъ пословъ Всеволоду Георгіевичу, — блюсти Кіевъ за тобою или за Рюрикомъ; но если желаешь навсегда удалить насъ отъ престола кіевскаго, то знай, что мы не венгры, не ляхи, а потомки государя единаго. Властвуйте, пока мы живы; когда жъ васъ не будетъ, древняя столица да принадлежитъ достойнѣйшему по волѣ Божіей!" Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ половцевъ и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячеславичъ, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обѣтъ мира: не дождавшись пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область. Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичъ, сватъ великаго князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ князьями полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто и притоптали снѣгъ вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичъ; но воевода смоленскій, Михалко, въ то же время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ полочанами, которые, видя Олега разбитаго, ударили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый князь, гнавъ черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей и долженъ былъ сдаться. Зять Давидовъ, юный князь Рязанскій и Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника и сына, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками идти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. „Ты не имѣешь совѣсти",—писалъ онъ къ нему изъ Овруча: — „и такъ, возвращаю тебѣ грамоты крестныя, тобою нарушенныя. Иди къ Смоленску; я пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ счастливѣе". Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и князя витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ

отъ союза съ великимъ княземъ. „У насъ дѣла общія“,—отвѣтствовалъ Рюрикъ: — „буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моимъ посламъ чрезъ твою область ко Всеволоду и Давиду, мы всѣ готовы примириться“. Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми: не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ днѣпровскихъ. Отвергнувъ великодушныя правила Мономахова дома, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ половцевъ для опустошенія черниговскихъ владѣній и полнилъ руки варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу быть сильнымъ, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями тестя, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города днѣпровскіе. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой—племянникъ его Мстиславъ, сынъ Мстислава Храбраго, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ, плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ остался въ Кіевѣ, ибо узналъ, что Всеволодъ, наконецъ, рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей, соединился съ Давидомъ, съ князьями рязанскими, муромскими, съ половцами, завоевалъ область вятичей и думалъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей и расположился станомъ близь темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ, ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростію, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: „Любезный братъ! ты взялъ нашу отчину и достояніе. Желаешь ли загладить насиліе дружбою? Мы любви не убѣгаемъ и готовы заключить миръ согласно съ твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? не убѣгаемъ и того. Богъ и Святый Спасъ разсудятъ насъ въ полѣ“. Всеволодъ хотѣлъ

знать мнѣніе князей смоленскаго, рязанскихъ и бояръ. Давидъ противился миру, говоря: „Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подъ Черниговымъ и тамъ или разрушить власть коварныхъ Ольговичей, или заключить миръ общій; а теперь думаешь одинъ вступить въ переговоры? Рюрикъ не будетъ доволенъ тобою. Ты велѣлъ ему начать вейну; для тебя онъ предалъ огню и мечу свою область. Можешь ли безъ него мириться?“ То же говорили и князья рязанскіе; но Всеволодъ, недовольный ихъ смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ. что соглашается забыть ихъ вину, если они возвратятъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ и выгонятъ мятежнаго Ярополка, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взятъ въ плѣнъ великимъ княземъ, ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касательно Романа Волынскаго, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ областей, но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. „Такъ поступаютъ одни вѣроломные“,—отвѣтствовалъ сей князь Всеволоду:—„для тебя я озлобилъ зятя, отдавъ тебѣ города его; ты же заставилъ меня воевать съ Ярославомъ, который личио не сдѣлалъ мнѣ зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи твоего содѣйствія прошли лѣто и зима; наконецъ выступаешь въ поле и миришься самъ собою, оставивъ главнаго врага, Романа, въ связи съ Ольговичами и господиномъ области, имъ отъ меня полученной“. Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города кіевскіе и, тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важныя несчастія, лишенный великокняжескаго покровительства. Всеволодъ, безъ сомнѣнія, поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія черниговскихъ князей, чтобы не усилить тѣмъ кіевскаго и смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою.

Смиривъ Ольговичей и, повидимому, защитивъ союзниковъ, великій князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ государь, любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія. Давидъ, благородный, мужественный, предчувствуя свой конецъ, уступилъ тронъ племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вмѣстѣ съ супругою, отправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспитаніе къ брату Рюрику и велѣлъ нести

себя, уже больного, изъ дворца въ обитель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молитвахъ (пятидесяти семи лѣтъ отъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе государственныхъ, сказываютъ, что никто изъ князей смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшеніи храмовъ; что церковь св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею въ странахъ полунощныхъ, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей князь, христіанинъ усердный, слылъ грозою мятежниковъ и злыхъ; набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудія, ни веледушной гордости княжеской, противной Андрею Боголюбскому, непріятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдователь братней коварной системы, и великій князь съ удовольствіемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскій, старѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ, ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился козподѣйствомъ.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россіи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ то же время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской губерніи, безпокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ Константиномъ во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья половецкія, и ханы, снявъ свои многочисленныя вежи, отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю.

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣлалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную столицу нашихъ князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великіе Луки, чтобы удерживать кривскихъ владѣтелей и препятствовать ихъ соединенію съ черниговскими. Ярославъ Владиміровичъ уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій князь задержалъ сихъ пословъ, а новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость и сынъ князя черниговскаго, избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ;

бралъ дань въ окрестностяхъ Меты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей, толпами приводили во Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ князя черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: сотники новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ. Но Всеволодъ, недовольный своякомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, то народъ сдѣлалъ въ угодность великому князю: архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе государя, ѣхать во Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ новогородскій. Послы сказали: „Господинъ князь великій! область наша есть твоя отчина: молимъ, да повелѣваетъ намъ родный внукъ Долгорукаго, правнукъ Мономаховъ!“ Всеволодъ изъявилъ притворную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною и, какъ бы изъ снисхожденія, далъ новогородцамъ сына, именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію княжескою. Сей государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная воля новогородская остается въ древней силѣ своей; однакожъ, хотя наружнымъ образомъ, почтивъ уставъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ гражданъ. Они думали, что Святославъ ими избранъ, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ посадникомъ, онъ далъ Новугороду и архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова.—Вѣроятно, что великій князь окружилъ юнаго Святослава опытными боярами и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другой десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Ѳеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича.

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ удивитель-

нымъ, если сказаніе польскихъ историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною. Но Романъ Мстиславичъ предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при дворѣ Казимира Справедливаго, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ ляхамъ и съ ихъ помощію вступилъ въ страну галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, бояре явились въ станѣ польскомъ, моля Казимирова сына, герцога Лешка, „чтобы онъ самъ управлялъ ими или чрезъ своего намѣстника и такимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ бѣдственнаго участія въ междоусобіи князей россійскихъ“. Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драгоцѣнныя, а граждане вооружались. Однакожъ поляки силою возвели Романа на престолъ галицкій. Тогда сей князь, озлобленный общею къ нему ненавистію вельможъ, началъ свирѣпствовать какъ второй Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современный историкъ, епископъ Кадлубекъ, повѣствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ бояръ галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ землю, четверилъ, разстрѣливалъ, изобрѣталъ неслыханныя муки. Многіе спаслися бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался возвратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени вымышлялъ клевету: обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу: „чтобы спокойно ѣсть медовый сотъ, надобно задавить пчелъ“.

Можетъ быть злословіе, легковѣріе или пристрастіе излишне очернили свойство государя ужаскаго для строптивыхъ, мятежныхъ галичанъ; когда же онъ, дѣйствительно, играя жизнію людей, слѣдовалъ въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ, сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ, то князья россійскіе могли сверженіемъ тирана услужить человѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ дотолѣ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли отнять у него державу галицкую, снисканную имъ помощію иноплеменниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы идти къ Днѣстру. Но дѣятельный Мстиславичъ не терялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый князь, имѣвъ время снестися съ могущественнымъ Всеволодомъ, съ черными клобуками, съ намѣстниками

многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, торки пріѣхали къ нему въ станъ; города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя и самые кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія вороты Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручъ, черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область.—По условію, сдѣланному съ великимъ княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и митрополитъ россійскій молили его быть спасителемъ христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя и, принудивъ ихъ оставить Ѳракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичъ.

Страшный князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя отечества, они наняли множество половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ. Варвары опустошили домы, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри, умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни священниковъ, ни монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ, столь мужественно, что половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ, вездѣ стонали умирающіе; невольниковъ гнали толпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ стѣнахъ своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго, но жители, лишенные имѣнія, остались тогда, по крайней мѣрѣ, свободными. Всѣ добрые россіяне, самые отдаленные, оплакивали несчастіе древней столицы и жаловались на его виновниковъ. Мало-по-малу она снова наполнилась жителями, которые укрылись отъ меча половцевъ и спаслись отъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не осталось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похитили и драгоцѣнныя одежды древнихъ князей россійскихъ, св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, которые на память себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и черниговскіе владѣтели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу и, сверхъ чаянія, предложилъ тестю миръ, убѣждая его отказаться отъ союза Ольговичей: склонилъ даже и

Всеволода Георгіевича забыть досаду на Рюрика и снова отдать ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго. Такое удивительное великодушіе было одною хитростію: князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя отъ черниговскихъ владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою); примирилъ ихъ со Всеволодомъ и, въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику, ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота—и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь, супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Всеволодовъ, отведенъ плѣнникомъ въ Галичъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ тестя, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодность великому князю, отпустилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный отецъ остался монахомъ. Довольный освобожденіемъ зятя, Всеволодъ посадилъ его на престолъ кіевскій.

Тогда пылкій, неутомимый Романъ, уступивъ великому князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галицкій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго герцога, врага своего и побѣдителя; но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира и послы Лешковы молили Романа оставить ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. Въ то же самое время прибылъ къ галицкому князю посолъ Иннокентія III, властолюбиваго папы римскаго. Уже давно ревностные проповѣдники латинской вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Восточной церкви: знаменитый епископъ краковскій, Матвѣй, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на аббата клервоскаго, миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что „россіяне живутъ какъ бы въ особенномъ мірѣ, безчисленны, подобно звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ, мрачныхъ странахъ своихъ, вѣдая Спасителя единственно по имени, ожидаютъ теплотворнаго свѣта истинной вѣры отъ намѣстника апостольскаго; что Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца, будетъ новымъ Орфеемъ, Амфіономъ“, и проч. Сіи усердныя домогательства римскихъ фанатиковъ не имѣли

успѣха, и папа, слыша о силѣ Мстиславича, грознаго для венгровъ и ляховъ, надѣялся обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый посолъ Иннокентія доказывалъ нашему князю превосходство закона латинскаго; но опровергаемый Романомъ, искуснымъ въ преніяхъ богословскихъ, сказалъ ему, наконецъ, что папа можетъ его надѣлить городами и сдѣлать великимъ королемъ, посредствомъ меча Петрова. Романъ, обнаживъ собственный мечъ свой, съ гордостію отвѣтствовалъ: „Такой ли у папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не имѣю нужды въ иномъ и кровію покупаю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣдовъ, возвеличившихъ землю Русскую". — Сей князь умный скоро погибъ отъ неосторожности; снова объявивъ войну ляхамъ, стоялъ на Вислѣ; съ малою дружиною отъѣхалъ отъ войска, встрѣтилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго.— Романъ, называемый въ волынской лѣтописи Великимъ и Самодержцемъ всея Руси, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима. Жестокій для галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ умъ мудрости, дерзость льва, быстроту орлиную и ревность Мономахову въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ героя, не боясь ни хищныхъ ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ литовцевъ, коихъ историкъ пишетъ, что сей князь, одерживая надъ ними побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обрабатыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: Романе! худымъ живеши, литвою ореши. Лѣтописцы византійскіе упоминаютъ о немъ съ похвалою, именуя его мужемъ крѣпкимъ, дѣятельнымъ. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними князьями.— Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, второго брака, остались еще младенцами подъ надзираніемъ матери: галичане волновались, однакожъ присягнули въ вѣрности Даніилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился; скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ князьями черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Даніилъ не въ состояніи ему противиться и что тамошніе бояре не захотятъ лить крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даніилова взяла мѣры. Андрей, государь венгерскій, все еще именовался королемъ Галиціи, не спорилъ о ней съ мужественнымъ Романомъ и

даже былъ его названнымъ братомъ; однакожъ не переставалъ жалѣть о семъ утраченномъ королевствѣ и бралъ живѣйшее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Даніила, говорила съ чувствительностію матери и сдѣлала въ немъ, повидимому, столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцомъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина венгерская окружила дворецъ княжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтняго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять великаго князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу.

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичъ спокойно господствовалъ на сѣверѣ: отряды его войска тревожили болгаровъ, князья рязанскіе отражали донскихъ хищниковъ, а новогородцы литву. Жители Великихъ Лукъ съ воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской губерніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора россіянъ съ варягами—вѣроятно по торговлѣ—не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣшнихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ дастъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что бояре владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что великій князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымъ-Городомъ. Двадцатилѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, христіанскими добродѣтелями: граждане владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему крестъ и мечъ. „Иди управлять народомъ,—сказалъ Всеволодъ:—будь его судіею и защитникомъ. Новгородъ Великій есть древнѣйшее княженіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, государь и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми князьями русскими. Гряди съ миромъ: помни славное имя свое

и заслужи оное дѣлами". Братья, вельможи, купцы провожали Константина; толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новгородцы также встрѣтили сего князя съ изъявленіемъ усердія, архіепископъ, чиновники ввели въ церковь софійскую и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охранялъ и власть княжескую: хотѣлъ дѣйствительно господствовать въ своей области. Мирные граждане засыпали покойно; властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ черниговскими князьями, однакожъ не дозволялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза. Несмотря на то, сватъ его, Мстиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику, вступилъ съ ними въ тѣсную связь, и хотя, боясь утратить пріязнь великаго князя, посылалъ къ нему епископа смоленскаго, Игнатія, съ дружескими увѣреніями, но не хотѣлъ отстать отъ князей черниговскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря и старшаго брата Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: нанявъ толпы половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ берендѣями, онъ вторично предпринялъ завоевать Галицкую область и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ ляховъ. Увѣдомленный о томъ, король венгерскій Андрей спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Даніилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ россіяне, съ другой — ляхи, видя также страшное волненіе въ землѣ галицкой, вдовствующая княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наслѣдственный удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться полякамъ съ Ольговичами, сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переворы, коихъ слѣдствіемъ было то, что венгры, ляхи, россіяне вышли изъ Галича, а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ великаго князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть сама вдовствующая супруга Романова убѣдила короля венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичъ, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и современемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но черниговскіе князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а великій князь слишкомъ удаленъ отъ

ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи, безъ сомнѣнія, не оставятъ Галицкой области въ покоѣ и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ пословъ въ станъ россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрылся отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичъ тремя днями ранѣе Ярослава, который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Еще гоненіе на семейство Романово тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичъ, исполняя совѣтъ злопамятныхъ галицкихъ бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ бояръ, но вдовствующая княгиня, опасаясь злобы галичанъ, измѣны собственныхъ вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга князя сильнаго, союзника императоровъ греческихъ, уважаемаго папою, монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками княгиню и, пославъ Даніила въ Венгрію съ вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею: „Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вражду Романову. Вступимся за изгнанниковъ; введемъ ихъ съ честію въ области наслѣдственныя“. Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ. Сей бывшій князь удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господство-

вать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія, завидовалъ Игоревичамъ; однакожъ скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ сталъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его, зять великаго князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ великаго князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. „Иди къ отцу,—велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: — Переяславль да будетъ княженіемъ моего сына! Если не исполнишь сего повелѣнія, или будешь домогаться Галича, гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего славнаго предка Олега, то я накажу дерзкаго, слабаго юношу". Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля, а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ предъ стѣнами онаго знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его, но Чермный призвалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича Галицкаго и князей туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнявшихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручъ; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися и Святославичъ сѣлъ опять на престолѣ кіевскомъ. Половцы торжествовали счастливый успѣхъ союзника своего грабежомъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ великому князю.

Всеволодъ Георгіевичъ, наконецъ, вооружился. „Южная Россія есть также мое отечество", сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константинъ съ войскомъ новогородскимъ. На берегу рѣки соединились съ нимъ князья муромскій и рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому князю донесли, что рязанскіе владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону черниговскихъ; онъ повѣрилъ и, сказавъ словами Давида: „ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя преяинаніе", рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за княжескимъ столомъ его. Всеволодъ, въ знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился; тогда бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые тщетно, именемъ Бога, клялися въ своей невинности: двое изъ князей же рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, пристали къ обвинителямъ

или клеветникамъ, по выраженію новогородскаго лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ бояръ: велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному; но граждане, призвавъ къ себѣ другого князя рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою; узнавъ о томъ, великій князь поставилъ стражу передъ городскими воротами. Кровь лилась ежедневно въ теченіе трехъ недѣль. Остервенѣніе гражданъ уступило, наконецъ, крайности; ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ Арсеній встрѣтилъ великаго князя съ моленіемъ. „Государь!—сказалъ онъ,—удержи руку мести, пощади храмы Всевышняго, гдѣ народъ приноситъ жертву небу и гдѣ мы за тебя молимся. Верховная воля твоя будетъ намъ закономъ“. Не имѣя надежды съ успѣхомъ противиться Всеволоду, народъ рязанскій прислалъ къ нему остальныхъ князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей государь возвратился, свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева.

Всеволодъ Георгіевичъ уже не хотѣлъ разстаться съ Константиномъ; довольный новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ и велѣлъ имъ идти съ миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: „Исполняю желаніе народа добраго; возвращаю вамъ всѣ права людей свободныхъ, всѣ уставы князей древнихъ. Отнынѣ управляйте сами собою: любите своихъ благодѣтелей и казните злодѣевъ!“ Сія удивительная рѣчь князя властолюбиваго была хитростью: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ, которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія княжескаго самовластія. Современный лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина Алексѣя Сбыславича, торжественно, на вѣчѣ двора Ярославова. Сіе насиліе произвело всеобщее негодованіе: сожалѣли

о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца и что истинный государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, великій князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться государемъ новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ посадника Димитрія, раненаго въ битвѣ, и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ, а князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ могилы отца Димитріева. Сынъ великаго князя, Святославъ, вторично пріѣхалъ управлять Новогородскою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль. Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный князь, сынъ Мстислава Храбраго, господствовалъ во Псковѣ съ согласія новогородцевъ или князя ихъ.

Поручивъ область Рязанскую намѣстникамъ и тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава-Ѳеодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ суздальскій обвиняетъ рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ бояръ владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу вмѣстѣ съ послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что великій князь, еще болѣе разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости: велѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица

удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій. Самый епископъ Арсеній, какъ плѣнникъ, былъ привезенъ въ Владиміръ.— Князь Изяславъ Владиміровичъ, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ московскихъ окрестностей; но сынъ великаго князя, Георгій, разбилъ ихъ на-голову.

Въ сіе время дерзнулъ владѣтель ничтожнаго удѣла объявить себя врагомъ государя, страшнаго для иныхъ сильнѣйшихъ князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава Храбраго, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, прославилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа и, принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ смоленскаго князя удѣлъ Торопецкій. Зная, сколь память отца его любезна Новугороду, зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжокъ, плѣнилъ дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями намѣстника его, взялъ ихъ имѣніе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ и сказалъ народу слѣдующія слова отъ имени князя: „Кланяюся святой Софіи, гробу отца моего и всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я свѣдалъ, что князья угнетаютъ васъ и что насиліе ихъ заступило мѣсто прежней вольности. Новгородъ есть моя отчина, я пришелъ возстановить древнія права любезнаго мнѣ народа“. Сія рѣчь плѣнила новогородцевъ: они прославили великодушіе Мстислава, единогласно объявили его своимъ княземъ и заключили Святослава съ боярами владимірскими въ домѣ архіерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицаніями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить великаго князя; но сей государь, или опасаясь, чтобы новогородцы въ озлобленіи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомысліе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцомъ Мстислава и, довольный освобожденіемъ сына, отпустилъ всѣхъ купцовъ новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю.

Великій князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами. Глава духовенства, митрополитъ Матөей, былъ посредникомъ и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію народа; угощенный, обласканный всѣмъ княжескимъ домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію наглое,

обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный столь любилъ Кіевъ, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наслѣдственной области. Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда половцы, остался удѣломъ великаго княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу княгинямъ рязанскимъ, но не могъ избавить князей отъ неволи. Всѣ были довольны и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ великаго князя.

Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неустройства, жертвою коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ враговъ спокойствія. Несмотря на внѣшнія и внутреннія опасности, на угрозы венгровъ и ляховъ, на строптивость народа и мятежный духъ бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріятелей другъ въ другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный старшимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію и съ помощью короля Андрея, изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолѣ галицкомъ, къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали полякамъ: „вы друзья наши, съ вами племянникъ великаго Романа“. Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ, и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ удѣла, отпустилъ малолѣтняго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ. Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе венгровъ и ляховъ: они имѣли случай и не захотѣли возстановить сильнаго дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой ятвягами и литвою) казалось благопріятнымъ для политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостію сихъ монарховъ, долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или подручниковъ. Первый не сдержалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичъ съ вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ антихристъ, по выраженію лѣтописца, удовлетворяя гну-

снѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, тѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ бояръ находился Тимоѳей книжникъ, родомъ кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорять злого властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали венгры, по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право государя, сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозванный Нѣмый, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу, но венгры остереглися, стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая Галичиною, отъ коей произошло имя Галиціи; что одинъ бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу и сказалъ: „Князь! теперь безъ стыда можешь ѣхать назадъ, ты былъ на Галичинѣ!“

Въ сіе время Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти на Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичъ, освобожденный поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другого сына пославъ съ дарами къ королю венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель; оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ галицкомъ, обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ вельможъ и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнію первостепенныхъ бояръ обуздать народъ и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполнители княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися и въ томъ числѣ бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ галицкимъ. Сей вельможа вмѣстѣ съ другими бѣжалъ

въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость королевскую. Непрестанно лаская Даніила, обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери, Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго князя, нежели собственнымъ, чрезъ венгерскихъ бароновъ, ненавистныхъ россіянамъ; думая, что юный Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе галицкихъ бояръ, и Владиславъ, окруженный полками венгровъ, вступилъ съ княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. „За кого вамъ сражаться?—говорилъ одушевленный местію Владиславъ:—за убійцъ ли, которые злодѣйски умертвили вашихъ отцовъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе, женили рабовъ на дочеряхъ боярскихъ?" Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича. Романъ въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ половцевъ. Но всѣ сосѣдственные князья возстали на Игоревичей: Александръ Владимірскій, Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ Нѣмый; малолѣтный Василько прислалъ изъ Бельза къ брату Даніила свою дружину; самые ляхи соединились съ венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ сего ополченія. Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгствѣ: Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили державу княжескую. Родительница спѣшила обнять его: онъ не узналъ матери, бывъ долго въ разлукѣ съ нею; но тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нея имя сына и видя ея радостныя слезы. Среди вельможъ и народа сей величественный отрокъ уже казался повелителемъ, благородною наружностію предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать дѣйствительно: венгры, ляхи, князья сосѣдственные и гордые бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичъ, но Владиміръ остался за Александромъ, Червенъ—за Всеволодомъ, Александровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Даніилъ находился подъ опекою своевольныхъ, недостойныхъ вельможъ и не могъ спасти русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, великій дворецкій, именемъ Потъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ королю; но бояре галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жертвы, и галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя безбожныхъ, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ

бывшихъ князей. Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ св. Владиміра; къ сожалѣнію, кончина великаго князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему въ удѣлъ Ростовъ съ пятью городами, за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ великокняжескаго достоинства съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего удѣла, желая наслѣдовать цѣлое великое княженіе Суздальское. Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ бояръ изъ всѣхъ городовъ, епископа Іоанна, игуменовъ, священниковъ, купцовъ, дворянъ и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть второй сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и великую княгиню, и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали, но безмолвствовали предъ священною властію отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю великаго князя, присягнули избранному наслѣднику. Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ лѣтописцы, со гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія. Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Всеволодъ Георгіевичъ, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ осьмомъ году жизни, оплакиваемый не только супругою, дѣтьми, боярами, но и всѣмъ народомъ: ибо сей государь, называемый въ лѣтописяхъ Великимъ, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а вельможи корыстолюбивые. Не обинуяся лица сильныхъ, по словамъ лѣтописца, и не туне нося мечъ, ему Богомъ данный, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ храбрости, а не человѣколюбію: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнія обыкновенія; требовалъ покорности отъ князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ и желалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая новогородцами, льстилъ ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала, не всегда заслуживаемая царями!), и хотя не могъ назваться самодержавнымъ государемъ Россіи, однакожъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни единовластія. Новѣйшіе лѣтописцы, славя добродѣтели сего князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ ко-

робѣ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ.

Всеволодъ, въ 1209 году, сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью витебскаго князя, Василька Брячиславича. Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни, страдая тяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ и за 18 дней до кончины постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изреченію библіи: во мнозѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе. Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и золотыми сосудами; называютъ россійскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно постригали и сажали на коней въ присутствіи епископа, бояръ, гражданъ; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а бояръ тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ постригъ, или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго пола, кажется остатокъ язычества, знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ славянскихъ: напримѣръ, у ляховъ, коихъ древнѣйшій историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Пьястомъ, остригли волосы его сыну-младенцу и дали имя Семовита.

Въ исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгіѣ; но онъ является важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ исторія грузинской. „Въ 1171 году юная Тамарь, дочь

царя Георгія III, наслѣдовала престолъ родителя. Духовенство и бояре искали ей жениха: тогда одинъ вельможа тифлисскій, именемъ Абуласанъ, предложилъ собранію, что сынъ великаго князя россійскаго, Андрея, дядею Всеволодомъ изгнанный и заточенный въ Савалту, ушелъ оттуда въ Свинчь въ хану кипчакскому (или половецкому), и что сей юноша, знаменитый родомъ, умомъ, храбростію, достоинъ быть супругомъ ихъ царицы. Одобрили мысль Абуласанову; послали за княземъ и Тамарь сочеталась съ нимъ бракомъ. Нѣсколько времени бывъ счастіемъ супруги и славою государства, онъ перемѣнился въ дѣлахъ и нравѣ: Тамарь, исполняя волю совѣта, долженствовала изгнать его, но щедро наградила богатствомъ. Князь удалился въ Черноморскія области, въ Грецію; велъ жизнь странника, скучалъ, возвратился опять въ Грузію, приклонилъ къ себѣ многихъ жителей и хотѣлъ взять Тифлисъ, но, побѣжденный Тамаріею, съ ея дозволенія безопасно и съ честію выѣхалъ неизвѣстно куда". Сія Тамарь славилась побѣдами, одержанными ею надъ персіанами и турками; завоевала разные города и земли; любила науки, исторію, стихотворство и время ея считалось златымъ вѣкомъ грузинской словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери, царствовалъ отъ 1198 до 1211 года.

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ; въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменныя и соборную, богато украшенную Андреемъ: ея серебряныя паникадила, златые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра; едва могли отстоять дворецъ княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные безпрестанными пожарами, оставили домы и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4,300 домовъ. Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы и во многихъ некому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію, трепетали и падали ницъ отъ страха.

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ россіянъ, тѣсно связанныхъ съ греками по вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204); суевѣрные лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму

предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови. Французы, венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи святыхъ, избрали не только собственнаго императора, но и патріарха латинскаго: греческій, оставивъ имъ въ добычу казну софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ духовенству нашему, что вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая имперія уже ему повинуется; что одни ли россіяне захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, посолъ намѣстника апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій, и проч. Сіе пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія и митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ греческихъ константинопольскихъ патріарховъ, до самаго изгнанія крестоносцевъ изъ Царяграда.

Тогда же другіе крестоносцы сдѣлались опасны для сѣверозападной Россіи. Мы упоминали о Меингардѣ, проповѣдникѣ латинской вѣры въ Ливоніи: преемники его, утверждаемые главою бременской церкви въ санѣ епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечомъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей. Третій епископъ ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для пристани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 орденъ Христовыхъ воиновъ или Меченосцевъ, которымъ папа, Иннокентій III, давъ уставъ славныхъ Рыцарей Храма, подчинилъ ихъ епископу рижскому; крестъ и мечъ были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Кокенойсъ (нынѣ Кокенхузенъ), однакожъ, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый епископъ отъ времени до времени дарилъ князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірского господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, россіянамъ или нѣмцамъ: единоплеменники финновъ, ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства рыцарей, а латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. На-

конецъ, князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскуль и не могъ, въ 1200 году, взять Кирхгольма, ибо россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію ливонскаго древняго лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею: хотя и переняли сіе орудіе у нѣмцевъ, но, худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду, услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи, и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій россіянъ, былъ датскій: король Вольдемаръ, въ угодность папѣ, шелъ оборонить новую церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу лунденскаго архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ римскаго посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ католической вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами христіанъ, не могли защитить себя. Современный лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: латыши бросили жребій, какую вѣру принять имъ, нѣмецкую или русскую, и, согласно съ волею судьбы, избрали первую. Впрочемъ, они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и чудь назвали самого Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала; были уже христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ съ обрядами язычества и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому: „иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ нѣмцы уже не могутъ господствовать надъ тобою, а будутъ твоими рабами!“ Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокимъ просвѣтителей! — Довольный услугами рыцарей, епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть покоренной Ливоніи; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудивъ удѣльнаго князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ рижской церкви. Сей князь, женатый на дочери одного знатнаго литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только нѣмцамъ, но и россіянамъ, свободно пропуская литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его княгиню, многихъ жителей и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей князь отказался отъ союза съ литовцами и навсегда подарилъ свою область Богородицѣ, то-есть епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно слу-

жить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцомъ: призналъ себя его намѣстникомъ въ Герсикѣ! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новгородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собирать дань и смирять непокорныхъ; осаждалъ крѣпость Медвѣжью Голову или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ ногатами или кунами. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что князь Новогородскій, крестивъ тогда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ поповъ, но что Альбертовы миссіонаріи предупредили россіянъ, и скоро ввели тамъ вѣру латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ, принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной, и къ свѣтской исторіи нашего отечества. Въ 1212 году новогородцы, недовольные святителемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ главою духовенства, митрополитомъ кіевскимъ, изгнали своего архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядрейковича, который незадолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка св. Варлаамомъ, близъ Волхова. Такъ новогородцы судили и князей, и святителей, думая, что власть мірская и духовная происходитъ отъ народа.

ГЛАВА IV.

Георгій, князь Владимірскій, Константинъ Ростовскій.

Г. 1212—1216.

Междоусобіе.—Изгнаніе Мономахова дома изъ южной Россіи.—Благоразуміе россіянъ въ дѣлахъ вѣры.—Подвиги Мстислава.—Строгость Ярославова.—Голодъ въ Новѣгородѣ.—Славная битва Липецкая. — Великодушіе Мстислава.—Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія вельможъ, возвратилъ свободу князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и епископу Арсенію. Великое княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и

Суздалѣ, Константинъ—въ Ростовѣ и Ярославѣ; оба желали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, ровно какъ и Святославъ, получивъ въ удѣлъ Юрьевъ Польскій; Дмитрій-Владиміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій князь обратилъ въ пепелъ Кострому, плѣнилъ жителей; Георгій два раза приступалъ къ Ростову и, заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Димитрія изъ Москвы. „Даю тебѣ (сказалъ онъ) южный Переяславль, нашу отчину; господствуй въ немъ и блюди землю Русскую". Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, неохотно поѣхалъ въ свой удѣлъ, нѣкогда знаменитый и столь любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго и, едва отпраздновавъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ половцами; не могъ одолѣть варваровъ и, плѣненный ими, былъ отведенъ въ вежи. Онъ года черезъ три освободился и княжилъ послѣ въ Стародубѣ на Клязьмѣ.

Рюрикъ скончался: князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ, не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ, ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти великаго князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: „Вы" (говорилъ Всеволодъ) хотѣли овладѣть Галичемъ, возмутили тамъ народъ, повѣсили моихъ братьевъ какъ разбойниковъ; вы гнуснымъ злодѣяніемъ посрамили имя отечества!" Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новогородскаго. Сей мужественный князь былъ тогда стражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны тревожили оную литовцы, съ другой—властолюбіе нѣмцевъ угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители, изгнавъ князя своего Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ рижскимъ епископомъ, ходили тогда въ Чудскую землю для собранія дани. Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окресности. Мстиславъ Новогородскій далъ псковитянамъ иного князя, своего племянника двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ ордена и тестемъ епископова брата, Дитриха. Принятый имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать нѣмцамъ важную услугу. Современный лѣтописецъ ливонскій разсказываетъ, что князь Полоцкій, Владиміръ, желая объясниться съ епископомъ Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго

Крейцбурга. Альбертъ пріѣхалъ туда съ рыцарями, старѣйшинами ливонскими, купцами нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не тревожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что нѣмцы должны слѣдовать примѣру россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрить Спасителю или не вѣрить. „Нѣтъ!“ — отвѣтствовалъ съ жаромъ епископъ: — „совѣсть обязываетъ меня крестить идолопоклонниковъ: такъ угодно Богу и папѣ!“ Князь грозился обратить въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечъ: рыцари также изготовились къ битвѣ, но Владиміръ Мстиславичъ сталъ между ими, молилъ, убѣждалъ и сдѣлалъ, наконецъ, то, что князь Полоцкій, отдавая справедливость неустрашимости рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонію. Сей князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать нѣмцевъ, но упалъ мертвый въ самую ту минуту, какъ хотѣлъ сѣсть на ладію и плыть къ устью Двины, чтобы осадить Ригу. Господствуя въ южной Ливоніи, рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстоніею: узнавъ, что отряды ихъ грабятъ тамошнихъ жителей, Мстиславъ Новогородскій собралъ 15,000 воиновъ: вмѣстѣ съ княземъ псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ ногатами и разорилъ многія окрестныя селенія. Сія западная часть нынѣшней Эстляндской губерніи находилась тогда въ цвѣтущемъ состояніи; земледѣльцы жили въ изобиліи и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой дани новогородцамъ, а третью своимъ дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Балтійскаго моря къ Днѣпру; прибылъ въ Новгородъ, собралъ вѣче на дворѣ Ярослава и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угождать) и единодушно отвѣтствовали: „Князь! куда обратишь свои очи, тамъ будутъ наши головы!“ Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ идти далѣе. Напрасно князь звалъ ихъ на вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. „И такъ, мы должны разстаться“, сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними и вышелъ съ братьями

изъ Смоленска. Новогородцы изумились: тогда посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго и служили примѣромъ для другихъ россіянъ. Сія рѣчь тронула новогородцевъ легкомысленныхъ, однакожъ чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали князя и, пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два князя отдалися въ плѣнъ. Всеволодъ Святославичъ бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его князю Смоленскому.

Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ новогородцевъ, однакожъ даетъ имъ волю избрать себѣ иного князя. Народъ сожалѣлъ о немъ: долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ посадника, тысяцкаго и десять старѣйшихъ купцовъ звать Ѳеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя. Ярославъ-Ѳеодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями, сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ, велѣлъ разграбить дворецъ тысяцкаго, оклеветаннаго врагами, взявъ подъ стражу сына и жену его. Возбужденный самимъ княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жертвъ, новыхъ преступниковъ: умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ, а князь съ досады на сихъ мятежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пустилъ ни воза въ столицу. Тщетно послы убѣждали князя возвратиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи стоила около трехъ рублей шестидесяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣпы два рубли 86 копеекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ ихъ взять,—томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на съѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ новогородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. „Иди къ св. Софіи“, — говорили они: — „или скажи, что не хочешь быть нашимъ княземъ“. Онъ задержалъ и сихъ пословъ вмѣстѣ съ куп-

цами новгородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а намѣстникъ Ярославовъ и дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Во то время явился утѣшитель, Мстиславъ Великодушный: новогородцы съ восторгомъ увидѣли его на дворѣ Ярослава. Сей князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе — быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ благоденствіе Новагорода или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ боярамъ и купцамъ новогородскимъ. Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія и прислалъ сто знаменитыхъ новогородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди, видя единодушіе согражданъ, пристали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переяславль Залѣсскій, отнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозилъ наказать тестя и смѣло поднялъ руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новагорода было достойно жалости: голодъ, болѣзни истребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди стенали въ темницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. „Оставимъ ли братьевъ въ заключеніи и постыдной неволѣ?“— говорилъ онъ народу: — „да воскреснетъ величіе столицы! да не будетъ она презрительнымъ Торжкомъ, ни Торжекъ ею! Новгородъ тамъ, гдѣ святая Софія. Рать наша малочисленна: но Богъ заступникъ правыхъ, и сильнаго, и слабаго!“ Всѣ казались единодушными; однакожъ нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ остальными и съ братомъ, княземъ Владиміромъ Псковскимъ (который, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: князь новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный военачальникъ и политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичъ будетъ всѣми силами помогать меньшому брату, Мсти-

славъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичъ, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но князь новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться и взялъ укрѣпленный Зубцовъ. Дружина Мстиславова хотѣла прямо идти къ Торжку; но князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить театръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ обѣ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ новогородскомъ; Георгій, Ярославъ и князья муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что князь владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ. Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. „Не время думать о мирѣ“,— говорилъ онъ посламъ:—„вы теперь какъ рыба на пескѣ; зашли далеко и видите бѣду неминуемую“. Мстиславъ вторично представлялъ Георгію и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ свою область Суздальскую, буде Георгій отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владиміръ. „Ежели самъ отецъ нашъ (сказалъ Георгій) не могъ разсудить меня съ Константиномъ, то Мстиславу ли быть нашимъ судіею? Пусть Константинъ одолѣетъ въ битвѣ“. Тогда всѣ его послы съ горестію удалились, и князь владимірскій, пируя въ шатрѣ съ вельможами, желалъ знать ихъ мнѣніе. Одинъ бояринъ совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ государемъ земли Суздальской, представляя, что князья Ростислава племени мудры и храбры, а воины новгородскіе и смоленскіе дерзки въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству. Князья слушали боярина съ неудовольствіемъ. Другіе вельможи, льстя ихъ самолюбіе, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ про-

тивоборствовать соединенному войску всѣхъ россіянъ, и сѣдлами закидають новогородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ военачальниковъ, князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ оплечье. „Вамъ брени, одежды и кони мертвыхъ", — сказали они: — „въ плѣнъ возьмемъ однихъ князей и рѣшимъ послѣ судьбу ихъ". Отпустивъ воеводъ, Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ—для Ярослава, Смоленскъ—для третьяго брата, а Кіевъ—для Ольговичей, оставляя Галичъ на свое дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ; долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣтами вѣрности и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгіевы стояли всю ночь за щитами, то-есть вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приблизились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ, или битву на равнинѣ. Сей князь отвѣтствовалъ: „Не хочу ни того, ни другого; и когда вы уже не боялись дальняго пути, то можете перейти и за дебрь, гдѣ мы васъ ожидаемъ". Мстиславъ сталъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстиславъ думалъ идти прямо къ Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади и бился, чтобы миролюбивые ростовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ станѣ новогородцевъ и смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда князь новогородскій, сказавъ: „гора не защититъ и не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ и съ чистою совѣстію", велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ стоялъ Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ новогородцами и князь псковскій. Учредивъ строй, обозрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрилъ воиновъ краткою рѣчью. „Друзья и братья, —говорилъ онъ: —мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко, призвавъ Бога помощника. Да никто не

озирается вспять: бѣгство не спасеніе. Кому не умереть, тотъ будетъ живъ. Забудемъ на время женъ и дѣтей своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: пѣшіе или на коняхъ“. Новогородцы отвѣтствовали: „Сразимся пѣшіе, какъ отцы наши подъ Суздалемъ“. Оставивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ крикомъ устремились впередъ; за ними Мстиславъ и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смоляне, также пѣшіе, вступили въ бой, не хотѣвъ ждать воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: „не выдадимъ добрыхъ людей!“ и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы, говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ и, торжествуя, показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина, но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. „Друзья!“—сказалъ князь новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: — „не время думать о корысти: надобно довершить побѣду“ — и новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ, осуждая смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9,233 человѣка. Въ остервѣненіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ, а смоляне нашли въ Георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переяславль и, пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ новогородскихъ купцовъ въ темницѣ, а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя въ дали скачущаго всадника, они думали, что князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гра-

ждань, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. „Государь, усердіемъ не спасемся,— отвѣтствовали граждане: „братья наши легли на мѣстѣ битвы; другіе пришли, но безъ оружія: съ кѣмъ отразить врага!“ Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы и шелъ медленно ко Владиміру. Чрезъ два дня окруживъ городъ, сей князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли идти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ, но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться и, на третій день пріѣхавъ въ станъ къ новогородскому князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: „Вы побѣдители: располагайте моею жизнью и достояніемъ. Братъ мой Константинъ въ вашей волѣ“. Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъ родителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастливой войны; сѣлъ въ ладію съ женою и поѣхалъ въ городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отправился съ нимъ епископъ Симонъ. Знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ иноковъ кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями, обязанный Георгію саномъ святителя, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей князь, въ 1215 году, учредилъ особенную епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова.

ГЛАВА V.

Константинъ, великій князь Владимірскій и Суздальскій.

Г. 1216—1219.

Добросердечіе Константина.—Дѣла ливонскія.—Важное предпріятіе Мстислава.—Пылкость юнаго Даніила.—Тиранство венгровъ въ Галичѣ.—Убійства въ Рязани.—Смерть Константина.

Мстиславъ возвелъ Константина на престолъ великаго княженія Владимірскаго и шелъ смирить своего зятя, который, оставивъ гордость, прибѣгнулъ къ великодушію старшаго брата. „Будь

моимъ отцемъ, говорилъ онъ Константину:—я въ твоихъ рукахъ и прошу у тебя хлѣба: неужели выдашь меня князьямъ новогородскому и смоленскому?“ Мстиславъ въ угодность Константину согласился на миръ и принялъ дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ княземъ столь жестокосерднымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ честію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переяславлѣ.

Достигнувъ цѣли своей, Константинъ захотѣлъ утѣшить изгнаннаго Георгія, призвалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ великаго княженія и далъ ему Суздаль. Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій клялся забыть прошедшее. Константинъ чувствовалъ слабость здоровья своего и желалъ, въ случаѣ смерти, оставить юнымъ сыновьямъ второго отца въ ихъ старшемъ дядѣ.

Мстиславъ, герой сего времени, совершивъ одно дѣло и ревнуя ознаменовать свое мужество новымъ, еще важнѣйшимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской, а рыцари нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпить сіе мѣсто. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ и, принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ россіянамъ, отшедшимъ далеко отъ стана, нѣмцы напали на обозы новогородцевъ, однакожъ, потерявъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ. Самъ великій магистръ ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дитрихомъ, братомъ епископа рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не смѣя вторично вступить въ бой, они требовали мира. Дитрихъ, въ залогъ вѣрности, остался въ рукахъ у новогородцевъ, которые дали рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней нѣмецкихъ.—Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхалъ Новогородскую область, наказалъ нѣкоторыхъ ослушниковъ или нерадивыхъ чиновниковъ, созвалъ гражданъ столицы на дворѣ Ярослава и сказалъ имъ: „Кланяюся святой Софіи, гробу отца моего и вамъ, добрые новогородцы. Иноплеменники господствуютъ въ знаменитомъ княженіи Галицкомъ: я намѣренъ изгнать ихъ. Но васъ не забуду и желаю, чтобы кости мои лежали у святой Софіи, тамъ же, гдѣ покоится мой родитель“. Тщетно граждане, искренно огорченные, молили князя великодушнаго, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дружески простился съ народомъ и спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая нетерпѣніемъ собрать войско въ южной Россіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Честь и вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оста-

вили юнаго Даніила на престолѣ галицкомъ съ однимъ именемъ князя: бояре всѣмъ управляли и, находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своевольства, принудили ее выѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разлучиться съ нею и въ гнѣвѣ ударилъ мечомъ одного изъ вельможъ, взявшаго за узду коня его; однакожъ княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостію бояръ, Андрей, король венгерскій, пришелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятежниковъ и виновнѣйшаго изъ нихъ, Владислава, сковалъ цѣпями. Но скоро бѣдствія Романова семейства возобновились. Тайно призванный галичанами, Мстиславъ Нѣмый заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ для своего тестя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей вторично шелъ защитить Даніила; уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ отъ страха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгріи. Свирѣпые бароны, враги королевы Гертруды, умертвили ее, готовивъ такую же участь и королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности; чѣмъ бояринъ Галицкій, Владиславъ (тогда освобожденный), умѣлъ воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что отрокъ Даніилъ, сынъ отца ненавистнаго народу, не въ состояніи мирно управлять княженіемъ, или возмужавъ не захочетъ быть данникомъ Венгріи; что Андрей поступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ намѣстника Галиціи не природнаго князя и не иноплеменника, но достойнѣйшаго изъ тамошнихъ бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ боярамъ, онъ съ дружиною венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками св. Владиміра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожъ услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею печально смотря на башни владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне

и чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ дворъ блестящій, составленный изъ витязей и бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ государемъ польскимъ. Воевода сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами венгровъ и ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичъ: ѣздилъ къ Андрею и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтній сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтней дочери герцога Лешка, Соломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы король уступилъ Перемышль ляхамъ и чтобы Владиміръ отдать Даніилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ лѣтописецъ) сей гордый бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ князей россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть. Можетъ быть утомленные смятеніями и перемѣнами галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ жребіемъ, если бы новое правительство венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованія онъ писалъ къ папѣ Иннокентію III, что народъ и князья галицкіе, подданные Венгріи, испросивъ себѣ сына его въ государи, желаютъ присоединиться къ Римской церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять богослуженіе на языкѣ славянскомъ. Когда же архіепископъ гранскій, именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ королевскій на сына Андреева и Соломею, сей новый государь, исполняя волю отца и папы, изгналъ епископа россійскаго, священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ вѣру латинскую. Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями и кознями бояръ, запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію венгровъ, Андрей поссорился съ герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новогородскій. „Ты мнѣ братъ, — писалъ Лешко къ сему храброму князю: — иди прославиться знаменитымъ подвигомъ мужества: Галичъ, достояніе твоихъ предковъ, стенаетъ подъ игомъ утѣснителей“. Мстиславъ, подобно отцу, готовый всегда на дѣла великія, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной столицѣ воинскими приготовленіями, тишина царствовала въ предѣлахъ великаго княженія Владимірскаго. Константинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ князей сосѣдственныхъ и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ владѣтелей рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Коварный Глѣбъ, при великомъ князѣ Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ Константиномъ Владиміровичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, бояре пили и веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лицо и голосъ злодѣя не измѣняли адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владиміровичъ извлекаютъ мечи, вооруженные слуги и половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ бояръ ихъ не могъ спастись. Утомленные смертоубійствомъ, изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію. Въ числѣ убіенныхъ находился и родной братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно; еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія: великій князь Константинъ, изнуренный, можетъ быть, недугами, довольствовался сожалѣніемъ о несчастныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Незадолго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Ростовъ, а другого, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ, духовенству и чтить Георгія, какъ второго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый боярами, слугами, нищими, монахами. Хваля его мудрость и добродѣтель, лѣтописецъ суздальскій говоритъ, что сей князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ апостольской вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ утѣшать всякаго. Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ и, названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

ГЛАВА VI.

Великій князь Георгій II Всеволодовичъ.

Г. 1219—1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ.—Великодушіе посадника.—Дѣла церковныя.—Войны.—Устюгъ.—Новгородъ-Нижній.—Освобожденіе Галича.—Неблагоразуміе Мстислава.—Происшествія въ Ливоніи.—Мужественный Вячко.—Набѣгъ литвы.—Слухъ о татарахъ.

По отбытіи Мстислава, новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника, Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей князь не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа; посадникъ Твердиславъ, мужъ отличный достоинствами, взявъ подъ стражу какого-то мятежнаго боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленниковъ. Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе—за боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщевали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что новогородцы не имѣли ни законовъ, ни князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его нечиста предъ Богомъ и согражданами, „да паду въ битвѣ первый,—говорилъ онъ,—или небо да оправдаетъ меня побѣдою моихъ братьевъ!“ Наконецъ, злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира и, цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего тысяцкаго объявить на вѣчѣ, что сей посадникъ властію княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: безъ вины! „Я доволенъ,—сказалъ Твердиславъ:—честь моя остается безъ пятна; а вы, братья сограждане, вольны избирать и посадниковъ, и князей“. Народъ вступился за него. „Вспомни условіе,—говорили Святославу послы вѣча:—ты далъ намъ клятву не смѣнять чиновниковъ безвинно. Когда же забываешь оную, то мы готовы съ поклономъ указать тебѣ путь, а Твердиславъ будетъ нашимъ посадникомъ“. Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ новогородскій меньшему брату, Всеволоду.

Правленіе сего князя ознаменовалось также внутренними безпокойствами. Люди, посланные новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа, возвратились съ дороги, сказывая, что великій князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичъ не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ новогородскимъ посадникомъ и тысяцкимъ. Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однако жъ чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ дворянъ и многихъ гражданъ на дворѣ Ярослава. Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дома и поручили великодушной защитѣ народа, который стекался къ нему толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ концовъ стали въ ряды и ждали князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ, а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій и навсегда отказался отъ свѣта.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе новгородцевъ: выгнавъ прежде архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику Антонію, осматривавшему тогда свою епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже иного святителя. Однако жъ Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ пастыремъ. Граждане были въ крайнемъ затрудненіи и, не зная что дѣлать съ двумя архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія епископомъ въ Перемышль Галицкій.

Воинскіе подвиги новогородцевъ были удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Пертуева, или нынѣшняго Пернау, однако жъ разбилъ нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній лѣтописецъ ливонскій повѣствуетъ, что рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ и даже отняли знамя князя новогородскаго; но союзники ихъ, латыши, видя многочисленность россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей лѣтописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16.000; что нѣмцы, отдѣленные отъ новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями.

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичъ, убійца князей рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ, рано или поздно, отмстить смерть братьевъ: нанявъ половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми россіянами и самому себѣ ненавистный (обыкновенная мука злодѣевъ!), Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку, гонимый небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою. Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую и съ дружиною великаго князя вторично разбилъ половцевъ.

Вѣроятно, что камскіе болгары издревле торговали съ чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской губерніи; съ неудовольствіемъ видя новое господство россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и болѣе обманомъ, нежели силою взяли Устюгъ, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался по имени ея Гледеномъ, а названіе устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга сливающаго тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно смѣсь россіянъ съ чудью—зависѣли отъ великаго князя Георгія, и въ особенности отъ ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, болгары въ то же время старались овладѣть берегами Унжи, но были отражены и скоро увидѣли войско россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями муромскихъ князей и съ сильнымъ ополченіемъ прибылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы и, для безопасности судовъ оставивъ стражу, приблизился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо; задыхаясь отъ густого дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча россіянъ; только князь болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не требуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени вмѣстѣ со многими россіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ, наконецъ, однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый

толпами плѣнниковъ, большею частью женъ и младенцевъ. Напрасно болгары хотѣли отмстить ему, стекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладьи, распустили знамена и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ ростовцами, устюжанами и съ воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега и взялъ нѣсколько городковъ болгарскихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ великому князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дня угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились во Владимірѣ послы болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу россіянъ, болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ обезоружили великаго князя. Послы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону магометанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній-Новгородъ тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства.

Въ сіе время князь черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ литовцевъ, которые искали добычи въ его области. Но важнѣйшимъ успѣхомъ россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій князь новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ разными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе на берегахъ Днѣстра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приблизился. Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди, что Андрей не уступитъ ему сыновняго королевства мирно и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу; вопреки имъ Мстиславъ сѣлъ на тронѣ галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцомъ; старался также сохранить любовь герцога польскаго и не мѣшалъ ему владѣть частью западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность герцога. Мстиславъ отвѣтствовалъ: „Лешко мой другъ“. Но когда не

уступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою, когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у ляховъ всѣ области Россійскія, тогда оскорбленный герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другого въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. „Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,—велѣлъ онъ сказать королю,—пусть властвуетъ въ оной сынъ твой. Изгонимъ только россіянъ“. Андрей не могъ желать иного. Венгры и ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Дмитріемъ, воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила; хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожъ, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ, наконецъ, выдти изъ города, очистилъ себѣ путь мечомъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ витязя достойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня и сказалъ: „Храбрый князь! теперь иди во Владиміръ: я пойду за половцами. Мы отмстимъ врагамъ, и стыдъ нашъ падетъ на нихъ“. Онъ сдержалъ слово.

Союзники, венгры, ляхи, завоевавъ Галичъ, не дремали; первые усилились новыми полками своими и богемскими, присланными Андремъ къ Коломану съ знаменитымъ воеводою Фильніемъ. Сей надменный баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ россіянамъ и часто говорилъ въ пословицу: „Одинъ камень избиваетъ множество глиняныхъ сосудовъ. Острый мечъ, борзый конь, и Русь у ногъ моихъ“. Ляхи непрестанными впаденіями тревожили область Владимірскую. Къ счастію, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ князьями литовскими, жмудскими, латышскими и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устрашить собственныя владѣнія Лешковы.—Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготовился и двинулъ рать свою, усиленную половцами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ, венгры и галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и стройно; за ними половцы. Владиміръ Рюриковичъ предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который вдругъ отдѣлился отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движеніе непріятелей, такъ что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого и

сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. „Не забывай (говорилъ онъ), что ты военачальникъ, а не зритель. Твое бездѣйствіе можетъ погубить насъ“. Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ св. креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не устоялъ противъ ляховъ: они гнали россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу и древними пѣснями отцовъ своихъ торжествовали побѣду. Венгры, галичане также имѣли успѣхъ; бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро ляхи, къ отчаянію своему, увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: россіяне, исполняя волю князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ и, видя издали государственное знамя польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя съ изображеніемъ Бѣлаго орла развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть. Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили Мстислава Храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, краснымъ солнцемъ отечества.

Сей князь осадилъ Галичъ. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), венгры и ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, венгры сдалися. Князь россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубокой горести; онъ велѣлъ за крѣпкою стражею отвести ихъ въ Торческъ, а бароновъ венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и половцамъ въ награду за оказанное ими мужество. Только славный архіепископъ краковскій, лѣтописецъ Каллубко и канцлеръ польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ. Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тестемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣлъ только видѣть

свѣжіе трофеи россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя царя Галицкаго, и что россійскіе епископы вѣнчали его златымъ вѣнцомъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки.

Андрей, король венгерскій, былъ въ отчаяніи и немедленно отправилъ вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтствовалъ, что побѣда зависитъ отъ неба; что онъ ждетъ короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброходствующимъ ему боярамъ галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію. Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности церкви греческой! Не любя тамошнихъ бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности и, съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благотворителя; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ княженія. Мстиславъ—болѣе воинъ, нежели политикъ—принялъ мнѣніе бояръ и, съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на царевнѣ армянской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, король требовалъ разрѣшенія отъ папы, Гонорія III. Вѣроятно, что герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ и жаловался папѣ на условія мира, заключеннаго венграми съ россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю герцога польскаго, возведенному на ея тронъ апостольскою властію; что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уни-

чтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожъ Андрей не хотѣлъ нарушить договора и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый венграми, самъ примириться съ князьями россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, князя Бельзскаго, взявшаго сторону венгровъ и ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ злою ночью: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя тамъ отъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ. Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Даніилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать вельможъ, смирять непріятелей, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда Ольговичи какъ союзники Мстислава. Великій же князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и внѣшнею безопасностію новогородцевъ, пославъ къ нимъ восьмилѣтняго сына, Всеволода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы рыцари; новогородцы требовали сильной помощи отъ Георгія и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ нѣмецкій говоритъ, что россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ рижской Богоматери, изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали латинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ литовскихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена; россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ бояръ подъ стѣною. На другой день, узнавъ, что самъ великій магистръ ордена, Вольквинъ, ночью вышелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: латыши, послушные нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова и не могли насытиться кровью людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ,

уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане псковскіе ходили осенью въ землю латышей, гдѣ истребили все, что могли.—Несмотря на мирныя, весьма не искреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, нѣмцы и россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ ливь и латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы; обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію ливонскаго лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія и, боясь россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады, запасались хлѣбомъ, а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя рыцарями толпы чуди два раза зимою приходили внезапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

Въ то время малолѣтній сынъ Георгіевъ, по желанію своихъ бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ главы, желалъ имѣть княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Өеодору и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія, ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торонецкой области, хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами.

Вальдемаръ II, мужественный король датскій, желая (какъ говоритъ современный лѣтописецъ) „очиститься отъ грѣховъ своихъ и доказать усердіе къ рижской Богоматери“, высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго ордена; ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ датчанамъ и что небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и епископовъ, чтобы утвердить тамъ христіанскую вѣру и власть свою къ неудовольствію рижскихъ нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ

друга и датчане повѣсили одного чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ эзельскій вооружился, побилъ шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть къ нѣмцамъ; умертвили многихъ рыцарей, священниковъ, купцовъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать рижскому епископу, что они возвратились къ древней вѣрѣ отцовъ и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ старѣйшины ихъ призвали россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства, отнятаго у нѣмцевъ, и послали дары къ новогородскому князю, моля его о защитѣ.

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь новогородскій хотѣлъ идти къ Ригѣ, но, убѣжденный послами эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы освободить сію землю отъ ига датчанъ. Близъ Феллина онъ, къ изумленію своему, увидѣлъ трупы многихъ россіянъ повѣшанныхъ: рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, стеная отъ нѣмцевъ, россіянъ и болѣзней.—Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожъ съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало золота.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей князь — неизвѣстно для чего—самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать датчанъ; а князь нового-

родскій былъ десятилѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ владѣтелей кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ двинскомъ замкѣ Кукейносѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи; бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву. Тогда епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцовъ, латышей и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный монахами, священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но князь россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большія огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: латыши гремѣли щитами, нѣмцы били въ литавры, а россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, нѣмцы собрались на общій совѣтъ. „Не будемъ терять времени (сказалъ одинъ изъ нихъ) и возьмемъ городъ приступомъ. Доселѣ мы излишно щадили враговъ своихъ: нынѣ да погибнутъ всѣ безъ остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ въ крѣпость, тому честь и слава; тому лучшій конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. Но опасный князь россійскій долженъ быть повѣшенъ на деревѣ“. Одобривъ сіе предложеніе, рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и россіяне бились мужественно, хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ и нѣсколько часовъ отражали нѣмцевъ, однакожъ принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Вслѣдъ за рыцарями ворвались въ крѣпость и латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись россіяне. Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного суздальскаго боярина: плѣнивъ его, нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ.

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова; рыцари

не хотѣли ждать ихъ; надъ кучами мертвыхъ тѣлъ съ веселою музыкою отпѣли благодарный молебенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій лѣтописецъ прибавляетъ, что россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ епископу рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ послами и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани, которую они прежде собирали въ землѣ латышей: ибо сей хитрый епископъ иногда еще признавалъ россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, тѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ ливонцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними; сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить россіянамъ и грабить селенія.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое вайнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена—столь, кажется, несчастныя—были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. Россія въ 1224 г. услышала о татарахъ...

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и княженій россійскихъ, порабощеніе государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи съ XI до XII вѣка.

Права великихъ князей.—Удѣлы.—Княжескіе съѣзды.—Право наслѣдственное.—Враги внѣшніе.—Правленіе.—Обряды и чины двора.—Войско.—Торговля.—Ганза.—Договоръ съ нѣмцами.—Деньги.—Художества.—Науки.—Поэзія.—Нравы.—Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно св. Владиміру, раздѣливъ Россію на княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь великимъ княземъ, былъ главою отечества и

меньшихъ братьевъ, и чтобы удѣльные князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его. Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое великое княженіе раздробится, ослабѣетъ и что удѣльные владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы князей удѣльныхъ. Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ, наконецъ, отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ систему удѣловъ въ своихъ областяхъ; еслибы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди, то они могли бы возстановить единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ главы и сыновья его совсѣмъ не думали быть монархами.

Ярославъ раздѣлилъ государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его; въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные удѣлы—и князья первыхъ стали послѣ называться великими въ отношеніи къ частнымъ или удѣльнымъ, отъ нихъ зависѣвшимъ. Волынія, Галиція, земли дреговичей отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмуторокани, завоеваннаго половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земли вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ владѣтелямъ, нерѣдко обнажавшимъ мечъ другъ на друга. Смоленское также имѣло частные удѣлы: Торопецкій и Красенскій. Самый Новгородъ, древнее достояніе государей кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи великимъ княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ княжескихъ совѣтовъ или съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время и не могли прекратить вредна-

го междоусобія. Вслѣдствіе такого съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ. Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ владѣтелей черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ половцевъ: они еще тревожили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство россіянъ, любили называться славянскими именами и даже охотно крестились. Два раза поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть россіянъ и стеная отъ собственныхъ бѣдствій внутри государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные князья галицкіе—Владимірко, Ярославъ, Романъ—служили для Россіи щитомъ на юго-западѣ и держали венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе болгары, съ 1185 года свободные отъ ига грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили латинскаго императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей—вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго—въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди. — Болгары камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари нѣмецкіе вытѣснили новогородцевъ и кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ опаснѣйшихъ враговъ отечество наше тогда не знало и,

несмотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношеніи къ сосѣдямъ, наблюдая законы предковъ въ своемъ правленіи, успѣвая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Что касается собственно до направленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, государственныхъ уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда государство раздѣлилось, когда лучи славы угасли надъ престоломъ св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе государи въ Россіи, тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти или противился ея дѣйствію. Самовластіе государя утверждается только могуществомъ государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою тіунамъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани. Но граждане столицы, пользуясь свободою вѣча, нерѣдко останавливали государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшали собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно пригородами, не имѣли сего права. Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, бояре, воины, купцы. Знаменитое духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ боярами, гражданскими людьми, епископами, игуменами. Митрополитъ кіевскій присутствовалъ на вѣчѣ софійскомъ. Архіепископъ новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому. Подобно князьямъ, вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ митрополита судили іереевъ, монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ греческаго номоканона или Кормчей книги: она хранилась въ новогородскомъ соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти христіанъ.—Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на

сердца людей.—Но епископы, избираемые княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія, могли ими быть изгнаны. Въ отношеніяхъ гражданскихъ святитель совершенно зависѣлъ отъ суда княжескаго: такъ Ярославъ-Ѳеодоръ (въ 1229 году) судилъ какую-то важную тяжбу епископа ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія. (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ принесъ благодарность небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ и, подобно Іову, страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ схиму).

Восшествіе государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; кіевляне, новогородцы сажали князей на престолъ въ Софійскомъ храмѣ. Князь въ самой церкви, во время литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ казначеи, ключники, постельники, конюшіе и проч. Что прежде называлось дружиною государей, то со временъ Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ дворомъ: бояре, отроки и мечники княжескіе составляли оный.

Сіи дворяне, первые въ Россіи, были лучшею частію войска. Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, пасынковъ или отроковъ боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ княжескихъ) и гридней или простыхъ мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане и сельскіе жители, но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ—большею частію въ концѣ зимы—князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія. Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обыкновенно начинали дѣло. Главный воевода именовался тысяцкимъ: князья имѣли своихъ тысяцкихъ, города также. Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ: ибо сильнѣйшее извѣстное намъ войско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 ратниковъ. Воины надѣвали латы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телѣгахъ: отчего непріятель, пользуясь нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или остроги служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или дѣтин-

цевъ. Нѣмецкій лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что россіяне могли учиться у ливонскихъ рыцарей искуству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или пороки уже давно были у насъ извѣстны.

Ни внутренніе раздоры, ни внѣшніе частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благодѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ, присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ половцевъ. Днѣпръ въ теченіе своемъ отъ Кіева къ морю называется обыкновенно путемъ греческимъ. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряныя коренья. Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили генуэзцевъ въ южную часть Тавриды. По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые итальянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ. Въ самое-то время, когда войско россійское сражалось съ половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ. Греки, армяне, евреи, нѣмцы, моравы, венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ россіянъ, которые дозволяли христіанамъ латинской церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, пріора латинскаго храма св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими монахами католическими, боясь—какъ говоритъ польскій историкъ — чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь вѣра греческая далека отъ истины!

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ не урожая питая хлѣбомъ Суздальское великое княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися армянскія надписи XII вѣка: вѣроятно, что армяне, издавна славные купече-

ствомъ, вымѣнивали тамъ русскіе мѣха и кожи на товары персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ боргаръ разумѣются въ Турціи восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть: изъ чего заключаютъ, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами ширванскихъ и шамаханскихъ уроженцевъ. Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображеніями, точками, звѣздочками и, безъ сомнѣнія, принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ, посылалъ корабли въ Данію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, король датскій, Свендъ IV, захватилъ многія суда россійскія и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы новогородскіе имѣли свою церковь на островѣ Готландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Виннеты, и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары индѣйскіе, персидскіе, арабскіе шли черезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Балтійскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты арабскія, находимыя тамъ въ большомъ количествѣ. Готландцы, нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: зимнихъ и лѣтнихъ гостей. Правительство обязывалось за уставленную плату высылать къ Ижерѣ, навстрѣчу имъ, лодочниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ невскихъ и волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ казну съ каждаго судна гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ отведены были особенные дворы нѣмецкимъ и готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостью и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того старѣйшинъ; одинъ посолъ княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный россіяниномъ гость жаловался князю и тіуну новогородскому; обиженный гостемъ россіянинъ — старѣйшинѣ иноземцевъ. Сіи тяжбы рѣшались на дворѣ св. Іоанна. Готландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу св. Олава, нѣмцы — храмъ св. Петра, а въ Ладогѣ—св. Николая, съ кладбищами и лугами.—Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, вольные города германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ,

наконецъ, до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, въ исторія подъ именемъ Ганзы, утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышленности—союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и вѣнценосцамъ—когда Рига и Готландія присоединились къ сему братству, тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы сѣверной: Ганза учредила въ немъ главную контору, называла ее матерію всѣхъ иныхъ, старалась угождать россіянамъ, пресѣкая злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ, строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности фламандскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава, противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности двора княжескаго, вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ.

Древняя Біармія, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли шведскіе, норвежскіе не переставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины. Лѣтописцы скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ и, возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то біармскимъ жителямъ и въ 1222 году, прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество клейменаго серебра, мѣховъ бѣличьихъ и проч.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Готландіею и съ нѣмецкими городами, чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 г. Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ нравамъ и законодательству древней Россіи.

1) „Миръ и дружба да будутъ отнынѣ между Смоленскою областію, Ригою, Готскимъ берегомъ (Готландіею) и всѣми нѣмцами, ходящими по Восточному морю, ко взаимному удовольствію той и другой стороны. А если—чего Боже избави—сдѣлается въ ссорѣ убійство, то за жизнь вольнаго человѣка платить десять гривенъ серебра, пенязями (деньгами) или кунами, считая оныхъ (кунъ) 4 гривны на одну гривну серебра. Кто ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ; за поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, ноги и всякое увечье 5 гривенъ серебра; за вышибенный зубъ 3 гривны (серебра же); за окровавленіе человѣка посредствомъ дерева $1^1/_2$ гривны, за рану безъ увѣчья тоже; кто ударитъ палицею, батогомъ или схватитъ человѣка за волосы, даетъ $^3/_4$ гривны. Если россіянинъ застанетъ нѣмца или нѣмецъ россіянина у своей жены; также если нѣмецъ или росіянинъ обезчеститъ дѣвицу или вдову хорошаго поведенія, то взыскать съ виновнаго 10 гривенъ серебра. Пеня за обиду посла и священника должна быть двойная. Если виновный найдетъ поруку, то не заключать его въ оковы и не сажать въ темницу; не приставлять къ нему и стражи, пока истецъ не далъ знать о своей жалобѣ старѣйшему изъ единоземцевъ обидчика, предполагаемому миротворцу.—Съ воромъ, пойманнымъ въ домѣ или у товара, хозяинъ воленъ поступить какъ ему угодно.

2) „Заимодавецъ чужестранный удовлетворяется прежде иныхъ; онъ беретъ свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда должникъ осужденъ за уголовное преступленіе лишиться собственности. Если холопъ княжескій или боярскій умретъ, занявъ деньги у нѣмца, то наслѣдникъ перваго или кто взялъ его имѣніе—платитъ долгъ.

3) „И нѣмецъ, и россіянинъ обязаны въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ. Испытаніе невинности посредствомъ раскаленнаго желѣза дозволяется только въ случаѣ обоюднаго на то согласія; принужденія нѣтъ. Поединки не должны быть терпимы; но всякое дѣло разбирается судомъ по законамъ той земли, гдѣ случилось преступленіе. Одинъ князь судитъ нѣмцевъ въ Смоленскѣ; когда же они сами захотятъ идти на судъ общій, то ихъ воля. Сею же выгодою пользуются и россіяне въ землѣ нѣмецкой. Тѣ и другіе увольняются отъ судныхъ пошлинъ: развѣ люди добры и нарочитые присовѣтуютъ имъ что-нибудь заплатить судьѣ.

4) „Пограничный тіунъ, свѣдавъ о прибытіи гостей нѣмецкихъ на Волокъ, немедленно дастъ знать тамошнимъ жителямъ, чтобы они везли на возахъ товары сихъ гостей и пеклись о личной ихъ безопасности. Жители платятъ за товаръ нѣмецкій или смоленскій, ими утраченный. Нѣмцы на пути изъ Риги въ Смоленскъ

и на возвратномъ увольняются отъ пошлины: также и россіяне въ землѣ нѣмецкой. Нѣмцы должны бросить жребій, кому ѣхать напередъ; если же будетъ съ ними купецъ русскій, то ему остаться позади.—Въѣхавъ въ городъ, гость нѣмецкій даритъ княгинѣ кусокъ полотна, а тіуну волокскому перчатки готскія; можетъ купить, продать товаръ или ѣхать съ онымъ изъ Смоленска въ иные города. Купцы русскіе пользуются такою же свободою на Готскомъ берегѣ и вольны ѣздить оттуда въ Любекъ и другіе города нѣмецкіе.—Товаръ, купленный и вынесенный изъ дому, уже не возвращается хозяину, и купецъ не долженъ требовать назадъ своихъ денегъ.—Нѣмецъ дастъ вѣсовщику за двѣ капи, или 24 пуда, куну смоленскую, за гривну купленнаго золота ногашу, за гривну серебра 2 векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну: въ случаѣ продажи металловъ ничего не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну смоленскую.—Для повѣрки вѣсовъ хранится одна капь въ церкви Богоматери на горѣ, а другая—въ нѣмецкой божницѣ (слѣдственно и въ Смоленскѣ была котолическая церковь); съ симъ вѣсомъ должны и волочане свѣрять пудъ, данный имъ отъ нѣмцевъ.

5) „Когда смоленскій князь идетъ на войну, то ему не брать нѣмцевъ съ собою: развѣ они сами захотятъ участвовать въ походѣ. И россіянъ не принуждать къ военной службѣ въ землѣ нѣмецкой.

6) „Епископъ рижскій, мастеръ Фолкунъ (Volquin) и всѣ другіе рижскіе властители признають Двину вольною, отъ устья до вершинъ ея, для судоходства россіянъ и нѣмцевъ. Если—чего Боже избави—ладія русская или нѣмецкая повредится, то гость можетъ вездѣ пристать къ берегу, выгрузить товаръ и нанять людей для вспоможенія; но имъ болѣе договорной цѣны съ него не требовать.

„Сія грамота имѣетъ для Полоцка и Витебска то же дѣйствіе, что и для Смоленска. Она писана при священникѣ Іоаннѣ, мастерѣ Фолкунѣ и многихъ купцахъ рижскаго царства, приложившихъ къ ней свои печати; а свидѣтели подписались“... Слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ жителей Готландіи, Любека, Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказано: „кто изъ россіянъ или нѣмцевъ нарушитъ нашъ уставъ, будетъ противенъ Богу“.

О семъ договорѣ упоминается и въ нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцовъ ливонскихъ; но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ; такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, продавцовъ серебра и золота отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ

намъ металловъ драгоцѣнныхъ. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась относительно къ смоленской ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ Правдѣ 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичъ въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра,—слѣдственно ту же самую пеню: напротивъ чего новогородскія куны унизились.

Не только купцовъ, но и другихъ чужеземцевъ полезныхъ знаніями и ремесломъ, россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лѣкарей. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами, но въ 1494 году владимірскій епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ въ товарищи ни одного нѣмецкаго художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили о ней какъ о великомъ чудѣ. Греческіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго монаха печерскаго, св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей и, занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою. Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на хартіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками, столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота нимало не помрачились.—Замѣтимъ также касательно рукодѣлій, что древніе бояре княжескіе обыкновенно носили у насъ шитыя золотомъ оплечья: и такъ искуство золотошвеевъ—сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ грековъ—было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ другихъ земляхъ европейскихъ.

Мы упомянули о лѣкаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачъ Николы Святоши былъ сиріанинъ. Многія лѣкарства составлялись въ Россіи; лучшія и драго-

цѣннѣшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лѣкаряхъ чужеземныхъ. Печерсій инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачомъ армянскимъ.

Такимъ образомъ художества и науки, бывъ спутниками христіанства на сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностью явленія кометъ, солнечныя и лунныя затменія, путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменитыя святостію мѣста и, пріобрѣтая географическія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ героевъ къ славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, епископы, ревностные проповѣдники христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и духовныхъ. Суздальскій святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, монахъ лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житіи первыхъ угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожъ и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ отмѣтно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь князя полоцкаго, святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ. Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа.—„Слово о полку Игоревѣ" сочинено въ XII вѣкѣ и, безъ сомнѣнія, міряниномъ! ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ соловья стараго времени, стихотворца Бояна, котораго вѣщіе персты, летая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и, конечно, многихъ иныхъ стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечъ истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія „Слово о полку Игоревѣ", будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣ-

ста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, князь сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину идти на половцевъ и говоритъ: „Хочу преломить копіе свое на ихъ дальнѣйшихъ степяхъ, положить тамъ свою голову или шлемомъ испить Дону!“ Многочисленная рать собирается: „Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода“. Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: „Они подъ звукомъ трубъ повиты, концомъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли наточены; носятся въ полѣ какъ волки сѣрые: ищутъ чести самимъ себѣ, а князю—славы“. Игорь, вступилъ въ златое стремя, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы клектомъ своимъ предвѣщаютъ ему гибель, а лисицы лаютъ на багряные щиты россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для россіянъ. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ юга черныя тучи или новые полки варваровъ: „Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ“. Всеволодъ впереди съ своею дружиною: сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными. „Гдѣ сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ головы половецкія“. Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная; земля облита кровію, усѣяна костями. Въ третій день пали наши знамена: кроваваго вина не достало; кончили пиръ свой храбрые россіяне, напоили гостей и легли за отечество. „Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго моря, звеня русскимъ золотомъ“. Сочинитель молитъ всѣхъ князей соединиться для наказанія половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: „ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами“—Рюрику и Давиду: „ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными“—Роману и Мстиславу Волынскимъ: „литва, ятвяги и половцы, бросая на землю свои копья, склоняютъ головы подъ ваши мечи булатные“—сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: „о вы, славнаго гнѣзда шестокрильцы! заградите поле врагу стрѣлами острыми“. Онъ называетъ Ярослава Галицкаго Осмомысломъ, прибавляя:

„сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты подпираешь горы Карпатскія желѣзными своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отдаленныя". Въ то же время сочинитель оплакиваетъ гибель одного кривскаго князя, убитаго литовцами: „дружину твою, князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ выронилъ жемчужную душу свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье". Въ описаніи несчастнаго междоусобія владѣтелей россійскихъ и битвы Изяслава I съ княземъ полоцкимъ сказано: „на берегахъ Нѣмана стелютъ они снопы головами, молотятъ цѣпами булатными, вѣютъ душу отъ тѣла... О времена бѣдственныя! Для чего нельзя было пригвоздить стараго Владиміра къ горамъ кіевскимъ" (или сдѣлать безсмертнымъ!)... Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: „Для чего, о вѣтеръ сильный! легкими крылами своими навѣялъ ты стрѣлы ханскія на воиновъ моего друга? Развѣ мало тебѣ волновать синее море и лелѣять корабли на зыбяхъ его?.. О, Днѣпръ славный! ты пробилъ горы каменныя, стремяся въ землю половецкую; ты несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана Кобякова: принеси же и ко мнѣ друга милаго, да не шлю къ нему утреннихъ слезъ моихъ въ синее море... О, солнце свѣтлое! ты для всѣхъ тепло и красно: почто же знойными лучами своими изнурило ты воиновъ моего друга въ пустынѣ безводной?.." Но Игорь уже свободенъ: обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня, садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель, мысленно одушевляя сію рѣку, заставляетъ оную привѣтствовать князя: „Не мало тебѣ, Игорь, величія, хану Кончаку досады, а Русской землѣ веселія". Князь отвѣтствуетъ: „Не мало тебѣ, Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мягкую на берегахъ серебряныхъ, одѣваешь меня теплыми мглами подъ сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголями на водѣ, чайками на струяхъ, чернетьми на вѣтрахъ". Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери, и сочинитель, повторивъ слова Баяновы: „худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ безъ головы, — восклицаетъ: — счастлива земля и веселъ народъ, торжествуя спасеніе Игорево. Слава князьямъ и дружинѣ!" Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворцу южныхъ народовъ.

Со времянъ Владиміра Святого нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ христіан-

ства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: князья, вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри и нерѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные святители и пастыри церкви учили государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями; были ходатаями человѣчества и вступались за утѣсненныхъ. Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трезвость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца... Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе тіуновъ и князей. Лѣтописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ владѣтелей россійскихъ: „Прошли тѣ благословенныя времена (говорили они), когда государи наши не собирали имѣнія, а только воевали за отечество, покоряя чуждыя земли; не угнетали людей налогами и довольствовались однѣми справедливыми вирами, отдавая и тѣ своимъ воинамъ на оружіе. Бояринъ не твердилъ государю: мнѣ мало двухъ сотъ гривенъ; а кормился жалованьемъ, и говорилъ товарищамъ: „станемъ за князя, станемъ за Русскую землю!“ Тогда жены боярскія носили не златыя, а просто серебряныя кольца. Нынѣ другія времени!“—Однакожъ ни миролюбивыя правила христіанства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратнаго духа нашихъ предковъ; даже самые уставы церковные питали оный: такъ, воинъ наканунѣ похода освобождался отъ всякой эпитиміи. Сыновья княжескіе возрастали въ полѣ и въ станахъ воинскихъ; еще не достигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечомъ грозили врагу. Къ сожалѣнію сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ князей: злобствуя другъ на друга, они безъ стыда разоряли отечество, жгли селенія беззащитныя, плѣнили людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуществѣ никакой державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига татарскаго и, находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя художества ея, просвѣщеніе, не отстала бы отъ иныхъ земель европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, столь обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ домами многихъ знаменитѣйшихъ государей христіанскихъ—императоровъ, королей, принцевъ Германіи—дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ востока, юга и запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о тогдашней Россіи принадлежитъ сказаніе испанскаго еврея, Веніа-

мина, сына Іоны, о многихъ азіатскихъ и европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году, выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но, упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна, что въ ней много лѣсовъ и горъ, что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми.

Такимъ образомъ, предложивъ читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ.

Г. 1224—1238.

Происхожденіе татаръ.—Чингисханъ.—Его завоеванія.—Половцы бѣгутъ въ Россію.—Мнѣніе о татарахъ.—Совѣтъ князей.—Избіеніе пословъ татарскихъ.—Битва на Калкѣ.—Правило татаръ.—Побѣдители скрываются.—Удивленіе россіянъ.—Ужасныя предзнаменованія.—Новыя междоусобія.—Набѣги литовскіе.—Походъ въ Финляндію.—Христіанство въ землѣ корельской.—Новогородцы жгутъ волшебниковъ.—Нелюбовь къ Ярославу.—Сношенія съ папою.—Бѣдствія новогородцевъ.—Происшествія въ южной Россіи.—Льготныя грамоты Великаго Ярослава.—Землетрясеніе.—Затменіе солнца.—Мятежъ въ Новѣгородѣ.—Голодъ и моръ.—Услуга нѣмцевъ.—Криводушіе Михаила.—Святая Евпраксія.—Война съ нѣмцами и съ литвою.—Бѣдствіе Смоленска.—Подвиги Даніиловы.—Война съ мордвою.—Миръ съ болгарами.—Мученикъ Аврамій.—Смерть Чингисхана.—Его завѣщаніе.—Новое нашествіе татаръ или монголовъ.—Отвѣтъ князей.—Заразъ.—Взятіе Рязани.—Мужество Евпатія.—Коломенская битва.—Сожженіе Москвы.—Взятіе Владиміра.—Опустошеніе многихъ городовъ.—Битва на Сити.—Герой Василько.—Спасеніе Новагорода.—Осада Козельска.—Отшествіе Батыево.

Въ нынѣшней Татаріи китайской на югъ отъ Иркутской губерніи, въ степяхъ неизвѣстныхъ ни грекамъ, ни римлянамъ, скитались орды моголовъ, единоплеменныхъ съ восточными турками. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежомъ, зависѣлъ отъ татаръ ніучей, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя и, скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему се-

мействъ или данниковъ. Сей отрокъ, воспитанный матерью въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими искусствами, науками и мудростію своихъ древнихъ законодателей.

ГЕОРГІЙ II. ВСЕВОЛОДОВИЧЪ.

Вел. Кн. Россійскій

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный ханъ все еще признавалъ надъ собою власть монарха татарскаго и служилъ ему

съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники монгольскихъ и татарскихъ ордъ добровольно или отъ страха покорялись ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду и клялся дѣлить съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Но ханъ кераитскій, дерзнувъ обнажить мечъ на сего второго Аттилу, лишился головы; черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ Темучинова гнѣва. Въ то время, какъ многочисленное войско монгольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на своего юнаго монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю и что сей владѣтель міра долженъ впредь именоваться Чингисханомъ или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы южной Сибири и славные просвѣщеніемъ игуры или уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя магометанъ и христіанъ несторіанскихъ; любили науки, художества и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ татарскимъ. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый ханъ торжественно отрекся платить дань монарху ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку: „Китайцы издревле называютъ своихъ государей сынами неба, а ты человѣкъ — и смертный!“ Большая каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей безполезныхъ. Монархъ ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3,000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города: моголы овладѣли имъ (въ 1215 году), зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ императоровъ китайскихъ, славнаго въ исторіи

благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ моголовъ.

Еще татары-ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о туркахъ алтайскихъ, хотя они, утѣсненные съ одной стороны китайцами, а съ другой—аравитянами (въ XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время калифамъ, освободились, наконецъ, отъ ига и были основателями разныхъ государствъ могущественныхъ. Такъ, въ исходѣ XI вѣка монархъ турковъ-сельчуковъ, именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія багдадскому калифу, папѣ магометанъ. Сіе государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его владѣтелей и завоеваніями крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая турецкая династія монарховъ харазскихъ или хивинскихъ, которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе; искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить пословъ могольскихъ... Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами епископа христіанскаго, жившаго въ землѣ игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволѣніемъ хана могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ, но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей магометанской вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи

изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть и, видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: несмотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны: умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терметъ, Балхъ (гдѣ находилось 1,200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чинхисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ военачальниковъ: Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался и моголы хотѣли идти самымъ кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ царемъ персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты государства его отъ козаровъ. Но обманутые путеводителями моголы зашли въ тѣсныя ущелья и были со всѣхъ сторонъ окружены аланами — ясами, жителями Дагестана — и половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи единоплеменниками моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ аланами, которые совсѣмъ иного рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ, или дарами, оставили союзниковъ, а моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили аланъ. Скоро главный ханъ половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ, раскаялся въ своей оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но моголы умертвили его и другого князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили ясовъ, абхазинцевъ, косоговъ или черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ азовскихъ.

Многіе половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами,

скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго: сей ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи моголовъ; дарилъ князей верблюдами, конями, буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: „нынѣ они взяли нашу землю; завтра возьмутъ вашу". Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга: „кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные?" Нѣкоторые называли ихъ таурменами, другіе печенѣгами, но вообще татарами. Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ сѣверо-востока, долженствовалъ передъ концомъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ и завоевать всю землю. Храбрый князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичъ Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ старымъ и добрымъ), князь черниговскій того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичъ Волынскій,— Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій князь новогородскій, Всеволодъ Мстиславичъ. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и ханъ ихъ Батый принялъ тогда же вѣру христіанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и Варяжскаго острова: тамъ явились десять пословъ татарскихъ. „Слышимъ,— говорили они князьямъ россійскимъ, — что вы, обольщеные половцами, идете противъ насъ; но мы ничѣмъ не оскорбили россіянъ: не входили къ вамъ въ землю; не брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ единственно наказать половцевъ, своихъ рабовъ и конюховъ. Знаемъ, что они издревле враги Россіи: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите имъ нынѣ, истребите злодѣевъ и возьмите ихъ богатство". Сіе благоразумное миролюбіе показалось нашимъ князьямъ или робостію, или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить пословъ; но татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали князьямъ: „Итакъ, вы, слушаясь половцевъ, умертвили нашихъ пословъ и хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ не сдѣлали зла. Богъ единъ для

всѣхъ народовъ: Онъ насъ разсудитъ". Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ татаръ, отпустили сихъ пословъ и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичъ, Владиміръ Рюриковичъ и князья черниговскихъ удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смоленска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились волынцы и галичане, которые на 1,000 ладьяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ и стали у рѣки Хортицы. Половцы также стекались къ россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ татарскій приближается, юный князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему навстрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ къ Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что татары суть худые ратники и недостойны уваженія; а воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичъ, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими и стрѣляютъ лучше половцевъ. Молодые князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельскій, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество. Лѣтописцы говорятъ, что татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что россіяне нашли, а половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ и взявъ въ добычу множество скота, всѣ россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ *Яруну*, начальнику половцевъ, и Даніилу съ россійскою дружиною идти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними и скоро увидѣлъ многочисленное войско татаръ. Битва началась. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ и, копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ Нѣмый, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные половцы не выдержали удара моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи. Сіе излишнее славолюбіе героя, столь знаменитаго, по-

губило наше войско: россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали россіянъ, убивъ ихъ множество и въ томъ числѣ шесть князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго: также отличнаго витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ богатырей. Земля Русская, по словамъ лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслась; однихъ кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумленный, горестный, бросился въ ладью, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичъ, а Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дня бились съ россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ выкупъ за себя и за дружину. Князь согласился; воевода Бродниковъ, именемъ Плоскиня, служа тогда моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ россіянъ и, связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго и вспомнивъ убіеніе своихъ пословъ въ нашемъ станѣ, моголы изрубили россіянъ, трехъ князей задушили подъ досками и сѣли пировать на ихъ трупахъ!—Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ моголами, которые, по извѣстію татарскаго историка, умышленно заманили россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней.

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ навстрѣчу со крестами; но татары безжалостно убивали и гражданъ, и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не

могутъ быть друзьями побѣдителей и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ съ воплемъ и стенаніемъ, ожидая гибели, молился въ храмахъ— и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ востоку и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій герой, собравъ всѣхъ полководцевъ и князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра, съ любопытствомъ слушалъ донесеніе вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ царемъ тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величіе.

Россія отдохнула: грозная туча, какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. „Кого Богъ во гнѣвѣ Своемъ насылалъ на землю Русскую?—говорилъ народъ въ удивленіи:—откуда приходили сіи ужасные иноплеменники? куда ушли? извѣстно одному небу и люцямъ, искуснымъ въ книжномъ ученіи“.—Селенія, опустошенныя татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ: отцы, матери, друзья оплакивали убитыхъ; но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи, готовясь идти на моголовъ, требовали помощи отъ великаго князя Георгія. Племянникъ его, Василько Константиновичъ, шелъ къ нимъ съ дружиною ростовскою и стоялъ уже близъ Чернигова; тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря небо за спасеніе жизни и воинской чести свой. Не предвидя будущаго, владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего героя возбуждали зависть.—Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на западѣ, озаряя небо лучомъ блестящимъ. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись: густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно, готовое искусить Россію всевозможными для государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ

отложило ихъ; а россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ, чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ дворомъ своимъ, занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, князь черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду, ибо великій князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына, а великій князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: „я поилъ коней своихъ Тверцею, напою и Волховомъ". Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку и чрезъ новыхъ пословъ отвѣтствовали Георгію: „Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ братьевъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечъ, у насъ головы: умремъ за святую Софію". Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего князя было мирно и счастливо. „Вся область наша,—говоритъ лѣтописецъ новогородскій,—благословляла свой жребій, не чувствуя никакой тягости". Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей: Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душою къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовала тишина и безопасность. Напрасно усердные новогородцы доказывали ему, что князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его: Михаилъ на дворѣ Ярослава простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители—братьями и друзьями; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя князей ненавистныхъ, новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, поклониться святой Софіи: изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію и послали за Ярославомъ-Ѳеодоромъ.

Въ то время литовцы, числомъ до 7,000, ворвались въ наши предѣлы; грабили области Торопецкую, Новогородскую, Смолен-

скую, Полоцкую; убивали купцовъ и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла государству россійскому. Ярославъ, предводительствуя своею дружиною княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его Владиміромъ Псковскимъ и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2,000 литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожъ Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣверную, отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали россіяне; не обогатился въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою; нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой.—Ярославъ въ сей же годъ отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ священниковъ въ корельскую землю и, не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію христіанства. Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія; въ то время, какъ наши церковные учители проповѣдывали кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на дворѣ Ярослава. Къ чести духовенства и тогдашняго новогородскаго архіепископа Антонія—который, въ 1225 году, возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ семъ жалостномъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны церковныхъ пастырей.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцовъ, братьевъ, дѣтей и пылая справедливою злобою, финляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ посадникомъ ладожскимъ. Ихъ было около двухъ тысячъ. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ ижиряне и корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, име-

немъ Судимира: князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

Вообще Ярославъ не пользовался любовію народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ новогородскими чиновниками; но псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. „Небо свидѣтель, — говорилъ онъ, — что я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла псковитянамъ и везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя требуетъ мести“. Недовольный холодностію гражданъ, князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго и новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца. Славянскій конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ идти противъ нѣмецкихъ рыцарей, но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же, бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами $53^1/_2$ копейки, пшеницы $89^1/_2$, а пшена рубль 25 копеекъ. Ярославъ требовалъ отъ псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ орденомъ и, будучи обнадежены въ помощи рыцарей, прислали въ Новгородъ одного грека съ такимъ отвѣтомъ: „Князь Ярославъ! кланяемся тебѣ и друзьямъ-новогородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ и въ походъ нейдемъ, ибо нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ не города, а деньги; раздраживъ непріятелей, сами ушли домой, а мы за васъ терпѣли: наши сограждане положили свои головы на берегахъ Чудского озера; другіе были отведены въ плѣнъ. Теперь возстаете противъ насъ; но мы готовы ополчиться съ Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу, берите въ плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше поганыхъ“. Сіи укоризны относились вообще къ новогородцамъ; однакожъ народъ взялъ сторону псковитянъ: рѣшительно объявилъ князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ орденомъ Нѣмецкимъ и требовалъ, чтобы рать переяславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Өедора и Александра, подъ надзираніемъ двухъ вельможъ. Псковитяне торжествовали; отпустили нѣмцевъ, чудь, латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ,

сказавъ имъ: „подите къ своему князю; вы намъ не братья". Тогдашній союзъ россіянъ съ Ливонскимъ орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенія съ посломъ Гонорія III въ Ригѣ, епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали папу, что онъ, въ 1227 году, написалъ благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствіе въ объятіхъ латинской церкви и желая видѣть ихъ пословъ въ Римѣ. „Ваши заблужденія въ вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ небо и причиною всѣхъ золъ въ Россіи: бойтесь еще ужаснѣйшихъ, если не обратитесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрезъ надежныхъ пословъ, а между тѣмъ жили мирно съ христіанами ливонскими".

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствій. Отъ половины августа до самаго декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди безпрестанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого-нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ новаго владыки новогородскаго, Арсентія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). „Богъ наказываетъ насъ за коварство Арсентія, — говорили безразсудные: — онъ выпроводилъ Антонія въ Хутынскую обитель и несправедливо присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ князя". Добрый смиренный пастырь молился денно и нощно о благѣ согражданъ; но дожди не преставали и народъ, послѣ шумнаго вѣча, извлекъ архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсентій искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ тысяцкаго, стольниковъ архіерейскаго и софійскаго, хотѣли повѣсить одного старосту и кричали, что сіи люди наводятъ князя на зло. Избравъ новаго тысяцкаго, вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ княжескимъ судьямъ ѣздить по области и, наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ новогородской вольности. „Или, — говорили ему послы вѣча, — наши связи съ тобою навѣки разрываются". Еще князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Өеодоръ и Александръ, устрашенные мятежомъ новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими вельможами. „Одни виновные могутъ быть робкими бѣглецами (сказали новогородцы): не жалѣемъ нихъ. Мы не сдѣлали зла ни дѣтямъ, ни отцу, казнивъ

своихъ братьевъ. Небо отмститъ вѣроломнымъ; а мы найдемъ себѣ князя. Богъ по насъ: кого устрашимся?“ Они клялися другъ другу быть единодушными и взяли къ себѣ Михаила Черниговскаго, но послы ихъ были задержаны на дорогѣ княземъ смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

Доселѣ описавъ несчастную калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ кіевскій митрополитъ Кириллъ, родомъ грекъ, присланный константинопольскимъ патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племенника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ удѣлъ великаго княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ главу и посредника. Сей герой, долго называемый удачнымъ или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ возненавидѣлъ было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ галицкихъ и ссора съ королемъ венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе хану половецкому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены духовникомъ княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное праводушіе, милосердіе государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ венграми. Нареченный его зять, юный сынъ короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправдливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль и послалъ войско осадить Галичъ, боясь самъ идти къ оному: ибо волхвы венгерскіе, какъ говоритъ лѣтопи-

сецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода сендомирскій находился съ королемъ: самъ герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться, но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ поляковъ; а Мстиславъ разбилъ венгровъ, и король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы вельможа галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію, не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за королевича, но и возвелъ зятя на тронъ галицкій, оставивъ себѣ одно Понизье, или юго-восточную область сего княженія. Случай безпримѣрный въ нашей исторіи, чтобы князь россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновникомъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный князь изъявилъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. „Льстецы обманули меня, — говорилъ Мстиславъ боярамъ Даніиловымъ: — но если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошибку. Я соберу половцевъ, а сынъ мой, вашъ князь, свою дружину: изгоню венгровъ, отдамъ ему Галичъ, а самъ останусь въ Понизьѣ“. Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ схимникомъ, подобно отцу, заслуживъ имя Храбраго, даже великаго; впрочемъ, слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ моголовъ. Смертію его воспользовался королевичъ венгерскій, Андрей, немедленно завладѣлъ Понизьемъ, какъ удѣломъ галицкимъ: князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде княжилъ Ингварь, братъ Нѣмого); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно занялъ Луцкъ, а князь пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ, съ согласія тестя, доставилъ себѣ управу мечомъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: „плѣнимъ его не здѣсь, а въ столицѣ“. Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ удѣлъ Перемиль съ

Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей князя пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими князьями. Владиміръ Рюриковичъ вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно митрополитъ старался прекратить сію вражду. „Такія дѣла не забываются", говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, князья сѣверскіе, пинскій, туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, королевичемъ венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ ляховъ и съ воеводою сендомірскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи пословъ новогородскихъ въ Смоленскѣ; видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними князьями. Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ, то-есть не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился княжескій дворецъ и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ новогородцамъ избрать иного святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять епархіею. Одни хотѣли имѣть владыкою епископа волынскаго, Іоасафа; другіе—монаха и діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые—грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на алтарь св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ діаконъ сдѣлался главою новогородскаго духовенства и попечителемъ республики: ибо архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына Ростислава и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для

совѣта или въ залогъ народной вѣрности. „Дай Богъ,—сказалъ онъ гражданамъ,—чтобы вы съ честію возвратили мнѣ сына и чтобы я могъ быть для васъ посредникомъ истины и правосудія". Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ и задержалъ у себя пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить новогородцевъ. Сей князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались, наконецъ, въ Суздалѣ, гдѣ великій князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцомъ и государемъ.

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей Россіи, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій, бояре и митрополитъ праздновали въ лаврѣ память св. Ѳеодосія; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основаніи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затменіе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кіевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленіями, пріѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ торжественныхъ постригъ надъ юнымъ Ростиславомъ и возвратился въ Черниговъ. Посадникомъ новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной вольности, а послѣ смиреннаго инока Аркадьевской обители, произвела междоусобіе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на вѣчахъ: то посадникъ, то непріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ, наконецъ, одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. „Небо, — говоритъ лѣтописецъ,—оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ ангелы съ печалію закрываютъ лица свои крылами, наказало мое

отечество“. Жестокій морозъ 14 сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли 65 копеекъ. Хотя жители славились богатствомъ, но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался, по крайней мѣрѣ, уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скораго погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы и въ короткое время схоронилъ ихъ 3,030. Съ нетерпѣніемъ ожидали князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, епископъ черниговскій, и посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ великому князю Георгію, моля его, для общей пользы государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ черниговскаго князя вѣроломствомъ. „Коварныя его внушенія,— говорилъ онъ,—возбудили противъ меня новогородцевъ“. Однакожъ митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и послы возвратилися съ мирною грамотою.

Узнавъ о томъ, новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ иного князя. Народъ избралъ новаго посадника и тысяцкаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а новогордцы призвали Ярослава, который далъ имъ на вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θеодора и Александра.

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ, но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избы-

тотныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. „Не было жалости въ людяхъ, — говоритъ лѣтописецъ: — казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣбъ!“ Кто могъ бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячъ людей.

Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. „Новгородъ уже кончался“, по словамъ лѣтописи. Но великодушная дружба иноземныхъ купцовъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи новогородцевъ, нѣмцы изъ-за моря спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ и, думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу.

Михаилъ Черниговскій, несмотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ великій князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской губеріи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ. Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ согражданъ, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того князь трубчевскій Святославъ, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они, дѣйствительно, были приняты какъ братья. Тамъ находился сановникъ Ярославовъ: они заключили его въ цѣпи и, пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожъ недолго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцовъ, ни товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ — платя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — псковитяне сми-

рились. Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ намѣстники сына, юнаго князя Ѳеодора, а далъ шурина своего, Георгія, котораго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ новогородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго князя псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу, и съ помощію ливонскихъ рыцарей взяли Изборскъ, но псковитяне схватили ихъ всѣхъ и выдали князю новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичъ: подобно отцу то врагъ, то союзникъ нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ и, хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами новогородскими, былъ въ мѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ супруга его, жившая въ Оденпе, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго пасынка и, погребенная въ монастырѣ псковскомъ св. Іоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для новогородцевъ; но, пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Ѳеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; князья и вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ. Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечъ для защиты новогородцевъ и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Ливонскіе рыцари, приставъ къ россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденпе одного чиновника новогородскаго, дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ, выгодныхъ для россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ княженіи; загналъ въ густыя лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію ливонскихъ рыцарей; самъ великій магистръ, старецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ вмѣстѣ со многими витязями нѣмецкими и псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ.

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ княженіяхъ россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову. Предводительствуя полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году) и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски-убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ. Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, несмотря на усильные приступы, въ коихъ россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы ляхи: но граждане хотѣли мира. Здѣсь лѣтописецъ разсказываетъ случай, довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ, въ простой одеждѣ и закрывъ шлемомъ лицо свое, сталъ за нимъ. Городскіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить посла. „Въ насъ течетъ одна кровь“,—сказали они: — нынѣ служимъ брату Конрадову, а завтра будемъ служить самому Конраду. Можетъ ли онъ мстить намъ, какъ измѣнникамъ или врагамъ и видѣть спокойно ляховъ невольниками россіянъ? Какая будетъ ему честь, если возьметъ сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Даніилъ, присвоитъ ее себѣ одному“. Пакославъ отвѣтствовалъ: „Мой и вашъ государь расположенъ къ милости; но князь россійскій не хочетъ о томъ слышать. Говорите съ нимъ сами: вотъ онъ!“ Даніилъ снялъ шлемъ и, видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что россіяне, участвуя въ польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ съ условіемъ, чтобы и ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю польскую, какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую область, плѣнилъ королевича Андрея и, помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Вен-

грію, вмѣстѣ съ бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго боярина, восклицая: „удались, злодѣй, навѣки!“ Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести, и король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для венгровъ. Хляби небесныя, по словамъ лѣтописи, отверзлись на нихъ въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ, наконецъ, Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника, слыша, что ляхи и половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ, приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ удалиться, гонимый судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ что въ Галицкой землѣ осталась пословица: Днѣстръ сыгралъ злую игру униграмъ. Множество ихъ пало отъ меча россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзни.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечъ: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго воеводы. Они приступили ко Владиміру, гдѣ начальствовалъ бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны, блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, король, по словамъ лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра, но бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ и, безъ воли княжеской заключивъ миръ съ королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны вельможи галицкіе, нечувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество венгровъ,

которые заняли Галичъ, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный отцомъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, несмотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только впослѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ князей россійскихъ. Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ венгровъ, взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ, внезапная смерть королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичъ Даніилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія и, схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ, смиривъ хищныхъ ятвяговъ и литовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: „за благодѣянія вашего отца“. Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ черниговскихъ и, заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила идти къ нимъ навстрѣчу. Когда жъ они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. „Нѣтъ! — сказалъ Даніилъ:—ты заставилъ меня противъ воли съ дружиною утомленною искать враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть“. Хотя Даніилъ долго сражался какъ герой, однакожъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а половцы, усиленные черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ. Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй спѣшилъ вступить въ область Галицкую и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, короля венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичъ, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія, велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ герцогомъ польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича; хотя иногда одолѣвалъ непріятелей и плѣнилъ такъ называемыхъ князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой удѣлъ на Бугѣ, недалеко отъ Бреста); однакожъ не могъ изгнать Михаила и, наконецъ, согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ и плѣнилъ нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить герцога австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго императоромъ Фредерикомъ, но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ короля Белы не мѣшаться въ дѣла имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ князей россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичъ Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ особенностяхъ ума и въ душевной твердости, которая вскорѣ обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на великой княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но вслѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ великимъ княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ россійской; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось

внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на мордву жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ, но и тамъ рѣдко спасались отъ россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ отроки или молодые воины ростовской и переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности. Князь мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему-Новгороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска; другіе князья мордовскіе были ратниками или присяжными данниками Георгія, и многіе россіяне селились въ ихъ землѣ, несмотря на то, что болгары и половцы тревожили оную.— Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ трупы, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ, миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ великій князь, супруга его, дѣти, епископъ, духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери.

Послѣ несчастной Калкской битвы россіяне лѣтъ шесть не слыхали о татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь славною для исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества— въ 1227 году, объявилъ наслѣдникомъ своимъ Окшая или Угодая, старшаго сына и, предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ: важное правило, коему слѣдовали римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей китайскихъ и разрушивъ имперію ніучей, Окшай жилъ въ глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ китайскими художниками; но, пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца—коего прахъ, недалеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева—новый ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Уже въ 1229 году какіе-то саксины—вѣроятно, единоплеменные съ киргизами — половцы и стража болгарская, отъ береговъ

лика, гонимые татарами или моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей. Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, недалеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію болгарскую столицу и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ князьямъ какую-то жену чародѣйку и двухъ чиновниковъ.

Владѣтели рязанскіе—Юрій, братъ Ингоровъ, Олегъ и Романъ Ингоровичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. „Если желаете мира, — говорили послы, — то десятая часть всего вашего достоянія да будетъ наша“. Князья отвѣтствовали великодушно: „Когда изъ насъ никого въ живыхъ не останется, тогда все возьмете“, и велѣли посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а князья рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и вѣру, просили отъ него помощи. Но великій князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ татарами и, съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства: „Юрій Рязанскій, оставленный великимъ княземъ, послалъ сына своего, Ѳеодора, съ дарами къ Батыю, который, узнавъ о красотѣ жены Ѳеодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный князь отвѣтствовалъ ему, что христіане не показываютъ женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умертвить его, а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о погибели любимаго супруга, вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ Іоанномъ бросилась изъ высокаго терема на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось заразомъ или убоемъ. Отецъ Ѳеодоровъ, Юрій, имѣя войско малочисленное, отважился на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ витязи рязанскіе, вмѣстѣ съ князьями пронскимъ, коломенскимъ, муромскимъ. Только одного князя, Олега Ингваровича Краснаго, привели живого къ Батыю, который, будучи удивленъ его красотою, предлагалъ ему свою дружбу и вѣру: Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и другую: исходилъ кровію отъ многихъ ранъ и не боялся угрозъ, ибо не страшился смерти“.—Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ

сей князь затворился; татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія и, приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, декабря 21-го, по утру, изготовивъ лѣстницы, татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его, бояре, народъ были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или, связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли іереевъ или кровію ихъ обагряли алтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать. На семъ ужасномъ театрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу.—„Одинъ изъ князей рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1,700 воиновъ устремился вслѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные татары думали, что мертвецы рязанскіе возстали и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? Слуги рязанскаго полку Евпатіева, отвѣтствовали сіи люди: намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ государя знаменитаго и какъ россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ стрѣлами и копьями. Горсть великодушныхъ не могли одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; немногіе отдались въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые князья, воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель оте-

чества. Ингорь, собравъ іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло князя Юрія и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Ѳеодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты. на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго.

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый воевода его, Еремей Глѣбовичъ, князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей татарскихъ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владіміра, второго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго воеводу, Филиппа няньку, и всѣхъ жителей. Великій князь содрогнулся: увидѣлъ, сколько опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно добраго, умнаго Ярослава.

2-го февраля татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и воевода, Петръ Ослядюковичъ, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Златымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ великій князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели тоже, но кричали нашимъ: не стрѣляйте! и россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. „Узнаете ли вашего князя?“ говорили татары. Владиміра, дѣйствительно, трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ. Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожъ не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. „Умремъ, — говорили они дружинѣ, — но умремъ съ честію и въ полѣ“. Опытный воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу.

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, татары, по своему

обыкновенію, истребили жителей, но кромѣ молодыхъ иноковъ, инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ. Февраля 6-го владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но, стоя на прагѣ смерти, еще молили небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7-го, въ воскресенье мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязьмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда епископъ, сказавъ громогласно: „Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ“, благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо татары отбили, наконецъ, двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе—къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія—Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ, то-есть опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы и,

будучи усерднымъ христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ воеводство дружины боярину Ярославу Махалковичу и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовой отрядъ его, составленный изъ 3,000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ, обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. „Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!“ говорили ему татары.—„Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями“,—отвѣтствовалъ Василько:—„о темное царство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній“. Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости; великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба.—Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу.—Между тѣмъ Ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера и желая видѣть мѣсто несчастной для россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные останки знаменитаго князя и положилъ въ ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго священника; вдовствующая княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ боярами. „Кто служилъ ему“, говорятъ они:—„кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою иного князя“. Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову великаго князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду и, взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно,

въ надеждѣ, что новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякій думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребили никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли, наконецъ, Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться. Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во 100 верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ—испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края—къ радостному изумленію тамошнихъ жителей—обратился назадъ къ Козельску (въ губерніи Калужской). Сей городъ, весьма не знаменитый, имѣлъ тогда особеннаго князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени князей черниговскихъ. Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. „Нашъ князь младенецъ,— говорили они: — но мы, какъ вѣрные россіяне, должны за него умереть, чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую славу, а за гробомъ принять вѣнецъ безсмертія“. Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія татарскія и, положивъ 4,000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ и назвалъ Козельскъ Злымъ городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ. Юный князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ утонулъ въ крови.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ—въ надеждѣ, что буря миновалась—спѣшилъ изъ Кіева въ Владиміръ принять достоинство великаго князя.

КОНЕЦЪ III ТОМА.

